

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ АРХИ

РУССКАЯ БЕСЕД

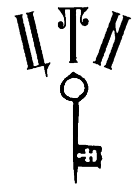

ИСТОРИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО ЖУРНАЛА

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ АРХИВ
РУССКАЯ БЕСЕДА
ИСТОРИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО ЖУРНАЛА

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

Музей-заповедник «Абрамцево»

Славянофильский архив
Книга первая

«РУССКАЯ БЕСЕДА»:
ИСТОРИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО ЖУРНАЛА

ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ.
ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ

Под редакцией Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Санкт-Петербург
2011

УДК 002.5(09)(470-20-89)Русская беседа
ББК Ч612.3-52
Р89

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор В. Я. Гречнев,
кандидат филологических наук Ю. М. Прозоров

Р89 «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2011. — 568 с., ил. (Славянофильский архив; Кн. I).

Научный сборник посвящен уникальному изданию, выходившему в Москве в 1856—1860 гг., — журналу «Русская беседа», собравшему вокруг себя самых ярких представителей славянофильского направления: А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, А. И. Кошелева, Н. П. Гилярова-Платонова, В. А. Черкасского и других. Первую часть книги составили статьи об истории журнала, его издателе, редакторах и основных авторах. В раздел «Материалы» вошли не переиздававшиеся, за редким исключением, редакционные статьи, а также ряд публикаций архивных документов. Один из подразделов связан с историей перевода наиболее важных статей «Русской беседы» на немецкий язык Фр. фон Боденштедтом. Завершают книгу полная роспись содержания журнала, где впервые установлено авторство ряда опубликованных в «Русской беседе» текстов, аннотированный указатель «Авторы „Русской беседы"» и указатель имен.

Издание осуществлено при финансовой поддержке грантов
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 10-04-16071д)
и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Раздел «Материалы» подготовлен при финансовой поддержке
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

ISBN 978-5-91476-017-2

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Научный сборник «„Русская беседа“: История славянофильского журнала» посвящен уникальному изданию, выходившему в Москве в 1856—1860 годах, — журналу, собравшему вокруг себя самых ярких представителей славянофильского направления — А. С. Хомякова, отца и сыновей Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, А. И. Кошелева, Н. П. Гилярова-Платонова и кн. В. А. Черкасского.

«Русская беседа» издавалась недолго, но прочно вошла в историю русской литературы и общественной мысли, прежде всего, как славянофильский орган, возникший в период наиболее пышного цветения «старого» славянофильства (цветения перед концом: когда началось новое десятилетие, в живых не было уже четверых из названных выше участников издания). «Русская беседа» известна, кроме того, как один из лучших литературных журналов середины XIX столетия; наконец, как научный источник, например, для фольклористики или славяноведения. Славистам этот журнал знаком очень хорошо: ведь именно здесь впервые в истории русской периодики так широко печатались поэты, писатели, публицисты — южные и западные славяне.

Мысль о книге, которая дала бы пусть не полное (это невозможно), но *цельное* представление о «Русской беседе» и о том, что происходило внутри и вокруг этого замечательного издания, зародилась на конференции, посвященной 150-летию журнала. Эту конференцию в октябре 2006 года проводил музей-заповедник «Абрамцево» (владельцы усадьбы — Аксаковы — сыграли в судьбе «Русской беседы» особую роль). Проходило ученое собрание, тем не менее, не в самой аксаковской усадьбе, а в другом, не менее знаменитом «литературном гнезде» — Ясной Поляне. Этому обстоятельству можно найти историческое объяснение — Л. Н. Толстой хоть и не вошел в круг авторов «Русской беседы» (здесь постоянно печатался другой граф Толстой — Алексей Константинович), но был заинтересованным читателем журнала, и данной теме на конференции был посвящен особый доклад. Устроителям и участникам конференции стало ясно, что нужно заняться не подготовкой сборника ее материалов, даже не сборника статей, выросших из докладов, но поставить

перед собой более интересную и научно-актуальную задачу. О ней уже сказано выше. А для реализации этой задачи понадобились новое обращение к архивным источникам, которое позволило выявить не введенные до этого в научный оборот материалы, создание современного справочного аппарата и строгая выверенность круга тем.

Так сформировалось настоящее издание, соединившее жанровые признаки коллективной монографии, академических сборников с подзаголовком «материалы и исследования» и полного библиографического описания. Обычно периодике посвящались именно библиографические справочники, конечно, сопровождаемые вступительными статьями.

Первая часть книги — это статьи об истории журнала, охватывающие все периоды его существования (от возникновения замысла до последних книжек), об издателе А. И. Кошелеве, редакторах Т. И. Филиппове и И. С. Аксакове, о цензоре и одновременно авторе «Русской беседы» Н. П. Гилярове-Платонове и, конечно, об основных авторах и идеологах журнала — Хомякове, Аксаковых, А. Ф. Гильфердинге и других.

В раздел «Материалы» вошли никогда, за единичными исключениями, не переиздававшиеся редакционные статьи «Русской беседы», а также ряд публикаций архивных документов (письма И. и К. Аксаковых, неизвестные отзывы о «Русской беседе» из писем М. И. Семевского к Г. Е. Благосветлову, носивших дневниковый характер). Один из подразделов («„Русская беседа“ в Германии») связан с историей перевода наиболее важных статей славянофильского журнала на немецкий язык Фр. фон Боденштедтом (его предисловие к сборнику «Russische Fragmente» впервые публикуется в русском переводе).

Завершает книгу полная постатейная роспись журнала (далее в отсылках к ней: *ПР*), где, в частности, впервые установлено авторство многих произведений, опубликованных в «Русской беседе» без подписи или под псевдонимами. Роспись статей сопровождается аннотированным указателем «Авторы „Русской беседы“». Помимо этого подробнейшего указателя, имеющего самостоятельную научную ценность, в книге есть и обычный указатель имен.

Список принятых в нашем издании сокращений читатель найдет на с. 549. Отметим, что сокращенные отсылки на собрания сочинений, наиболее часто цитируемые монографии и отдельные издания применяются во всех разделах.

Авторский коллектив надеется, что концепция этого издания обретет последователей. Ведь подобного комплексного изучения заслуживают и другие славянофильские (и не только) журналы и газеты.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Ф. Пирожкова

А. И. КОШЕЛЁВ — «ГЛАВНЫЙ РАСПОРЯДИТЕЛЬ» ЖУРНАЛА «РУССКАЯ БЕСЕДА»

Хотя моих статей было немного,
но моей деятельности было много.
А. И. Кошелев

История любого периодического издания начинается с замысла о нем. Идея издания журнала «Русская беседа» принадлежала лидеру славянофильского кружка А. С. Хомякову: 7 апреля 1855 г. находившийся в Москве И. С. Аксаков сообщал родным в Абрамцево о разговоре с Хомяковым, который говорил «о необходимости деятельности литературной и издания журнала и т. п. Хотя я и полагаю, что теперь еще не время думать о журнале, но Хомяков предлагает Константину приехать потолковать о сем предмете».[1]

Ивану Аксакову мысль о журнале показалась преждевременной, но Хомяков считал, что после смерти Николая I и восшествия на престол нового царя общественная, нравственная атмосфера русского общества должна оздоровиться, следует ожидать оживления журнально-издательской деятельности. Важно было не упустить момент — славянофилам необходимо «завоевать Россию, овладеть обществом». «Если мы теперь не выступим с силою, наш нравственный авторитет (хоть и небольшой, но все-таки уже приобретенный) пропадет вмиг».[2]

Замечательно, что мысль об издании журнала пришла на ум человеку, который называл себя нежурнальным, неоднократно заявлял, что журнальная деятельность его «никогда не веселила», что беседы с «бестолковою» публикою ему совершенно не по вкусу.

Однако еще в 1840-е гг. осознав необходимость пробуждения этой публики от «умственной апатии»,[3] Хомяков принял деятельное участие

---

[1] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 342.

[2] Письмо К. С. Аксакову 1855 г. // *Хомяков.* Т. VIII. С. 336.

[3] Письмо Ю. Ф. Самарину ⟨от начала 1845 г.⟩ // Там же. С. 241.

во всех славянофильских сборниках (в «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» 1845 года Д. А. Валуева, в «Московских сборниках» 1846 и 1847 годов В. А. Панова, в «Московском сборнике» 1852 года Кошелева) и в журнале «Москвитянин» 1845 г., выходившем под редакцией И. В. Киреевского.

В марте 1853 г., еще не зная, что продолжение «Московского сборника» запрещено властями, Хомяков внушал А. Н. Попову: «Надобно пробудить сочувствие к нашим началам или доказать их превосходство, их бо́льшую строгость логическую, их бо́льшую человечность, и большее согласие с требованиями души человеческой, и тогда будет поле наше».[4] Поэтому после февраля 1855 г., когда появились надежды на изменения к лучшему, Хомяков первым из славянофилов заявил о необходимости высказывания своих убеждений в журнале и создании сочувствующей им читательской среды.

Идея Хомякова была поддержана Кошелевым и Ю. Ф. Самариным — так образовался «тройственный союз».[5] Плодотворный журнальный замысел Хомякова не был бы никогда реализован, если бы за дело не взялся его близкий друг Кошелев, чьи неутомимые хлопоты по созданию журнала длились ровно год, а редактирование — с 1856 по 1860 гг. Кошелев был редактором самого долговременного из всех славянофильских изданий. Подводя итоги его печатания, И. Аксаков написал: «Честь и слава Кошелеву, основавшему „Р⟨усскую⟩ беседу“: только благодаря его настойчивости и энергии могла она возникнуть, только благодаря его огромным материальным пожертвованиям могла она существовать».[6]

Лишь близкие друзья знали, что издание журнала еще с юных лет было страстной мечтой Кошелева. Он сотрудничал в «Московском вестнике», субсидировал выпуск «Московского наблюдателя», дав тысячу рублей серебром, «Московский сборник» 1852 г. издал целиком на собственные средства.

Когда в августе 1855 г. славянофилы приняли решение ходатайствовать о разрешении собственного журнала (а не брать погодинский «Москвитянин»), Самарин откровенно написал Ф. В. Чижову: «Мы реши-

---

[4] Письмо от 19 марта ⟨1853 г.⟩ // Там же. С. 205–206.

[5] Письмо А. С. Хомякова С. Т. Аксакову от 17 октября ⟨1855 г.⟩ // *Хомяковский сборник*. С. 163.

[6] Письмо В. А. Черкасскому от 26 ноября 1859 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 168. Л. 3–3 об.

лись попытаться 〈...〉. Чувствую, что можно многое и многое сказать против 〈...〉 нашего предприятия, но 〈...〉 мы решились».[7]

Какие же аргументы, не названные Самариным в письме, можно было привести против издания журнала? По-настоящему опыта издания журнала у славянофилов не было: они предпочитали выпускать сборники; что касается трехмесячного редактирования И. Киреевским журнала «Москвитянин» в 1845 г., его вряд ли можно назвать удачным — свои «задушевные убеждения» за столь короткий срок славянофилам высказать не удалось, и даже печатание «Обозрения современного состояния литературы», принадлежащее перу Киреевского, прервалось с прекращением его редакторства.

Надо принять во внимание, что сотрудников было мало — из-за немногочисленности славянофильского кружка: когда императрица Александра Федоровна заинтересовалась славянофилами, Д. Н. Блудов ответил ей, что «все они могли бы поместиться на одном этом диване».[8]

Кроме того, «мы немножко вяленьки», как самокритично заметил глава кружка,[9] а журнальное дело — дело тяжелое, требующее погружения в него целиком, с головой. Забавно, что М. П. Погодин, издатель «Москвитянина» в 1841—1856 гг., бесконечно передоверявший его редактирование другим лицам, так что журнал шагал «нога за ногу, ковыляя и падая»,[10] тем не менее считал себя корифеем журналистики и с высоты своего положения поучал славянофилов, в частности, Кошелева: «Ну кто же умеет дело делать лучше, вы или я? Мне вас слушать или вам меня?»[11]

Хомяков считал, что дело с журналом — «поздно затеянное».[12] Самым лучшим временем для издания журнала, пропущенным славянофилами, была первая половина 1840-х гг., время формирования течения, когда его идеями следовало заинтересовать русское общество, когда были живы энергичные молодые деятели славянофильского кружка (Валуев, Панов), а Чижов еще не был арестован III отделением и отстранен от литературного труда.

Однако главная трудность издания журнала заключалась в том, что славянофилы после выпуска «Московского сборника» 1852 г., сочтенно-

---

[7] Письмо от 15 августа 1855 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 51. № 15. Л. 6 об.
[8] *П. Б.* 〈*Бартенев П. И.*〉. 〈Примеч.〉 // *Хомяков*. Т. VIII. С. 184.
[9] Письмо А. Н. Попову 〈от второй половины 1855 г.〉 // Там же. С. 217.
[10] Письмо Н. М. Языкова Н. В. Гоголю от июня 1845 г. // *РСт*. 1896. Дек. С. 638.
[11] Письмо от 9—10 апреля 1856 г. // *Барсуков*. Кн. XIV. С. 374.
[12] Письмо С. Т. Аксакову от 17 октября 〈1855 г.〉 // *Хомяковский сборник*. С. 163.

го властями «злонамеренным», попали в «категорию des suspects»[13] (подозреваемых людей. — *франц.*): с 1853 г. Хомяков, И. Киреевский, братья Аксаковы и Черкасский свои сочинения должны были подавать не в обычную цензуру, а в Главное управление по делам цензуры в Петербурге, то есть по сути им запрещалось писать. За домами Хомякова, Кошелева, Аксаковых по приказу московского генерал-губернатора А. А. Закревского установили наблюдение, списки посетителей лежали на столе начальства, письма славянофилов вскрывались на почте. Когда в 1853 г. арестовали писателя Н. Ф. Павлова (по доносу его домашних), велено было искать прежде всего письма Хомякова. «Можно ли себе представить что-нибудь смешнее этого? — спрашивал Хомяков А. Ф. Гильфердинга. — А это факт».[14]

Хомякову это казалось пределом абсурда, он еще не знал, что последует в 1854 г. вслед за распространением в списках его стихотворения «России»: Закревский разрешит ему писать, но не разрешит показывать и читать написанное знакомым — более нелепого и смехотворного приказа в отношении литератора в XIX в., кажется, не было.

В последние годы николаевского царствования славянофилам закрыли все пути: они не имели возможности печататься, не имели кафедры ни в одном университете, «устное воспитание общества», салонное, тоже стало невозможно из-за последовавшего в 1849 г. запрета славянофилам появляться в общественных местах в русской одежде.

Просвещение скручено, печать скручена, общественное мнение не имеет возможности высказаться. В 1854 г., в разгар Крымской войны, Хомяков в письме Гильфердингу сделал важное признание: «Все здесь сходят с ума на политике; но мне это нестрашно потому, что я ею не позволяю себе заниматься. ⟨...⟩ Где нельзя действовать, лучше и не думать. Значило бы что-нибудь общественное мнение, другое бы дело; а то все толки вздор, и чем дельнее, тем вздорнее, потому что больше мутят».[15]

Зная об этих фактах, любой непредубежденный читатель книги В. В. Кожинова о Ф. И. Тютчеве сочтет странным осудительный тон исследователя в отношении Кошелева, который в своих «Записках» сообщил, что славянофилы не унывали, будучи «убеждены, что даже поражения России (в Крымской войне. — *Т. П.*) сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее вре-

[13] Письмо Хомякова А. Ф. Гильфердингу ⟨1853 г.⟩ // *Хомяков*. Т. VIII. С. 308.
[14] Там же.
[15] Там же. С. 308.

мя», и приступили к переговорам об издании журнала, что «всегда составляло» их «любимую, самую пламенную мечту».[16]

По уверениям исследователя, эта радость славянофилов по поводу журнала в год севастопольской страды показалась бы Тютчеву «совершенно ребяческой».[17] Характеризуя биографический очерк И. Аксакова о Тютчеве, Кожинов вновь возвратился к мысли о славянофильской журналистике: «...Аксаков считал, скажем, издание славянофильских газет и журналов неизмеримо более важным делом, чем эти тютчевские „беседы"»[18] (в светском обществе. — *Т. П.*). Вызывает удивление снисходительное отношение к журнальному делу — делу очень серьезному, ответственному, а по мнению Н. Ф. Павлова, «великому». Журнал — это мощнейший рычаг воздействия на общественное мнение, «необходимый проводник между ученостью немногих и общею образованностью», как считал И. Киреевский,[19] и никакого «ребячества», детскости в нем усмотреть невозможно.

А то, что намерение возникло в нелегкий год войны, славянофилов отнюдь не роняет. Лучшим возражением исследователю являются слова Хомякова, сказанные княгине Черкасской, которой показалось, что Алексей Степанович как-то неуместно весел в трудные дни осады Севастополя: «Я плакал про себя тридцать лет, пока вокруг меня все смеялось; поймите же, что мне позволительно радоваться при виде всеобщих слез к спасению».[20]

После известия о смерти тирана в Зимнем дворце славянофилы собрались в доме Кошелева на углу Поварской и Трубниковского переулка, пили шампанское за здоровье Александра II и за то, чтобы освобождение крестьян свершилось в годы его правления.

Естественно, что не только у славянофилов появились надежды на возрождение журналистики в новое время. По свидетельству Н. В. Шел-

[16] *Кошелев. Записки.* С. 58, 60.

[17] *Кожинов В.* Пророк в своем отечестве: Федор Тютчев. М., 2001. С. 268 (История России — век XIX).

[18] Там же. С. 386.

[19] Письмо П. А. Вяземскому от 6 (18) декабря 1855 г. // *Киреевский И. В.* Избранные статьи. М., 1984. С. 334.

[20] *Самарин Ю. Ф.* Предисловие к богословским сочинениям А. С. Хомякова // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1887. Т. VI: Иезуиты и статьи философско-богословского содержания. С. 344.

гунова, «одними объявлениями об изданиях можно было бы оклеить башню московского Ивана Великого».[21]

Н. А. Некрасов, издатель «Современника», в своих «Заметках о журналах ⟨за⟩ февраль 1856 года» писал о продолжающемся оживлении русской литературы, о соревновании лучших современных талантов, которые дарят публике прекрасные произведения. «Весело — не правда ли? — быть читателем в такое время... и даже — поверите ли? — не совсем печально быть журналистом».[22]

В. А. Кошелев считает, что к изданию «Русской беседы» Хомякова побудило вышедшее 15 ноября 1855 г. объявление о подписке на «Русский вестник»: «Тут Хомяков понял, что ежели немедля не организовать собственно славянофильский орган, то от славянофилов скоро вообще ничего не останется...»[23]

В действительности к 15 ноября славянофилы уже получили неутешительный ответ на свое ходатайство о журнале; Хомяков раньше всех, раньше западников понял, что нужно издавать журнал, если в начале апреля просил К. Аксакова приехать для переговоров. В ноябре Кошелев в хлопотах о журнале пошел уже по второму кругу, хотя Хомяков считал унизительной повторную просьбу.[24]

Как только Хомякову пришла мысль о журнале, он сразу направил министру народного просвещения А. С. Норову письмо о снятии с него запрещения, писал о том же Блудовым, но не получил от них «ни слова».[25]

Однако Кошелев рьяно взялся за дело: уже в мае 1855 г. просил И. Аксакова написать программу журнала, но вступивший в московское ополчение и занятый снаряжением серпуховской дружины, Аксаков отказался. Пришлось программу писать Кошелеву,[26] в августе она была приготовлена.

В мае же Кошелев начал переговоры о покупке «Москвитянина»: мало надеясь, что после запрещения «Московского сборника» 1852 г. славянофилам разрешат собственный журнал, они решились купить «Москви-

---

[21] *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 92.

[22] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1990. Т. 11, кн. 2. С. 233.

[23] *Кошелев В.* Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 418.

[24] Письмо А. И. Кошелеву ⟨от осени 1855 г.⟩ // *Хомяков.* Т. VIII. С. 140.

[25] Письмо А. Н. Попову ⟨от лета 1855 г.⟩ // Там же. С. 215–216.

[26] При участии Т. И. Филиппова. — *Ред.*

тянин» у его издателя. «Рад бы», — это первоначальная реакция Погодина в его дневнике 6 мая 1855 г.[27] Но уже через шесть дней, 12 мая, в дневнике появляется раздраженная запись о Кошелеве: «Толкует все не так, как следует».[28]

В июле-августе переговоры продолжал (по поручению Кошелева, уехавшего в деревню) Самарин, твердо заявивший издателю, что более двух тысяч рублей серебром славянофилы за журнал, имевший около сотни подписчиков, не дадут. «Кажется, все ужасные скряги», — посчитал Погодин (запись в дневнике от 13 августа 1855 г.).[29]

Очень энергично возражали против покупки старого журнала с незавидной репутацией, растерявшего подписчиков, И. Киреевский и Чижов, предупреждали о трудности взаимоотношений с Погодиным, который будет подавлять самостоятельность славянофилов, о прижимистости его характера (Киреевский это хорошо узнал еще в 1845 г.).

Отношение Киреевского к «Москвитянину» превосходно выражено в его письме П. А. Вяземскому от 6 (18) декабря 1855 г.: если погодинский журнал и выходил в тяжелые годы николаевского царствования, то только по причине своей ничтожности, из-за «совершенного отсутствия всякого ясного направления», позволявшего «лавировать перед неприятельскими пушками, которые не стреляли в его потому, что считали пустым местом».[30]

Переговоры с Погодиным не привели к положительному результату, хотя к 12 августа и Хомяков, и Кошелев, и Самарин специально встретились в Москве, чтобы завершить диалог. «Мы желали взять, Погодин сильно желал сдать, а дело не состоялось, — удивлялся Кошелев. — Странно! Видно, чему не бывать, того и крюком не проткнешь».[31]

В августе на специальном совещании славянофилы пришли к решению о выпуске собственного журнала, редакторами которого назначили Кошелева и Т. И. Филиппова. От их имени и была направлена просьба в Московский цензурный комитет. Кошелев рассчитывал на общую «оттепель» по цензурной части и на личные связи: председатель Московского цензурного комитета и попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов к нему относился благосклонно, еще лучше — к Филип-

---

[27] *Барсуков*. Кн. XIV. С. 244.

[28] Там же. С. 245.

[29] Там же.

[30] *Киреевский И. В.* Избранные статьи. С. 334.

[31] Письмо И. С. Аксакову от 22 августа 1855 г. // *ГМ*. 1918. № 1/2, янв./февр. С. 245–246.

пову, который как преподаватель 1-й Московской гимназии и бывший член «молодой редакции» журнала «Москвитянин» был ему хорошо известен. Назимов поддержал начинание, и с его письмом, а также с письмом Кошелева министру Норову (от 5 сентября) Филиппов отправился в Петербург.

Еще 22 августа 1855 г. Хомяков, И. Киреевский и К. Аксаков написали просьбы к министру о снятии с них запрета на печатание.

Министра Филиппов в столице не застал, но товарищ министра П. А. Вяземский, назначенный на эту должность 31 августа, сначала пообещал просьбу удовлетворить, но затем, поразмыслив о том, что и прежде славянофилы не внушали доверия правительству, заявил, что славянофильский журнал разрешить нельзя — по одной причине: «...Имя Кошелева доказывает, что в нем будут участвовать Хомяков, Аксаков, Киреевский и пр. и пр. Они все под запрещением; а ваш журнал будет продолжением „Москов⟨ского⟩ сборника“».[32]

Положение складывалось странное: и прямо не отказано, и в то же время не разрешено, одним словом, «просьба наша положена под красное сукно», как полагал Кошелев.[33]

Дело обстояло не совсем так. Вернувшийся в Петербург министр прочитал письмо Кошелева и написал ответ... не ему, а Назимову — о нежелательности славянофильского журнала. Это было как ушат воды, вылитый на Кошелева: он так рассчитывал на Норова, приходившегося ему внучатым (троюродным) братом, с которым он находился к тому же в коротких дружеских отношениях.

Но для Норова дружба дружбой, а служба службой. Ситуация почти гоголевская, когда Земляника, радея «о пользе отечества», топит Ляпкина-Тяпкина, хотя тот ему «родня и приятель»... Норов радел и о собственной пользе: только за год до описываемых событий, в 1854 г., он стал министром народного просвещения и членом Государственного совета и рисковать своей карьерой ради неосторожных славянофилов не собирался. «Я вас шибко боялся», — признался он впоследствии.[34]

Когда Норова только назначили на эту должность, Вяземский в «Старой записной книжке» от 31 декабря 1854 г. сделал запись о том, что любит и уважает его, но поскольку к людям блестящих способностей он не принадлежал, то уже «одно назначение его министром просвещения

---

[32] Письмо Кошелева В. А. Черкасскому от 16 ноября 1855 г. // РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 8.

[33] Там же.

[34] *Кошелев. Записки*. С. 63.

может служить ключом ко всем неудачам нашим в нынешнюю войну. У нас везде Норовы и в гражданском и в военном управлении, с тою только разницею, что Норов честный человек и добросовестный, а многие другие Норовы и нечестные и недобросовестные».[35]

Если с Норовым все было ясно, то общая неопределенность с журналом была невыносимой для Кошелева. К тому же еще в августе в Москве распространились слухи о намерении западников издавать журнал (официальное разрешение выпускать «Русский вестник» выйдет 31 октября 1855 г.).

Уже 15 ноября, а затем 3 декабря «Московские ведомости» объявили об издании «Русского вестника» и назвали имена писателей, которые будут содействовать журналу своими трудами, среди них имена троих Аксаковых, а также славянофилов Попова и Чижова. Имена славянофилов в журнале западников!

Хомяков, как помним, рассчитывал на помощь К. Аксакова в деле издания журнала, но последний не принимал участия ни в создании его программы, ни в выборе редакторов, ни в составлении прошения в Московский цензурный комитет, во-первых, потому, что не одобрял журнальной деятельности, связанной со спешкой и потому недостойной славянофилов, предпочитая им сборники с серьезными статьями, а во-вторых, потому, что мало верил, что славянофилам позволят издавать журнал.

Когда разрешение получили, он написал специальное письмо Хомякову, где вынужден был объяснить, почему дал свое имя в журнал западнического направления: «Каткова знаю за честного человека уже лет 20, знаю его не за западника, а за отвлеченного ученого, следующего европейским ученым; наконец, он знамени враждебного нам не выставил. На его журнал смотрел я как на Воксал, на публичную залу, им открытую, куда мог и я явиться, если только хозяин — честный человек. Но тем не менее, хотя большой беды в том, что я согласился дать напечатать свое имя, я не вижу, все-таки я думаю, что поступил опрометчиво. — Иные вообразили, увидав наши имена, что это журнал славянофильский, другие смутились».[36]

Если в объявлении «Русского вестника» названы имена славянофилов, в том числе и находящиеся под запретом (братья Аксаковы, Чижов), стало быть, литературная деятельность для них возможна? А если в Москве разрешен журнал западникам, то почему не разрешен славянофи-

---

[35] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. X. С. 145.

[36] Письмо ⟨между 20 и 24 декабря 1855 г.⟩ // *Хомяковский сборник.* С. 166.

лам? В Петербург в декабре собрался Кошелев, хотя Хомяков не был уверен в успехе поездки: «Не скрываю, что у меня надежд мало».[37]

А Кошелев пребывал в ином настроении: «Авось что-нибудь из этого и выйдет. Во всяком случае не должно опускать рук».[38] Трудности Кошелева не останавливали. Он прибыл в Петербург, послушал разные толки. «Все, что рассказывают об императоре и об императрице, радует сердце; но атмосфера вокруг них еще слишком густа. Страшно ищут подозрительных и неблагонамеренных людей, и коль их нет, то призывают на помощь старые воспоминания. Трудно отделаться от старины и пойти новою дорогою», — сообщал он из Петербурга Черкасскому.[39]

Кошелев верил, что с новой властью можно наладить диалог. 12 декабря, когда еще ничего не было решено, у него появилась надежда, что издание разрешат и всем заподозренным славянофилам вернут общие права по цензуре.[40] Все-таки 6 декабря закрыли созданный в 1848 г. устрашающий журналистов аппарат — Бутурлинский комитет по делам печати.

И Кошелев добился цели — 14 декабря 1855 г. ему стало известно о позволении журнала. Дело увенчалось успехом только в результате напора Кошелева, который взял разрешение «приступом», по его словам.[41]

15 декабря Кошелев известил о победе К. Аксакова, прося его написать статью для первого номера «не слишком воинственную», так как в первый год издания необходимо быть особенно осмотрительными,[42] на следующий день — Чижова, которого приглашал к содействию и просил вербовать полезных для журнала людей.[43] 21 декабря он написал письмо Черкасскому: «Наконец, журнал нам разрешен, дражайший князь, и мы можем приниматься за дело».[44] В тот же день Кошелев отправил письмо П. Киреевскому, в котором почти в ультимативной форме требовал «при-

---

[37] Письмо Ю. Ф. Самарину (от осени 1855 г.) // *Хомяков*. Т. VIII. С. 280.

[38] Письмо Черкасскому от 16 ноября 1855 г. // РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 8.

[39] Письмо от 12 декабря 1855 г. // Там же. Ф. 327/III. Карт. 5. № 3. Л. 12. Копия.

[40] Там же. Л. 12 об.

[41] Ср. с утверждением В. А. Кошелева: «...даже специальная поездка Кошелева в Петербург мало чему помогла. Тогда в Петербург поехал Хомяков...» (Хомяков поехал с другой целью. — *Т. П.*) (*Кошелев В.* Алексей Степанович Хомяков в документах, в рассуждениях и разысканиях. С. 420).

[42] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 115. Л. 7–7 об.

[43] РГБ. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 1.

[44] Там же. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 12.

няться за работу без дальних сборов» и прислать материалы для первого номера чем скорее, тем лучше.[45]

Из-за неповоротливости бюрократической машины официальную бумагу министра о разрешении журнала отправили в Москву почти через два месяца, 3 февраля 1856 г.

Получением разрешения для многих журналистов официальные хлопоты кончались — но не для славянофилов. Что значило разрешение на издание журнала, когда с некоторых участников «Московского сборника» 1852 г. не был снят запрет на печатание? Поскольку Кошелев не значился в списке заподозренных лиц, хлопотать об этом он был не вправе, и 3 января 1856 г. в Петербург отправился Хомяков, а с ним Чижов, также с 1847 г., после ареста III отделением, лишенный возможности печататься.

Хомяков полагал, что специально ехать в столицу с просьбой о снятии запрещения неловко, поэтому явился туда «под прикрытием 〈...〉 батарейного орудия»[46] (ружья, им изобретенного и отлично прошедшего испытание на Тульском оружейном заводе).

А. В. Никитенко в своем дневнике от 20 января 1856 г. оставил описание костюма Хомякова, в котором тот явился на вечер к министру народного просвещения: армяк, красная рубашка с косым воротом, шапка-мурмолка под мышкой.[47]

Хомяков не изменил себе: когда весной 1855 г. А. Д. Блудова приглашала его в Петербург, он ответил, что сидит «сиднем в своем уголке», более трех лет (то есть со смерти жены Екатерины Михайловны) не показывается в свете, зипун, который носит, не петербургский наряд, и нельзя в светский Петербург соваться со своим уставом, но в то же время нельзя и отступить от устава собственного.[48]

Кроме того, Хомяков вручил министру на просмотр ранее запрещенную цензурой собственную статью «Несколько слов по поводу статьи Киреевского», предназначавшуюся для II тома «Московского сборника» 1852 г. Как он объяснил Кошелеву, нужен был ультиматум: если и снимут запрещение, но оставят нас «под страшным присмотром» и будут «тщательно обесцвечивать», лучше не начинать издание: «...Мы потеря-

---

[45] РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 488. Л. 1–1 об.
[46] Письмо Кошелеву 〈от осени 1855 г.〉 // *Хомяков*. Т. VIII. С. 141.
[47] *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. I. С. 429.
[48] Письмо от 14 марта 〈1855 г.〉 // *Хомяков*. Т. VIII. С. 391.

ем всякое значение в мире людей мыслящих и погибнем навсегда или по крайней мере надолго».[49]

Погодин заинтересованно и ревниво следил за происходящим. Узнав о том, в каком виде был Хомяков у министра и об отданной ему статье, пришел в ужас и 29 января сообщал Вяземскому: «Хомякова я не видал, но, судя по слухам, нельзя, кажется, более повредить себе и своему делу, и своему образу мыслей, чем повредил он. А между тем это один из умнейших людей не только у нас, но даже и на планете. Вот и толкуйте, что такое ум».[50]

Но — обошлось. И даже пришла помощь — за славянофильский журнал при дворе очень хлопотал Д. Н. Блудов, а в министерстве народного просвещения — Вяземский, который усовестился после полученного от И. Киреевского письма от 6 декабря 1855 г. Мягкий, кроткий Киреевский решился сказать Вяземскому горькую правду по поводу его статьи «Несколько слов о нашем просвещении в настоящее время», появившейся в печати после его назначения товарищем министра народного просвещения и потому сочтенной программной. Вяземский представил Россию страной, где процветают просвещение и образование. «...Мы надеялись, — писал Киреевский, — что те стеснения, которые у нас, особенно в последнее время, были наложены на развитие просвещения и словесности, будут наконец сняты или по крайней мере будут признаны только временными мерами. И что же? Вместо того нам объявляют, что мы не должны надеяться ни на что лучшее, что правительство наше и так довольно „печется о просвещении"...»

Этого никогда не было за последние тридцать лет, утверждал Киреевский: Николай I «почитал полезным, особенно под конец царствования, останавливать развитие просвещения и стеснять деятельность литературы». «Совершенно задушена» была журналистика — «ни за что» запрещались журналы, а имеющиеся «отданы были в монополию трем-четырем спекулянтам».[51]

В своей статье Вяземский приветствовал «совершенно народное» направление, тогда как на приверженцев его наложено «принужденное молчание». А когда Вяземского попросили походатайствовать о журнале, проникнутом «убеждениями русскими и православными» (то есть за «Русскую беседу». — *Т. П.*), он отказался, сославшись на то, что хода-

[49] Письмо ⟨от марта 1856 г.⟩ // Там же. С. 146.

[50] Старина и новизна. 1901. Кн. 4. С. 56.

[51] Письмо от 6 (18) декабря 1855 г. // *Киреевский И. В.* Избранные статьи. С. 332—334.

тайствовал о «Русском вестнике».[52] Вяземский был буквально приперт Киреевским к стене.

Очень огорченный письмом, Вяземский решил оправдаться и, чтобы помочь славянофилам, отважился пойти в обход III отделения: 26 января 1856 г. он направил царю доклад о снятии опалы со славянофилов и буквально на следующий день получил разрешение печатать их произведения обычным цензурным порядком.

И вот обе необходимые бумаги в Москве. 14 февраля Кошелев обрадованно сообщал Черкасскому: «...Наконец получены официальные бумаги о дозволении журнала и о снятии запрещения со всех вас».[53]

И хотя журнал разрешен и запрещение снято, но славянофилам известно, что власти будут строго следить за направлением журнала, поэтому решились подстраховать себя: не объявляя о выходе журнала в «Московских ведомостях», представить свои статьи в Цензурный комитет, и в случае, если пройдут, заявить об издании журнала. Статьи подали в середине февраля,[54] они прошли без осложнений.

А Хомякову ответ из министерства о поданной им на цензуру статье пришел к концу апреля, ко времени выхода первого номера журнала. Ответ написал Вяземский, сообщивший автору, что министр и он сам, прочитав статью, считают возможным ее печатание. Но вместе с тем, писал Вяземский, печатать ее нельзя: «Не говорю уже о цензурном неприличии и даже совершенном неудобстве приводить выписки с пояснениями и частью с одобрением из статьи, которая, правильно или нет, но была запрещена верховною властью, а, воля Ваша, как-то и чисто в литературном отношении странно начинать новый журнал ответом на статью, несколько лет перед сим напечатанную».[55] Такое же письмо с объяснениями получил от Норова Кошелев.

Большой заслугой Кошелева как человека дела было то, что он не дал утопить полезное начинание в разговорах. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану 5 января 1856 г., что его смешит, как Константин, Хомяков и Чижов пишут «мнения, как должно издавать трехмесячный журнал и должно ли его издавать»[56] — и это после получения разрешения! И Кошелев жаловался Черкасскому 6 января: «...С утра и до полуночи все у меня в комнате были толки о журнале. Уж толков так много, что боюсь, что

---

[52] Там же. С. 335.

[53] РГБ. Ф. 327/III. Карт. 5. № 3. Л. 16. Копия.

[54] Письмо Кошелева Черкасскому от 14 февраля 1856 г. // Там же.

[55] Письмо от 16 апреля 1856 г. // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 131.

[56] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 2. Л. 24.

толка никакого не будет». Но далее в письме следует заявление, обнажающее суть личности Кошелева: «Впрочем, во мне есть варяжская кровь (бабка моя была немка) и надеюсь все устроить».[57]

3 марта 1856 г. в «Московских ведомостях» Кошелев опубликовал программу «Русской беседы» и стал готовить к печати первый номер.

Желая выпускать журнал с января 1856 г., как было обычно принято, славянофилы из-за множества преград и бюрократической волокиты опоздали на четыре месяца — первый номер вышел 28 апреля. Прошел год с момента возникновения хомяковской идеи о журнале до ее реализации.

По всей вероятности, название журнала принадлежало Кошелеву: так он именовал его в письмах И. Аксакову еще в августе 1855 г., а Хомяков и в октябре приглашал С. Т. Аксакова участвовать в «Московской беседе».[58] Известно, что, ведя переговоры о покупке «Москвитянина», славянофилы хотели изменить его название,[59] — возможно, для обновленного «Москвитянина» придумали название «Московская беседа», которое очень нравилось К. Аксакову. Влюбленный в Москву, он после разрешения журнала не мог скрыть своего раздражения окончательным названием («почему не московская?»[60]). Но название «Русская беседа» гораздо удачнее, значительнее и лучше выражает сущность славянофильской деятельности.

Журнал славянофилы основали на паях, у него было четыре издателя (Кошелев, Хомяков, Самарин, Черкасский), при этом вклад Кошелева превышал вклад каждого из пайщиков вдвое. В конце издания И. Аксаков подсчитал, что Кошелев истратил на него 40 тысяч рублей серебром!

Необходимо принять во внимание, что «Русская беседа» — результат коллективных усилий славянофильского кружка (как и прежде изданные ими сборники), а не частное дело Кошелева. Заметим, что решение об издании принималось коллегиально, «сходкой», как говорил Кошелев, на которой оговорили принципы издания (получив из Главного управления цензуры право на выпуск ежемесячного журнала, Кошелев настаивал на такой периодичности выхода, но под давлением К. Аксакова «решились издать только 4 толстых книги»[61]) и коллективно избрали редактора. Большинство участников славянофильского сообщества стремилось на-

[57] РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 14.

[58] Письмо от 17 октября ⟨1855 г.⟩ // *Хомяковский сборник*. С. 163.

[59] *Аксакова В. С.* Дневник 1854–1855 гг. М., 2004. С. 143.

[60] Письмо Хомякову ⟨между 20 и 24 декабря 1855 г.⟩ // *Хомяковский сборник*. С. 166.

[61] Письмо Кошелева Ф. В. Чижову от 16 декабря 1855 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 1 об.

печататься в журнале, и сбором материалов занимался не только Кошелев. Так, Самарин еще в августе 1855 г. приглашал к сотрудничеству жившего на Украине Чижова, прося прислать в Москву «одну или несколько статей в возможной скорости»: «Выручайте же всеми силами...»[62] Рукопись «Феклуши» П. А. Кулиша доставил К. Аксаков, через которого Кошелев выслал автору гонорар — 300 рублей серебром[63] (платили 50 рублей серебром за один печатный лист). Серьезные художественные обретения в 1858—1859 гг. — поэтические произведения А. К. Толстого, стихотворения Т. Г. Шевченко, статья Кохановской (Н. С. Соханской) «Степной цветок на могилу Пушкина» — заслуга И. Аксакова.

Но «главный распорядитель» в журнале — Кошелев, требующий, что естественно, от сотрудников подчинения. К. Аксаков условием своего участия в «Русской беседе» поставил трехмесячный ее выход; если же журнал будет выходить ежемесячно, он будет в нем только «гостем». Кошелев преподал ему урок, объяснив разницу между коллективным чувством долга и личными амбициями: «Будь издателем Вы, Ваш брат, Хомяков, Киреевский, Самарин, Чижов, я буду непременно полным, постоянным сотрудником и никогда не скажу, что у вас в журнале я буду *гостем*».[64]

С Хомякова Кошелев взял честное слово не отказываться ни от какой работы для журнала. Хомяков стал «душой» этого издания, по словам П. И. Бартенева.[65] Но в 1859 г. Хомякову не писалось, и он с юмором описывал ситуацию в письме Гильфердингу: «Как-то я оглупел сильно, точно будто в высокие чины пошел. ⟨...⟩ Каково мое положение! Кошелев и Самарин требуют от меня философской статьи, и когда? В то самое время, когда я чувствую отлив умственных способностей. Обливаюсь по́том и пишу».[66]

Особо важные статьи обсуждались или даже писались сообща. Так, 6 июня 1857 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану, что в следующем номере «Русской беседы» появится статья против С. М. Соловьева, написанная «целым ополчением: Сам⟨арин⟩, Конст⟨антин⟩, Бессонов

---

[62] Там же. Карт. 51. № 15. Л. 5 об., 6 об.

[63] Письма П. А. Кулиша К. Аксакову от 24 апреля и от 7 мая 1856 г. // Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. II. № 39. Л. 6 об., 11.

[64] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. Л. 4 об. Ответ Кошелева написан на обороте письма К. Аксакова. См. с. 253 наст. изд.

[65] *Бартенев П. И.* Биографические воспоминания об А. С. Хомякове // Алексей Степанович Хомяков в воспоминаниях современников. Тула, 2004. С. 48.

[66] *Хомяков.* Т. VIII. С. 316.

и Хом⟨яков⟩».[67] Составив программу издания, Кошелев послал ее на исправление и изменение Хомякову и Самарину. Предисловие Хомякова к журналу «мы все вполне одобрили», — важное для нас признание Кошелева в его мемуарах.[68]

Подчинение принципам, мнениям кружка являлось непременным условием сотрудничества того или иного славянофила в коллективном издании. Уже после закрытия «Русской беседы» Черкасский признался Кошелеву, что отнюдь не всегда соглашался с высказанными в ней убеждениями, однако «доказал свою верность общему знамени» и умение «подчиняться в случае нужды миру...»[69]

По личной инициативе изменить направление журнала было делом невыполнимым. Даже не один, а несколько славянофилов — Черкасский, И. Аксаков, Самарин — высказывали свое недовольство тем, что «Русская беседа» мало привлекает молодежь, слабо связана с современностью. Черкасский в 1857 г. в письме Кошелеву выразил чувства младших славянофилов и получил от него следующую резолюцию: «Теперь скажу в ответ на Ваше мнение о том, что И. С. Аксаков может быть соиздателем „Беседы" и что не беда изменить несколько направление „Беседы". Нет, батюшка, последнее совершенно невозможно. *Наши* убеждения совершенно тверды и со дня на день все более и более определяются даже для читателей».[70]

Редактор журнала не уставал повторять, что «Русская беседа» — журнал общий, издается кружком: «Этот журнал издаю не я, а все мы — след⟨овательно⟩, и вы, — писал он Чижову. — Я в этом деле только главный распорядитель...»[71] Когда в 1858 г. И. Аксаков стал соредактором, Кошелев настойчиво внушал ему мысль о необходимости выдерживать прежнее направление издания: «Журнал не мой и не ваш, а всего нашего кружка; при нашем разногласии судит сходка, и ее решение обязательно для нас обоих».[72]

Существует особое письмо К. Аксакова, посвященное этому журналу, в котором он советует специально не выставлять на нем имени редактора, как это было принято и в прежних славянофильских сборниках, тогда

---

[67] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 18. Л. 13 об.
[68] *Кошелев. Записки.* С. 62.
[69] Письмо от 13–16 февраля 1862 г. // РГБ. Ф. 265. Карт. 33. № 2. Л. 98–98 об.
[70] Письмо от 21 ноября 1857 г. // Там же. Ф. 327/III. Карт. 5. № 3. Л. 33 об.
[71] Письмо от 16 декабря 1855 г. // Там же. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 1 об.
[72] *Колюпанов.* Т. II. С. 239.

«будет видно, что книга издается направлением целым, общиною; она же носит, кстати, название Беседы!»[73]

Иногда на титуле журналов XIX в. печатались имена издателей или редакторов: «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакциею О. И. Сенковского и А. В. Старчевского», «Москвитянин, журнал, издаваемый М. Погодиным» и др. Но славянофилы подобных уточнений не делали. Кошелев своим именем подписывал только объявления «Об издании „Русской беседы“» на очередной год, сначала с Филипповым, затем один: «Издатель Александр Кошелев». К. Аксаков считал, что имена редакторов, важные только для цензуры и типографии, на обложке излишни.

28 апреля 1856 г. Кошелев выпустил первый номер журнала. Уже 1 мая он озабоченно спрашивал И. Киреевского: «Получил ли ты „Беседу“, любезный друг Киреевский? Как доволен ты ею? Что говорят другие? Сделай милость, напиши обо всем подробно и не щади нас, если мы в чем виноваты».[74]

Хотя номер, по признанию редактора, готовился «наспех», он получился удачным. Из письма Кошелева Черкасскому: «Статья Ваша („Обозрение политических событий в Европе за 1855 год“. — *Т. П.*) решительно нравится всем, и ее хвалят больше всех остальных. Также очень довольны вступлением Хомякова. Вообще появление „Беседы“ произвело довольно сильное действие. „Луповицкий“ („Князь Луповицкий, или Приезд в деревню“, комедия К. Аксакова. — *Т. П.*) поразил всех так, что еще об нем не смеют говорить. Увидим, что скажут журналы о нашем первом номере».[75] Через несколько дней тому же адресату: «...1-й номер произвел некоторый эффект: друзья и приятели все довольны, и даже враги смотрят на книгу с уважением. Ваша статья нравится всем без исключения...»[76] Даже цензор Н. Ф. Крузе был так удовлетворен ею, что не вычеркнул ни одного слова.[77]

Очень хвалил обозрение Чижов: «Обзор происшествий кн⟨язя⟩ Черкасского превосходен. Читается легко, взгляд свободен, благороден и особенное умение передавать его просто, изящно, довольно в ладу

---

[73] *Аксаков К. С.* Об издании «Русской беседы». Письмо от 4 января 1856 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. См. с. 252 наст. изд.

[74] РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 86. Л. 97.

[75] Письмо от 1 мая 1856 г. // РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 19.

[76] Письмо от 8 мая 1856 г. // Там же. Л. 22.

[77] Там же. Л. 22–22 об.

с правительством, нисколько к нему не подделываясь».[78] По наблюдениям Хомякова, посетители Английского клуба только и толковали, что об этой статье; можно сказать, она была «обречена» на успех — Крымская война у всех в свежей памяти, только в марте заключен Парижский мир, и обзор европейских событий за минувший год чрезвычайно актуален.

Злободневными и несомненно украшающими номер были две статьи самого редактора о железных дорогах: война показала, что России невозможно жить с дорогами, существовавшими со времен князя Владимира Святославича. Кошелев считал, что железнодорожное строительство не должно быть подчинено только стратегическим соображениям: войны временны, а государство и народ живут постоянно. Он возразил «Современнику», предлагавшему сделать средоточием железных дорог Орловскую губернию, заявив, что центром должна стать Москва — «сердце России».[79]

По мнению И. Аксакова, только материалы Черкасского и Кошелева удовлетворяли современным требованиям, поэтому их и читали по преимуществу.[80]

Сильные и слабые стороны славянофильского журнала отчетливо обозначились уже в первом его номере. «Русская беседа» — замечательно содержательный, солидный журнал, ориентированный на избранную, очень образованную публику. Материалы серьезны, но несколько сухи. А соперник «Русской беседы» журнал «Русский вестник», выходивший дважды в месяц, давал занимательное чтение для всей семьи, поэтому в провинции И. Аксаков видел его «чуть ли не во всех домах».[81]

Вот мнение о первом номере Чижова: «Критика Филиппова (рецензия на драму А. Н. Островского „Не так живи, как хочется“. — *Т. П.*) полупроповедь, полуурок в школе: теория скучна, оговорки наскучивают, и везде видно сдержанное страшное самолюбие, мелочность понимания, недалекость горизонта мысли и страшные притязания на уменье понимать художественность созданий литературных». Критическая статья Н. П. Гилярова, посвященная выходу «Семейной хроники и Воспоминаний» С. Т. Аксакова, не понравилась Чижову своей растянутостью («Жует, жует, не знаешь — пережует ли?»), недостатком анализа и явно завышенными похвалами писателю, которого критик ставил «выше лесу

---

[78] Дневник за 1855–1856 гг. // РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 26 (запись от 1 июня 1856 г.).

[79] *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III. С. 151–152, 152–156.

[80] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 467.

[81] Там же.

стоячего, даже выше и облака ходячего». «Статья Самарина о народности в науке чересчур умна, мыслительна...»[82]

Единственным исключением среди «мыслительных» материалов первого номера была веселая комедия К. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню», вышедшая приложением к журналу. Известно, что она заинтересовала А. В. Дружинина, в дневнике которого есть запись о том, что он ее читал.[83] Поскольку «Русскую беседу» посылали в славянские земли, в Германию, комедия привлекла внимание профессора Мюнхенского университета, переводчика Фр. Боденштедта, и когда в 1860 г. за границей К. Аксаков встретился с ним, тот «чрезвычайно хвалил» эту вещь.[84]

Первый номер еще не вышел из печати, а Кошелев уже собирал второй. Для него С. Т. Аксаков дал продолжение «Семейной хроники», а своего друга И. Киреевского Кошелев просил поскорее дописать философскую статью, тогда второй номер «по милости твоей и его будет чудным номером».[85]

Редактор был знающим, сведущим человеком, способным дать автору дельный совет: статья Киреевского восхитила его, но название ее «О необходимости и возможности нового направления философии» Кошелев нашел не очень удачным, оно «и некрасиво и неверно. Скажи лучше: о необх⟨одимости⟩ и возм⟨ожности⟩ нового начала для философии. Слово *направление* слишком слабо».[86] Киреевский послушался совета, изменив название.

Это Кошелев решил аксаковского «Князя Луповицкого» дать приложением к журналу — как книгу: «Луповицкий в особом приложении по-моему лучше».[87] В статье П. А. Бессонова, присланной в журнал в 1860 г., Кошелеву не понравились отдельные выражения, и он приостановил ее тиснение.[88]

Первая книга журнала только появилась в печати, а уже 1 мая редактор требовал от Черкасского: «...Вы хотели написать статью в ответ Чичерину и в пополнение Беляева (рецензия И. Д. Беляева на „Обзор исто-

---

[82] Дневник за 1855–1856 гг. // РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 25, 26.

[83] *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 392 (запись от 19 мая 1856 г.).

[84] Письмо К. Аксакова О. С. Аксаковой от 3 сентября ⟨1860 г.⟩ // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. II. № 51. Л. 7 об.

[85] Письмо от 17 апреля 1856 г. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 86. Л. 87.

[86] Там же. Л. 86–86 об.

[87] Письмо Погодину от 3 мая 1856 г. // РГБ. Ф. 231. Раздел II. Карт. 16. № 88. Л. 16.

[88] Письмо Кошелева П. А. Бессонову от 22 апреля 1860 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 56. № 496. Л. 9 об.

рического развития сельской общины в России“ Б. Н. Чичерина. — *Т. П.*). Пожалуйста, пишите ее и поскорее присылайте».[89] У Кошелева всегда имелся запас материалов, благодаря которому он в 1860 г. выпустил — уже без подписки — два сборника «Русской беседы».

В конце мая второй номер был собран[90] и вышел в июле — Кошелев считал его «великолепным»,[91] что весьма справедливо: отрывок из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, уже упомянутая статья И. Киреевского, статьи Хомякова («Разговор в Подмосковной» и статья-некролог И. Киреевскому без подписи), его стихотворения «Как часто во мне пробуждалось...» и «Не гордись перед Белградом...», «Протоколы Парижского конгресса» Черкасского.

И. Аксаков восхищенно писал Кошелеву: «Превосходная книга; какая полнота, разнообразие и единство содержания, какая дельность! Конечно, никогда ни один журнал в России не дал публике ничего подобного. 〈...〉 Скажу Вам, что Ваше имя начинает приобретать большой авторитет даже между теми, которые не разделяют направления „Русской беседы“ и всех нас обыкновенно называют поэтами, мечтателями, утопистами, непрактическими людьми и т. д.»[92]

«Этот выпуск очень хорош, — считал С. Т. Аксаков. — Всего более поразила меня речь протопопа Сидонского, при отпевании Ив〈ана〉 Вас〈ильевича〉 Киреевского. Едва ли не в первый раз в России говорится о литературе и философии священником над гробом покойника. Все написанное Хомяковым также очень хорошо. Мне чрезвычайно понравился первый рассказ Бибикова»[93] («Старый дворецкий» М. П. Бибикова. — *Т. П.*).

Не забудем, однако, что в декабре 1855 г. С. Т. Аксаков считал, что имя редактора Кошелева не производит «никакого»[94] впечатления на окружающих, занимал по отношению к нему какую-то холодно-отчужденную позицию. Его сын Иван до выхода журнала считал, что он

---

[89] РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 19 об.

[90] Письмо Кошелева И. Киреевскому от 24 мая 1856 г. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 86. Л. 99 об.

[91] Письмо Черкасскому от 30 мая 1856 г. // РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 25 об.

[92] Письмо от 23 сентября 1856 г. // *Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 484–485.

[93] Письмо И. Аксакову от 6 августа 1856 г. // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. III. № 22 д. Л. 10 об.

[94] Из семейной переписки / Предисл., публ. и примеч. Т. Ф. Пирожковой // Наше наследие. 1991. Т. V. С. 60.

не будет иметь успеха из-за отсутствия редактора.[95] Как видим, оба изменили свои мнения.

Был еще один скептик — Самарин, правда, по другой причине. «Кошелев уже потому не редактор, — считал он, — что для него журнал дело второстепенное. Иначе и быть не может у человека, имеющего 6 т⟨ысяч⟩ душ и управляющего своим имением...»[96] С Самариным нельзя согласиться, ибо в этом же письме он выразил свое удивление тем, как хорошо пошла «Русская беседа», «так хорошо, как ни я и никто не ожидал», «что всего важнее, возбуждено сочувствие».[97] Но ведь «Беседа» «так хорошо» пошла в первую очередь благодаря усилиям редактора, который успевал все — руководил хозяйством и возглавлял журнал: переписывался с сотрудниками, читал все присылаемые материалы, отбирал из них те, что будут напечатаны, составлял номера, вел переговоры с цензорами и типографщиками.

Правда, редактор был несколько обескуражен количеством подписчиков: «Подписка идет ни шатко, ни валко»,[98] в июне набралось 800 подписчиков. Только в конце 1857 г. подписка составит 1206 человек.[99] Главную причину этого Кошелев видел «в неблагорасположенности к нам газет».[100]

Дело в том, что еще до выхода журнала, с публикации его программы в «Московских ведомостях» (от 3 марта 1856 г.) началась полемика с еще не появившимся журналом, вокруг которого сразу возникло напряженное поле: «Московские ведомости» удивились объявленному в программе содействию русскому воззрению на науку и искусство, считая, что есть одно воззрение — общечеловеческое. Газета напечатала возражение Кошелева и Филиппова, отмечавших своеобразие журнала, так как такого положения нет в программах других изданий.

Уже в первой книге «Русской беседы» в полемику включились Самарин («Два слова о народности в науке») и К. Аксаков (заметка «О русском воззрении», подпись: К. А.).

Необходимо принять во внимание, что программа журнала, плод коллективных усилий Кошелева, Хомякова, Самарина, вызывала критику

---

[95] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 364.

[96] Письмо Чижову от 16 июня 1856 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 51. № 15. Л. 9.

[97] Там же.

[98] Письмо Чижову от 20 июня 1856 г. // Там же. Карт. 35. № 29. Л. 17.

[99] Письмо Кошелева Черкасскому от 21 ноября 1857 г. // Там же. Ф. 327/III. Карт. 5. № 3. Л. 33 об.

[100] Письмо И. Киреевскому от 24 мая 1856 г. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 86. Л. 99.

в славянофильской и близкой к ней среде. «Я ссорился с Хомяковым за то, что он пропустил объявление Кошелева», — писал С. Т. Аксаков.[101] И. Аксаков также осуждал программу.[102] Близкий к славянофильским кругам Гиляров, цензор «Русской беседы», выражал недовольство нелепо поставленным вопросом о народности в науке, нелепо развиваемым в программе журнала.[103]

Статья Самарина в журнале также вызвала нарекания. Чижов выразил и недовольство, и несогласие: «...С большими замашками, но недочувствовано убеждение, ею проповедываемое. С одной стороны, народность находится чисто во внешних качествах — беспристрастии к чужому и привязанности к своему; с другой — наука требует истины, следовательно, отбрасывает привязанность. Чичерин в „Москов⟨ском⟩ вестнике" („Русском вестнике". — *Т. П.*) довольно искусно воспользовался неполностью ⟨так!⟩ мыслей Самарина и недоконченностью мышления и убеждения».[104]

Статья Самарина действительно содержала натяжки. Следуя его логике, пришлось бы признать, что русский человек лучше западного поймет собственную историю и культуру, чувствуя их изнутри (с этим можно согласиться), и поймет лучше историю и культуру Запада, поскольку будет судить о них объективно (с чем согласиться невозможно).

Б. Н. Чичерин ответил на статью Самарина в «Русском вестнике», доказывая, что привязанность к своему не дает возможности быть беспристрастным судьею, поэтому национальных элементов в науке следует избегать. Она вызвала возражение Самарина и бесконечную череду «возражений на возражения», которые прекратились только в 1858 г., — в полемику на стороне «Русского вестника» и «Московских ведомостей» включились «Отечественные записки», «Современник», «Атеней».

Это был не единственный спор, который велся между славянофильским и западническим изданиями. Еще до выхода «Русской беседы», в феврале 1856 г. в «Русском вестнике» Чичерин напечатал «Обзор исторического развития сельской общины в России», в котором утверждал, что община — «не исконная принадлежность русского народа, а явилась произведением крепостного права и подушной подати».[105] По-

---

[101] Письмо И. Аксакову от 6 июня 1856 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 18. Л. 13.

[102] См. в статье В. Н. Грекова (с. 127–129 наст. изд.).

[103] Письмо В. Д. Кудрявцеву от 18 января 1857 г. // *РО*. 1897. Т. 46, авг. С. 715.

[104] Дневник за 1855–1856 гг. // РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 25 (запись от 1 июня 1856 г.).

[105] *Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 229.

скольку вопрос об общине был «одним из коньков славянофильской школы»,[106] «Русская беседа» напечатала возражения И. Д. Беляева, и снова последовала цепная реакция полемических выступлений. Чем они закончились? В вышедшей в 1860 г. книге Беляева «Крестьяне на Руси» нет «ни единого слова»[107] о сельской общине.

Предельно обострились отношения между славянофильским и западническим журналами из-за публикации в «Русской беседе» статьи В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (III и IV книги за 1856 г.), неуважительной к памяти недавно умершего ученого. Последовали убийственные ответы в «Русском вестнике»: очерк К. Д. Кавелина «Слуга» и статья Н. Ф. Павлова «Биограф-ориенталист» (1857. Март, кн. 2).

Печальный исход имела и начатая Н. И. Крыловым, профессором римского права Московского университета, полемика с Чичериным, в декабре 1856 г. защитившим магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII веке», — в I и II книгах «Русской беседы» 1857 г. появились его «Критические замечания...», на которые «Русский вестник» ответил «Изобличительными письмами» Байбороды (за этим псевдонимом скрывались М. Н. Катков и П. М. Леонтьев). С сарказмом сотрудники «Русского вестника» отзывались о «новом ораторском произведении» профессора Крылова, отхватившем чуть не полкнижки «Русской беседы», — так журнал может превратиться в «Заметки профессора Крылова». Критика Крылова была аттестована как «непрерывный ряд самых жалких падений», так что Чичерин на экзамене по русскому праву непременно поставил бы профессору единицу.[108]

«Это было бичевание не на жизнь, а на смерть»; «С тех пор Крылов умолк и никогда уже более не показывался, не только на литературном поприще, но и в литературных салонах», — писал Чичерин.[109]

Дискуссии, как известно, ведутся не для похвал, борьба была ожесточенной, журнальный мир с его конкуренцией — мир жесткий. Это только мало сведущий в журнальных делах Н. М. Павлов (не смешивать с Н. Ф. Павловым.— *Т. П.*), прочитав в 1859 году в «Беседе» ответ С. М. Соловьеву, радовался обличению «лже-историка», явно поспешив

[106] Там же. С. 228.
[107] Там же. С. 230.
[108] *РВ*. 1857. Апр., кн. 2. Отд.: Смесь. С. 238, 242.
[109] *Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов. С. 237.

с заключением, и верил, что статья против него произведет «хорошее впечатление на всех читателей и вызовет новое сочувствие к «Беседе».[110]

Полемика очень удручала Кошелева, уже в мае 1856 г. он жаловался И. Киреевскому на то, что В. Ф. Корш в «Московских ведомостях» пишет «гнусные статьи, превозносит „Русский вестник"», с презрением отзывается о «Русской беседе», и петербургские газеты («Северная пчела» и др.) «тоже против нас».[111] Обида на прессу жила в Кошелеве очень долго; даже когда на склоне лет он писал свои мемуары, то не удержался от упреков: «Ни одна газета и ни один журнал не отнеслись к нам сочувственно».[112]

Было бы ошибкой думать, что Кошелев в полной мере прав: «Современник» в лице Н. Г. Чернышевского радовался основанию славянофильского журнала («Заметки о журналах. Май 1856»), «Библиотека для чтения» демонстрировала благожелательность. И «Русский вестник» не сразу выразил недовольство славянофильским журналом. В начале 1857 г. о своем нежелании участвовать в катковском журнале заявил А. Н. Попов, который счел выступления «Русского вестника» оскорбительными для «Русской беседы». Отвечая на упрек Попова, Катков просил соблюсти «чувство справедливости» — в заметках «Русского вестника», писал он, «не можете вы не усмотреть желание соглашения, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многом существенном...» Тогда как в статье Самарина содержатся насмешки над противниками, и хотя поводов трунить было немало и у «Русского вестника», журнал ими не воспользовался.[113]

В том, что впоследствии отношение к «Русской беседе» переменилось, есть и вина Кошелева: это он был инициатором публикации тенденциозной статьи Григорьева и никак не мог взять в толк, почему автор статьи вызывает неприязнь не только у западников, но и у С. П. Шевырева, Е. И. Елагиной и др.; это он не видел ничего постыдного в панегириках Крылова власти и царю.

«Отвечали мы мало и спокойно...», — написал он в мемуарах,[114] — тоже не совсем точно, ибо «Русская беседа» отвечала на все выпады, и страсти закипели с обеих сторон. Но если «Московские ведомости» и «Русский вестник», выходивший дважды в месяц, быстро реагировали

[110] Письмо К. Аксакову 1859 г. // РГБ. Ф. 3. (ГАИС/III). Карт. 1. № 94. Л. 1 об.–2.
[111] Письмо от 24 мая 1856 г. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 86. Л. 99–99 об.
[112] *Кошелев. Записки.* С. 62.
[113] Письмо от 7 марта ⟨1857 г.⟩ // *РА.* 1888. Кн. I, вып. 2. С. 498.
[114] *Кошелев. Записки.* С. 63.

на выступления оппонентов, то «Русская беседа» не имела возможности оперативно возразить противникам.

В объявлении «Об издании „Русской беседы“ на 1858 год» Кошелев сделал весьма примечательное признание, что трехмесячный выпуск журнала — «невыгодный в полемическом отношении».[115] Рьяный защитник именно такого выхода журнала, более похожего на сборник, К. Аксаков мог убедиться в неудобстве этого еще в 1856 г.: в условиях начавшейся полемики с «Русским вестником» и «Московскими ведомостями» он решил вставить в составленный Кошелевым еще в конце мая второй номер собственную заметку «Еще несколько слов о русском воззрении». Кошелева в Москве не было, Филиппов не устоял под напором. А Кошелев «уважать себя заставил»: заявил, что не собирается печатать в журнале статьи, написанные накануне, в случае же неподчинения его требованиям пригрозил покинуть редакторский пост. Еле уладили конфликт — заменить Кошелева было некем. Брат виновника столкновения писал в сентябре 1856 г. Кошелеву: «Не бросайте „Беседы“: без Вас она так не пойдет».[116]

Кошелев побаивался способности К. Аксакова «впадать в крайности»[117] и в статьях, и в поступках, человек он был импульсивный и совершенно непредсказуемый. Казалось бы, урок, полученный им в 1856 г., угроза Кошелева уйти из журнала должны были образумить его «на всю оставшуюся жизнь» журнала. Но летом 1860 г. история повторилась: в отсутствие Кошелева, без его «согласия и ведома»[118] К. Аксаков поместил в журнал стихотворение о новгородском вече, после чего Гиляров отказался цензуровать «Беседу». С нескрываемой досадой Кошелев писал своему непокорному коллеге: «...Каши с нашими сотрудниками не сваришь ⟨...⟩. Нет, нам Петры с палками разных размеров еще необходимы».[119]

Так что благостная картина, которую по прошествии лет нарисовал Кошелев в «Записках» относительно издания журнала («Мы вели его в таком согласии и так единодушно, что в течение пятилетнего существования журнала не возникло ни одного сколько-нибудь серьезного стол-

---

[115] *РБ*. 1857. Кн. IV. С. I.

[116] *Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 487.

[117] *Кошелев. Записки*. С. 53.

[118] Письмо Кошелева К. Аксакову от 20 июня 1860 г. // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. I. № 78. Л. 1 об.

[119] Там же. Л. 2—2 об.

кновения или недоразумения между сотрудниками и издателем-редактором»[120]), нуждается в корректировке.

Чтобы обеспечить быстроту полемического отклика противникам и одновременно независимость от редактора «Русской беседы», К. Аксаков решил издавать в 1857 г. собственную газету «Молва». Не желая привлекать внимание властей к себе, только в начале 1856 г. получившему право печататься обычным порядком, он нашел официального издателя в лице ученика профессора И. Д. Беляева С. М. Шпилевского, летом 1857 г. окончившего юридический факультет Московского университета. Хлопоты, начавшиеся в январе 1857 г., завершились 17 марта разрешением государя, и первый номер «Молвы» вышел 13 апреля 1857 г., то есть через год после появления «Беседы», в том же месяце.

Поначалу, пока К. Аксаков находился в Москве, все шло благополучно, но с переездом на лето в Абрамцево и короткими наездами на день-два в город дела должны были непременно испортиться — газета требует постоянного надзора, повседневного пребывания «при знамени». То приходилось извиняться перед Соловьевым за грубые выражения, допущенные в «Молве» и не замеченные Аксаковым в спешке, то краснеть за фразы о Н. Ф. Павлове в статье, которую не видел. Все это привело к тому, что в августе 1857 г. К. Аксаков официально отказался от редакторства «Молвы», снял с себя ответственность за печатаемые в ней материалы. Поддерживаемая после этого отказа Шпилевским и Беляевым, газета просуществовала до конца года: публикация статьи К. Аксакова «Опыт синонимов. Публика-народ», осуждавшей праздную жизнь верхов общества, стала «роковой» для газеты, которая получила предупреждение и издателями была прекращена.

Когда газета только начала выходить, Кошелев надеялся, что К. Аксаков станет несколько поумереннее в своих «возгласах».[121] Газетные статьи должны были приблизить несколько отвлеченные статьи «Беседы» к пониманию рядового читателя. Этого не случилось: К. Аксаков имел ум не гибкий, несколько доктринерский, к разъяснениям не способный, поэтому его передовые статьи в «Молве» имели лозунговый характер, «возгласы» продолжались, К. Аксаков писал запальчиво, без оглядок.

---

[120] *Кошелев. Записки.* С. 63.

[121] Письмо Чижову от 26 апреля 1857 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 35. № 30. Л. 5.

Кошелев с вниманием наблюдал за аксаковской газетой. «„Молва" выходит, но по-моему она идет не как следует, — сообщал он И. Аксакову.— Она мечется на стены и порет всякую дичь».[122]

Главное было не в этом — газета не отвечала потребностям текущей жизни. Хомяков уже в июне 1857 г. извещал Кошелева о своем разочаровании, об отсутствии связи «Молвы» со злободневными проблемами действительности: «...Ни одной почти нет статьи, сколько-нибудь отзывающейся на современную, действительную молву».[123]

Другую попытку, еще менее удачную, чем у К. Аксакова («Молва» все-таки просуществовала восемь месяцев), сделал его брат Иван в 1859 г., выхлопотав разрешение на издание собственной газеты «Парус». И. Аксаков был в это время соредактором Кошелева в «Русской беседе», и последний требовал осмотрительности в ведении журнала, а в газете «кутите, как хотите». «Кутил» И. Аксаков недолго — вышли только два номера, довольно смелых, где защищалась свобода слова, критиковались действия властей.

Газету запретили, в обществе распространились слухи, что издателю угрожает ссылка. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Говорят, Тимашев (начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением. — *Т. П.*) изо всех сил хлопочет, чтобы издатель „Паруса" Аксаков был спроважен в Вятку. Мысль отличная, самая современная, патриотическая и полезная правительству, напоминающая людям доверчивым, утопистам и оптимистам, что мы еще не так далеко ушли от времени Николая Павловича, как они думают».[124]

Чему должен был научить Кошелева издательский опыт братьев Аксаковых? — предельной осторожности в журнальном деле. Он не забыл и того, что издание «Московского сборника» 1852 г. (на его средства) закончилось для славянофилов запретом печататься. И Погодин накануне выхода «Русской беседы» напомнил ему, что И. Аксаков так составил этот сборник, что он подарил «вам всем кандалы ⟨...⟩ если бы я был в *Сборнике*, ведь я должен бы был разделить вашу участь...» Поэтому и советовал Кошелеву печатать в «Беседе» ученые сочинения, «чтоб ни одной задоринки ни для кого там не оказалось».[125] И Кошелев, следуя рекомендациям, пытался сделать журнал неуязвимым для властей и цензурного ведомства. И не имел нареканий ни от цензоров (Н. Ф. Крузе,

---

[122] Письмо от 10 (22) июня 1857 г. // *ГМ*. 1918. № 7/9, июль/сент. С. 176.
[123] *Хомяков*. Т. VIII. С. 149.
[124] *Никитенко А. В.* Дневник. ⟨Л.⟩, 1955. Т. II. С. 56.
[125] Письмо от 9—10 апреля 1856 г. // *Барсуков*. Кн. XIV. С. 373.

Н. П. Гиляров, С. Н. Палаузов), ни от министерства народного просвещения.

Когда осенью 1857 г. в Москву прибыл товарищ министра князь Вяземский, Кошелев и другие славянофилы неоднократно встречались с ним, стремились заручиться его поддержкой, что видно по его «Старой записной книжке». 29 октября 1857 г.: «Был у меня Константин Аксаков». «Вечер у Кошелева (*вторник*), не столь славянский, как я боялся. Свербеева, Павлов (Н. Ф. Павлов. — *Т. П.*), Максимович (будущий соредактор Кошелева по журналу с 1 декабря 1857 г., переговоры с ним велись с весны. — *Т. П.*), Крузе, etc.» 1 ноября 1857 г.: «Кошелев, Шевырев были у меня». 3 ноября 1857 г.: «Был у меня Максимович, Павлов, Свербеева, Четвертинская. Был у Аксаковых».[126]

Кошелев вел журнал очень осторожно, дабы не осуществилось зловещее предсказание Л. В. Дубельта, заявившего в Главном управлении цензуры, что славянофилы выпустят два-три номера и будут довольны, когда власти запретят журнал.

Редактор любыми средствами хотел сохранить журнал, который появился на свет благодаря его усиленным хлопотам и терпению, содержался в значительной степени на его средства и без которого славянофилы оказались бы совершенно немыми (даже при отсутствии запрета на печатание): погодинский «Москвитянин» в 1856 г. прекратил свое существование, западническая ориентация «Русского вестника» проявилась уже в первые месяцы издания, а в петербургских журналах славянофилы не участвовали.

Можно только удивляться тому, как Кошелеву удавалось лавировать между министерством народного просвещения, цензурой, типографией, сотрудниками, соредакторами, как ему «удалось благополучно и успешно пройти через все стремнины и между всех утесов», как он написал в мемуарах.[127]

Нельзя не восхититься его самоотверженным служением журналу, нельзя не согласиться с мнением П. И. Бартенева, что это был «дельный и серьезный журнал».[128] Чижов считал, что его другу В. С. Печерину, жившему за границей, стоит переслать этот журнал, с которым он не знаком.[129]

---

[126] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 172.

[127] *Кошелев. Записки.* С. 63.

[128] *Бартенев П. И.* Биографические воспоминания об А. С. Хомякове // Алексей Степанович Хомяков в воспоминаниях современников. С. 48.

[129] Письмо В. С. Печерину от 1 ноября 1870 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 10. № 50. Л. 5 об.

Действительно, сколько толкового и замечательного появилось на его страницах! В отделе прозы были напечатаны отрывки из «Семейной хроники», «Детских годов Багрова-внука», «Литературные и театральные воспоминания», «Встреча с мартинистами», «Наташа» С. Т. Аксакова.

В журнале печатались поэты, которые были бы украшением любого издания, — Хомяков, Тютчев, Вяземский, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, И. Аксаков, Шевченко, притом в «Беседе» появились произведения, принадлежащие к числу шедевров этих авторов («Она сидела на полу...», «Есть в осени первоначальной...» Тютчева, «Звезды» и «Труженик» Хомякова, «Усталых сил я долго не жалел...», «Моим друзьям», «Зачем душа твоя смирна...», «Навстречу вещего пророка...» И. Аксакова, «Иоанн Дамаскин» А. Толстого).

Среди критических выступлений «Русской беседы» необходимо отметить очерк Кохановской (Н. С. Соханской) «Степной цветок на могилу Пушкина». Когда летом 1859 г. она прислала его в редакцию, И. Аксаков оказался его первым читателем и был настолько потрясен высоким, вдохновенным лиризмом очерка, что у него буквально «захватывало дух» и шел нервный «мороз по коже».[130]

Кошелев пригласил в журнал Ап. Григорьева, который «с величайшей радостью» принял предложение напечататься, посчитав его «весьма лестным» для себя.[131] В «Беседе» появилась его большая статья «О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А. С. Хомякову». И. Аксаков считал вопрос, которому она посвящена, «очень занимательным», «вполне современным», «близким каждому из нас» (то есть пишущим людям. — *Т. П.*) и был доволен, что вносится «нравственный критериум в эстетику».[132]

В «Беседе» появилось «Обозрение современной литературы» К. Аксакова. В нем анализировались стихотворения Тютчева, А. Толстого, в которых слышна «русская струна и русское сочувствие», близкие славянофилам произведения И. С. Тургенева («Записки охотника», «Муму», «Постоялый двор»), повести и рассказы Д. В. Григоровича из крестьянской жизни, творчество А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

---

[130] Письмо Н. С. Соханской от 20 июля 1859 г. // *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 584.

[131] *Григорьев Ап.* Письма. М., 1999. С. 105.

[132] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 468.

В. А. Кошелев справедливо отметил, что Хомяков не высоко ценил творчество А. А. Фета, но его замечание, что вследствие этого «никакой статьи о Фете в „Русской беседе" так и не появилось»,[133] вряд ли можно принять без оговорок: специальной статьи действительно не было, но в «Обозрении современной литературы» (1857. Кн. V) К. Аксаков назвал имя Фета среди современных «наиболее замечательных» поэтов, писал о его «бесспорном даровании», отметив, однако, что стихи не отличаются глубиной содержания.

«Русская беседа» печатала много исторических материалов: «История возмущения Стеньки Разина», «О построении корабля „Орел" в государствование царя Алексея Михайловича», «Сокола и кречета Алексея Михайловича» Попова, «Суд над царевичем Алексеем Петровичем» Погодина, отрывки из «Записок о Южной Руси» Кулиша.

Филологические материалы были чрезвычайно интересны («Филологические письма к М. П. Погодину М. А. Максимовича», «Записки» Г. Р. Державина, «Речи, произнесенные А. С. Хомяковым в Обществе любителей российской словесности»).

Из фольклорных публикаций следует назвать работу К. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням», песни из собрания П. Киреевского.

По славянской части «Беседа» держала первенство в журналистике тех лет (Погодин в «Москвитянине» печатал славянские материалы систематически, но в 1856 г. журнал закрылся; лишь изредка славянская тема возникала на страницах «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей»). Здесь был опубликован большой труд славянофила В. А. Елагина «Место венгров среди народов Европы», «Письма об истории сербов и болгар» и «Босния. Путевые заметки» Гильфердинга, «Заметки путешественника по славянским странам» Чижова.

Некоторые материалы журнала опережали время. Заметим, что до 1858 г. крестьянская тема была «закрытой» для печати, а в «Русской беседе» еще в 1857 г. появилась работа Кошелева «По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и об общинной поземельной собственности» (Кн. IV) — ее выход совпал с появлением в конце года рескрипта государя виленскому генерал-губернатору, положившего начало освобождению крестьян, и только благодаря этому обстоятельству

---

[133] *Кошелев В. А.* «Прихоть головы»: Заметки о лирике Хомякова // А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества. Смоленск, 2002. С. 41. (Хмелитский сборник. Вып. 5).

редактору удалось избежать нареканий. В статье обсуждался актуальный вопрос о крестьянской общине, автор настаивал на ее сохранении: она привычна для народа, приковывает крестьянина к месту жительства, и не следует из этого состояния людей толкать в затылок: «...Чего же ради поднимать топор на многовековое дерево мирского поземельного владения?»; «Крестьянин без земли, как рыба без воды». А Хомяков в статье «О юридических вопросах (Письмо к издателю)» предвосхищал будущую судебную реформу: он поставил вопрос о необходимости судебной гласности и печатания процессов и их решений, видел в этом «разумную потребность нашего времени».

Мы перечислили только наиболее заметные публикации, но даже этот перечень впечатляет.

Многие материалы, не будь «Русской беседы», никогда бы не появились в печати во второй половине 1850-х гг., особенно славянофильские. Комедия «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» К. Аксакова и его статья «Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням» лежали в столе с 1851 г. После смерти И. Киреевского в 1856 г. журнал напечатал его неоконченную повесть «Остров» (через 20 лет после работы над этим произведением). А. А. Толстая настоятельно советовала своему племяннику Л. Н. Толстому прочесть ее и получить удовольствие, которое она доставила ей: «...даже больше, чем удовольствие, — одно из тех глубоких наслаждений, которые редко доставляет нам наша современная литература».[134] Читатели «Беседы» первыми познакомились с «Записками о всемирной истории», найденными в бумагах покойного Хомякова, — отрывок из них был напечатан в журнале. Не будь «Русской беседы», где бы публиковал свои стихотворения Хомяков? Иван Аксаков? Сколько времени они пролежали бы под спудом?

Не забудем, однако, что публикацию некоторых материалов нельзя отнести к числу достижений редактора — уже упоминавшиеся статьи В. В. Григорьева, Крылова, Филиппова, опубликованную в 1858 г. крепостническую идиллию В. В. Селиванова «День помещика». Испытывая недостаток в беллетристических вещах, Кошелев вынужден был печатать произведения не очень высокого уровня, подобные повести Кулиша «Феклуша». Случалось даже возражать авторам журнала: В. И. Даль в «Письме к издателю А. И. Кошелеву» выступил против распространения грамотности в народе. А Кошелев доказывал, что сель-

[134] Толстовский музей. СПб., 1911. Т. I. С. 111.

ское управление лучше устраивать с грамотными крестьянами, чем с неграмотными, искренно недоумевал, почему нужно откладывать попечение о грамотности в народе, можно только пожалеть, что мы мешкаем с этим делом.[135]

Отношение к основному сопернику «Русской беседы» катковскому «Русскому вестнику» в славянофильской среде было очень ревнивым. Кошелев и в мемуарах вспоминал о его «едких статьях»[136] во время полемики. Между тем люди непредвзятые ценили журнал, что видно из отзыва П. А. Плетнева, сообщавшего в 1858 г. Бартеневу мнение петербуржцев: «О „Русском вестнике“ у всех одно на устах, что он ни одной книжкой не изменяет высокому своему достоинству. И что замечательнее: все его отделы равно превосходны по наукам, по критике, политике, изящной словесности и даже по смеси. Зато и влияние его на прекрасное развитие мыслительности и вкуса неотразимо и повсеместно».[137] И Иван Аксаков еще в конце 1856 г. отмечал растущее сочувствие к «Русскому вестнику» в провинции — журнал «улучшался с каждой книжкой» и привлек публику тем, что «отозвался на все живые современные вопросы именно статьями: об Англии, о Пруссии, о крепостном состоянии, о судопроизводстве, „Губернскими очерками“ Щедрина. Все эти статьи имеют большой успех, которому, говоря по совести, нельзя не радоваться, хотя бы и хотелось, чтоб он принадлежал нам, а не им».[138]

Он советовал Кошелеву помещать в журнале «побольше таких статей, где бы современные вопросы захватывались живьем, со стороны действительной и всем доступной».[139] И. Аксаков верно обратил внимание на два момента, которые можно поставить журналу в упрек: недостаточная связь с современными вопросами русской жизни и недоступность материалов журнала широкому читательскому кругу. «Русский вестник» требовал от авторов, чтобы присылаемое в журнал было изложено литературным языком. Вопрос о занимательности повествования, о приноровлении его к пониманию рядового читателя или не занимал редактора, или он не мог добиться этого от своих сотрудников.

И. Аксаков, посылая в 1859 г. писательнице Н. С. Соханской номера журнала за 1856, 1857 и 1858 гг., надеялся, что серьезность журнала ее

---

[135] *Кошелев А. И.* Нечто о грамотности: (Письмо к В. И. Далю) // *РБ*. 1858. Кн. I. С. 216, 217.

[136] *Кошелев. Записки*. С. 63.

[137] Письмо от 19 февраля 1858 г. // *РА*. 1912. Вып. 10, кн. 3. С. 306.

[138] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 466.

[139] Письмо от 23 сентября 1856 г. // *Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 485.

не испугает.[140] А его брат Константин в письме к ней в 1860 г. искренне удивлялся: «Неужели Вы прочли всю мою критику на Буслаева? Первая половина статьи скучна; а вторую прочли и не филологи».[141] А если думать о читателе, то тогда следовало поступить наоборот — первую половину статьи написать так, чтобы никому не захотелось отложить журнал в сторону или — хуже — прекратить чтение.

В «Русской беседе» печатались материалы «высокого интереса», как говорил Хомяков: статьи о Гусе и Лютере, лекция К. А. Коссовича о санскритском эпосе, даже диссертация Е. П. Новикова. Но много ли было в ту пору образованных читателей в России, способных осилить эти вершины? — человек по 300 в столицах, в провинции — единицы. На всем протяжении своего издания «Русская беседа» сохраняла элитарный характер, сделать журнал окупаемым Кошелеву не удалось.

Число подписчиков непременно бы умножилось, если бы «Русская беседа» была журналом в полном смысле слова, то есть ежемесячным изданием, а не сборником, выходящим четыре раза в год. Желание издавать ежегодно двенадцать номеров не оставляло Кошелева и в 1857 г., на втором году издания: «Теперь у нас 4 номера, и с будущего года у нас будет их, вероятно, 12», — сообщал он Чижову.[142] Однако мечта Кошелева не воплотилась в жизнь за все время его редакторства.

Не смог Кошелев осуществить, к сожалению, и задуманное им мощное журнальное предприятие: помимо «Русской беседы» издавать журнал «Московский толк» дважды в месяц и «Сборник иностранной словесности» ежемесячно. В главные редакторы он прочил И. Аксакова и Чижова, а сам намеревался «участвовать именем и делом во всех трех журналах».[143] И Чижов размечтался: «Мне предлагают быть редактором вместе с Ив⟨аном⟩ Сер⟨геевичем⟩ Аксаковым первых двух, — а я хотел бы, пожалуй, и всех трех, только выгадав себе 5 месяцев летней вакации для шелководства и отдыха в беседе с природою».[144] Быть редактором трех журналов и наслаждаться природою почти половину года сродни маниловским мечтам.

---

[140] Письмо от 15 февраля 1859 г. // *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 571.

[141] Письмо от февраля 1860 г. // Там же. Т. 44, март. С. 150.

[142] Письмо от 9 апреля 1857 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 35. № 30. Л. 2.

[143] Письма Чижову от 25 апреля и от 24 мая 1856 г. // Там же. № 29. Л. 6–6 об, 9 об.

[144] Дневник за 1855–1856 гг. // Там же. Карт. 2. № 8. Л. 26 (запись от 1 июня 1856 г.).

Чижов в 1856 г. еще никак не проявил себя как журналист, но почему-то Самарин был убежден, что из всех славянофилов именно он способен стать редактором «Русской беседы» и заменить Кошелева.[145]

31 мая 1856 г. И. Аксаков отправился в Крым в комиссию князя В. И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений во время войны, и собравшиеся в июле у Кошелева в Песочне Рязанской губернии Хомяков и Самарин на общем совете решили за отсутствием Аксакова «Московский толк» не издавать, «Беседу» оставить в прежнем виде, а Чижова сделать редактором «Сборника иностранной словесности». Так как все они намерены были к 10 августа съехаться в Москву, то Кошелев просил Чижова прибыть к этому сроку или раньше («чем раньше, тем лучше») — он должен был лично подать прошение в Цензурный комитет.[146]

Однако к назначенному срок Чижов не приехал. Кошелев писал ему: «Самарин доказывал с особенной упорностью невозможность издавать журнал, говоря, что у нас будет недостаток в переводчиках, в людях, могущих читать журнал и отмечать статьи, в публике, для которой будет издаваем журнал и, наконец, в редакторах, ибо Вы часто нездоровы бываете».[147] Ответить на вопрос, чем вызвана эта самаринская «перемена фронта» в отношении Чижова по прошествии всего двух месяцев, с полной определенностью трудно.

Чижов прибыл в Москву только к концу 1856 г. «На этот год (т. е. на 1857 г. — *Т. П.*) он отказывается от всякого редакторства,— сообщал С. Т. Аксаков сыну Ивану,— но требует, чтобы к будущему году дали ему средство приготовить запасные материалы, что и вполне справедливо».[148] Тактика Чижова та же, что и в 1846 г., когда заинтересованные в скорейшем издании журнала «Русский вестник» славянофилы настаивали, чтобы Чижов начал выпускать его с 1847 г., но он хотел повременить до 1848 г., чтобы заготовить побольше материалов. Промедление оказалось роковым и тогда (журнал не вышел), и теперь. В отличие от Чижова, Кошелев умел сразу, «с ходу» включаться в работу без всяких предварительных приготовлений и медлительности в людях не терпел.

Славянофильские планы о выпуске «Сборника иностранной словесности» не очень обоснованны: как можно было всерьез рассчитывать на

---

[145] Письмо Чижову от 16 июня 1856 г. // Там же. Карт. 51. № 15. Л. 9–9 об.

[146] Письмо от 25 июля 1856 г. // Там же. Карт. 35. № 29. Л. 20–20 об.

[147] Письмо от 2 сентября 1856 г. // Там же. Л. 23.

[148] Письмо от 23 ноября 1856 г. // Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. III. № 22 д. Л. 4.

Чижова, если запрет печататься с него был снят позже, чем с остальных славянофилов (из-за ареста III отделением в 1847 г.)? Уже прошло больше месяца после выхода первого номера «Русской беседы», а Чижов заносит в дневник: «Кошелев пишет, что мне разрешено писать, но я еще не получал разрешения».[149]

Кошелеву не только не удалось выпустить «Сборник иностранной словесности», но и некоторые произведения отечественной литературы, вопреки его планам, не появились в журнале. 21 декабря 1855 г. после возвращения из Петербурга, где было получено разрешение на издание «Русской беседы», Кошелев писал Черкасскому, что приглашено в журнал достаточное количество сотрудников, среди которых названо имя графа Л. Толстого, «автора севастопольских писем».[150] Через полгода, 20 июня 1856 г., Кошелев уверенно сообщал Чижову, что Толстой написал повесть для «Русской беседы».[151] Однако повесть в журнале напечатана не была.

Не очень повезло Кошелеву и с помощниками по журналу, хотя в своих «Записках» он ни словом не обмолвился о соредакторах. Первого из них — Филиппова — Кошелеву настоятельно рекомендовал И. Киреевский. Филиппов был членом «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Пока Кошелев не столкнулся с Филипповым в работе, считал его «очень даровитым», «хорошим человеком».[152] Потом оказалось, что он с ленцой, в журнале «ничего не делает», о чем С. Т. Аксаков извещал сына Ивана в конце первого года издания.[153] С. Т. Аксакову казалось, что Кошелев — «человек слепой» — и этого не видит, что опровергается письмом Кошелева, который уже летом 1856 г. писал Чижову, что у помощника «слог очень хорош, ума весьма достаточно, но недостаток большой в энергии».[154]

В 1857 г. место Филиппова займет Бартенев, как и Филиппов, воспитанник Московского университета, имевший годичный опыт издания «Москвитянина» в 1853 г., когда Погодин отправился за границу. Но он не обладал умением уживаться с людьми, поссорился с сотрудниками

---

[149] Дневник за 1855–1856 гг. // Там же. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 19 (запись от 1 июня 1856 г.).

[150] Там же. Ф. 327/II. Карт. 9. № 33. Л. 12.

[151] Там же. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 14.

[152] Письмо Чижову от 16 декабря 1855 г. // Там же. Л. 1.

[153] Письмо от 23 ноября 1856 г. // Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. III. № 22 д. Л. 4.

[154] Письмо от 20 июня 1856 г. // Там же. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 15.

журнала Бессоновым, И. Д. Беляевым, Крыловым и с типографщиком Александром Семеном.

В декабре 1857 г. в «Русской беседе» появился новый соредактор М. А. Максимович, в 1833 г. возглавлявший кафедру ботаники в Московском университете, в 1834—1835 гг. ректор университета в Киеве, составитель и издатель альманахов «Денница», «Киевлянин», хорошо знакомый Кошелеву еще с 1850 г. И. Киреевский, который очень симпатизировал Максимовичу, утверждал, что «перо у него золотое, с бриллиантовым кончиком».[155] Перо действительно было замечательное, но в глазах «главного распорядителя» его помощник имел весьма существенный недостаток — «впадает в изнеможение при 6-часовой работе»,[156] хотя в 1857 г. ему было только 53 года. Он сам знал за собой замеченные редактором недостатки: и лень, и «болезненную роскись», к которым после работы в «Русской беседе» добавился еще один: «отвращение от всякой литературной работы».[157]

Темп и накал кошелевской журнальной деятельности выдерживал только И. Аксаков, который был соредактором с августа 1858-го по конец 1859 г. Когда журнал закрывался, Максимович написал Кошелеву письмо, в котором отдал должное и ему, и его помощнику: «...Узнав Вас лично, я убедился, что Вы один были настоятелем монастыря и его строителем, что из всей христианской братии и честного собора один И. С. Аксаков годился в наместники...»[158]

И Кошелев, и И. Аксаков согласились на совместную деятельность неохотно: Кошелев побаивался аксаковского «болезненного нерасположения к власти», Аксаков не одобрял программу и направление журнала. В 1857 г. он не согласился помогать Кошелеву, поскольку после «Московского сборника» 1852 г. власти запретили ему редакторскую деятельность. С. Т. Аксаков писал: «Мой Иван Сергеич положительно отказался от редакторства „Беседы“: быть ответственным редактором ему не позволяют, а быть соредактором он не хочет».[159] Но когда в 1858 г. запрещение с него сняли, он стал правой рукой Кошелева.

С весны 1858 г. по весну 1859-го Кошелев был увлечен изданием собственного журнала по крестьянскому делу («Сельское благоустрой-

---

155 Письмо Кошелеву от 4 марта 1850 г. // Там же. Ф. 99. Карт. 7. № 50. Л. 9 об.

156 Письмо Кошелева И. Аксакову от 2 июня 1858 г. // *Колюпанов*. Т. II. С. 247.

157 Письмо И. Аксакову от 12 августа 1859 г. // РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. 1. № 1. Л. 7—7 об.

158 Письмо от 30 декабря 1859 г. // *Колюпанов*. Т. II. С. 235.

159 Письмо Чижову от 9 августа 1857 г. // РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 16. Л. 2.

ство»), поэтому справляться с возросшим объемом работы из-за занятости Кошелева Аксакову помогал М. Н. Лонгинов, о чем известно из письма Максимовича Аксакову: «Передайте поклон мой Вашему соредактору, неутомимому сообщнику нашему, М. Н. Лонгинову».[160]

В лице И. Аксакова Кошелев имел деятельную опору, но возникли проблемы, которых не было с прежними помощниками, — никто из них не имел притязаний изменить направление журнала, что, впрочем, и Аксакову сделать не удалось, ибо Кошелев все время держал его работу под контролем, как не удалось и переориентировать журнал на более демократического читателя из-за нехватки беллетристики, связать «Беседу» с современностью (крен в сторону исторических материалов сохранился), существенно обновить состав сотрудников.

Но Аксаков участил выпуск номеров до шести в год, закрыл двери в журнал сотрудникам типа Крылова, привлек в журнал поэтов А. Толстого, Шевченко, писательницу Н. С. Соханскую, напечатал последнее прижизненное произведение отца «Встреча с мартинистами», которое очень просил Погодин для своего литературного сборника «Утро». Аксаков отказал: сочинение куплено «Русской беседой», о его выходе читатели извещены, кроме того — это существенно — он не хотел помещать произведение в альманахе, «самом неблагодарном виде издательства», не имевшем (по сравнению с журналом) «ни определенного цвета, ни знамени», тогда как «Беседа», ее дело, ее цель и проч. несравненно серьезнее и важнее «Утра».[161]

В конце 1859 г. Хомяков заявил, что в следующем году не сможет материально поддержать журнал. «Вы поверите мне на слово, что тут говорят и не скупость, и не равнодушие к делу», — писал он И. Аксакову.[162] И Кошелев больше не хотел жертвовать.

Думается, что причиной закрытия «Беседы» был не недостаток материальных средств (Кошелев имел миллионное состояние, Хомяков считал возможным в крайнем случае прибегнуть к кредиту). Глава славянофильского кружка полагал невозможным продолжение журнала

---

[160] Письмо без даты, датируемое нами 1859 г. на основании передаваемой Аксакову от Шевченко благодарности за помещенные в журнале стихи // Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. I. № 1. Л. 4.

[161] Письмо Погодину от 14 ноября ⟨1858 г.⟩ // Там же. Ф. 231. Раздел II. Карт. 1. № 36. Л. 21 об., 21.

[162] *Хомяков*. Т. VIII. С. 363.

без газеты.[163] А И. Аксаков в августе 1859 г. получил отказ в издании газеты «Дума» — круг замкнулся.

Но решающую причину прекращения журнала назвал Хомяков в нескольких письмах И. Аксакову в конце 1859 г.: «Беседа не может существовать сама по себе 〈...〉 для нее нет в России читателя!»; «все-таки не скроешь ни от себя, ни от других, что нас подрезало равнодушие общества...»[164]

Но, с другой стороны, известно высказывание К. Аксакова: «Мы ничего не сделали для успеха».[165] Если славянофилы не обременяли себя мыслями об окупаемости издания, то есть о количестве читателей, предотвратить конец «Русской беседы» было нельзя: при немногочисленности читателей издание убыточно, и подобное положение не может сохраняться долго.

Была, как нам представляется, еще одна причина, касавшаяся «главного распорядителя» журнала и заключавшаяся в трудностях его работы. Наверное, за четыре года выпуска «Беседы» Кошелеву надоело быть «наездником»: «Я седлал и ездил верхом на некоторых моих сотрудниках и этим поддерживал журнал»,[166] — сказано резко и откровенно.

На недостаток активности славянофилов жаловался и И. Аксаков в письме Погодину: «...Мы Бог знает как бьемся, чтоб вырвать у наших сотрудников какой-нибудь вклад в наши издания (Вы ведь знаете, они не тароваты)...»[167]

После закрытия «Беседы» И. Аксаков уехал за границу, мать писала ему: «Не знаю, что *ты* с собою станешь делать, издавать „Беседу" с Кошел〈евым〉 невозможно,[168] он, кажется, рад, что отделался от тебя и ни разу не пожалел о тебе и не пожалел тебя».[169] Материнские чувства можно понять, но Кошелев не жалел прежде всего себя; скорее всего, ему не приходило в голову жалеть И. Аксакова, почти на 20 лет моложе его самого, не имевшего в ту пору ни семейства, ни хозяйства, не обремененного, как он, заседаниями в Рязанском губернском комитете, в Москов-

---

163 Там же. С. 364.

164 Там же. С. 363, 371. См. также с. 368.

165 Письмо Н. С. Соханской от февраля 1860 г. // *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 148.

166 Письмо И. Аксакову от 2 июня 1858 г. // *Колюпанов*. Т. II. С. 247.

167 Письмо от 14 ноября 〈1858 г.〉 // РГБ. Ф. 231. Раздел II. Карт. 1. № 36. Л. 21 об.

168 Славянофилы договорились выпускать отдельные сборники «Беседы» без подписки, Аксаков имел слабую надежду на помощь в этом деле купцов.

169 Письмо от 16 мая 1860 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 39. Л. 112 об.

ском и Лебедянском обществах сельского хозяйства, необходимостью издавать журнал «Сельское благоустройство».

У Кошелева были свои переживания — в 1859 г. его не пригласили к работе в Редакционных комиссиях, хотя славянофилы Самарин, Попов, Черкасский стали их членами-экспертами, а его забраковали именно потому, что он был «журналистом-издателем-редактором „Русской беседы" и „Сельского благоустройства"». «Пуще всех, говорят, настаивал на моем исключении граф В. Н. Панин, который говорил, что уже главу славянофилов неприлично и невозможно приглашать в правительственную комиссию».[170]

То, что в глазах Панина было недостатком Кошелева, делает последнему честь: благодаря «Московскому сборнику» 1852 г. и особенно изданию и редактированию «Русской беседы» он оставил глубокий след в истории отечественной журналистики.

На свое неучастие в работе Редакционных комиссий через некоторое время Кошелев посмотрит иначе: «Благодарю Бога, что я не участвовал в редакции этого Положения».[171] Главное испытание ждало Кошелева впереди — в сентябре 1860 г. он был буквально сражен страшным известием о смерти Хомякова. «Еще никакое событие не имело на меня такого сильного действия: я чувствую, что одна половина меня уже схоронена».[172] Целые вечера Кошелев проводил в гостиной Свербеевых, где часто прежде бывал со своим другом, тосковал. Для хозяйки это было тягостно, но добрая, участливая А. П. Елагина призывала Е. А. Свербееву пожалеть Кошелева: «Мне Кошелева сердечно жалко. Хомяков был последний друг его ⟨...⟩ будьте к нему добры».[173]

Загадочная и роковая закономерность — в самом начале издания «Русской беседы» Кошелев лишился своего друга и единомышленника И. Киреевского, с которым с 12-летнего возраста жил «душа в душу», так что «ни единая размолвка» на протяжении 38 лет не потревожила их дружбы: «...Всегда я находил в нем помощь, утешение и совет ⟨...⟩. Видно, великие люди на Руси не живут».[174] И теперь — в конце издания — снова смерть, снова такая же непредвиденная, снова от холеры. И так же,

---

170 *Кошелев. Записки.* С. 74.

171 Письмо И. Аксакову от 25 мая 1861 г. // *ГМ.* 1922. № 2, окт. С. 63.

172 Письмо И. Аксакову от 1 (13) ноября 1860 г. // Там же. 1918. № 7/9, июль/сент. С. 183.

173 Письмо Е. А. Свербеевой от 14 декабря ⟨1860 г.⟩ // *Хомяковский сборник.* С. 241.

174 Письмо С. П. Шевыреву от 8 июля 1856 г. // РНБ. Ф. 850. № 321. (Лист не указан).

как в 1856 г. за смертью И. Киреевского последовала кончина его брата Петра, так и в 1860 г. смерть Хомякова ускорила кончину К. Аксакова.

За два с небольшим месяца не стало двух сотрудников журнала. Рассчитывать на серьезную поддержку остальных не приходилось. Еще в августе 1860 г. Кошелев жаловался: «Вначале и на словах все готовы работать, даже денег не хотят брать... а на деле оказывается — совершенно противное».[175]

Многое Кошелеву удавалось на историческом взлете первых лет царствования Александра II, теперь предстояло трудное переходное время, связанное с великим делом освобождения крестьян, и Кошелев должен был распоряжаться не только своими имениями и хозяйством, но имениями и хозяйством Хомякова, после смерти которого взял опекунство над его семью детьми.

С полной очевидностью становилось ясно, что продолжать дальнейшее издание сборников «Русской беседы» в отсутствие лидера славянофильского кружка не имело смысла. Выпустив вторую книгу журнала в 1860 г., Кошелев окончил эту «общую деятельность».[176]

То, что она была «общей» и в нее не вмешивался «личный элемент», вопреки утверждению К. Аксакова в письме к П. А. Бессонову,[177] подтверждается тем, что в подготовке второй книги принимали участие, кроме Кошелева, и другие: уезжая в Петербург после похорон Хомякова, Самарин увозил с собою его «Семирамиду», чтобы «разбирать ее»[178] — стало быть, отрывок из нее выбрал для печати Самарин. Присланное из-за границы стихотворение И. Аксакова «Навстречу вещего пророка...» было помещено Кошелевым во вторую книгу после одобрения Хомякова, Чижова и Елагиных.[179]

К. Аксаков прав в письме к Бессонову в том, что прекращение «Русской беседы» не означало конца славянофильства. «Разумеется, посеянное ими (Хомяковым, К. Аксаковым и другими славянофилами. — *Т. П.*) не умрет (как сказал мой брат, умирая)...», — свидетельствовал

---

[175] Письмо Погодину от 25 августа 1860 г. // РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 16. № 90. Л. 3 об.–4.

[176] Письмо Кошелева К. Аксакову от 20 июня 1860 г. // Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. 1. № 78. Л. 2.

[177] См. с. 452 наст. изд.

[178] Письмо Ю. Самарина Кошелеву ⟨от 15 октября 1860 г.⟩ // Там же. Ф. 265. Карт. 142. № 8. Л. 139 об.

[179] Письмо К. Аксакова И. Аксакову без даты, датируемое нами мартом 1860 г. на основании получения стихотворения, сочиненного 24 февраля 1860 г. (Там же. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. 15. № 17. Л. 7–7 об. Копия).

И. Аксаков.[180] «Они вспахали поле и приготовили семена для посева: мне остается только бросать в борозды»,[181] — И. Аксаков с 1861 г. начнет издавать собственную газету «День».

А Кошелев свою задачу увидел в издании трудов умерших друзей — в 1861 г. он осуществил первое издание сочинений И. Киреевского (два тома) и выпустил том сочинений Хомякова (вместе с И. Аксаковым).

Впоследствии Кошелев будет сотрудничать в газетах и журналах «Беседа», «Русская мысль», «Новое время», издавать газету «Земство» (вместе с В. Ю. Скалоном), но к редакторской работе после «Русской беседы» уже не вернется.

Когда в 1883 г. на 78-м году внезапно оборвалась жизнь Кошелева, И. Аксаков в некрологе ему, напечатанном в газете «Русь», охарактеризовал его как «живого, рьяного, просвещенного и талантливого общественного деятеля и публициста, сильного и цельного духом, необычайно-выразительно искреннего и в своей внешности, и в речах и поступках, — не знавшего ни угомона, ни отдыха, ни устали, бодрствовавшего на работе до самого последнего часа своей жизни». Особо отметил Аксаков его служение журнальному делу — редактируемый Кошелевым журнал «Русская беседа» имел «существенное значение в истории народного самосознания в русском обществе».[182]

---

[180] Письмо Н. С. Соханской от 20 сентября 1861 г. // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 564.
[181] Письмо Г. С. Аксакову от 2 января 1862 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. № 16. Л. 25 об.
[182] Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 1.

В. А. Кошелев

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

«Еще никогда не бывало в России такой массы листков, газет и журналов, какая явилась в 1856—1858 годах. Издания появлялись, как грибы, хотя точнее было бы сказать, как водяные пузыри в дождь, потому что как много их появлялось, так же много и исчезало. Одними объявлениями об изданиях можно было бы оклеить башню Московского Ивана Великого», — вспоминал Н. В. Шелгунов.[1]

Новое царствование вселило надежды на осуществление славянофильской «любимой пламенной мечты об издании журнала». Пробудился вызванный правительством «некоторый дух жизни и свободы», как осторожно именовал его А. С. Хомяков в письме к К. С. Аксакову.[2] Московские западники решили издавать новый журнал «Русский летописец» (позже названный «Русским вестником»), издателем вызвался быть М. Н. Катков, заведовавший редакцией «Московских ведомостей». 29 мая 1855 г. Катков представил министру народного просвещения А. С. Норову проект предполагаемого журнала. 3 октября Государь, находившийся в Бахчисарае, журнал разрешил.

В объявлении о журнале (оно вышло 15 ноября) в списке авторов фигурировали С. Т., К. С. и И. С. Аксаковы. «...В Москве издается журнал, — сообщал С. Т. Аксаков Ю. Ф. Самарину, — при помощи большого капитала и больших средств. Зная редактора с малых лет за честного человека, зная, что он совсем не западник (в дурном значении этого слова), мы с Константином согласились поставить свои имена в числе участников и даже кое-что напечатать иногда в новом „Русском вестнике“».[3]

---

[1] *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 92.

[2] *Хомяков.* Т. VIII. С. 336.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 11. № 6. Л. 21 об.—22.

Но еще летом 1855 г. А. И. Кошелев стал хлопотать об издании собственно славянофильского журнала. Самый простой путь здесь был — приобрести погодинский «Москвитянин», в котором за пятнадцать лет явилось немало материалов Хомякова, И. В. Киреевского, Самарина, Аксаковых. Этот полуофициальный консервативный орган «гласности в пределах благоразумной осторожности» был уже, что называется, «при последнем издыхании» — издатель его, М. П. Погодин, готов был передать журнал кому угодно.

От опрометчивой покупки Кошелева сразу же (в письме от 13 августа 1855 г.) предостерег И. Киреевский: «Но купить „Москвитянин" будет вам решительно вредно. Новый журнал, *совсем новый, с новою мыслию, с новыми людьми и с ясным, чистым убеждением* может быть один для нас полезен...»[4]

Но получить официальное разрешение на «совсем новое» издание было очень непросто. Дело осложнялось опалой, наложенной на славянофилов в предшествующее царствование из-за «Московского сборника» 1852 года. За ними был установлен полицейский надзор, никем не отмененный. А печатать свои статьи они могли не иначе, как только с разрешения Главного управления цензуры в Петербурге... Поэтому дело затягивалось, хотя еще 21 февраля 1855 г. Кошелев (вместе с Т. И. Филипповым) «вошел с прошением» о разрешении нового журнала, целью которого издатель выставил «изучение русской жизни в истории и в настоящем быту».[5]

Дело, по русскому бюрократическому обыкновению, затягивалось, и Константин Аксаков решил действовать через П. А. Вяземского, только что назначенного товарищем министра народного просвещения. 10 августа он написал Вяземскому подробное письмо, в котором изъяснил все неудобства наложенной на славянофилов «подписки», причем, дело заключалось даже не столько в строгости столичной цензуры, сколько в «убийственной медленности»: его безобидная брошюра о глаголах цензуровалась полтора года, была разрешена к печати, но был выброшен пример — предложение со словами «справедливость и беспристрастность». «Итак, — просит К. Аксаков товарища министра, — желание мое заключается в том, чтобы со всех нас была снята эта подписка и чтобы мы стали в обыкновенные отношения к цензуре. 〈...〉 Право, довольно трех лет литературного и ученого стеснения для пятерых из русских писа-

---

[4] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 286. Курсив мой. — *В. К.*
[5] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 3811.

телей. Дайте возможность мыслить и трудиться посильно для общей пользы, для всяческого блага нашей русской земли».[6]

Вяземский вызвался помочь и переговорил с Норовым. Министр собирался в Москву, и К. Аксаков должен был с ним встретиться. Сообщая это и характеризуя Авраама Сергеевича с наилучшей стороны (писатель, лингвист, библиофил, человек «с доброю и теплою душой»), Вяземский расходится целой тирадой: «Теперь не время умозрений, исторических систем, утопий. ⟨...⟩ Дай Бог, чтобы и в деле нашей образованности было некогда: одно стадо и один пастырь, то есть чтобы все добросовестные сподвижники русской мысли и русского слова соединились, и общим пастырем было бы министерство народного просвещения».[7]

В начале сентября К. Аксаков поехал из Абрамцева в Москву и там встретился и говорил с Норовым. В ответном письме к Вяземскому он отметил: «Я теперь менее, чем когда-либо имею надежды на возможность беспрепятственно трудиться, на возможность открытой самостоятельной Русской мысли. В беседе с Ав⟨раамом⟩ Сер⟨геевичем⟩ на меня пахнул тот удушливый воздух, от которого гаснет всякий чистый огонь, — и мне разом стало ясно многое...»[8]

Эту беседу Аксаков тогда же подробно законспектировал — как бы в назидание всем будущим российским литераторам, кому придется сталкиваться с высшей бюрократией. Это была воистину *русская беседа*:

«*Я*: Я в своих статьях ничего не нахожу.

Министр: Как? вы не находите? Как же прав⟨ительство⟩ после этого может снять с вас подписку? Оно надеется, что вы сознаете свои ошибки. А если вы их не сознаете, для чего же и нужна цензура?..»

Вот точка зрения бюрократа: «уличенный» литератор непременно должен покаяться. «Невиноватых» в совершенной государственной машине не бывает. И никаких аргументов тут не нужно.

«*Министр*: В⟨яземский⟩ говорил мне об вас как о человеке, сочувствующем пр⟨авительству⟩, готовом содей⟨ствовать⟩. А я вижу теперь, что вы совершенно тому противоположны.

Я: Но что же я такое сказал, что бы ут⟨вердило⟩ вас в таком мнении?

Министр: Вы ничего не сказали, но я довольно живу на свете, чтобы узнавать людей».

---

[6] РНБ. Ф. 124. № 75. Л. 1–1 об.

[7] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 33 (письмо к К. С. Аксакову от 28 августа 1855 г.).

[8] РГАЛИ. Ф. 211. Оп. 1. № 367. Л. 5.

Передавая разговор с министром, Аксаков как бы представляет две позиции, две «роли»: бюрократа, наделенного властью и обязанностью ее защищать, — и интеллигента, имеющего только собственное мнение. Сама расстановка ролей исключает разрешение конфликта в пользу интеллигента.

«*М*⟨*инистр*⟩: ⟨...⟩ Правит⟨ельство⟩ бы желало, чтобы вы употребили ваше прекрасное перо на полезные сочинения. Вот ст⟨ихи⟩ вашего брата, кажется, — „Бродяга"?

Я: Моего брата.

М⟨*инистр*⟩: Весьма вредно. Здесь выставлено в привлекат⟨ельном⟩ виде беспаспортное состояние.

Я: Уверяю вас, что мой брат этой цели не имел, и никакой дурной.

М⟨*инистр*⟩: Вот и стихи Х⟨омякова⟩. Я Х⟨омякова⟩ люблю; это чел⟨овек⟩ гениальный; я это знаю. Но стихи его, разве неумышленно, могут иметь вредное ⟨влияние⟩. ⟨...⟩ Но я говорю, что только в том случае, если вы не б⟨удете⟩ писать вред⟨ных⟩ мыслей, я могу подать вам руку помощи. Я протяну вам руку (*протягивает*) лишь на доброе».[9]

Поскольку министр не объяснил, что именно он считает добрым, подписка снята не была.

Кошелев решил действовать иначе. Не доказывая никому ничьей благонамеренности, он склонил на свою сторону попечителя московского учебного округа В. И. Назимова; тот начал нажимать не только на Норова, но и на другие бюрократические клавиши, но «клавиш» оказалось много, и дело грозило затянуться. Для решения этих вопросов чиновники, как водится, создали «комиссию», начавшую, ни шатко ни валко, заседать. Быстрых результатов не предвиделось. Тогда в Петербург отправился Хомяков.

В Петербурге на одном вечере Хомякова («одного из коноводов московских славянофилов») встретил цензор А. В. Никитенко и записал в дневнике: «Он явился в зало министра в армяке, без галстука, в красной рубашке с косым воротником и с шапкой-мурмолкой подмышкой. Говорил неумолкно и большей частью по-французски, — как и следует представителю русской народности. Встреча его со мной была несколько натянута, ибо он не без основания подозревает во мне западника».[10]

Именно в косоворотке и при бороде, как привык ходить в первопрестольной, явился Хомяков в чиновный Петербург «пробивать» славяно-

[9] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 26. Л. 3 об.

[10] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 429.

фильский журнал. По старым своим связям (с министром внутренних дел графом Д. Н. Блудовым) он едва не добился приема у самой императрицы, — но тут опять-таки помешали косоворотка и борода. Вот как передан этот эпизод в воспоминаниях сына Хомякова Дмитрия Алексеевича:

«В эту поездку в Петербург императрица Мария Александровна пожелала его видеть. Он, как известно, ходил в русском платье, в то время опальном и для многих представителей высшего общества отвратительном. В тогдашней французской газете „Le Nord“ была даже статья из Петербурга, в которой описывался Хомяков, показавшийся в поддевке в петербургских гостиных. Приехать в таком наряде образованному человеку во дворец считалось невозможным, и Хомяков на этот случай заказал себе фрак. Кажется, даже и день представления государыне был назначен, но случилось вот какое обстоятельство. У графа Блудова встретил его граф Киселев, и, разумеется, за словом Алексей Степанович в карман не лез. Потом граф Киселев был у Государя и мимоходом выразил удивление, каких гостей принимает у себя старик Блудов; причем комически описал, в каком платье и какого гостя он встретил. Немедленно выражена была воля, вследствие которой представление не состоялось».[11]

Правда, заодно Государь поинтересовался, с какой целью этот странный гость вообще явился в Петербург, и, узнав о цели визита, тут же распорядился снять злосчастную цензурную «опалу» (распоряжение датировано 27 января 1856 г.) и разрешить издавать журнал «Русская беседа» (журнал разрешен 3 февраля). Преодолеть бюрократические препоны в данном случае помогло исключительно нетрадиционное бытовое поведение Хомякова. Что называется, «не было бы счастья, да несчастье помогло».

К традиционным «протестам» русский чиновник давно привык. Любое «письмо», направленное в адрес Государя, сколь бы аргументированным оно ни было, всегда рисковало не дойти до адресата: на это в России всегда существовало множество систем «согласований», «комиссий», «комитетов» и прочая, и прочая... А появиться в чиновном Петербурге в армяке и в мурмолке и в таком виде ораторствовать в великосветских салонах — такого «сбивающего с толку» шага оказалось достаточно, чтобы «пробить» непробиваемую броню. Хомяков никого не эпатиро-

[11] По какому источнику приведена цитата, установить не удалось. — *Ред.*

вал — он вел себя так, как привык. Но именно эта «противоестественная естественность» бытового поведения обманула бдительных чиновников.

В марте 1856 г. на обеде в честь героя Крымской кампании Д. Е. Остен-Сакена (Хомяков в молодости служил под его началом) он снова «не в очереди» влез со своими разговорами, некстати «оттеснив» какого-то видного чиновника. Тот пожаловался в полицию, указав, что вскорости в Москву приезжает Государь (на коронацию) и что Государь — не приведи Бог — увидит этого «коновода» при бороде. Хомяков получил из московской полиции приказание «выбрить бороду и не носить в публике национального платья...»

Приказание московского полицеймейстера породило специальную прокламацию, к составлению которой имел, вероятно, отношение сам Хомяков и, возможно, еще кто-то из молодых сотрудников формирующейся редакции «Русской беседы». В ней прежде всего заявлялось о вмешательстве верховной власти в частную жизнь, которому надобно противостоять: «Люди разных возрастов, состояний и мнений опечалились при мысли, что правительство опять хочет вмешиваться в частные дела граждан, опять все подводить под лекало однообразия и оказывать презрение к народности, к которой, однако, в дни скорби не преминуло обратиться».[12]

Отметим, что в этот раз (в отличие от аналогичного эпизода 1849 г.) Хомяков и не подумал исполнять «подписку» — так и остался «при бороде». Для него проблема «бороды» как знамени «русской народности» оказалась в связке с проблемой *свободы* конкретного человека — будь он даже и гражданином самодержавного государства — права человека на частную жизнь, права на *независимость от властных чиновников любых рангов.*

Долгожданный славянофильский орган возник при самом неблагополучном стечении обстоятельств. 3 марта 1856 г. в «Московских ведомостях» появилось объявление с программой нового журнала, а 11 июня скоропостижно скончался один из его «отцов», Иван Киреевский, которого прочили в редакторы будущего издания. Другой потенциальный редактор, Иван Аксаков, был занят отчетом Географическому обществу и комиссии кн. В. И. Васильчикова да к тому же еще стремился, после многолетней деятельности, отдохнуть и развеяться в заграничном путе-

[12] Прокламация опубликована Н. Н. Мазур: Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 136–138. Цитируется по этому тексту (с. 136), сверенному с подлинником (ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 5. № 92).

шествии. Сам Кошелев, хоть и являлся издателем «Русской беседы», для редакторской работы подходил мало: круг его интересов сосредоточивался в пределах экономических вопросов, к литературе он имел отношение косвенное, кроме того, с годами стал человеком, с одной стороны, весьма осторожным, боявшимся «оппозиции», а с другой — не очень терпимым к тем убеждениям, которые хотя в чем-то расходились с его собственными. Молодой его соредактор Тертий Филиппов, учитель русского языка и словесности одной из московских гимназий, отличался шаткостью собственных понятий, то ли славянофильских, то ли «официальных», и вовсе не понимал ничего в журнальной политике. К тому же в 1857 г. он покинул Москву.

Но дело было не только в редакторе. Когда С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану высказал опасения по поводу возможного неуспеха будущего издания, тот отвечал: «Я сам не ожидаю большого успеха для „Русской Беседы", но не по недостатку редактора, а по другим причинам. Условия, благоприятствовавшие успеху последнего „Моск⟨овского⟩ сборника", миновались: года полтора тому назад, кто бы ни был редактор, „Беседа" имела бы успех огромный».[13] Дальновидный Иван, находившийся далеко (в ополчении!), подметил то, чего не было видно в Москве: русское общество в первые полтора года нового царствования уже насытилось общими призывами и жаждало конкретных деяний. В конце марта 1856 г., после газетного объявления, на журнал подписалось... 29 человек (а на «Русский вестник» — около трех тысяч!). «Константин уверяет, что это добрый знак», — замечает по этому поводу С. Т. Аксаков в письме к Самарину.[14]

Новый журнал назвали «Русская беседа». Программа, заявленная ее издателями, не очень пришлась по душе русскому читателю, даже и самому непредвзятому.

Как видим, в этой истории все оказывается непохоже на обыкновенную русскую историю основания нового журнала. Отвергается самый простой в русской журналистике путь: покупка и «перемена направления» уже существующего издания: так «переменялись», например, «Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения» и множество других изданий. Этот путь изначально признается невозможным — новый журнал разрешается лишь после четырех отказов, после подключения самых влиятельных лиц. И все решает, в конце концов,

---

[13] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 426.
[14] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 11. № 6. Л. 4.

открытый *вызов*, предпринятый Хомяковым. Хомяков, между прочим, настаивал на этой политике *вызова* уже и после разрешения издания: «Нужен ultimatum резкий, — писал он Кошелеву, — и по крайней мере, если его примут, то мы сколько-нибудь можем надеяться, а без этого решаться ни на что нельзя».[15]

Славянофильский орган начал выходить в «неурочное» время (первый номер — в мае) и при отсутствии явного журнального «лидера». Сразу же умерли братья Киреевские; Хомяков, «диалектик» славянофильского витийства, и К. Аксаков, витийственный «трибун» и пропагандист, готовый применять дар своего красноречия в самых неподходящих местах, не очень подходили для роли журнальных деятелей. А И. Аксаков для нее еще не «созрел».

В противовес всем требованиям времени, характеризовавшегося «бумом» интереса к текущей политике (и особенным интересом к журналистике), основатели «Русской беседы» не пошли по привычному пути. Изначально был принят необычный журнальный «формат» — четыре книжки в год. Подобный же «формат» избрал в 1836 г. Пушкин для своего вновь основанного «Современника»: «4 тома статей чисто литературных, исторических, ученых 〈...〉 наподобие английских трехмесячных Reviews».[16]

Пушкину не удалось до конца реализовать свой замысел. Не получилось и у «Русской беседы»: наряду с последовательно проводившимися идеями пропаганды «русского воззрения», она не пренебрегала и материалами, далекими от этой пропаганды (например, к удивлению многих современников, именно в «Русской беседе» была впервые напечатана не очень-то «славянофильская» комедия А. Н. Островского «Доходное место»). С другой стороны, именно ограниченное число книжек позволило журналу держаться на плаву, публикуя новые произведения прежде всего немногочисленных членов славянофильского кружка.

Показательный пример. Однажды И. Аксаков (с августа 1858 г. негласно управлявший редакцией «Русской беседы») отказался печатать в журнале замечательные стихотворения А. К. Толстого «Двух станов не боец...» и «Как селянин, когда грозят...». Автор удивился: эти стихи с удовольствием возьмут многие более известные журналы! Редактор пояснил: «Они правы с своей точки зрения, относясь к стихам своим только

---

[15] *Хомяков*. Т. VIII. С. 146.
[16] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 16. С. 69.

с художественной стороны; но мы желаем, чтобы каждая строка нашего журнала била в известную цель, пела в общем хоре...»[17]

И как только ушли из жизни литературный «патриарх» славянофильства С. Т. Аксаков и два его лидера — Хомяков и К. Аксаков — издание должно было прекратиться по причинам совсем не финансовым. Не случайно Герцен в знаменитой некрологической статье «Колокола» так их и вспомнил вместе: «Рано умер Хомяков; еще раньше Аксаков...»[18]

Надобно учесть, что «Русская беседа» с самого начала была журналом *убыточным*. Подписчиков на первый год набралось 850 человек, а на 1857-й — 1200, и выше этого число подписчиков не поднялось. Существование такого убыточного издания обеспечивалось не только «меценатством» его издателя, но показательным единением тех «эксцентрических» энтузиастов, которые этот журнал создавали.

Как указал Ю. М. Лотман в классической работе о бытовом поведении декабриста, «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека, резко отличного по своему поведению от всего, что знала предшествующая история».[19] Подобным образом конструировали собственное бытовое поведение и последующие общественные группировки. Славянофильство в этом отношении представило самый показательный пример. Только это был пример не *личности*, а *группы лиц*, соединенных по «семейному» принципу. Именно благодаря этой исходной «семейственности» двадцать вышедших в свет книг «Русской беседы» оказались уникальным явлением в русской журналистике.

---

[17] Вестник Европы. 1905. № 10. С. 443.

[18] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 9.

[19] *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 29.

Е. О. Непоклонова

«ПРЕДИСЛОВИЕ» И ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ А. С. ХОМЯКОВА В «РУССКОЙ БЕСЕДЕ»

Участие в издании «Русской беседы» было одним из последних творческих начинаний А. С. Хомякова. Для него эта работа явилась своеобразным синтезом различных граней и направлений творчества, подведением итогов многолетнего кропотливого труда в области науки, философии, публицистики и поэзии. Большинство тем и вопросов, затронутых Хомяковым в журнальных публикациях, были основательно разработаны им в рамках различных областей творчества на протяжении 1830-х — 1850-х гг.

Широта и разносторонность научных и художественных интересов Хомякова не могли не проявиться на страницах журнала: ни один автор не представлен в «Русской беседе» в таком объеме и разнообразии, как Хомяков. Ему принадлежит программное предисловие к журналу, вышедшее в первом томе 1856 г., практически в каждом томе журнала публикуются его стихотворения, в разделе «Наука» представлены статьи, посвященные философской и филологической проблематике («О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину)», «Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского. По поводу предыдущей статьи», «Несколько слов о глаголице», «Примечания к песням, помещенным в статье г-жи Кохановской» и др.). В разделах «Критика» и «Смесь» Хомяков также опубликовал ряд статей, в частности «О юридических вопросах (Письмо к издателю)», «Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление», а также весьма самобытное сочинение «Разговор в Подмосковной». В «Русской беседе» была опубликована знаменитая статья Хомякова о картине А. А. Иванова, а также речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности. Кроме того, перу Хомякова принадлежат помещенные в журнале некрологи, в частности «И. В. Киреевский», «П. В. Киреевский», «С. Т. Аксаков», а также различные письма и комментарии, опубликованные без под-

писи (например, «Письмо к издателю Т. И. Филиппову», «Письмо к издателю А. И. Кошелеву»), либо примечания, подписанные «От редакции».

Активное и разностороннее общение с современниками на страницах журнала удовлетворяло постоянной потребности Хомякова выносить свои суждения «на суд братьев», искать истину в живой, искренней беседе с людьми различных взглядов и убеждений. Само название журнала, вероятно, также подсказанное Хомяковым, в полной мере соответствовало внутреннему строю его личности. Более того, это название, при всей своей простоте и естественности появления, было концептуально значимым именно для Хомякова, на протяжении десятилетий разрабатывавшего онтологию общения как условия бытия и познания.

Публикации Хомякова, представленные во всех разделах журнала, при всем их разнообразии, отличаются глубокой связанностью друг с другом, единством мировоззренческих и исследовательских установок, глубокой и детальной проработанностью базовых теоретических проблем. Все статьи имеют ярко выраженное единое концептуальное ядро, с которым соотнесен и строго логически выверен конкретный материал каждой из них. В силу этого любая публикация в «Русской беседе» оставляет впечатление не статьи «на случай», а серьезного теоретического труда, требующего от читателя вдумчивого чтения. В этом отношении характерным является единство стиля и пафоса представленных публикаций, а также особая авторская позиция по отношению к читателю. Эта позиция предельно диалогическая, в равной мере обращенная к мысли и к сердцу читателя.

Духовное и интеллектуальное лидерство Хомякова среди единомышленников постоянно обнаруживается на страницах «Русской беседы», Хомяков предстает внутренним стержнем журнала, скрепляющим в единое целое отдельные исследования, убеждения, направления мысли. На это указывают не только статьи и поэтические сочинения автора, но и сама общая атмосфера журнала, характер избираемых тем и направлений, небольшие примечания и развернутые комментарии к различным публикациям, — все это так или иначе подразумевало постоянное незримое присутствие Хомякова, его оценку, сочувствие, пристальный интерес, а подчас и непосредственное участие в замысле тех или иных статей своих единомышленников. Так, в частности, известна побуждающая роль Хомякова в работе И. В. Киреевского над статьей «О необходимости новых начал в философии», его активный интерес к филологическим изысканиям А. Ф. Гильфердинга, значение Хомякова для научных поис-

ков Ю. Ф. Самарина, для духовных и эстетических исканий К. С. Аксакова и т. д. Очень часто в журнале возникают смысловые и тематические переклички между статьями различных авторов, что усиливает ощущение единства и тесного общения внутри дружеского кружка. Не случайно некоторые статьи принимают форму писем авторов друг другу. Высказываемые идеи, тем самым, непрерывно пребывают в перспективе доверительного общения, незавершенного процесса обсуждения.

Характерно, что в журнале часто обнаруживается известная привычка Хомякова прикрывать свое авторство, растворяясь в среде единомышленников. Некоторые его статьи и примечания даны за подписью «От редакции» или «Русская беседа», хотя автор легко узнаваем по стилю и строю рассуждений, иногда вместо подписи предлагаются различные намеки по поводу авторства. Так, например, «Письмо к издателю Т. И. Филиппову» снабжено указанием на место написания — Тула, рядом с которой находилось имение Хомякова,[1] а один из участников «Разговора в Подмосковной», выражающий авторскую точку зрения, назван Тульневым.

Эти особенности во многом были связаны с желанием Хомякова перенести в журнал свободную, уютную, семейную атмосферу дружеского кружка, создать пространство общения, в котором индивидуальность каждого «согласна единству всех». «Какие бы ни были различия в мнениях почтенных и радушно принятых гостей, домашний кружок связан единством коренных, неизменных убеждений»,[2] — подчеркивает Хомяков в предисловии к журналу. Он обещает читателю «простую, искреннюю, непритязательную русскую беседу обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей», «приятные и добрые впечатления»,[3] стремясь нейтрализовать возможное предубеждение читательской среды. Общение с читателем для Хомякова — это атмосфера живой встречи, внутренней свободы и доверия.

Особый интерес в этом отношении вызывает написанное Хомяковым «Предисловие к „Русской беседе“», в котором не только сформулированы основные просветительские установки журнала, но и высказано понимание автором принципов журнальной просветительской позиции по отношению к читателю. В связи с этим представляется необходимым рас-

[1] Ср. также подпись «Т...к», легко расшифровываемую как «туляк». — *Ред.*

[2] *РБ*. 1856. Кн. I. С. I.

[3] Там же. С. I, V.

смотреть роль «Предисловия» для дальнейших публикаций, представленных Хомяковым в последующих томах «Русской беседы».

Предложенный Хомяковым в «Предисловии» стиль диалога с читателем был воспринят многими современниками как старомодный, непродуктивный, не соответствующий читательскому запросу того времени. На это обращали внимание многие исследователи, в частности В. А. Кошелев, подчеркивавший, что Хомяков не имел навыков современной журнальной полемики. Скорее всего, сама модель просветительской деятельности, которая была характерна для западнически ориентированных журналов и воспринималась как единственно возможная, была во многом чужда Хомякову.

Действительно, «Предисловие» не вписывалось в современные представления о журнальной культурно-просветительской деятельности. С одной стороны, с первых страниц «Предисловия» читателю предлагается журнал с «направлением», в котором некие «неизменные убеждения» должны быть «приложены ко всем предметам мысли и знания». С другой стороны, Хомяков меньше всего обещает читателю готовые, хотя и достаточно аргументированные положения и выводы, которые следует принять в силу их логической убедительности. Для Хомякова всякое «готовое» знание, принимаемое в силу каких-либо критериев достоверности, в том числе и логических, немедленно превращается в «авторитет», становится внешним знанием, навязанным, а не воспринятым свободно.

Вместо этого он предлагает читателю совместный поиск истины, причем в качестве первичных, необходимых условий этого поиска требуется открытость, доверие, дружеское расположение к журнальному кружку и — совершенно неожиданно — господство нравственного критерия при решении «умственных вопросов». «Предметом „Беседы“, — подчеркивает Хомяков, — будут ⟨...⟩ служить все разнообразные проявления умственной жизни человека; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получает свое достоинство от жизни нравственной. Ее современная слабость отзывается в том, что можно назвать пустодушием европейского просвещения. Вопросы нравственные должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов. Поэтому не удивляйся и не гневайся, если иногда услышишь слово несколько строгое, даже, может быть, несколько оскорбительное для уха, избалованного крайнею нежностию нашей печатной словесности. „Беседа“ не считает себя вправе обходить требования нравственной правды».[4]

---

[4] Там же. С. V–VI.

Таким образом, Хомяков сразу же в «Предисловии» напрямую высказывает свою излюбленную мысль о нерасторжимости «умственной и нравственной жизни» человека и в связи с этим — о связи поиска истины и нравственной чистоты души: «Вопросы нравственные должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов».[5] Хомяков обращается здесь к своей заветной идее о мощном влиянии нравственной сферы личности на процесс познания. Проблема культурных и нравственно-психологических предпосылок познавательной деятельности (которая стала по-настоящему актуальной для теории науки в конце XX в.) интересовала его всегда, как в 1830-е — 1840-е, так и в 1850-е гг. Теперь Хомяков счел необходимым прямо заявить об этой проблеме читателю с первых страниц нового журнала.

Обозначив перед читателем столь неожиданные установки и общий дух журнала, Хомяков переходит к историческим примерам. Он вновь обращается к темам, основательно продуманным им в 1840-е гг. Хомяков предлагает читателю сопоставить две просветительские позиции в их приложении к языковым фактам. Это характерная для него манера в качестве довода привести неожиданный пример в виде мелкой детали, незначительной, на первый взгляд, частности, в которой, однако, целиком отражается рассматриваемая проблема. В данном случае Хомяков предлагает сравнить славянскую кириллицу с различными европейскими алфавитами, сопоставив, тем самым, отразившиеся в них принципы кирилло-мефодиевской и «западной», «римской» просветительской деятельности. «Когда народ получает от другого первые начала письменности, просветитель передает ученику собственную свою азбуку или возникает новая, более сообразная с звуковыми потребностями новопросвещаемого народа. В первом случае являются нелепые сочетания согласных, как у славян, принявших латинские буквы, или *эс*, *це*, *га* немцев, или множество изофонетических знаков, как у французов ⟨...⟩. Во втором случае является азбука разумная, как, например, наша кириллица. В первом случае народ принимает грамоту, во втором грамотность. Точно то же является и при всякой передаче просвещения от народа к народу. Новопросвещаемая земля может получить в деле просвещения данные и выводы уже готовые и, так сказать, вытвердить их на память или получить ту искру просвещенной мысли, которая должна впоследствии разгореться светлым и чистым огнем, питаемым родными материалами».[6]

---

[5] Там же. С. VI.
[6] Там же. С. II.

В этом фрагменте каждое слово взвешено и продумано, поскольку связано с проблематикой, волновавшей Хомякова на протяжении многих лет; особенно важно для него понятие «сообразности» как необходимого условия просветительской деятельности, а также отрицание плодотворности «готового» знания. Обращение к миссионерской деятельности св. Кирилла появляется в «Предисловии» не случайно, на протяжении 1840-х — 1850-х гг. образ славянских первоучителей явно или скрыто присутствует во многих его сочинениях и часто выходит на поверхность при рассмотрении наиболее значимых вопросов.

Хомяков был, вероятно, одним из первых, кто живо ощутил уникальность Кирилла и Мефодия как просветителей-миссионеров. В созидании славянского культурного ареала Slavia Ortodoxia Хомяков увидел подлинно христианскую интуицию любви и свободы в отношении к просвещаемому народу, проявившуюся в способности быть «сообразным» внутреннему строю его души, а также в единстве нравственного и умственного усилия — как непременном условии истинного творчества.

В 1850-е гг. Хомяков часто размышлял над общими принципами переводческой деятельности Кирилла и Мефодия. Больше всего он был поражен отсутствием какого бы то ни было формализма, механистичности в их работе над переводами греческих текстов, что проявилось, например, в минимализации прямых заимствований из греческого языка. Так в «Письме к редактору „L'Union chrétienne" о значении слов „кафолический" и „соборный". По поводу речи отца Гагарина, иезуита» Хомяков удивлялся чуткости первоучителей к славянской языковой стихии, их упорному стремлению сообразовать новые христианские понятия с внутренней формой исконных славянских слов. Сопоставляя греческое «katholikos» и славянское «соборный», Хомяков писал следующее: «Не посмею сказать: глубокое ли познание сущности Церкви, почерпнутое из самых источников истины в школах Востока, или еще высшее вдохновение, ниспосланное Тем, Кто Один есть „Истина и живот", внушило передать в символе слово кафолический словом *соборный*; но утверждаю смело, что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры».[7]

---

[7] *Хомяков*. Т. II. С. 327. Подобные тенденции обнаруживает, в частности, В. Н. Топоров, например, анализируя формирование понятия святости на основе древнего славянского слова «святой». См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Характерно, что современные исследователи переводческой деятельности Кирилла и Мефодия полностью совпадают с Хомяковым в оценке их роли в истории славянской письменности и культуры, а также в признании уникальности их переводческих принципов. Так, Е. М. Вере-

Таким образом, в переводческой практике Кирилла и Мефодия Хомяков увидел особую просветительскую позицию, целью которой является подлинная, исполненная духовной свободы, встреча двух культур, в некотором смысле кенозис просвещающей культуры по отношению к просвещаемой. Эта встреча культур была для него неким чудом, прорывом за пределы естественного порядка бытия, поэтому в «Предисловии», рассуждая о кириллице, он отмечает, что «последний случай составляет весьма редкое исключение».[8]

В Западной Европе, с эпохи римского миссионерства, по мнению Хомякова, возобладал иной тип просвещения, модель которого он характеризует в последующей части «Предисловия»: «Обыкновенно народ-просветитель ⟨...⟩ поражает таким блеском глаза своих учеников, что все явления его умственной и нравственной жизни, все даже внешние особенности его вещественного быта делаются предметом суеверного поклонения или безрассудного подражания. Таково было отчасти влияние народов романских на племена германские. ⟨...⟩ Но время течет; но мысль, ознакомившись с просвещением, избавляется от суеверного поклонения чужому авторитету ⟨...⟩. Наступает период критики».[9]

Так, на примере истории западноевропейского просвещения, Хомяков прочерчивает схему, в общих чертах присутствующую в любом межкультурном взаимодействии. Схема отражает закономерное, то, что происходит «обыкновенно», в отличие от деятельности Кирилла, явившейся, по его мнению, исключением.

Подобная схема была в свое время описана Ю. М. Лотманом как универсальная модель межкультурной коммуникации. «С точки зрения „принимающей“ стороны, — отмечает Лотман, — процесс восприятия делится на следующие этапы:

1. Поступающие извне тексты сохраняют облик „чужих“ ⟨...⟩. В воспринимающей культуре они занимают высшее ценностное место в иерархии: им приписывается истинность, красота, божественное происхождение и т. д. Соответственно ранее существовавшие тексты на „своем“ языке, равно как и сам этот язык, получают низшую оценку: им приписывается неистинность, „грубость“, „некультурность“.

щагин, анализируя переводы богослужебных текстов, отмечает обращение Кирилла и Мефодия к редкому для переводчиков приему ментализации. В отличие от заимствований и различных типов калькирования, ментализация представляет собой перевод семантической доли слова, для чего необходима кропотливая работа с образной системой чужого языка.

[8] *РБ*. 1856. Кн. I. С. II.

[9] Там же. С. II—III.

2. Оба начала: „импортированные“ тексты и „своя“ культура — взаимно перестраиваются 〈...〉. Одновременно коды, импортированные вместе с текстами, встраиваются в метакультурную сферу.

Если на первом этапе доминировала психологическая тенденция разрыва с прошлым, идеализации „нового“, т. е. полученного извне миропонимания, стремление оторваться от традиции, „новое“ переживалось как спасительное, то теперь господствует тяга к восстановлению прерванного пути, ищутся „корни“; „новое“ истолковывается как органически вытекающее из старого, которое, таким образом, реабилитируется.

3. Обнаруживается стремление отделить некое высшее содержание усвоенного миропонимания от той конкретной национальной культуры, в текстах которой она была импортирована. Складывается представление, что „там“ эти идеи реализовались в „неистинном“ — замутненном и искаженном — виде и что именно „здесь“, в лоне воспринявшей их культуры, они находятся в своей истинной, естественной среде. Культивируется неприязнь к культуре, первоначально транслировавшей данные тексты, и подчеркивается истинно национальная их природа...»[10]

В качестве примеров данной схемы Ю. М. Лотман приводит период христианизации Руси и эпоху петровских преобразований.

В построениях Хомякова прослеживается та же схема как обозначение неких естественных и универсальных механизмов межкультурного общения. Не случайно в других работах он не только обнаруживает эти механизмы в западно-римском просвещении, но находит подобные тенденции и в византийской просветительской традиции. Специфика хомяковского мироощущения в том и состоит, что, осознавая закономерности «обыкновенно» и естественно происходящего, он видит возможность прорыва к иному порядку бытия, при котором «законы естества» утрачивают роль внешней необходимости, перестают быть ограничивающим началом для творчества. Образ св. Кирилла для того и понадобился Хомякову, чтобы показать, как внутри рассмотренной выше универсальной схемы межкультурного взаимодействия возможно претворение ее основных начал. Благодаря творчеству Кирилла, уже на первом этапе просвещения, новое знание, оставаясь новым, качественно иным по отношению к старой славянской, языческой в своих началах, культуре, перестает быть внешним, «авторитетным» и «готовым» для нее. Поэтому вместо этапа пассивного и механического усвоения нового старой культурой

[10] *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 198–200.

происходит подлинная творческая встреча нового и старого, «своего» и «чужого».

Для Хомякова такое событие общения всегда сопряжено с мощным волевым усилием, прилагаемым с обеих сторон, это — некий прорыв и рождающееся из него ощущение чуда. Здесь мы касаемся глубокой внутренней струны в мироощущении Хомякова. Не случайно и в его художественном сознании доминирующим является мотив медленного набирания силы, завершающегося прорывом, пробуждением, взлетом, переливанием через край, пробиванием земной коры и другими образами преодоления всяческих ограничений земного, естественного порядка бытия.[11] Этот мотив, связанный с глубинной религиозной интуицией автора, в различных воплощениях присутствует во всех его сочинениях, являясь внутренним связующим началом для них.

Далее в «Предисловии» Хомяков помещает в выстроенную им смысловую перспективу эпоху петровского просвещения: «Когда русское общество стало лицом к лицу с западною наукою, изумленное, ослепленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось к ним со всею страстию, к которой только была способна его несколько ленивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мере ничего такого не делала, что бы стоило памяти в роде человеческом».[12] В результате Хомяков настаивает на том, что, в отличие от эпохи славянского просвещения, в эпоху петровских преобразований была формально реализована рассмотренная выше универсальная схема межкультурного взаимодействия, столь характерная для западноевропейских культур, причем этап пассивного усвоения чужой культуры и самоотречения затянулся в России на несколько веков. Взаимодействие русской и западной культур осуществлялось стихийно, «со всей страстью», «обыкновенным» порядком, в этом взаимодействии не было свободы и творческого вдохновения, того самого прорыва к подлинной встрече, которую Хомяков обнаружил в просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. В связи с этим, петровское просвещение, по убеждению автора, явилось просвещением внешним и бесплодным.

Обозначив, таким образом, две просветительские позиции в их отношении к истории русской и западноевропейской культур, Хомяков связал

---

[11] См. стихотворения «Ключ», «К И. В. Киреевскому», «Счастлива мысль, которой не светила...», «Подвиг есть и в сраженьи...», «Звезды», стихотворения о России и др.

[12] *РБ*. 1856. Кн. I. С. III.

воедино целый комплекс значимых для него проблем, осмыслению которых будут посвящены его дальнейшие журнальные публикации в «Русской беседе», а также статьи других участников журнала. Во-первых, в самом начале «Предисловия» предлагается для дальнейших размышлений мысль о принципиальной уникальности славянской культуры, коренящейся в уникальности исходного творческого импульса, дарованного ей первоучителями. Указав на специфику просветительской позиции Кирилла, Хомяков предлагает увидеть в ней истоки специфики славянской культуры в целом и путей ее развития. Во-вторых, период петровских преобразований предлагается рассмотреть как неудачную попытку реализации чуждой модели просвещения, как несовершенной самой по себе, в своих духовных основаниях, так и неорганичной для славянской культуры. В целом взаимодействие России и Запада, с петровской эпохи до середины XIX в., описывается как несостоявшийся диалог, главной причиной неудачи которого оказывается в равной мере исторически сложившаяся внутренняя недиалогичность (в хомяковском понимании диалога) западной культуры, с одной стороны, и общая незрелость нравственно-психологических и умственных сил в России, с другой. Неудача на «первом этапе» взаимодействия культур в петровскую эпоху неизбежно продолжается и на «втором», в период «критики», поскольку «реабилитация своего» затруднена в связи с забвением собственных начал. «Теперь, когда мысль окрепла в знании, — пишет Хомяков, — когда самый ход Истории, раскрывающей тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь западного мира и когда наше сознание оценило (хотя, может быть, еще не вполне) силу и красоту наших исконных начал; нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные западною наукою, которым мы верили так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать ему несокрушимую прочность».[13]

Возвращение к «исконным началам» и, тем самым, возможность подлинного культурного творчества, представляется Хомякову трудноразрешимой задачей, более историческим заданием, нежели данностью. Не случайно он и не пытается детально прояснить возможные пути осуществления этой задачи, его рассуждения приобретают декларативный характер, звучат как мечта, как страстный призыв, переходящий в пророчество. Поэтому в заключение «Русская беседа» предлагается читателю

[13] *РБ*. 1856. Кн. I. С. IV.

как попытка совместного усилия на непростом пути осуществления провозглашенных задач.

Завершая «Предисловие», Хомяков обещает читателю приложение заявленных проблем «ко всем предметам мысли и знания». В своих последующих публикациях в «Русской беседе» он это обещание в полной мере исполняет, помещая в каждом томе журнала статьи, письма, комментарии, посвященные различным областям знания, однако так или иначе соотнесенные с общими положениями, заявленными в «Предисловии». Знакомство с публикациями Хомякова на страницах «Русской беседы» показывает, что от «Предисловия» тянутся нити ко всем последующим публикациям автора и его единомышленников.

Так, в том же первом томе «Русской беседы» 1856 г. появляется статья Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», развивающая положения «Предисловия» о необходимости осмысления «собственных начал» для плодотворного научного творчества. Самарин подчеркивает, что народность, понимаемая «в неразрывной связи с Православною Верою», в первую очередь, является хранилищем «нравственных убеждений», которые не только определяют «семейную и общественную жизнь», но и являются необходимым условием живого и целостного научного исследования. Рассматривая «основные убеждения и прирожденные сочувствия» современных «поверхностно, но многосторонно образованных людей», Самарин обнаруживает, что они не только не отрефлексированы их носителями, но и ущербны в силу оторванности от нравственной сферы личности.[14]

В качестве продолжения и иллюстрации положений Самарина во втором томе «Русской беседы» выходит сочинение Хомякова «Разговор в Подмосковной», в котором темы и методологические установки, заявленные в «Предисловии» и продолженные Самариным, помещены в широкий культурно-исторический контекст и оригинально решены в жанровом отношении. Рассматривая проблемы исторического своеобразия России и ее соотношения с Западной Европой, пути возвращения к «исконным началам», Хомяков, как и было обещано в «Предисловии», стремится не поставить читателя перед готовыми утверждениями, а показать возможные мировоззренческие позиции, которые предопределяют ход рассуждения их носителей и формируют типичные представления о России и Западе. Обнаружение скрытых мировоззренческих предпосылок познавательной деятельности и побуждение читателя к самоопределению

[14] Там же. Отд. II. С. 37, 40–41.

путем их анализа — является главной установкой Хомякова при рассмотрении любых вопросов. В связи с этим в «Разговоре в Подмосковной» он прибегает к своему излюбленному приему драматизации, помещая свои идеи в живую ситуацию спора. Для Хомякова характерна постоянная интенция к воображаемому собеседнику, любое его высказывание всегда предельно диалогично. Поэтому прием драматизации для него органичен и в той или иной степени проявляется в любом сочинении. Так, знаменитая статья «О старом и новом» открывалась спором двух противоположных точек зрения, побуждавшим читателя к активному самоопределению относительно них. Те же тенденции можно уловить и в богословских письмах 1850-х — 1860-х гг., в которых полемика сопровождалась воображаемым диалогом с противником (в «Письме к редактору „L'Union chrétienne"...» Хомяков вступает в воображаемый диалог со своим оппонентом, заставляя о. Гагарина «заговорить»). Поэтому не удивительно, что эта тенденция окончательно реализовалась в форме диалога в произведении «Разговор в Подмосковной». Тульнев и Запутин, два спорящих противника, а также две дамы, участвующие в споре, нужны Хомякову для того, чтобы показать глубокую связь между особенностью личности и мировоззрения каждого и общим ходом их рассуждений. Характеризуя своих героев как людей порядочных и честных, Хомяков устами Тульнева, однако, подчеркивает, что беспристрастность, честность в отношении к логике далеко не означает беспристрастности в отношении к предметам спора. Более того, с точки зрения Тульнева, беспристрастное отношение к исследуемому предмету вообще невозможно, поэтому необходимо в первую очередь осознать и сопоставить свое и чужое «пристрастие».

Хомякову чрезвычайно интересны нравственно-психологические аспекты спора. Он стремится показать, как в процессе познания активизируются ценностные установки собеседников. Причем саму эту проблему Хомяков делает предметом обсуждения своих героев; он наделяет их способностью признать наличие собственных ценностных установок и соотнести их с логикой своих суждений. Центральное положение в процессе спора обретает заявленная в «Предисловии» проблема нравственно-психологических и национальных предпосылок познания и художественного творчества. Для подлинного общения, по убеждению Тульнева, героям необходимо усилие любви не только в отношении друг к другу и к изучаемому объекту, но и к собственным национальным началам (в первую очередь, сочувствие к их нравственной основе). Этот персонаж оказывается необходим автору именно для демонстрации преимуществ мыслителя, стремящегося реализовать подобный идеал. Туль-

нев стремится создать атмосферу доверия между спорящими сторонами, и, тем самым, повлиять на те установки спора, которые определяются эмоциональным настроем оппонентов. Постепенно он подводит своих собеседников к осмыслению предпосылок собственных воззрений. Суть его действий можно передать словами Ю. Самарина, который в упомянутой выше статье утверждал следующее: «Попытайтесь взять под руку этих людей ⟨...⟩ и довести их по ступенькам от применения к основным посылкам, от частного к общему, и они придут в изумление, открыв в себе свод понятий, систему, определенные предпочтения, к которым они приобщились умственно, сами того не замечая. На поверку выйдет, что мнимое беспристрастие, общечеловечность и отрицательная свобода их воззрений в сущности есть бессознательность».[15]

В «Разговоре в Подмосковной» взаимопонимание достигается усилием любви, взаимного доверия; путем этого непростого усилия герои отчасти избавляются от взаимных предубеждений, мешающих понимать друг друга и формализующих сам процесс общения; скрытый за «мыслью» нравственный идеал каждого становится доступен всем. Хомяков оставляет своих героев в ситуации принципиально не завершаемого общения как непрерывной возможности познания друг друга и тех ценностей, в которых укоренен каждый из них.

Таким образом, Хомяков в «Разговоре в Подмосковной» продолжил исследование темы, которая в «Предисловии» была обозначена как сопоставление двух просветительских позиций: западно-римской и кирилло-мефодиевской. Закон любви, делающий отношения свободными и доверительными, единственный, по Хомякову, позволяет достичь понимания и подлинного творческого взаимодействия, направить совместные усилия к поиску истины.

В последующих томах «Русской беседы» Хомяков переводит эту проблематику в план теоретических построений. Это, например, философские статьи, опубликованные в I-й книге 1857 г. и в I-й книге 1859 г. Так, в первой книге за 1857 г., после публикации в разделе «Науки» «Отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского», Хомяков предлагает читателю свои размышления, названные «По поводу предыдущей статьи». Здесь он знакомит читателя с концепцией «живознания», которую разрабатывал совместно с Киреевским и которая была близка многим славянофилам. В связи с этим меняется авторская интонация, она становится более нейтральной, ослабляется напряженная диалогичность по отноше-

---

[15] Там же. *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. II. С. 41.

нию к читателю, поскольку Хомяков высказывает коллективно выработанные теоретические положения от лица всей группы единомышленников. Отмечая в качестве одной из главных заслуг Киреевского то, что он показал «зависимость мышления философского от верования религиозного»,[16] исследовал вопрос о соотношении «познавательных способностей», разума и веры», Хомяков стремится прояснить принципы взаимосвязи нравственных и познавательных установок и обусловленные ими принципы взаимосвязи индивидуального и всеобщего в процессе познания. «Из всемирных законов волящего разума ⟨...⟩ — пишет Хомяков, — первым, высшим, совершеннейшим является неискаженной душе закон любви. Следовательно, согласие с ним по преимуществу может укрепить и расширить наше мысленное зрение, и ему должны мы покорять, и по его строю настроивать упорное нестройство наших умственных сил. Только при совершении этого подвига можем мы надеяться на полнейшее развитие разума. ⟨...⟩ Любовь не есть стремление одинокое: она требует, находит, творит отзвуки и общение; и сама в отзвуках и общении растет, крепнет и совершенствуется. Итак, общение любви не только полезно, но вполне необходимо для постижения истины, и постижение истины на ней зиждется и без нее невозможно. Недоступная для отдельного мышления, истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовию».[17]

Те же вопросы, но с еще большей основательностью, затронуты Хомяковым в известной статье «О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину)», напечатанной в I-й книге 1859 г. Эта статья заняла определенное место в истории русской философии и явилась подведением итогов теоретической разработки проблем, рассмотренных Хомяковым в предыдущих публикациях.

Вместе с тем, в «Русской беседе» Хомяков публикует также ряд статей, которые должны были на конкретном материале показать читателю, насколько отличаются исследовательские перспективы у представителей двух противопоставленных им культурно-просветительских и гносеологических установок. В первую очередь, к таким работам относится статья Хомякова «Несколько слов о глаголице», опубликованная в V-й книге 1859 г. в разделе «Науки». Эта статья является развитием темы кириллицы и кирилло-мефодиевского просвещения, затронутой им в «Предисловии».

---

16 *РБ*. 1857. Кн. I. Отд. II. С. 26.

17 Там же. С. 45–46.

В статье «Несколько слов о глаголице» Хомяков обращается к сложному вопросу о соотношении и авторстве кириллицы и глаголицы. Как известно, большинство исследователей уже к тому времени были убеждены, что Кирилл являлся создателем глаголицы, а кириллица появилась позже и в иных областях. Однако Хомяков решается на опровержение этой точки зрения. Он начинает с привычного для него рассмотрения аргументов «за» и «против» собственной позиции, демонстрируя возможности формально обосновать любую точку зрения в зависимости от исходного внутреннего убеждения.

После этого он переходит к иному способу доказательств: он обращается к доводам исследовательской интуиции, движимой живым сочувствием деятельности Кирилла, внутренней открытостью, «усилием любви». Интуитивное, или, по Хомякову, «поэтическое чутье истины, которое ни обмануть, ни обмануться не может», приводит его к убеждению в том, что Кирилл не мог изобрести глаголицу, но с необходимостью *должен был* изобрести кириллицу. Хомякову важно, что это именно цельное и неразложимое убеждение, основанное на «живом» «знании» своего «предмета», живом соприкосновении с личностью Кирилла.

Это внутреннее «знание» влияет и на обнаружение доказательств. Хомяков признает тот факт, что глаголица древнее кириллицы, однако связывает первую с ранними опытами письма в языческую эпоху, с «чертами и резами», а не с эпохой деятельности Кирилла и Мефодия. Хомяков интуитивно улавливает, что глаголица связана с языческим строем мышления и не соответствует уровню образованности и христианскому типу мышления Кирилла. Хомяков настаивает на том, что именно Кирилл заимствует необходимые элементы из глаголицы: из резов Кирилл взял буквы, которых не было в греческом, например, букву «ж». «Так подвизался он, отстраняя необходимость выдумки».[18] Затем, по мнению Хомякова, глаголица, распространившись в некоторых славянских областях, в свою очередь, заимствовала отдельные элементы из кириллицы, отчего и возникла путаница в вопросах создания алфавитов.

Таким образом, Хомякову необычайно важно, что благодаря творческому соприкосновению с личностью Кирилла, он *знает*, что Кирилл не мог создать глаголицу и что, наоборот, кириллица не могла образоваться без великого просветителя. Доказательства становятся необходимы лишь для тех, кто не способен «быть сообразным» исследуемому предмету. Таким образом, в этой статье Хомяков продолжил свои размышления

---

[18] Там же. 1859. Кн. V. Отд. II. С. 6.

о просветительской позиции славянских первоучителей, являвшихся для него своего рода идеалом творческой деятельности.

О чем бы ни писал Хомяков, этот идеал всякий раз незримо встает перед ним, проявляясь в повторяющихся мотивах и аналогиях, приемах аргументации собственной позиции и др. В этом отношении характерно, что творчество Кирилла и Мефодия в той или иной мере интересует многих авторов «Русской беседы», особенно при рассмотрении вопросов культуры и истории славянских народов. Так, например, очевидны тематические и смысловые переклички такого рода между публикациями Хомякова и А. Ф. Гильфердинга, посвященными вопросам истории и духовной жизни славян. За год до статьи Хомякова «Несколько слов о глаголице», в I-й книге 1858 г. Гильфердинг опубликовал «Предисловие св. Кирилла, просветителя славянского, к переводу Евангелия». Предваряя публикацию несколькими замечаниями, он практически повторяет Хомякова в оценке Кирилла: «Русскому читателю приятно будет услышать первый голос, призывавший тысячу лет тому назад народ славянский к духовной жизни, к самобытному просвещению. 〈...〉 ...он думал о просвещении *всех* славян 〈...〉. Имел ли он в виду только внешнее распространение Христианства между славянами? Нет, его цель была просвещение внутреннее, сознательно принятое народом, а не извне навязанное: „Внушите ныне *от своего ума*", — вот чего он желает — *„да не, ум имущее неразумен, туждим (т.е. чужим) языком слышаще слово, яко медна звона глас слышите"».*[19]

Далее Гильфердинг публикует знаменитый памятник славянской письменности (в настоящее время авторство Кирилла не вызывает сомнений у большинства исследователей), значение которого для славянофильской мысли до сих пор достаточно не изучено. Между тем, в этом поэтическом произведении была сотворена «славянская идея», а также сложился характерный для нее комплекс основных символов и поэтических мотивов, распространившихся впоследствии в сочинениях Киевской Руси. В связи с этим неудивительно совпадение ключевых тем и мотивов «Предисловия» Кирилла и цикла стихотворений Хомякова о России, прежде всего, темы Божественного Слова, собирающего и просвещающего народы. Можно сказать, что и у Кирилла, и у Хомякова, творческая мощь Божественного Слова, «собирающего» мир и помещающего его в перспективу общения, является одной из главных тем поэтических произведений. Интересно, что характерное для поэзии Хомякова фонетическое сближение

[19] *РБ*. 1858. Кн. I. Отд. II. С. 109.

слов «свет», «святой», «слава», «славяне», «слово» впервые было «найдено» именно в «Предисловии» Кирилла.

Для сравнения можно привести следующие строки Кирилла:

Слушайте, славяне вси
Слушайте слово буквенное...

У Хомякова:

Всюду сияние слова святого,
Бож**ия** мудрост**ь, и сила, и слово** —
Слава Тебе!

Это строки из стихотворения «Вечерняя песнь», опубликованного в I-й книге «Русской беседы» 1856 г.

Именно в области поэзии открывается глубинное созвучие Хомякова с Кириллом, их духовное родство, явившееся причиной столь глубокой «сообразности», «сочувствия» Хомякова деятельности славянских первоучителей.

Таким образом, развивая положения «Предисловия», Хомяков публикует на страницах «Русской беседы» статьи по философской проблематике, а также филологические и другие исследования. Так, кроме статьи «Несколько слов о глаголице», следует упомянуть его небольшую работу под названием «Примечания к песням г-жи Кохановской» (1860. Кн. I), в которой автор предлагает читателю ряд интересных наблюдений, касающихся связей народных песен и мифологии, а также опубликованные там же «Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности», статьи «О юридических вопросах» (1858. Кн. II), «Послесловие „Русской беседы“» о значении проповедей протоиерея Василия Гречулевича и др.

Значительная часть публикаций Хомякова в «Русской беседе» посвящена анализу творческих исканий его современников: ученых, писателей, общественных деятелей.

Так, в III-й книге 1857 г. Хомяков вновь обратился к вопросу о соотношении «одностороннего рассудочного» и «живого» познания истины. В разделе «Науки» была помещена статья Н. Д. Иванишева «О древних сельских общинах на юго-западе России». В послесловии, подписанном «Русская беседа», Хомяков задается вопросом: «отчего, при одинаких данных, одно учение не усомнилось, ни на мгновение, в существовании и правах древней русской общины, а противуположная школа могла со-

мневаться в них и даже отвергать их?»[20] Стремясь ответить на этот вопрос, Хомяков размышляет о научной школе как характерном западноевропейском феномене: «Школа относится к явлениям русской жизни, как к явлениям, совершенно внешним, о которых она узнает только путем внешним и средствами случайными. Что́ писано и уже разобрано, что́ на пергаменте или на бумаге, что́ засвидетельствовано вещественным знаком, она то знает, тому верит, и более не знает ничего. В дальнейшем развитии своего мертвого и мнимого прагматизма она, по необходимости, теряет также то чувство истины художественной или человеческой, которое не дозволяет принять картину Остада за картину Рафаэля, даже если бы на Остаде была подделана подпись Рафаэля, подкрепленная свидетельствами, по-видимому, несомненными. Школа получила характер мертвенности; она уже не чует жизни, и живого не понимает нигде, ни дома, ни в чужих людях. Другое отношение к науке находится там, где прежде всего и более всего требуется жизнь. Люди этого направления легко могут чувствовать истину даже в чужеземных явлениях, в силу своей собственной человеческой жизни. Это чувство художественной истины. В домашних же явлениях они чувствуют истину вследствие неотразимого внутреннего убеждения. Они (в России) сознаю́т свое русское, как человек чувствует и знает явления своей собственной жизни, или как член сознает жизнь организма, которого он составляет часть».[21]

Хомяков в данном рассуждении предвосхищает идеи, ставшие актуальными в XX в., когда совершился переворот в понимании истории. Так, например, эту мысль Хомякова почти дословно повторит протоиерей Г. П. Флоровский в статье «Затруднения историка-христианина» (1959); глубокое теоретическое обоснование эти идеи получили в новых исторических концепциях, в частности, в «Школе Анналов».

На том же соотношении двух просветительских позиций строится ряд статей Хомякова, посвященных анализу исследовательских установок, присущих научным трудам его современников, а также обнаруживающихся в современной автору публицистике, литературной критике, различных суждениях на бытовые и практические темы. Так, в І-й книге 1857 г. в отделе «Смесь» Хомяков публикует «Письмо к издателю А. И. Кошелеву», подписанное «Тула, 20 декабря, 1856 г.». Эта статья явилась реакцией на спор о строительстве железных дорог, развившийся в «Русской беседе» и «Современнике» между Кошелевым и Д. П. Жу-

[20] *РБ*. 1857. Кн. III. Отд. II. С. 63.

[21] Там же. С. 63–64.

равским. При обсуждении значимости Центро-Балтийского направления для России, возник вопрос: от Москвы или от Орла должна начаться постройка дороги. Приводя различные аргументы, противники спорили о том, какое сообщение нужнее, выгоднее для экономического роста страны. Анализируя позиции спорящих сторон, Хомяков приводит свои суждения о торгово-экономическом значении Москвы и Орла и приходит к выводу: «Итак: сперва Московско-Либавскую, а потом уже вспомогательную Орловскую».[22] Однако, как уже наблюдалось в других статьях, сам по себе предмет спора волнует его гораздо меньше, чем «некоторые предубеждения», мешающие видеть этот предмет в истинном свете. Поэтому Хомяков завершает статью неожиданным переходом от аналитического разбора аргументов к анализу скрытых и явных личных предпочтений противников, определяющих саму аргументацию. Он приводит несколько цитат из статьи Журавского, в которых наиболее очевиден этот пласт личных «настроений» автора: «...только в Москве не хотят обращать внимание на быстрое развитие городов в южной России...», «...там все это видят, но под влиянием идеи, что Москва есть сердце России, готовы интересы всей массы народа принести в жертву этому сердцу»[23] и т. д. Хомяков полагает, что приведенные цитаты говорят сами за себя, поэтому, практически не комментируя их, он подчеркивает: «Они ничего не доказывают, кроме того, что в каких-то местах и каким-то людям Москва не мила».[24]

Подобным образом построена и статья Хомякова в коллективном труде авторов «Русской беседы» в III-й книге за 1857 г. «Замечания на статью г. Соловьева „Шлецер и анти-историческое направление“». В этой статье Хомяков точно так же, как и в рассмотренной выше, сначала приводит основные положения своего противника и вступает с ним в полемику, приводя собственные аргументы. Так, он анализирует известное суждение С. М. Соловьева «...У народов исторических великий деятель есть *полный* представитель своего народа в известную эпоху»,[25] а также такие характеристики допетровской Руси, как детскость сознания, наличие исключительно «материального роста». Показав читателю, что данные суждения Соловьева имеют достаточно противоречивую аргументацию и являются для него в большей степени аксиомами, нежели теоретическими выводами, Хомяков вновь обращается к привычному приему: «Но

[22] Там же. 1857. Кн. I. С. Отд. V. С. 84.
[23] Там же. С. 84–85.
[24] Там же. С. 85.
[25] Там же. Кн. III. Отд. III. С. 145.

довольно этих частностей. Любопытно проследить причины, которые мешают такому трудолюбивому и образованному деятелю, как г. Соловьев ⟨...⟩ понять то направление, на которое он нападает».[26] В этой статье Хомяков единственный раз позволяет себе, хоть и в гипотетической форме, демонстративно отрекаясь от собственного подозрения, намекнуть читателю на подлинные причины непонимания исследователем своего предмета и неспособности воспринимать чужую точку зрения. Он пишет следующее: «Можно подумать, что г. Соловьев не понял ни Киреевского, ни направления тех людей, на которых он нападает, *просто потому, что их понятия основаны на иной нравственной почве*» (курсив мой. — *Е. Н.*). Конечно, Хомяков тут же поправляется, как бы отрекается от своего подозрения, вернее, переносит его с личности Соловьева на ту научную школу, в рамках которой работал историк. «...Почему человек даровитый и трудолюбивый мог до такой степени перепутать все понятия исторической критики? ⟨...⟩ — размышляет далее Хомяков. — ...еще больше можно объяснить тою системою не мыслящей и поэтому бескритической подражательности, за которою стоит целая школа и которая портит лучшие умы».[27] В рамках этой школы труд Соловьева представляет собой, по Хомякову, «сбор официальных столбцов исторической летописи, подведенный под некоторую систему. ⟨...⟩ Последовательность кое-где видна, жизни нигде».[28]

Таким образом, противоречивость суждений, спутанность понятий об исследуемом предмете ставится Хомяковым во взаимосвязь с подражательностью чужим научным традициям (и в результате — бесконтрольным усвоением присущих им идеалов и норм исследования), а также — с «особой нравственной почвой», для которой характерен недостаток любви, сочувствия, способности быть «сообразным» исследуемому предмету и чужой точке зрения. Хомяков, тем самым, вновь утверждает необходимость единства нравственного и умственного усилия в поиске истины, о котором он заявлял в «Предисловии» к «Русской беседе» и которое усмотрел в творчестве Кирилла.

Благодаря этой постоянно обнаруживаемой в различных публикациях мировоззренческой установке Хомякова, можно легко узнать его авторство или соавторство в некоторых статьях, не имеющих никакой подписи или намека на возможного автора, или предположить присут-

---

[26] Там же.
[27] Там же. С. 148–149.
[28] Там же. С. 156.

ствие редакторской работы Хомякова над текстами других авторов. Так, например, в I-й книге 1858 г. в отделе «Смесь» была опубликована «Заметка», подписанная криптонимом «........ъ», неоднократно использовавшимся Ю. Ф. Самариным.[29] Принадлежность Самарину подтверждается и темой «Заметки»: она является продолжением полемики о «русском воззрении». Но ряд особенностей, о которых будет сказано ниже, позволяет предположить, что Хомяков выступил редактором этого текста. Его редакторское «присутствие» в «Заметке» выдают и характерные стилистические приметы (афористичность, устойчивые речевые обороты, доминирующие синтаксические конструкции), и свойственный Хомякову метод постепенного подведения читателя к обнаружению общих мировоззренческих предпосылок высказываемых противником суждений.

«В предпрошлом году, — начинает свои наблюдения автор «Заметки», — между „Русским вестником" и „Русскою беседою" возник спор об отношении народности к общечеловеческому просвещению. Сущность его заключалась в следующем. „Русская беседа" доказывала, что общечеловеческие идеи выработываются из живых народных стихий, и обратно, что народ, заимствуя у другого плоды его умственной жизни, не просто переливает их в свое сознание, а претворяет их в свое духовное существо. „Русский вестник" смотрел на дело иначе. Он не признавал органической связи общечеловеческих начал с народностями, принимая народность за форму, а идею за содержание, он предполагал между формою и содержанием механическое отношение сосуда к веществу, которым он наполнен, или места к матерьялам, на нем сложенным».[30] Если предположить редакторскую правку Хомяковым самаринских материалов, становится очевиден характерный для него сопровождающийся мягкой иронией прием доведения позиции противника до логического предела: «В надежде лучше всего обнаружить ошибочность этого взгляда на практическом его применении, „Русская беседа" воспользовалась статьею г. Великосельцева и, приняв посылки „Вестника", сделала из них следующий вывод: если народность относится к общечеловеческим идеям как сосуд к своему содержанию, т. е. механически; то нет причины не допустить механических приемов нажимания и надавливания, то есть принуждения и насилия, когда дело идет о просвещении темной народной массы. Вывод, кажется, был совершенно строг; к тому же „Беседа" указывала

[29] См. № 212 в *ПР*.

[30] *РБ*. 1858. Кн. I. Отд. V. С. 220.

на него только как на требование логики, отнюдь не думая приписывать его редакторам и сотрудникам „Русского вестника"...»[31] Здесь мы снова встречаем характерный хомяковский жест: обнажив логический вектор мысли своего противника, он подчеркивает, что для самого противника этот вектор не очевиден в силу разъединенности нравственных и умственных сил.

Таким образом, в этой статье обнаруживаются присутствие свойственных Хомякову приемов полемики и продолжение поиска связи между ложной «нравственной почвой» и «спутанностью понятий», которая была обозначена им в статье о С. М. Соловьеве. Предположив, что Хомяков принимал участие в создании «Заметки», мы увидим, что эта работа была определенным звеном в присущем ему непрерывном уточнении собственных идей: «...очень часто здравое чувство истины и меры у большинства действительно образованных людей спасается через непоследовательность от требований логики».[32] Вновь обнаруживается глубина понимания Хомяковым всегда интересовавших его нравственно-психологических аспектов общения, приведшая его к таким неожиданным, парадоксальным выводам. Сведя воедино аргументы статьи о Соловьеве и полемической «Заметки», можно обнаружить, что, по Хомякову, путаница понятий у его противников одновременно связана как с ложной «нравственной почвой» (изолированной от познавательной деятельности), так и с тем, что у честных исследователей все же сохраняется «здравое чувство истины», не позволяющее им довести до логического конца свои ошибочные утверждения. «Это счастие, — указывает Хомяков на „здравое чувство истины" у своих оппонентов, — и было бы непростительно не ценить его...»[33]

Однако этого остатка «чутья истины», т. е. нравственных сил, сохраняющих связи с процессом познания, Хомяков не усматривает у представителей журнала «Атеней», которые, в отличие от «Русского вестника», доводят свои убеждения до логического конца: «если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие, по большей части, ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Сирии австрийский жандарм являются орудиями образованности». «Итак, — завершает свои наблюдения автор, — „Атеней" договорил то, чего по здравому чувству истины и правды не мог ска-

---

[31] *РБ*. 1858. Кн. I. Отд. V. С. 220–221.

[32] Там же. С. 221. (Используемая в «Заметке» цитата из статьи Ю. Самарина «О народном образовании»; см. № 44 в *ПР*. — *Ред.*)

[33] Там же.

зать „Русский вестник“. Незавидная честь строгой последовательности остается за „Атенеем“».[34]

Рассмотренный ряд публикаций, посвященных трудам западнически ориентированных мыслителей, уравновешен в «Русской беседе» группой статей, в которых Хомяков стремится охарактеризовать иной тип творческой деятельности. Это, прежде всего, статьи, посвященные Ивану и Петру Киреевским, С. Т. Аксакову, А. А. Иванову. Характерно, что в этом ряду нет ни одного «чистого» ученого, зато все в разной мере обладают «чувством художника» как высшим даром подлинного творчества. Не случайно Хомяков часто подчеркивал необходимость взаимосвязи «знания» и «вдохновения» в любом исследовательском труде.

Так, например, в книге II за 1857 г. Хомяков, опять же без подписи, публикует свои добавления к «Воспоминаниям о П. В. Киреевском» А. В. Марковича. Авторство легко установить по вновь развиваемым, хотя и с неожиданными нюансами, характерным хомяковским идеям. П. В. Киреевский предстает в этой заметке как вдумчивый исследователь, подлинный ученый, в полной мере сумевший быть сообразным своему предмету. Характеризуя особый метод исследования и публикации Киреевским народных песен, Хомяков подчеркивает: «Обыкновенный способ издания состоит в том, что принимается в основу лучший вариант, все же остальные, сколько-нибудь замечательные, означаются в выносках. Покойный Киреевский действовал несколько иначе, не удовлетворяясь таким, конечно сподручным и, так сказать, механическим способом. Он также выбирал основным текстом лучший вариант, но чутким слухом, приобыкшим к красотам народной речи, тотчас замечал слово или стих искаженные, позднейшие, и вставлял на их место другие из остальных вариантов. При этом, чтобы не подвергнуться обвинению в произволе и всегда дать читателю возможность поверить его, он означал в выносках или примечаниях *все* варианты. ⟨...⟩ Следовательно, по способу П. В. Киреевского, подведение вариантов составляет уже одно механическое занятие: над ними возвышается песня, так сказать *художественно воссозданная издателем* (курсив мой. — *Е. Н.*).

Понятно, что такой способ издания песен доступен немногим: нужно слишком хорошо знать народную речь, чтобы отличить первоначальное от позднейшего, взять старое слово и отнести в примечание новое, искаженное. Песня живет вместе с народом, отражая в себе известное настроение его духа в данную пору. Воссоздать ее в первобытной чистоте

[34] Там же.

может только опытный, и притом одаренный художественным тактом, знаток родного слова».[35]

Таким образом, П. Киреевский наделен способностью «угадывать истину», подлинное «чутье истины» позволяет ему «воссоздавать» исследуемую реальность. Хомяков, в данном случае, приближается к традиционному, отличному от новоевропейского, пониманию «истинности», «правильности» исследования, когда главным оказывается не точное воссоздание фактов, а способность схватывать их внутренний смысл. Фактические неточности не являются для Хомякова ошибкой по существу, гораздо опаснее механическое, внешнее истолкование фактов. П. Киреевский может и ошибиться в заполнении какой-то фактической лакуны в тексте народной песни, но это не будет ошибкой в заполнении лакуны смысловой. Истина, по Хомякову, не удостоверяется нахождением точных фактов, скорее, наоборот, сами факты обретают свой подлинный смысл в свете непосредственно ощущаемой истины.

Поэтому и сам Хомяков, выстраивая, например, свою концепцию происхождения кириллицы, интуитивно ощущает, прежде всего, то, что Кирилл — духовный вдохновитель кириллицы, автор в высшем смысле слова, автор как авторитет.[36] В связи с этим современная точка зрения на происхождение кириллицы, расходясь с хомяковской, не может отменить, однако, эту верную интуицию мыслителя. Такого рода фактические неточности, не отменяющие, однако, точно угаданного смысла явлений, встречаются во многих работах Хомякова. (Так, например, Хомяков приписывал Кириллу перевод слова «кафолический» словом «соборный», однако впоследствии эта догадка не подтвердилась. Между тем, остается бесспорным, что в основе этого перевода лежал принцип ментализации, характерный преимущественно для Кирилла. В данном случае также можно говорить не об авторстве, а авторитете просветителя-переводчика.)

В целом, в характеристике научного метода П. Киреевского мы встречаем те же черты, которые Хомяков обнаруживал в просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. Можно сказать, что Кирилл и Мефодий (преимущественно Кирилл) приобретают в сознании Хомякова некие архетипические черты подлинного исследователя. Во многом это связано с тем, что именно Кирилл был наделен целостным творческим

---

[35] *РБ*. 1857. Кн. II. Отд. VI. С. 24–25.

[36] См. исследование С. С. Аверинцевым категорий «автор» и «авторитет»: *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 76–100.

даром, позволившим ему в полной мере сочетать качества ученого и поэта, «глубокое познание» и «высшее вдохновение». Единство этих дарований во многом и определило уникальность его творчества. При этом именно «художественное чутье истины» Хомяков считает определяющим в процессе познания и творчества. По его мнению, «истину надобно угадать». Об этом говорят его знаменитые статьи, посвященные творчеству А. Иванова (1858. Кн. III) и С. Т. Аксакова (1859. Кн. III).

В связи с этим особое значение приобретает параллельное присутствие Хомякова на страницах «Русской беседы» и в качестве мыслителя, и как поэта. Практически каждый том журнала открывается поэтическими произведениями Хомякова, а в последующих разделах представлены его статьи и заметки. Теоретические построения и поэзия представляют собой два мира, в которых существуют его заветные идеи, причем эти миры гармонично соотнесены друг с другом, между ними не возникает серьезных внутренних конфликтов. Поэзия позволяет Хомякову достичь максимальной диалогической обращенности к читателю, это непрестанно звучащий призыв, оклик, идущий из глубины сердца. Главной темой поэзии оказывается тема общения, движимого свободным усилием любви. Обещанная в «Предисловии» «простая, искренняя» беседа с читателем обратилась в поэтических произведениях Хомякова в пламенный призыв.

Таким образом, для последующих публикаций Хомякова в «Русской беседе» «Предисловие», подобно «начальным местам» средневековых текстов, выполняет роль своего рода ключа. В нем в свернутом виде, явно и скрыто сформулированы и обозначены основные теоретические и художественные установки автора, помогающие увидеть все его публикации как единое целое.

Е. И. Анненкова

К. С. АКСАКОВ В «РУССКОЙ БЕСЕДЕ»

Органичность соединения углубленного, сосредоточенного труда и активной общественной, в том числе издательской деятельности воспринималась славянофилами как достаточно серьезная проблема, не разрешаемая легко и идеально. Тяготение к тому и другому было свойственно и А. С. Хомякову, и И. В. Киреевскому, и Ю. Ф. Самарину, и К. С. Аксакову. Мысль об издании журнала породила сомнения в аксаковской семье,[1] и, думается, не только потому, что имена редакторов и издателей — А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова — не вызывали большого энтузиазма, но и потому, что к подготовке и выпуску периодического органа в славянофильских кругах относились чрезвычайно серьезно, сознавая объективные сложности, сопряженные с издательской деятельностью. Пожалуй, наиболее последовательно, не впадая в умолчания, эти вопросы формулировал К. Аксаков, еще в 1840-е гг. немало размышлявший о журнальной и редакторской деятельности. Издание же нового журнала побудило Аксакова вновь изложить свои взгляды на задачи, возможности и трудности подобного органа.

В рассматриваемой теме наиболее значительными и оправданными представляются три аспекта: характер присутствия К. Аксакова в «Русской беседе» (тип публикаций, их частотность, тематика); понимание природы журнала, не только данного, конкретного, но и журнала как периодического издания в целом; форма проявления аксаковской личности в публикациях на страницах «Русской беседы».

Роль журнала в литературном процессе и в жизни общества — аксаковский вопрос, дающий о себе знать в текстах разной направленности и функции: в критических статьях, набросках, письмах. Какова структура журнала; что цементирует журнал, делает его единым и общественно

---

[1] См.: Из семейной переписки / Предисл., публ. и примеч. Т. Ф. Пирожковой // Наше наследие. 1991. Т. V. С. 60–61 (письмо С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 22 декабря 1855 г.).

значимым органом; специфика московских и петербургских журналов; соотношение журнала, газеты и периодически выходящего сборника — круг постоянно затрагиваемых К. Аксаковым проблем. За этим просматривается и общественная позиция Аксакова, сознающего роль периодики в текущей жизни, и, пожалуй, личное желание стать редактором такого периодического издания, которое в полной мере соответствовало бы идеальным и одновременно исторически обусловленным представлениям о нем. Не случайно в 1857 г. он берется за издание «Молвы».[2] Участие Аксакова в «Русской беседе», органе славянофильском, предоставляющем возможность высказать свои убеждения, позволяет и в личности этого деятеля заметить существенные психологические оттенки, которые, конечно, проступают в самых разных его занятиях, однако во второй половине 1850-х гг. приобретают уже черты системы, цельности, самим Аксаковым, впрочем, не демонстрируемой.

Известно, что Аксаков достаточно скептично отнесся к вновь создаваемому органу и на приглашение Кошелева участвовать в журнале ответил достаточно резко, однозначно выражая свою позицию. Письмо-заметка Аксакова, хранящееся в ИРЛИ, начинается изложением личного отношения к тому, как задумывался и готовился журнал: «Я не участвовал в совещаниях о журнале, ни в определении его программы, ни в назначении редактора. Все это было решено без меня и мне сообщено как готовое. Тем не менее желают и ждут моего участия, не поверхностного, а близкого, — и это естественно, ибо журнал должен быть органом того направления, за которое стою давно и постоянно».[3] Далее Аксаков высказал свое понимание журнальной деятельности и судьбы задуманного журнала: «Деятельность наша есть деятельность серьезная и строгая, не гоняющаяся за благосклонностию публики, не хлопочущая об успехе: она прямо стремится к торжеству истины, к победе над ложью. Для того чтоб и торжество, и победа были полны и прочны, не должно делать никаких уступок, в видах успеха. — Никаких уступок! 〈...〉 Журнал не соответствует серьезной деятельности. Журнальная деятельность сильно запечатлена преходящею современностью и непременно легкостью, с нею соединенною. 〈...〉 Выражение нашей деятельности — книги, сочинения,

---

[2] Об издании газеты «Молва» см.: *Рейфман П. С.* К истории славянофильской журналистики 1840—1850-х гг. // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 37—56; 1979. Вып. 491. С. 35—58; 1981. Вып. 513. С. 73—85; 1982. Вып. 604. С. 64—80; 1983. Вып. 620. С. 73—84; 1985. Вып 645. С. 133—144; *Цимбаев Н. И.* Газета «Молва» 1857 года: (Из истории славянофильской периодики) // Вестник МГУ. Сер.: История. 1984. № 6. С. 14—24.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. Л. 1. См. с. 249 наст. изд.

брошюрки даже, — но написанные без всяких стеснительных журнальных условий, являющиеся самостоятельно, особо».[4]

Стоит вспомнить, когда впервые проявилась категоричность позиции Аксакова. О журналах он писал и раньше. Так, в статье «О некоторых современных собственно литературных вопросах» (1839) сказано: «Удачна их (журналов. — *Е. А.*) преходимость; они должны являться и исчезать, удовлетворяя только настоящей минуте, и на этом-то самом основывается их необходимость».[5] Судьбы литературы и журналистики, по Аксакову, особенно в переходные эпохи, неотделимы друг от друга; высокие требования, предъявляемые к литературе, распространяются и на периодические издания, но последние, вместе с тем, должны уметь жертвовать собою, служа прежде всего настоящему. Размышления Аксакова представляют безусловную ценность не только для истории, но также для теории и практики журналистики. В высказываниях критика обнаруживается способность нащупать проблемные узлы журналистики. «Хотя журнал есть явление преходящее», он все же дает возможность «заглянуть в тайные глубины духа».[6] Возникает вопрос: как сочетается «преходимость» журнала, не предполагающая аналитичности, со способностью проникнуть в «глубины духа»? При каких условиях и каким журналам это может быть доступно? «Единство целого» — обязательное ли условие журнала? Как оно сочетается с обязанностью уловить «настоящее время» в его многообразии? В «Письмах о современной литературе» (конец 1840-х — первая половина 1850-х гг.) обозначен, как проблемный, и еще один важный момент. Аксаков размышляет о необходимости появления принципиально новой литературы. Какие для этого требуются предпосылки? Прежде всего — углубленное осмысление самой природы самобытного. «Настало время внутренней работы, предварительных изысканий и исследований, обозначающееся извне тишиной и наружным бездействием».[7] Но «внутренняя работа», «тишина» — понятия, мало совместимые с журналистикой. Однако серьезная внешняя деятельность невозможна без внутренней. Будучи более категоричен, чем другие славянофилы, Аксаков заострял, проблематизировал вопросы, которые могли оставаться в тени. Выделяя два типа деятельности — московский и петербургский — он в качестве основного критерия утверж-

[4] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. Л. 1–1 об. См. с. 249–250 наст. изд.

[5] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 44.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 192.

дает именно критерии внутреннего и внешнего труда, а вернее, соотношения внутреннего и внешнего в общественном и духовном труде.

Если на грани 1830-х — 1840-х гг. Аксаков ставит вопрос о журнале в целом, то в 1840-е он уже, конечно, полемист, четко отграничивающий петербургскую журналистику от московской: «В это время раздумья и разработки возвысился литературный Петербург, которому мало было дела до мысли, убеждения, самостоятельности и тому подобных московских традиций».[8] Поэтому-то — «вся журналистика в Петербурге».[9] Однако и здесь Аксаков не остается в рамках «корпоративной» проблематики (славянофилы — западники), а выходит к более общим вопросам, во всяком случае, обозначает их. «Вся журналистика в Петербурге» не только потому, что более активны оппоненты, пренебрегающие глубиною убеждений, но и потому, что Петербург динамично отзывается на потребности настоящего времени, о чем свидетельствует разнообразие выходящих здесь периодических изданий. В «Письме из деревни» Аксаков достаточно иронично отзывается о них, но вынужден признать, что некоторые, например, «Библиотека для чтения», имеют «огромный читательский успех».[10]

Аксаков, конечно, не любит выявлять противоречия и ограничиваться их констатацией; его сознание, заметив две (или более) стороны того или иного явления, ищет путь преодоления двойственности или разлада, практически не допуская диалектического взаимодействия разных начал. Петербургская и московская разновидности журналистики, по его убеждению, порождены спецификой времени, переходом от одной эпохи, установившей свои правила, к другой, еще только намечающейся. В «Письмах о современной литературе» дается вполне положительная характеристика журналов 1830-х гг. В контексте ориентированной на Запад русской литературы они в полной мере выполняли свои функции. В 1840-х наступает время задуматься о самобытности русской жизни — и прежнее, сложившееся течение жизни и литературы не может удовлетворять. «При таком самостоятельном, только что начинающемся труде, при работе мысли и ученых изысканиях текущая литературная деятельность, в особенности журнальная, не может иметь места. Журнал требует всего готового и определенного, журнал требует определенного легкомыслия, требует признания текущей литературы, а мыслящая и трудя-

---

[8] Там же.
[9] Там же. С. 114
[10] Там же. С. 115.

щаяся Москва, начавшая великое дело самостоятельной мысли, не могла при своей домашней, так сказать, работе, без нарушения добросовестности, вступить на журнальное поприще ⟨...⟩. Журнал не мог быть выражением московской деятельности, был для нее недостойным образом проявления».[11]

Почему же «Русская беседа», хотя и с оговорками, но принята, и Аксаков соглашается участвовать в ней? Может быть, прежде всего потому, что публицистическое в этом журнале (во всяком случае, по замыслу) поддерживалось, укреплялось научными трудами, и тем самым подтверждался тезис Аксакова: «А Москва, не смущаясь ни бранью, ни похвалой, продолжает свой великий ученый труд, сознавая начала русской жизни».[12] Кроме того, установка журнала на «простую, искреннюю, непритязательную русскую беседу обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей»,[13] то есть установка на познание «русского духа» и на дружеское, единомысленное собеседование, живое обсуждение Аксакову была близка. В упоминавшейся уже рукописной заметке, в которой было выражено отношение к затеваемому журналу, сказано о форме и атмосфере периодического издания, правда, в данном случае Аксаков имел в виду газету: «Она вся должна быть живая речь, как разговор, который уносится в течение времени, но который оставляет свой благой след».[14] Могло обнадеживать и то, что издатели «Русской беседы» предполагали обеспечить разнообразие содержания и формы («...как исчислить формы человеческой беседы? Критика, рассуждение, исторический рассказ, повесть, стихи, все входит в ее состав»[15]), которое способно привлечь читателя.

Аксаков в своих публикациях поддерживает многообразие форм беседы, обещанное в редакционном обращении к читателям, но при этом проявляет в «Русской беседе» далеко не все грани своего «я», и не только потому, что не в полной мере доверяет журналу. Кажущийся ясным, в полной мере обнаруживающим себя в любом слове, открытым, искренним, Аксаков к 1850-м гг. вполне определенно оставляет закрытыми самые глубинные начала своей личности, связанные с той религиозно-духовной сферой сознания, которая, с его точки зрения, не подлежит публичному обсуждению, не может стать предметом полемики.

---

[11] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 196.
[12] Там же. С. 201.
[13] *РБ*. 1856. Т. I. С. I. См. с. 257 наст. изд.
[14] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. Л. 2. См. с. 250 наст. изд.
[15] *РБ*. 1856. Т. I. С. V.

Анализируя публикации Аксакова в «Русской беседе», небезынтересно было бы соотнести их с характером присутствия в журнале Хомякова, единомышленника, учителя, однако заявившего о себе на страницах журнала иначе, чем Аксаков. Но прежде имеет смысл обозначить более широкий контекст журнала.

Историки русской журналистики уже отмечали удачное начало «Русской беседы».[16] Действительно, журнал сумел выигрышно заявить о себе. В первом томе богатым оказался отдел изящной словесности: были опубликованы стихотворения Хомякова, И. Аксакова, неизданное стихотворение В. А. Жуковского. Присутствие двух статей недавно умершего поэта — «О меланхолии в жизни и поэзии», «Нечто о привидениях»[17] — производило впечатление не замкнутого в рамки одного идейного направления издания. Весомыми оказались отделы «Наука» (статьи А. Ф. Гильфердинга, Ю. Ф. Самарина, А. Н. Попова) и «Критика» (рецензии на произведения С. Т. Аксакова, А. Н. Островского и др.). В этом контексте, в отделе «Смесь», была опубликована статья К. Аксакова «О русском воззрении» (развитие высказанных в ней идей нашло отражение во втором томе журнала — «Еще несколько слов о русском воззрении»). Следовательно, можно сказать, что первое его выступление на страницах «Русской беседы» было не только славянофильским, но, пожалуй, архиславянофильским: тезис о русском воззрении, которое непременно проявится в любой сфере деятельности, в том числе, научной, мог быть поддержан далеко не всеми.[18] Но далее Аксаков предлагает своего рода реализацию этого тезиса. На страницах журнала он выступает в качестве не столько публициста, сколько — ученого (историка, лингвиста), литературного критика, при этом нередко заостряет, как бы выпячивает логику, механизм собственного мышления, сформированного «русским воззрением». Что же было опубликовано?

---

[16] См. об этом статью Т. Ф. Пирожковой в наст. изд.

[17] Современный ученый посвятил обширное культурологическое исследование статье Жуковского «Нечто о привидениях», выявляющее принципиальность для поэта данного сочинения, позволяющего понять существенные черты его мироощущения: *Виницкий И.* Нечто о привидениях: Истории о русской литературной мифологии XIX века. М., 1998 (Учен. зап. Московского культурологического лицея. Сер.: Филология. 1998. № 3/4 (6/7)). Собранные исследователем материалы дают возможность поставить ряд новых вопросов, актуализирующих тему «Жуковский и славянофильство».

[18] Т. Ф. Пирожкова обращает внимание на то, что Т. И. Филиппов поставил вторую статью К. Аксакова о русском воззрении в номер под настойчивым давлением автора, чем вызвал бурное негодование Кошелева (*Пирожкова*. С. 156).

В отделе **«Изящная словесность»**:
Стихотворения «Литераторы-натуралисты» (1856. Кн. II); «Советы» (1859. Кн. IV).

В отделе **«Науки»**:
«Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» (1856. Кн. IV); «Народная повесть о бражнике», сообщено Н. Я. Аристовым, с примечанием К. С. Аксакова (1859. Кн. VI).

В отделе **«Критика»**:
«История России с древнейших времен. Соч⟨инение⟩ С. Соловьева. Т. VI (1856. Кн. IV; 1859. Кн. I; 1860. Кн. I); «Белевская вивлиофика, издаваемая Н. А. Елагиным. Собрание древних памятников об истории г. Белева и Белевского уезда, кн. 1-я и 2-я. (1858. Кн. III); «Опыт исторической грамматики русского языка, Ф. Буслаева» (1859. Кн. V, VI).

В отделе **«Обозрения»**:
«Обозрение современной литературы» (1857. Кн. I).

В отделе **«Смесь»**:
«О русском воззрении» (1856. Кн. I); «Еще несколько слов о русском воззрении» (1856. Кн. II); «О повести г-жи Кохановской» (1858. Кн. IV); «Заметка по поводу перевода г. Кронебергом статьи любителя летописи Кая Тацита» (1858. Кн. IV); «О драме г. Писемского „Горькая судьбина“» (1860. Кн. I).

Итак, в журнале оказались представлены почти все сферы деятельности К. Аксакова. Но обращает на себя внимание тот факт, что литературно-критических статей не так уж много, и даже мало. Скорее всего, это объясняется тем, что «современная литература», в понимании Аксакова, — это литература, находящаяся в переходном состоянии, анализ ее не мог содержать некоего принципиального итога; многие его статьи, посвященные текущей литературе, сами как бы переходят друг в друга, они не завершены.[19] А вот «русское воззрение», под которым понимается прежде всего *«самостоятельное воззрение русского народа»*,[20] он и истолковывает, и воплощает, и по-своему готовит, формируя общественное мнение.

К интерпретации этого понятия Аксаков обращается несколько раз: в двух статьях 1856 г. (формулируя проблему) и в небольшой заметке о «Горькой судьбине» Писемского (1860), где он размышляет не столь-

---

[19] См. об этом в примечаниях В. А. Кошелева к статье «Письма о современной литературе»: *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 499—500.

[20] Там же. С. 320.

ко о сущности русского воззрения, сколько о возможных — истинных и ложных — формах его воплощения. В комедии же, помещенной в приложении к первому тому журнала, «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню», природа русского воззрения исследовалась уже в художественном контексте. Вряд ли сам Аксаков придавал подобному расположению своих работ принципиальное значение, однако объективно они образуют любопытный триптих.

В первой публицистической статье автор соотносит два возможных и реально высказываемых взгляда на существо проблемы: согласно одному, постановка вопроса о русском воззрении умаляет общечеловеческое начало, которое объявляется более широким и универсальным; согласно другому, любой общечеловеческий взгляд на то или иное явление — это одновременно и неизбежно взгляд, несущий в себе национальные черты, поэтому поддержка и развитие «русского воззрения» необходимы для приобщения к общечеловеческому. «Дело человечества совершается народностями»,[21] и русский народ, по Аксакову (а ему близка, естественно вторая позиция), имеет «прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не через посредство и не с позволения Западной Европы».[22]

Диалог спорящих сторон обозначен, но не развернут. Предлагая читателям во втором томе журнала «еще несколько слов о русском воззрении», Аксаков уже откликается на критику, высказанную «Русским вестником». Кратко сформулировав позицию оппонента, он достаточно подробно изъясняет свою. «Русское воззрение» в этом контексте заявлено как синонимичное самостоятельному воззрению. Русское воззрение не ищется, не вынашивается искусственно. Оно проявляется там, где человек самостоятелен, искренен, чужд спекулятивности по отношению к высказываемой идее.

Более развернутая, чем первая, статья «Еще несколько слов о русском воззрении» лишь поначалу кажется безапелляционной. У Аксакова нередко бывает жестковатой форма изложения, но мысль его достаточно диалектична. Он завершает статью характеристикой четырех пунктов, поясняя: «Изложим мнение наше в виде положений (тезисов) в ответ на поднятые вопросы».[23] Каждый из пунктов побуждает к размышлениям и свидетельствует, что сам автор далеко не на все вопросы находит ответы, и это не страшит его, поскольку открытость сложным вопросам при-

[21] Там же. С. 316.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 323.

дает само развитие истории. Так, не дается ответа на самый главный вопрос: «В чем выразится и какое будет русское народное воззрение?» Ответом, по Аксакову, «могут служить самые дела и факты: т. е. труды, подвиги, мысли и издания умственные и жизненные народа».[24] Более конкретен ответ на вопрос: «Каким образом может возникнуть народное воззрение?» — «Через освобождение себя от чужого умственного авторитета»,[25] и более точно указан один из возможных путей к сближению с народным воззрением — изучение древней русской истории. В итоге Аксаков утверждает принципиальную открытость народного воззрения к диалогу, к критике. Русское воззрение предстает как живое, познающее, чуждое закостенелости и самолюбования.

Таким образом, статья «Еще несколько слов о русском воззрении» становилась и своеобразным теоретическим дополнением к комедии, где герой, на словах ратуя за русское воззрение, фактически компрометировал его. Предметом иронического изображения в «Князе Луповицком» оказывалось своего рода антирусское воззрение. Живущий в Париже русский князь объявляет своим приятелям (они беседуют в кафе, перемежая русскую и французскую речь) о готовности поехать в Россию и прививать русскому народу европейское просвещение. В деревне урок князю, естественно, дают сами крестьяне. Растроганный их суждениями и поступками, Луповицкий покидает деревню с добрыми словами о русском народе, сказанными, однако, по-французски: «Я сегодня очень доволен, сегодня прекрасный для меня день. Мир познакомил меня с собою своим возвышенным, истинно благородным поступком. Я уеду отсюда с большим почтением к народу».[26] Не представляющая особого интереса в художественном отношении, комедия характерна для Аксакова, всегда чутко реагировавшего на фальшь, вольную или даже невольную спекуляцию серьезными идеями.

В отклике же на драму Писемского «Горькая судьбина» Аксаков ведет речь о «горькой судьбине русского крестьянина» в литературе, констатируя, что народный характер не дается писателям: им оказывается недоступна «правда изображения» его. Тем самым, Аксаков признает, что вопрос о том, как выразится национальное воззрение, достаточно сложен. Для этого требуется «душа слова», «художественная правда».[27] Упрекая современную литературу в многочисленных ее изъянах, Аксаков

---

[24] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 324.

[25] Там же.

[26] *Аксаков К. С.* Сочинения. Пг., 1915. Т. I. С. 555.

[27] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 417.

более всего ожидает от художественной литературы проникновения в существо русского воззрения.

В этом контексте знаменательно и чрезвычайно интересно соседство в журнале сочинений Хомякова и Аксакова. Хомяков уже являет самобытное мышление, причем в сферах, которые наиболее свободны, — в изящной словесности. В «Русской беседе» преимущественно представлено его поэтическое творчество. Первое же стихотворение («Звезды»), открывающее и первую книгу журнала, задает некое общечеловеческое измерение; в славянофильском издании в нем особенно бросается в глаза обозначенное автором духовное пространство, которое в контексте общечеловеческого бытия предстает как первостепенное:

В час полночный, близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампады,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.

Не сугубо русское, национальное воззрение, а общечеловеческое, христианское, предстает как данная каждому возможность прозреть в мирской, исторической жизни — иную:

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков, —
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарною красой.[28]

Аксаковское же стихотворение, опубликованное во второй книге «Русской беседы», внешне диссонирует стихотворению Хомякова. Уже название его — «Литераторы-натуралисты» — говорит о декларируемой идеологичности содержания. Пародируя эстетическую установку и стиль писателей натуральной школы, Аксаков словно предлагает иную, чем у Хомякова, но, на самом деле, еще одну форму труженичества, в конечном итоге, тоже духовного, поскольку в основе его — понимание той

[28] *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. I. С. 1.

внутренней сущности жизни, которая «натуралистам» пока недоступна, а он, автор стихотворения, славянофил, ее приоткрывает и называет:

Чего ж искать? Вдали, вблизи
Пред ними жизнь с своею тайной;
Пойми ее, изобрази,
Сними с нее покров случайный;
Дыханьем жизни дай дохнуть.
Душе на миг дай пробудиться,
Дрязг ежедневный отряхнуть
И духу жизни приобщиться...[29]

«Свет невечерний», который является смысловым центром второго стихотворения Хомякова («Вечерняя песнь»), опосредованно угадывается (как предощутимое и возможное для каждого человека) в стихотворении Аксакова.

Но эту сферу своей внутренней жизни («свет невечерний») Аксаков, похоже, не имел намерения делать предметом чьего-либо внимания, тем более обсуждения. Усилия его были направлены на то, чтобы способствовать развитию таких отделов как «Науки» и «Критика». Первый занимал достаточно большое (а подчас и слишком большое) место в журнале, располагаясь сразу за «Изящной словесностью». В нем содержалось немало интересных и объемных публикаций. Это по преимуществу работы историографического и этнографического характера (касающиеся прежде всего славянских, но также и других народов), исследования А. Ф. Гильфердинга, И. Д. Беляева, Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского, А. Н. Попова, Ап. А. Григорьева, М. А. Максимовича, П. А. Кулиша и др. Тематика была достаточно разнообразна, но круг авторов, в основном единомышленников в понимании исторического пути России, обеспечивал внутреннее единство журнала.

Сам Аксаков опубликовал в этом разделе две работы, наиболее для него концептуальные и показательные по типу дискурса. Это именно научные исследования, но в них анализируется тот материал, который позволяет автору сделать не только научные, но и публицистические выводы. Если учесть, что статья, посвященная богатырям времен великого князя Владимира, опубликована в 1856 г., примечания к «Народной повести о бражнике» — в 1859-м, в последней книге этого года, а в 1860-м, как известно, было издано только два тома, то перед нами — и концептуальное высказывание автора о тех началах древнерусского мышления, кото-

[29] *РБ*. 1856. Кн. II. Отд. I. С. 58.

рые несут в себе универсальный смысл; и одновременно — сквозная тема журнала. Прежде чем коснуться этих работ, соотнесем с разделом «Науки» (в аксаковском наполнении) отдел «Критика». «Дух журнала открывается в критике», — настаивал Аксаков, разъясняя: «Дух, жизнь и знание именно являются в критике, в рецензии».[30] Как уже отмечалось, литературно-критических статей он публикует мало, а вот обстоятельных критических рецензий, касающихся не только литературы, в журнале гораздо больше.

Рассматривая выходящие тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «Белевскую вивлиофику», издаваемую Н. А. Елагиным, анализируя «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, Аксаков представал перед читателями «Русской беседы» не только трибуном-славянофилом, настаивающим на том, что период подражательности исчерпал себя, а ученым, вносящим свою (и весомую) лепту в изучение русской истории и словесности с древнейших времен. Можно предположить, что Аксаков определял для себя новое направление своей деятельности, не отрицающее труды 1840-х гг., но актуализирующее тип полемики не столько публицистической, сколько научной (что и означало воплощение тезиса о возможности и необходимости русского воззрения в науке). Можно только подивиться интуиции Гоголя, советовавшего в свое время Аксакову заняться русской грамматикой, то есть научным трудом. В данном случае Аксаков избирал для себя тот род занятий, который позволял достаточно определенно высказывать убеждения, но при этом не слишком обнажать свое личное, сокровенное. А вместе с тем, он решал важнейшую для славянофилов задачу. Словно поясняя содержание и характер отдела «Науки» в «Русской беседе», Аксаков писал (в статье «Обозрение современной литературы»): «Наука первая пробует свои силы и старается выйти из отвлеченности и подражательности, старается встать на свои ноги. Более всего чести в наше время ученым занятиям, предмет которых Россия со всех сторон. Изыскания, исследования преимущественно по части русской истории и русского быта, должны по-настоящему быть делом всякого русского, неравнодушного к вопросу мысленной и жизненной самобытности в России; это личный вопрос каждого из нас. Общее дело России должно быть частным делом каждого русского».[31] Излагая эту концепцию, Аксаков выражал единомыслие с братом Иваном, в редакционной статье 1858 г.

---

[30] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 115, 116.

[31] Там же. С. 338.

писавшим: «„Беседа“ считает полезным, чтобы вопросы, которых решение еще отдаленно, вызревали предварительно в области живого, цельного мышления, разрабатывались и поверялись критикою науки и разума, руководимыми вечными истинами Христа»,[32] но Константин сам все-таки стремился продемонстрировать не столько «живое, цельное мышление», сколько твердость «науки и разума». Поэтому, откликаясь на выходящие в свет тома «Истории...» Соловьева, поверяя и поясняя факты, приводимые ученым, Аксаков одновременно рассуждает о соотношении «исторического исследования» и «истории», называя признаки того и другого и настаивая, что в истории необходим «элемент художественный», но он «вовсе не нужен в историческом исследовании».[33]

Думается, совсем не случайно в статьях, помещенных в отделе «Науки», Аксаков, обнаружив прекрасное знание устной народной и древнерусской письменной словесности, сумел извлечь из «недр» древних культурных памятников те начала национального самосознания, которые он постоянно ощущал в глубине и собственного мировосприятия. Опираясь на устные памятники, в «Богатырях времен великого князя Владимира...» он охарактеризовал древний мир как объединенный «жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый»; «это хоровод, движущийся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья образ русской общины».[34] Статья начинается с упоминания о «пиршественной стороне» жизни князя Владимира, сохранившегося в памяти народной, по убеждению Аксакова, прежде всего в качестве «радушного, ласкового хозяина». Но «нераздельно с его пирами соединено сказание о славных богатырях».[35] Пиршественная сторона жизни — свидетельство ее богатырства, героического духа. А прочнее всего «собирает» вокруг себя «то истинное начало жизни, которое даруется православною христианскою верою».[36]

Позже Аксаков напишет небольшое дополнение к этой статье — «Заметку о значении Ильи Муромца». Излагая сохранившееся в памяти со времен детства «рассказы об Илье Муромце», он раскрывает то понимание богатырства, которое нашло выражение в былинах и было воспринято русскими писателями как проявление народного характера. При этом Аксаков находит индивидуальную форму для выражения «русского воз-

---

[32] *РБ*. 1858. Кн. IV. С. II.

[33] Там же. 1856. Кн. IV. Отд. II. С. 8.

[34] *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 234, 235.

[35] Там же. С. 230, 231.

[36] Там же. С. 231.

зрения» на богатырство. Он противопоставляет «титаническую» эпоху, когда ценилась сила как таковая, и «богатырскую». Илья Муромец воплощает последнюю, ибо «он есть величайшая, первая человеческая сила».[37] Святогор, древнейший богатырь, готов перевернуть землю, чтобы продемонстрировать свою силу. Эта чрезмерная и бездумная сила Илье не нужна. Подобный смысл, действительно, угадывается в былинном сюжете, но Аксаков его намеренно акцентирует. В богатырстве, в его понимании, сила неотделима от этического начала, и утрата последнего означала бы утрату подлинного богатырства.

Комментируя повесть о бражнике, опубликованную Н. Я. Аристовым, Аксаков на первый план вынес «веселие и радость жизни», оправданные в ней: «Русский народ, как видно, чувствовал потребность высказать этот истинный и глубокий взгляд на чистое веселье земное, на чистую земную радость, законную и прекрасную и предложенную всякомуе — для кого не кончились на земле все земные радости».[38]

Современный исследователь народной культуры, рассматривая разнообразную обрядовую традицию, обращает внимание на широко представленную в ней «семантику и символику веселья».[39] Он видит наиболее полное выражение этой семантики в верованиях, обрядности и терминологии, связанных с праздниками Рождества и Нового года; в календарных обрядах, приходящихся на время весны; в сфере представлений, связанных с браком и свадебной обрядностью славян, где роль мотива и концепта веселья чрезвычайно велика.

В 1856 г. Аксаков пишет стихотворение «Веселью», выразившее одну из существеннейших граней христианского мироощущения, которую Гоголь в «Портрете» определил как «светлость небесного веселья».

Веселье — образ жизни ясной,
Сердечный спутник чистоты,
Златой удел души прекрасной,
Всегда благословенно ты!
На светлом общем жизни пире —
Ты жизни лучшая краса.
Играет радость в Божьем мире,
Весельем блещут небеса
⟨...⟩

---

[37] Там же. С. 287.
[38] Там же. С. 416.
[39] *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 294.

Стой за добро неколебимо,
Будь духом тверд; но не гони
Младую жизни радость мимо,
Веселья в мире не кляни.
Соблазна шепот нам для слуха
И в келье внятен; будь боец,
И помни, что веселье духа
Его всех подвигов венец.
Блажен, чей дух ни пир, ни келья
Не могут возмутить до дна;
Кому источником веселья —
Души прекрасной глубина;
Кто света путь оставил зыбкий,
Как лебедь бел, — и сохранил
Всю прелесть чистую улыбки
И стройный хор душевных сил.[40]

Аскетически живущий Аксаков заметил и поддержал «антиаскетический» (его выражение) взгляд, выразившийся в древних памятниках. Это и была форма личного самовыражения Аксакова. Форма присутствия его в «Русской беседе», различные работы, опубликованные в журнале, говорят и о том, что он предоставлял в распоряжение читателей результаты своей деятельности, итоги научных размышлений, лишь позволяя читателям догадываться о внутреннем строе его души.

Хомяков раскрыл в стихотворных публикациях глубину своего религиозного чувства и опыта. Аксаков познакомил читателей с логикой своей научной мысли, со сложившимися убеждениями и только отчасти приоткрыл собственный духовный опыт. Еще в 1854 г. И. Аксаков писал А. О. Смирновой: «Да, кстати, Константин немного обиделся вашими похвалами ему за богомольство и за хождение к Троице. Он хочет иметь значение как гражданин и общественный деятель, а не как молитвенник за русскую землю; да и молитва для него есть частное, личное дело».[41]

Одно из стихотворений, опубликованных Хомяковым на страницах «Русской беседы», называлось «Труженик». И заглавие, и логика текста, восходящего к библейской основе, могли быть отнесены к К. Аксакову (его путь — также путь «труженика», «пахаря»), но с одной, существенной поправкой. В стихотворении Хомякова герой от состояния

[40] *Аксаков К. С.* Сочинения. Т. I. С. 123–124.
[41] *РА*. 1895. № 12. С. 462.

утомления, бессилия, вызванного борьбой со «злым безумьем», «дикою враждою» («Я утомлен. Пора на отдых») переходит к стоической готовности продолжать борьбу:

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.[42]

Труженик-Аксаков выполнял свой труд не без гнева против инакомыслящих, но с чувством того «веселья и радости жизни», которое не допускало даже сиюминутного «пора на отдых». Среди его заметок сохранилась запись: «Подле человека, где бы он ни был, в каком бы ⟨...⟩ бессильном положении ни находился (мы не говорим здесь об истинном горе о близких) — целое море счастья и радости, и бесконечный великий подвиг...»[43]

Кажется, для Аксакова выявилось как нечто безусловное, что в публичной деятельности (в том числе, в издательской, где человек славянофильских убеждений всегда искренен и верен себе), личность все же не раскрывается целиком, и потребность выразить не столько для читателей, сколько для себя свое внутреннее «я» становится тем более насущной, чем более человек занят публичной работой. Может быть, и в этом, лично для Аксакова, заключался опыт сотрудничества с «Русской беседой».

Выразив первоначально сомнение в целесообразности журнала, будучи задет, что его не привлекли к обсуждению задуманного издания на предварительных этапах, Аксаков, в известном смысле, полнее, чем другие участники, выразил тематику, рубрикации, тенденции развития «Русской беседы», опубликовав свои труды фактически во всех основных отделах журнала. Общее дело все-таки оказывалось важнее личного несогласия и сомнения.

В полной же мере «аксаковское присутствие» в «Русской беседе» завершилось некрологом, написанным М. П. Погодиным и помещенным во втором томе за 1860 г., а это было завершение и всей работы журнала. В некрологе содержались слова: «Чище, благороднее, невиннее Константина Аксакова мудрено было в наш век найти человека».[44]

---

[42] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. I. С. 1.
[43] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 38. Л. 59 об.
[44] *РБ*. 1860. Кн. II. С. II.

О. Л. Фетисенко

ТЕРТИЙ ФИЛИППОВ —
ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Первым редактором «Русской беседы» был Тертий Иванович Филиппов (1825—1899). Этот впоследствии известный государственный и церковно-общественный деятель родился во Ржеве, окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в 1-й Московской гимназии, был сотрудником «молодой редакции» «Москвитянина» и одним из видных участников кружка А. Н. Островского.[1] Духовный сын знаменитого ржевского протоиерея Матфея Константиновского (1791—1857),[2] он в 1850-е гг. соприкасается с Оптиной пустынью[3] и входит в круг лиц, которые, по благословению старца Макария (Иванова), занимаются переводческой и издательской деятельностью. Филиппов переводит преп. Максима Исповедника.[4]

В это время происходит сближение его с И. В. Киреевским. А само знакомство состоялось, вероятно, в 1850 г. (возможно, в доме С. П. Шевырева, если Филиппов был одним из участников сцены, описанной

---

[1] См.: *Барсуков.* Кн. XI. С. 58—83, 90—98; *Венгеров С. А.* Молодая редакция «Москвитянина» // Вестник Европы. 1886. № 2. С. 581—612.

[2] Об отношениях Филиппова с его духовным отцом (известным прежде всего как духовник Н. В. Гоголя) см.: *Щеглов Ив.* ⟨*Леонтьев И. Л.*⟩. К характеристике о. Матвея Константиновского // Новое время. 1902. 16 марта. № 9350. С. 2.

[3] Н. П. Гиляров-Платонов считал Филиппова (наряду с гр. А. П. Толстым, Гоголем и Н. П. Киреевской) «*оптинским* христианином» (это определение появляется в его письме к А. В. Горскому от 4 октября 1856 г.). «Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и проч.». Перечисляя особенности «оптинских христиан», Гиляров продолжает: «...глубоко уважающие отца Матвея, преклоняющиеся пред Оптинскою пустынью, вздыхающие о внутреннем помазании, о *залоге* и проч.» (*РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997).

[4] В ноябре 1853 г. вышла книга: Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву «Отче наш» и его же слово постническое по вопросу и ответу. М., 1853.

Н. П. Барсуковым).[5] Именно Киреевский рекомендует Филиппова А. И. Кошелеву, когда тот ищет редактора для задуманного славянофилами журнала «Русская беседа».[6] Сохранилось любопытное письмо Филиппова к его благодетелю гр. А. П. Толстому от 4—5 августа 1855 г.: «Теперь о себе хочу Вам пересказать кое-какие новости. Кошелев, Хомяков и Самарин складываются для основания журнала, которого обязанность и назначение будет состоять в обличении Западной неправды. Хотя Вы в своем строгом, впрочем, суде о них находите в них самих много Западного, тем не менее они уважают истинно и исповедуют (хотя с некоторой свободой в рассуждении) Православие, Народность и Самодержавие. Они торговали у Погодина „Москвитянин", но кончилось тем, что не могли с ним сладить и бросили переговоры. Норов (он двоюродный брат Кошелева) обещал им выхлопотать позволение на заведение нового журнала; он и исполнит это обещание, как кажется, потому что в Москве заводится уже новый журнал „Русский летописец"; редактором его будет Катков, издатель „Московских ведомостей", шеллингист по убеждениям и народному нашему направлению противник. Это обстоятельство еще более заставило Кошелева и друзей его думать о своем журнале; может быть, и Погодин подастся, а не то он поедет в Петербург хлопотать о новом. Меня они назначают редактором; это кроме того, что лестно и выгодно, между прочим и в нравственном смысле для меня полезно. Такого рода деятельность мне более всего по духу; если же из нее будет проистекать некоторая общественная польза, то немало и утешения будет сердцу. Простите меня, что я Вас затрудняю этим, а я желал бы знать Ваше об этом мнение».[7]

Возвращаемся к рекомендации Киреевского. В письме к Кошелеву от 13 августа 1855 г. он хвалил замечательное трудолюбие и переводческий талант своего молодого знакомого[8] и, предупреждая возможные сомнения своего корреспондента, убеждал его: «Что же касается до Филиппова, то мне кажется, ты ошибаешься, думая, что в его руках журнал будет вял и односторонен. Филиппов в вашем кругу будет проникнут вашим духом и воззрением на литературу и проч., ибо ваш дух также верующий,

---

[5] См.: *Барсуков*. Кн. XI. С. 97—98.

[6] Отметим интересную подробность: биограф Кошелева Н. П. Колюпанов ничего не говорит о рекомендации Киреевского, но мимоходом сообщает, что Филиппов давал уроки истории дочери Кошелева (см.: *Колюпанов*. Т. II. С. 236).

[7] ГАРФ. Ф. 1099. № 1265. Л. 1 об.—2.

[8] Здесь говорилось, что Филиппов за один день перевел какую-то греческую книжку (а день при этом был праздничный, значит, начался с литургии и продолжился долгой трапезой).

как и его, но только больше развит в отношении к внешней образованности. Пишет он не только не вяло, но с замечательным талантом. А деятельность и легкость работы у него в замечательной степени. ⟨...⟩ Для журнальной деятельности это клад».[9]

Получается, что Кошелева еще надо было уговаривать. Не потому ли, что Филиппов воспринимался как человек из другого, не славянофильского, а более «официального» (да и не старо-дворянского[10]) круга. К. С. Аксаков в декабре 1855 г. восклицал в письме к А. С. Хомякову: «Странное дело! Наши имена — у Каткова; а у нас — редактор Филиппов!..»[11] Уже тогда Тертий Иванович был для славянофилов (и для некогда близких своих друзей, например для Ап. А. Григорьева) носителем «казенного православия». Сравните в письме Григорьева к Е. Н. Эдельсону от 13 ноября 1857 г.: «Тертий... но если б знал, до чего и сколь основательно развилась во мне вражда к официальному православию, в которое он ушел...»[12] Между прочим, характерно, что еще в январе 1855 г., говоря в письме к М. П. Погодину о «молодой редакции» «Москвитянина», Григорьев даже не упомянул Филиппова, а через год высказался так: «...„Беседа", которая едва ли не будет журналом Троицкой Лавры ⟨...⟩ предчувствую ⟨...⟩ что „Беседа" сойдется с блаженной памяти „Маяком" — в своих *последних* результатах...»[13]

Действительно, Филиппов — любимец митрополита Филарета, Филиппов — сотрудник «Москвитянина» самим именем своим делал в либерально настроенном обществе не лучшую рекламу новому изданию.[14]

---

[9] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 287.

[10] Этот аспект также важен. Родовитые старшие славянофилы редко приближали к себе разночинцев, а именно таковым являлся сын ржевского провизора. Ср., кстати, с замечанием С. М. Соловьева (младшего) о своем деде-историке: «...Он был чужой в дворянской и аристократической среде...» (*Соловьев С. М.* Воспоминания. М., 2003. С. 57). Ап. А. Григорьев в статье «Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли» (1863) назвал славянофильство «старо-боярским направлением», которому он сочувствует, но при этом ненавидит «за его гордость» (*Григорьев А.* Одиссея последнего романтика. М., 1988. С. 354).

[11] *Хомяковский сборник*. С. 167.

[12] Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии / Сост. Вл. Княжнин. Пг., 1917. С. 184.

[13] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 360–361. Под Троицкой Лаврой здесь подразумевается, собственно, Московская духовная академия. Обратим внимание и на сравнение с «одиозным» (в глазах большинства тогдашней читающей публики) журналом С. О. Бурачка, выходившим в Петербурге в 1840–1845 гг., — оно встретится нам еще в одном источнике. См. также: *Пирожкова*. С. 151.

[14] С. Т. Аксаков писал сыну Ивану 22 декабря 1855 г., что имя Филиппова «производит на всех, *без исключения*, самое неблагоприятное впечатление» и что этого человека он «решитель-

Т. Н. Грановский за три дня до смерти радовался, что славянофилы, затеяв журнал, явят свое «воззрение» «во всей красоте своей». «Ответственным редактором будет Филиппов; критиком литературных произведений будет Григорьев. Конечно, этих имен достаточно, чтобы наперед предсказать характер и успех издания 〈...〉 — иронизировал профессор в письме к К. Д. Кавелину. — Надобно будет сказать последнее слово системы, а это последнее слово — Православная патриархальность, несовместимая ни с каким движением вперед».[15] Поражает почти дословное совпадение: «последнее слово» у Грановского, «последние результаты» у Григорьева.[16]

Да что Грановский, если и сам Погодин (это при том, что его «Москвитянин» — жупел для либералов[17]) не хотел бы, чтобы его собственный журнал сравнили с каким-нибудь «Маяком», и не мог простить Ки-

---

но» не принимает «к себе» (цит. по: *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 604). Т. Ф. Пирожкова цитирует по этому поводу декабрьское письмо В. С. Аксаковой к брату, в котором говорится, что избранный редактор «Русской беседы» «всем неприятен» (*Пирожкова*. С. 132). Любопытно, что С. А. Венгеров считал Филиппова наиболее подходящим к «правоверному» органу, как он с иронией назвал «Москвитянин»: «Кроме Островского и Григорьева, членами кружка („молодой редакции". — *О. Ф.*) были еще: Алмазов, Эдельсон и г. Тертий Филиппов. Из них только г. Филиппов вполне подходил к „Москвитянину" своим византизмом pur sang; но он не особенно много писал. Из четырех лиц, вперемежку ведших критический отдел „Москвитянина" — Григорьева, Эдельсона, Алмазова и г. Филиппова, инициалы последнего встречались очень редко» (Вестник Европы. 1886. № 2. С. 597). Между прочим, самим трижды повторенным «г.» (господин), которого он не ставит перед фамилиями других сотрудников погодинского журнала, Венгеров словно отделяет Филиппова от более симпатичных ему деятелей. Правда, возможно и простое объяснение — в момент появления статьи в «Вестнике Европы» Филиппов был еще жив.

[15] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 319.

[16] У Грановского и Григорьева был общий источник — В. Г. Белинский. В его статье «Ответ „Москвитянину"» (1847) погодинский журнал сравнивается все с тем же «Маяком»: «Многие славянофилы не любят вспоминать о „Маяке", как будто чуждаются его 〈...〉 подумаешь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что „Маяк" был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до *последних своих результатов* (курсив мой. — *О. Ф.*). 〈...〉 Он больше славянофил, чем „Москвитянин" 〈...〉. Но этим самым, разумеется, он оказал очень дурную услугу славянофильству, потому что выставил его на позорище света в его истинном, настоящем виде...» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 225–226).

[17] Негативно отзывались о погодинском журнале и славянофилы. См.: *Пирожкова*. С. 24–25, 38. По мнению исследовательницы, еще в начале 1840-х гг. «журнал приобрел такую репутацию защитника „самодержавия, православия и народности", что печататься в нем было не только не престижно, но и непристойно, особенно для тех, кто не разделял пафос уваровской триады» (Там же. С. 25).

реевскому, что тот в свое время «поддоброхотал» ему «Житие Паисия Величковского», а он не глядя напечатал и спохватился лишь через два года.[18] Настолько сильным было в русском обществе отторжение от «церковности».

Тем временем самого Филиппова будущая деятельность редактора даже страшила, чем он делился с Киреевским в письме от 18 ноября 1855 г.: «Я бы зажил вдали от текущей литературы, чего требовало даже спасение души, ибо следить за нею с полезною целию — дело другое, а добровольно подвергать душу свою таким раздражающим впечатлениям — решительно грех. Теперь же поневоле все читаешь — и такая мука, что вообразить невозможно».[19]

Вместе с Филипповым Кошелев приезжает в Оптину к старцу Макарию за благословением на издание журнала.[20] Филиппов 23 сентября 1855 г. подает прошение в Московский цензурный комитет, а затем Кошелев отправляет будущего редактора в Петербург хлопотать о разрешении выпускать «Русскую беседу».[21] В декабре Кошелев отправится в Петербург сам, а чуть позже там появился и Хомяков, облачившийся в «русское платье».[22] Программа журнала,[23] а также и объявление об издании «Русской беседы» в 1856 (а позднее — и в 1857) году написаны Кошелевым и Филипповым.

В различных рекомендательных письмах, которыми Кошелев снабдил Филиппова, он характеризовал своего молодого помощника так, чтобы тот произвел лучшее впечатление на петербургское начальство. «Г. Филиппов, молодой человек, деятельный, с хорошими дарованиями и с прекрасными правилами и религиозными убеждениями, взялся быть редактором. Смею покорнейше просить вас принять его и наш журнал под свое

---

[18] См. об этом в письме Погодина к Кошелеву (апрель 1856 г.): *Барсуков*. Кн. XIV. С. 374.

[19] Там же. С. 334–335.

[20] Филиппов заручился и благословением митрополита Московского Филарета (см.: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 317). «Вообще, — писал Н. П. Колюпанов, — Филиппов был очень доволен ходом дела в Москве и в особенности тем, что *митрополит благословил предприятие* (подчеркнуто в подлинном письме к О. Ф. Кошелевой 19 сентября 1855 г.)» (*Колюпанов*. Т. II. С. 237).

[21] См.: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 318 и др.

[22] Об этой подробности см.: *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 289.

[23] В этой программе, между прочим, утверждалось: «Основное начало мнений, распространению коих посвящается сей журнал, есть Православие. Оно душа всей русской жизни; оно же должно определять характер всякой умственной деятельности в нашей родине: таково убеждение издателей» (цит. по: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 318).

покровительство и даровать нам просимое разрешение», — писал он 5 сентября 1855 г. А. С. Норову.[24]

Как весьма «благонамеренного» и «заслуживающего доверия правительства» человека характеризовал Филиппова попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов[25] в ходатайстве в Главное управление цензуры и в письме к товарищу министра народного просвещения кн. П. А. Вяземскому от 27 сентября 1855 г.[26] Перед тем как представиться Вяземскому, сразу по приезде в Петербург, Филиппов побывал у ректора университета П. А. Плетнева, от которого также получил рекомендательное письмо.[27] «...Г. Филиппов принадлежит к небольшому числу таких молодых людей, — говорилось в этом письме, — которые еще отстаивают все чистое, доброе и прекрасное в Литературе. Статьи его в „Москвитянине", по части Критики, всегда казались мне каким-то отрадным оазисом посреди ужасной степи современных поколений».[28]

В те же дни, 26 сентября, Кошелев сообщал А. Н. Попову о действиях Филиппова: «Назимов обещался ему всеми силами помочь в этом деле. К 3-му октября ожидается в Москву Норов. Филиппов будет ему рекомендован Назимовым, одобрен митрополитом, который очень благоволит к Филиппову; сверх того, он вручит Норову письмо от меня и будет просить его о содействии к дозволению журнала...»[29] (По-видимому, речь идет о написанном заранее письме к Норову, которое цитировалось выше.) Тогда же Кошелев просил Попова помочь Филиппову в переговорах с потенциальными сотрудниками журнала.

Вяземский, однако, не признал «ныне удобным пустить в ход прошение гг. Кошелева и Филиппова»,[30] а чуть позже и вернувшийся в Петербург Норов писал Назимову о том, что вопрос не будет даже обсуждаться. Известно горячее ходатайство о славянофилах, написанное Назимовым в ответ.[31]

---

[24] Цит. по: Там же. С. 317.

[25] «Попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов, заведывавший тогда цензурным делом в Москве, был хорошо расположен ко мне и еще лучше расположен к Т. И. Филиппову, долженствовавшему быть моим помощником по изданию „Русской беседы"» (*Кошелев. Записки*. С. 62).

[26] См.: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 320, 321. См. также: *РСт*. 1882. № 2. С. 484–490.

[27] См.: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 322–323.

[28] Там же. С. 323.

[29] Там же. С. 321–322.

[30] Слова из его резолюции на письме Назимова (Там же. С. 323).

[31] Там же. С. 323–324, 328–334.

Н. П. Колюпанов отметил в своей книге о Кошелеве, что в Петербурге Филиппов «хлопотал преимущественно при помощи дам», близких к Императрице Марии Александровне, — гр. А. Д. Блудовой, Л. Н. Карамзиной и кн. С. И. Мещерской.[32]

«Воротясь, в половине октября 1855 г., в Москву, Т. И. Филиппов написал Кошелеву письмо, где советовал ему ехать хлопотать о журнале самому в Петербург и захватить с собою Хомякова».[33] Наконец все хлопоты увенчались успехом, в декабре последовало Высочайшее разрешение издавать журнал.

Но дальнейшие события развивались не так быстро. 13 февраля 1856 г. Филиппов сообщал гр. А. П. Толстому: «Разрешение нам прислано и запрещение с Славянофилов[34] пришло, но секретные предписания Цензурному Комитету таковы, что издание все-таки сомнительно. Сегодня решится у нас на совете, издавать или нет».[35]

Филипповым был предложен один из эпиграфов к журналу, заимствованный из Псалтыри (с незначительным изменением: Пс. 84: 13). Хомяков писал весной 1856 г. Ю. Ф. Самарину: «Эпиграфы наши хороши. Один вам известный, предложенный Аксаковым:[36] „только кореньем дерево крепко и пр.“, а другой от Филиппова „Господь даст благость, и земля даст плод свой“».[37] Но после дальнейшего обсуждения второй эпиграф был отвергнут.[38]

О работе Филиппова в редакции известно в настоящее время мало. Тем не менее, некоторые свидетельства о его редакторской деятельности сохранились. Например, письмо его к Погодину от 17 сентября 1856 г., в котором речь идет о переводных статьях историка для III или IV книги «Русской беседы»,[39] или упомянутое Т. Ф. Пирожковой письмо Филиппова к К. С. Аксакову после публикации «Князя Луповицкого».[40]

В монографии Т. Ф. Пирожковой упоминается также о конфликте Филиппова с Кошелевым, вызванном публикацией во второй книге «Русской беседы» статьи К. Аксакова «Еще несколько слов о русском

---

[32] См.: *Колюпанов*. Т. II. С. 238.
[33] *Барсуков*. Кн. XIV. С. 323.
[34] Подразумевается: «снятие запрещения на печатание».
[35] ГАРФ. Ф. 1099. № 1265. Л. 13.
[36] Речь идет о К. С. Аксакове.
[37] *Хомяков*. Т. VIII. С. 282.
[38] См.: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 344.
[39] РГИА. Ф. 728. Оп. 1. № 5. Л. 2–3.
[40] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 86. См.: *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 619.

воззрении».[41] В целом, Филиппов оценивается в этом исследовании как инертный, но при этом позволяющий себе «самоуправство» редактор.[42] В более ранней своей книге, написанной на излете советского времени, исследовательница вообще ничего не говорит о сути конфликта, сообщая лишь, что «Кошелев выражал недовольство хозяйничаньем Филиппова в журнале».[43] Обстоятельства прояснятся, если обратиться к первоисточнику, которым в данном случае является переписка Кошелева и кн. В. А. Черкасского (последний как раз и склонил обычно дисциплинированного редактора к проявлению того, что исследовательница определила словом «самоуправство», — к публикации произведения без совета с издателем).[44] Речь может идти только о «самоуправстве» и «хозяйничаньи» кн. Черкасского, а не Филиппова. Но Т. Ф. Пирожковой, вероятно, было важно лишний раз противопоставить «неправильного» Филиппова «настоящим» славянофилам.

Отдельным предметом исследования могли бы стать написанные Филипповым редакторские примечания к статьям. С уверенностью атрибутировать ему можно пока лишь подстрочное примечание в статье В. В. Селиванова «Год русского земледельца (II. Лето)», подписанное «Изд. Ф.» (т. е. «Издатель Филиппов»).[45] Другие же случаи (когда примечания подписаны «Изд.» или «Издатели») нуждаются в специальном внимательном рассмотрении, их мы оставляем за рамками нашей статьи.

Известна лишь одна работа, написанная Филипповым для «Русской беседы» и напечатанная в первой книге журнала. Ее он включил впоследствии в свой «Сборник», посвященный, между прочим, «Непорочной памяти Ивана Васильевича Киреевского».[46] Это большая статья о пьесе А. Н. Островского «Не так живи, как хочется».[47] Обращение именно

[41] *Пирожкова*. С. 156–157.

[42] Там же. С. 163.

[43] *Пирожкова Т. Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984. С. 110.

[44] См.: *Трубецкая*. С. 76–78.

[45] *РБ*. 1856. Кн. IV. Отд. V. С. 67. Кошелев подписывал свои примечания «Изд. К.» или «А. К.». В указанном примечании Филиппова уточняется значение глагола «зорить».

[46] Сборник Т. И. Филиппова. СПб., 1896. В предисловии к книге Филиппов писал: «...я укрыл свои произведения под сень имени И. В. Киреевского. Это имя крепкий и надежный щит! ⟨...⟩ Откуда ж мое право на покров такого имени и на приобщение к нему моих произведений? Он был надо мной от дней моей юности, он осенял первые незрелые попытки моей литературной деятельности» (Там же. С. VI–VII).

[47] *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III. С. 70–100; Сборник Т. И. Филиппова. С. 14–42. 22 мая 1856 г. Филиппов обращался к гр. А. П. Толстому с просьбой прочесть эту статью: «Хоть и совестно просить о таком деле, но сделайте одолжение, прочтите мою статью: так как Вам

к этому автору не случайно и вызвано, конечно, не только давней дружбой Филиппова с Островским, но прежде всего тем, что одушевлявший творчество драматурга православный (народный) идеал должен был предстать образцом искомого «русского воззрения».

Именно так — в контексте полемики о «русском воззрении» — эта программная статья была воспринята обозревателем «Отечественных записок».[48] Она рассматривалась здесь как «обращик ... особенной доктрины» славянофилов.[49] «Стало быть, вот оно, русское воззренье!» — восклицал критик, пересказывая филипповскую статью. «Там, где человеческое мышление видит первую ступень народного возраста, мышление г. Филиппова находит образец для высших ступеней общественной жизни. ⟨...⟩ Нет, для чести нашего народа, мы отказываемся от логики г. Филиппова, от его русского воззрения, от его критики русского духа. Называйте это как вам угодно: логикой караибов, новозеландской моралью... только, ради Бога, не называйте этого русским воззрением!..»[50]

Еще раньше на статью об Островском полемически откликнулся в «Русском вестнике» Ф. Д. Дмитриев.[51] Он с иронией отозвался о филипповском «суде над западною жизнию» и о похвалах русской семье, которую назвал «древлянской».[52] «Разумеется, источник того воззрения, которое высказано г. Филипповым, — подводил итоги критик, — сам по себе очень похвальный: он состоит в привязанности к своему отечеству; но средства, избранные для выражения этой привязанности, нам кажутся не совсем верными и бесполезными в практическом отношении».[53]

Но все это были легкие уколы по сравнению с резкой отповедью Н. Г. Чернышевского в «Современнике» (анонимной, но автор легко угадывался[54]), правда, ценной для Филиппова тем, что она стала пово-

---

ничего не нравится из того, что теперь делается, то уж малейшее одобрение Ваше будет для меня знаком, что в статье что-нибудь да есть; а если Вы не похвалите, так это будет только значить, что статья современна» (ГАРФ. Ф. 1099. № 1265. Л. 16 об.).

[48] Литературные и журнальные заметки // *ОЗ*. 1856. № 7. Отд. III. С. 43–54.

[49] Там же. С. 50.

[50] Там же. С. 51–52.

[51] *Ф. Д.* ⟨*Дмитриев Ф. Д.*⟩. Несколько слов по поводу статьи г. Филиппова в «Русской беседе» // *РВ*. 1856. Май, кн. 2. С. 149–154.

[52] Там же. С. 150, 153.

[53] Там же. С. 154.

[54] Так, его сразу угадал Л. Н. Толстой. Ср. в его письме к Н. А. Некрасову от 2 июля 1856 г.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 74–75.

дом для сочувственного отклика А. С. Хомякова (без подписи), также включенного Филипповым в «Сборник».[55]

Чернышевский разнес Филиппова в обозрении «Заметки о журналах. Май 1856. „Русская беседа“ и ее направление».[56] «В первой книге, вместе с статьями, заслуживающими одобрение и от тех, которые противоречат им, нашла себе место статья, которая кажется приличною не „Русской беседе“, а разве покойному „Маяку“. Этого мы не хотели ожидать, и хотели бы думать, что это случайная ошибка. ⟨...⟩ ...зачем примешивать странные толки о посторонних делу предметах, которые он совершенно не хочет понимать? Его рассуждения слишком противоречат общему духу самой „Русской беседы“. ⟨...⟩ Нам кажется, что единство между г. Филипповым и, например, г. Самариным или гг. Аксаковыми едва ли может существовать в чем-нибудь существенно важном.

Союз их с ним ненатурален. ⟨...⟩

Мы думаем, что о делах земных, каковы науки и литература, рассуждать с г. Филипповым совершенно бесполезно; считаем обязанностью заметить только, что и он не должен бы говорить о них: ведь это суетные и тленные земные занятия, несовместимые с его точкой зрения. Надеясь, что он поймет всю несправедливость этой истины и не будет говорить ничего, или заговорит другим, более приличным русской литературе тоном в следующих книгах журнала, мы не будем принимать его статью в соображение при нашем мнении о „Русской беседе“; но крайность, в которую неосторожно вовлек он „Русскую беседу“, служит доказательством, что новый журнал должен точнее и строже определить границы своего направления».[57]

Несколько раз Чернышевский противопоставил в своей статье честных, правильно, с его точки зрения, мыслящих славянофилов непонятно как проникшему в их ряды реакционеру и выразил надежду на то, что «если „Русская беседа“ ⟨...⟩ останется верна научной точке зрения г. Самарина, а не образу мыслей г. Филиппова, то действительно основанием спора окажутся взаимные недоразумения,[58] а не существенное разномыслие...» «Объяснения с г. Филипповым, конечно, не приведут к согласию; тут различие, действительно, лежит в сущности понятий. Или нам

[55] ⟨*Хомяков А. С.*⟩. Письмо к издателю Т. И. Филиппову // *РБ*. 1856. Кн. IV. Отд. V. С. 92–107; Сборник Т. И. Филиппова. С. 298–314. Ниже статья цитируется по: *Хомяков*. Т. III. С. 243–258.

[56] С. 1856. № 6. С. 244–256.

[57] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 653.

[58] Речь идет о полемике «Русской беседы» с «Современником» и «Русским вестником».

(и г. Самарину) должно забыть то, что мы знаем, или г. Филиппову узнать многое, на что не обращал он внимания. Последнее и легче и лучше».[59] «...С г. Филипповым мы можем соглашаться только в двух пунктах: в том, что терпение — прекрасное качество, и в том, что смирение — высокая добродетель; но так как эти вопросы принадлежат не литературе, а законам благоустройства и благочиния, то можно, пожалуй, сказать, что мы с ним не сходимся ровно ни в чем, когда речь идет о литературе. Это различие между разными соучастниками „Русской беседы" делать необходимо: иначе, если мысли г. К. Аксакова смешивать с мыслями г. Филиппова, или наоборот, дело совершенно запутается».[60] Чернышевский прямо намекал, что хорошо бы редакции «Русской беседы» избавиться от позорящего доброе имя славянофилов редактора.[61]

Отметим, что литературоведение советской эпохи рассматривало статью Филиппова совершенно в духе Чернышевского. В комментариях к Полному собранию сочинений Островского о ней говорится так: Филиппов «оценивал пьесу с ретроградных, ветхозаветных позиций, превознося все то, что представляет самые слабые ее стороны».[62] (Слово «ветхозаветный» здесь особенно «уместно».)

Можно представить, как читал статью «Современника» И. Аксаков. Он мог бы воскликнуть: а ведь я вас предупреждал! Ведь еще в марте 1856 г. он писал родным: «Беда от русского направления, которым изволит проникаться светское общество! Слова „народность", „русский дух", „православие" производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как „русское спасибо", „русский барин" и т. п. ⟨...⟩ Я недоволен программой „Русской беседы"...»,[63] а через год, в июне 1857 г., вспоминал: «Программа „Русской беседы" мне, с самого начала, не нравилась и не

---

[59] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 655.

[60] Там же. С. 660. Ср. в письме Ап. Григорьева к Погодину (весна 1857 г.): «Посмотрите, какое странное, почти нежное отношение господствует, в сущности, между двумя учеными кружками. Западники, ругая Филиппова, меня, Бессонова, Крылова, спешат всегда оговориться насчет несомненного благородства истинных славянофилов. ⟨...⟩ Этим они показывают, что умеют различать бар от холопьев...» (*Григорьев А.* Одиссея последнего романтика. С. 412).

[61] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 658. Чуть позже Чернышевский снова вспомнил о Филиппове и заметил, что его статья «безвозвратно осуждена ⟨...⟩ всею публикою» (Там же. Т. IV. С. 691). Оставляем в стороне резкий отклик Герцена на филипповскую статью. О нем см.: *Пирожкова Т. Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. С. 111.

[62] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 563.

[63] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 429. В книге Н. П. Барсукова: «Беда от *Русского направления*...» (*Барсуков.* Кн. XIV. С. 346).

нравится. Она написана так, что, возбуждая недоумение, отвращает от нас сочувствие молодого поколения и приобретает сочувствие, которого я не желаю, сочувствия архиереев, монахов, Святейшего Синода. Между тем, как они все не могут, не должны нам сочувствовать...»[64]

Сходным образом на программу «Русской беседы» и на эту проблему «сочувствия» смотрел Н. П. Гиляров-Платонов, делившийся своими размышлениями в письме к В. Д. Кудрявцеву от 18 января 1857 г.: «„Бе-

[64] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 350. Т. Ф. Пирожкова цитирует в своих комментариях знаменательное письмо Аксакова к брату Константину (июль 1857 г.): «Я не соглашаюсь подписывать старую программу „Беседы", потому что, как тебе известно, мне она не нравится. Он (Кошелев. — *О. Ф.*) пишет мне, напр⟨имер⟩, что гордится тем, „что "Беседа" заслужила внимание просвещеннейших лиц нашего духовенства", а я пишу, что краснею от сочувствия „Беседе" графа Ал⟨ександра⟩ П⟨етровича⟩ Толстого, отца Матвея и Филарета» (*Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 618; подразумеваются письма Кошелева от 10 и 18 июня 1857 г., см.: Из переписки московских славянофилов: (Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову) // *ГМ*. 1918. № 7/9. С. 175–177). См. также: *Пирожкова*. С. 151 (здесь приведены сходные отзывы Ю. Ф. Самарина и Н. П. Гилярова-Платонова о популярности журнала среди консервативного духовенства). Кн. Черкасский в ноябре 1857 г. писал Кошелеву о том, что при Аксаковередакторе журналу «придется пожертвовать беспрестанными повторениями в объявлениях о православии», но это, полагал он, пойдет «Русской беседе» лишь на пользу, поскольку поможет преодолеть недоверие «к изданию всей молодой и живой части публики» и «привлечь к себе новые живые силы» (*Трубецкая*. С. 82; в другом письме, уже в январе 1858 г., Черкасский еще раз убеждал Кошелева, что «Русской беседе» необходимо приобрести «более современные сочувствия»; — Там же. С. 96). Эти советы не подействовали на Кошелева, который отвечал своему корреспонденту 21 ноября 1857 г.: «Теперь скажу в ответ на Ваше мнение о том, что И. С. Аксаков может быть *соиздателем* „Беседы" и что не беда изменить несколько направление „Беседы". Нет, батюшка, последнее совершенно невозможно. ⟨...⟩ Нет, нам, т. е. „Беседе", нельзя сделать ни малейшей уступки. ⟨...⟩ Нет, дражайший князь, с И. С. Аксаковым я не хочу издавать журнала. У нас и убеждения и образ действий слишком различны. С виду они похожи, а как в них покопаться, то и видишь, что они различны в самых основах» (Там же. С. 82).

Еще к теме «Аксаков и православие» в связи с программой «Русской беседы». Уже став редактором журнала, 21 ноября 1859 г. Аксаков писал Н. С. Соханской (Кохановской): «Слово *православие*, после знаменитой казенной формулы: „православие, самодержавие и народность" — до такой степени слилось в понятиях публики с официальностью, с представлением целого ряда „смиренных архиереев и кавалеров", торжественных молебнов, освящающих всякую мерзость и подлость холопскою услужливостью Церкви, самодержавной власти и проч. и проч., что может быть употребляемо (слово „православие") с величайшею осторожностью, и с оговорками. Необходимо, чтобы вас не смешивали с партией, так называемою, клерикальною, чтоб не происходило недоразумения. ⟨...⟩ „Беседе" много повредило то, что, поставив в программе своей „православие", она не имела возможности разъяснить, что именно разумеет она под православием, и потому ее заподозрили в солидарности с официальным духовным миром, что совершенно несправедливо. Но этому предубеждению много содействовало имя Ф⟨илиппова⟩, имевшего обыкновение читать по воскресеньям Апостола в модной московской церкви...» (*РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 599–600).

седа" объявила, что она за веру, и даже промолвилась, к сожалению, что она за православие. Это объявление и ⟨...⟩ явная нравственная серьезность возбудила сочувствие к „Беседе" со стороны духовных. ⟨...⟩ Но какое сочувствие! Письма, разговоры, признания обнаружили, что „Беседу" считают за продолжение „Маяка" или, по крайней мере, желают и надеются этого продолжения».[65]

Между прочим, статья Чернышевского рассердила Островского. Об этом 16 июня 1856 г. Н. А. Некрасов писал В. П. Боткину: «Явился Григорович. В числе разных сплетен он сообщил, что Островский будто ужасно сердит за резкое мнение о Филиппове. Напиши, в какой степени это справедливо. Однако если и так, то я все-таки скажу, что „Современник" — по крайней мере пока я в нем — не будет холопом своих сотрудников, как бы они даровиты ни были. Начни вникать, кто кому друг, так зайдешь черт знает куды».[66]

Известен и отзыв Л. Н. Толстого в письме к Некрасову от 2 июля 1856 г.: «...статья о Русской Беседе ⟨...⟩ ужасно мне не понравилась. Хотя совершенно согласен с мыслью статьи, выраженной однако неясно и неловко, за что скверно-матерно обругали Филиппова да и всех, да еще говорят: мы хотим, чтобы спор был благородный. ⟨...⟩ ...срам с этим клоповоняющим господином».[67]

Но что же, собственно, вызвало негодование редакции «Современника»? Обличение Жорж Занд и то, что показалось Чернышевскому ненужным «морализаторством».[68] Филиппову не могли простить самого употребления, как сейчас выразились бы, «неполиткорректной» лексики. Вот ее образчик: «Мерзость — все мерзость, грех — все-таки грех, хотя бы кто грешил и с высшей точки зрения».[69]

Филиппов обратил внимание читателей на то, что главной темой пьесы Островского является вопрос «о правах личного чувства и о границах сих прав».[70] «Личная любовь, как естественное чувство, имеет свои права; но

---

[65] Цит. по: *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиогр. воспоминания: В 2 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 275. (Лит. памятники). См. также с. 168 наст. изд.

[66] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14, кн. 2. С. 20.

[67] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 60. С. 74. «Пахнущий клопами» — известное прозвище Чернышевского. Ответное письмо Некрасова от 22 июля 1856 г. см.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 14. С. 24.

[68] Но сам автор статьи не был сторонником «отвлеченной *морали*» (см.: Сборник Т. И. Филиппова. С. 34).

[69] Сборник Т. И. Филиппова. С. 30.

[70] Там же. С. 20.

это чувство не есть единственное в нашей душе, следовательно, правам его должны быть поставлены границы. 〈...〉 ...естественно возникает вопрос о необходимости меры для наших ощущений. И правильность нашей внутренней жизни зависит именно от истинной меры, до которой мы позволяем доходить нашим душевным движениям: при таком только художественном устроении души в нее вселяется истинная красота. И если стремление к счастию встречается с такими препятствиями, которые преодолеть нельзя, не оскорбив нравственной своей чистоты, то лучше отказаться от прав на счастие, чем принять его на условиях унизительных, оскверняющих совесть».[71] «Стремиться к высоте законной и, не достигая ее, падать перед нею с благоговейным смирением, — вот истинные отношения жизни к закону, который в таком случае является для нас источником нравственного воспитания и всякого внутреннего преуспеяния. И пока так мыслит общество, до тех пор для него возможно возрождение, как бы ни было на самом деле печально его нравственное состояние 〈...〉. Но совершеннейшая опасность наступает для человеческого общества в то время, когда 〈...〉 упраздняется самое понятие о законности, ограничивающей произвол наших желаний и действий, и узаконивается этот самый произвол. 〈...〉

В западно-европейской жизни мы видим ясные признаки такого опасного нравственного состояния».[72]

Отметим, что Филиппову не дали права защититься самому и не ответили на выпад Чернышевского в следующей, третьей книге журнала, о чем просил пострадавший критик и редактор,[73] но чуть позже он получил, как мы уже упомянули, очень важную поддержку от Хомякова:

---

[71] Там же. С. 20–21.

[72] Там же. С. 22–23.

[73] Кн. Черкасский писал Кошелеву 17 июля 1856 г.: «Еще слышал я здесь, что Филиппов требует или просит соборного оправдания своего от обвинений, на него посыпавшихся в „Современнике". Я понимаю его желание, но не могу не сказать, что, с своей стороны, нашел бы согласие на такое его требование весьма неосторожным. Во-1-х, как в частном разговоре, так и в политике, никто не обязан отвечать на чужие вопросы и выходить на чужое поле, если считает то неуместным. Иначе, всякий может навязать Вам всякого рода разговоры и прения. Во-2-х, никто ни с кем не связан полным и безусловным единомыслием. Защищая Филиппова, Вам придется разбирать его по суставам, иное принимать, другое отвергать, — для него же выйдет хуже и неловче. Мой совет был бы: в 3-й книжке отвечать на критику „Современника" вкратце и умеренно, чтобы только иметь случай сказать, что „что касается до личных нападений на Филиппова, "Беседа" считает такое прение неуместным и неприличным и не намерена на это отвечать". Чем это короче будет и суше, тем лучше. И волки будут сыты и бедная овечка цела. Она будет защищена и никто не скомпрометирован» (*Трубецкая*. С. 76–77).

«Вы навлекли на себя грозу и, позвольте сказать, отчасти поделом. Пишете вы о комедии, пишете статью в журнале 〈...〉 и вздумали затронуть нравственный вопрос, да еще и затронуть не так как-нибудь слегка, а затронуть глубоко, серьезно, искренно. Я спрашиваю у вас самих, водится ли это, делается ли это в других журналах, принято ли это в литературном обычае? Вы знаете, что нет. 〈...〉 Или вы думаете, что за тем подписываются на журнал, чтоб, прочитав его, повесить голову да задуматься над своей душою?»[74]

Хомяков смеется над тем, что позднее назвали «либеральной цензурой»: «...Вы употребили, и не раз, выражения крайне грубые и неприличные — грех, разврат и даже мерзость. Вы так наивно виноваты, что мне даже жаль вас. Позвольте мне у вас спросить: если мы будем употреблять такие резкие слова, к чему же служит прогресс, к чему цивилизация, к чему смягчение нравов, к чему, наконец, весь девятнадцатый век?»[75] «Вы так провинились перед цивилизациею, что вам потачки делать не следовало».[76]

Из позднейшего отзыва Филиппова (в письме к К. Н. Леонтьеву от 21 декабря 1887 г.) известно, что он особенно выделил в письме Хомякова фрагмент, в котором вводится понятие «ересь чувства».[77] Приведем этот отрывок: «Были в жизни христианского мира догматические ереси, и они имели временный, часто огромный, успех; последствием же их было яснейшее сознание самих догматов Веры. Без сомнения, будущие века покажут, что таково же назначение и теперь преобладающих Латинства и Протестантства. Точно также, кажется мне, есть и временные ереси христианского чувства; ими особенно богато наше время. И они пройдут не без пользы для человечества; ибо, заставляя человека глубже вникать в нравственные вопросы, они уясняют самое чувство Христианства и готовят ему более полное торжество во всех областях жизни частной, общественной и гражданской».[78]

---

[74] *Хомяков*. Т. III. С. 243.

[75] Там же. С. 244.

[76] Там же. С. 245.

[77] РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. № 1035. Л. 19 об.

[78] *Хомяков*. Т. III. С. 258. В отношении к этим «ересям чувства» (тому, что Леонтьев называл «изящным жорж-зандизмом») Филиппова поддерживал Ап. Григорьев, высказавшийся о творчестве Жорж Санд в статье «О правде и искренности в искусстве» (*РБ*. 1856. Кн. III) вполне в духе автора статьи об Островском. В письме к Погодину (весна 1857 г.) Григорьев заметил, что исповедуемая им «правда» «ненавидит западников за их затаенную мысль узаконить, возвести в идеал распутство, утонченный разврат, эмансипированный блуд и т. д.» (*Григорьев А*. Одиссея последнего романтика. С. 411).

В 1857 г. имя Филиппова исчезает со страниц «Русской беседы»,[79] объявление об издании на 1858 г. подписано уже одним Кошелевым. В 1857 г. в редактировании журнала принимает участие П. И. Бартенев, в конце года — М. А. Максимович, а с июня 1858 г. место соредактора занимает И. Аксаков, который, как нетрудно догадаться, по отношению к периоду редакторства Филиппова был настроен весьма критично. «Будьте, ради Бога, осторожны со словами: *народность* и *православие*, — писал он брату Константину. — Оно начинает производить на меня то же болезненное впечатление, как и „русский барин, русский мужичок" и т. д. — Будьте умеренны и беспристрастны 〈...〉 и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать, к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Ив〈ан〉 Вас〈ильевич〉 〈Киреевский〉)».[80]

Филиппов хоть здесь и не назван, но камешек брошен, прежде всего, в его огород. Готовясь к вступлению на поприще редактора, Аксаков сокрушался: какая предстоит возня «с многими наличными сотрудниками»: «...братья Беляевы, с неистовым поклонением Древней Руси, Филиппов... Как хотите, а в этой компании душно».[81] В начале 1858 г. Аксаков счел нужным подчеркнуть в письме к Герцену: «...ни Филиппов, ни 〈Н. И.〉 Крылов не выражают направления».[82]

Уход Филиппова был предрешен, думается, уже вскоре после кончины приведшего его в журнал Киреевского. Тяготясь неблагоприятной для него обстановкой в редакции, он готов расстаться с журналом.[83] И вскоре для Филиппова открывается другое поле деятельности. Как раз тогда, осенью 1856 г., обер-прокурором Св. Синода становится граф А. П. Толстой (1801–1873),[84] он подбирает себе помощников, в число которых попадает и Филиппов.[85] Сначала он только поздравляет графа с новым на-

[79] Т. Ф. Пирожкова описывает историю его ухода из журнала кратко и не совсем точно (см.: *Пирожкова*. С. 163). Приведенные ниже письма Филиппова к гр. А. П. Толстому свидетельствуют, что в феврале 1857 г. он еще оставался в редакции.

[80] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 453.

[81] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 350.

[82] Всемирный вестник. 1905. № 9. С. 7.

[83] Считалось, что он в это время был командирован «на Дон и Азовское море для исследования нравов местного населения» (*Фаресов А. И.* Памяти Т. И. Филиппова // *ИВ*. 1900. № 2. С. 672). Но современные биографы Филиппова опровергают это сообщение. «Нравы» изучал его однофамилец — Н. Н. Филиппов.

[84] Т. Ф. Пирожкова нечаянно смешивает его с позднейшим обер-прокурором гр. Д. А. Толстым (см.: *Пирожкова*. С. 199).

[85] В цитированном выше письме к Н. С. Соханской от 21 ноября 1859 г. И. Аксаков нелестно вспоминал Филиппова, как он считал, много повредившего репутации журнала, —

значением и предлагает подыскать для него хороших сотрудников, о себе ни слова — до получения письма от духовника, о. Матфея. 3 ноября 1856 г. Филиппов писал своему покровителю:

«Ваше Сиятельство!

Я получил от от⟨ца⟩ Матфея письмо, в котором он пишет, что Вы ему сказали о своем желании взять меня к себе в службу. Я сам несколько раз порывался просить Вас об этом, но я полагал, что для Вас будет неприятно мне отказать в случае Вашего нежелания; теперь же, когда я узнал, что Вы не имеете ничего против моего поступления к Вам, я всепокорнейше Вас прошу избавить меня от занятий, которые мне рисовались сперва в таком розовом свете, а на деле оказались исполненными бесполезных и беспрерывных неприятностей. Что я буду верен, в этом Вы не имеете сомнений; буду ли я способен к практическим занятиям, я и сам не знаю: не было еще пробы мне; почем знать, может быть, я и войду в смысл службы. Что касается до трудолюбия, то я не лишен его; но только не спорилось у меня дело, потому что порядка в наших журнальных делах нет никакого. Этот год, как я издаю журнал, представляется мне почти вовсе потерянным: совесть моя недовольна, как будто я ничего не делаю. — Если к этому присоединить неприятности в сношениях с Кошелевым, так уж и вовсе не захочешь продолжать издания; хорошо терпеть для Христа (я не спорю), но тут нельзя всего терпеть; приходится жертвовать мнением, делать стесняющие совесть уступки и т. п. Одним словом, мне дурно; когда я узнал, что Вы не прочь от того, чтобы я служил под Вашим начальством, я ожил и прошу Вас покорнейше не изменять своего решения о мне.

Всею душею преданный Вам покорнейший слуга *Т. Филиппов*».[86]

Дополнительные штрихи, характеризующие настроение Филиппова в тот период, находим и в его письме от 13 ноября: «Нет сомнения, что своих теперешних занятий я не променял бы ни на какие в мире, если бы

«имевшего обыкновение читать по воскресеньям Апостола в модной московской церкви и, наконец, перешедшего на службу в Синод, где и загнусил он совершенно „по-духовному“» (*РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 600; в публикации, появившейся при жизни Филиппова и в дружественно к нему настроенном журнале, его фамилия, конечно, была сокращена до первой буквы). Колюпанов ошибочно полагал, что Филиппов поступил на службу в Синод «по рекомендации А. С. Хомякова» (*Колюпанов*. Т. II. С. 245). Давнее знакомство с гр. Толстым, который, как и Филиппов, был духовным сыном о. Матфея, не требовало никаких дополнительных рекомендаций.

[86] ГАРФ. Ф. 1099. № 1265. Л. 3–4.

„Русская беседа“ была на самом деле тем, чем я ее воображал по моим мнениям о Киреевском, а по нем и об его друзьях. Теперь же, когда и последний Киреевский скончался,[87] общество „Беседы“ осталось такое суровое и безучастное ко всему, кроме себя в разных видах, что я оставил бы его с радостию: тем более что я чувствую непрочность моих связей с ним. Ежели же мне иногда придет охота выразить о чем-либо свое мнение печатно, так я, вероятно, для этого буду иметь довольно досуга и при служебных занятиях».[88]

«С журналом я связан до 1-го января 1857 года», — сообщал Филиппов в том же письме.[89] Но переезд в Петербург был отложен по двум причинам — в связи с бюрократическими проволочками, сопровождающими переход в другое ведомство, и неоконченностью некоторых дел по журналу. «Мы с Кошелевым решили покончить наши дела к 1-му марта», — говорится в письме от 16 февраля 1857 г.[90] Филиппов перебрался в столицу лишь в середине года.

При графе Толстом и еще некоторое время после его отставки (в 1862–1864 гг. при А. П. Ахматове) Филиппов служит в Синоде чиновником по особым поручениям, а затем переходит в Государственный контроль (в 1889 г. он достигнет поста государственного контролера). В начале 1860-х гг. печатается изредка в «Библиотеке для чтения» и «Русском вестнике», позднее — в «Журнале Министерства народного просвещения». С 1870-х гг. он становится постоянным автором газеты «Гражданин». Ряд речей и записок Филиппова был издан отдельными брошюрами. Выступления по двум важнейшим для него церковным вопросам — о греко-болгарской распре и о русском единоверии — собраны в книгу «Современные церковные вопросы» (СПб., 1882).

В феврале 1870 г., посылая И. Аксакову свою неизданную статью о Греко-болгарском вопросе (с надеждой устроить ее публикацию в Москве),[91] Филиппов просил показать ее и участникам «бывшей „Русской беседы“», интересуясь их мнением.[92]

---

[87] П. В. Киреевский скончался 25 октября 1856 г.

[88] Там же. Л. 17 об.

[89] Там же.

[90] Там же. Л. 23.

[91] Под названием «Решение Греко-болгарского вопроса» статья была позднее опубликована в «Русском вестнике» (1870. № 6) и затем вошла в книгу «Современные церковные вопросы».

[92] См.: Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870–1885) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2006. № 1. С. 124.

Между прочим, первой работой Филиппова о греко-болгарских церковных нестроениях был отклик на одну из статей болгарского общественного деятеля Христо Даскалова. Об этом его выступлении вспоминал Аксаков в письме к Н. С. Сожанской (Кохановской): «...писал против „Беседы" в защиту фанариотов».[93] Упоминание о журнале позволяло бы предположить, что здесь подразумевается полемический отклик на статью Даскалова «Возрождение болгар, или реакция в Европейской Турции», напечатанную в «Русской беседе».[94] Именно так и полагали издатели Полного собрания сочинений Хомякова, основываясь на воспоминаниях Кошелева.[95] В действительности же Филиппов откликнулся на другую статью того же автора — «Турецкие дела».[96] Она была помещена в «Русском вестнике», но это не меняет дела — Даскалов прочно вошел в круг «Русской беседы», и выступление против него вполне закономерно воспринято Аксаковым как выпад «против *Беседы*».

О какой же статье Филиппова идет речь? Обратимся к его переписке с гр. А. П. Толстым. В письме от 1 августа 1858 г. Филиппов рассказывал патрону: «У меня был Рачинский.[97] Он собирается в Болгарию и изыскивает для этого средств; если найдет, то в конце августа уедет, но прежде может повидаться с Вашим Сиятельством, буде то Вы найдете полезным. Мы читали с ним мою статью; она частию была ему приятна, частию нет; но более приятна. Даскалова он бранит, как негодяя. Между прочим моя статья не печатается, и в Москве о ней нет ни слуху, ни духу...»[98]

Вскоре после этого письма (и, вероятнее всего, не без помощи его адресата) статья была напечатана в «Московских ведомостях» без подписи, с редакторской ремаркой в скобках: «Сообщено».[99] Это большая

---

[93] *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 600. В публикации далее ошибочно: «Дамалов» вместо «Даскалов».

[94] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. V. С. 1–64.

[95] См.: *Хомяков*. Т. III. С. 455; Т. VIII. С. 122, 356.

[96] *Д*. 〈*Даскалов Х. К.*〉. Турецкие дела // *РВ*. 1858. Февр., кн. 2. Отд.: Соврем. летопись. С. 245–265.

[97] Речь идет о писателе-историке Александре Викторовиче Рачинском (1826–1877), в те годы — одном из авторов «Русской беседы». В той же книге, что и статья Даскалова, напечатаны его очерки «Походные письма ополченца из Южной Бесарабии 1855–1856 г. (*РБ*. 1858. Кн. II. Отд. VI. С. 1–76).

[98] ГАРФ. Ф. 1099. № 1265. Л. 50 об. Далее в письме сообщается, что при посредстве Рачинского статья была переведена на болгарский язык для напечатания в «Български книжицах» (Там же. Л. 56).

[99] Ответ г-ну Д. // *МВед*. 1858. 5 авг. № 93. С. 864–866; 7 авг. № 94. С. 874–876; 9 авг. № 95. С. 885–886; 12 авг. № 96. С. 894–895; 14 авг. № 97. С. 904–906. В том же

работа, в которой приводится множество документов и доказывается, что горячо обвинявший «фанариотов» в нечестности «г. Д.» (в первой части автор полемизирует с «г. Д.», но дальше раскрывается и полная фамилия — Даскалов) и сам грешен в искажении реальной картины греко-болгарских дел.

Анонимность «Ответа г-ну Д.» позволяла воспринимать его как голос самого Синода. Несомненно, Филиппов и писал его по поручению графа Толстого. Н. П. Барсуков, не раскрывший анонима, выразил это так: «Ответ, по всем вероятиям, написанный в Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода...»[100]

В книге Барсукова рассказана не очень красивая, признаемся, история того, как обер-прокурор Синода с помощью министра народного просвещения гр. Е. П. Ковалевского добивался цензурных взысканий для «Русского вестника» и «Русской беседы» за напечатание статей Даскалова и требовал от редакций помещения «Ответа...» без всяких пояснений и примечаний.[101] Московский цензурный комитет, выполняя предписание министра, прислал рукопись в оба журнала, но редакции оказали твердое сопротивление, и, как уже было сказано, статью Филиппова со значительным опозданием (граф Толстой хотел видеть ее напечатанной уже в июле) поместили лишь «Московские ведомости», редактором которых был в то время В. Ф. Корш.

Катков, продержавший с полмесяца присланную ему рукопись, 31 июля 1858 г. отвечал Цензурному комитету письмом, полным благородного негодования: «Я не могу согласиться напечатать статью эту в моем журнале, как по причине способа, каким доставлена эта статья, так и по причине того условия, с каким, как видно из отношения Цензурного Комитета, должно быть сопряжено помещение ее в „Русском вестнике“.

Я не знаю узаконения, по которому Цензурный Комитет, до сих пор только разрешавший или запрещавший печатание статей, может приглашать Редакцию печатать что-либо в ее журнале. Если бы такое узаконение существовало, то издание частных журналов стало бы совершенною невозможностью. Что же касается до условия, чтобы Редакция не делала никаких замечаний, к которым обыкновенно прибегают журналы, помещая невольно на своих страницах неприятные им по духу статьи, чтобы каким-нибудь ловким намеком заранее предупредить против них

году статья была напечатана в виде анонимной брошюры «Ответ „Русскому вестнику“ по болгарским делам» (СПб., 1858).

[100] *Барсуков*. Кн. XVI. С. 262.

[101] Там же. С. 261–283.

читателя,[102] — то я полагаю, что эти строки вошли в отношение по какому-нибудь недоразумению, ибо никак не могу думать, чтобы с какой-либо стороны могло быть поставлено человеку, пользующемуся покровительством законов, подобное оскорбительное для его совести и чести условие. В своем журнале я ничего не печатаю и по совести ничего не могу печатать *невольно*. Что же сказать о том требовании, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то есть, не соглашаясь с нею, хочет, чтобы в то же время я вводил публику в заблуждение, предлагая ей такую статью как выражение собственных мнений и принимая за нее ответственность, как за свое собственное произведение?

Впрочем, считаю нелишним объяснить, чтобы если автору статьи было бы угодно обратиться частным образом в Редакцию, то она, не *невольно*, а весьма *охотно* напечатала бы из нее все то, что относится к делу, откинув все относящиеся к нему разглагольствования, с тем, однако же, чтобы под статьею было подписано имя автора, а главное с тем, чтобы Редакции дана была полная возможность возобновить речь о предмете этой статьи и оспаривать изложенные в ней мнения и показания, с которыми Редакция имеет основания не соглашаться».[103]

Вскоре с помощью Погодина Катков составил для министра народного просвещения особую записку, в которой объяснял позицию журнала по Греко-болгарскому вопросу.[104]

Издатель «Русской беседы», также получивший «предписание» Цензурного комитета, прибег к помощи Хомякова, который и составил ответ.[105] Из его письма к Кошелеву выясняется, что еще до получения послания с этой просьбой он пытался встретиться с графом Толстым и переговорил с Филипповым. «...Исполнил урок, — сообщал он. — То ли я писал и так ли? Не знаю. Держался твоих наставлений, старался выразить мысль посильнее и в то же время крайне умеренно. Об успехе ты можешь судить лучше меня, вовсе не привычного к официальной переписке. Самый запрос не совсем для меня неожидан. Я был у графа А. П. Толстого два раза; но друг друга не заставали. Филиппов в ужасе, и он говорил мне о еще большем ужасе своего начальника. Я его за это

[102] Катков цитирует отношение Московского цензурного комитета, в которое дословно вошел фрагмент письма гр. Толстого к Е. П. Ковалевскому от 22 июня 1858 г. Ср.: *Барсуков*. Кн. XVI. С. 262.

[103] Там же. С. 265–266.

[104] См.: Там же. С. 267–275.

[105] См.: *Хомяков А. С.* О Греко-Болгарской распре. Записка по поводу статьи г. Даскалова в «Русской беседе» // *Хомяков*. Т. III. С. 455–458.

побранил, но видел, что толку не будет. Ему Толстой поручил было написать возражение; он говорил, что ему больно нападать на „Беседу“, да и едва ли где поместят возражение его. Я ему советовал опять-таки поместить в „Русской беседе“. Он разговор замял... Сердится наша иерархия и особенно наш граф А. П. Толстой, которого греки кругом обошли».[106]

Появление «Ответа г-ну Д.» не осталось незамеченным в кругу «Русской беседы». Хомяков, некогда защищавший Филиппова от нападок «Современника», теперь весьма резко отзывался о нем в недатированном письме к И. Аксакову: «А каков Т... Ф... против Даскалова в „Московских ведомостях“! Вот истинное поповство. Досадно и смешно. Не знаете ли, можно ли отвечать? Разумеется, мы не можем за недостатком данных; но Даскалов мог бы. Только надобно его направить. Думаю, однако, что отвечать не позволят. Статья в высшей степени оскорбительна для болгар и произведет по всей вероятности дурное действие. Греки спасибо не скажут, а болгары еще более отшатнутся».[107]

Прямого возражения на статью Филиппова в журнале не появилось, но порицание прозвучало в неподписанной заметке «От редакции», относящейся к статье Юрия Дестуниса «Голос грека в защиту Византии»[108] и атрибутированной П. И. Бартеневым Хомякову,[109] на основании чего заметка была включена в его Полное собрание сочинений.[110] Половину редакционной заметки составляет большая цитата из не названной здесь работы Хомякова «По поводу статьи И. В. Киреевского „О характере просвещения Европы...“» (имя Хомякова тоже не называется), а далее противопоставляются «две ⟨...⟩ совершенно противоположные стихии», составившие историю Византии: «эллинско-христианская» и «римско-государственная». «С одной стороны мысль, человечность, любовь, с другой — форма, себялюбие, вражда. Обе участвовали в жизни Византийской, созидая ее или губя; обе отозвались на Востоке после падения Византии и отзываются до наших дней. ⟨...⟩ ...одна есть просвещенное

---

[106] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XVI. С. 275. Составленная Хомяковым записка цитируется в этом же издании: Там же. С. 275–280.

[107] *Хомяков*. Т. VIII. С. 356.

[108] *Дестунис Ю.* Голос грека в защиту Византии // *РБ*. 1859. Кн. II. Отд. VI. С. 151–158; От редакции. По поводу предыдущей статьи // Там же. С. 158–164.

[109] *Бартенев П. И.* Полный азбучный указатель к «Русской беседе» 1856–1860 годов и к «Московским сборникам» 1846, 1847 и 1852 годов // *РА*. 1863. № 12. Стб. 1063. Этой же атрибуции придерживался и Н. П. Колюпанов. См.: *Колюпанов*. Т. II. Прил. 12. С. 148.

[110] *Хомяков А. С.* Примечание к статье: «Голос Грека в защиту Византии» // *Хомяков*. Т. III. С. 366–368.

христианство, то есть православие, а другая фанариотство. Думаем, что в отношении к обоим „Беседа“ высказалась ясно. Первую мы признаем единственною животворною истиною, единственно достойною целью для человеческой жизни и человеческого труда; другую ненавидим всею душою с тем большею ненавистью, что она есть яд, отравляющий высшую область человеческой и общественно-человеческой жизни, что она сочетает в себе всю мерзость святотатства и всю свирепость народных эгоизмов. Против этого отвратительного отседа ⟨так!⟩ древней Византии, неожиданно для нас принятого под защиту одним из бывших сотрудников „Беседы“, будем мы вооружаться всею силою негодованья и, если можем, всею силою слова».[111]

Этот (на первый взгляд — незначительный) эпизод очень важен в истории так называемого «раскола в консерваторах». Как видим, Филиппов уже в конце 1850-х гг. становится защитником интересов Константинопольской Великой Церкви против «национально-освободительных» («племеннических») притязаний болгар. Славянофилы же в этом вопросе шли в русле общественного движения — за братьев-славян против фанариотов (само слово «фанариот» вошло в набор наиболее часто употребляемой «обличительной» лексики русских публицистов[112]). Здесь с ними едины и Катков, и революционные демократы. (Аксакова лишь события 1880-х гг. заставят пересмотреть отношение к Болгарскому вопросу в широком смысле слова.) В забытой журнальной полемике намечена резко вычерченная впоследствии линия, отделившая Филиппова и от «хомяковского» (вариант: аксаковского) православия (выражение Леонтьева), и, надо заметить, — от православия «синодального». Но это уже тема отдельного разговора, не относящегося к проблематике данного сборника.

Время сотрудничества в «Русской беседе» было для Филиппова не «годами учения» (они прошли в «Москвитянине»), но периодом становления, который не стирался из памяти. С течением лет отношение Филиппова к старшим славянофилам менялось, и только память о Киреевском оставалась на протяжении всей жизни почтительно-благоговейной. Дочь философа М. И. Бологовская писала Филиппову в 1885 г.: «Такое

[111] *РБ*. 1859. Кн. II. С. 163–164. Возможно, для подтверждения атрибуции этого текста Хомякову требуются еще дополнительные доказательства. На наш взгляд, примечание к статье Ю. Дестуниса могло быть написано и Аксаковым, в ту пору редактором «Русской беседы», или при его участии. Резкость тона свойственна, скорее, этому публицисту, нежели Хомякову.

[112] Об этом неоднократно писал К. Леонтьев.

глубокое, чистое чувство, какое Вы храните к памяти моего Отца — я видела и слышала от многих, но такого всеобъемлющего чувства, каково Ваше, признаюсь, — ни от кого. Если бы 〈...〉 нашлось хоть несколько человек такого искреннего единения, с такими духовными и душевными богатыми данными, как был мой покойный Отец и как Вы — какая могучая была бы сила!?»[113]

[113] Цит. по: Русская литература. 2006. № 1. С. 116.

В. Н. Греков

ИВАН АКСАКОВ — СОТРУДНИК И РЕДАКТОР «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

«Вот вам слово Ф. И. Тютчева о современном положении, — писал Иван Аксаков родителям 8 апреля 1855 г., — он называет его оттепелью».[1]

Эта оттепель вселяла надежды на лучшее. А. И. Кошелев и А. С. Хомяков задумали издавать славянофильский журнал, и уже в мае Кошелев предложил И. Аксакову написать программу нового издания. Только у Аксакова были другие планы: в это время он вступил в ополчение, потом служил в комиссии князя Васильчикова по расследованию интендантских злоупотреблений в период Крымской войны, наконец, уехал в путешествие за границу, о котором давно мечтал.[2] И лишь в июне 1858 г. он решился принять на себя руководство «Русской беседой»,[3] т. е. взять на себя обязанности фактического редактора и издателя журнала.[4]

---

[1] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 343.

[2] В письме 14 сентября 1856 г. И. Аксаков так объяснял свои планы: «Что касается до редакторства, то я не решаюсь еще принять его и дать положительное обещание. У меня теперь две заботы: отчет Геогр⟨афическому⟩ обществу и комиссии ⟨...⟩. Прежде чем опуститься в Москву на постоянное житье ⟨...⟩ впрягши себя в ярмо редакторства, я бы хотел совсем разделаться с своей охотой к путешествиям ⟨...⟩. Раз принявшись за редакторство, за постоянную службу, трудно будет оторваться ⟨...⟩. По крайней мере в чужие края хочется мне ⟨...⟩ съездить хоть месяцев на шесть ⟨...⟩. Редакторство может подождать год, а мне уж откладывать некогда. — Мне очень хочется посмотреть народ, самый простой народ в чужих краях, чтоб вникнуть, не присущи ли всякому народу, на известной степени развития, те свойства, которые мы считаем почти исключительною принадлежностью русского народа, и проч. и проч.» (Там же. С. 450—451).

[3] 17 июня 1858 г. И. Аксаков сообщал кн. В. А. Черкасскому: «Я взял на себя „Беседу“ и вообще все управление конторою „Беседы“ и „Благоустройства“» (РГБ. Черк./ II. Карт. 4. № 17. Л. 1 об.). В то же время Кошелев возлагал на Аксакова ответственность за «Беседу» только с IV-й книги (*Колюпанов*. Т. II. С. 138).

[4] Следует оговориться, что под термином «издатель» мы подразумеваем не владельца, а лицо, повседневно занимающееся издательскими делами — типография, чтение корректуры, связи с цензурой и высшими правительственными чиновниками и т. п.

Впрочем, кроме этих объективных причин, вероятно, были и иные, заставлявшие И. Аксакова медлить с принятием решения. В письмах к родным он обсуждает планы издания нового журнала, явно разделяя скепсис отца, и постепенно формулирует принципы собственной издательской программы. Чтобы понять, что это за принципы, вдумаемся, к примеру, в его одобрительное отношение к катковскому «Русскому вестнику» как к журналу «серьезному, честному, добросовестному». Ведь Аксаков ратует за известную терпимость в журналистике, разность и даже полярность мнений. В письме от 3 декабря 1855 г. он даже заявляет о необходимости поддержать катковский журнал: «Весьма важно дозволение политического журнала в Москве, хотя он и издается людьми, воззрения которых на политические события могут быть несогласны с нашими 〈...〉. Хотя моего согласия на участие в этом журнале и не спрашивали, однако я готов охотно в нем участвовать, если он не будет враждебен нашей стороне...»[5] Что же до «Русской беседы», то Иван Сергеевич разделяет сомнения отца, но видит опасность в другом: «Я и сам не ожидаю большого успеха для „Русской беседы", но не по недостатку редактора, а по другим причинам. Условия, благоприятствовавшие успеху последнего „Моск〈овского〉 сборника", миновались: года полтора тому назад, кто бы ни был редактор, „Беседа" имела бы успех огромный. — Это журнал слишком исключительный, слишком серьезный, доступный пониманию очень небольшой части публики и не представляющий, как прочие журналы, большой выставки товаров по всякому вкусу. — Вообще для успеха нужно, чтоб журнал был криклив и задорен, с перцем, или чтоб действительно похож был на целый книжный магазин. Поэтому и „Русский вестник", хотя бы в нем и были дельные статьи, никого не удовлетворяет (я, впрочем, не видал ни одной книжки)».[6] В то же время он не позволяет себе впасть в уныние: «Впрочем, что называть успехом. Матерьяльного успеха не будет, но будет успех в том смысле, что приобретет и „Беседа" человек 10, 20-ть новых последователей, воспитает некоторых в новом направлении. В этом смысле и „Сборник" Панова, которого не разошлось и 300 экземпляров, имел успех, подействовал на некоторых. А впрочем, заранее ничего верного сказать нельзя. Ввернется какое-нибудь обстоятельство и обманет все предположения».[7]

---

[5] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 404–405.

[6] Там же. С. 426–427.

[7] Там же. С. 426–427 (письмо от 14 сентября 1856 г.). Ср.: в письме к Ф. В. Чижову от 16 декабря 1855 г. Кошелев указывал: «Наш журнал литературный, политический (ибо будет обозрение полит〈ических〉 событий). Хозяйственный, торговый, мануфактурный, и пр. и пр., —

В этом рассуждении важно все. Прежде всего, издание «Русской беседы» представляется Аксакову продолжением прежнего «Московского сборника» 1852 г. И это само по себе, по мнению Ивана Сергеевича, было ошибкой. Замысел уже отстал, условия изменились, жизнь идет вперед, нужно понимать ее и вырабатывать новые принципы издания. При этом он не подозревал о той роли, которую сыграл и еще сыграет в отставании «Беседы» от времени его старший брат, Константин Сергеевич. Дело в том, что Константин возражал против ежемесячного журнала и откровенно заявлял, что в журнале он участвовать не будет, а вот в сборник, наподобие непериодического «Московского сборника», писать собирается обязательно.[8] Еще мы видим, что Иван Аксаков рассматривает серьезность «Русской беседы» скорее как ограничение, потому что журнал должен быть доступен многим, должен иметь читателя и влиять на аудиторию. Аксаков — один из первых и, к сожалению, немногих славянофилов, поставивший перед собой проблему доступности, популярности журнала. Пожалуй, раньше об этом задумывался только Иван Киреевский, попытавшийся в 1832 г., в «Европейце», соединить, по выражению Пушкина, «дельность с заманчивостию».[9] А для этого необходимо разнообразие, увлекательность — «выставка товаров по всякому вкусу». Но и этого недостаточно. Условие успеха — острота, современность издания, полемика, критика («чтоб 〈...〉 задорен был и с перцем»). Другого рода успех возможен у энциклопедического журнала («чтоб действительно похож был на целый книжный магазин»). Ни «Русская беседа», ни даже «Русский вестник» этим условиям явно не удовлетворяют, поэтому успех будет не в плане «матерьяльном», не в овладении аудиторией и ее мыслями, а в скромном приобретении нескольких новых сторонников. В рассуждении Аксакова на первом плане выделены функциональные, типологические признаки издания. Содержательные элементы, программа журнала пока еще не обсуждается. Очерчиваются только ее границы. Рассматриваются скорее внешние обстоятельства,

---

след〈овательно〉, давайте, что хотите» (РГБ. Ф. 332. Карт. 35. № 29. Л. 1). При всем сходстве представления Аксакова и Кошелева все же различаются. Кошелев радуется широте журнала, не выделяя наиболее важные темы. Для Аксакова несомненно, что журнал должен знакомить читателей с современной беллетристикой, с критикой, а не только с научными воззрениями.

[8] *Аксаков К. С.* Письмо к А. И. Кошелеву от 4 января 1856 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 35. Л. 1 об. Цит. по: *Пирожкова*. С 136.

[9] *Пушкин А. С.* Письмо к И. В. Киреевскому от 4 февраля 1832 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. 〈М.; Л.〉. 1948. Т. 15. С. 9.

способствующие или мешающие успеху, чем собственно журнальные и литературные. В свете этих рассуждений он высказывает предварительное (и, как скоро станет ясно ему самому, неверное) суждение о возможном неуспехе «Русского вестника»: неожиданное обстоятельство «ввернулось».

Такой неожиданностью стала и борьба «Русского вестника» за реформы, и постоянная публикация известных, знаковых для публики авторов, и противопоставление позиции журнала «русскому направлению». С другой стороны, «Русская беседа» не могла похвастаться ни разнообразием материалов, ни популярными авторами. Сам Аксаков отдал Кошелеву для публикации свои стихотворения, но часть их не пропустила цензура. Постоянно интересуясь планами и действиями друзей, в первую очередь, брата Константина, он старается помочь журналу, сообщает даже о случайных встречах, о том, что Н. А. Ригельман послал статью в «Беседу», а бывший чиновник М. П. Позен также собирается отправить статью о железных дорогах.[10] Постоянны его вопросы об участии К. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова. Он возмущается выступлениями (в другом издании) М. П. Погодина и В. А. Кокорева. Это не просто любопытство или вежливость. И. Аксаков на опыте понимает важность обращения к аудитории прежде всего лидеров, авторитетных и для читателя, и для всего общества людей. Такой взгляд позволяет нам разглядеть в заботах Аксакова дальнейшее развитие его взглядов на журналистику.

Но вот, наблюдая за первыми шагами нового журнала, Аксаков критикует уже само содержание, стараясь отделить «русское направление» от «светского общества», которое его искажает. 7 марта 1856 г. он пишет: «Беда от русского направления, которым изволит проникаться светское общество! Слова „народность", „русский дух", „православие" производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как „русское спасибо", „русский барин" и т. п.; охотно согласился бы прослыть в обществе и западником и протестантом. Я недоволен программой „Русской беседы", да и вообще не люблю программ, не люблю этих вывесок направления. Не слышится мне во всем этом ни теплой любви к истине, ни горячего стремления к ней и к благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потехи; нет искания истины, а самонадеянная, заносчивая уверенность в том, что уже поймали и держат ее за хвост, гордая проповедь,

[10] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 430–431.

односторонняя, гремучая, считающая все вопросы порешенными, но нисколько не снявшая печати с таинства русской жизни!..»[11]

Остерегаясь опошления славянофильских идей, Аксаков обращает внимание на опасность, которую его старшие друзья, издатели «Русской беседы», не только не замечают, но даже и не понимают. Для них отвлеченные категории национальной самобытности наполнены живым смыслом, представляются как яркие, образные картины.[12] Не так происходит с их читателями. Далеко не все воспринимают такие слова, как «народность», «народ», «православие», «община», «братство», «земля», так же, как и сами славянофилы — то есть как ключевые, и уж тем более немногие доводят эти образы в своем воображении до космичности. В то же время практическое применение этих понятий оказывается способно и отпугнуть читателя от славянофилов, и оставить равнодушным к их истинам. Искусственная программа заслоняет самое таинство русской жизни. Это программа созданная, а не подслушанная, не подсказанная самой жизнью. Аксаков подробно развивает свои мысли в письме к брату Константину от 17 сентября 1856 г.:

«Будьте, ради Бога, осторожны со словом „народность и православие". Оно начинает производить на меня то же болезненное впечатление, как и „русский барин, русский мужичок" и т. д. — Будьте умеренны и беспристрастны (в особенности *ты*) и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать: к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Ив(ан) Вас(ильевич)). Допетровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, не выработанным или даже ложно направленным, проявленным русским народом, — но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее! Что касается до православия, т. е. не до догматов веры, а до бытового исторического православия, то, как ни вертись, а не станешь ты к нему в те же отношения, как и народ или как допетровская Русь; ты постишься, но не можешь ты на пост глядеть глазами народа. Тут себя обманывать нечего, и зажить одною цельною жизнью с народом, обратиться опять в народ ты не можешь, хотя бы и соблюдал самым добросовестным образом все его обычаи, обряды и подчинялся его верованиям. Я вообще того убеждения, что не воскреснет ни русский, ни славянский мир, не обретет цельности и свободы, пока

---

[11] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 429.

[12] См подробнее в нашей статье: Образ в публицистике славянофилов // Абрамцево: Материалы и исслед. Абрамцево, 1999. Вып. 8: Материалы науч. конф. музея «Абрамцево» 1995–1997 гг. С. 16–21.

не совершится внутренней реформы в самой церкви, пока церковь будет пребывать в такой мертвенности, которая не есть дело случая, а законный плод какого-нибудь органического недостатка... По плоду узнается дерево; право, мы стоим того, чтоб Бог открыл истину православия Западу, а Восточный мир, не давший плода, бросил в огонь! — Ну да об этом надо или много, или ничего не писать. Я хочу только сказать, что поклонение допетровской Руси и слово „православие" возбуждают недоразумение, мешающее распространению истины».[13]

Замечательны в этом письме не только жажда истины, но и опровержение ложных представлений о ней, борьба с недоразумениями, которые мешают ее уразуметь. Так оказывается, что из всей Древней Руси сочувствовать можно только началам (очевидно, нравственным началам народа, совпадающим с христианскими истинами).

Еще три года назад, в 1853 г., в переписке с Хомяковым Аксаков высказывался против обрядов, отстаивал непосредственное общение верующего с Богом. Хомяков тогда назвал его взгляды «неправославными», хотя и (в отличие от Кошелева) не считал его «еретиком». Как видим, теперь Аксаков вновь возражает против обрядового православия. Размышляя о «бытовом историческом православии» (т. е. по существу о бытовании православия в русском народе), он разрушает славянофильскую мечту о восстановлении духовного единства между сословиями. Более того, он отстаивает необходимость коренной реформы в самой Церкви, т. е возвращения от обряда к духу православия. В то же время Кошелев даже в 1857 г. радовался влиянию «Русской беседы» на духовенство, поскольку через него открывается возможность донести свои идеи до крестьян, воздействовать и на них.[14] Фактически Кошелев рассчитывал использовать именно бытовое православие, общение приходских священников с прихожанами, с простыми крестьянами для того, чтобы передать идеи славянофилов. При этом он (также как и Аксаков) оговаривался относительно своего отношения к Древней Руси: «...мы вовсе не желали воскресить древнюю Русь, не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать ⟨...⟩. Но в этом первобытном русском человеке мы искали то, что именно свойственно русскому человеку, в чем он нуждается и что следует ему развивать».[15] Казалось бы, эти побуждения Кошелева созвучны

[13] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 453.
[14] См.: *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе М., 1983. С. 36.
[15] Цит. по: Там же. С. 37.

идеям И. Аксакова и должны были бы их сблизить. Но помимо общей методологии необходимо было, для успешного издания журнала, одинаково понимать настоящее, оценивать политические действия правительства, определять свое отношение к власти. И вот здесь их позиции с самого начала до конца издания журнала расходились. Публикация статей Т. И. Филиппова об Островском, В. В. Григорьева о Грановском, статьи Н. И. Крылова о книге Б. Н. Чичерина «Областные учреждения в России XVII века», В. И. Даля о вреде крестьянской грамотности вызвали раздражение не только соперников-западников, но также и некоторых славянофилов, в том числе И. Аксакова.[16] С ревностью следя за успехами «Русского вестника», Аксаков предлагает Кошелеву: «...надо бы дело расположить crescendo. ⟨...⟩ Пример „Русского вестника", в котором напечатаны статьи „О русском крепостном человеке" и „Губернские очерки", должен побудить Вас к помещению статей не менее откровенных. Зачем же это цензор, пропуская „Вестнику" „Губернские очерки", воспрещает печатание моей „Уголовной палаты" и моих стихов?»[17] Однако Кошелев, по-видимому одобряя произведения Аксакова, не спешит расстаться с одиозными, с точки зрения Ивана Сергеевича, сотрудниками, защищает и Филиппова, и В. Григорьева, и Н. Крылова.[18]

Тем не менее, первые номера «Беседы» понравились Аксакову. Прочитав вторую книгу, он находит, что «ни один журнал не представлял публике ничего подобного по полноте, цельности, достоинству статей», хотя и признавал с горечью, что «публика еще мало его (журнал. — *В. Г.*) ценит, и подписка идет плохо».[19] Несколько непоследовательным кажется и чувство облегчения от известия о том, что «Беседа» прекращает полемику о народности. Комментируя статью К. Аксакова «Еще о русском воззрении», помещенную во второй книге, И. Аксаков выделяет скрытый, возможно, самим автором не до конца осознаваемый смысл. «Я очень рад, что, разъяснив, наконец, окончательно вопрос о праве на самобытное воззрение, ты объявляешь в своей статье о прекращении этого спора. Пора заявить право положительными трудами,

---

[16] Подробнее см.: *Пирожкова*. С. 144–148, 151 и далее.

[17] *Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 484. Ср.: 27 сентября 1856 г. Аксаков замечал: «Я нахожу в цензоре некоторое пристрастие к „Р⟨усскому⟩ вестнику". Если в „Вестнике" напечатана статья Безобразова о русском крестьянине и „Губернские очерки", то не было никакого основания не пропускать моих стихов и судебных сцен» (*Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 455).

[18] *Пирожкова*. С. 144, 146, 148.

[19] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 454. Письмо от 27 сентября 1856 г.

и я уверен, что в следующей книжке ты поместишь какую-нибудь серьезную историческую или филологическую статью. — Ведь штука собственно в том, что ты думаешь, что русское воззрение есть единственно истинное, полное и цельное, и не потому только, что таковым является каждому народу его народное воззрение, а что оно действительно таково и отрешено от всякой односторонности, неминуемо сопровождающей всякое народное воззрение, кроме русского. Только это еще не высказано, хотя и торчит из-за углов, а потому-то и противников наших берет такая злоба, что они впадают в нелепость, отрицают самое право и, следовательно, сами себе произносят приговор».[20]

Итак, смысл воззрения К. Аксакова (очевидно, разделяемый И. Аксаковым) в том, что русское народное воззрение в отличие от других народных воззрений «единственно истинное, полное и цельное» потому, что лишено односторонности. Существенно в этом признании подтверждение исключительности если не русского народа, то, по крайней мере, русского воззрения. Тем самым И. Аксаков зафиксировал момент перехода славянофильства на другой уровень — от национальной самобытности к национальной исключительности. Казалось бы, он вполне разделяет позицию своего брата, почти доволен злобой противников, которые сами себя разоблачают. И все же братьев разделяет совершенно определенная граница. И. Аксаков призывает к осторожности, к бережному обращению со словом «народность» (соответствующий фрагмент приведен выше). Отсюда и оговорка: «Не пойми моих слов превратно. Вспомни то время, когда ты противился введению железных дорог, а теперь, верно, и сам об них хлопочешь».[21] Принимая идею исключительности русского народа, И. Аксаков (и это очень важно) отвергает мысль о существовании исключительного права на выражение интересов народа, его интерпретации какой-либо группой. Он не предрешает вопрос ни о содержании, ни об объеме народного воззрения. Этот вопрос решается не декларациями, а научными исследованиями, к которым он и призывает брата.

«Кроме небольшого кружка людей, так отдельно стоящего, — предостерегает И. Аксаков, — защитники народности или пустые крикуны, или подлецы и льстецы, или плуты, или понимают ее ложно, или вредят делу балаганными представлениями и глупыми похвалами тому, что не заслуживает похвалы...»[22] Порицая западничество как «легкий способ

---

[20] Там же. С. 452—453. Письмо от 17 сентября 1856 г.

[21] Там же. С. 453.

[22] Там же.

угощать людей готовыми произведениями чужой кухни», Аксаков, тем не менее, отдает ему должное. Он признает влияние Н. Полевого, Белинского, западнического направления, хотя и считает его вредным.

Признание Аксакова свидетельствует, конечно, о его честности и объективности. Но нам интересно также, как объясняются причины, по которым западники приобрели такую популярность в противоположность славянофилам. Вот эти причины: «резкое отрицание», «негодование», «требование простора, правды» среди рабства, «сплошной мерзости», там, где «подлость грозит поглотить человека, огадить, убить в нем все человеческое».[23] И дело не только в естественном сочувствии Аксакова требованиям молодости и честности. Гуманисты, «поборники эмансипации и всякого простора», по его мнению, часто заблуждаются, ошибаются, «несут всякую чепуху и сами не видят, что путь их логически оканчивается подлостью петербургского практицизма, но порицание и отрицание их понятны». Не сочувствуя идеям последователей Белинского, Аксаков сочувствует самому протесту, требованию перемен, реформ. Остроту журналистике придают с его точки зрения не только основательные теории, но и продуманные практические требования. Так, например, в письме от 27 сентября 1856 г. читаем: «Странная земля эта Россия! Несмотря ни на что, она совершает заколдованный круг своего развития под влиянием и давлением Европы. И мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность».[24] Следовательно, вся журналистика, вся гласность — способ борьбы со злом. Эта мысль дополняется в следующем письме, от 9 октября. Сравнивая влияние славянофилов и западников, Аксаков с сожалением отмечает, что славянофильство в провинции практически неизвестно. «О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать, а если и слышат, так от людей, враждебных направлению. Да оно и не может возбуждать сочувствия молодежи, лезущей вперед, оно требует большой справедливости, беспристрастного разумения, основательности и проч. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников, а я помню время, когда, к сожалению, славянофилы, хотя и не все, противились и железным дорогам, и эмансипации, последней потому только, что она формулирована была под влия-

[23] Там же. С. 457. Письмо от 9 октября 1856 г.
[24] Там же. С. 454.

нием западных идей. Да и что делать бедной провинции, если она ищет света и обращается за ним к литературной деятельности столицы. Вот в Екатеринославской губернии во всей нет ни одного экземпляра „Р(усской) беседы", а получается „Р(усский) вестник" и другие журналы. В них слышится направление новое, требование просвещения, жизни, простора; ему сочувствуют с жаром и, невольно подчиняясь авторитету журнала, вместе с хорошим принимают и дурное, с добрым вредное».[25]

Отсюда напрашивается вывод: чтобы добиться успеха, «Русская беседа» должна также измениться, сблизиться с современной жизнью. Пока же, по замечанию Аксакова, «это не журнал, а четыре Сборника, очень слабо удовлетворяющих современным требованиям, и именно теперь, когда ⟨...⟩ все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих».[26] Неправильному представлению о журнале способствует и цензура, и отсутствие «молодых, горячих последователей».

Пристрастие цензуры, пристально следившей за журналом, конечно, мешало славянофилам полностью раскрыть свою позицию. И все же спорным представляется суждение о том, что сотрудники «Русской беседы» именно из-за цензуры не могут высказать свои взгляды и на фоне других направлений кажутся реакционными и консервативными противниками прогресса.[27]

Не помешала же цензура высказаться Ап. А. Григорьеву, который опубликовал в III-й книге журнале за 1856 г. статью «О правде и искренности в искусстве». Но сам же И. Аксаков принял это выступление с оговорками: «Статья Аполлона Григорьева, хотя и написана увесистым языком, однако очень занимательна по вопросу, которому она посвящена, вопросу вполне современному и близкому каждому из нас. Он его слабо решает, вообще не обнимает вопроса во всей полноте, но чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критериум в эстетику».[28] Действительно, Ап. Григорьев выступил за нравственное понимание искусства. Признавая искусство высшей, самостоятельной ценностью, он и предъявлял к нему весьма серьезные требования.

---

[25] Там же. С. 457.

[26] Там же. С. 467. Письмо от 28 ноября 1856 г.

[27] «Мы в таком положении, что высказывать вполне своих мнений не можем, а, не высказывая их вполне, подаем повод к недоразумению, чему способствует и недобросовестность прочих журналов, являемся каким-то тормозом, консерваторской партией, когда все стремится вперед!» (Там же. С. 467).

[28] Там же. С. 468.

Призывы и обращения Кошелева к И. Аксакову взяться за редактирование «Русской беседы» до самого начала 1858 г. были скорее общими пожеланиями и декларациями. Он безусловно хотел участия Аксакова в журнале, помощи в редактировании и добывании статей, но передать журнал в его руки опасался. Однако в начале 1858 г. ситуация изменилась. Кошелев стал членом Рязанского комитета по крестьянскому делу и издателем журнала по крестьянскому вопросу «Сельское благоустройство». В мае 1858 г. он фактически расстался со своим соредактором М. А. Максимовичем, на котором лежала вся практическая работа по «Беседе». Интересно, что еще в начале 1858 г. Герцен уговаривал Аксакова решиться взять в свои руки «Русскую беседу», надеясь, что дела журнала пошли бы значительно лучше.[29] Наконец, между Аксаковым и Кошелевым была достигнута договоренность, и с августа 1858 г. Аксаков становится редактором журнала. Между тем, еще в июне Кошелев с тревогой писал Аксакову, предостерегая его и наставляя перед предстоящей редакторской деятельностью: «Одно меня тревожит: это Ваше болезненное нерасположение к власти. В „Парусе" кутите как хотите, но в „Беседе" ⟨...⟩ будьте, в примечаниях от редакции, крайне воздержны, ибо скорее соглашусь закрыть „Беседу", чем дать ей оппозиционный характер. ⟨...⟩ Я в душе за власть. С прискорбием вижу, когда она спотыкается. „Беседа" в смысле правительственном стоит хорошо, — ради Бога не портите. Что же касается до „Благоустройства", то ⟨...⟩ прошу ни одного слова не изменять в этом отношении, ибо я желаю слыть органом правительства, только либерального правительства».[30] Нет оснований полагать, что Аксаков действительно хотел превратить журнал в оппозиционный, но Кошелев опасался другого: что Аксаков случайно, по неосторожности, выскажется слишком резко о власти или о порядках и тем самым сделает, с точки зрения самого Кошелева, роковой шаг. Так, 21 ноября 1858 г. Кошелев жаловался кн. Черкасскому, что не может и не хочет издавать журнал вместе с Аксаковым, поскольку ощущает коренную разницу в убеждениях и даже в самом образе действия.[31] Во всяком случае, Аксаков никогда не претендовал на роль редактора «органа правительства» и не был в душе «за власть». Кроме того, из письма видно, что в обязанности Аксакова входило также и наблюдение за «Сельским благоустройством», причем его обязанности были строго регламен-

---

[29] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 26. С. 155.
[30] *Колюпанов.* Т. II. С. 249.
[31] *Трубецкая.* С. 82.

тированы: чтение материалов, корректура, наблюдение за типографскими работами, правка отдельных статей по поручению Кошелева.[32] И «Сельское благоустройство», и «Русская беседа» противопоставляются будущей газете Аксакова «Парус», к выпуску которой он приступил с января 1859 г. Как бы то ни было, Аксаков со своей стороны находил условия, в которые его поставил Кошелев, стеснительными.[33]

Как редактор, Аксаков постарался обновить, разнообразить круг авторов журнала. Он привлек к изданию Н. С. Соханскую,[34] А. К. Толстого.[35] Проза Соханской поражает Аксакова «свежим, здоровым дыханием цельной русской жизни».[36] Он размышляет в это время над проблемой положительного направления в литературе и вслед за К. Аксаковым провозглашает «зарю нового отношения искусства к жизни».[37] По поводу повести «После обеда в гостях» И. Аксаков замечает: «Я думаю, Вам даже странны наши толки и заботы о народности, вы в ней пребываете, русская песнь у вас в жилах течет 〈...〉 и язык Ваш необыкновенно, небывало русский язык. Он может быть вполне понятен народу, вовсе не будучи простонародным». Требования Аксакова касаются скорее даже не собственно языка, а той психологической правды, той атмосферы, которая и создается с помощью языка. Характерно признание Аксакова, что даже сам Гоголь не сумел встать в положительное отношение к русской жизни и «умер под бременем задачи, да и не там искал ее решения, где следовало». Тургенев, Григорович, Даль не могут считаться народными писателями, полагает Аксаков. Почему же? Оказывается, в их произведениях заметна «внутренняя работа» автора: «так и слышишь, как пыхтит автор, стараясь быть народным, так и боишься, что вот-вот он провврется». Язык Даля Аксаков называет «мозаикой», Тургенева же и Григоровича упрекает в том, что они «с рабскою точностью» записывают «интонации орловского мужика», выдавая за «общерусскую речь». Называя язык этих писателей искусственным, Аксаков считает, что он все больше и больше «расходился с жизнью», в отличие от языка Соханской.[38]

---

[32] РГБ. Ф. 139. Карт. 7. № 3. Л. 3–3 об; № 4. Л. 3 об.

[33] *Колюпанов*. Т. II. С. 248, 250.

[34] Н. С. Соханская (Кохановская) опубликовала в «Русской беседе» повести «После обеда в гостях», «Гайка» и др.

[35] В «Русской беседе» в 1858–1859 гг. напечатано около 20 стихотворений гр. А. К. Толстого и поэма «Иоанн Дамаскин».

[36] *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 570. Письмо от 31 декабря 1858 г.

[37] Там же. С. 572. Письмо от 7 апреля 1859 г.

[38] Там же. С. 572–573.

Такая позиция, конечно, расходилась с мнением большинства читателей, убежденных в достоинствах Тургенева, Григоровича, Даля. И все же мнение Аксакова было вполне искренним. Получив третью повесть Соханской «Гайка», редактор, помимо похвал, высказывает в своем письме к ней множество критических замечаний, в том числе и по поводу языка и композиции повести. Упрекая ее в растянутости, Аксаков замечает: «Достаточно двух-трех рассказов, чтобы познакомить с характером действующего лица, а Вы слишком *шаржируете* ⟨...⟩ картину подробностями, красками. Вы слишком беспокоитесь о читателе, слишком суетитесь, — видна рука, поворачивающая фигуру во все стороны ⟨...⟩ чтобы со всех сторон осмотрел ее читатель».[39] Недостатки, отмеченные Аксаковым у писателей натуральной школы, обнаруживаются теперь и в повести Соханской. Это, конечно, свидетельствует о стремлении критика к объективности. Но вместе с тем заметно и его неумение понять истинный художественный масштаб писателя. При всей верности частных замечаний Аксакова, при всей глубине его художественного анализа произведений Соханской, остается ощущение некоторой натянутости, внутренней противоречивости его взгляда. Языковые критерии «народности», применявшиеся для разбора произведений «натуральной школы» и считавшиеся универсальными, при анализе повести Соханской незаметно отходят на второй план. Критикуя писательницу за небрежность языка, Аксаков обращает ее внимание на чисто художественные, эстетические детали текста. «В речи есть свои музыкальные законы созвучия, падения, которых нарушение нередко расстраивает впечатление, производимое внутренним содержанием».[40]

Противоречие не в том, что принцип народности и принцип гармоничности, созвучия противоречат друг другу, — они вполне способны друг друга дополнять. Внутреннее противоречие Аксакова в том, что остается невыясненным, что же все-таки важнее для произведения — народность языка или его гармоничность и связаны ли они вообще.

Переписка с Соханской дает богатый материал для характеристики представлений Аксакова о журналистике. Он, например, не одобряет желания своего адресата печататься в «Отечественных записках», ругает «Современник» и «Библиотеку для чтения». Он готов допустить сотрудничество своего автора в «Русском вестнике» и даже в «Русском слове»

---

[39] *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 579. Письмо от 28 мая 1859 г.
[40] Там же. С. 580.

(последний журнал он считает «нравственно опрятным и искренним»[41]). Зато в его суждениях о «Современнике», «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» мы ясно видим предвзятость и недоброжелательство. По мнению Аксакова, «Современник» и «Отечественные записки» — журналы «очень грязные, не пользующиеся нравственным уважением, не имеющие положительных, твердых, честных убеждений». Что же касается «Библиотеки...», она называется «бесцветной», «нравственно дряблой». Главный аргумент Аксакова — редакторство Писемского, отождествляемого с его героем, персонажем романа «Тысяча душ» Калиновичем. Эти замечания слишком напоминают обвинения, в свое время выдвигавшиеся против Гоголя, которого также называли «грязным писателем». О неспособности или нежелании понять своих оппонентов свидетельствует и замечание об отсутствии убеждений у этих журналов. Аксаков четко представляет себе и объясняет Соханской, что «участие в журнале возбуждает всегда в публике мысль о связи, о солидарности автора с журналом, некоторое согласие с главною идеей и направлением журнала».[42] Позднее, в письме от 22 ноября 1859 г., Аксаков касается вопроса о направлении «Русской беседы». Он убежден в том, что это направление неправильно понимают и трактуют. «„Беседе“ много повредило то, что, поставив в программе своей „православие“, она не имела возможности разъяснить, что́ именно разумеет она под православием, и потому ее заподозрили в солидарности с официальным духовным миром, что́ совершенно несправедливо».[43]

Выше уже говорилось о некоторых причинах такого уподобления, в частности, о публикациях журнала, которые вызвали резкий протест других изданий да и неприятие самого Аксакова. Однако, обращаясь к Соханской, он умалчивает о сомнительных публикациях и пытается дать иное объяснение. Он уверен, что «надо строго различать дело православия от официального его значения».[44] Однако в этом случае личная позиция И. Аксакова во многом отличалась и от позиции Кошелева, и даже от взглядов К. Аксакова. Жалуясь на притеснение журналистики властью, редактор «Беседы», между прочим, пишет: «...в журнальной светской полемике становится почти невозможным опираться на православие, ибо противнику вашему заграждены уста, он вам возражать не может и сейчас скажет, что вы делаете на него доносы. Ведь за безверие

[41] Там же. С. 583. Письмо от 12 июля 1859 г.
[42] Там же.
[43] Там же. С. 600.
[44] Там же.

могут еще у нас запереть в Соловки, исключить из службы, и т. п. Конечно, это теперь не так строго, как при Николае Павловиче, но предание очень живо». Редактор предупреждает автора об осторожности обращения со словом «православие» и с понятиями и категориями церковной жизни.[45] Он выступает за «безусловную свободу слова», полагая, что только такая свобода в состоянии «возвратить истине полную ее силу», в то время как «полицейские защиты подрывают ее авторитет».[46]

В одном из номеров помещена была статья Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина». Редакция, как свидетельствует Аксаков, обрадовалась этой статье, ее «возвышенному лиризму». Ее заслуга — «разоблачение эпопеи внутренней жизни духа».[47] Аксаков в нескольких письмах подробно анализирует статью, пишет и об удачах, и об ошибках и упущениях Соханской.[48] Так, например, ему не хватает в статье «исторической точки зрения, без которой едва ли понятна преемственность поэтической и вообще литературной деятельности на Руси и их отношение к народу и народности».[49]

Предлагая Соханской внести некоторые поправки в статью, редактор подробно обосновывает свои предложения. В этой связи чрезвычайно интересно рассмотреть его принципиальные замечания о личности и о творчестве Белинского, о чем Соханская также упомянула в своей статье. Признавая и значение, и влияние Белинского, Аксаков, вместе с тем, старается убедить Соханскую в изначальной ложности его учения и необходимости ему противостоять по всем направлениям, в том числе и в оценке творчества Гоголя. Главное обвинение Белинскому — отсутствие твердых взглядов, поверхностность суждений, незавершенность теоретического развития. «Когда выйдут вполне его (Белинского. — *В. Г.*) сочинения, вы поразитесь постоянным противоречием его пропо-

---

[45] Ср.: «Слово „*православие*“ после знаменитой казенной формулы: „православие, самодержавие и народность“ — до такой степени слилось в понятиях публики с официальностью, с представлением целого ряда „смиренных архиереев и кавалеров“, торжественных молебнов, освящающих всякую мерзость и подлость холопскою услужливостью Церкви, самодержавной власти, и проч. и проч., что может быть употребляемо (слово „православие“) с величайшею осторожностью, и с оговорками. Необходимо чтобы вас не смешивали с партией, так называемою, клерикальною, чтоб не происходило недоразумения. Но положение цензуры таково, что разъяснять этого недоразумения нет возможности в печати, — следовательно, нет возможности и говорить в защиту истинного православия» (*РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 599–600).

[46] Там же. С. 601.

[47] Там же. С. 585. Письмо от 20 июня 1859 г.

[48] См.: Там же. С. 584–596. Письма от 20 июня, 5 августа и 9 сентября 1859 г.

[49] Там же. С. 585.

ведей. Но одного господствующего начала вы не выведете из них. Тем не менее стремления его были всегда чисты, честны, бескорыстны, и он много пустил в оборот мыслей, много способствовал развитию эстетического понимания ⟨...⟩. Но строгости мысли у него не было, и потому именно, что увлекался, ему случалось говорить великолепнейшую дичь. Напр⟨имер⟩, он сказал о Мадонне Рафаэля в Дрезденской галерее, что это „le sublime du *comme il faut*".[50] Возмутительнейшее слово. Если он сделал пользу, то, может быть, еще более вреда. В провинциях его чтут как идола ⟨...⟩ ...мы — „Беседа" — выставив знамя христианской Истины — находимся в борьбе с поклонниками, со школой Белинского. Цитировать Белинского „Беседе" нельзя просто. Такая цитата может заставить подумать, что мы признаем его авторитет и в том, *чем* он особенно известен, *в чем* собственно и дал себя знать публике. Можно его цитировать, *разобравши* его сочинения, его деятельность, показавши, что́ в нем есть доброго и худого, с чем мы согласны или несогласны».[51]

Аксаков словно бы не доверяет читателям, боится, что они неправильно истолкуют появление цитаты из Белинского в журнале. Аксаков не сомневается ни в личной порядочности Белинского, ни том, что тот способствовал развитию «эстетического понимания». Возражения Аксакова связаны с несколькими фразами Соханской, Так, она ссылается на Белинского, объясняя, что поэт мыслит образами. Аксаков напоминает, что сама эта мысль принадлежит Гегелю и что Белинский только пересказывает ее и применяет для своего анализа. Поэтому он предлагает иной вариант: «сказать так, что — „не разделяя основных убеждений Белинского, мы тем не менее приведем его слова такие-то, хотя мысль, в них выраженная, принадлежит, как известно, немцам"».[52] Другую фразу он просит вообще убрать из статьи: «Выражение же „*возвышенный* критик" странно и слышать от вас о человеке, прославившемся своими нападками на христианство и русскую народность».[53]

С обоснованием позиции «Русской беседы» связана еще одна правка, предложенная Аксаковым. Касаясь разбора стихотворения Пушкина «Поэт и Чернь», редактор «Русской беседы» высказывает свои суждения об отношении журнала к народу и о том значении, которое поэзия имеет для народа. Причем он только намечает основную канву, основную мысль и просит, чтобы Соханская сама ее развила. Главное требование

[50] Возвышенное *как надо* (*франц.*).
[51] Там же. С. 591. Письмо от 5 августа 1859 г.
[52] Там же. С. 590, 592.
[53] Там же. С. 592.

Аксакова здесь — заявить о стремлении к положительному направлению в литературе, как к высшему этапу ее развития: «...В сочувствии и уважении к народу мы не уступим ни гражданину Некрасову, и никому, но ⟨...⟩ тем не менее мы думаем, что значение поэзии важно и полезно именно тем *благотворным* действием, которое поэзия производит в *душе* человека, что „сладкие звуки и молитвы" перевоспитывают нас, действуют *положительно*, а *не отрицательно...*» В эстетике славянофилов и самого Аксакова требование положительного отношения к жизни и положительного отношения к искусству сливаются. Однако это не означает ни приукрашивания действительности, ни лести власть имущим. Положительное отношение в искусстве — это внимание к вечности, в противоположность «натуральной школе», занятой, по мнению славянофилов, сиюминутным. «...Благо, что есть такие люди, которые не приковывают свой дар к временным случайным вопросам, и гремят нам истинами вечными...»[54] Это замечание Аксакова также направлено против Белинского, искавшего в последние годы жизни «социальности», понимаемой в то время как сиюминутность, актуальность.

Позиция Аксакова как редактора «Русской беседы» осталась бы не вполне понятной, если бы мы не сказали о его отношении к императору Николаю I и его царствованию. В письме от 9 сентября 1859 г. Аксаков успокаивает своего адресата, беспокоящегося относительно одного места статьи, связанного с Николаем. «...Я не только оставил место о Николае Павловиче, но даже усилил его, вычеркнув — с вашего дозволения — слово: *соизволил* и приставив к словам: „в самом разгаре холеры" — слова: „считавшейся заразительною"».[55] Смысл правки Аксакова в том, чтобы слова Соханской приобрели «характер вполне свободной и независимой оценки прекрасного поступка покойного Государя». «Меня смутило слово: „*соизволил*", окрасившее все место неприятным колоритом. Но когда вы позволили это слово выкинуть, тогда и колорит неприятный исчез, и я вполне убедился в нравственной справедливости вашего требования — ничего не умалять из законной хвалы, стяженной истинно честным поступком».[56] Итак, Аксаков, как мы видим, не был систематическим противником власти, он совершал над собой усилие, но все же постарался не умалить «истинно честный поступок». В то же время, как мы видели, он опасался «перехвалить» Белинского, дать подумать, что

[54] *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 592.
[55] Там же. С. 592.
[56] Там же. С. 593.

славянофилы разделяют его убеждения. Относительно Николая таких опасений он не испытывал. И в том, и в другом случае существенную часть своих мыслей Аксаков оставлял при себе. Отчасти это объясняется тем, что он не желал излишне вторгаться в авторский текст. Но в случае с Белинским он не оговаривал значение Белинского, его влияние на критику, также как и упоминание о храбрости императора Николая не дополняет (в статье) оценкой его личности и правления. Между тем, в письме Соханской эта оценка дается прямо и недвусмысленно: «Я считаю его честнейшим человеком, служившим верой и правдой своим убеждениям — фельдфебельским. Со мною лично он поступил очень благородно 〈...〉. ...но его система преследовала меня до самой его кончины 〈...〉. Не ведая, что́ творит, он сгубил, заморозил наше поколение 〈...〉. Все мои стихи носят на себе такой след николаевского удушья, что едва ли теперь будут кому-либо понятны...»[57]

Таким образом, Аксаков, с одной стороны, старается не затрагивать «личности», быть объективным. С другой же, постоянно встает на точку зрения «партии», кружка, оговариваясь или умалчивая о существенных деталях. Конечно, высказать свои сомнения относительно императора Николая печатно Аксаков не мог, тем более это противоречило взглядам Соханской. Но вот смягчить или даже убрать сомнительный эпизод из статьи — мог бы. Положительное упоминание о Николае Павловиче он оправдывал для себя требованиями справедливости. И все же объективность потребовала от него компромисса с собой, со своими чувствами. И важно, что этот компромисс он нашел довольно легко, во всяком случае, гораздо легче, чем тогда, когда речь шла о Белинском.

Стихотворения самого Аксакова, помещенные в V-й книге «Русской беседы» 1859 г., конечно, отмечены следами «николаевского удушья». Но вместе с тем, они не стали, как боялся поэт, чисто историческими. Они сохранили свою актуальность, хотя и обращались к вопросам вечным. Мы коснемся только одного из них. В стихотворении «Зачем душа твоя смирна...» Аксаков восстает против покоя, смирения, примирения с ложью. Казалось бы, это традиционные поэтические рассуждения, не несущие серьезной и принципиальной нагрузки. Однако в данном случае такая нагрузка действительно была. Ведь славянофилы превозносили народное смирение и терпение. Аксаков показывает оборотную сторону этого непротивления: человек «примиряется удобно с неправдой быта своего». В заключительных строчках этого стихотворения мы встречаем

[57] Там же. С. 594.

реминисценцию из стихотворения Беранже «Les Fous» (Безумцы). Строки «Одним безумцам в мире этом / Дано лучей ее добыть...» напоминают строчки из Беранже: «Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой!» (перевод В. С. Курочкина).

Стихотворение написано в последних числах января или в самом начале февраля 1847 г. Вероятно, именно об этом стихотворении Аксаков писал родным 25 января 1847 г., признаваясь, что оно «чуждо» повседневной жизни чиновника и «имеет более политический смысл». Первоначально оно задумывалось как посвящение Л. И. Арнольди, но конец, как оказалось, «не приходится к Арнольди». Разгоряченный работой над стихотворением (законченным в полночь), автор не смог заснуть «ранее половины третьего», а уже в начале восьмого принялся за письмо родителям. «Я написал три стихотворения: третье вы получите с следующей почтой. Оно крепко, сильно, зернисто ⟨...⟩ нынче еще не читал его: боюсь, что оно вдруг покажется мне вялым и риторическим. Мне самому смешно бывает, до какой степени стихи мои чужды сферы моей внешней жизни, как розны эти два мира! ⟨...⟩ ...все воодушевление должен я черпать из себя одного».[58] Разбирая это стихотворение в письме от 6 февраля 1847 г., С. Т. Аксаков соглашался с мнением Ивана, что оно доступно не всем, но при этом замечал: «Неправда, чтоб холодом веяло от этих высоких мыслей и чтоб они не грели ничьей и даже твоей души; но должно признаться, что высокие порывы благородства бесприкладны в строгом смысле; тем не менее, однако ж, они волнуют хотя на время дух человека и — небесплодно».[59]

---

[58] *Аксаков. Письма к родным (1).* С. 348–349.

[59] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 10. Л. 64 об. А. Ф. Аксакова в примечании к письму Ивана Сергеевича к кн. Д. А. Оболенскому (лето 1847 г.), в котором говорится о трех стихотворениях, написанных под влиянием книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», указала, что речь идет о стихотворениях «Зачем душа твоя смирна...», «Свой строгий суд остановив...» и «Не дай душе твоей забыть...» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т I. С. 438; см. также: *Аксаков в его письмах.* Т. I. С. 367). Позже А. Г. Дементьев и Е. Ф. Калмановский сочли это предположение необоснованным, так как последнее стихотворение датировано и в автографе, и при публикации 1848 г., т. е. через год после выхода книги Гоголя (см.: *Аксаков И. С.* Стихотворения и поэмы. М., 1960. С. 262–263). Т. Ф. Пирожкова впервые опубликовала еще одно письмо Аксакова, связанное с этой темой. 21 января 1847 г. поэт сообщал родителям: «Вот вам стихи ⟨...⟩. Письма ваши ⟨...⟩ меня ужасно смутили, встревожили и нарушили то состояние духа, в котором я очутился по прочтении книги Гоголя. Вновь полон я сомнений и вопросов и уж третьего стихотворения в духе первых двух не напишу» (*Аксаков. Письма к родным (1).* С. 347). В комментарии к этому письму Т. Ф. Пирожкова присоединяется к мнению А. Ф. Аксаковой и также полагает, что названные три стихотворения связаны с «Выбранными местами...» (Там же. С. 649).

Многое из того, что появилось на страницах «Русской беседы», было написано уже давно, для второго тома «Московского сборника» 1852 г. Собственно говоря, издательские принципы «Сборника» И. Аксаков реализовал, редактируя «Русскую беседу». Его собственные публикации в журнале так или иначе были посвящены проблеме народности. Он печатает, например, статью «О ремесленном союзе в Ярославской губернии». Это несколько сокращенный и измененный вариант статьи «О замечательном ремесленном устройстве некоторых селений в Ярославской губернии», предназначавшейся для «Московского сборника». Сам Аксаков ставил целью «Русской беседы», в том числе и своей публикации, «проследить русское общинное начало во всех его проявлениях».[60] Он был уверен, что «наш крестьянский общинный быт, со своим общинным поземельным владением, вносит в науку политической экономии новое оригинальное экономическое воззрение, едва вместимое умственным горизонтом западных мыслителей».

В статье Аксакова рассказывалось о том, как крестьяне из двух вотчин Ярославской губернии, всего около 400 человек, создали ремесленный союз, применяя хозяйственные и нравственные принципы крестьянской поземельной общины к ремесленному производству. Обе вотчины заключили договор с купцами и делают для них по заранее обговоренной, общей для всех цене определенные виды ящиков. На общем сходе крестьяне пяти деревень распределяют работу между деревнями, исходя из заказов, поступающих от купцов. При этом учитывается прибыль, полученная каждой деревней в прошлом году, число тягол в деревне и т. п. Внутри деревни работа распределяется на деревенской сходке, исходя из тех же соображений. Смысл такой артельной работы в том, чтобы предоставить каждому крестьянину возможность заработать и не голодать. «Никто из крестьян не имеет права ни возвышать, ни сбавлять цены, ни ставить ящиков вместо одного другому, ни снимать подряды на ящики помимо мира».[61] Разумеется, это условие касается только изготовления ящиков — во всем остальном каждый крестьянин волен заключать любые соглашения и заниматься любым производством.

Аксаков увидел в этом опыте реализацию давнего предположения славянофилов о возникновении и развитии промышленной общины. Так, Хомяков в статье «О сельской общине», написанной в форме письма

[60] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. V. С. 212.

[61] Там же.

к Кошелеву, утверждал, что «община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой».[62] Хомяков сосредотачивался как раз на том, о чем писал Аксаков. Хомяков с сожалением признавал, что не может привести примеров «совершенно промышленной общины в России, так сказать фалянстера», но при этом указывал, что в России «много есть похожего». Он видел это сходство в таких явлениях русского быта, как «мельницы, эксплуатируемые на паях», «общие деревенские ремесла», «деревни, которые у купцов снимают работу и раздают ее у себя по домам». Причем последний пример он считал наиболее важным. Хомяков, конечно, понимал, что все эти формы крайне слабы и не развиты, но резонно замечал, что «у нас вся промышленность не развита».[63]

Аксакова община привлекала принципом справедливого распределения доходов, заботой о каждом из ее членов. Он указывает, что ремесленный союз обеспечивает два первостепенных условия — «право на труд и на законную от него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для предотвращения нищеты, равно и для устранения вредного для бедных соперничества с богатыми».[64] Аксаков подчеркивает не только «нравственную обязанность общины предоставить каждому средства к существованию», но и преимущества такого устройства, и экономические, и нравственные. «Ленивый не сделается зажиточным и наказывается собственною бедностью, вина которой будет лежать уже на нем самом, а не в общественном устройстве, как почти везде на Западе».[65]

Противопоставление России и Запада в этом случае кажется несколько надуманным. Ведь даже Хомяков вспоминал в связи с развитием промышленной общины западные «фаланстеры», придуманные Р. Оуэном, как образцы, которым можно следовать. Однако Аксаков и в «Русской беседе», и позднее постоянно проводил различие между русской общиной и артелью, с одной стороны, и западными коммунами и фаланстерами, с другой. Западная коммуна, по его мнению, обеспечивает гражданское и экономическое равенство. Судя по статье Аксакова в «Русской беседе», он также сторонник уравнительства. На самом деле, он защищает нравственные основы и гражданских, и экономических отношений. Он писал позднее в своей газете «День», что идеал русского народа — братство, и именно оно осуществляется в общине. По его мнению, братство —

[62] *Хомяков*. Т. III. С. 468.
[63] Там же.
[64] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд.V. С. 210.
[65] Там же. С. 213.

это «начало духовного христианского равенства, при котором могут (...) существовать различия в звании, положении и состоянии, предоставленные естественной переработке истории и жизни».[66] Эти различия не противоречат требованию гражданского равенства, но дополняют их, наполняя гражданские свободы нравственным содержанием. Аксаков указывал: «Мы против всякого неравенства гражданских прав, но (...) никакое гражданское равенство (égalité) не дает еще ни fraternité, ни liberté, ни братства, ни свободы, — начал нравственно-духовных, не добываемых никакою внешнею силою, никакими государственными законами и постановлениями».[67] Эти-то начала и способны, по его мнению, предохранить Россию от западных несчастий и язв, обеспечить справедливое распределение земли и доходов среди крестьян.

Помимо всего, община для Аксакова — способ предотвратить распространение капитализма, т. е. жестокости, безнравственности, рационализма и расчета. Между тем, он совершенно абстрагируется от зависимого, подневольного характера труда в крестьянской общине, в том же описанном им ремесленном союзе. Надо оговориться, что община действительно помогала крестьянам в организации работы, во многом сохраняла характер коллективного труда и коллективной подмоги. Однако же для правительства она была прежде всего фискальным инструментом, способом полицейского надзора и воздействия на крестьян. И этот ее характер также не был случаен, его также нельзя упускать из виду, размышляя о значении и судьбах крестьянской общины.

По мнению современных исследователей, Аксаков в своих воззрениях ошибался, поскольку ремесленный союз «свидетельствовал не о крепости общинного строя, а о проникновении в общину капиталистических отношений».[68] Одна из причин этой ошибки — смешение артельного, общинного труда и круговой поруки. В «ремесленном союзе» исследовательница усматривает только использование купцами для своих нужд принципа «круговой поруки».[69] Описанное Аксаковым устройство общины и практика ее деятельности позволяют сделать более точный вывод. «Ремесленный союз» ярославских крестьян был устроен ими самостоятельно и добровольно, он подчинялся не купцу и не помещику, а крестьянской сходке. Вместе с тем, доходы от изготовления ящиков, как уже указывалось, шли зачастую на уплату оброка, т. е отчуждались от работника.

[66] *Аксаков И. С.* Сочинения. М., 1887. Т. II. С. 88.
[67] Там же. С. 89.
[68] *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. С. 121.
[69] Там же. С.121–122.

Поэтому надо различать характер самого производства — мануфактура на дому, ранний этап капитализма, характер производственных отношений и распределения прибыли — феодальный (оброк) и характер отношений между самими крестьянами в процессе труда — артельный, коллективный. Аксакову важнее всего было именно это последнее обстоятельство, соответствующее, как он думал, быту и характеру народа.

Статья написана в результате личного знакомства Аксакова с устройством «ремесленной общины» во время пребывания в Ярославской губернии по заданию Министерства внутренних дел. Н. П. Барсуков, вероятно, на основании знакомства с цензурными документами пересказывает содержание статьи. Текст, опубликованный в «Русской беседе», значительно отличается от этого пересказа. Барсуков так передает конец статьи: «Сочинитель в заключении благодарит помещиков, „которые не насилуют крестьянского быта и не вмешиваются в их дела, давая им жить и устраиваться по-своему“. В противоположность этому сельскому союзу ремесленному, выставляется городская производительность, которая, по словам сочинителя, „существует не совсем на русских основаниях“. Цивилизация на почве корпораций, привилегий и тому подобных стеснительных учреждений, противна русскому общинному быту. За тем, следует выписка из X т. Свода, об устройстве ремесел в городах. Фабричной жизни противополагается вольный и свободный труд: а не принужденный; словом, труд по призванию».[70] Ничего подобного в публикации «Русской беседы» нет. В журнальном варианте статья завершается договором, который подписали крестьяне. Однако в цензурном докладе приведено еще несколько высказываний, вероятно, почти дословно излагающих слова Аксакова, похвалившего помещиков, управляющих крестьянами, «не насильствуя их быта», «не преследуя их своим цивилизованным попечительством и как можно менее вмешиваясь в их (т. е. самих крестьян. — *В. Г.*) управление».[71] Цензор также нашел неприличными суждения о соотношении законов и нравственности. Вот как отчет передает мнение Аксакова: «...не законы созидают жизнь, и законами не вводятся в быт народа нравственные понятия, если они не находят опоры в его религиозных убеждениях, во всем строе самой народной жизни».[72]

Как видно из доклада, Аксаков в этой статье коснулся вопроса о «русских началах», о противоположности городской и народной жизни. «Го-

---

[70] *Барсуков*. Кн. XII. С. 142.
[71] *РСт*. 1905. Кн. V. С. 399.
[72] Там же.

воря, что городской быт существует на основах не совсем русских, что цивилизация городов возникла ⟨...⟩ на почве корпораций, привилегий и тому подобных стеснительных учреждений, противных русскому общественному быту, что западный мир, отрицающий пышное общественное благоустройство, выстроил целую грозную фалангу задач и вопросов общественных, нравственных, политико-экономических; однако едва ли найдет он ответ всем этим вопросам и задачам, и едва ли не должно поискать его разрешения в самородном, нетронутом еще источнике народной жизни».[73]

За пределами статьи осталось довольно драматическое развитие этой истории. В письме к родным из Ярославля Аксаков сообщал: «Помещики желают имение это продать и объявили крестьянам, что они могут или приискивать себе помещика — доброго и хорошего, или же откупиться. Крестьяне решились на последнее и послали просьбу гр(афу) Киселеву о ссуде им денег для выкупа — с платежом процентов в течение 26 лет. Чем разрешится просьба — не знаю».[74] Следовательно, несмотря на круговую поруку и доходы от промысла, помещики сочли более выгодным продать деревни. Чтобы решить вопрос о направлении развития ремесленной общины, важно знать, какова дальнейшая судьба и самих крестьян, и их общины. Удалось ли им выкупиться, на каких условиях, сохранили ли они общину в неприкосновенности или изменили, — к сожалению, у нас нет сведений об этом. Поэтому решать окончательно вопрос о характере ремесленного союза и о новизне или традиционности сложившихся отношений было бы в настоящий момент некорректно. Думается, этот вопрос заслуживает специального экономического анализа.

Нравственная подоплека экономических явлений занимает Аксакова и в другой работе — «Исследовании о торговле на украинских ярмарках». Это исследование было предпринято им еще в 1853—1854 гг., по поручению Географического общества. В 1858 г. он выпустил специальную книгу, посвященную этому вопросу.[75] А в «Русской беседе» появилась вступительная часть работы, под названием «Украинские ярмарки. Введение». Специальной задачей Аксакова было изучение особенностей, хода и результатов торговли на украинских ярмарках, проводившихся в разное время года на территории Малороссии. Во «Введении» автор поставил перед собой более широкие и значительные задачи — рассказать об истории Малороссии, о характере

[73] Там же. С. 400.

[74] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 120.

[75] *Аксаков И. С.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858. (Труды Императорского Русского Географического общества).

и быте ее населения, сравнить нравы и быт русских и малороссов, показать влияние России на историю и жизнь Украины. Прослеживая историю Малороссии, ее отношения с Северной и Западной Русью, Аксаков напоминает, как нашествие татар «нарушило цельность и единство русской земли» и разные ее части призвало к «разным историческим судьбам».[76] По его мнению, тогда-то «под развалинами сожженных городов» Малороссия и потеряла «начатки гражданственности». Подчеркивая уклонение в «племенную односторонность» Малороссии, связанную с влиянием языческой Литвы и католической Польши, Аксаков не видит оснований для самостоятельного, вне России, бытия Малороссии. Он указывает на главную опасность для украинского народа — потерю православия, «грозившую ее нравственной самобытности и единственному ее оплоту — вере».[77]

Несмотря на свою симпатию к Украине, Аксаков твердо убежден, что после разделения с Россией она оказывается «призванною — не к самостоятельному политическому бытию, а к самостоятельной, временной, исторической деятельности».[78] При этом Аксаков почти любуется средневековой историей Малороссии, но выводы его лишают украинцев надежды на дальнейшее историческое бытие, на субъектность в историческом процессе: «Почти два века сряду отбиваясь то от набегов татар, то от попечений ляхов, непрерывно воюя, совершая беспримерные подвиги мученичества и удальства, она не имела времени заняться своим внутренним устройством и распалась на два сословия, на воителей и на пахарей, на *казачество* и *посполъство*. Городское население было слабо, да и самые города учреждались на ненародных, чуждых началах ‹...›. Много страданий и горя вынесла Малороссия, но зато сколько жизни, блеску и славы было в этом призвании! Столько жизни, столько славы, что казачество поглотило в себя, исчерпало почти все нравственные силы, почти всю деятельность народного духа».[79]

Такая точка зрения, несмотря на признание былых заслуг и славы Малороссии (впрочем, также ограниченное, так как историческое бытие противопоставляется политическому), заставляет рассматривать ее как отжившую, выполнившую свою историческую роль, часть общерусского государства. «Так шумно, блестяще и бранно прожито Малороссиею ее прошедшее, что даже и теперь, несмотря на внутреннее народное сознание в том, что прежнее призвание ее окончено и прошлое минуло невозвратно, Малороссия все еще отдыхает от совершенных ею боевых подвигов, еще как будто не собралась

---

[76] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. II. С. 88.

[77] Там же.

[78] Там же. С. 88–89.

[79] Там же. С. 90–91.

жить новою жизнью, еще будто тревожится порою грезами казацкой вольности и славы. Еще и ныне простой пахарь воспевается в песнях лишь в поэтическом и любезном народу образе казака».[80] Читателя увлекает, очаровывает эта красочная и напряженная картина малороссийской истории, сначала изнемогающей в борьбе с многочисленными врагами, а затем как бы отдыхающей. И все же что-то мешает согласиться с этой картиной полностью. Возможно, попытка выдать свои собственные ощущения и переживания за «внутреннее сознание» всего народа, понимающего завершенность прежней жизни и никак не желающей начать новую через нравственное и гражданское сближение с Великороссией. Вместе с тем Аксаков защищает украинцев от обвинений в лени, в подверженности воздействию ласкового и теплого климата и т. п. Он видит причину в другом: малороссиянин «сам себе не решил вопроса о своем гражданском призвании». Интересно, как же объясняет публицист эту нерешительность целого народа. Эта причина — не в самой Малороссии, не в натуре или в характере народа, а в ошибках и обманах Великороссии. «Если б, после Петра I, сама Великая Русь шла путем самобытного развития, Малороссия ⟨...⟩ легко присоединилась к Общерусскому делу; но трудно ей принять участие в направлении лживом». Так само нежелание украинцев соединяться с великороссами в один народ воспринимается как следствие отклонения России с правильного пути, как разрыв с народной историей и традицией. Болезнь Петровской России стала для Украины «похмельем в чужом пиру».[81]

В ученом статистическом труде Аксаков создает художественный образ Украины.[82] В описаниях Аксакова заметно влияние Гоголя, еще в 1832 г. опубликовавшего статьи «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях». Общая концепция развития Украины в труде Аксакова совпадает с гоголевской.[83] Гоголь также считает самым значительным в истории Украины «то поэтическое время, когда все добывалось саблею; когда каждый ⟨...⟩ стремился быть действующим лицом, а не зрителем».[84] Совпадает и отношение к казачеству. По мнению Аксакова, оно «воплотило в себя, исчерпало почти все нравственные

---

[80] Там же. С. 91.

[81] Там же.

[82] Ср.: И. К. Бабст в рецензии на книгу Аксакова отмечал: «Оторваться нельзя от этих мастерских, дышащих жизнью, бойких характеристик ⟨...⟩ сколько основательности в статистических приемах, а главное — сколько любви и сколько теплого участия к самому делу и к народу...» (Атеней. 1858. № 38. С. 163).

[83] См.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. VIII. С. 40.

[84] Там же. С. 48.

силы, почти всю деятельность народного духа».[85] Гоголь же отмечал, что «эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер на всю Украину».[86] Таким образом, и Гоголь, и Аксаков подчеркнули решающее влияние казачества и на характер украинского народа, и на его быт, и на саму историю. Как только силы казачества исчерпались, так остановилась украинская история. Украина, пишет Аксаков, «задержалась в своем развитии почти на той же степени, на которой стояла в половине XVII века».[87]

Возможно, именно в этом и следует искать объяснение странного факта, сообщаемого Аксаковым со ссылкой на более ранние исследования. Сами малороссы почти не занимаются торговлей и не участвуют в ярмарках, предоставив торговлю великороссам и евреям. Улучшить экономическое положение Украины, как считал Аксаков, могут ярмарки, которые он называет «подвижным, ходячим рынком, вращающимся целый год по своему округу».[88] Выступая за создание общерусского рынка, в котором найдут себе место и малороссийские ярмарки, Аксаков отстаивал не только единое экономическое пространство Украины и России, но и единство их истории.

Как уже сказано выше, Аксаков пытался расширить круг сотрудников «Русской беседы». Но это удавалось далеко не всегда. Так, например, он желал привлечь М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. Т. Аксаков заручился его согласием «принять деятельное участие в журнале, который он (И. Аксаков. — *В. Г.*) предполагал издавать, *как полный хозяин*...»[89] В не дошедшем до нас письме к Щедрину И. Аксаков высоко оценил его «Губернские очерки», за что автор благодарил его. Возможно, Аксаков собирался написать статью об этих очерках. По крайней мере, Салтыков-Щедрин просил его: «Мне хотелось бы, чтобы Вы высказали несколько слов о положительной стороне их ⟨...⟩. Во всяком случае я с нетерпением буду ожидать Вашей статьи».[90] В конце 1857 г. Салтыков-Щедрин закончил цикл очерков «Умирающие». Он подробно объяснил Аксакову

---

[85] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд.: II. С. 90.

[86] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 46.

[87] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд.: II. С. 94

[88] Там же. С. 95.

[89] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Сочинения: В 20 т. М., 1975. Т. 18, кн. 1. С. 187 (письмо к С. Т. Аксакову от 28 ноября 1857 г.). Оговоримся, однако, что речь может идти не только о «Русской беседе», но и о «Молве», продолжение которой занимало И. Аксакова в 1858 г., и о планах издания собственной газеты «Парус». Однако оба эти издания как бы примыкали к «Русской беседе», дополняли ее.

[90] Там же. С. 191.

цель и художественный замысел своих очерков, спрашивал его мнения. В марте 1858 г. он присылает Аксакову рукопись «Два отрывка об умирающих» и просит высказаться о ней.[91]

К сожалению, сотрудничество Салтыкова-Щедрина в изданиях Аксакова так и не состоялось. Не знаем мы и мнения последнего о статье Щедрина.

Зато в 1859 г. по инициативе Аксакова «Русская беседа» отправила фольклориста П. И. Якушкина собирать народные песни в Ярославской губернии. Неожиданно Якушкина сочли подозрительным и он был арестован псковским полицмейстером. В августе 1859 г. Аксаков официально, от имени редакции, удостоверил личность Якушкина и данное ему поручение. И затем на страницах журнала несколько раз он обращается к этому происшествию. Публикуя статью Якушкина «Путевые записки по Новгородской губернии», Аксаков предваряет ее своим предисловием. В нем он ставит и обсуждает проблемы исторические, правовые, этические. Абсолютизируя противопоставление простого народа и образованного общества, он настаивает на том, что отличие России от других стран заключается в «раздвоении историческом, обусловленном реформою Петра, лишившею нас чувства народной жизни».[92] Отсутствием чувства народной жизни объясняет он и арест Якушкина, и боязнь сближения с народом. Аксаков обращает внимание на «неудобство» сношений собирателей народных песен с полицией.[93]

В свою очередь, Якушкин публикует статью «Проницательность и усердие губернской полиции», в которой и рассказывает историю своего ареста.[94] Эту статью Аксаков также сопровождает своим предисловием.[95] На примере частного факта редактор «Беседы» разоблачает политику правительства, его пренебрежение к народу и одновременно страх перед ним, высмеивает самоуправство местной власти. Он не ограничивается издевательским комментарием, он печатно требует объяснения от губернатора В. И. Муравьева. Более того, он призывает прессу к солидарности, предлагая всем газетам и журналам не только перепечатать статьи «Русской беседы», но и «дать приличную оценку настоящему случаю».[96]

---

[91] Там же. С. 196. Любопытно, что первоначально Щедрин предназначал эти отрывки для альманаха, который считал родственным славянофилам. См.: Там же. С. 191.

[92] *РБ*. 1859. Кн. IV. Отд. V. С. 2.

[93] Там же. С. 3.

[94] Там же. Кн. V. Отд. V. С. 109–122.

[95] См.: *Аксаков И. С.* От редакции // Там же. С. 107–108.

[96] Там же. С. 108.

Он защищает право каждого, в том числе и собирателя народных песен, общаться с мужиками, носить народную одежду и т. п. Он утверждает: «Русское платье на „губернском секретаре“ — кажется чем-то таким зловещим в глазах наших блюстителей порядка ⟨...⟩ таким диссонансом в гармонии полицейской, таким отступлением от полицейского идеала благоустройства, что ⟨...⟩ этнографические экспедиции в русских губерниях требуют почти такой же смелости и отваги... как и экспедиции в глубь Африки...»[97] Следовательно, Аксаков считает свом врагом полицейское благоустройство, полицейскую гармонию, поскольку они разрушают гармонию народную, согласие сочувствующих народу и самого народа.

Псковский полицмейстер В. Э. Гемпель вынужден был отвечать «Русской беседе» и Якушкину, оправдываясь в своих действиях, изворачиваясь и выстраивая свою версию событий.[98] Аксаков в чем-то перенимает тактику Герцена, обличая чиновников и добиваясь их объяснений и ответов. Опровержению оправданий Гемпеля и посвятил Аксаков свою заключительную статью «Последняя страница в деле г. Якушкина с псковской полицией». Публицист опирается на показания самого Якушкина, полуофициальные объяснения В. И. Муравьева, публикации в различных периодических изданиях. Он комментирует действия полиции с точки зрения Свода законов и доказывает неправомерность ареста Якушкина. Аксаков стремится «из противоречащих данных восстановить самую истину происшествия, во всей ее несомненности, утвердить самый факт, как основу всякого суда и решения, и таким образом раскрыть, на чьей стороне правда — и кто ее искажает».[99] В это дело неожиданно вмешалось III Отделение, предложившее создать специальные правила для собирателей фольклора.[100] Аксаков надеялся, что его точка зрения победит, однако в окончательном виде правила сильно стесняли собирателей, ставили их под надзор полиции и запрещали носить народную одежду.

Тем не менее, даже три года спустя этот сюжет вспоминался журналистами как пример настоящей гласности. В стихотворном фельетоне «Гласность 1859 года и гласность 1862 года» В. С. Курочкин сравнивал арест Якушкина с арестом Д. Тарновского, служившего в конторе у арендато-

---

[97] *РБ*. 1859. Кн. V. Отд. V. С. 107–108.

[98] *Гемпель В*. Ответ на статью «Проницательность и усердие...» // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 4 нояб. № 239.

[99] *РБ*. 1859. Кн. V. Отд. V. С. 103–122.

[100] Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1863. С. 450–451.

ра домов князя Вяземского на Сенной площади. Обращаясь к Гласности 1859 года, он писал:

Тогда, не тратя лишних слов,
Ты вышла в свет без покрывала,
Назвала прямо древний Псков
И прямо Гемпеля назвала.

Напротив, «в цвете лет», Гласность 1862 года, «стала шамкать как старуха».[101]

Возможно, публикация статей Якушкина и разоблачение неприглядной истории с его арестом, вызвавшие недовольство властей, осложнили отношения Аксакова с Кошелевым. В конце 1859 г. издание «Русской беседы» прекратилось по инициативе Кошелева. К. Аксаков утверждал в письме к П. А. Бессонову, что его брат «*не отказывался продолжать свое редакторство*».[102] Однако Кошелев принял решение и И. Аксаков вынужден был с ним согласиться. Он публикует в последнем, шестом номере «Заключительное слово „Русской беседы“» и затем уезжает за границу, в давно задуманное им путешествие по славянским странам.[103] О. С. Аксакова сообщала сыну за границу, что Кошелев только почувствовал облегчение от отъезда Ивана Сергеевича, «ни разу не пожалел о тебе и не пожалел тебя».[104] Эти слова требуют пояснения. Пожалеть об отсутствии Аксакова Кошелев мог бы, издавая в 1860 г. один, два сборника материалов «Беседы». Но почему он мог и должен был бы пожалеть самого Ивана Сергеевича? Прежде всего потому, что прошение, поданное самим Кошелевым в Цензурный комитет о разрешении Аксакову быть соредактором журнала, было отвергнуто. Аксаков не раз потом ссылался на этот отказ как на главную причину прекращения издания. О «фальшивом положении» обоих «распорядителей» журнала он писал

---

[101] *Курочкин В. С.* Стихотворения, фельетоны, статьи. М., 1957. С. 154. Петербургский полицмейстер арестовал Тарновского по жалобе владельца соседнего дома, которому мешал дым из печной трубы. В газетной статье Тарновский изложил свое дело, но при публикации были опущены место происшествия и фамилия полицмейстера.

[102] Письмо от 3 декабря 1859 г. См. с. 453 наст. изд.

[103] Н. И. Цимбаев объясняет отъезд тем, что Аксаков якобы «потерял интерес к общественной деятельности» (*Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 67). Это противоречит фактам. За границей Аксаков готовил издание перевода сочинений С. Т. Аксакова и сборника переводов славянофильских статей «Russische Fragmente».

[104] Письмо от 16 мая 1860 г. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 39. Л. 112 об. Цит. по: *Пирожкова.* С. 166.

кн. Черкасскому.[105] Он не хотел подвергать Кошелева ответственности за взгляды, которые тот не разделяет и не одобряет. Со своей стороны, и Кошелев не желал поддерживать своим именем редактора, направлению которого не сочувствовал.

В письме к Н. С. Соханской от 29 ноября 1859 г. Аксаков признавался, что «был парализован тем, что всякое мое слово подвергало ответственности другого человека, что я не вправе был накладывать на издание печать моей личности и вследствие этого почти не мог ничего уже и сам писать, т. е. ничего уже и не писалось».[106] Но ведь это и означает, что издание прекратилось из-за разногласий Аксакова и Кошелева. Помимо всего прочего, трудно говорить об искреннем желании Кошелева принять Аксакова в соредакторы. Он действовал вынужденно. Вспомним, что после возражений Аксакова на публикацию статьи Крылова (о чем уже шла речь выше) Кошелев заявил: это — «еще одно доказательство, что мы в одном журнале идти рука об руку не можем».[107] Поэтому решение прекратить «Русскую беседу» с 1860 г. продиктовано было Кошелеву невозможностью найти нового редактора и в то же время сохранить прежнее направление издания при редакторе Аксакове. Нельзя забывать и о тех неприятностях, которые действительно нажил Аксаков публикациями о деле Якушкина[108] и которые не могли не отразиться на журнале. Несмотря на это, уже из-за границы, Аксаков не оставлял попыток оживить «Беседу» и возобновить издание. Так, он договаривался о финансировании с В. А. Кокоревым, но переговоры ни к чему не привели.[109]

Некоторые исследователи полагают, что «Русская беседа» закончила свое существование «тихо и незаметно», исчерпав все свои возможности.[110] Это мнение не соответствует действительности. Продолжение издания в 1860 г. весьма обеспокоило цензуру. М. П. Щербинин, председатель

---

[105] Письмо от 26 ноября 1859 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 168. Л. 3. Цит. по: *Пирожкова*. С. 165.

[106] *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 603.

[107] Из переписки московских славянофилов: Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову // *ГМ*. 1918. № 7/9. С. 178 (Письмо от 12(24) августа 1857 г.). Ср. более раннее высказывание Кошелева 18 июня 1857 г.: «Я 〈...〉 от души желаю передать Вам „Беседу", но еще сильнее желаю 〈...〉 чтобы „Беседа" сохранила свой дух» (Там же. С. 177).

[108] См. подробнее: *Баландин А. И.* П. И. Якушкин: Из истории русской фольклористики. М., 1969. С. 125–144. О возможных последствиях публикации см.: Там же. С. 153.

[109] Письмо к Н. С. Соханской 8 октября (26 сентября) 1860 г. // *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 174.

[110] См.: *Курилов А.С., Мещеряков В. П.* Литературные позиции «Русской беседы» // Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978. С. 282.

Московского цензурного комитета, писал 2 июля 1860 г. Н. А. Муханову, товарищу министра народного просвещения: «Возрождающаяся, как Феникс из пепла, „Русская беседа“, без сомнения обратит на себя внимание Главного управления (цензуры. — *В. Г.*)».[111] С другой стороны, В. И. Порох и И. В. Порох утверждали, что в ноябре 1859 г. Главный цензурный комитет принял решение прекратить издание, но разрешил в 1860 г. выпустить несколько сборников под этим названием, без предварительной подписки.[112] К сожалению, это мнение не аргументировано, так что подтверждения тому, что журнал был закрыт именно цензурой, мы все-таки не имеем.

Обратим внимание и на заявление Аксакова в «Заключительном слове» о том, что «обстоятельства, *от Редакции не зависящие*, заставили прекратить издание...»[113] В журналистике XIX века это обычно означало цензурное вмешательство и даже запрещение издания.

Впрочем, как ни важно выяснить до конца вопрос о причинах прекращения журнала, не менее важно разобраться в итогах редакторской деятельности Аксакова. Он сам считал, что «положение „Беседы“ в 1859 г. несколько изменилось, и теперь даже враги сожалеют об ее удалении с поприща. Никто не может отказать ей в уважении. Это был единственный серьезный журнал, имевший влияние не непосредственно на публику, но на литературу и журналистику».[114] Аксаков не комментирует в письме это обстоятельство. Однако мы видели, что он как редактор желал именно непосредственного влияния, живого общения с читателями, серьезного, но своевременного разговора об актуальных проблемах. Следовательно, он не сумел выполнить свою редакторскую программу. И все же он дорожил журналом как единственной публичной трибуной славянофилов. Сознавая недостатки издания, препятствия, стоявшие перед ним как перед редактором, он полагал, что «Русская беседа» «была не просто журнал, а целый институт, целое учреждение».[115] Это была и своеобразная лаборатория, в которой формировались и поверялись его издательские и редакторские принципы, и публицистическая трибуна.

---

[111] ОПИ ГИМ. Ф. 440. № 826. Л. 58–58 об.

[112] *Порох И. В., Порох Вл. И.* Герцен и Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 97.

[113] *РБ*. 1859. Кн. VI. Заключительное Слово. С. II.

[114] Письмо к Н. С. Сохановской от 21 ноября 1859 г. // *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 604.

[115] Письмо к Н. С. Сохановской 8 октября (26 сентября) 1860 г. // Там же. Т. 44, март. С. 174.

В «Заключительном слове» Аксаков писал о «дружном и гласном служении нашей народности».[116] Речь шла о том, что журнал старался способствовать пробуждению «народного самосознания во всех областях жизни и духа».[117] Редактор напоминает читателям о наиболее важных идеях журнала, которые сначала были непоняты, встречены враждебно, а теперь, с его точки зрения, стали уже общим местом. Прежде всего, это вопрос о народности в науке. Именно с выступлений Ю. Самарина и К. Аксакова по этому вопросу и начинались первые номера «Беседы». И. Аксаков считает, что этот вопрос уже разрешен журналистикой положительно. Не конкретизируя его, Аксаков пишет, что проблема народности в науке «возвращает нас из духовного плена к независимости мысли», более того, изучение народности «избавляет нас от подобострастного поклонения авторитетам науки западной, дает нам право оценить их 〈...〉 заслуги в качестве самостоятельных и свободных ценителей, делает из нас не подражателей, но народно-самостоятельных деятелей общечеловеческой науки».[118] Аксаков ставит акцент на общечеловеческом содержании науки и на самостоятельном подходе каждого народа к ее выводам.

Заслугой «Русской беседы» он считает также и статьи об общинном вопросе. Причем он поддерживает всю сложившуюся в России систему общинного землевладения, включая и круговую поруку. По его мнению, «со временем и все сознают, что только общинное устройство может дать народу самостоятельность жизни 〈...〉 доставить *всему* крестьянству благо землевладения 〈...〉 и что, кроме круговой поруки, ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней».[119] Он радуется тому, что существование общины уже признано большинством изданий, что некоторые серьезно и положительно отнеслись и к принципу общинного землевладения. Несомненно, он имеет в виду «Современник» (выступления Чернышевского и т. п.). Особенно выделяет «Заключительное слово» требование освобождать крестьян только с землею. Аксаков утверждает, что печатно эта мысль «впервые заявлена была в „Беседе" (№ IV, 1857)».[120]

Наконец, само существование «Русской беседы» имело, по мнению Аксакова, «важное общественное значение» именно «для славян». Журнал

[116] *РБ*. 1859. Кн. VI. С. I.
[117] Там же.
[118] Там же. С. II.
[119] Там же. С. II–III.
[120] Там же. С. V.

возбуждал сочувствие к угнетенным братьям и тем самым славянский вопрос из археологического превращался в нравственный и политический.[121]

Разумеется, заключительное обращение к читателям рассчитано не столько на объективный анализ, сколько на встречное сочувствие, душевное движение читателей прекращающегося журнала. Поэтому нет смысла здесь говорить о преувеличениях и иллюзиях Аксакова, отразившихся в его «Заключительном слове». Тем не менее, надо отметить главную задачу, которая стояла перед журналом и которая так и не была решена до конца. Аксаков, как помним, писал о «служении народности». Это служение для своего успеха требовало создания сочувствующей среды. Но была ли эта среда создана? Хомяков, восхищавшийся «Заключительным словом» Аксакова, весьма трезво судил о внутренних, психологических причинах закрытия журнала: «...нас подрезало равнодушие общества».[122] После четырех лет издания обнаружилось, что «общество русское нисколько нам не сочувствует» и для «Русской беседы» «нет в России читателя».[123]

Первоначальные опасения Аксакова подтвердились: «Русская беседа» не имела читательского успеха. Во всяком случае, успеха, сравнимого с успехами «Русского вестника», «Современника» и т. п. Одна из причин равнодушия общества — неправильная постановка редакционного дела, отсутствие согласованной политики в журнале, выступлений злободневных и оперативных. По существу, Аксаков в «Русской беседе» воспользовался опытом и приемами издания «Московского сборника». Новые условия потребовали иного. Выработка новых методов и подходов к журнальной деятельности происходила, конечно же, в период редактирования «Беседы». Но применить их на практике Аксаков смог только на страницах своих пореформенных изданий — «День» и «Москва».

---

[121] Там же. С. VI.
[122] *Хомяков*. Т. VIII. С. 371.
[123] Там же. С. 368, 363.

А. П. Дмитриев

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ — АВТОР И ЦЕНЗОР «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Негласным постоянным сотрудником «Русской беседы» с самого основания журнала был Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887), служивший в тот период в Московском цензурном комитете. Творческое наследие этого выдающегося деятеля в истории русской литературы и общественной жизни 1840-х — 1880-х гг. только в наши дни мало-помалу приоткрывает свои истинные масштабы в координатах отечественной культуры.[1]

Один из учеников Гилярова,[2] публицист и прозаик И. Ф. Романов-Рцы, не случайно называл его «гением-энциклопедистом».[3] И в самом деле — широта его научных интересов не может не поражать: он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и лингвист, и политэконом, и публицист, автор многочисленных статей по общественно-политическим, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью не уступают подчас творениям писателей первого ряда. М. П. Погодин в свое время (в недатированной записке) восторгался Гиляровым: «Не пять, не десять

---

[1] См., например: *Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. М., 2000. № 6. С. 33—61; *Егоров Б. Ф.* Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // Теоремы культуры. М., 2003. С. 286—296. (Акад. тетради. Вып 9); Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Редкол.: В. А. Викторович и др. Коломна, 2007.

[2] В дальнейшем в нашей статье фамилия Гилярова-Платонова будет указываться сокращенно, без второй части, — как это принято было среди его современников, в литературе второй половины XIX в.

[3] *Рцы* (*Романов И. Ф.*). Памяти Н. П. Гилярова-Платонова // Русское дело. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3.

талантов дал Вам Бог, а двадцать, тридцать и даже более. Вы не знаете себе цены, что и хорошо, только в некотором смысле, а не вообще».[4]

Вместе с тем Гиляров явился и незаурядным деятелем культуры и ее охранителем на разных своих жизненных поприщах: и как один из самых ярких преподавателей Московской духовной академии (1848–1855) и, по выходе из нее, активный участник литературно-общественного процесса второй половины 1850-х — 1880-х гг., и как либеральный цензор в начале царствования Александра II и — затем — управляющий Московской Синодальной типографией (1863–1868), спасший ее рукописные и книжные богатства для потомства, и, наконец, как бессменный в течение двадцати лет редактор ежедневной московской газеты «Современные известия» (1867–1887), веское, исполненное высокого нравственного достоинства слово которой разносилось далеко по просторам пореформенной провинциальной России.

Тем не менее Гиляров все еще остается писателем полузабытым, его труды в течение последнего столетия практически не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения обычно носили случайный характер, и то, как правило, исключительно в связи с изучением славянофильства.

И действительно, важный период в творческом развитии Гилярова, ознаменовавшийся обстоятельными программными работами по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии, был связан с «Русской беседой». На склоне лет, 2 ноября 1886 г., он писал Романову-Рцы: «Когда славянофилы основывали журнал („Русскую беседу“ и еще ранее, когда торговали „Москвитянин“), меня они предлагали поставить во главу...»[5] Кроме того, Гиляров был цензором «Русской беседы» и «Сельского благоустройства», правда, короткое время.

И вместе с тем уже в XIX в. связь его с «Русской беседой» была неведома даже специалистам. Библиограф Н. М. Лисовский, подготовивший статью об этом журнале для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, перечислил имена 23 сотрудников, назвал даже автора одной публикации Д. Л. Мордовцева и умершего за 17 лет до выхода первой книжки журнала А. И. Одоевского, но не упомянул Гилярова.[6]

---

[4] Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской // *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 994–995.

[5] «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 248.

[6] См.: Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. XXVII. С. 300.

Выходец из духовной среды, талантливый бакалавр Московской духовной академии по-новому строил читаемые им курсы, любил импровизировать на кафедре. Как он позже, в 1873 г., признавался А. С. Суворину (в ответ на просьбу последнего написать автобиографию для издававшегося им «Русского календаря»): «Официально назывались науки: герменевтика (замена толкования) Библии и сравнит⟨ельное⟩ богосл⟨овие⟩ (учение о вероисповеданиях). Казенно под именем герм⟨еневтики⟩ разумелось безмыслие, под срав⟨нительным⟩ богословием — догматическая полемика. Минуя казенное, я проходил пред слушателями по герменевтике то историю церковного сознан⟨и⟩я, то место библейских истин среди процесса разнооб⟨разного⟩ знани⟨я⟩ вместе с истори⟨ей⟩ наук, то уходил в историю самого слова, что дало мне случай, на⟨коне⟩ц, заинт⟨ересоваться⟩ ближе лингвистик⟨ой⟩. По сравнительному богословию, отн⟨яв⟩ полемическую сторону, я излагал исто⟨рию⟩ вероучений в ее сов⟨ершенно⟩ диалект⟨ическом⟩ ходе. Мертвос⟨ть⟩ католичества, сухо⟨сть⟩ лютеранства, услов⟨ная⟩ ложь анг⟨ликанства⟩ менее, впрочем, меня занимали, тем бол⟨ее⟩ что предмет был уже довольно обычным. Я особенно занялся изучени⟨ем⟩ раск⟨о⟩ла русск⟨ого⟩, в связи с разв⟨итием⟩ русск⟨ой⟩ мысли вообще».[7]

Именно благодаря этой свежести мысли молодого бакалавра при внутренней глубине и основательности познаний произошло быстрое сближение его со славянофильским кружком. Младший товарищ Гилярова и его биограф кн. Н. В. Шаховской писал: «Из сохранившегося в семье Гилярова предания об этом знакомстве мы узнали, что оно состоялось после того, как либо Константин Аксаков, либо Хомяков, попав на лекцию Гилярова в Московской духовной академии, поразился сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами».[8]

Авторитет Гилярова как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Гиляров позже, в 1886 г., вспоминал: «Аксаков меня ценил, ставил меня очень высоко; во многих случаях я был для него авторитетом. Мало того: покойный

[7] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания: В 2 т. / Изд. подгот. А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб., 2009. Т. 2. С. 209. (Лит. памятники). Именно эти «вольности» в педагогической деятельности Гилярова и послужили основной причиной его конфликта со святителем Филаретом (Дроздовым) и последующего увольнения из Московской духовной академии. См. об этом подробнее: *Дмитриев А. П.* История одного увольнения: митрополит Филарет и Н. П. Гиляров-Платонов в 1855 году // Филаретовский альманах. М., 2008. Вып. 4. С. 158–183.

[8] *Кн. Н. В. Ш.* ⟨*Шаховской Н. В.*⟩. Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков: (По сочинениям и письмам Гилярова) // *РО*. 1895. Т. 36, нояб. С. 14.

Ю. Ф. Самарин склонялся предо мной (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единственным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие».[9] И еще: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения...»[10]

Однако он же и вполне сознавал свою особость, несовпадение своих взглядов по многим вопросам — как религиозно-философским, так и общественно-практическим — с представлениями славянофилов. «Я один, я не человек кружка. Вот мое несчастие», — признавался он Романову-Рцы в письме от 2 ноября 1886 г. И днем позже: «Начну с того опять, что я не славяно*фил*. Подчеркиваю первые три слога двойною чертой. Не славянофил в том смысле, как писал Вам, что *лингвистической* народности не признаю. ⟨...⟩ Говоря „славянская держава", как бы предполагают нечто высшее и во всяком случае более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор ⟨...⟩: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то».[11] Причем это мировое значение и будущее Гиляров связывал с православием, очищенным, правда, от недолжных исторических напластований и влияний.

Для славянофилов он оказался совершенно необходимым деятелем, обеспечивавшим некую реальную связь, с одной стороны, с малознакомым для них миром духовного сословия, теснейшим образом соприкасавшегося с внутренней народной жизнью и ею руководившего, и с другой — с областью научно-богословского знания. Об этом хорошо сказал при отпевании Гилярова архимандрит Сергий (Соколов): «Первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра Православной Церкви и богословской науки и, заимствуя от нее *свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир*, сами привнесли в нее приток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению вышел он с свежею и обильною струею мысли цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуя многим от них, сам немало привнес к ним, предохраняя их от *философии по*

[9] Цит. по: *Шаховской Н. В., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов: Крат. публицистич. очерк. Ревель, 1893. С. 79 (письмо к кн. Шаховскому от 2 февраля).

[10] Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 256 (письмо к Романову-Рцы от 3 ноября).

[11] Там же. С. 248, 257.

стихиям мира сего, а не по Христе (Кол. II, 3) (от увлечения Гегелевой философией)».[12]

Выше приводилось признание Гилярова, что первоначально славянофилы собирались его поставить во главе либо «Москвитянина», который предполагалось перекупить у М. П. Погодина, либо «Русской беседы». Хотя и не сохранилось других документов, подтверждающих это позднее свидетельство Гилярова, в нем нет ничего удивительного. Ведь вплоть до конца января 1856 г. со славянофилов не был снят запрет печататься. Поэтому они искали литератора-единомышленника, имя которого не выглядело бы одиозным в глазах властей и который бы мог успешно заниматься текущей редакционной работой.

Кандидатура Т. И. Филиппова, за которого как за помощника (соиздателя) А. И. Кошелева ратовал И. В. Киреевский («Для журнальной деятельности это клад»),[13] мало устраивала других славянофилов. Если для И. Аксакова он был в принципе неприемлем, так как его религиозно-общественные взгляды казались тому слишком косными, если не сказать — ретроградными, то позицию других членов славянофильского кружка может объяснить письмо Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой-Россет от 13 марта 1859 г., которое следует расценивать как исповедание веры в, так сказать, «социальное христианство»:[14] «Не разделяю я того монашеского взгляда, к сожалению довольно у нас распространенного, будто бы смысл для разумения Божественного может существовать одиноко в душе человека, не воздействуя на другие способности. Этот смысл есть первое условие всякого образования, умственного и гражданского, есть ручательство за силу, крепость, глубину и здоровье духа. В науке, на службе, на войне, в домашнем быту, в торговле, промыслах — во всем он должен заявить себя, и мы уж видели задатки этих будущих проявлений. Вспомните Гоголя, который изнемог, когда почуял громадность задачи, выросшей перед ним, задачи обновления художества в живой струе христианства. Все же он один ее почуял, тогда как ни Гете, ни Байрон — никто ее не подозревал».[15]

---

[12] Цит. по: Отпевание Н. П. Гилярова-Платонова // Церковный вестник. 1887. Ч. неоф. № 43. 24 окт. С. 738.

[13] Письма И. В. Киреевского к А. И. Кошелеву / Сообщ. М. В. Беэр // *РА*. 1909. Кн. II, вып. 5. С. 106.

[14] Это письмо обращалось в кругу славянофилов — его список, найденный в бумагах князя Черкасского, впервые опубликован: *Трубецкая*. С. 313—316.

[15] Из писем Ю. Ф. Самарина // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 515.

И вот убеждения изгнанного из Духовной академии свободомыслящего преподавателя вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам его новых друзей. Д. Ф. Самарин во время беседы с кн. Шаховским, состоявшейся 28 сентября 1893 г., вспоминал: «Славянофил⟨ов⟩ поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства даже в выражен⟨иях⟩ ⟨...⟩ После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей».[16]

Однако плану сделать Гилярова ответственным редактором затевавшегося журнала не суждено было реализоваться — главным образом из-за возложенных на него цензорских полномочий. Впрочем, нельзя отрицать и того, что славянофилов мог не устраивать тяжелый нрав Гилярова: он обладал сложным характером, нередко испытывал приступы меланхолии или малопонятной для окружающих раздражительности. Об этом упоминала В. С. Аксакова в дневниковой записи от 19 апреля 1855 г.: «Гиляров — как и всегда, с унылым, недовольным, расстроенным лицом ⟨...⟩ это его почти постоянное состояние духа; и это очень жаль, это ему много вредит в сношениях с людьми, а человек замечательно умный, ученый и даровитый».[17]

Тем не менее, в продолжение последующих шести лет Гилярову удалось с успехом совмещать и выполнение служебных обязанностей (и тем снискать себе славу либерального цензора-просветителя), и напряженную научно-литературную деятельность, прежде всего связанную с журналом друзей-славянофилов.

В известном исследовании биографа Кошелева, Н. П. Колюпанова (в главе, посвященной «Русской беседе»), Гилярову отведено немного места, причем все упоминания о нем отличаются необоснованной предвзятостью.[18] Едва ли прав Колюпанов и когда не включает Гилярова в число близких к редакции лиц. Сам же он приводит текст недатированной записки К. Аксакова к Кошелеву (скорее всего 1856 г.): «Очень жалею, что Вам нельзя быть у Хомякова. Надо бы нам втроем потолковать. У нас всегда гости, от которых я могу уехать, но уйти неловко. Лучше нам

---

[16] *Шаховской Н. В., кн.* Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова, 1893 // ОР РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 56.

[17] *Аксакова В. С.* Дневник 1854–1855 гг. М., 2004. С. 135–136.

[18] Например, ошибочно усиление цензурного гнета в июне 1858 г. приписывается якобы неблаговидной роли Гилярова (причем с упреком чуть ли не в предательстве: «...несмотря на то, что Гиляров был негласным постоянным сотрудником „Русской беседы“...»), в то время как он стал цензором журнала только в декабре того года (см.: *Колюпанов*. Т. II. С. 265).

съехаться у Хомякова; позовите Чижова и Гилярова».[19] Как видим, первоначально в этот околоредакционный «круг избранных» не вошел даже ни один из будущих редакторов журнала, но вошел Гиляров.

В духовно-академической среде считали Гилярова одним из главных сотрудников «Русской беседы». Еще до выхода в свет первой книги бывший ученик Гилярова по Московской духовной академии М. В. Шавров, в 1852—1864 гг. преподававший словесность в С.-Петербургской духовной семинарии, 27 апреля 1856 г. писал ему: «А „Русской беседы" все еще нет в Петербурге! А между тем с каким нетерпением она здесь ожидается! Только нужно прибавить, что это нетерпенье не во всех одинаково: в одних оно возбуждается искренним участием, в других — простым любопытством, а в третьих — напряженностию. — Эти третьи уже начинают бросать камушки в „Русскую беседу". В понедельник на Пасхе был литературный вечер у Авдотьи Глинки, на котором собрались все живущие карамзинскими преданиями, все петербургские блюстители и русского образования, и русского слова. — Много было читано и стихов, и прозы. Но большее внимание обращено было собравшеюся публикою на чтение Н⟨иколая⟩ И⟨ванови⟩ча Греча. Он прочел что-то вроде ораторской речи — под заглавием: „Ура здравому смыслу", — где трунил над теми, которые, дурно понимая истинное образование и истинную народность, стараются воскресить старину и, чтоб подать другим благой пример, отращивают себе бороды и облекаются в замысловатое платье, будто бы народное. Ни собственных, ни даже нарицательных имен тут не было употреблено: но все хорошо поняли, о ком идет речь».[20]

11 мая Гилярову писал профессор А. В. Горский, познакомившийся с первой книжкой: «Первый № Вашего издания произвел здесь самое благоприятное впечатление. Самостоятельность суждения, — серьезность нравственных убеждений, русский ум и сердце, — сочувствие к родному славянству — все это прекрасные залоги благих успехов в будущем, успехов, может быть, не быстрых, не громких, но глубоких, сильно действующих на литературу и жизнь. Господь да поможет!»[21]

Статьи, опубликованные в «Русской беседе», Гиляров впоследствии считал чуть ли не наиболее ценным из всего написанного им. Позже изза интенсивной хозяйственно-административной и поденной газетной ра-

---

[19] Цит. по: *Колюпанов*. Т. II. С. 239.

[20] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 33. Л. 2.

[21] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1856-й год // *РО*. 1897. Т. 46, июль. С. 171.

боты у него никогда не хватало времени на столь основательные аналитические труды.

Первая публикация Гилярова в журнале — отвергнутая М. Н. Катковым большая статья-рецензия «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова».[22] Тут представлено развернутое исповедание эстетических взглядов, обзор всей отечественной словесности под углом зрения ее национального своеобразия и утверждения религиозно-нравственных идеалов, а также детальный анализ самой книги Аксакова. Не будем здесь сколько-нибудь подробно останавливаться на этой работе, сошлемся на ее глубокое истолкование Б. Ф. Егоровым.[23]

Аполлон Григорьев будет недалек от истины, когда в 1858 г. съязвит, что Гиляров разбирал «Семейную хронику», «повергая к ее подножию всю русскую литературу».[24] И действительно, рецензия больше походила на боевой программный манифест целого идейного направления.[25] Поэтому, к примеру, в ее теоретической части, рассуждая о первичности прекрасного и духовного, лишь обнаруживающихся во внешнем, Гиляров, несомненно, оспаривает постулаты известной диссертации Чернышевского. (Кстати, тот, видимо, это почувствовал, поскольку, откликнувшись на рецензию Гилярова в сентябрьской книжке «Современника» за 1856 г., уколол его ссылкой на партийную зашоренность: отметив утверждение Гилярова, что с «Семейной хроники» начинается новая эпоха для русской литературы, Чернышевский писал: «Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, *духом партии*».[26])

---

[22] С. Т. Аксаков писал сыну Ивану 1 марта 1856 г.: «Статья Гилярова о моей книге не принята в „Русский вестник“, ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения... Итак, Катков выведен на свежую воду...» (*Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 448).

[23] См. выходные данные его работы «Н. П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик» в примеч. 1 к наст. статье. Следует упомянуть также о небезынтересных суждениях по поводу гиляровской рецензии, высказанных в очерке А. С. Курилова и В. П. Мещерякова «Литературные позиции „Русской беседы“» (Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850-е годы. М., 1978. С. 240–243).

[24] *Григорьев Ап. А.* Литературная критика. М., 1967. С. 182.

[25] Не случайно А. Ф. Гильфердинг, отправляя в Прагу Вацлаву Ганке (см. о нем наст. изд., с. 426) экземпляр первой книжки «Русской беседы», особо отмечал в сопроводительном письме от 10 июня 1856 г.: «...порадует Вас комедия Аксакова и займет также разбор „Семейной хроники“, написанный Никитою Петровичем Гиляровым: в нем Вы найдете превосходную оценку общего хода и характера новой словесности нашей...» (Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 213). Упомянута комедия К. Аксакова «Князь Луповицкий».

[26] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 699.

Почти та же претензия была высказана по отношению к гиляровской рецензии со стороны надзирающих за печатью чиновников. Во всяком случае, автор такого материала (а известно, что славянофилы в глазах правительства числились в политически подозрительных и неблагонадежных) не мог не попасть на заметку к возглавлявшему в тот период цензурное ведомство министру народного просвещения А. С. Норову. В отчете о первой книге «Русской беседы», составленном чиновником особых поручений Н. В. Родзянко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с «резким, неосторожным убеждением, хоть, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно».[27]

Замечательны и две другие литературно-критические работы Гилярова, помещенные в «Русской беседе». В том же 1856 г. (в книге III) была опубликована его рецензия на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения» (М., 1855). Эта книга, по словам Гилярова, «не только духовная, но и в тесном смысле почти богословская»,[28] вызвала в свое время большой интерес в самых разных писательских кругах: известны сочувственные отклики на нее Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Ап. Григорьева, С. Соловьева, Тургенева, Дружинина.

Гиляров рассуждает о главном, на его взгляд, достоинстве религиозно-нравственной литературы: она создает образы «людей с тою несуществующею для нас цельностью жизни, — для которых служение истине есть все бытие»[29] и убеждает в том, что эта высокая духовная жизнь реальна и возможна в условиях нашего бытия, в наших обстоятельствах.[30]

Работа над рецензией затянулась без малого на год. Гиляров, взявшийся за нее, столкнулся с теми же трудностями, что и Ап. Григорьев, пообещавший отзыв на книгу инока Парфения (Аггеева) «Библиотеке для чтения». «Вопрос о великой книге смиренного монаха, — писал Григорьев редактору этого журнала Дружинину 19 сентября 1856 г., — есть вопрос: 1) о сущности Православно-Христианского содержания; 2) о постоянном пребывании Старых Элементов в жизни народа, о силе,

---

[27] Дело Главного управления цензуры. 1856. № 130; цит. по: РНБ. Ф. 847. № 830. Л. 2.

[28] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1899. Т. I. С. 144.

[29] Там же. С. 150.

[30] Об этой гиляровской рецензии также см.: *Гладкова Е. В.* Духовная проза 1830—1870-х годов // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 149—152, 156, 163, 166.

величии, красоте этих элементов. ⟨...⟩ Как — вдруг откуда-то, из уединенного скита спадает книга ⟨...⟩ освежившая многих, книга, которой ничего подобного нигде не встретить, — и, писавши о ней, не дрогнет ли несколько раз рука, не остановится ли мысль, боясь и не стать с ней вровень, и дойти до ложного напряжения...» И продолжал, ссылаясь на критика «Русской беседы»: «Надобно сказать, что и у нас в „Беседе" статья об О. Парфении Гилярова появится только в будущем году. Кажется, и Гиляров робеет, как я же».[31] В июле 1857 г. Гиляров чуть было не сорвал своевременный выход в свет журнала, о чем Кошелев сетовал в письме к И. Аксакову от 2 июля: «2-я книга „Беседы" выйдет к 20 июля и будет отличной. Выход этой книги задерживает Гиляров, который до сих пор (т. е. до 26 июня) не доставил окончания своей статьи об отц⟨е⟩ Парфении».[32]

В рецензии на повесть Н. С. Кохановской «Из провинциальной галереи портретов», оубликованной в книге III за 1859 г., Гиляров приветствовал писательницу как «зарю ожидаемого нами возрождения литературы»[33] и полемизировал с «обличительной» литературой того времени: «Главнейшая задача художника не казнить действительность во имя идеи и тем раздражать чувства, а успокоивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности».[34] Эта статья вызвала ответ Кохановской, которую обидели некоторые критические замечания Гилярова;[35] однако впоследствии она (в письме к И. Аксакову от 8 декабря 1859 г.) сожалела о своей публикации: «Единственное мое литературное счастие может заключаться: или в очень короткой памяти нашей публики, или в том спасительном средстве, что она не прочтет моего „Ответа", — и дай-то Бог!»[36] Любопытно, что гиляровская оценка творчества Кохановской была подхвачена журналом «Время» (1861. № 9—10), издававшимся братьями Достоев-

[31] Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии / Под ред. Вл. Княжнина. Пг., 1917. С. 159.

[32] Из переписки московских славянофилов: (Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову) / ⟨Предисл. и публ. А. А. Кизеветтера⟩ // *ГМ*. 1918. № 7/9. С. 171.

[33] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. I. С. 448.

[34] Там же. С. 452. Этому эстетическому принципу сам он неукоснительно будет следовать и в своей публицистике, и в мемуарной книге «Из пережитого».

[35] *Кохановская ⟨Н. С.⟩*. Ответ г-ну Г—ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» // *РБ*. 1859. Кн. VI. Отд. III. С. 124—152. Ив. Аксаков после некоторых колебаний поместил эту апологию, но в предуведомлении к публикации (с. 123—124) принял сторону Гилярова.

[36] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской): (Сообщ. О. Г. Аксакова) // *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 614.

скими, — в неподписанной статье «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» (предполагаемый автор — Ап. Григорьев[37]). И. Аксаков отмечал в письме к Кохановской от 20 октября 1861 г.: «Всего забавнее то, что автор, повторяя о Вас, чуть ли не слово в слово, все сказанное в „Русской беседе“, в то же время совершенно умалчивает о „Русской беседе“».[38]

После выхода в свет четырех первых номеров журнала, 18 января 1857 г., Гиляров писал профессору Московской духовной академии В. Д. Кудрявцеву-Платонову: «У нас есть слух, что Академия „Беседою“ недовольна. ⟨...⟩ Говорят, Филарет Александрович[39] на своих лекциях изъявил торжественное несогласие с Киреевским...» И дальше делился своими тревогами по поводу репутации журнала в обществе с точки зрения его религиозно-практической ориентации: «„Беседа“ объявила, что она за веру, и даже промолвилась, к сожалению, что она за православие. Это объявление, и потом, наконец, надо сознаться, все-таки явная нравственная серьезность возбудила сочувствие к „Беседе“ со стороны духовных. Сочувствие это ясно обнаружилось: письма, изустные известия, собственные признания являются с разных концов Руси. Но какое сочувствие! Письма, разговоры, признания обнаружили, что „Беседу“ считают за продолжение „Маяка“ или, по крайней мере, желают и надеются этого продолжения. ⟨...⟩ Харьковский Филарет весьма благоволит к „Беседе“, проповедует ее всем своим знакомым и в то же время, в том же разговоре с теми же знакомыми с жаром и энергиею высказывает и защищает самые обскурантические идеи против свободы печатания и мысли, против всякого в ком бы то ни было неблаговоления к деспотическим формам...»[40]

Эти тревоги по поводу засилья ретроградного направления в духовной литературе, искажавшего в сознании общества правильное представление о приложении христианского вероучения к текущим событиям, вылились позже в опубликованную в «Русской беседе» язвительную рецензию Гилярова на брошюры И. Кульжинского «О преобразованиях и улучшениях в духе святого Православия» и Н. Баркова «Горе от безу-

---

[37] *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1864–1865. М., 1972. С. 258.

[38] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 572.

[39] Сергиевский, в тот период бакалавр Московской духовной академии по классу логики, психологии и истории философии.

[40] ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 10. Л. 2 об.–4.

мия», объединенные общим названием «Современные идеи православны ли?»[41]

За весь 1857 год Гиляров выступил в «Русской беседе» только однажды, поместив в книге IV философско-публицистическую статью «Новые объяснения по старому спору». Ею возобновлялась полемика о народности в науке, начатая в 1856 г. М. Н. Катковым, который в своих «Московских ведомостях» язвительно откликнулся на публикацию программы «Русской беседы». Он тогда удивлялся, что славянофильское издание будет стремиться содействовать «развитию русского воззрения на науку и искусство», так как «науки и искусства допускают лишь одно воззрение — просвещенное, следовательно, общечеловеческое».[42]

В разгоревшемся споре выступили со стороны славянофилов — А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, В. Н. Лешков, Н. И. Крылов, со стороны западников — Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и др. Гиляров в своей статье, поводом для которой была заметка публициста С. Яхонтова «Исследование вопроса о народности в науке и государственной жизни»,[43] подметил и остроумно обыграл натяжки и подмену аргументов, допускавшиеся западниками. По его убеждению, «участие народности в науке вполне законно и составляет даже необходимое условие ее живой деятельности».[44] Возвращение «Русской беседы» к прошлогодней теме объясняется, вероятно, не только признанным мастерством Гилярова-полемиста, но и нисколько не изменившейся за прошедшие полтора года позицией издателя на этот счет, в свое время остроумно заметившего: «... наука есть тварь живая, а не приготовленная в спирте или уксусе, которая может перевозиться и показываться везде, где угодно».[45]

Наибольший резонанс в литературе получили две статьи Гилярова из «Русской беседы», посвященные методологии исторического исследования, в которых он покусился на непререкаемый авторитет преосвященного Макария (Булгакова), автора многотомной «Истории Русской Церкви». Здесь Гиляров резко критикует периодизацию истории Церкви

---

[41] *Н. Г—в* ⟨*Гиляров-Платонов Н. П.*⟩. Современные идеи православны ли? С.-Петербург, 1858 г., ст. 1-я и 2-я // *РБ*. 1859. Кн. I. Отд. III. С. 47–56.

[42] ⟨*Катков М. Н.*⟩. Литературные и другие новости // *МВед*. 1856. 3 марта. № 27. Лит. отд. С. 106.

[43] Северная пчела. 1857. 31 окт. № 259. С. 1132–1134.

[44] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. I. С. 199.

[45] *Кошелев А. И.* ⟨Письмо к К. С. Аксакову от 13 июня 1856 г.⟩ // Из переписки московских славянофилов. С. 168.

в рецензируемом труде, — основанную на несущественном, на его взгляд, признаке — номинальной зависимости от Константинопольского патриархата и освобождении от этой зависимости.

У этих публикаций оказалась трудная цензурная судьба, так как сотоварищ Гилярова по Московскому цензурному комитету, отвечавший за «Русскую беседу», — Н. Ф. фон Крузе, — не решался одобрить к печати критические материалы, касающиеся церковной истории и, следовательно, подведомственные Комитету по цензуре духовных книг. Церковные же цензоры — даже бывший сослуживец Гилярова по Московской духовной академии архимандрит Феодор (Бухарев) — усматривали задорный перехлест в гиляровской критике, даже если и соглашались с ней в принципе.[46]

Сначала удалось напечатать статью без упоминания имени Макария — под названием «Несколько слов о механических способах в исследовании истории»[47] и только через полтора года — рецензию на три тома его «Истории Русской Церкви»,[48] написанную раньше первой статьи.

Славянофилы придавали большое значение этим публикациям, видя в них важный шаг к либерализации церковной политики в стране. Еще в рукописи гиляровские статьи были одобрены всеми членами кружка. Волнуясь за их судьбу, кн. В. А. Черкасский писал Кошелеву из Рима 2 февраля (21 января) 1858 г.: «Хомякову необходимо надо было бы напечатать где-нибудь, в „Беседе“ или вне „Беседы“, о церковной свободе. Вы не можете поверить, до какой степени оно настоятельно необходимо. Поверьте мне в этом; я лучше всех вас поставлен, чтобы видеть, чего „Беседе“ недостает и в чем ее укоряют не без внешнего вида основательности. 〈...〉 Что статья Гилярова, критика на Макария? Вот еще случай высказаться ясно. Поверьте, не пропускайте таких случаев. Если пропустите, „Беседа“ станет невозможна через год или два».[49]

Важно, что гиляровский подход к церковно-общественным проблемам удовлетворял не только Кошелева с Хомяковым и Самариным, но и куда

[46] См. об этом: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов об «Истории Русской Церкви» преосв〈ященного〉 Макария // *РО*. 1897. Т. 44, апр. С. 591—619.

[47] *РБ*. 1858. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 66—87. Подпись: *Н. Г—в*.

[48] *Н. Г—в* 〈*Гиляров-Платонов Н. П.*〉. История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12 // Там же. 1859. Кн. III. Отд. III. С. 1—36. Статья датирована 5 января 1858 г. Подписать ее в печать удалось только после того, как пугавшегося религиозных тем Н. Ф. фон Крузе сменил в качестве цензора «Русской беседы» профессор А. Н. Драшусов.

[49] Цит. по: *Трубецкая*. С. 96—97.

более радикально настроенного И. Аксакова. Ведь разлад в редакции «Русской беседы», проявившийся в том, что Кошелев противился передаче журнала Аксакову (она предполагалась еще летом 1857 г.), и был вызван главным образом подчас нигилистически задорным отношением последнего к духовенству. Кошелев возмущался в письме к нему от 10 (22) июня 1857 г. из Карлсбада: «Вы говорите о том, что попы у нас все мертвят и что необходимо стать им во всем наперекор; вместе с тем вы говорите о живом голосе Герцена... ⟨...⟩ Это разногласие между нами крайне важно, и я шибко боюсь, чтоб при издании журнала оно не было поводом к спорам и неудовольствиям. Я горжусь тем, что наша „Беседа" пользуется особенным благорасположением духовенства, радуюсь тому, что мы этим путем можем действовать на него и через него на массу народа».[50] Гиляровские же публикации, где о нестроениях церковно-общественной жизни говорилось столь же откровенно и со знанием дела, но вместе с тем с сердечной скорбью, повторимся, оказались по душе всем членам славянофильского кружка и могли служить преодолению их разногласий по этим вопросам.

«Статьи Гилярова, — писал 21 ноября 1859 г. И. Аксаков, ставший к тому времени неофициальным редактором „Русской беседы", Н. С. Кохановской по поводу этих публикаций, — ⟨...⟩ возбуждают против нас негодование Св. Синода. Это — к счастию. Надо строго различать дело православия от официального его значения. Во всяком случае, дело обстоит так скверно, что в журнальной светской полемике становится почти невозможным опираться на православие, ибо противнику вашему заграждены уста, он возражать вам не может, и сейчас скажет, что вы делаете на него донос. Ведь за безверие могут еще у нас запереть в Соловки, исключить из службы и т. п.».[51]

По большому счету Гиляров был прав: он выступал против попыток подогнать явления русской жизни под готовый шаблон наработанных западной исторической наукой методов и приемов исследования, — не случайно его критика исторического метода Макария так восхитила Хомякова. Однако в пылу полемического задора Гиляров в частностях бывал и несправедлив, отрицая, например, напрочь кропотливую собирательскую работу таких ученых-историков, как Макарий, — во имя идеала «органической науки», требующей от исследователя глубокого внутреннего вживания в события народной жизни.

---

[50] Из переписки московских славянофилов. С. 175–176.

[51] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской). С. 600.

Любопытно, что по соседству с гиляровской статьей о «механических способах в исследовании истории» была опубликована положительная рецензия И. Д. Беляева на 5-й том «Исследований, замечаний и лекций» М. П. Погодина, что породило недоразумение. Анонимный рецензент «С.-Петербургских ведомостей» принял статью Гилярова за скрытый критический разнос погодинских исторических исследований: «Давно мы так от души не смеялись, как читая эти две статьи и сопоставляя их одну с другой. Вот у кого бы поучиться господам юмористам — у „Беседы“: какая тонкость эпиграммы! Какая легкость остроты! Какое добродушие в самой насмешке... Мы рады, что стрелы „Беседы“ направлены тут на ее же собственного единомышленника и даже сотрудника...»[52]

В письме от 23 ноября 1886 г. Гиляров по просьбе Романова-Рцы назвал ему свои статьи, опубликованные в журнале, а в постскриптуме добавил: «При перечислении статей в „Русской беседе“ я забыл упомянуть о самой полновесной: „Очерк рационалистического движения философии“.[53] Это есть фундаментальнейшая из моих статей. (Отрывок из диссертации о Гегеле)».[54] И действительно, эта публикация заставила заговорить о Гилярове как об одном из ведущих специалистов по истории зарубежной и русской мысли.

П. Л. Лавров, приступавший к работе в качестве заведующего редакцией философских наук «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861—1863; доведен до буквы «Е»), 1 декабря 1859 г. именно к Гилярову обратился с просьбой составить биографические статьи о русских философах. При этом он весьма высокую оценку дал публикациям Гилярова в «Русской беседе». Он писал: «Общее мнение в Петербурге приписывает Вам прекрасные статьи, помещенные в „Русской беседе“, о рационализме и критику „Истории Церкви“ Макария. Это побудило меня, хотя и не имею удовольствия быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с просьбою о содействии. Вам, может быть, известно, что здесь собираются издавать Полный энциклопедический лексикон. Редакция философского отдела его поручена мне. Я занимаюсь философиею преимущественно по иностранным сочинениям и потому не довольно хорошо знаком с русскими деятелями по

---

[52] Цит. по: *Барсуков*. Кн. XV. С. 403.

[53] Точнее: Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк // *РБ*. 1859. Кн. III. Отд. II. С. 1—64. Подпись: *Н. Г—в*. Статья датирована 4 мая 1859 г., хотя в примечании указано, что она представляет собой часть полукурсовой философской диссертации 1846 г.

[54] Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 306.

этой части. Не согласитесь ли Вы принять на себя сотрудничество по биографиям русских писателей по философским предметам?»[55] Гиляров, донельзя загруженный цензорской работой, видимо, отказался от этого лестного предложения.

Деятельное участие принял он в тот период в возрождении Общества любителей российской словесности, действительным членом которого был избран 10 ноября 1858 г. и в котором в 1859—1861 гг. исправлял обязанности члена Подготовительного собрания.[56] 6 ноября 1860 г. в заседании Общества, посвященном кончине председательствовавшего в нем А. С. Хомякова, Гиляров произнес свою знаменитую речь «О судьбе убеждений» (опубликованную в последней, второй книге «Русской беседы» за 1860 г.), где не только вскрыл своеобразие философских воззрений Хомякова как «отражение начала любви в области отвлеченного мышления»,[57] но и глубоко обосновал трагизм духовного одиночества людей самостоятельной мысли и «истинного убеждения». К изучению наследия Хомякова, которого Гиляров считал наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям,[58] он вернется в начале 1860-х гг., осуществив (совместно с Ю. Ф. Самариным) перевод с французского его богословских брошюр.[59]

Любопытно, что тогда, в период слишком уже отчетливого идейного размежевания с западниками, Гиляров было пообещал дать и для «Русского вестника» поминальную статью о Хомякове, но, по совету друзей-славянофилов, взял свое слово обратно. М. Н. Лонгинову он писал 2 октября 1860 г.: «...есть такого рода оттенки убеждений, которых трудно избегнуть и в самом кратком некрологе, а потому *мне* написать решительно неприлично в „Р⟨усском⟩ вестнике" о Хомякове».[60]

---

[55] Неопубликованные письма П. Л. Лаврова / Сообщ. Н. А. Бухбиндер // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 2 (39). С. 49.

[56] Общество фактически не действовало четверть века, по крайней мере с 1834 г., и позднее Гиляров стал основным биографом этого, наиболее критического, момента в его жизни, — в своем мемуарном очерке «Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году: (Речь, читанная в публичном заседании Общества 7 декабря 1886 года)» (Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 139—152).

[57] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. М., 1900. Т. II. С. 46.

[58] В письме к Романову-Рцы от 12 ноября 1886 г. Гиляров вспоминал: «Сам Хомяков сказал раз, когда по обыкновению своему спорил я с ним: „А знаете ли, гг., изо всех нас Н⟨икита⟩ П⟨етрович⟩ всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров". Он выразился даже как-то сильнее о тожестве наших взглядов» (Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 271).

[59] Издано во 2-м томе Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867).

[60] ИРЛИ. Архив М. Н. Лонгинова. № 23147. Л. 6.

Существует свидетельство, что сотрудничество Гилярова с «Русской беседой» не ограничивалось написанием упомянутых статей. Заведующая редакцией «Современных известий» и его близкий друг (с 1882 г.) А. М. Гальперсон сообщала кн. Н. В. Шаховскому 3 апреля 1893 г.: «В „Рус⟨ской⟩ беседе" Ник⟨ита⟩ Пет⟨рович⟩ писал „внутренние обозрения"».[61] Проверяя это свидетельство, мы обнаружили только две заметки, которые можно было бы атрибутировать Гилярову: «О Кургессенской церкви» (в книге II за 1856 г.; без подписи) и «Отметка о современной благотворительности» (в книге I за 1860 г.; подпись: *Р. Б.*, т. е. «Русская беседа»). Они не снабжены никакими редакторскими примечаниями, что скорее всего указывает на принадлежность их лицам, близким к узкому кругу основных сотрудников «Русской беседы», и посвящены религиозно-нравственным вопросам. Однако первую из названных заметок, об авторстве которой ничего не мог сообщить ни П. И. Бартенев, ни Н. П. Колюпанов (составившие списки сотрудников журнала и их статей, соответственно, в 1863 и 1892 гг.), включил в Собрание сочинений Ю. Ф. Самарина его брат Дмитрий (правда, без каких-либо объяснений).[62] Заметку же о благотворительности мог написать, например, и А. С. Хомяков, тем более что он, как известно, иногда подписывался литерами «Р. Б.». Так что пока — до обнаружения более точных и веских доказательств авторства Гилярова для этих или иных публикаций — безусловно принадлежащими его перу следует считать только девять вышеназванных статей «Русской беседы».

Упомянем еще об одном факте. В предпоследней книге «Русской беседы» предполагалось опубликовать какую-то не дошедшую до нас гиляровскую статью. Это выясняется из письма Кошелева к И. Аксакову от 15 марта 1860 г.: «Печатаю 1-ю книгу „Беседы" за 1860 год. ⟨...⟩ Главные статьи: речи Хомякова, произнесенные в Общ⟨естве⟩ люб⟨ителей⟩ рос⟨сийской⟩ слов⟨есности⟩; статья Погодина: Суд над Царевичем Алексеем Петр⟨овичем⟩; Даля о Русском словаре (статья отличная); Гиляров о переводах с греч⟨еского⟩ языка; Кон⟨стантин⟩ Сер⟨геевич⟩ Аксаков о 8-м томе Соловьева; и пр.».[63] Однако в журнале появились все перечисленные материалы, за исключением статьи Гилярова. Косвенное объяснение находим в письме Кошелева от 30 марта. Он писал Аксакову, не в силах скрыть огорчения: «„Беседа" должна была выйти к Пасхе, но

[61] РНБ. Ф. 847. № 104. Л. 12.

[62] *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.: Изд. Д. Ф. Самарина, 1887. Т. VI: «Иезуиты» и статьи богословско-философского содержания. С. 536–539.

[63] Из переписки московских славянофилов. С. 181.

Цензура сбесилась и я должен перепечатывать статью Погодина. ⟨...⟩ Нет возможности что-либо печатать...»[64] Не исключено, что гиляровская статья касалась ошибок в переводе богослужебных книг в XVII в. и, соответственно, подтверждала справедливость некоторых претензий старообрядцев к знаменитой правке,[65] а потому и подверглась запрещению.

Известно и об одном нереализованном замысле Гилярова — большом очерке православной социологии, — который он предполагал поместить именно в «Русской беседе». Нечто вроде краткого конспекта задуманной статьи — его полемическая заметка «Личное и общественное»,[66] где сформулированы важнейшие принципы национальной науки об обществе. Гиляров взглянул на политический и экономический радикализм своего времени «с *восточной* точки зрения, с точки зрения христианской любви как основы социальной жизни».[67] Отвергнув модные теории индивидуализма и коммунизма, он показал, что между этими опасными крайностями, как между некими Сциллой и Харибдой, существует третий, имеющий религиозно-этическую подоснову, путь: «Лицо, сохрани свою инициативу, владей всею свободою, какою одарено, употребляй всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев. Представьте, что это соблюдается всеми, — и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастие всех и каждого достигается».[68]

Не удивительно, что эта статья, включенная через посредство И. Аксакова в изданную Фр. Боденштедтом антологию «Russische Fragmente» (Leipzig, 1862. Bd. II), вызвала резкую критику швейцарского правоведа И. К. Блюнчли, создателя концепции так называемого «современного государства», ставшей идеологическим фундаментом для последующего (вплоть до наших дней) политического и экономического развития «де-

---

[64] Там же. С. 183.

[65] Возможно и другое предположение: в гиляровской статье могли анализироваться новооткрытые в тот период А. В. Горским и К. И. Невоструевым «несовершенства наших древних переводов Св. Писания» (*Геннадий (Гоголев), архим.* Великан учености: Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875). М., 2004. С. 90).

[66] *Н. П. Г—в ⟨Гиляров-Платонов Н. П.⟩.* Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж⟨урнал⟩ з⟨емлевладельцев⟩. № 22) // Журнал землевладельцев. 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411–438.

[67] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 526.

[68] *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 28.

мократий» в США и большинстве стран Европы.[69] Так вот, посылая эту статью И. Аксакову для перевода ее на немецкий, Гиляров сообщал ему в сопроводительном письме от 28 января 1860 г.: «Писав статью, я постоянно сдерживался, постоянно старался оставлять за собою многое для более подробного раскрытия того же вопроса в особой статье, которую задумывал для „Русской беседы"».[70]

К тому же нельзя отрицать участие Гилярова в подготовке — по просьбе друзей — некоторых рукописей к печати или хотя бы в их просмотре, чтобы, например, предупредить цензурные придирки. След такой его деятельности — подстрочное примечание, подписанное его инициалами «Н. Г.» к следующему пассажу из мемуарного очерка А. В. Рачинского «Походные письма ополченца из Южной Бессарабии в 1855—1856 году»: «Нестор много рассказывал мне о своем отечестве и объяснил очень естественные причины нелюбви болгар к грекам».[71] Гиляров пояснял: «Здесь под именем греков не следует разуметь свободных греков, с которыми болгаре не имеют никаких враждебных столкновений. Речь идет о потомках разноплеменных подданных Восточной Римской империи, населивших Константинополь и Турцию. Общего у них только был государственный язык — греческий, а сами себя они называли римлянами (Ῥωμαῖος); турки доселе их называют „урум"; и свободные греки Эллады с презрением отзываются как о них, так и о представителях их в Царьграде, фанариотах».[72] (С легкой руки Гилярова подобные уточнения станут обычными для журнала. Например, В. И. Ламанский через полгода делает сходное примечание уже к самому названию своей статьи «Несколько слов об отношениях русских к грекам»: «Считаю долгом заметить, что я нигде не разумею здесь этих жалких фанариотов, которых, из уважения к грекам, надо всегда отделять от них».[73])

И. Аксаков, впрочем, не совсем был удовлетворен стилистической манерой Гилярова, склонного к глубокомысленным обобщениям. В письме к родным от 28 ноября 1856 г. он сетовал: «...именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, все в России

[69] Подробнее см.: *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И. К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104—116.

[70] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 538.

[71] *РБ*. 1858. Кн. II. ⟨Отд. VI:⟩ Прил. С. 29.

[72] Там же. С. 29—30.

[73] Там же. 1858. Кн. IV. Отд. V. С. 103.

в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих. Это требование общества не удовлетворяется 〈...〉 отвлеченными статьями Гилярова...»[74] Язвительно о том же выразился Ф. В. Чижов, записавший в своем дневнике после прочтения гиляровской рецензии на «Семейную хронику и Воспоминания» С. Т. Аксакова, что она «страшно растянута; жует, жует, не знаешь — пережует ли?»[75]

Почему же Гиляров, позднее, при редактировании ежедневных «Современных известий», отличавшийся необыкновенной творческой продуктивностью (подчас единолично составлявший абсолютно все материалы номера), за пять лет существования «Русской беседы» поместил в ней всего 9 своих статей? Объяснение этому следует искать в чрезвычайно интенсивной его деятельности во второй половине 1850-х гг. Он тогда оказался в самой гуще литературно-общественной жизни, брался одновременно за многие литературные труды.[76] Без его живого участия проблематичным было бы осуществление в то время и ряда важных издательских проектов. К примеру, в начале 1857 г. он добивался, чтобы увидел свет не искаженный цензорскими вмешательствами текст «Горя от ума» и других произведений Грибоедова.[77] Летом того же 1857 г. пытался он, к досаде П. А. Кулиша, нетерпеливого издателя «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», текстологически проанализировать разрозненные записки и заметки писателя, сохранившиеся в его посмертных бумагах, чтобы воссоздать «нечто гармоническое, исполненное глубокого смысла» и «обставить замечаниями» эти реконструированные произведения.[78] Тогда же он усиленно занимался исследованием философии Сковороды и Шеллинга[79] и уделял внимание политэкономическим вопросам дня: ин-

---

[74] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 467.

[75] Цит. по: *Пирожкова*. С. 154.

[76] Впрочем, таков был Гиляров всегда. А. М. Гальперсон писала об этом кн. Н. В. Шаховскому 4 февраля 1885 г.: «...у него положительно разбрасывание происходит от внутреннего богатства, и дело это непоправимое. Сколько трудов у него начато, сколько статей, сколько сочинений дельных почти кончено, но он не завершает их, потому что является новый интерес, и он сосредоточивает на нем все свои силы» (РНБ. Ф. 847. № 104. Л. 3 об.–4).

[77] См.: Доклад Гилярова Московскому цензурному комитету о разрешении к печати «Полного собрания сочинений Грибоедова» 〈от 8 февраля 1857 г.〉 // *РО*. 1896. Т. 42, нояб. С. 454–456. Кн. П. А. Вяземский все же позволил тогда опубликовать комедию только в том виде, в каком она представлялась на сцене Императорских театров.

[78] *Шаховской Н., кн.* Памяти П. А. Кулиша // Там же. 1897. Т. 44, март. С. 200.

[79] См. об этом письмо Гилярова к В. Д. Кудрявцеву-Платонову от 18 января 1857 г. // ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 10. Л. 1–2 об., 4 об.

тересна в этом плане его статья «Три партии: Общий взгляд на ход эмансипации в России», вошедшая в сборник «Три партии, мы на перепутье» (Берлин, 1860), и его (правда, незавершенное) исследование «Основные начала экономии» (М., 1889; издано посмертно А. М. Гальперсон).

В этот период Гиляров внес свой вклад и в изучение так называемого «еврейского вопроса»: вернувшись в сентябре 1857 г. из трехмесячной заграничной командировки с целью изучения системы еврейского образования в европейских странах, Гиляров в течение трех лет работал над историко-публицистической книгой, которую решил выпустить в свет под названием: «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н. Г.» (М., 1860). Она, правда, была запрещена цензурой.[80]

Кроме того, Гиляров, по поручению председателя Редакционных комиссий гр. Я. И. Ростовцева, с апреля по октябрь 1859 г. предпринял грандиозный труд — составление систематического свода всех печатных публикаций о крестьянской реформе. Из-за щепетильной добросовестности Гилярова беспримерный труд, извлечения из которого, показанные Ростовцеву, привели того в восторг, так и не был завершен и доведен до печатного станка.[81]

Что касается деятельности Гилярова как цензора «Русской беседы», то она оказалась довольно непродолжительной. В литературе, правда, этот вопрос пока не то чтобы не выяснен, но даже, скорее, затемнен. Кн. Н. В. Шаховской, Н. П. Колюпанов и другие исследователи просто констатируют, что после отставки фон Крузе в декабре 1858 г. к Гилярову перешла «Русская беседа». Так и было, но только самое короткое время. Гиляровым единолично было подписано цензурное разрешение (26 января 1859 г.) лишь для первой книги журнала за 1859 г. (13-й по общему счету), остальные пять книг подписал астроном А. Н. Драшусов, принятый в Московский цензурный комитет на место фон Крузе. Обе последние книги журнала за 1860 г. Гиляров также цензуровал, но совмест-

---

[80] Подробнее см.: *Шаховской Н., кн.* Н. П. Гиляров-Платонов о евреях // *РО*. 1897. Т. 43, янв. С. 148–185. В архиве Гилярова сохранились только фрагменты чернового автографа книги и подготовительные материалы (ИРЛИ. Ф. 71. № 13–17), первые 32 отпечатанные страницы находятся в архиве Главного управления цензуры (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5630).

[81] См. об этом подробнее: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 508–515.

но со своими товарищами по Комитету: первую — с тем же А. Н. Драшусовым (24 апреля 1860 г.), вторую — с А. Г. Петровым (31 декабря 1860 г.).

Показательно, что в книге, цензурованной одним Гиляровым, было помещено немало материалов религиозно-философского содержания: мемуарный очерк С. Т. Аксакова «Встреча с мартинистами», поэма А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин», стихотворения А. С. Хомякова «Суд Божий» и его же исследование «О современных явлениях в области философии», а также близкая к эстетической программе Гилярова статья священника А. М. Иванцова-Платонова «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» и вышеупомянутая рецензия самого Гилярова на брошюры И. Кульжинского и Н. Баркова «Современные идеи православны ли?» (СПб., 1858).

Достоверно известно лишь об одной статье этого номера — «Словенцы. Очерк истории их словесности» В. Ф. Клуна, — подвергшейся правке, да и то незначительной (в частности, в ней были выпущены сообщения о любви словенцев к Габсбургам и заслугах католического монашества в их просвещении).[82] Даже если эти изъятия были сделаны не цензором Гиляровым, а редактором Аксаковым, несомненно, что первый был весьма далек от применения репрессивных мер. Потому и немало тревог (а нередко и административных взысканий) доставило Гилярову цензурование как «Русской беседы», так и других славянофильских изданий: «Сельского благоустройства», «Молвы», «Паруса», «Дня». От их цензуры Гилярова убеждали отказываться его доброжелатели из петербургских правительственных сфер. Он и сам понимал двусмысленность такой ситуации, когда его друзья видят в нем, государственном чиновнике, осуществляющем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. Вполне возможно, что именно гиляровское решение цензуровать «Русскую беседу» (в декабре 1858 г.) прежде всего и подвигло И. Аксакова увеличить число журнальных книжек с четырех до шести в год.

Сходная ситуация вышла и с «Сельским благоустройством»: из 14 вышедших в свет книжек Гиляров единолично цензуровал только три: мартовскую и сентябрьскую за 1858 г. и январскую за 1859 г., а также совместно с фон Крузе декабрьскую за 1858 г. и с Д. И. Наумовым — февральскую за 1859 г. Как и все его друзья-славянофилы, он был горячим сторонником

---

[82] См.: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелева: (Источники для истории правительственной политики 1859—1860-х гг.) // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М., 1974. Вып. 35. С. 23.

скорейшей отмены крепостного права. Трудно переоценить заслуги Гилярова-цензора в период обсуждения в обществе вопроса об освобождении крестьян. Он единственный из цензоров, несмотря на риск увольнения со службы, отважился под свою ответственность разрешать к печати многие статьи по этой животрепещущей в тот период проблеме, не посылая их доверенным чиновникам в разные министерства, как того вполне определенно требовали инструкции.[83] Благодаря этому, в частности, получили возможность помещать актуальные материалы по отмене крепостного права и такие журналы, как «Русский вестник» и «Русская беседа», и, особенно, специально посвященные крестьянскому вопросу консервативные издания «Сельское благоустройство» А. И. Кошелева и «Журнал землевладельцев» А. Д. Желтухина. Впоследствии, в 1859 г., именно Гилярову гр. Я. И. Ростовцев поручил создание фундаментального «Свода печатных мнений по крестьянскому вопросу» для Редакционных комиссий. После отказа Гилярова от «Сельского благоустройства» оно фактически сразу, на февральской книжке 1859 г., и прекратило свое существование.

Причина, по которой «Русская беседа» и прилагавшееся к ней «Сельское благоустройство», переданные в декабре 1858 г. Гилярову, через месяц оказались в ведении другого цензора, выясняется из переписки Гилярова с Кошелевым, которому он написал в начале февраля 1859 г., что откажется от цензурования этих журналов, «пока они в руках Ив⟨ана⟩ Серг⟨еевича⟩».[84] Конфликт возник из-за настойчивого требования И. С. Аксакова подписать «задним числом» январскую книжку «Сельского благоустройства» с «трудной» в цензурном отношении статьей кн. Черкасского, отклоненной цензором Наумовым. Гиляров же в то время находился в отпуске в связи с постигшим его семейным горем (смертью годовалой дочери) и необходимостью составить отчет о своей командировке за границу летом 1857 г. по изучению еврейского вопроса.

Аксаков настаивал, что содействие в срочной публикации важных материалов по крестьянскому вопросу — «гражданский долг» Гилярова. В этом Аксакова поддержал и Кошелев. Гиляров с горечью писал последнему: «Не слишком ли, драгоценнейший Александр Иванович, расширяется Ваше понятие о гражданском долге? Гражданский долг — выпустить известную статью месяцем раньше, а не позже, в первой

---

[83] Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу от 9 марта 1859 г. см.: *Любимов Н. А.* Докладная записка Н. П. Гилярова-Платонова // *РВ*. 1888. Т. 195, март. С. 423–426.

[84] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1859 год // *РО*. 1897. Т. 48, дек. С. 499.

непременно, а не во второй книжке! Гражданский долг — подписывать задними числами, — во время нарочно взятого отпуска, с оскорблением нового товарища...»[85]

Во всяком случае, поссорившись с Аксаковым, Гиляров в том же феврале 1859 г. принял бесповоротное решение, о котором сообщал Кошелеву в том же письме: «...к крайнему моему сокрушению, я не могу цензоровать „Беседу“ и „Благоустройство“. Где нет нравственного доверия, где нет чувства уважения личного, там нечего иметь дело. Нечего иметь дело с человеком, когда он требует единственно *повиновения* к себе, и повиновения в самых возмутительных формах, без всякого уважения не только к личному положению человека, но и к правилам честности, которые тот хочет оставить за собой».[86]

В 1860 г. возник новый конфликт (Гиляров тогда снова принимал участие в цензуре журнала, совместно с другими чиновниками своего ведомства) — из-за попытки К. Аксакова в отсутствие Кошелева поместить в «Русской беседе» вступление к своему исследованию истории Земских соборов. И Гиляров чуть было вовсе не отказался от цензурования журнала.[87]

Столь же ответственно Гиляров подходил к своим цензорским обязанностям всегда. Ф. П. Еленев, впоследствии видный сановник, вспоминал: «Это был человек цельный, не разделившийся на ся, не торговавшийся с своими убеждениями и совестью, видевший впереди только общую пользу, как он понимал ее, а не свои личные выгоды».[88] (Поэтому не удивительно, что в марте 1862 г. его, признанного славянофила, звали заведовать редакцией «Русского вестника» М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.[89] Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления.)

Гиляров все же поплатился за свои славянофильские убеждения, и во многом именно за участие в «Русской беседе». К лету же 1861 г. на него уже было наложено 9 взысканий, он несколько раз оказывался на грани удаления из цензурного ведомства. Заступаясь за него, председатель

---

[85] Там же. С. 501. Уточнено по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. № 6. Л. 2 об.

[86] Там же. Л. 3.

[87] См. об этом подробнее в статье Б. Ф. Егорова в наст. изд., с. 241—242.

[88] *Ф. Е.* ⟨*Еленев Ф. П.*⟩. Черта из жизни Гилярова-Платонова // *РА*. 1887. Кн. III, вып. 12. С. 574. («...Разделившийся на ся...» — евангельская реминисценция (Мф. 12: 25; Мк. 3: 24; Лк. 11: 17); в синодальном переводе: «...царство, разделившееся само в себе...».)

[89] См.: РНБ. Ф. 847. № 654. Л. 1—2.

Московского комитета М. П. Щербинин писал министру народного просвещения гр. Е. В. Путятину, что вполне убедился «в его благонамеренности, в его уме светлом, во взгляде его верном и быстром на предметы и в образовании его далеко не обыкновенном...»[90] Однако через год, в июле 1862 г., новый министр А. В. Головнин, даже не приискивая удобный повод, решил отстранить Гилярова от цензуры на том лишь основании, что «неприлично быть цензором человеку, находящемуся в дружеских отношениях с редакторами и участвующему в литературе».[91] Ему поначалу была предложена должность чиновника особых поручений V класса при министре, но спустя 10 месяцев его уволили за штат...

В целом же переломный для России период 1856–1860 гг. оказался чрезвычайно плодотворным для Гилярова. Именно на страницах «Русской беседы» происходила кристаллизация его научно-философских, исторических и эстетических воззрений, которые стали, в свою очередь, неотъемлемой частью славянофильской идеологии. Именно здесь он почувствовал вкус к редакторско-издательскому делу и приобрел необходимый опыт журналистской работы. Через семь лет, приступив к изданию собственной газеты, он следовал основным принципам, заложенным «Русской беседой»: его «Современные известия» защищали традиционные ценности и противостояли общественной агрессии, нигилизму и эгоизму, наводя мосты между терявшей нравственные ориентиры секулярной культурой и подлинной — по слову Гилярова, «оптинской»[92] — церковностью, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях.

---

[90] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Никита Петрович Гиляров-Платонов // *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. I. С. XV.

[91] Письмо к гр. А. Д. Блудовой от 1 августа 1862 г. // РНБ. Ф. 847. № 378. Л. 10 об.

[92] См.: Письмо Гилярова к А. В. Горскому об обер-прокуроре Св. Синода А. П. Толстом как представителе «оптинского» православия (от 4 октября 1856 г.) / Сообщ. кн. Н. В. Шаховской// *РО*. 1896. Т. 42, дек. С. 997.

Приложение

Публикации Н. П. Гилярова-Платонова в «Русской беседе»

1. Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 // 1856. Кн. I. Отд. III: Критика. С. 1–45. Подпись: *Н. Г—в*. Рецензия датирована автором 27 февраля 1856 г.

2. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святыя горы Афонския инока Парфения. В четырех частях. Москва. 1855 // 1856. Кн. III. Отд. III: Критика. С. 1–45. Подпись: *Н. Г.* Рецензия датирована 15 октября 1856 г.

3. Новые объяснения по старому спору // 1857. Кн. IV (VIII). Отд. IV: Смесь. С. 171–194. Подпись: *Н. Г—в*. Статья датирована 18 ноября 1857 г.

4. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // 1858. Кн. I (IX). Отд. III: Критика. С. 66–87. Подпись: *Н. Г—в*. Статья датирована 9 января 1858 г.

5. Современные идеи православны ли? С.-Петербург. 1858 г., ст. 1-я и 2-я // 1859. Кн. I (XIII). Отд. III: Критика. С. 47–56. Подпись: *Н. Г—в*. Рецензия датирована 28 декабря 1858 г.

6. Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк // 1859. Кн. III (XV). Отд. II: Науки. С. 1–64. Подпись: *Н. Г—в*. Статья датирована автором 4 мая 1859 г., хотя в примечании указано, что она представляет собой часть обширного сочинения, писанного в 1846 г., т. е. полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление».

7. История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. СПб., 1857 г., в 12 // 1859. Кн. III (XV). Отд. III: Критика. С. 1–36. Подпись: *Н. Г—в*. Статья датирована 5 января 1858 г.

8. О новой повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов» («Рус⟨ский⟩ вест⟨ник⟩». 1859 г. Март, книга 1) // 1859. Кн. III (XV). Отд. V: Смесь. С. 65–86. Подпись: *Н. Г—в*. Рецензия датирована 13 мая 1859 г.

9. О судьбе убеждений: По поводу смерти А. С. Хомякова: (Речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.) // 1860. Кн. II (XX). ⟨Отд. VII:⟩ В память об Алексее Степановиче Хомякове. С. 61–88. Подпись: *Н. Г—в*.

А. Г. Кузнецова

С. Т. АКСАКОВ НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

С. Т. Аксаков был одним из постоянных и активных сотрудников нового журнала «Русская беседа», первого периодического издания славянофилов. Писателя радовало, что славянофилы получили возможность иметь свой печатный орган. Однако он не очень симпатизировал редактору «Русской беседы» А. И. Кошелеву. В письме к сыну Ивану писатель называл его «глуповатый Кошелев»[1] и высказывал свое неодобрительное отношение к тому, что он занимает пост редактора.[2] В то же время Аксакова привлекало, что в «Совет редакции» входили такие близкие ему люди, как А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, и что журнал представлял обширное поле деятельности для его сыновей Ивана и Константина. Пожилой писатель принял деятельное участие в журнале, на который возлагал большие надежды. Он не соглашался с сыном Иваном, который, хотя и стал соредактором журнала, был недоволен его программой.[3] Сергей Тимофеевич, напротив, считал, что программа журнала «(несмотря на то, что некоторые места в ней никуда не годятся), так ясно и ярко выражает направление, что сердца всех русских людей должны встрепенуться».[4] «Русская беседа» появилась одновременно с «Русским вестником» М. Н. Каткова, и в первый год издания, 1856-й, Аксаков печатался в обоих журналах. Но очень скоро «Русский вестник» вызвал нарекания славянофилов своим западническим направлением. Они даже называют его «Нерусским вестником».[5] Иван Сергеевич отговаривал отца от участия в издании Каткова и сетовал на то, что Сергей Тимофеевич опубликовал в нем пятый отрывок из «Семейной хрони-

---

[1] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 522.

[2] Там же. С. 604.

[3] См. об этом с. 127—128 наст. изд.

[4] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 619.

[5] Там же. С. 439.

ки» — «Жизнь в Уфе».[6] Окончательный разрыв произошел после того, как Катков отклонил статью Н. П. Гилярова-Платонова с разбором «Семейной хроники» за ее явно выраженный славянофильский характер. В 1857 г. Аксаков сообщал в письме к экономисту В. П. Безобразову, одному из корреспондентов «Русского вестника», что ни в каких журналах, кроме «Русской беседы», не участвует.[7]

Статья Гилярова появилась в первой книге «Русской беседы» 1856 г.[8] Автор анализировал первое издание «Семейной хроники», в которое вошли три отрывка: «Степан Михайлович Багров», «Михайла Максимович Куролесов» и «Женитьба молодого Багрова». Его рецензия была доброжелательно встречена не только в славянофильской среде, но и в противоположном лагере. Чернышевский в «Современнике» отмечал, что «в ней рассеяно много умных мыслей».[9]

При разборе «Семейной хроники», Гиляров особое внимание обращал на то, что Аксаков — один из первых русских писателей, который взглянул на русскую жизнь с положительной, а не с отрицательной стороны. После смерти Аксакова Хомяков в некрологе также напишет о том, что одно из главных достоинств его творчества — добрый взгляд на мир, ибо «жизнь коренится не в отрицании, начале относительном и бесплодном, а в начале положительном — благоволении и любви».[10]

Новый славянофильский журнал ставил своей задачей изучение русской жизни и истории в народном быту, отражение в литературе лучших черт русского характера. Сочинения Аксакова полностью соответствовали поставленным задачам.

Аксаков продолжал работать над историей рода Багровых, во второй книге «Беседы» он публикует новый, четвертый отрывок «Семейной хроники» — «Молодые в Багрове»,[11] впоследствии вошедший во второе издание книги. В том же 1856 г. в четвертой книге начинают печататься его «Литературные и театральные воспоминания», публикация которых будет продолжена и завершена в 1858 г.[12] После выхода в свет «Семей-

[6] *РВ*. 1856. Т. IV, кн. 7–8. С. 421–468.

[7] *Аксаков С. Т.* Воспоминания о Д. П. Мертваго // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 394.

[8] *Н. Г—в* ⟨*Гиляров-Платонов Н. П.*⟩. «Семейная хроника и Воспоминания» С. Аксакова // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. III. С. 1–69.

[9] Заметки о журналах // С. 1856. № 6. С. 256; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. С. 661.

[10] *Хомяков А. С.* Сергей Тимофеевич Аксаков // *РБ*. 1859. Кн. III. С. VII.

[11] Там же. 1856. Кн. II. С. 1–51.

[12] Там же. Кн. IV. С. 1–52; 1858. Кн. I. С. 5–37; Кн. II. С. 52–84; Кн. III. С. 9–43.

ной хроники», ободренный ее успехом у читателей, Аксаков начинает работать над книгой о своем детстве, и в 1857 г. в «Русской беседе» появляются три главы будущего произведения под названием «Детские годы молодого Багрова».[13]

Писатель близко к сердцу принимал проблемы, связанные с изданием, и всегда старался поддержать журнал. Работая над «Литературными и театральными воспоминаниями», он писал сыну Ивану: «Я надеюсь написать листа четыре для 3-его номера „Беседы", для которого, говорят, нет материала».[14]

Аксаков крайне требовательно относился к своим текстам, он постоянно вносил коррективы, добиваясь точности, емкости каждого слова. Так, например, на протяжении создания книги о своем детстве он трижды менял ее название. Первоначально Сергей Тимофеевич предполагал назвать ее «Дедушкины рассказы». Отрывки, опубликованные в «Русской беседе», озаглавлены «Детские годы молодого Багрова», и, наконец, окончательный вариант: «Детские годы Багрова-внука» — название, которое четко определяет главного героя.

Аксаков продолжал работу над текстом и после того, как рукопись была отослана в редакцию. Сохранилось его письмо к П. И. Бартеневу, ставшему с 1857 г. соредактором «Русской беседы», где он обращался к нему с просьбой: «...прислать мне как можно скорее корректуру моей статьи. В ней должна быть сделана весьма важная поправка».[15] Такого же внимательного отношения к тексту Аксаков требовал и от издателей. В связи с публикацией «Детских годов молодого Багрова» у писателя возникло небольшое недоразумение с редакцией журнала, которая проанонсировала его как новый отрывок «Семейной хроники» и «Воспоминаний». Сергея Тимофеевича огорчила такая небрежность, так как она, по его мнению, неправильно ориентировала читателей, которые могут подумать, «что 〈...〉 „Семейная хроника" никогда не кончится».[16] Он настоятельно просит исправить эту неточность и дать верное название будущей публикации.

В отличие от «Семейной хроники» последующие творения Аксакова были встречены критикой крайне недоброжелательно. Особенно это касалось «Литературных и театральных воспоминаний». Еще в процессе работы над этими мемуарами И. Аксаков предупреждал отца, что они

[13] *РБ*. 1857. Кн. IV. С. 1–33.
[14] *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 697.
[15] РГБ. Ф. 46. № 554. Л. 227.
[16] Там же. Л. 230.

вряд ли вызовут живой интерес публики, так как такие личности, как Николев и Писарев, «не важны как деятели».[17] Но Сергей Тимофеевич был не согласен с сыном. Во вступлении к «Литературным и театральным воспоминаниям» он объяснял причины, побудившие его к их написанию: «...все такие сведения и биографические разыскания любопытны, полезны и даже необходимы, как материал для нашей литературы».[18] Кроме того, он считал, что «Писатели второстепенные приготовляют поприще для писателей первоклассных, для великих писателей, которые не могли бы явиться, если б предшествующие им литературные деятели не приготовили им материала для выражения творческих созданий».[19] Эту же мысль он проводит и в письме к И. С. Тургеневу, с присущей ему скромностью относя и себя к писателям второго плана: «Но заслуги наши не маловажны. Без нас невозможно появление гениального писателя».[20]

Опасения И. Аксакова оправдались. Мемуары не встретили одобрения ни у публики, ни у критики. «Детские годы Багрова-внука», книга столь дорогая сердцу писателя, также получила достаточно негативные отзывы. Н. А. Добролюбов в «Современнике» и А. В. Станкевич в «Атенее» выступили с резкими статьями,[21] их поддержали и другие журналы. И. Аксаков с горечью писал Тургеневу: «В последний год жизни моего отца критика была не только несправедлива к нему, но жестка, груба и озлоблена».[22] В значительной степени такая реакция была вызвана политической обстановкой в стране. Общество интересовали произведения острой социальной направленности. Спокойная, размеренная проза Аксакова, описывающая события давно минувших лет, его нравственное осмысление бытия не отвечали духу времени. Писатель это понимал. С грустью он признавался своему постоянному адресату и другу Тургеневу, что «Детские годы Багрова-внука», книга, в которую он вложил всю душу, появилась не во время и «не может быть вполне оценена».[23] «Русская беседа» встала на защиту своего автора. Во второй книге жур-

---

[17] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 449.

[18] *РБ.* 1856. Кн. IV. С. 1.

[19] Там же.

[20] *РО.* 1894. Т. 24, дек. С. 591.

[21] ⟨*Добролюбов Н. А.*⟩. 1) Разные сочинения С. Аксакова. Москва. 1858 // *С.* 1858. № II. Февр. Отд.: Новые книги. С. 237–249; 2) Деревенская жизнь помещика в старые годы (Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники» С. Аксакова. Москва. 1858 г.) // Там же. № III. Март. Отд.: Критика. С. 1–29; *Станкевич А. В.* Детские годы Багрова-внука С. Аксакова // Атеней. 1858. № 2. С. 337–357.

[22] *РО.* 1894. Т. 24, дек. С. 597.

[23] Там же. С. 595.

нала за 1858 г. появилась объемная статья С. П. Шевырева, посвященная разбору «Детских годов Багрова-внука», где он полемизировал с критиками, говорил о несомненных достоинствах сочинения, о его ценности для психологов и педагогов.[24]

В первой книге за 1859 г. появилось последнее опубликованное при жизни Аксакова произведение «Встреча с мартинистами»,[25] состоящее из двух историй: одна о кружке Лабзина и Рубановского, другая об университетском товарище Аксакова Балясникове. Рассказ о Балясникове, честном, смелом, принципиальном русском офицере, истинном патриоте, полностью соответствовал духу журнала и его стремлению отражать лучшие черты русского характера. В этом повествовании, как ни в одном другом своем сочинении, Аксаков выражает искреннее восхищение русским народом. Описывая прощание Балясникова со своей ротой, писатель не может удержаться от восклицания: «Боже мой! Чего нельзя сделать с таким народом, который умеет так любить и быть благодарным!»[26]

Воспоминания Аксакова о кружке мартинистов, в отличие от других его мемуаров, неоднозначны. Первое впечатление после их прочтения таково, что Аксаков относится к этим людям со снисходительной иронией. Он постоянно дает понять, что не разделял их умонастроения. Однако более внимательный анализ текста убеждает, что интересы и увлечения мартинистов были отнюдь не чужды ни ему, ни его семье, в которой с почтением относились к этим людям. Тот факт, что «злой мартинист» Рубановский любил и уважал Марию Николаевну Аксакову, ценил ее общество, позволяет предположить, что он видел в ней достойную собеседницу. Сергей Тимофеевич упоминает о том, что был знаком с книгами мистического содержания, и, хотя и пишет: «Я всегда был до них большой неохотник. Я любил все ясное, прозрачное, легко и свободно понимаемое; труд и сухость отвлеченной мысли были мне скучны и тяжелы...», тут же делает весьма характерное добавление: «...и я по молодости и легкомыслию, все не понимаемое мною называл не имеющим смысла».[27] Таким образом, он дает читателю понять, что не книги бессмысленны, а он слишком молод и легкомысленен для их понимания.

Но знаний Аксакова оказалось вполне достаточно, чтобы мартинисты приняли его в свой круг и беседовали с ним на равных. Даже шутка, которой он впоследствии так стыдился, когда он выдал собственный опус за

[24] *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. III. С. 63–92.
[25] Там же. 1859. Кн. I. С. 31–76.
[26] Там же. С. 68.
[27] Там же. С. 40.

сочинения умершего мартиниста и никто ничего не заподозрил, свидетельствует о том, что его познания в этой области были достаточно глубоки. Хотя сам Аксаков уверяет читателя, что написал вздор, но указывает, что люди, читавшие его сочинение, были умные, образованные и почтенные. Так что, очевидно, не такой уж это был и вздор. И даже то, что спустя полвека писатель вспомнил и рассказал о мартинистах, говорит о том, что он считал их значительным явлением в русском обществе. А. Г. Горнфельд высказал предположение, что стремление Аксакова отстраниться от мартинистов было связано с тем, что масонство в те годы было «отвержено и гонимо».[28]

30 апреля 1859 г. Аксаков умирает. Книга III «Русской беседы» открылась некрологом, в котором редакция с глубоким прискорбием извещала читателей о кончине «столь любимого и уважаемого всеми писателя и человека». Далее следовала статья Хомякова, посвященная анализу творчества Аксакова. Хомяков, хорошо знавший и любивший Сергея Тимофеевича многие годы, понял отличительную особенность его таланта — чувство благоволения и любви к миру, людям, природе, наложившую особую печать на все его сочинения.

В этой же книге опубликован посвященный Аксакову рассказ Марко Вовчок «Маша».[29] Интересно отметить, что писательница отдает дань памяти автора «Семейной хроники» произведением, идейно противоположным его творчеству. В книгах Аксакова крепостные не тяготятся своим положением. Они воспринимают его как данность. В их отношениях с помещиком, как правило, существует относительная гармония, если он не деспот и не изверг (как Куролесов). Героиня Вовчок, свободолюбивая бунтарка Маша, прямой антипод персонажам Аксакова. Ей невыносим сам факт ее рабского состояния.

В последние годы жизни Аксаков в основном работал над воспоминаниями детства и юности. Но он не оставлял желания вернуться к рассказам о природе и надеялся опубликовать в «Русской беседе» статью о пчелах.[30] К сожалению, писатель не успел осуществить это намерение. Но незадолго до смерти Сергей Тимофеевич по просьбе бывших студентов Казанского университета принял участие в издании «ученолитературного сборника» «в пользу недостаточных студентов», которому предложил дать название «Братчина». Он написал для него очерк об

---

[28] *Горнфельд А. Г.* О русских писателях. СПб., 1912. Т. 1. С. 42.

[29] *РБ*. 1859. Кн. III. С. 43–57.

[30] *Шенрок В.* С. Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 11. С. 278.

одном из увлечений своей студенческой жизни «Собирание бабочек». Сборник вышел уже после кончины писателя.

В четвертой книге 1859 г. редакция «Русской беседы» объявила о закрытии журнала. В 1860 г. вышли последние две книги. В первой был напечатан восторженный отзыв на очерк Аксакова «Собирание бабочек».[31]

Во второй книге И. Аксаков, ставший еще в 1858 г. редактором журнала, публикует отрывок из неоконченной повести отца «Наташа».[32] Прототипом героини стала сестра писателя Надежда Тимофеевна Аксакова, в замужестве Карташевская. В 1857 г. повесть частично была опубликована в газете «Молва» под названием «Отрывок из очерков помещичьего быта 1800-х годов».[33] Иван Сергеевич настоятельно советовал отцу продолжить работу над повестью, уверяя его, что история Наташи вызовет интерес и сочувствие читателей. Но писатель не решался завершить свой труд, опасаясь задеть чувства еще живущих родственников. Он с огорчением писал Ивану: «Правды говорить нельзя, а всякая ложь расхолодит мое воображение, и все дело мне опротивеет».[34] В марте 1859 г. К. Аксаков прочитал еще один отрывок из повести на заседании Общества любителей российской словесности. Именно этот отрывок был опубликован в «Русской беседе». В музее-заповеднике «Абрамцево» хранится письмо Хомякова, где он от имени членов Общества выражает С. Т. Аксакову «живейшую признательность за доставление в Общество отрывка из неопубликованной ⟨...⟩ повести „Наташа“», «прочитанной к вящему удовольствию любителей изящного».[35]

1860 год — трагический для «Русской беседы». Вслед за С. Т. Аксаковым уходят из жизни ведущие сотрудники журнала Хомяков и К. Аксаков, и его издание прекращается.

Повестью «Наташа» заканчивалась история трех поколений семьи Аксаковых, послужившая писателю основой для его семейных хроник, рассказанных на страницах «Русской беседы».

---

[31] *РБ*. 1860. Кн. I. С. 63–64.

[32] Там же. Кн. II. С. 1–20.

[33] Молва. 1857. №. 1. С. 3–4; № 3. С. 30–32.

[34] *Аксаков С. Т.* Собр. соч. Т. 2. С. 504.

[35] Музей-заповедник «Абрамцево». Рук. 10. Л. 1.

Л. П. Лаптева

УЧАСТИЕ РУССКИХ УЧЕНЫХ-СЛАВИСТОВ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ БЕСЕДА»

Несмотря на сравнительно недолгое существование журнала «Русская беседа», это издание сыграло существенную роль в ознакомлении русской читающей публики с историей, географией, бытом, словесностью — вообще с духовной деятельностью и жизнью славянских народов. Сведения об этом И. С. Аксаков получал как из первых рук, то есть из сообщений славянских ученых, симпатизировавших направлению «Русской беседы», так и от русских корреспондентов, посещавших славянские страны либо работавших там продолжительное время. Но кроме этих источников И. Аксаков широко пользовался возможностью расширить знания читателей журнала публикацией ученых трудов о важных периодах истории русского и других славянских народов. Авторами монографий и исторических очерков были ученые-слависты славянофильских убеждений или им сочувствующие. В то время большинство из них только начинали свою научную карьеру, но впоследствии эти исследователи стали крупными славистами европейского масштаба.

С публикаций в журнале «Русская беседа» началась литературная деятельность крупнейшего русского слависта В. И. Ламанского (1833—1914). Этот ученый одновременно был исследователем славянских языков и литератур, этнографом, историком и публицистом. Он написал много исторических и публицистических работ по славянскому вопросу, выступал с политическими речами, был инициатором создания Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета (впоследствии «общества»). В. Ламанский окончил в 1854 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего работал чиновником губернского правления, затем служил в Императорской публичной библиотеке. Состоя на службе в Государственном архиве МИД, он ознакомился со многими документами, ставшими ис-

точниками для его научных исследований.[1] Одну из первых своих статей — «Несколько слов об отношении русских к грекам» — Ламанский напечатал в «Русской беседе» в 1858 г.[2] В магистерской диссертации на тему «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» он развил славянофильскую концепцию относительно распространения славянского племени в мире. Речь, произнесенная Ламанским при защите диссертации, была опубликована в «Русской беседе».[3] В 1862 г. Ламанский отправился в научную командировку по славянским землям и, по возвращении в Россию, был избран доцентом кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, где проработал до конца своей педагогической деятельности.

Важные сведения о славянах читатели «Русской беседы» получали также из работ другого крупного русского ученого-слависта А. Ф. Гильфердинга (1831—1872). Еще студентом Московского университета Гильфердинг примкнул к кружку славянофилов. Он регулярно посещал дом Аксаковых в Москве, бывал и в Абрамцеве, особенно сблизившись с К. С. Аксаковым, с которым его связывала общность взглядов на развитие истории и культуры человечества и прежде всего славянства.[4]

Окончив Московский университет, Гильфердинг начал свою ученую деятельность, избрав для исследования малоизвестную тогда вообще, и в России в частности, историю славян. На этом поприще он добился больших успехов, став родоначальником ее изучения и создателем славянофильской концепции истории зарубежного славянства.[5] Основные его исторические труды исследуют прошлое балтийских славян, южных славян и чехов. В «Русской беседе» он в 1856 г. напечатал статью «Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром»[6] — важный памятник по истории Восточной Европы X в.

Совершив поездку в 1855 г. по стране лужицких сербов, ученый в 1856 г. опубликовал в «Русской беседе» работу «Народное возрожде-

---

[1] Подробно о жизни и творчестве В. И. Ламанского см.: *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 354—378.

[2] *РБ.* 1858. Кн. IV. Отд. V. С. 103—140.

[3] Там же. 1860. Кн. I. Отд. IV. С. 135—148.

[4] Подробнее об этом см.: *Лаптева Л. П.* А. Ф. Гильфердинг и К. С. Аксаков // Аксаковские чтения: Материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. М., 1989. Вып. 2. С. 35—38.

[5] Жизнь и творчество А. Ф. Гильфердинга освещены в кн.: *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. С. 256—299. Там же указана литература о нем.

[6] *РБ.* 1856. Кн. I. Отд. II. С. 1—34.

ние сербов-лужичан в Саксонии».[7] Материалом для статьи Гильфердингу послужили впечатления о пребывании в Лужице, где он познакомился с серболужицкими деятелями, главным образом с вождем серболужицкого возрождения Я. А. Смолером. Изложение Гильфердинг начинает с указания на численность лужицких сербов (160 000 человек), далее говорится о границах их расселения, о религиозной принадлежности, площади занимаемой ими территории, дается краткая характеристика серболужицких языков. Начало серболужицкого возрождения Гильфердинг относит к середине 20-х гг. XIX в. Далее упоминаются практически все серболужицкие деятели национального возрождения и культуры, начиная с А. Зейлера. Предназначая статью для «Русской беседы», Гильфердинг писал в марте 1856 г. чешскому деятелю В. Ганке: «Не зная, что Вы готовите статью о серболужицкой литературе, я уже послал в „Беседу" статью о том же предмете, написанную на основании сведений, которые я собрал в Будишине 〈...〉. Моя статья о лужичанах написана так подробно, что заключает в себя, я думаю, все сведения об их литературном развитии, какие могут быть занимательны для русской публики».[8] При оценке деятельности серболужицких патриотов Гильфердинг был недостаточно объективен. Отбор и интерпретация фактов иногда тенденциозны. В то же время эта статья была единственной в русской литературе, достоверно освещающей проблему. Если иметь в виду, что в России о лужицких сербах что-то слышали не более двух десятков человек специалистов-славистов, то публикация сведений об их жизни в «Русской беседе» способствовала распространению знаний о самом маленьком славянском народе.[9] Гильфердинг был первым русским ученым, освещавшим современную национальную жизнь лужицких сербов. Его работа стала в России отправным пунктом для последующих сочинений о лужицких сербах, независимо от того, принимали или отвергали их авторы интерпретацию фактов, принятую Гильфердингом.

Ценнейший вклад в славяноведение составляет изучение Гильфердингом южных славян. Здесь он по праву является первопроходцем. В 1854—1855 гг. Гильфердинг напечатал в «Московских ведомостях» работу

---

[7] *Гильфердинг А.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии: (Письмо А. И. Кошелеву) // Там же. Отд. V. С. 1—35.

[8] Письмо А. Гильфердинга В. Ганке 7 марта 1856 г. // Письма к В. Ганке из славянских земель / Издал В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 211.

[9] Подробнее об отношениях Гильфердинга и лужицких сербов см.: *Лаптева Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до Первой мировой войны. М., 2000. С. 132—151.

«Письма по истории сербов и болгар»,[10] в которой подробно изложил древнюю историю этих народов: заселение южными славянами Балканского полуострова, создание государства, принятие христианства, отношения с Византией и другие вопросы. Источниками служили Гильфердингу византийские хроники и другие сочинения, славянские летописи и жития, известные к тому времени дипломатические документы и официальная переписка. Автор одинаково успешно использовал латинские хроники и памятники южнославянской письменности. Сочинение было новым ценным вкладом в изучение рассматриваемой в нем темы и представляло собой исключительное явление в литературе того периода. Гильфердинг разрабатывал древнюю историю сербов и болгар в течение ряда лет. Он накапливал материал, изменял форму изложения, дополнял его новыми данными. Так, в письме И. Кукулевичу-Сакцинскому, известному хорватскому историку, он писал в начале 1858 г.: «Я окончил в Сараеве вторую эпоху истории сербов и болгар (967—1019) и буду печатать тотчас по возвращении в Россию».[11] В 1859 г. эта часть исследования ученого появилась в «Русской беседе».[12]

Научное значение «Истории сербов и болгар» оценил крупный уже в то время славист, профессор Петербургского университета И. И. Срезневский. Он писал, что в этом труде читатель найдет «самостоятельные исследования о судьбах сербов и болгар в древнейшее время по источникам, частично даже данные, оставшиеся неизвестными или незамеченными. Как приложение к ним издано — при втором выпуске — обозрение славянских поселений в греческих областях — Эпире, Элладе, Пире, чрезвычайно богатое данными. Другого такого сочинения, как эти Письма, для древней истории сербов и болгар пока еще нет; одни (как главы в „Древностях“ Шафарика) гораздо короче и менее осмыслены, другие (как книга Энгеля) отстали от современного состояния науки, третьи (как история Сербии Медаковича) вовсе ненаучны».[13]

В 1858 г. Гильфердинг издал в журнале «Русская беседа» «Летопись Герцеговины 1831—1857 гг.» в собственном переводе на русский язык.[14]

---

[10] Имеется также отдельное издание (М., 1855. 242 с.).

[11] Письмо А. Гильфердинга И. Кукулевичу-Сакцинскому от 16 (28) января 1858 г. из Сараева // Живая старина. 1894. Вып. II. С. 189.

[12] *Гильфердинг А. Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Период второй: 976—1019 // *РБ*. 1859. Кн. III. Отд. II. С. 105—160; Кн. IV. Отд. II. С. 113—186.

[13] Протоколы Отделения русского языка и словесности за октябрь-декабрь 1869 г. // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 16. С. 188.

[14] *Прокопий (Чокорила), иером.* Летопись Герцеговины. 1831—1857 гг. / Пер. А. Ф. Гильфердинга // *РБ*. 1858. Кн. II. Отд. V. С. 93—121.

Все труды Гильфердинга освещают историю славян со славянских позиций. Заимствовав философскую основу подхода к истории у русских славянофилов, ученый применил ее к истории зарубежных славян. Поскольку основоположники славянофильства зарубежными славянами не занимались, Гильфердинг выработал самостоятельную славянофильскую концепцию истории южных и западных славян. Согласно его теории все славяне имеют объединяющие их самобытные черты, в то же время отделяющие их от прочих народов Европы. Главную черту общности славян Гильфердинг видел в православии. Мнение об «искажении» исходных славянских начал в ходе истории Гильфердинг распространяет не только на Россию, но и на другие славянские земли, считая, например, что под влиянием католичества из славянской семьи «исторгнуты» поляки, «изменившие своим самобытным началам». Эта концепция славянской истории прослеживается во всех работах Гильфердинга.

Сходство концепций классиков славянофильства и Гильфердинга определяется единым философским источником — немецкой идеалистической философией и романтическими течениями, получившими большое распространение в Европе. Учение Гегеля об априорно присущей каждому народу «идее развития» К. Аксаков применял к объяснению русской истории, Гильфердинг — к истории славян. Всю европейскую историю славянофилы делили на противоположные «миры» или «стихии», между которыми они видели коренные различия, чем и объясняли постоянную их вражду друг к другу. Важнейший тезис славянофильской идеологии — о том, что каждому народу присуща определенная линия развития и что отступление от нее приводит к катастрофическим последствиям — воплотился в сочинениях Гильфердинга по истории балтийских славян. Другой славянофильский тезис — о православной религии как единственно приемлемой для всех славян — нашел наиболее подробное выражение в богемистических работах Гильфердинга, которые автор печатал также в изданиях И. Аксакова.[15]

Еще одним ученым славянофильского направления, работы которого нашли свое пристанище в журнале «Русская беседа», был Мемнон Петрович Петровский (1833—1912). Он окончил Казанский университет, где учился у профессора В. И. Григоровича, затем в течение 26 лет преподавал на кафедре славянской филологии в этом же университете, часто выезжая в славянские земли для изучения древнеславянских письменных памятников, литературы и языков славянских народов. Свободное владе-

[15] Например, «Очерк истории Чехии» был напечатан в газете «День» за 1862 г.

ние славянскими языками и хорошее знание нескольких западных языков способствовали его занятиям переводами славянской поэзии, чему он посвятил значительную часть своего творчества.[16] В 1861 г. он издал свой первый сборник стихотворных переводов под названием «Отголоски славянской поэзии». В сборнике «Поэзия славян» болгарские и словенские народные песни, стихотворения сербских поэтов, словенских и некоторых чешских в переводе М. П. Петровского были перепечатаны в 1871 г. Положительную рецензию на это издание опубликовал журнал «Беседа».[17]

Наряду с переводом славянской поэзии и исследованиями славянских литератур Петровский писал и публицистические работы. В 1859 г. в «Русской беседе» он опубликовал статью «Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии».[18] В ней автор рассматривает периодические издания — журналы, газеты, альманахи, — в «которых звучит струя славянской взаимности». О науке славян Петровский был невысокого мнения. Он сетовал на то, что «почти все живое и деятельное ударилось в политику», а «сознание славянами их настоящих сил должно состояться в науке, сделавшейся синонимом самосознания, единственно верном пути к сближению и умственной взаимности с братьями, разделенными историей».[19] Поэтому Петровский выделяет те органы печати, которые «увлекаются» изучением старины, археологией, древним бытом, а не современным положением народных масс. В статье также говорится, что славяне онемечиваются и что их литература примитивна. Интересен фактический материал, приведенный Петровским, о наличии гимназий в каждой славянской части Австрийской империи, о количестве учителей и учеников в этих учебных заведениях. Так, из 262 гимназий преподавание в 86 ведется на немецком языке, в 73 — на итальянском, в 41 — на мадьярском, в 10 — на чешском, в 6 — на польском, в 4 — на хорватском, в 2 — на сербском, в остальных — на смешанных языках. Впрочем, эти цифры, по мнению Петровского, лишь иллюстрируют высказанную им мысль об онемечении славян.

---

[16] Подробные сведения о М. П. Петровском см.: *Лаптева Л. П.* Казанский славист Мемнон Петрович Петровский (1833–1912) // Славянский альманах. М., 2003. С. 152–177. См. также в наст. изд. публикацию его переписки с И. С. Аксаковым.

[17] Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводе русских писателей. Изд. под. ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871 // Беседа. 1871. Кн. XII, дек. Отд. II. С. 28–30.

[18] *П—ий М.* ⟨*Петровский М. П.*⟩. Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии // *РБ*. 1859. Кн. III. Отд. IV. С. 67–100.

[19] Там же. С. 100.

Ученый писал статьи и в другие издания И. Аксакова. Так, находясь в командировке за границей, он в 1862 г. опубликовал серию статей под названием «Письма о Чехии» в газете «День».[20] В период своего пребывания в Пеште и Прессбурге Петровский основательно изучил положение словаков и состояние их литературы и в той же газете напечатал ряд статей под общим названием «Мадьяризм и словаки».[21]

Мировоззрение Петровского было славянофильским, но имело некоторые отличительные черты. Он исповедовал различие мира германо-романского и славянского, отразившееся в культурном складе и в исторической судьбе того и другого, отдавал должное заслугам Хомякова, братьев Киреевских, Аксаковых и Самарина, но не разделял их исключительно вероисповедной точки зрения и тех излишеств, в которые впадали иные из них, определяя верховенство России над всеми славянами. По словам одного из биографов Петровского, «он был славянофилом в том смысле, что любил славян, но далеко не всецело разделял доктрины московских славянофилов 1830—1840-х гг.»[22]

Сотрудничество ученых-славистов с журналом «Русская беседа» не ограничивалось публикацией статей и документов о славянской истории. Многие слависты, находясь в славянских землях, посылали И. Аксакову сообщения о славянских делах. Так, П. А. Кулаковский (1848—1913), впоследствии профессор Варшавского университета, занимавшийся изучением сербской культуры и литературы, находился в тесном контакте с Аксаковым. В течение четырех лет Кулаковский занимал должность ординарного профессора Великой школы в Белграде, где преподавал русский язык и литературу. В письмах к Аксакову Кулаковский сообщал много ценного материала о сербской политике, который служил источником сведений для публицистических работ славянофила.[23] После кончины Аксакова Кулаковский почтил его память некрологом.[24]

---

[20] -й (*Петровский М. П.*). Письма о Чехии // День. 1862. № 22, 23, 24, 26, 27.

[21] ...ский (*Петровский М.П.*). Мадьяризм и словаки // Там же. № 48, 49.

[22] *Корчаков Д.* М. П. Петровский // *ИВ*. 1912. № 7. С. 268—269.

[23] О деятельности П. А. Кулаковского и его письмах И. Аксакову см.: *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. С. 725—745.

[24] *Кулаковский П. А.* Памяти И. С. Аксакова // Русский Дипломатический вестник. Варшава, 1886.

М. Ю. Досталь

ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ТЕОРИИ В СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Журнал «Русская беседа», выходивший в переломные для России годы, был прекрасным полигоном для испытания славянофилами своего теоретического оружия.

Как известно, мировоззрение и идеология ранних славянофилов сложились в результате переработки и самостоятельного осмысления многих идей, как идущих из немецкой классической философии, французской романтической историографии и вообще западноевропейской и отчасти западнославянской научной литературы, так и идей, возникших на национальной русской почве, начиная от святоотеческих учений, Никео-Цареградского символа веры, некоторых положений официального церковно-славянского «славянофильства», либерально-патриотических и прославянских настроений части декабристов, до переоценки элементов «уваровской триады» — православия, самодержавия и народности.[1]

Уже в 40-е годы XIX в. главные теоретики ранних славянофилов А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др., каждый по-своему, сформулировали основные постулаты славянофильской доктрины: учение об особом предназначении России и ее коренных отличиях от Запада, о православии как истинной религии всех славян, о коренной противоположности греко-славянского и романо-германского миров, об

---

[1] Подробнее см.: *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия. М., 1981; *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1985; *Ivantyšynová T.* Češi a Slováci v ideologii ruskych slavianofilov. Bratislava, 1987; *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; *Радугин А. А.* Философия: Курс лекций. М., 1995; *Досталь М. Ю.* 1) Основные проблемы истории славян в журнале «Русская беседа» (1856—1860) // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 24—63; 2) Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 85—95.

общине как самобытной форме общественной организации русского и других славянских народов, о взаимоотношениях «Земли» и «Государства», о «соборности» и пр.

В эти же годы славянофилами и близкими им по духу учеными были выдвинуты практически все вопросы, определяющие их концепцию истории славян, которой они придавали наряду с историей России чрезвычайно важное значение в формировании философских основ своего учения.[2] Но только в «Русской беседе» они смогли отточить и разработать все нюансы славянофильской теории.

Какое же отражение нашли основные положения теории славянофилов в конкретной трактовке славистических сюжетов? Напомним, что эти сюжеты занимали ведущее положение в журнале. Недаром в его программе устами Хомякова заявлялось, что «рядом с интересами Отечества „Русская беседа" посвятит особое внимание всему тому, что будет иметь отношение к жизни славянских народов...»[3]

Тема «Православие и народность» разрабатывалась в статьях А. Ф. Гильфердинга об исторических судьбах южных славян.[4] Он утверждал идею о том, что только православие, унаследовавшее все высшие общечеловеческие принципы христианства, является исконной и истинной религией славянских народов, наилучшим образом соответствующей чертам их национального характера. Гильфердинг, в частности, писал: «У православных идея веры совоплотилась с идеей народности, так что имя серба и имя православного сделались синонимами, и вера поддерживается в народе не столько организациею церкви, сколько собственным его сознанием и чувством».[5]

В то же время в «Русской беседе» впервые был поставлен вопрос о противоречиях между балканскими христианами, особенно болгарами

---

[2] См.: *Дудзинская Е. А.* Славянофилы и зарубежные славяне // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 261–281; *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения. М., 1978; *Ровнякова Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX в.): Очерки. М., 1986. С. 31–65; *Чуркина И. В.* Русские и словенцы (научные связи конца XVIII в. — 1914). М., 1986; *Ivantyšynová T.* Češí a Slováci v ideologii ruskych slavianofilov; *Досталь М. Ю.* Основные проблемы истории славян в журнале «Русская беседа».

[3] *РБ*. 1856. Кн. I. С. V.

[4] *Гильфердинг А. Ф.* 1) Чем поддерживается православная вера у южных славян? // *РБ*. 1860. Кн. II. Отд. IV. С. 1–28; 2) Босния в начале 1858 года // Там же. 1858. Кн. III. Прил. С. 1–58; 3) Письма об истории сербов и болгар // Там же. 1859. Кн. III. Отд. II. С. 105–160; Кн. IV. Отд. II. С. 113–186.

[5] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 43.

и греками-фанариотами, представлявшими Константинопольский патриархат. Последний в корыстных целях назначал церковных иерархов преимущественно из греков, которые вели церковные службы на греческом языке, непонятном местному населению, что в условиях турецкого ига подрывало позиции Православной Церкви на Балканах. Ни для кого не было тайной «невежество и мздоимство греческих священников, их интриги и доносы властям ⟨...⟩ враждебное отношение ⟨...⟩ к любому болгарскому начинанию в области просвещения и культуры».[6] Об этом впервые писали на страницах «Русской беседы» участник Крымской войны А. В. Рачинский[7] и деятель болгарского национального возрождения Х. Даскалов.[8] Однако пропаганда идей автономной Болгарской Церкви встретила противодействие официальной Русской Церкви и дипломатии, стремящихся сохранить дружественные отношения с Константинопольской патриархией. Издателям «Русской беседы» пришлось объясняться с духовной цензурой и доказывать свою «благонамеренность».[9]

В журнале была опубликована значительная часть труда Е. П. Новикова «Гус и Лютер»,[10] утверждавшего положение, что гусизм есть яркое свидетельство сохранения и возвращения к традициям православия в Чехии, точнее «стремление воссоздать христианскую общину апостольской чистоты жизни», а Гус является истинным воплощением славянского национального характера и добродетелей греко-славянского мира. К таким чертам Новиков относил патриотизм, исключительную религиозность и духовность, смирение, аскетизм, славянское хлебосольство и пр. В то же время Лютер, как олицетворение пороков романо-германского мира, по представлению Новикова, имел «глубоко развитое понятие личности»,[11] был неспособен к «умерщвлению плоти» и склонен к «материальным интересам». Вообще автор видел в нем «резко отмеченный тип завистливого немца, презирающего все иноземное, ненасытного в своих притязаниях на всемирное господство своего народа».[12]

---

[6] Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 214.

[7] *А. Р.* ⟨*Рачинский А. В.*⟩ Несколько слов о просвещении болгарского народа // *РБ*. 1857. Кн. IV. Отд. V. С. 161–170.

[8] *Даскалов* Х. Возрождение болгар, или Реакция в Европейской Турции // Там же. 1858. Кн. II. Отд. V. С. 1–64.

[9] *Хомяков А. С.* О греко-славянской распре: Записка по поводу статьи г. Даскалова в «Русской беседе» // *Хомяков*. Т. III. 455–458.

[10] *Новиков Е.* Гус и Лютер // *РБ*. 1857. Кн. IV. Отд. II. С. 1–170; 1858. Кн. I. Отд. II. С. 1–107; 1858. Кн. III. Отд. II. С. 152–304; Кн. IV. Отд. II. С. 1–116.

[11] Там же. 1858. Кн. IV. Отд. II. С. 44.

[12] Там же. С. 15.

В многочисленных статьях по проблемам общинного устройства крестьян в предреформенный период славянофилы вопреки фактам утверждали мысль о том, что община является «исключительной принадлежностью славянского племени», а общинная жизнь неотъемлемой частью социального устройства славян. В период подготовки крестьянской реформы они считали сохранение крестьянской общины единственной гарантией от пауперизации населения, защиты его от «язвы пролетарства». Журнал охотно представлял свои страницы южнославянским авторам М. Миличевичу,[13] К. Петковичу, О. Утешеновичу и др., которые сообщали об устройстве сербской задруги.[14] Об общинном устройстве западных славян писали Н. А. Ригельман,[15] А. И. Кошелев[16] и В. Мацеевский[17], — восточных — Н. Д. Иванишев[18] и И. Д. Беляев.[19]

Проблема отношений «Земли» и «Государства» разрабатывалась в трудах К. С. Аксакова и отчасти И. В. Киреевского. Опираясь на опыт российской истории, они высказали мнение о необходимости сохранения единодержавной монархии, но с тем, однако, чтобы народ не безмолвствовал, а открыто выражал свое мнение, а в критических ситуациях указывал правильный путь своему правительству. С этих позиций в журнале анализировались решения Свято-Андреевской скупщины в Сербии 1858 г. Изучая древнерусскую историю, К. Аксаков вывел «закон» о «негосударственности» и «нереволюционности» славянских народов. Он исходил из того, что древнерусское государство было основано не путем «завоевания», а путем мирного «призвания» иноземной династии. При этом народ, добровольно передав функции внутреннего и внешнего управления «призванному» князю, оставил за собой свободу внутренней общественной организации (общины). Только построенное на указанных

[13] *Миличевич М.* Сербская община // *РБ.* 1859. Кн. VI. Отд. V. С. 49—64.

[14] См.: *Носов С. Н.* К вопросу о формировании общинной теории раннего славянофильства // Вестник Ленинградского ун-та. 1980. № 2. С. 16—20; *Досталь М. Ю.* Основные проблемы истории славян в журнале «Русская беседа». С. 44.

[15] *Р—н Н.* ⟨*Ригельман Н. А.*⟩. Об устройстве земледельческого сословия в Австрии // *РБ.* 1857. Кн. I. Отд. II. С. 105—136.

[16] *Кошелев А. И.* Шесть недель в Австрийских славянских землях // Там же. 1857. Кн. IV. Отд. V. С. 1—18.

[17] *Мацеевский В.* Голос из Польши по случаю спора современных русских писателей о начале и развитии общины, как старославянской вообще, так и русской в особенности // *РБ.* 1859. Кн. VI. Отд. V. С. 65—80.

[18] *Иванишев Н. Д.* О древних сельских общинах в Юго-Западной России // *РБ.* 1857. Кн. III. Отд. II. С. 1—25.

[19] *Беляев И.* Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Чичерина // *РБ.* 1856. Кн. I. Отд. III. С. 101—146.

принципах государство сохраняло свою жизнеспособность и достигало расцвета. В этом, по мнению, славянофилов, главная причина потери независимости большинством славянских народов.[20]

При анализе причин гибели славянских государств славянофилы широко использовали тезис романтической историографии о борьбе различных «стихий». Борьбу славянской, азиатской (протоболгарской) и византийской «стихий» рассматривал Гильфердинг при анализе падения Первого Болгарского царства.[21] Отступление от славянской «стихии» — восточного вероисповедания, по мнению Хомякова, Гильфердинга[22] и В. А. Елагина[23] привело в конечном счете к гибели Второго Болгарского царства (терпимость к богомильской ереси), Великоморавской державы и Польского государства. По представлению И. Киреевского, утверждение в Польше «неславянского» аристократического начала, приверженного к католицизму, способствовало упадку польской государственности и последующим разделам Польши.[24] Таким образом, славянофилы стремились показать на наглядных примерах, к каким плачевным последствиям приводит отступление славян от своего исконного вероисповедания — православия.

Славянофилы мечтали о том, чтобы справедливые, равноправные социальные отношения в духе коллективизма и народовластия, якобы сохранившиеся в идеализированных ими общинах, были перенесены и в область государственной жизни славян. Понимая, что в самодержавной России такие порядки установить невозможно, они, хотя и боролись за Соборы, Думу и земство, но возложили особые надежды на политический переворот в Сербии, сбросившей турецкое иго (т. е. получившей автономное управление). Они идеализировали сербский высший представительный орган — народную Скупщину. В «Русской беседе» было помещено «Письмо из Белграда» М. Миличевича, сообщавшее о проведении Свято-Андреевской скупщины (1858) — важном событии в политической жизни страны, уничтожившем олигархический режим уставобранителей и вновь приведшем к власти династию Обреновичей,

[20] *Досталь М. Ю.* Основные проблемы истории славян в журнале «Русская беседа». С. 47.

[21] *Гильфердинг А. Ф.* Письма об истории сербов и болгар // *РБ*. 1859. Кн. III. Отд. II. С. 116.

[22] *Гильфердинг А. Ф.* Венгрия и славяне // *РБ*. 1860. Кн. II. Отд. III. С. 13.

[23] *Елагин В.* Место венгров среди народов Европы // *РБ*. 1858. Кн. I. Отд. II. С. 156.

[24] *Киреевский И. В.* Обозрение современного состояния словесности // Москвитянин. 1845. № 2. С. 60. См. также о позиции А. Мицкевича, изложенной в статье: *** ⟨*Гильфердинг А. Ф.*⟩. Западные славяне // *РБ*. 1858. Кн. IV. Отд. IV. С. 12–13.

которая в союзе с либералами выступила за установление конституционной монархии и буржуазных свобод. В комментарии к «Письму» Миличевича, который, впрочем, сам считал действия Скупщины незаконными, славянофилы изложили свое понимание идеала государственной власти: «Скупщина есть выражение мнения и воли сербского народа ⟨...⟩. Народ сербский, недовольный ходом дел или правлением, принятым правительством, которое сам же поставил, собрался на сходку ⟨...⟩ повернул руль, указал путь своему правительству ⟨...⟩. Это явление чисто славянское. Только в славянской земле могут так мирно совершаться перевороты, которые во всякой иной стране сопровождались бы кровопролитием и общими потрясениями. Только в славянских племенах, проникнутых общинным началом, встречаем мы такое спокойствие и могущественное сознание своей власти и правды, соединенное с добродетельною покорностью этой же самой власти, перенесенное волею народа на правительство».[25] Таким образом, идеализируя действия Свято-Андреевской скупщины, которая, хотя не во всем последовательно, но открыла путь буржуазным реформам в Сербии, славянофилы нарисовали свой идеал государственного устройства (своего рода представительную монархию), приемлемый для всех славянских народов.

Итак, не было практически ни одного положения «учения» славянофилов, которое в журнале «Русская беседа» не подкреплялось бы конкретным материалом по истории славян от древности до современности. Здесь обосновывались теории «Земли» и «Государства», православия как исконной религии славян, негосударственности и нереволюционности славянских народов, противоположности греко-славянского и романо-германского миров и пр. Понятно, что все события древней и новой истории славян представлялись учеными и публицистами «Русской беседы» сквозь призму романтической славянофильской идеологии. Поэтому, с точки зрения науки, вклад славянофилов в славяноведение по сравнению с последующей критической позитивистской историографией не особенно велик. Однако нельзя отрицать введения ими в научный оборот множества интересных исторических фактов, этнографических материалов, открытия для науки ранее неизвестных или игнорируемых предшествующей историографией тем, а также ряд «озарений», смысл которых постигается только сегодня или еще откроется в будущем.

---

[25] *Миличевич М.* Письмо из Белграда // *РБ*. 1959. Кн. II. Отд. V. С. 145–146.

А. М. Пентковский

РАЗГОВОРЫ В ПОДМОСКОВНЫХ: АБРАМЦЕВО И САВИНСКОЕ

В последней трети XVIII — первой половине XIX в. жизнь русского дворянства неразрывно связалась с «деревней», под которой следует понимать не патриархальное «крестьянское селение»,[1] а дворянское имение или поместье, т. е. усадьбу с господским домом и земельное владение (в состав которого входили земли различных категорий, в том числе пашни, сенокосы, леса, выгоны) с закрепленными на нем крестьянами (крепостными душами). Именно в таком значении слово «деревня» систематически использовалось в «Рассказах бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой (1768—1861), где упоминаются различные «деревни», принадлежавшие как самой рассказчице, так и ее родственникам: «веневская», «владимирская», «казанская», «калужская», «костромская», «орловская», «пензенская», «петербургская», «подмосковная», «смоленская», «тверская», «тамбовская» и «тульская».[2] При этом находившееся в Дмитровском уезде любимое имение Яньковых — Горки — называлось в «рассказах бабушки» и «деревня», и «подмосковная деревня», и «имение», и «подмосковное имение»,[3] что свидетельствует о совпадающем лексическом значении (в данных контекстах) указанных слов и устойчивых словосочетаний, образованных с их использованием. Кроме того, при упоминании о Горках Е. П. Янькова использовала и слово «подмосковная»,[4] которое представляло собой субстантивированное прилагательное, образованное из устойчивого словосочетания «подмосков-

[1] Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. 2-е изд. СПб., 1867. Т. I. Стб. 663; Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. I. Стб. 691.

[2] Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подгот. Т. И. Орнатская. Л., 1989. С. 120, 190; 284; 122; 105; 237; 122; 333; 110; 74, 82, 109; 284; 96; 74, 98, 122, 190; 333.

[3] Там же. С. 74, 175; 109, 284; 54; 176.

[4] Там же. С. 53, 74.

ная деревня» при так называемой эллиптической субстантивации в результате опущения существительного «деревня».

События и разговоры, происходившие в середине XIX в. в некоторых российских «деревнях», в том числе и в «подмосковных», оставили заметный след в истории русской общественной жизни и были отражены в литературных произведениях. Например, во второй половине января 1851 г. был опубликован фельетон В. А. Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься»,[5] действие которого происходило «между Москвою и Петербургом, в деревне, поблизости от железной дороги», где встретились два литератора — «петербургский журналист» Ухарев, называвший себя «русским литератором», и «московский литератор» Вечеслав Владимирович Олегович, называвший себя «русским человеком» и одетый в красную рубашку и полукафтан, с мурмолкой на голове. В главных героях этой «шутки», быстро получившей известность, узнали себя Иван Панаев и Константин Аксаков.[6] В письме родителям от 1 февраля 1851 г. И. С. Аксаков советовал им прочитать этот «преглупейший, но пресмешной фарс», однако С. Т. Аксаков в ответном письме назвал пьесу «пасквилем», а сочувствовавшие К. С. Аксакову «московские дамы» выразили неудовольствие автору, прочитавшему в доме Свербеевых свое сочинение.[7] Сам же «Олегович» намеревался вызвать сочинителя на дуэль, но его смог отговорить А. С. Хомяков, объяснивший, «что шутка — свойство народное и что русский человек за шутку сердиться не должен».[8]

Тогда К. Аксаков начал сочинять комедию «Князь Луповицкий, или приезд в деревню», в которой описывался приезд помещика, проживавшего в Париже, в свое имение для передачи крепостным «нравственных сокровищ, добытых от Запада Европы» и проведения преобразований. С большим успехом автор читал новое сочинение в день

---

[5] *Соллогуб В. А.* Сотрудники, или Чужим добром не наживешься: Пословица в двух отделениях // Санкт-Петербургские ведомости. 1851. 18 янв. № 13. С. 49–51; 19 янв. № 14. С. 53–55; 20 янв. № 15. С. 57–59; 21 янв. № 16. С. 6–63. Отд. изд.: *Соллогуб В. А.* Сотрудники, или Чужим добром не наживешься: Пословица в двух отделениях. СПб., 1851. Подробнее об этом тексте см.: *Мостовская Н. Н.* Об одной пародии на славянофилов // Славянофильство и современность: Сб. ст. СПб., 1994. С. 229–242.

[6] *Соллогуб В. А.* Автобиографическое письмо // Соллогуб В. А. Воспоминания / Ред., предисл. и примеч. С. П. Шестерикова. М.; Л., 1931. С. 649.

[7] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 197–198, 552–553, 558.

[8] *Соллогуб В. А.* Автобиографическое письмо. С. 649–650.

своего рождения 29 марта 1851 г. перед гостями;[9] комедия быстро распространилась среди его друзей и единомышленников, однако напечатана была только в 1856 г.[10] как приложение к первой книге «Русской беседы».

Литературная модель, использованная В. А. Соллогубом, — пребывание в «деревне» как способ представления противоположных «направлений» — не противоречила действительности, о чем свидетельствует беседа, состоявшаяся 25 января 1855 г. в «подмосковной деревне» Аксаковых между К. Аксаковым, Хомяковым и И. С. Тургеневым, взгляды которого на русскую действительность были противоположны взглядам его собеседников.[11] Краткие сведения об этой беседе содержатся в дневниковых записях В. С. Аксаковой: «В гостиной шли разговоры о России и русском человеке между Константином, Хомяковым и Тургеневым. Разумеется, с Константином никто вполне не соглашается в его мнении о русском человеке, т.е. крестьянине; вследствие того выходило, что Тургенев с Хомяковым как будто были одного мнения. Константин это и заметил Хомякову, но Хомяков поспешил, даже вопреки учтивости, отречься от того, говоря, что он не одного мнения с Тургеневым и что если б они разговорились далее, то разошлись бы совершенно во взглядах и т. п. Тургенев понял это и сказал: „Константин Сергеевич, в самом деле, хитер; он знал, что его слова помогут ему", или что-то в этом роде. Говорят, Тургенев говорил очень умно. Разошлись, я думаю, около часу».[12] Не вызывает сомнений, что в своих рассуждениях К. Аксаков

---

[9] Об этом, на следующий день, 30 марта, С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «После обеда Констант⟨ин⟩ прочел мущинам свою Комедию в двух действиях, или, правильнее сказать: очерк, проект Комедии, который, однако, произвел сильный восторг и такой хохот, что в кабинете стекла дрожали и гул сверху лился как поток и наполнял гостиную; конечно, отличный портер и херес, заправленные шампанским, много способствовали сильному впечатлению, но поистине очень много хорошего и комического» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. № 13. Л. 141–141 об.).

[10] *Аксаков К. С.* Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в двух действиях с прологом. М., 1856.

[11] Более того, еще в 1847 г. Тургенев опубликовал в журнале «Современник» рассказ «Однодворец Овсянников» (№ 5. Отд. I. С. 148–165), вошедший в состав «Записок охотника», где упоминался молодой барин Василий Николаевич Любозвонов, носивший красную рубаху, «кучерской» кафтан, «сапожки с оторочкой», убеждавший своих крестьян, что он «русский» как и они, а также приказывавший им петь «русскую, народственную песню» (*Тургенев И.* С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М. 1979. Т. 3. С. 66–68). В нем легко узнавался К. Аксаков.

[12] *Аксакова В. С.* Дневник 1854–1855 гг. М., 2004. С. 54.

и Хомяков неоднократно использовали понятие «народность», без которого «разговоры о России и русском человеке» едва ли были возможны.

Абрамцевская беседа 1855 г. оставалась в памяти ее участников и именно о ней мог вспоминать Хомяков при составлении «Разговора в подмосковной», в котором рассматривалось ключевое для славянофилов понятие «народность» и различные аспекты его проявления, а также анализировалось взаимоотношение «народного» и «общечеловеческого». Формальным поводом для «Разговора в подмосковной» стала краткая полемика на страницах «Московских ведомостей», где 3 марта 1856 г. была опубликована программа «Русской беседы», в начале которой декларировалось, что «единственная почва для самобытного и полного развития всякого народа есть, конечно, его народность, т. е. та совокупность его умственных, нравственных и жизненных сил, которая составляет его нравственную личность»; соответственно, новый журнал ставил своей целью «посильно содействовать к развитию русского воззрения на науки и искусства, к возбуждению русской изобретательности и к поддержанию русских нравов и обычаев».[13] В «Литературном отделе» этого же выпуска была напечатана краткая редакционная заметка, приветствовавшая издание «нового и честного журнала», появление которого заслуживало «полное уважение и признательность всякого образованного русского», но при этом высказывалось сомнение в том, что «русское воззрение на науки и искусства» может существенно отличать новый журнал от других журналов, так как «науки и искусства допускают лишь одно воззрение — просвещенное, следовательно, общечеловеческое».[14]

На следующий день А. И. Кошелев и Т. И. Филиппов написали резкий ответ, который был опубликован в «Литературном отделе» выпуска от 8 марта. В нем выражалось неудовольствие высказыванием редакционного мнения по поводу программы «Русской беседы» одновременно с ее публикацией, а также указывалось, что именно содействие «к развитию русского воззрения на науки и искусства» является характерным отличием программы «Русской беседы» от программ других журналов.[15] За письмом следовал редакционный комментарий, в котором пояснялись причины столь быстрого высказывания мнения, а также взгляды на природу научного знания: «Мы знаем и уважаем *одну* науку, общую всем

[13] *МВед*. 1856. 3 марта. № 27. Особое прил. (см. с. 255 наст. изд.). Эта же программа была напечатана и в составе «Прибавлений» (Прибавления к № 30-му «Московских ведомостей». 1856. 10 марта. С. 269).

[14] *МВед*. 1856. 3 марта. № 27. Лит. отд. С. 106.

[15] Там же. 8 марта. № 29. Лит. отд. С. 114.

народам, всем национальностям, перед которою теперь принуждены приклонить главу даже невежественные турки, доводившие национальную исключительность до отвратительных размеров», что приводило к заключению о невозможности использования «русского воззрения» в качестве отличительного признака нового журнала, но окончательные выводы оставлялись до выхода первого номера «Русской беседы».[16]

Полемика в «Московских ведомостях» была вызвана не столько различием «направлений», сколько отсутствием устойчивого понимания одного из трех «великих государственных начал» — «народности».[17] Более того, единого понимания не было и среди славянофилов: еще весной 1847 г. внимательно относившийся к используемому понятийному аппарату И. В. Киреевский[18] в письме, обращенном к «московским друзьям», отмечал три «важных разногласия» между ними — в понимании «славянизма» (т. е. славянофильства в целом), в понимании «народности» и в понимании «отношения народа к государственности». В отношении «народности» он писал: «Самое понятие о народности между нами тоже совершенно различно. Тот разумеет под этим словом один так называемый простой народ; другой — ту идею народной особенности, которая выражается в нашей истории; третий — те следы церковного устройства, которые остались в жизни и в обычаях нашего народа, и пр⟨очее⟩, и пр⟨очее⟩, и пр⟨очее⟩. Во всех этих понятиях есть нечто общего, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противоречим друг другу и мешаем правильному развитию собственных понятий. К тому же каждое из этих особенных понятий противоречит само себе и потому доказывает неразвитость сознания. ⟨...⟩ А между тем народность в ее общем начале до сих пор еще нами не осознана и не выражена».[19] В свою очередь, отсутствие

---

[16] Там же. С. 114–115.

[17] Неологизм «народность» появляется в русском языке в самом начале XIX в.; «народность» как понятие появляется на рубеже 10-х — 20-х гг. XIX в. и начинает активно использоваться в середине 20-х гг., однако устойчивого значения не имело. Подробнее о происхождении этого слова и его лексических значениях в 1820-е — 1840-е гг. см.: *Богданов К. А.* О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 130–143.

[18] См., например, замечание И. В. Киреевского о различных значениях слова «начало» в письме старцу Макарию Оптинскому в сентябре 1855 г.: «...слово „начало" имеет несколько смыслов. Иногда означает черту, от которой возникает что-либо во времени или пространстве; иногда означает основание чего-либо; иногда — причину, или вину» (Письма И. В. Киреевского Макарию Оптинскому // Символ. № 17. Июль 1987. С. 173).

[19] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. С. 247–248.

единого содержания для основных понятий увеличивало взаимонепонимание: «Не соглашаясь в этих понятиях, естественно, что мы расходимся и в бесчисленном множестве понятий производных и второстепенных, которые в применяемости своей к жизни дают решительно тот или иной смысл»[20] и вводило в заблуждение оппонентов.

«Разговор в подмосковной» был опубликован во второй книге «Русской беседы» осенью 1856 г.[21] Имя автора не было указано ни в конце текста, ни в содержании книги, ни в содержании всего годового комплекта. Тем не менее, принадлежность текста Хомякову была хорошо известна в славянофильских кругах, и уже в 1860 г. И. Аксаков включил его с указанием автора в раздел «III. Zur socialen Fragen. Смесь» сборника наиболее значимых текстов «Русской беседы» для издания в Германии в немецком переводе,[22] а в следующем году «Предисловие» к первому выпуску «Русской беседы» и «Разговор в подмосковной» были напечатаны в первом томе собрания сочинений Хомякова.[23]

Время составления «Разговора в подмосковной» позволяют определить «внутренние даты», в нем содержащиеся. Текст был составлен не позднее даты цензурного разрешения второй книги «Русской беседы», в которой он был опубликован, т. е. не позднее 8 июня 1856 г. Упоминания о полемических высказываниях «Московских ведомостей» (с. 112, 114, 115[24]) указывают, что текст был составлен не ранее 8 марта 1856 г. Эту датировку поддерживает и упоминание о издании «Семейной хроники и воспоминаний» С. Т. Аксакова (с. 113–114), вышедших из печати в начале 1856 г.[25]

Имена и фамилии собеседников — Иван Александрович Тульнев и Николай Иванович Запутин — ничего не говорили читателям, но это не свидетельствовало об обезличенности и обобщенном характере этих образов, так как в литературных произведениях подобного рода участники часто выражали мысли определенных лиц. Например, Л. Н. Толстой

---

[20] Там же. С. 248.

[21] ⟨*Хомяков А. С.*⟩. Разговор в подмосковной // *РБ*. 1856. Кн. II. Отд. V: Смесь. С. 107–138. В рукописном тексте (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2150. Л. 1–8 об. — автограф) находится окончание, впервые опубликованное Б. Ф. Егоровым: *Хомяков А.* С. О старом и новом: Ст. и очерки / Вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1988. С. 275–277.

[22] «6. Разговор в Подмосковной (Беседа, 1856 г., т. ⟨II⟩) А. Ст. Хомякова» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 53. Л. 2). См. с. 305 наст. изд.

[23] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1: Собрание отдельных статей и заметок разнородного содержания / Изд. под ред. И. С. Аксакова. С. 513–518, 519–547.

[24] Здесь и далее указываются страницы первой публикации (см. примеч. 21).

[25] *Аксаков С. Т.* Семейная хроника и воспоминания. М., 1856 (цензурное разрешение от 15 октября 1855 г.).

в списке участников диалога «Собеседники» (1877–1878) сначала приводил настоящее имя и/или кратко определял занимаемую позицию, а затем указывал имя соответствующего собеседника в диалоге и его возраст.[26] Нередко были узнаваемыми и персонажи литературных произведений XIX в. (как, например, в упомянутой «шутке» Соллогуба или же в «Семейной хронике» С. Аксакова). Не вызывает сомнений, что прообразы участников «Разговора в подмосковной» были известны в объединенном родственными связями кружке славянофилов и могли быть узнанными читателями «Русской беседы».

Более того, в тексте «Разговора» имеются многочисленные указания, позволяющее определить настоящие имена его участников. Анализ высказываний Тульнева показывает, что он не только являлся убежденным славянофилом, к которым себя и причислял (с. 133), но и излагал в начальной части «разговора» мысли, содержавшиеся в пространном рукописном сочинении Хомякова, известном под поздним названием «Записки о всемирной истории» и опубликованном только в 1871 г.: Тульнев говорил о разделении Европы и Азии «по геологическому построению», а также по лингвистическому критерию (упоминания о «санскритском» языке; с. 111), тогда как Хомяков в «Записках» отмечал «весьма простую мысль приложить к истории человечества ход геологический» и, подробно рассматривая взаимоотношение славянского языка с санскритом, утверждал, что «славянский язык занимает первое место после санскритского и что эти два языка можно считать совершенно тождественными».[27]

Тульнев напоминал Запутину, что император «Фридрих был полуфранцуз и презирал Германию» (с. 115), а Хомяков в «Предисловии» к первой книге «Русской беседы» подчеркивал, что «в Германии еще Фридрих II презирал немецкий язык».[28] Тульнев приводил фрагмент из споров между православными и раскольниками на Кремлевской площади (с. 117), одним из активных участников которых был Хомяков.[29]

---

[26] В первоначальном варианте списка были отмечены: «5) Хомяков — софизмами оправдывающий веру. Юнович, 50. ⟨...⟩ 7) Я. Иван Ильич. — 49 лет.) (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М., 1936. Т. 17. С. 369).

[27] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М. 1871. Т. III: Записки о всемирной истории. Ч. 1. / Изд. под ред. А. Ф. Гильфердинга. С. 20–21, 390–412. О «погружении Хомякова в таинства санскрита» и истории издания его «Сравнения русский слов с санскритскими» см.: *Барсуков.* Кн. XII. С. 160–162.

[28] ⟨*Хомяков А. С.*⟩. Предисловие // *РБ*. 1856. Кн. I. С. II (паг. 2-я).

[29] Об участии Хомякова в спорах с раскольниками около Кремлевских соборов упоминается, например, в письме И. Аксакова к родным от 3 апреля 1855 г. (*Аксаков. Письма к родным*

И, наконец, отличительной чертой Тульнева был известный хомяковский энциклопедизм: в своей аргументации он обращался и к языкознанию, и к зарубежной литературе, и к философии, и к естествознанию («теории волн в физике и теории атомов в химии») (с. 111, 115, 118, 127, 131, 132).

Самоидентефикациию автора с Тульневым подчеркивает связь фамилии с топонимом «Тула» (где находилась «деревня» Хомякова, село Богучарово), который дважды использовался Хомяковым для обозначения своего авторства в публикациях «Русской беседы» — в «Письме к издателю Т. И. Филиппову» в IV книге 1856 г. и в «Письме издателю А. И. Кошелеву» в I книге 1857 г., а во второй книге 1858 г. была напечатана «Заметка» Хомякова за подписью «Т⟨уля⟩к».[30]

Таким образом, Хомяков во многом наделил Тульнева собственными чертами, что не осталось незамеченным исследователями.[31] Тем не менее, некоторые подробности, содержащиеся в «Разговоре в подмосковной», сближают образ Тульнева с К. Аксаковым, одновременно с Хомяковым писавшим о «русском воззрении», «русской народности» и «европейской национальности» в ответ на выпады «Московских ведомостей» и успевшим опубликовать свои замечания в конце раздела «Смесь» первой книги «Русской беседы».[32] Так, Тульнев говорил, что он родился в тех местах, «ou finit l'Europe et commence l'Asie» (с. 110), а Константин Аксаков родился в с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, т. е. недалеко от Уральских гор, тогда как Хомяков родился в Москве. Тульнев указывал на М. В. Ломоносова как на «лучшего и ревностнейшего труженика русского просвещения» и одновременно «горячего и почтительного ученика западной науки» (с. 113), что позволяет вспомнить магистерскую диссертацию К. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», опубликованную в 1846 г.[33] и в следующем году защищенную в Московском университете. Тульнев отмечал обеднение лексики русского языка и критиковал методы описания его грамматической структуры (с. 121), а К. Аксаков в 1855 г. опу-

(2). С. 339), в письме Ю. Ф. Самарина (август 1850 г.; *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М., 1911. Т. 12: Письма (1840–1853 гг.). С. 436); в жизнеописании М. П. Погодина (*Барсуков*. Кн. XVI. С. 487); в воспоминаниях М. А. Хомяковой (см.: *Егоров Б. Ф.* А. С. Хомяков — литературный критик и публицист // *Хомяков А.* С. О старом и новом. С. 35).

[30] *РБ*. 1856. Кн. IV. Отд. V: Смесь. С. 92–107; 1857. Кн. I. Отд. V: Смесь. С. 81–85; 1858. кн. II. Отд. V: Смесь. С. 216–221. (Подробнее см. *ПР*).

[31] См., например: *Хомяков А.* С. О старом и новом. С. 440.

[32] *Аксаков К. С.* О русском воззрении // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. V: Смесь. С. 84–86.

[33] *Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1845.

бликовал свои наблюдения над глагольными формами русского языка, определявшиеся «русским воззрением» и посвященные Хомякову.[34] Тульнев с гордостью упоминал о А. С. Шишкове и его «славянофильстве», а также отмечал сильное влияние, оказанное Шишковым на С. Т. Аксакова (с. 113), но оно распространялось и на его старшего сына, который был «воспитан в чувствах уважения к Шишкову» и представлен ему в 1832–1833 гг.[35] В самом начале «Разговора» Тульнев цитировал фрагмент стихотворения, в котором Франция сравнивается с циклопом, а Париж — с единственным его глазом, но это французское четверостишие, приписываемое В. Гюго, находилось в прологе к упоминавшейся комедии К. Аксакова «Князь Луповицкий»,[36] хотя впервые о нем упоминает Хомяков в статье «Мнение русских об иностранцах» (1846).[37] О действиях князя Луповицкого упоминал Тульнев и в заключительной части «Разговора», сохранившейся в рукописи.[38] Более того, указанные случаи использования текста К. Аксакова позволяют соотнести упоминаемых Тульневым «наших двух знакомых, один из которых родился, а оба воспитывались в Париже» (с. 121, 122) с двумя парижскими друзьями князя Луповицкого — бароном Салютиным и графом Долонским. И, наконец, в этой же заключительной части Тульнев рассказывал о женщинах, у которых «другого отечества нет, кроме парижского модного магазина», но которых приезд с детьми в «деревню», где они бывают «на сельском хороводе» и слушают вечерами «долгие, прекрасные песни русские», оживляет и возвращает «сердцем в родную Русь».[39] Эти высказывания вполне соответствует представлениям К. Аксакова, выраженным, например, в начальной части его газетной статьи 1857 г. «Рассказы из деревенской жизни», воспевающей «деревню» как особое место, где «человеческое и народное чувство оживает в душе перед русской природой и еще более перед русским человеком среди природы, перед крестьянином, перед деревнею», где среди полей слышится «русская песня» и где

---

[34] *Аксаков К. С.* О русских глаголах. М., 1855. Статья вызвала критические замечания И. Киреевского (*Елагин Н. А.* Материалы для биографии И. В. Киреевского // *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. / Изд. А. И. Кошелева. М., 1861. С. 102–108; паг. 1-я). Первая часть грамматики была опубликована после кончины автора (*Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. М., 1860. Ч. 1). О занятиях К. Аксакова русской грамматикой см. также: *Барсуков.* Кн. XI. С. 119.

[35] *Аксаков С. Т.* Семейная хроника и воспоминания. С. 512.

[36] *Аксаков К. С.* Князь Луповицкий. С. 19.

[37] *Хомяков А. С.* О старом и новом. С. 113, 423.

[38] Там же. С. 276–277.

[39] *Хомяков А. С.* О старом и новом. С. 276.

имеется «хоровод, этот живой круг, живой образ союза, любимый образ русского человека».[40]

Проведенное Хомяковым сближение образа Тульнева со своим единомышленником и другом К. Аксаковым, вместе с которым он беседовал с Тургеневым в Абрамцеве в январе 1855 г., во многом облегчает идентификацию второго участника «Разговора в подмосковной». Однако Запутин — не Тургенев, и не обобщенный образ радикального представителя противоположного «направления». Устроители «Русской беседы» не предполагали подобной встречи на страницах своего журнала; по их замыслу журнал должен был сохранять «единство характера и направления», тогда как «собеседники» лишь «более или менее разногласят между собой касательно важных и отчасти жизненных вопросов».[41]

Но и сам Запутин не являлся радикальным «западником»,[42] несмотря на его «привычки», «обычаи» и «наружную одежду» (с. 120); он также был «недоволен статьей в Московских ведомостях» (с. 112) и Тульнев не сомневался в его любви к России (с. 119). Более того, Запутин был тесно связан со славянофильским кружком, на что указывает его знакомство с «Предисловием» к «Русской беседе», фрагмент которого он цитировал по памяти (с. 116), хотя во время составления «Разговора в подмосковной» — март-май 1856 г. — этот текст еще не был напечатан. Далее, в одном из своих высказываний Тульнев отмечал, что его собеседник служил России «в двух поприщах, военном и гражданском» (с. 119), т. е. находился и на военной, и на гражданской службе, что могло относиться к двум членам славянофильского кружка — И. Аксакову и Ю. Ф. Самарину. Каждый из них служил в государственных учреждениях, а в 1855 г., во время Крымской войны они «вступили в военную службу»[43]: весной 1855 г. в ополчение вступил И. Аксаков, а летом — Самарин. Однако отношение Самарина и И. Аксакова к программному документу «Русской беседы» и, соответственно, их понимание «народности» существенно различались. Свое мнение о значении «народности» для гуманитарного знания, сходное со взглядами Тульнева на народное воззрение

---

[40] *Аксаков К. С.* Рассказы из деревенской жизни // Аксаков К. С. Сочинения / Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. ⟨Пг.⟩, 1915. Т. I. С. 557, 559.

[41] ⟨*Хомяков А. С.*⟩. Предисловие. С. I. (паг. 2-я) (см. с. 257 наст. изд.).

[42] С формальной точки зрения фамилию «Запутин» следует связывать с непереходным глаголом «запутываться» (совершенный вид — «запутаться») в зафиксированном для середины XIX в. лексическом значении «терять связь или порядок, сбиваться», а не с переходным глаголом «запутывать» (совершенный вид — «запутать»).

[43] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 344.

в науке (с. 130–132), Самарин выразил в статье «Два слова о народности в науке», написанной в ответ на упоминавшуюся критику программы «Русской беседы» в «Московских ведомостях» и напечатанной одновременно с откликом К. Аксакова в первой книге «Русской беседы».[44]

И. Аксаков же, в отличие от своего брата хорошо знакомый с современной жизнью Российской империи, писал отцу 7 марта 1856 г., т. е. одновременно с публикациями в «Московских ведомостях»: «Слова „народность", „русский дух", „православие" (т. е. ключевые слова Программы «Русской Беседы». — *А. П.*) производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как „русское спасибо", „русский барин" и т. п.; охотно согласился бы прослыть в обществе и западником, и протестантом. Я не доволен программой „Русской беседы", да и вообще не люблю программ, не люблю этих вывесок направления. Не слышится мне в этом ни теплой любви к истине, ни горячего стремления к ней и к благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потехи...»[45] Не разделял славянофильской веры в «народность» и Николай Иванович Запутин (с. 112) и, следовательно, он должен был критически относиться к Программе «Русской беседы».

Настроения И. Аксакова были известны в славянофильском кружке и, по воспоминаниям Кошелева, еще в начале 1850-х гг. «брат его Константин постоянно жаловался на его западничество».[46] В таком случае, слова Тульнева об ученом, который «колдует на старых пергаментах и актах печатных» и при этом «и слышит не то, и понимает не то, и записывает не то»[47] могут быть отнесены к И. Аксакову, после выхода в отставку с гражданской службы изучавшему источники по истории Древней и Средневековой Руси и пришедшему к выводам, противоположным выводам своего брата, о чем он писал 30 июля 1854 г. Кошелеву: «Я занимался целый год чтением грамот и актов, и это чтение заставило меня разочароваться в древней Руси, разлюбить ее и убедиться, что не выработала она и не хранит в себе начал, способных возродить Россию к новой жизни. ⟨...⟩ Когда я занимался чтением грамот, в одно время с братом, но в разных комнатах, то одна и та же грамота производила на нас обоих разные впечатления и мы вечно спорили: он — восхищаясь древнею Русью, я — нападая на нее. ⟨...⟩ Мне хотелось только сказать, что ученые исторические ⟨...⟩ исследования не только не могут служить

---

[44] *Самарин Ю. Ф.* Два слова о народности в науке // *РБ*. 1856. Кн. I. Отд. II: Науки. С. 35–47.

[45] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 429.

[46] *Кошелев. Записки*. С. 53–54.

[47] *Хомяков А. С.* О старом и новом. С. 276–277.

в пользу славянофильским отвлеченным теориям, но должны разрушить многие наши верования и точки опоры».[48] И, наконец, нельзя не отметить определенную близость (в духе переименований «Семейной хроники») фамилии Запутин и фамилии Заплатина — девичьей фамилии «любимой маменьки» И. Аксакова — Ольги Семеновны Аксаковой.

Хомяков внес большой вклад в формирование славянофильских убеждений И. Аксакова, обращение к которому в «Разговоре в подмосковной» вписывается в контекст их взаимоотношений, ставших более интенсивными в 1850-е гг. Так, 21 июня 1853 г. И. Аксаков направил Хомякову пространное письмо с богословскими размышлениями,[49] за которым последовало «большое и подробное письмо» Хомякова[50] и благодарственное письмо И. Аксакова от 27 сентября 1853 г.[51] В обсуждении принимал участие и К. Аксаков, направивший Хомякову письмо, связанное с указанным выше письмом своего брата, на которое также последовал ответ.[52] Участвовал в богословской дискуссии и Кошелев, в письме к которому Хомяков анализировал характер и «привычки ума» своего собеседника.[53]

В начале апреля 1855 г. в Москве Хомяков и И. Аксаков обсуждали вопросы, связанные с будущим «журналом», т. е. с «Русской беседой».[54] В начале марта 1856 г. И. Аксаков, собираясь приехать в Москву из Бендер, где находился вместе с ополчением, готовился к обсуждению программы «Русской беседы»: «Впрочем, не хочется распространяться об этом предмете тогда, когда я имею в виду отъезд и, следовательно, в непродолжительном времени изустные разговоры»[55] — и Хомяков, без сомнения, входил в число предполагаемых собеседников.

---

[48] Цит. по: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 47–48 (уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 20. Л. 30–30 об.). Об этих занятиях И. С. Аксакова было хорошо известно в славянофильской среде (см., например: *Барсуков.* Кн. XII. С. 171).

[49] ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. № 64. Л. 1–11 об. Опубликовано: *Колюпанов.* Т. II. С. 61–68 (паг. 2-я).

[50] *Хомяков А. С.* Письмо к И. С. Аксакову о значении страдания и молитвы // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. М. 1880. Т. II. С. 329–338.

[51] ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. № 64. Л. 13–14.

[52] *Колюпанов.* Т. II. С. 69–73. (паг. 2-я). Ответное письмо Хомякова: *Хомяков А. С.* Письмо к К. С. Аксакову о молитве и чудесах // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т. II. С. 339–342.

[53] Письма А. С. Хомякова к А. И. Кошелеву // *РА.* 1879. Вып. 11. С. 282–284.

[54] *Аксаков. Письма к родным (2).* С. 342 (письмо от 7 апреля 1855 г.).

[55] Там же. С. 429 (письмо от 7 марта 1856 г.).

Соотнесение Тульнева и Запутина с Хомяковым, К. Аксаковым и И. Аксаковым позволяет определить и «подмосковную деревню», где, по замыслу составителя, происходил «разговор»: это Абрамцево, приобретенное С. Т. Аксаковым в конце 1843 г.,[56] владелец которого, называемый Хомяковым «нашим почтенным деканом»,[57] и два его сына внесли значительный вклад в создание славянофильского журнала и входили в число его сотрудников. Принимали участие в «Русской беседе» и многие славянофильски настроенные гости Абрамцева, в том числе А. Ф. Гильфердинг, Н. П. Гиляров-Платонов, Э. А. Дмитриев-Мамонов, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, Ф. В. Чижов. И если бы весной 1856 г. в абрамцевском доме встретились Хомяков и братья Аксаковы, то там мог бы состояться разговор, близкий к «Разговору в подмосковной». Однако в этот период и семья Аксаковых, и Хомяков, и вернувшийся из ополчения И. Аксаков были в Москве, тогда как в начале июня последний находился уже на пути в Новороссийский край для участия в работе Комиссии по расследованию злоупотреблений при заготовке продовольствия и содержании военных госпиталей во время Крымской войны. Таким образом, московские разговоры с участием И. Аксакова были перенесены в аксаковскую «подмосковную».

В сентябре месяце, в Николаеве, И. Аксаков получил второй выпуск «Русской беседы», в который цензура не пропустила два его стихотворения. В письме к отцу от 14 сентября он отмечал, что «2-й том „Русской беседы“ — превосходный, судя по оглавлению».[58] Такой же отзыв находится и в письме к Кошелеву от 23 сентября 1856 г.: «Превосходная книга; какая полнота, разнообразие и единство содержания, какая деятельность! Конечно, никогда ни один журнал в России не дал публике ничего

---

[56] Первое упоминание о покупке Абрамцева Аксаковыми находится в письме В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской от 12 декабря 1843 г.: «Среди всех этих треволнений, и своих, и чужих, мы сами не знаем как купили деревню, так что до сих пор все забываем о том, что у нас деревня. Купчая совершится на днях. Это маленькое имение в 50 верстах от Москвы по дороге к Троице, 12 верст не доезжая Троицы Сергия. Кажется тут все есть, хоть в малом виде, все что нам надобно. Дом довольно поместительный, сад, местоположение прекрасное, речка, лес, пруд. Душ только 40, и цена 50 тысяч. Мы и прежде слыхали об этой деревеньке. Гриша съездил осмотреть и отесинька решился купить, не осмотрев сам. Цена не столь велика. Во всяком случае лучше иметь хоть какой-нибудь уголок, к тому же близость Троицы очень приятна для нас» (ИРЛИ. Сигн. 10 613. Л. 166; письмо частично опубликовано: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е. П. Naселенко, Е. А. Смирнова. М., 1960. С. 269. Примеч. 170).

[57] Из переписки Хомякова и Аксаковых (1852–1860) / Публ. и коммент. Т. Ф. Пирожковой // *Хомяковский сборник*. С. 163–164.

[58] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 450.

подобного».[59] Но в это же самое время он написал большое письмо своему брату и высказал серьезные замечания по поводу его статьи «Еще несколько слов о русском воззрении», вскрыв подлинные основания полемики: «Ведь штука собственно в том, что ты думаешь, что русское воззрение есть единственно истинное, полное и цельное, и не потому только, что таковым является каждому народу его народное воззрение, а что оно действительно таково и отрешено от всякой однородности, неминуемо сопровождающей *всякое* народное воззрение, *кроме* русского. Только это еще не высказано, хотя и торчит из-за углов, а потому-то и противников наших берет такая злоба, что они впадают в нелепость, отрицают самое право и, следовательно, сами себе произносят приговор».[60] Таким образом, полемику и неприятие вызывала, прежде всего, убежденность К. Аксакова в изначальной исключительности «русского воззрения» и, соответственно, в изначальном превосходстве русского народа над другими народами.

В письме не упоминается о «Разговоре в подмосковной», предшествующем этой статье, однако в нем имеется фрагмент, где используется не единственное число, а множественное, что позволяет отнести его ко всем славянофильским участникам дискуссии о народности, т. е. и к Хомякову, и к Ю. Самарину: «Будьте, ради Бога, осторожны со словом „народность и православие". Оно начинает производить на меня то же болезненное впечатление как и „русский барин, русский мужичок" и т. д. — Будьте умеренны и беспристрастны (в особенности *ты*) и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий тому, чему нельзя сочувствовать, к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩). Допетровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, не выработанным или даже ложно направленным, проявленным русским народом, — но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее!»[61] Возражения И. Аксакова были обусловлены не отрицанием или неприятием «народности» и «православия» как таковых, а сведением этих понятий к «допетровской Руси» и «бытовому историческому православию», соединенным с убеждением в истинности, полноте и цельности «русского воззрения». Близость приведенного высказывания к соответствующему фрагменту из письма к С. Т. Аксакову от 7 марта 1856 г. показывает, что после про-

---

[59] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Исследование украинских ярмарок, ополчение, путешествие за границу. Том третий и последний: Письма 1851–1860 гг. М., 1892. С. 282.

[60] *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 452 (письмо от 17 сентября 1856 г.).

[61] Там же. С. 453 (уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 29–29 об.) Ср.: Там же. С. 429.

чтения второй книги «Русской беседы» его отношение к Программе «Русской беседы» не претерпело существенных изменений. Такой же оставалась позиция И. Аксакова и в следующем году, о чем 2 июля 1857 г. он писал К. Аксакову: «Я не соглашаюсь подписывать старую программу „Беседы", потому что, как тебе известно, мне она не нравится».[62]

Тем не менее, сам «спор о значении народности в области науке», в основе которого лежала невысказанная убежденность в исключительности «русского воззрения», был предметом особой гордости славянофилов,[63] причем К. Аксаков и его ближайшие единомышленники использовали эту возможность более для обличения «безнародности» своих противников, чем для выявления и изучения оснований собственной «народности». По мнению же И. Аксакова, вопрос о «народности» продолжал оставаться открытым, и поэтому в редакционной статье «Об издании Русской беседы на 1859 год» он писал, что «Задача „Беседы" (разумеется, главная ее задача) — уяснение основных начал русской народности, путем преимущественно положительным, а не отрицательным»,[64] уточняя тем самым программу «Русской беседы» 1856 г. К сожалению, И. Аксаков не имел достаточного времени и возможностей для осуществления своей цели — журнал славянофилов приближался к своему завершению. После кончины Хомякова 23 сентября 1860 г. и К. Аксакова 7 декабря 1860 г. И. Аксаков взял на себя продолжение общего дела и стал во главе славянофильского движения. Именно в это время он включил «Разговор в подмосковной» в сборник наиболее значимых текстов, опубликованных в «Русской беседе» для издания в Германии, а в 1861 г. — в первый том собрания сочинений Хомякова, изданный под его редакцией.

---

[62] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 32 (см. с. 365 наст. изд.). Сходные мысли содержатся и в известном письме к родителям от 16 (4) июня 1857 г. из Рима: «Программа Р⟨усской⟩ бес⟨еды⟩ мне с самого начала не нравилась и не нравится. Она написана так, что — возбуждая недоумения — отвращает от нас сочувствие молодого поколения и приобретает сочувствие, которого я не желаю, сочувствие архиереев, монахов, Святейшего Синода» (*Аксаков в его письмах*. Т. 3. С. 17; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. № 29. Л. 14 об.–15).

[63] В заключительной статье 1857 г. Кошелев писал: «В течение двух лет, в разных статьях, преимущественно критических, „Беседа" старалась объяснить участие народности в общечеловеческом деле просвещения. Эта плодотворная мысль возбудила живое сочувствие в умах непредубежденных; сами противники „Беседы" нечувствительно поддаются могуществу истины, ею высказанной» (*Кошелев А. И.* Об издании Русской беседы на 1858 год // *РБ*. 1857. Кн. IV (VIII). С. I (паг. 10-я)). Ср.: ⟨*Аксаков И. С (?)*.⟩ Заключительное слово // Там же. 1859. Кн. I (XVIII). С. III–IV (паг. 7-я). См. с. 263 и 270 наст. изд.

[64] ⟨*Аксаков И. С.*⟩. Об издании Русской беседы в 1859 году // *РБ*. 1858. Кн. IV (XII). С. II (паг. 2-я). См. с. 267 наст. изд.

Рассмотренный материал показывает, что «Разговор в подмосковной» был связан с действительными разговорами, которые велись в славянофильских кругах и в Абрамцеве, и в Москве. Дискуссия Тульнева и Запутина зафиксировала разногласия внутри «домашнего кружка» славянофилов, подобные «всегдашним нескончаемым спорам» Хомякова с Иваном Киреевским,[65] но в данном случае обусловленные различием позиций Хомякова и К. Аксакова, с одной стороны, и И. Аксакова, с другой стороны.

***

Если славянофильский журнал представлял собой «непритязательную русскую беседу обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей»,[66] а указанные статьи К. Аксакова, Ю. Самарина и, прежде всего, «Разговор в подмосковной» Хомякова отражали, как было показано выше, разговоры в кружке славянофилов о «народности» и ее значении для национального возрождения, то и другие публикации «Русской беседы» можно рассматривать как отражение разговоров славянофилов о просвещении, его истории, характере, особенностях, различных факторах, на него влияющих и его определяющих.

В этих разговорах должно было неоднократно упоминаться имя Максима Ивановича Невзорова, которому был посвящен раздел «Жизнеописание» в третьей книге 1856 г.[67] Статья П. А. Бессонова состояла из вступительной части (с. 85—87), биографического очерка (с. 87—100), обзора содержания журнала «Друг юношества», издававшегося М. И. Невзоровым (с. 101—110), обзора опубликованных в журнале статей и примечаний самого Невзорова (с. 110—123) и заключительной части, содержащей общую оценку его деятельности (с. 123—126), а также отдельные сведения о его «внешнем быте», кончине и погребении (с. 126—128). Завершался раздел редакционным послесловием, составленным, судя по всему, Хомяковым (с. 128—129).

Поясняя во вступительной части причины обращения к преданному забвению, вместе с издававшимся им журналом, деятелю отечественного просвещения, Бессонов отметил его верность «вопросам просвещения», «крупное своеобразие» его личности и отражение в ней «своей

---

[65] *Кошелев. Записки.* С. 52—53.

[66] ⟨*Хомяков А. С.*⟩. Предисловие. С. I (паг. 2-я). (см. с. 257 наст. изд.).

[67] *Бессонов П. А.* Максим Иванович Невзоров // *РБ.* 1856. Кн. III. С. 85—128 (паг. 7-я).

эпохи» — «времени Екатерининского, с его переходом в Александровское» (с. 86, 87).

В биографическом очерке упоминается о учебе Невзорова в Рязанской семинарии и последующем обучении «под бдительным надзором» Н. И. Новикова в Московском университете и затем в Германии, возвращении в Россию в 1792 г. и последующих событиях, связанных со следствием по делу Новикова, о службе в 1801–1816 гг. в Московском университете и университетской типографии (с. 87–91). Характеризуя Невзорова, Бессонов указывает на его тесные связи с И. И. Шварцем, Н. И. Новиковым, Г. М. Походяшиным и «их ближайшим кружком», а также указывает его «отцов и благодетелей»: князь Николай Васильевич Репнин, митрополит Московский Платон, директор Московского университета в 1796–1803 гг. Иван Петрович Тургенев, попечитель Московского университета в 1803–1807 гг. Михаил Никитич Муравьев и сенатор Иван Владимирович Лопухин (с. 91–94). К последнему Невзоров испытывал особое благоговение, так как он «играл главнейшую роль во всех обстоятельствах жизни» его и с ним он был связан «теснейшими узами глубокой и почтительной привязанности, в собственном смысле живя и дыша им»: Невзоров обучался в Германии благодаря помощи Лопухина, им был освобожден от пребывания в петербургской больнице, до самой его кончины проживал в его доме, сопровождал его в поездке по России в 1800 г., постоянно бывал в его знаменитой «подмосковной деревне» Савинское (с. 94).

Самое деятельное участие Лопухин принимал в поддержке журнала «Друг юношества», издававшегося Невзоровым в 1807–1815 гг. при Московском университете. Главная цель издания состояла «в том, чтоб способствовать образованию сердец и умов», а сам журнал, как заметил Бессонов, был выражением или органом «однородного кружка и направления», члены которого известны «под крайне неопределенным названием масонов или мартинистов, и именно те, которые принадлежали еще к старой Екатерининской школе»,[68] что определяло и последовательно выдержанное содержание журнала, и круг его авторов (с. 101–110).

Рассматривая материалы Невзорова, опубликованные в журнале «Друг юношества», Бессонов разделил их на две неравные группы — собственно статьи и примечания, принимая также во внимание статьи Невзорова из «Исторического, статистического и географического жур-

[68] О М. И. Невзорове как представителе «направления» см.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 580.

нала», издание которого он обеспечивал в 1813 г. Первыми Бессоновым рассматривались статьи, посвященные «древности классической», которой принадлежало «небесное просвещение», отразившееся «в мифологии языческой и в обрядах их богослужения», и с которой, по убеждениям Невзорова, связана была истинная нравственность (с. 110—111). Далее Бессонов указывал статьи, посвященные тем представителям греческой и римской истории, которые были «богобоязливы, благочестивы, привержены к религии, противились страстям своим и слабостям, и собственностию своею жертвовали благу других» (с. 111). При этом сама история Римской империи вызывала, по мнению Бессонова, «величайшее негодование Невзорова; безнравственность ее он связывал тесно с ее последствием — папою,[69] и, наконец, с новой империей Римской» (с. 112), а история Запада в целом рассматривалась Невзоровым как «приготовление к плоду своему — французской революции», что, свою очередь, вызывало резкую систематическую критику французских просветителей-энциклопедистов, особенно же Вольтера, и французской философии XVIII в. в целом, с которой, например, связывался «французский способ изучения классической древности в мнимых путешествиях», подвергнутой резкой критике в одной из статей (с. 113—114).

Определив отношение Невзорова к Франции и французскому просвещению, Бессонов останавливается на его статьях, посвященных состоянию образованности Германии. Этот вопрос он рассматривает, опираясь на известную статью Невзорова «Все ли хорошо, что в чужих землях водится?», где, частности, подчеркивалось влияние французской философии XVIII в. на немецкую науку в изучении античной литературы, и продолжает его, приводя критические замечания Невзорова о достижениях в области медицины и физиологии из других его статей (с. 115—118). Далее Бессонов останавливался на взглядах Невзорова на современную немецкую литературу и его мнениях о произведениях Гете и Шиллера, «сочиненных по правилам французской словесности», приводя эмоциональную цитату из статьи 1815 г.: «Желал я узнать, умолкает ли языческая-французская и жидовская-раввинская философия ныне в Германии? Но увы!», — вместе с цитатами из других статей, свиде-

[69] Резкая критика «папизма», обвиняемого в «поносных для христианской веры узаконениях, на самом адском уме основанных политических хитростях, коварстве и замыслах», а также предсказания гибели «дщери вавилонской» и «гордому царю градов» (см., например: *Невзоров М. И.* Замечание на некоторую статью из публичных ведомостей // Друг юношества. 1809. Янв. С. 81—115), олицетворявших «папизм» в представлении Невзорова, отражали не только его конфессиональные симпатии, но и позицию московских мартинистов.

тельствующими о глубокой обеспокоенности Невзорова сильным влиянием немецких романтиков на русских писателей. В заключение приводилась еще одна пространная цитата, в которой Невзоров обращался к Германии как составной части «бедотворную мудростию мира упоенного Вавилона», предрекая ей скорую погибель (с. 118–119).

Завершая обозрение взглядов Невзорова на просвещение Европы Бессонов отмечал, что оно рассматривалось как «результат всей прежней ее истории и необходимое преддверие гибели». Здесь же обращалось внимание на глубокую веру Невзорова в особое призвание России (эта «мысль дышит почти везде») и приводилась характерная цитата из невзоровской статьи в «Историческом, статистическом и географическом журнале»: «Можно говорить решительно, что от Севера не только будет избавление многим странам от ига нового Навуходоносора, но изыдет яркий луч и прольется свет истинного просвещения на Европу и другие страны мира» (с. 119–120).

Постоянно указывая читателям на плачевное состояние европейской образованности, Невзоров всеми силами стремился отвращать «родителей, воспитателей и юношей» от пагубного увлечения западными идеями, — замечает Бессонов, приводя в подтверждение пространную цитату: «Всему учиться у них (иностранцев) и подражать, особливо ныне, видя опыты их просвещения, стыдно и совестно! Смотря на плоды просвещения, должно ему и следовать. Посмотрите на нынешнее состояние всех просвещеннейших наций Европы, что там видно? Везде голод, холод, развратность, мятежи, неустройства, разрушение и разорение: после всего этого не грех ли нам быть обезьянами во всем просвещеннейших наций» (с. 120–121). Руководствуясь этими же убеждениями, Невзоров призывал «любезных юношей»: «Следуйте во всем многом простодушным своим предкам, подражайте им особливо в том, что надлежит до Богопочитания, и будьте по примеру их привержены к вере, закону и религии» (с. 121). Здесь же Бессонов подчеркивал, что необходимым условием для «просвещения разума» Невзоров считал «сердечное воспитание», с которым были связаны многие публикации «Друга юношества», однако они не упоминались в статье в «Русской беседе».[70]

[70] См., например: Дружеское послание к Эвнону // Друг юношества. 1812. Авг. С. 66–141, или же сочинения, переведенные Лопухиным: Испытание сердца устами истины / С немецкого, в 1707 году писанного; переведено в ноябре 1812 года, в Юрьеве-Польском // Там же. 1813. Май. С. 1–33; Разговор между двумя короткими приятелями о сердечной перемене / Сей разговор с франц. перевел И. В. Л⟨опухин⟩ и посвятил преосвященному Досифею, епископу Орловскому и Севскому // Там же. Нояб. С. 33–59; или же его собственные сочине-

В заключительной части статьи Бессонов определял свое отношение ко взглядам Невзорова, последовательно проведенным им в «Друге юношества», — «мы невольно соглашаемся с ним», но при этом указывал и некоторые внутренние «противоречия» в его взглядах и деятельности, к которым были отнесены: свобода владения иностранными языками и «тяжелый» русский язык, особенно в синтаксисе, обусловленный ориентацией на церковно-славянский язык; богословские взгляды, определявшиеся «направлением» западного происхождения, вследствие чего «на языке его христианство не вмещало в себе необходимого представления о Православной Церкви»; использование не святоотеческой литературы, а сочинений иностранных авторов и проповедников; знание западных систем общественного устройства и отсутствие ясного понимания «коренных основ собственной народной жизни»; критика европейский исторических деятелей и невнимание к «задачам и цели истории русской»; постоянное внимание к современным европейским произведениям и незначительное число публикаций, посвященных «истинно-русской жизни, ее быту, ее деятелям»; анализ образовательного процесса в европейских университетах и отсутствие публикаций о Московском университете (с. 124–125). Причина этих противоречий заключалась, по мнению Бессонова, в отсутствии «народности», необходимой для того, чтобы «досказать недосказанное» Невзоровым, так как «ее теплотою смягчится жестокое, согреется суровое, и в жизненный росток сольются силы; в ее объеме зачаток бесконечно-новой жизни» (с. 125).

Отсутствие «народности», как полагал Бессонов, характеризовало все «направление» Невзорова, и только в деятельности А. Ф. Лабзина, которому Бессонов посвятил отдельную статью,[71] произошли некоторые сдвиги: «простая переписка, простые рассказы о простом народе открыли им Церковь действительную, и нужно было видеть, как они дивились открытию!» (с. 125–126), однако издательские проекты Лабзина осуществлялись уже в Александровский период, а не в Екатерининский, определивший нравственный и культурный облик Невзорова. И здесь Бессонов рассматривал встречу с «народностью» как определяющую не только для Невзорова, но и для всего «направления», к которому тот принадлежал, так как эта встреча неизбежно приводила к выбору между двумя путями дальнейшего развития, первый из которых приводил к уничтожению

ния: ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Нечто для размышления о молитве и сущности христианства // Там же. 1814. Нояб. С. 88–124.

[71] *Бессонов П. А.* А. Ф. Лабзин: Лит.-биогр. очерк // *РА*. 1866. Стб. 817–836.

«всего тайного, всего сокрытого, всего отдельного» под влиянием «действительности», т. е. к самоуничтожению такой структуры, где закрытость была необходимым условием, тогда как второй, избранный Невзоровым, предполагал сохранение «прежнего» и приводил к уходу в мистицизм. С этим последним периодом жизни и деятельности Невзорова связаны различные письма «наполовину мистического» содержания, распространявшиеся им в рукописях», о которых упоминает Бессонов,[72] однако в статье они не рассматривались.

Взгляды Бессонова на просветительскую деятельность Невзорова полностью разделяла «Русская беседа». В редакционном послесловии к рассматриваемой статье подчеркивалось, что Невзоров, будучи «отрицателем эпохи», «чувствовал ложь цивилизации, жаждал истинного просвещения, и не умел отыскать его начал» (т. е. «народности» и «православия», в соответствии с программой «Русской беседы»), что было обусловлено его эпохой, тогда как возможность «вести просвещение уже от начал положительных» предоставляется только «укрепленным живыми водами источника правды» (с. 128–129), под которым следовало понимать «народность».

Сопоставление материалов «Друга юношества», упоминавшихся в статье о Невзорове, с материалами, опубликованным в журнале за все время его существования, показывает, что рассмотренные Бессоновым материалы не исчерпывают и не характеризуют содержание журнала даже в отношении литературного наследия самого Невзорова, так как не было упомянуто ни одно из его стихотворных произведений.[73] Все внимание Бессонова было сосредоточено на публикациях, содержавших критику западного просвещения, и, судя по всему, вместе с редакцией «Русской беседы» он видел в Невзорове одного из предшественников славянофилов, с которым последние разделяли отрицание европейского просвеще-

---

[72] См., например, два письма Невзорова к кн. А. Н. Голицыну, написанные в 1820 г. (РГБ. Ф. 237 (Собр. Д. И. Попова). Карт. 68. № 24–25. Л. 1–2, 3–8 об.) в которых он комментирует свои «предсказания о наступающей, или лучше сказать, наступившей уже всеобщей в мире революции», сообщает мысли «о будущем состоянии России», цитирует Апокалипсис о снятии шестой печати и рассуждает о суде Божием.

[73] Богу благодарственная песнь России, при наступлении нового столетия // Друг юношества. 1810. Июль. С. 1–9; Ода на всерадостнейшее коронование благочестивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского, сентября 15 дня 1801 года // Там же. Сент. С. 1–10; Элегия // Там же. 1811. Янв. С. 82–86; Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского // Там же. Сент. С. 20–27; Ода на чудесные российские победы // Там же. 1814. Апр. С. 117–124.

ния и его начал, с одной стороны, и веру в особое призвание России для просвещения Европы, с другой стороны, что, в свою очередь, сближало «Русскую беседу» с «Другом юношества».

В разговорах славянофилов и в аксаковском Абрамцеве, в частности, неоднократно должно было повторяться имя еще одного предшественника славянофилов — А. С. Шишкова, о котором с гордостью упоминалось в «Разговоре в подмосковной» (см. выше). Одним из первых в России он высказывал идеи о народе как «национальной личности» и языке как воплощении национального начала, заменяя при этом историческую действительность живописной «романтической» картиной, созданной собственным воображением.[74] С Невзоровым его объединяло, прежде всего, «славянофильство» или «русское направление», состоявшее в 1808—1811 гг., по свидетельству С. Т. Аксакова, в «восстании против введения нашими писателями иностранных, или лучше, французских слов и оборотов речи, против предпочтения всего чужого своему, против подражания французским модам и обычаям, и против всеобщего употребления в общественных разговорах французского языка»,[75] что в действительности можно рассматривать как проявление формирующегося национального самосознания в контексте национальной древности.[76] Таким образом, относящиеся к Шишкову в «Разговоре в подмосковной» слова Тульнева-Хомякова-Аксакова — «как ни темны еще были его понятия, как ни тесен был круг его требований, он много принес пользы и много кинул добрых семян» (с. 113), — равным образом могли быть отнесены славянофилами и к Невзорову. Но в статье Бессонова неоднократно подчеркивалось, что Невзоров и его журнал выражали позицию всего «направления», а с этим же «направлением» был связан почетный член кронштадтской Ложи Нептуна «славянофил» Шишков.[77]

Не менее «славянофильскими» в начале XIX в. были взгляды мартинистов и лиц, воспитанных в их среде. Например, Невзоров был не только убежден в особом призвании России, но и уверен в изначальном превосходстве русского народа над другими, о чем свидетельствует приписка

---

[74] *Лотман Ю. М.* 1) Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе: Ст. и исслед. (1958—1993). СПб., 2005. С. 286—287; 2) Проблемы народности и пути развития литературы преддекабристкого периода // Там же. С. 312—316.

[75] *Аксаков С. Т.* Семейная хроника и воспоминания. С. 462—463.

[76] О историко-лингвистических взглядах А. С. Шишкова в связи с «романтической реакцией» (Н. А. Бердяев) и полемикой с карамзинистами см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 444—450.

[77] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 899—900.

А. С. Кайсарова к письму Александра Ивановича Тургенева,[78] сына невзоровского «отца и благодетеля», из Смоленска от 30 июля 1802 г.: «Любезнейшему Максиму Ивановичу усердно кланяюсь. Ах!, для чего нет его теперь с нами! Пускай увидел бы он в Белоруссии русских во всем блеске лености и невежества, и еще бы остался тверд в своем мнении, что Русские лучше всех других народов».[79]

Другой сын И. П. Тургенева, Андрей Иванович, также воспитанный в среде участников «Типографической компании» и впитавший «лучшие традиции названного кружка», был одним из учредителей «Дружеского литературного общества», созданного в подражание новиковскому «Дружескому ученому обществу».[80] Весной 1801 г. на заседании «Дружеского литературного общества» он произнес речь «О русской литературе», в которой утверждалось, что для процветания «истинно русской литературы» необходимо, «чтобы мы и в обычаях, и в образе жизни, и в характере обратились к русской оригинальности ⟨понятие «народность» еще не появилось, — *А. П.*⟩, от которой мы удаляемся ежедневно», а сами «остатки русской литературы» находились, по мнению выступавшего, «только в одних сказках и песнях», в которых еще обнаруживался и чувствовался «характер нашего народа».[81] Мысли о том, что выразителем подлинных русских национальных черт является русский народ, сохранивший «ненарушимо свой коренной характер, свои природные добрые свойства, свои любезные пристрастия к отечеству» высказывал в 1802 г. и Яков Галинковский, тесно связанный с участниками «Дружеского литературного общества».[82]

Разговоры начала XIX в. о русском народе во многом были обусловлены предшествовавшими эмоциональными дискуссиями о «пагубном» религиозном и политическом влиянии вольнодумства французских энциклопедистов. Еще в 1780 г. Лопухин опубликовал в Москве небольшое сочинение под названием «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил, сочинен-

---

[78] Там же. С. 814—815

[79] Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. / С введ. и примеч. В. М. Истрина. СПб., 1911. С. 9 (паг. 2-я). (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2).

[80] *Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Там же. С. 9, 33—34 (паг. 1-я).

[81] *Фомин А.* Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров: Новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева. СПб., 1912. С. 24, 27.

[82] ⟨*Галинковский Я. А.*⟩. Мнение о характере русских // Корифей. СПб., 1802. Ч. 1. С. 160. Цит. по: *Лотман Ю. М.* Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // Лотман Ю. М. О русской литературе. С. 338.

ное Россианином» (переиздано в 1787 г.), в котором, под влиянием Сен-Мартена,[83] резко критиковал пагубное влияние «безбожных мудрецов» на общественный строй и нравственность. В 1798 г. в книге «Некоторые черты о внутренней церкве, о едином пути истинны и о различных путях заблуждения и гибели» основоположники философии французского просвещения упоминались Лопухиным в главе «О церкви Антихристовой», где к «действительнейшим орудиям посредственным и проповедникам богопротивной сей церкви» были отнесены «оные модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна; что самолюбие должно быть основанием всех действий человеческих; что християнство фанатизм», из которых «самыми заразительными» признавались отрицавшие действительность воплощения Иисуса Христа, его божественную природу или же проповедавшие атеизм, так как именно эти «вредные пустословы прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления ко мнимому равенству и своеволию в противность порядка небесного и земного благоустройства, и в противность Божественному велению „Царя чтить и повиноваться властям предержащим". Римл: VIII». И, как следствие, «сей дух кружения воцарился в погибающей Франции».[84]

Суровые слова одного из наставников московских розенкрейцеров, относящиеся к 1792 г.,[85] отражали отношение вольных каменщиков

---

[83] О влиянии книги Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» на социально-политические взгляды русских масонов в последней четверти XVIII в. см., например: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины I. Изд. 3-е, испр. и расш. СПб., 2001. С. 219–228.

[84] ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Некоторые черты о внутренней церкве, о едином пути истинны и о различных путях заблуждения и гибели, с присовокуплением краткого изображения качеств и должностей истинного християнина. СПб., 1798. С. 23–24.

[85] Рассматриваемый фрагмент внесен в первоначальный текст 1791 г. «О внутренней церкве и о различных путях истины, также и о путях ложных» (РГБ. Ф. 147. № 144. Л. 16 об.) при его редактировании в 1792 г. (Там же. Ф. 14. № 582. Л. 18–18 об.). Как свидетельствует Лопухин в «Записках некоторых жизни и службы», книга эта предназначалась для русских вольных каменыщиков: «Я писал ее для употребления в бывшем обществе нашем» (Там же. Ф. 178. № 2216. Л. 43 об.). В результате переработки этого текста появилась распространенная редакция «О внутренней церкве и о различных видах единаго пути истины, также и о путях ложных» (ОПИ ГИМ. Ф. 398. № 41; Ф. 450. № 492), которая подверглась существенным изменениям при подготовке издания 1798 г. Опущенные при подготовке печатного издания фрагменты были опубликованы во втором издании «Духовного рыцаря» (⟨*Лопухин И. В.*⟩. О ΖΗΛΟΣΟΦΟΣ. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. ⟨Б. м.⟩, 5791. С. 93–109) и перепечатаны в 1913 г. (Духовный рыцарь // Масонские труды И. В. Лопухина / Изд. В. Ф. Саводника. М., 1913. С. 51–59).

к «вольнодумцам» и их учению, о чем много говорилось в масонских собраниях.[86] Под непосредственным впечатлением от французской революции Лопухин написал и в 1794 г. опубликовал под общим названием «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы, с присовокуплением изображений душевной слепоты тех, которые не там где должно, ищут причин своих бедствий» три небольших сочинения, направленных против французских просветителей и их учения, где последовательно были применены представления о принципах общественного устройства и угрожающих опасностях, изложенные в сочинении «О внутренней церкве». В первом из них, посвященном сопоставлению политического устройства России и Франции, современная Франция характеризовалась как «вертеп разбойников, превосходный пред всеми в мире, доселе в малочисленных только скопищах от виселиц в ночной темноте крывшихся, вертеп мрака, беснуемый духом, родившим злобу и раздоры» и ей противопоставлялась «счастливая Россия», наслаждающаяся «от рек милосердия монаршего». Во втором сочинении порицались «мечты, порожденные чадом тусклого светильника любомудрия, распложденные безумными писаниями татей философского имени, адским пламенем стремящихся отвращать взор человеческий от тени пресветлого Софиина Лица». «Картины» третьего сочинения, иллюстрировавшие «слепоту развращенных французов», завершал рассказ о господине Sansjugement, то есть Безрассудном, писавшем «о равенстве состояний» и выбросившем «сверток», найденный им среди книг, за то, что «он старинною рукою и может быть его прадедом писан», тогда как текст, в нем содержавшийся, обосновывал «единоначалие» в общественном устройстве и существование «различных состояний».[87]

В последние годы XVIII столетия московские мартинисты предприняли попытку активизировать свою деятельность по «духовному усовершенствованию россиян» и защите их от опасного «вольнодумства», для чего под высочайшим покровительством предполагалось создать обще-

---

[86] Подробнее об отношении русских масонов к философии французских просветителей см.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство... II. С. 187–195.

[87] ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Излияние сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы, с присовокуплением изображений душевной слепоты тех, которые не там где должно, ищут причин своих бедствий. М., 1794. С. 11–12, 17, 25, 62–64.

ство «духовных» или «внутренних» рыцарей.[88] Судя по всему, к этому обществу имел отношение обрядник, составленный Лопухиным в 1791 г. и тайно изданный не ранее 1799 г. (дата на водяном знаке бумаги) под названием «Духовный рыцарь, или Ищущий Премудрости», содержавший «Общие правила духовных рыцарей» для подписания вступавшим, чин принятия, регламент «капитула» и «столового собрания», описание «одежд рыцарских» и «праздника общества», в конце которого находился составленный Лопухиным же «Нравоучительный катехизис истинных ф⟨ран⟩к м⟨асоно⟩в для употребления ищущих премудрости». «Доблестями» духовного рыцаря были «пламенное усердие к Царю и Отечеству своему, любовь к ближним, ненависть к порокам и стремление разумом и сердцем ополчаться противу враждующих Христианству и Свет Учения его гонящих», а пятое из «Общих правил», которые подписывал и клятвенно обещался «исполнять наистрожайше» вступавший, гласило: «Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системе мнимыя вольности и равенства; и стараться искоренять ее всеми искусными средствами действий разума и всякими возможными путями добродетелей».[89] Несмотря на наличие многих характерных элементов и приложенный масонский катехизис, «Духовный рыцарь» Лопухина предназначался не для традиционной масонской структуры, а для рыцарского «общества» — новой организационной формы в русском масонстве конца XVIII в., имеющей сходные обряды и устройство, — одной из задач которого было защита от «пагубной заразы вольнодумства».[90]

Постепенно московские мартинисты пришли к выводу о необходимости ограждения общества, народа и государства от западного влияния в целом. В завершенных весной 1809 г. и активно распространявшихся в рукописных копиях «Записках некоторых обстоятельств жизни и службы»[91] Лопухин призывал к ограничению и сокращению как поли-

---

[88] *Соколовская Т. О.* Новые данные для истории русского масонства по рукописям Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1912. С. 9. См., также: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 101.

[89] ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Духовный рыцарь, или Ищущий Премудрости. ⟨Б. м.⟩, 5791. С. 2, 4.

[90] В это же время в России создавались и тайные «неправильные» ложи исключительно для русских дворян православного исповедания, учредительные документы которых имели «ярконациональный характер» (*Соколовская Т. О.* Новые данные для истории русского масонства... С. 4–5).

[91] См., например: РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 47 (список 1809 г., подаренный автором В. А. Жуковскому); Там же. Ф. 178. № 2216 (список 1814 ⟨?⟩ г., подаренный автором И. И. Попову).

тических, так и культурных связей с Европой, неизбежно приводивших к зависимости и к заимствованию новых обычаев, «коих заразительная гнилость снедает древнее здравие душ и тел российских», вытесняющих «свои старинные обычаи», к которым относились, например, «покрой платья, цвет и доброта того, из чего оно шьется».[92] В основе «ограничительных» взглядов Лопухина лежала искренняя любовь к своему отечеству, которое находилось, по его убеждению, в опасности: «Истинный патриотизм в том, чтоб желать Отечеству истинного добра и содействовать тому всеми силами: желать, чтоб не на французов или англичан походили русские, а были бы столько щастливы, как только они быть могут. Что такое любить Отечество? Иметь к нему те точно чувства любви, какие имеют к милой родине своей, любить его подлинно, как добрые дети любят своего отца. Будут ли они радоваться, видя, что отец их в красивых нарядах и обширными владея дачами, тает и чахнет! И не будут ли лучше желать и стараться, чтоб он выздоровел, когда еще можно».[93]

Патриотические страницы «Записок» Лопухина продолжали призывы услышать «глас отечества» и наставления о том, что любовь к отечеству есть источник других «гражданских добродетелей», звучавшие в масонских мастерских Российской империи в конце XVIII столетия. Так, в «Уставе или правилах свободных каменьщиков», которые торжественно зачитывал великий мастер ложи после окончания чина принятия в ученики, под третьим пунктом значилось: «Первая твоя клятва принадлежит Богу, вторая — Государю, яко образу его на земле. Чти правителей государства, люби Отечество, исполняй со всякою точностию все обязанности доброго гражданина, и мни, что оне освящены произвольными каменьщика обетами, и что наруша оные, ты к слабости придашь лицемерие и клятвопреступство».[94] В свою очередь, московский розенкрейцер А. М. Кутузов обращался в 1784 г. к своим собратьям в ложе Светоносного треугольника с вопросом: «Не должен ли тогда каждый из нас соделаться проповедником любви к отечеству, взывая брат брату: *Отечество имеет право на жизнь твою и на твои услуги*».[95] Здесь следует

---

[92] РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 47. Л. 206–206 об.; Там же. Ф. 178. № 2216. Л. 203 об.–204.

[93] Там же. Ф. 104. Карт. 8. № 47. Л. 207–207 об.; Там же. Ф. 178. № 2216. Л. 204 об.–205.

[94] ОПИ ГИМ. Ф. 446. № 18. Л. 30 об.

[95] ⟨*Кутузов А. М.*⟩. Рассуждение о нарушении порядка, которое происходит от неисполнения законов, и о той любви и благодарности, которыми каждый истинный С⟨вободный⟩

отметить, что мартинисты, в соответствии с принятым словоупотреблением, понимали под родиной место рождения, а под отечеством — государство. Соответственно, любовь к родине понималась как чувство естественное, тогда как любовь к отечеству отражала гражданскую позицию.

Благородным патриотическим традициям следовал и «Друг юношества», в первом выпуске которого за статьей «Обязанности к Богу» следовала статья «Обязанности к государю и отечеству», побуждавшая «любить отечество», которое «славно, благо, цветуще и спокойно»[96]. В сентябрьском выпуске 1809 г. был опубликован «российский катехизис» Ф. Н. Глинки,[97] где пространно излагались взгляды Лопухина и московских мартинистов:

«*Вопрос*. Кто ты?

Ответ:. Россиянин!

В. Почему называешься ты россиянином?

О. Потому, что *родина* моя в России, что я принадлежу к народу российскому, и Россия есть мое *отечество*.

В. Что такое родина, и что есть отечество?

О. Родиною называют то место, где человек родится; а отечеством — ту область или то государство, в котором родина наша находится.

В. Как называются все люди, живущие в одном отечестве?

О. *Сынами отечества*, или *гражданами* того *государства*.

В. Кем дается нам отечество?

О. Самим Богом. Он положил предела государствам и разделение народам, так как берега водам.

В. Чем различествуют между собою народы?

О. Весьма многим, как то: *одеянием, наречием и образом жизни*; потом главнейшие отличия суть: *вера, нравы, обычаи* и, вообще, *образ мыслей*.

В. Может ли человек переменить свое отечество?

О. Истинно честной и чувствительной — никогда. ⟨...⟩

В. Чем обязаны мы своему отечеству?

О. Всем. Мы родимся на его земле, дышем его воздухом, возрастаем под защитою его законов; а потому самому должны любить его более всего, и защищать от нашествия иноплеменных до последней капли крови. ⟨...⟩

В. Есть ли случаи, в которых дозволительно отлучаться из своего отечества?

О. На время отлучаться можно, но с тем, чтобы опять возвратиться. ⟨...⟩

К⟨аменщик⟩ обязан своему отечеству, преимущественно пред всеми прочими согражданами // Магазин свободно-каменьщической. ⟨М.⟩, 1784. Т. I, ч. II. С. 17–18.

[96] Обязанности к государю и отечеству // Друг юношества. 1807. Янв. С. 105.

[97] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 244.

В. Что прежде всего должно познавать гражданину?

О. Свое отечество во всех его отношениях; ⟨...⟩

В. Каким образом должно приступать к познанию своего отечества?

О. Должно узнать прежде его *историю, веру, местное положение и разделение;* потом *законы, образ правления...*»[98]

В следующем номере «Друга юношества» находилось стихотворение «К русским» («Царица многих царств — Россия!..»), содержавшее возвышенный поэтический образ русского человека:

Взгляните, росса как природа наградила:
Величественный взор, осанка, огнь в глазах,
Приятность, здравие, телесна крепость, сила,
И искренность, любовь их видны на устах.
Но в качествах души кто с россами сравнится?
Какой народ еще в делах их превзойдет?
Хоть всякая страна героями гордится,
Но россу равного душою не найдет.
Нет! С россами сам Бог! Он их покров, хранитель!»[99]

Кроме этого, весной 1809 г. в «Друге юношества» были переизданы сочинения Лопухина, напечатанные в 1794 г.[100] и во многом предопределившие непреклонность взглядов Невзорова, и на фоне этих текстов разворачивалась его собственная критика европейского (французского в своей основе) просвещения. Таким образом, осознание «заразности» и опасности его плодов неизбежно приводило Невзорова и его «направление» к обращению к собственному народу, нравственность и быт которого еще не были «повреждены» воздействием «заразительной гнилости», к «славенороссийскому» языку, отечественным древностям и истории.

Итак, противостояние «вольнодумству» французского происхождения, с одной стороны, и активная гражданская позиция, определявшая

---

[98] ⟨*Глинка Ф. Н.*⟩. Первоначальный урок юному россиянину об отечестве // Друг юношества. 1809. Сент. С. 74–82.

[99] *Н. А.* К русским // Там же. Окт. С. 102–103.

[100] ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями, и опровержение их вредных правил, и чтущим Бога и любящим добродетель усердно посвящаемое // Там же. Февр. С. 38–51; *Лопухин И. В.* Благость и преимущество единоначалия // Там же. Март. С. 33–46; ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Изображение мечты равенства и буйной свободы, с пагубными их плодами // Там же. Апр. С. 32–51; ⟨*Лопухин И. В.*⟩. Описание нескольких картин и список с некоторых отрывков, находящихся в Магазине давнего смотрения на внутренние причины действий, и на слепоту развращенных французов // Там же. Май. С. 31–51.

появление и развитие осознанного отношения к своему отечеству и своему народу, с другой стороны, во многом способствовали формированию прото-«славянофильских» взглядов в кругах русского масонства в начале XIX в.[101] Многие из них обсуждались в разговорах «пустынника Юнгова острова» (Лопухина) с гостями Савинского,[102] а затем отразились на страницах «Друга юношества».

В свою очередь, религиозно-философские и общественно-политические взгляды русских масонов конца XVIII — начала XIX вв., в том числе и прото-«славянофильские», были хорошо известны представителям старшего поколения московских славянофилов, воспитанным в семьях, связанных с традициями московских мартинистов, из которых наиболее характерной была семья Киреевских. Глава семьи, Василий Иванович Киреевский был «убежденным масоном»;[103] крестным отцом Ивана Киреевского был Лопухин, а в 1814 г. «истинный друг бабушка» Варвара Афанасьевна Юшкова подарила любимому внуку книгу Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви», полученную от самого автора.[104] Рассуждения о значении просвещения России для будущего Европы, сходные по своей сути со взглядами Невзорова, содержатся уже в первой критической статье Киреевского, опубликованной в 1830 г., в начальной части которой отмечен определяющий вклад Новикова и его «товарищей» в российское просвещение,[105] что указывает на высокую оценку издательской деятельности и печатной продукции московских мартинистов, а также объясняет близость некоторых философских взглядов И. Киреевского, В. А. Жуковского и Новикова.[106] Известно, что Киреевский готовил статью о Новикове,

---

[101] Рассмотренный материал заставляет усомниться в существовании «непроходимой грани» между «нравственными исканиями масонов XVIII в. и пафосом духовных устремлений будущих славянофилов» и в объективности утверждения, что «вопросы национальной „почвы", вопросы историко-социального самоопределения нации были за пределами внимания масонов» (*Стенник Ю. В.* Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность. С. 18). См. также: *Вернадский Г. В.* Русское масонство... С. 320—322.

[102] О «иероглифическом» парке Савинского см.: *Гаврюшин Н. К.* Юнгов остров: Религ.-ист. этюд. М. 2001. С. 26—58.

[103] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 391; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 254.

[104] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские: Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 4.

[105] *Киреевский И. В.* Обозрение русской словесности за 1829 год // Денница: Альм. на 1830 год. М., ⟨1830⟩. С. LXXIII–LXXIV, XII–XVI.

[106] *Лушников А. Г.* И. В. Киреевский: Очерк жизни и религиозно-философского мировоззрения. Казань. 1918. С. 222—226 (Отд. отт. из «Православного собеседника»).

но она была «оставлена в цензуре».[107] Любопытно отметить, что гостем «вечеров» в доме Авдотьи Петровны Елагиной, матери Киреевского, часто бывал художник Эммануил Александрович Дмитриев-Мамонов,[108] создатель «Елагинского альбома» и впоследствии один из авторов «Русской беседы», отец которого, художник Александр Иванович Дмитриев-Мамонов, был мастером стула московской ложи Ищущих манны и не прерывал связей с масонством до конца жизни.[109]

Масонские взгляды не могли не оказать влияния на друга и собеседника Киреевского, А. И. Кошелева, попечителем которого после кончины отца стал дядя, Родион Александрович Кошелев,[110] познакомивший его с кн. А. Н. Голицыным и М. М. Сперанским.[111] С орловской ложей Возрастающего орла, близкой к Лопухину, был связан Федор Васильевич Самарин, отец Ю. Самарина.[112] Хорошее образование Степана Александровича Хомякова, старшины Английского клуба, его большая библиотека, интерес к математике и гомеопатии, филантропическая деятельность (во время войны 1812 г. он увозил раненых с поля боя в госпиталь, устроенный в смоленском имении, а после выздоровления снабжал их необходимым, в том числе и деньгами), знакомство с философским наследием Григория Сковороды и его хранителем, а также принципиальное использование русского языка в письмах, знание народных обычаев и песен[113] указывают на близость к «направлению» Невзорова и отца Хомякова.

Многолетние отношения связывали с мартинистами семью С. Т. Аксакова. Его мать находилась в переписке с Новиковым, присылавшим ей книги,[114] в Уфе с родителями Аксакова поддерживал дружеские отношения В. В. Романовский, председатель Уфимской палаты гражданского суда с 1792 г.[115] Во время учебы в Казани С. Аксаков выписывал и читал мисти-

---

[107] *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. С. 254.

[108] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. С. 60.

[109] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 303—304.

[110] Там же. С. 428.

[111] *Кошелев. Записки.* С. 14, 19; *Колюпанов.* Т. I, кн. II. С. 188—196.

[112] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 728.

[113] *Мазур Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 200—201.

[114] *Аксаков С. Т.* Семейная хроника // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 143.

[115] Там же; *Аксаков С. Т.* Встреча с мартинистами // Там же. Т. 2. С. 223. Подробнее о В. В. Романовском см.: *Серков А. И.* Русское масонство. С. 710.

ческие сочинения Юнга-Штиллинга.[116] В Петербурге его служба в Комиссии по составлению законов проходила под непосредственным руководством Г. А. Розенкампфа[117] и М. М. Сперанского,[118] соответственно — надзирателя и мастера стула ложи Полярной звезды, тесно связанной с данной Комиссией.[119] Тогда же Романовский познакомил С. Аксакова с А. Ф. Лабзиным и другими участниками собраний теоретического круга в Петербурге (история этого знакомства была изложена С. Аксаковым в «Русской беседе»),[120] однако его больше привлекало «славянофильство» Шишкова.

Таким образом, разговоры в Абрамцеве и в других «деревнях» московских славянофилов во многом продолжали разговоры начала XIX столетия в «деревнях» московских мартинистов и, прежде всего, в «подмосковной» Лопухина — Савинском. Однако эти разговоры разделяет несколько десятилетий, и ни сам «пустынник Юнгова острова», ни его собеседники не принимали участия в абрамцевских разговорах, т. е. говорить о прямой преемственности не представляется возможным. Следовательно, существовали промежуточные этапы, где происходила передача прото-«славянофильских» *идей*, сформировавшихся в кругах московских мартинистов, выявление и изучение которых является предметом специального исследования. Но уже сейчас полученные результаты позволяют согласовать взгляды Н. А. Бердяева, видевшего в славянофильстве «психологию и философию помещичьих усадеб и уютных гнезд»,[121] и священника Г. Флоровского, указывавшего на происхождение славянофильства из «екатерининского масонства», а не из «усадебного быта»:[122] славянофильство действительно связано с помещичьими усадьбами, однако не со всеми, а с такими «деревнями», особенно «подмосковными», как Савинское (Лопухин), Авдотьино (Новиков), Долбино (Киреевские), Богучарово (Хомяковы), Измалково (Самарины) и Абрамцево (Аксаковы), разговоры в которых отразились на страницах и «Друга юношества», и «Русской беседы».

---

[116] *Аксаков С. Т.* Встреча с мартинистами. С. 231.

[117] *Серков А. И.* Русское масонство. С. 708.

[118] Там же. С. 764–765.

[119] Там же. С. 1088–1089.

[120] *Аксаков* С. *Т.* Встреча с мартинистами. С. 229, 240–241. Подробнее о теоретическом градусе А. Ф. Лабзина см.: *Серков А. И.* 1) История русского масонства. С. 63–64; 2) Русское масонство. С. 1106.

[121] *Бердяев Н. А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 65.

[122] *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. С. 116, 253. Однако еще Г. В. Вернадский в 1917 г. указывал на зависимость славянофильства от екатерининского масонства (*Вернадский Г. В.* Русское масонство... С. 320, 502). См. также: *Гаврюшин Н. К.* Юнгов остров. С. 18–19.

Б. Ф. Егоров

ПОСЛЕДНИЙ ГОД «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Славянофилы давно мечтали о создании своего собственного журнала, но цензурные препятствия и недостаточная активность главных представителей кружка мешали осуществлению этой мечты. И нужно было в конце 1840-х гг. включиться в стан славянофилов А. И. Кошелеву, чтобы наконец появилась потенциальная возможность формирования редакционного коллектива журнала. Кошелев демонстрировал собою наличие антиобломовской линии в русском дворянском обществе: талантливый чиновник, финансист, хозяйственный помещик, он стал самым активным практическим деятелем изо всех тогдашних славянофилов. Именно он организовал издание «Московского сборника» 1852 г., имевшего большой культурный успех, и лишь цензурные запреты остановили регулярное продолжение этих сборников. И именно Кошелев смог в 1855 г. взять «приступом», как он сам выражался, правительственные инстанции и одержать победу: добиться разрешения на издание журнала «Русская беседа».

Он возглавил редакцию, став официальным издателем «Русской беседы» при почти всеобщем одобрении друзей и соратников. А. С. Хомяков сообщал о его стараниях А. Н. Попову во второй половине 1855 г.: «Славный человек! Таких деятельных людей нам очень нужно, а мы немножко вяленьки».[1] Русская беседа» стала выходить с 1856 г., ежеквартально, то есть четыре раза в год. Но, к сожалению, интенсивно погруженный в финансово-экономические проблемы и в начинавшиеся споры по крестьянскому вопросу, да еще не будучи поднаторевшим журналистом-литератором, Кошелев постоянно приглашал в качестве редакторов журнала литераторов и историков: Т. И. Филиппова (1856), П. И. Бартенева (1857), М. А. Максимовича (первая половина 1858 г.), но все как-то неудачно, по разным причинам. И лишь с августа 1858 г.

---

[1] *Хомяков*. Т. VIII. С. 255.

у Кошелева появился выдающийся редактор, много месяцев возглавлявший журнал, — И. С. Аксаков.

Кошелев хотел его привлечь еще в 1856 г., но потом становился все более сдержанным и колеблющимся. Даже сделав его в 1858 г. своим помощником, часто досадовал на смелые высказывания молодого сотрудника: и в самом деле, И. Аксаков в середине 1850-х гг. был единственно «радикальным», чуть ли не прозападным, из всего славянофильского лагеря и очень раздражался по поводу консерватизма «старших». В июне 1857 г. Иван писал отцу из Италии: «Пугает даже не столько недостаток сотрудников, сколько неудобство возни с многими наличными сотрудниками: все будут обижаться. Программа „Русской беседы“ мне с самого начала не нравилась и не нравится. Она написана так, что, возбуждая недоумение, отвращает от нас сочувствие молодого поколения и приобретает сочувствие, которого я не желаю, сочувствие архиереев, монахов, Святейшего Синода».[2]

А Кошелев, со своей стороны, раздражался крайностями Аксакова, о чем очень честно писал кн. В. А. Черкасскому 21 ноября 1858 г.: «Теперь скажу в ответ на Ваше мнение о том, что И. С. Аксаков может быть *соиздателем* „Беседы“ и что не беда изменить несколько направление „Беседы“. Нет, батюшка, последнее совершенно невозможно. *Наши* убеждения совершенно тверды и со дня на день все более и более определяются даже для читателей 〈...〉. Нет, дражайший князь, с И. С. Аксаковым я не хочу издавать журнала. У нас и убеждения и образ действия слишком различны. С виду они похожи, а как в них покопаться, то и видишь, что они различны в самых основах».[3]

Но тем не менее Кошелев, открывший с марта 1858 г. специальный журнал по крестьянскому вопросу «Сельское благоустройство» и все силы отдававший этому журналу, вынужден был почти полностью передоверить издание «Русской беседы» Аксакову, а тот горячо взялся за дело, сразу же стал превращать «альманашный» тип «Русской беседы» в более частый по выходу журнальный. В 1859 г. вышло уже шесть номеров журнала, далее Аксаков планировал довести его до ежемесячника, как большинство тогдашних толстых журналов (об этом он мечтал еще на самом раннем этапе приглашения в журнал). Он писал Н. С. Соханской (Кохановской) 8 октября (26 сентября старого стиля) 1859 г. из швейцарского Веве: «...если бы, например, „Беседа“ выходила 12 раз в год, то

[2] *Барсуков*. Кн. XIV. С. 350.
[3] *Трубецкая*. С. 82.

имела бы больше подписчиков, но наши славянофилы — и во главе их именно мой брат (Константин. — *Б. Е.*) — ни за что этого не хотят, боясь отнять этим у „Беседы" характер серьезности, значение выдержанного, зрелого слова, и проч. Может быть, они и правы, но я, признаюсь, в этом отношении самый грешный, и может быть потому самый житейски мудрый из славянофилов, и смотрю на дело иначе. Я считаю необходимым журнал, который мог бы состязаться с прочими равным оружием, откликаться своевременно на все явления и вопросы, и все ежедневные задачи решать с известной точки зрения, словом — проповедь из церкви перенести и в жизнь».[4] Иными словами, в отличие от старших славянофилов (Хомяков, Киреевский, брат Константин) Иван Аксаков хотел превратить «Русскую беседу» из солидного и, главным образом, научного сборника статей, в злободневный периодический орган печати.

Но только ли эти причины влияли на интервалы? Интересно сравнить настойчивое увеличение частоты выпуска в свет с биологическим миром. Группа ленинградских кибернетиков и биологов во главе с заведующим кафедрой кибернетики Института авиаприборов (ЛИАП; ныне — Университет аэрокосмического приборостроения, ГУАП) профессором М. Б. Игнатьевым, занимаясь статистикой здоровья живых существ во время полового созревания, обнаружила большой процент ослабленных организмов и даже смертельных исходов — и интерпретировала ускоренное половое созревание и рождение потомства как компенсационный ответ особей на опасность гибели. Не выстраивается ли некоторая аналогия в нашем случае: цензурные придирки, слабое участие ведущих славянофилов в журнале, неуспех славянофильских идей в тогдашнем читающем обществе — все это приводило «Русскую беседу» на край существования (если бы не весомая финансовая помощь из кармана Кошелева, то еще неизвестно, дожила ли бы она до 1858 г.). И, может быть, страх гибели тоже влиял на желание Аксакова участить периодичность издания: ежемесячникам легче бороться за свое существование, чем редким ежеквартальникам!

Будущий крах «Русской беседы» обуславливался многими факторами, и среди них немалую роль играла идейно-психологическая напряженность, возникавшая при взаимоотношениях двух весьма незаурядных личностей, Кошелева и Аксакова. У историков уже привычно укоренились представления о кружках как целостных коллективах с общими установками, мировоззренческим и даже психологическим единством

---

[4] *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 174.

(декабристы, петрашевцы, славянофилы, народовольцы). Единство, конечно, было. Но все-таки в XIX в. у людей мысли и творчества уже настолько развилась индивидуальность, что она оказывалась помехой кружковому сплочению. И. Аксаков в письме к князю Черкасскому от 26 ноября 1859 г., то есть при самом конце «Русской беседы», раскрыл, хотя и частично, важные аспекты соотношения личного и коллективного: «Действительно, положение нас обоих было очень фальшивое. Я был нравственно парализован тем, что всякое мое слово подвергало ответственности и официальной и нравственной, и перед правительством, и перед обществом, другого человека, парализован тем, что говорю не от своего лица, а от имени чужого; Кошелев, с своей стороны, уже известный публике личною своею физиономиею, литературною и нравственною, должен был признавать своими чужие слова и мнения, часто с его собственными несогласные, должен был принимать незаслуженные упреки и похвалы. Все это мешало „Беседе" отзываться на вопросы современные и живые».[5] Аксакову, видимо, не хотелось распространяться по поводу идеологических несогласий, о которых мы можем хотя бы пунктирно судить по приведенным выше отзывам Кошелева об Аксакове и Аксакова о старших товарищах по кружку.

Но Аксаков не коснулся в этом письме и психологических трудностей, возникавших при его взаимоотношениях с Кошелевым. При общих славянофильских взглядах они были очень разные натуры. Аксаков отличался жесткой нетерпимостью к малейшим отклонениям от своих норм и идеалов, о чем он откровенно заявлял в письме к М. П. Погодину (январь 1859 г.): «Если бы Пушкин, Гоголь и проч. дали бы мне в „Парус" свои произведения, не согласные с духом газеты или противные моим убеждениям, так я бы не поместил».[6] Кошелев был немного толерантнее, но не менее твердо осторожен. Да и убеждениями своими тоже не был намерен поступаться ни на йоту. Так что, как любил выражаться Ап. Григорьев, два медведя в одной берлоге не уживаются.[7]

Однако главным препятствием к продолжению издания были не идейно-психологические несоответствия, а отказ властей официально утвердить Аксакова редактором, о чем он писал в уже цитированном выше письме к Н. С. Сохановской (Кохановской) от 8 октября (26 сентября) 1859 г.: «Серьезный и честный журнал еще не по плечу нашей пуб-

[5] Цит. по: *Пирожкова*. С. 165.
[6] *Барсуков*. Кн. XVI. С. 316.
[7] См., например: *Григорьев Ап*. Письма. М., 1999. С. 112.

лике. Тысяча подписчиков — это малое, но верное стадо — конечно, великое приобретение, но не выкупали и половины расходов издания, тем более, что „Беседа" была не просто журнал, а целый институт, целое учреждение. Вся материальная тяжесть издания лежала на Ал. Ив. Кошелеве, который, положив на „Беседу" более 35 тыс. руб. сер., более жертвовать не хочет и, занятый другими делами, не хочет нести никакой, ни официальной, ни общественной ответственности издательства. Я бы, может быть, и собрал, достал бы как-нибудь капитал хоть на один год, но правительство не позволяет мне редакторства».[8]

Кошелеву удалось сказать об этом и подцензурно: шестая книга «Русской беседы» за 1859 г. (по общей нумерации от начала издания это была «книга XVIII») заканчивалась «Заключительным словом» издателя (с. I—VIII особой пагинации), где сообщалось о конце и отмечалась заслуга И. С. Аксакова, «принявшего на себя не официальную, а нравственную ответственность» (с. I), а официально ему не была передана редакция «по причинам, совершенно не зависящим от нас обоих» (с. II).

Затем Кошелев перечисляет мысли, проповедовавшиеся в журнале и уже перешедшие в общественное сознание: народность в науке, общинное устройство в деревне, освобождение крестьян с землею, славянский вопрос (в самом деле, в журнале за пять лет были опубликованы 52 статьи о южных и западных славянах).

Соратники и друзья с глубокой скорбью встретили весть о кончине «Русской беседы». Хомяков писал И. Аксакову в конце 1859 г.: «Сердце у меня йокнуло, любезный Иван Сергеевич, когда получил я заключительное слово. Очень хорошо составлено; но больно читать, и все-таки не скроешь ни от себя, ни от других, что нас подрезало равнодушие общества ⟨...⟩. Этого я ожидал уже с прошлого года; но надобно нам всем думать, что „Беседа" издается и она будет издаваться, даже еще лучше, только не в журнальной форме. Жаль одних славян».[9]

Да, и Аксаков, и Кошелев обещали и после закрытия журнала выпускать сборники статей. Но неожиданно для всех Кошелев решил реанимировать «Русскую беседу», возродить ее из клинической смерти (пользуемся снова биологической аналогией). Именно Кошелев, один, продолжил издание, ибо И. Аксаков в самом начале 1860 г. уехал в Западную Европу. В первой книге за 1860 г., вышедшей в свет в конце апреля, на обороте обложки было напечатано следующее объявление:

[8] *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 174.

[9] *Хомяков*. Т. VIII. С. 386.

Об издании «Русской беседы» в 1860 году.

Приостанавливая на время издание «Русской беседы» как срочно выходящего журнала, мы обещали выпускать от времени до времени Сборники. По причинам, которые считаем излишним здесь излагать, мы решились выпускать не Сборники, а *самую* «Беседу», только не в сроки положительно и заранее определенные. Надеемся осенью издать другую книгу за сей 1860 год.

Цель «Беседы», ее убеждения, сотрудники и состав книг остаются совершенно те же.

Издатель А. Кошелев.

Конечно, отсутствие периодичности, заранее намеченной, лишало редакцию возможности объявлять подписку на «Русскую беседу». Да и осенью издать вторую книгу не удалось, она имеет цензурную дату 31 декабря, а вышла в свет в самые первые дни 1861 г. Все-таки издание еще более усилило таким образом свой характер сборника, а не журнала с четкой и частой периодичностью.

Но и издание сборников, где публиковались бы близкие по славянофильскому духу произведения, оказалось совсем не простым делом (интересно, где бы черпал материалы И. Аксаков, если бы ему удалось довести периодичность журнала до 12 номеров в год?!). Кошелев был очень раздражен, когда читал приходившие отовсюду сочувственные послания и уверения в помощи, но конкретно ничего для печати не получал. И потому он отправил 20 июня 1860 г. весьма сердитое письмо К. Аксакову: «Нет, любезный Константин Сергеевич, наше единодушие стоит мне поперек в горле... Я весьма расстроен всеми письмами, полученными из Москвы, Питера и других мест. Везде единодушие и готовность трудиться для общего дела! Нет, нам Петры с палками разных размеров еще необходимы. Извините, что выражаюсь резко».[10]

Но трудности возникали и с имеющимися материалами, и, как и раньше, в связи со столкновениями разных людских характеров и методов работы. На этот раз, при издании первой книги журнала за 1860 г., у Кошелева вспыхнул конфликт с К. Аксаковым. В начале только что цитированного письма от 20 июня Кошелев сообщал адресату о получении неприятного известия от цензора Н. П. Гилярова-Платонова: К. Аксаков, оказывается, самовольно отдал в «Русскую беседу» стихотворение о новгородском вече и статью о земских соборах (Аксаков находился

---

[10] Данная часть письма опубликована в кн.: *Пирожкова*. С. 162.

в Москве при редакции журнала и, наверное, не счел нужным уведомлять Кошелева, который с весны был в деревне), Гиляров же по своим убеждениям не мог согласиться с содержанием этих произведений: «Вследствие этого он отказался от цензорования „Беседы" и передал ее другому цензору. Этот его поступок меня крайне удивил и огорчил; весьма неправы и вы, любезнейший К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩, поместивши или по крайней мере отдавши набирать статью без моего согласия и ведома. Постарайтесь поправить эту беду и уговорить Гилярова снова взять на себя цензорование „Беседы", удостоверив его, что стихотворение это было вами отдано в набор ⟨...⟩ совершенно без моего согласия».[11]

Да, к цензурованию первой книги был привлечен еще профессор А. Н. Драшусов (в книге указаны оба цензора: и он, и Гиляров). Но и Драшусов, видимо, не решился пропустить тексты К. Аксакова. Произведение, вызвавшее опасения, — это, очевидно, стихотворение «Новгород», опубликованное в 1862 г. И. Аксаковым в газете «День» (№ 14): здесь прославляются и вече, и земский собор. А в изданном И. Аксаковым 1-м томе собрания сочинений брата, озаглавленном «Сочинения исторические» (М., 1861), помещены черновики статьи «Краткий исторический очерк земских соборов». Конечно, это та самая статья. А Гилярова К. Аксаков уговорил: при второй книге он снова выступает цензором; правда, в содружестве с А. Г. Петровым.

При таких трудностях Кошелев продолжал журнал в 1860 г. Ему все-таки удалось собрать и издать в двух книгах «Русской беседы» много значительных «сборниковых» материалов. Первая книга (по общему счету, с 1856 г., она — 19-я; цензурное разрешение — 24 апреля 1860 г.) открывалась типичным журнальным разделом «Изящная словесность», куда Кошелев почему-то включил собрание знаменитых речей Хомякова в Обществе любителей российской словесности: он, видимо, ценил не только теоретический и литературно-критический характер этих произведений, но и их художественную значимость.

Потом следовало обширное собрание русских песен, предоставленное Н. С. Соханской (Кохановской) — их просил у нее еще год назад И. Аксаков. И в заключение раздела — программное стихотворение самого Ивана Аксакова «На встречу вещего пророка...». В авторитетном издании «Стихотворений и поэм» И. С. Аксакова в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1960; подготовка текста Е. С. Калмановского) первые

[11] РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. I. № 78. Л. 1 об.–2. Благодарю Т. Ф. Пирожкову, сообщившую мне этот текст.

два слова написаны слитно; однако смысл стихотворения именно *встреча* пророка, а не путь к свиданию. В конце стихотворения рядом с именем автора было указание: «1860, Февр. 24. Мюнхен» — лишнее доказательство, что в 1860 г. Аксаков уже не участвовал в формировании книг «Русской беседы», уехав за границу. Известный немецкий славист Фр. фон Боденштедт, тесно общавшийся с Аксаковым в Мюнхене, рассказывает в воспоминаниях, что Аксаков именно там работал над стихотворением и подарил его мемуаристу в феврале.[12]

Второй раздел книги — «Науки». Самое значительное здесь — обстоятельная, на 110 страниц (плюс карта), статья М. П. Погодина «Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого, с приложением и планом Преображенского в настоящее время». Лишь при новом либеральном царствовании Александра II почтенному историку удалось изучить секретные архивы императорского двора и многое из прежде закрытого опубликовать в печати, и то дамоклов меч цензурных разрешений висел над Погодиным: например, невозможно было говорить об убийстве царевича и потому появилась туманная фраза о 26 июня 1718 г.: «Царевич Алексей Петрович преставился». Впрочем, Погодин привел немало сведений о пытках соратников царевича; а на другой день после смерти Алексея, оказывается, царь Петр и его министры, отмечая годовщину Полтавской битвы, «прибыли в сад его царского величества, где довольно веселились».[13]

Ниже, в отделе «Смесь», Погодин опубликовал подробный отчет о январском публичном диспуте о происхождении Руси, происходившем в зале Санкт-Петербургского университета между автором отчета (защитником «норманнской» теории) и Н. И. Костомаровым (доказывавшим «жмудское», т. е. литовское, происхождение призванных править варягов).

В отделе «Критика» наиболее заметна обширная рецензия К. Аксакова на VIII том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева — это как раз период Смутного времени, и рецензенту здесь тоже можно было довольно подробно поговорить о земских соборах и народном мнении.

Почему-то не в «Критике», а в отделе «Смесь» помещена резко отрицательная рецензия К. Аксакова (подписана прозрачным криптони-

[12] См.: *РСт.* 1887. № 9. С. 574. Боденштедт перевел стихотворение на немецкий язык (см. этот перевод на с. 586–588).

[13] *РБ.* 1860. Кн. II. Отд. II. С. 34.

мом «К. А.») на драму А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Как и другие славянофилы, Аксаков увидел в пьесе неправдоподобное изображение русского крестьянина.

В «Смеси» особенно ценны славяноведческие и мемуарные статьи; среди последних — «Из воспоминаний русского офицера. Париж 1814 года» бывшего декабриста Н. И. Лорера.

В приложении к первой книге под заглавной рубрикой «Биография» публикуется очерк о мало известном администраторе и литераторе: «Михаил Иванович Веревкин. Очерк из истории русского образования в половине XVIII века». Подписан текст криптонимом «М. П—ий», который принадлежит тоже мало тогда известному казанскому профессору Мемнону Петровичу Петровскому, будущему члену-корреспонденту Академии наук и будущему отцу академика-слависта Нестора Петровского.

А вторая и последняя книга «Русской беседы» за 1860 г. оказалась, увы, поминальной. Она посвящена памяти Хомякова, скончавшегося 23 сентября. Перед самым новым (1861) годом, когда книга уже печаталась, до Москвы докатилось скорбное известие о кончине 7(19) декабря на греческом острове Занте К. Аксакова. Кошелев успел приложить на двух страницах особой пагинации некролог «Константин Сергеевич Аксаков», написанный Погодиным.

Вторая книга особенно ценна хомяковскими материалами. Публикуется большое, почти на 30 страницах, философское письмо мыслителя, обращенное к Ю. Ф. Самарину. В журнале публикация названа «Предсмертное неоконченное сочинение А. С. Хомякова», а в будущих собраниях сочинений Хомякова назовется «Второе письмо о философии к Ю. Ф. Самарину». В самом деле, это неоконченное письмо (оно обрывается на предлоге «в») является продолжением предыдущего философского сочинения, тоже обращенного к Самарину и опубликованного в «Русской беседе» 1859 г. (кн. I). Оба произведения представляют нам самое полное изложение философских воззрений мыслителя. Еще во второй книге напечатан обширный, в 70 страниц, «Отрывок из Записок о всемирной истории А. С. Хомякова» — впервые читателю предложена часть таинственной тогда «Семирамиды» (полушутливое название, данное Н. В. Гоголем).

А в конце книги имелась специальная рубрика «В память об Алексее Степановиче Хомякове», в основном наполненная воспоминаниями («речами», как они названы) о покойном, читанными в особом заседании Общества любителей российской словесности 6 ноября 1860 г.: речи

М. П. Погодина, П. И. Бартенева, М. Н. Лонгинова, А. Ф. Гильфердинга, Ю. Ф. Самарина, Н. П. Гилярова-Платонова (Гиляров вообще не любил ставить полное имя под своими статьями, да еще ведь он был цензором тома, поэтому сочли уместным ограничиться криптонимом «Н. Г—в»). И лишь речь К. А. Коссовича первоначально была произнесена не в московском Обществе, а в Санкт-Петербургском университете 7 октября. Удивляло отсутствие речи самого Кошелева, с юных лет друга Хомякова. Очевидно, интенсивные труды по изданию тома и еще более интенсивные по подготовке крестьянской реформы не дали возможности Кошелеву принять активное участие в заседании Общества, но позднее он написал ценную статью «Мои воспоминания об А. С. Хомякове» (впервые опубликована в 1879 г. в журнале «Русский архив»).

Из других материалов второй книги отметим отрывок из неоконченной повести С. Т. Аксакова «Наташа» и три важных статьи на славянские темы: «Венгрия и славяне» и «Чем поддерживается православная вера у южных славян?» Гильфердинга и анонимная статья «Чешская литература с 1774-го до 1848-го года» с колоритным объяснением Кошелева: «Эта статья доставлена в редакцию „Русской беседы“ из Праги и написана одним весьма известным чешским литератором. Сожалеем, что обстоятельства в Австрии, еще недостаточно изменившиеся, не позволяют нам выставить под статьею имя автора».[14]

На второй книге за 1860 г. уже окончательно завершилась пятилетняя история «Русской беседы». Занятый в различных областях, да и осиротевший после кончин главных сотрудников журнала Хомякова и К. Аксакова, Кошелев не смог продолжить издательское дело даже в виде сборников. Он лишь участвовал как автор статей в ряде периодических изданий и некоторым из них помогал денежно. А славянофильская идеология в 1860-х гг. перешла в газеты И. Аксакова «День» и «Москва».

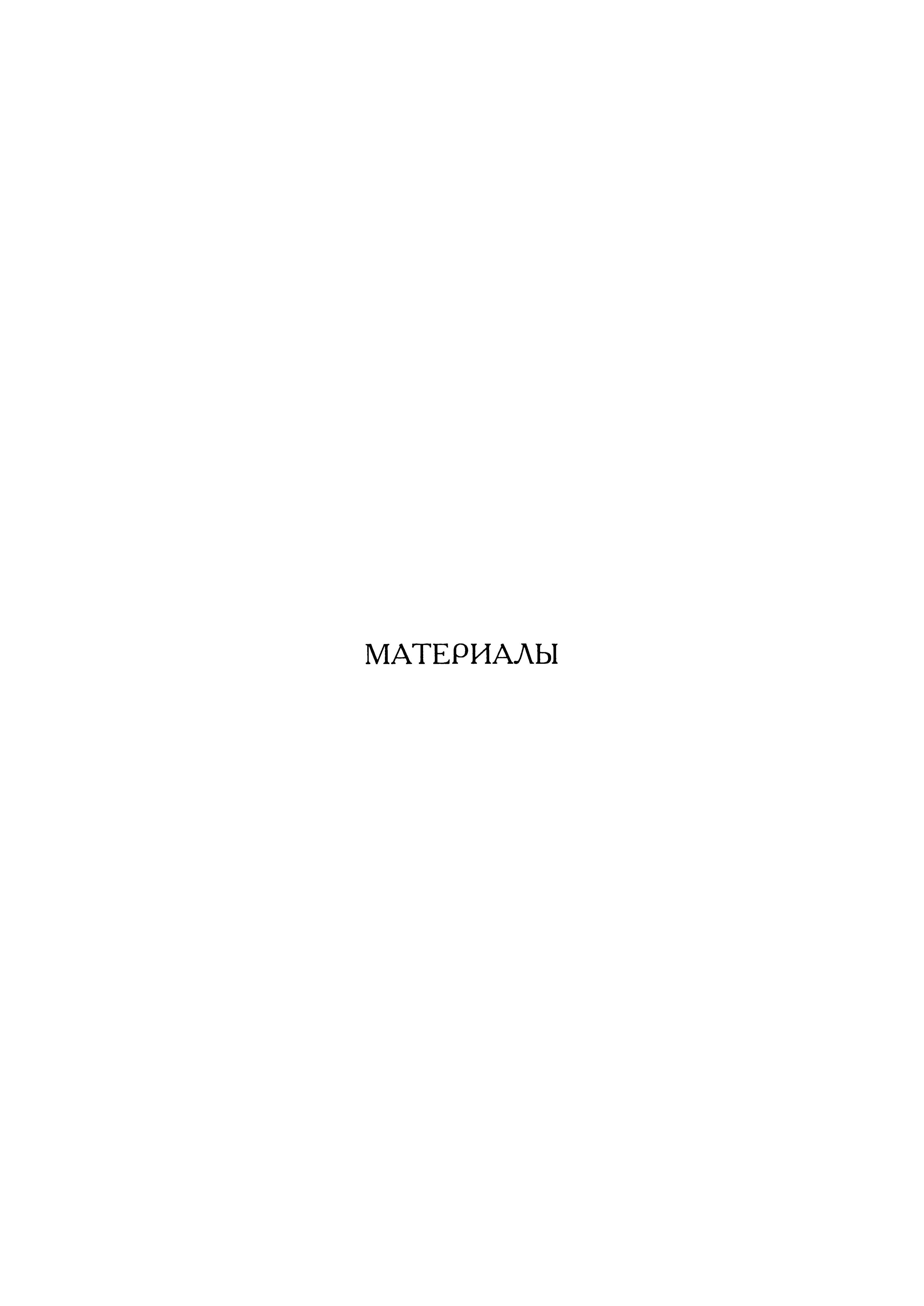
В последние годы жизни Кошелев усердно работал над своими воспоминаниями. Они были после его кончины изданы вдовой в Берлине в 1884 г. под заглавием «Записки (1812—1883)». Подробнейше рассказывая о всех этапах и сферах своей деятельности, автор однако лишь скороговоркой, на трех страницах осветил историю «Русской беседы». Это не могло не удивить исследователей его жизни и творчества. Т. Ф. Пирожкова, вслед за И. Аксаковым (она цитирует его не известное ранее

---

[14] Специалистам необходимо выяснить имя автора. Странно, что Н. П. Колюпанов в росписи «Русской беседы» приписывает эту статью М. П. Погодину (см.: *Колюпанов*. Т. II. С. 147).

письмо 1884 г.: «Личности все более или менее тщательно пощажены: записки ⟨...⟩ писаны для публики»), считает, что внутрикружковые конфликты Кошелев не хотел делать общим достоянием, потому и не распространялся.[15] Это, видимо, так. Но ведь было много существенного для широкой публики и во взаимоотношениях вне кружка: можно было подробно рассказать о цензурных историях, о смелой попытке Кошелева единолично возродить журнал в 1860 г. и т. п. Наверное, на нежелание писать подробно о «Русской беседе» влияла досадливая душевная боль, возникавшая при оживлении воспоминаний: сколько было потрачено усилий, сколько десятков тысяч рублей серебром брошено в общий котел, сколько мерещилось утопических надежд — и все неумолимо закончилось на обрыве, за которым следовало равнодушие общества и беспамятство. Ведь выдающееся культурное значение славянофильской периодики было понято (и то далеко не всеми) лишь век спустя.

[15] См.: *Пирожкова*. С. 161–162.

МАТЕРИАЛЫ

I. ОБ ИЗДАНИИ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»[1]

(Записка К. С. Аксакова (1856) с ответом А. И. Кошелева)

Публикация и комментарии А. П. Дмитриева

Разрешено иметь журнал, иметь орган так называемому славянскому, или славянофильскому, направлению.[2]

Дело это очень важно и потому требует зрелого обсуждения.

Я не участвовал в совещаниях о журнале, ни в определении его программы, ни в назначении редактора. Все это было решено без меня и мне сообщено как готовое. Тем не менее желают и ждут моего участия, не поверхностного, а близкого, — и это естественно, ибо журнал должен быть органом того направления, за которое стою давно и постоянно.

Разрешен журнал: «Русская беседа», под редакциею Филиппова и Кошелева, имеющий являться четыре раза в год; но на будущий год намереваются издавать этот журнал ежемесячно.

Вот мои мысли об этом деле.

Деятельность наша есть деятельность серьезная и строгая, не гоняющаяся за благосклонностию публики, не хлопочущая об успехе: она прямо стремится к торжеству истины, к победе над ложью. Для того чтоб и торжество, и победа были полны и прочны, не должно делать никаких уступок с целью[3] успеха. — Никаких уступок! — Это всегда было и должно быть знаменем нашего направления.

Журнал не соответствует серьезной деятельности. Журнальная деятельность сильно запечатлена преходящею современностью и непременно легкостью, с нею соединенною. — Самая смена книжек налагает преходящий оттенок на их содержание; есть новый, есть старый нумер; новый читается, старый откидывается в сторону. — Наконец, требования журнала мешают серьезному делу; есть срочность: книжка должна явиться к сроку, должна быть наполнена; таким образом содержание журнала становится в зависимость от этих[4] требований; для того чтоб им удовлетворить, является или снисходительность к статье, не вполне до-

стойной, или торопливость в изготовлении статей и составлении книжки. Признаюсь, мне всегда жаль видеть дельную, о себе значащую статью в журнале.

Я сказал: никаких уступок. Под уступкою разумею я и то, когда соглашаются, ради посторонних условий, поместить статью, не вполне достойную, не вполне серьезную. А это при журнальных требованиях почти неизбежно.

Деятельность наша, как деятельность серьезная, не должна быть в зависимости от журнальных условий, не должна иметь журнального характера. Выражение нашей деятельности — книги, сочинения, брошюрки даже, — но написанные без всяких стеснительных журнальных условий, являющиеся самостоятельно, особо. В то же время должно сказать, что согласное сочетание статей и всяких сочинений, проникнутых одним духом, вполне может быть серьезно и иметь сильное совокупное действие, как хор. — Такое сочетание есть Сборник. — Вот что должны мы издавать, кроме книг и отдельных статей. Сборник есть явление независимое, он составляется тогда, когда имеется нужное для того количество статей, дельно, неторопливо написанных, не для того, чтобы была наполнена книжка. Таким образом, Сборник может быть вполне серьезным явлением, вполне соответствующим нашей деятельности. — При Сборнике можно не делать никаких уступок. — Торопить написать статью для Сборника можно лишь так, как бы вы торопили написать статью и без Сборника, — вообще, как возбуждение к деятельности.

Кроме Сборника можно, следует даже иметь еженедельную или полумесячную газету, или журнал, посвященную единственно на отзыв явлений современных, следовательно, газету критическую в обширном смысле слова. На всю текущую современность в ней должен являться отзыв и оценка.[5] Эта газета должна выходить четыре или два раза в месяц, сказал я, срочность большая; но в ней зато не должно быть помещаемо никакого самостоятельного сочинения или произведения искусства. Она вся должна быть живая речь, как разговор, который уносится в течение времени, но который оставляет свой благой след. —[6] Польза ее может быть велика: много исчезнет само собою ложных явлений, — это, правда, — утешительно, но несравненно полезнее, чтоб они исчезли не как просто забытые, а сопровождаемые верною оценкою, обличением их лжи. — Статья серьезно критическая, которая бы сама была целым сочинением, не должна, не может иметь[7] место в этой газете; но в ней должен быть живой, определенный отзыв на все кругом совершающееся, отзыв, который, несмотря на свою быструю периодичность, затруднения[8]

составить не может; ибо вы постоянно отзываетесь и высказываете ваши мнения об окружающих явлениях, высказываете их устно; а здесь этот отзыв высказывается лишь письменно, разумеется, с теми условиями и требованиями, которые свойственны письменности и нераздельны с нею. Такое периодическое издание, не имеющее притязаний на помещение серьезных самобытных статей или созданий искусства, — все посвященное случайной современности, все критическое, было бы и нужно, и полезно. Оно особенно хорошо было бы при Сборнике. Надо бы иметь и то, и другое: и Сборник, и легкую периодическую газету.[9] Права издавать такую газету мы не имеем; кроме того, едва ли бы кто-нибудь между нами захотел и мог взять на себя ее издание. — В таком случае остается для нас Сборник,[10] который чем будет полнее и разнообразнее, тем лучше, — или, с другой стороны, чем будет лучше, тем лучше, — но который не должен делать уступки даже для полноты и разнообразности, а помещать статьи дельные и достойные, — какие есть: нет дельных, разнообразных статей, — нечего делать, а есть, — тем лучше. Отделов назначенных, или, лучше, *наполнения* их, быть не должно. Будь хоть немного статей, но непременно дельных или признанных такими. —

Мое мнение состоит в том, что «Русская беседа» должен быть *Сборник*, а не *Журнал*. К счастию, появление четыре раза в год дает к тому возможность. — Все хлопоты о приобретении сотрудников, о составлении длинного их списка, об увеличении подписки, — должны быть оставлены в стороне. Мы должны думать о том, чтобы все статьи были вполне соответствующими нашему направлению и вполне его достойными; а там уж им самим предоставим действовать на читателей. Ни заманок, ни привлечений, ни великолепных вывесок — не употреблять. Я не скажу, чтоб все это было положительно дурно; — и в торговле, например, это даже нужно; — но все это недостойно степенного дела русской мысли. Ничем ради выхода книжки не должны мы стесняться: как скоро нет статьи в таком или другом роде, — то вовсе статьи в таком роде не помещать. О повестях надобно забыть и думать. Если есть в самом деле повесть хорошая, что очень редко, — то поместить ее можно; если же нет, то обойтись и без повести. Вообще, Сборник должен наполняться теми статьями, которые готовы. Он может допускать статьи всякого рода, как скоро они есть. Критические статьи, конечно, могут и должны в нем быть; критика — дело очень важное. — Не нужно нам ни Тургенева, ни Григоровича, ни других подобных. И Тургенев, и Григорович пишут и в «Современнике», и в «Отечественных записках», и в «Русском вестнике»;[11] теперь для них откроется еще новое помещение: «Русская беседа». —

Это напоминает те вечера наши, когда, бывало, все общество поутру у Чаадаева,[12] а вечером у Елагиных,[13] и переезжает всем собором из дому в дом. Какой же будет оттенок нашего издания от других изданий? Неужели нам издавать славянские «Отечественные записки»?[14] — И Тургенева, и Григоровича, и прочих можно допустить в «Русской беседе» лишь в таком случае, когда их повесть замечательно хороша и почему-нибудь прямо служит нашей мысли. Забота *наполнить книжку* не должна иметь места при издании «Русской беседы». Мы должны быть строги сами к себе; все произведения должны мы подчинять мысли, а не мысль подчинять произведениям. Таким образом, думая лишь о достойном выражении наших мыслей, а не об успехе в публике, мы вполне соблюдем степенность нашего дела и отличимся этим от прочих журналов и изданий. Даже вовсе не нужно говорить о сотрудниках, а сказать только, что таково направление и что всякая статья, его выражающая, будет принята. — Не подписывать вовсе имен под статьями — не следует, ибо личность каждого автора имеет законное значение в общественной умственной деятельности и облегчает понимание разнообразия самого изложения мысли. —[15] Для избежания смущения во впечатлении общества нужно или упомянуть имена главных сотрудников, или, лучше, так, как в Сборнике, помещать при каждой книжке имена[16] тех, чьи статьи в ней помещены. Должно не выставлять имени редактора, по примеру прежних наших Сборников.[17] Редактор должен[18] быть только для цензуры и типографии; пусть же будет видно, что книга издается направлением целым, общиною; она же носит, кстати, название «Беседы».

Я высказал мои мысли: «Русская беседа» должен быть не журнал, а Сборник. — Тогда, с своей стороны, готов я деятельно содействовать этому выражению наших мыслей, готов принимать в ее составе и издании полное участие. Если же это будет журнал или издание с журнальными притязаниями, — то мое участие в «Беседе» должно быть таково, как и в «Русском вестнике», то есть: какую-нибудь статью когда-нибудь я дам, и явлюсь там, как гость.

Прибавлю еще: наши убеждения и мнения не должны быть смягчаемы из боязни удалить кого-нибудь из сотрудников (например, Григоровича и Тургенева) и ни из какой другой боязни. — Если и без брани, — но мысль наша должна высказываться твердо, ясно и решительно, хотя бы это многим и не понравилось. Наше дело,[19] — внести свет в область ума и жизни общественной, — как бы свечу в комнату. — Если свет осветит и сделает видным много безобразия, если многие предметы предстанут во

всей яркости своего уродства, то тем лучше, и в угоду им света туманить мы не станем.

Константин Аксаков
Генваря 4. 1856.[20]

Совершенно согласен, что нам в убеждениях невозможно делать уступок; согласен, что мы не должны вывесками публику завлекать и, так сказать, у нее деньги из кармана тащить; весьма согласен, что лучшая[21] форма для нашей деятельности была бы: трехмесячный журнал с еженедельным прибавлением. Весьма согласен не публиковать имен[22] издателей и в таком случае согласен не печатать и имен сотрудников. Но должен Вам сказать, что окончание — заключение Ваше не любовно: Вы говорите, что если Ваши предложения насчет формы не будут приняты, то Вы будете в «Русской беседе» *гостем*, как в «Русском вестнике». Мне кажется, что существенное есть направление — коренные убеждения. Будь издателем Вы, Ваш брат, Хомяков, Киреевский, Самарин, Чижов, я буду непременно полным, постоянным сотрудником и никогда не скажу, что у Вас в журнале я буду гостем. К тому же Вам известно, что я — издатель не по охоте, а по неволе. Следовательно,[23] пугать меня[24] отказом[25] содействия не совсем как-то любовно. Впрочем, как журнал этот я не считаю своим, а общим, то во всем буду исполнять мирской приговор; но отменно сочту себя счастливым, когда кто-нибудь из товарищей снимет с меня бремя издательства; и ему обещаю теперь же полное, постоянное мое участие, и никогда не буду считать себя у него *гостем*, ибо уверен, что он не изменит нашим коренным убеждениям.

А. К.

[1] Так письмо озаглавлено в автографе: ИРЛИ. Ф. 3 (Архив С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых). Оп. 7. № 35. Л. 1–4 об. Тут же не вполне исправные копии: машинописная — письма К. Аксакова (л. 5–8) и рукописная — приписки Кошелева (л. 8, 9). Небольшие фрагменты опубликованы: *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998. С. 138–139.

[2] Кошелеву удалось получить разрешение издавать журнал 14 декабря 1855 г.

[3] С целью *вписано над зачеркнутым*: в видах.

[4] *Далее зачеркнуто*: условий.

[5] В 1859 г., когда «Русская беседа» стала испытывать большие финансовые затруднения, Хомяков напомнил И. Аксакову эти строки из письма К. Аксакова трехлетней давности: «„Беседа“ не может существовать сама по себе, и причина этому очень грустная: для нее нет в России читателя! Дабы „Беседа“ могла существовать, нужно, чтобы она только отдалась более обширной и общедоступной деятельности литературной. Будь „Парус“ (газета И. Аксакова, запрещенная в 1859 г. на 2-м номе-

ре. — *А. Д.*), вероятно, и „Беседа" имела бы лишних подписчиков, потому что „Парус" был бы, так сказать, ее толкователем и показывал бы читателю связь между ее, по-видимому, отвлеченными положениями и жизнью действительною, и потому что он не допускал бы того заговора молчания, который составлен против нее всеми другими изданиями. Заметьте, что Константин С⟨ергеевич⟩ и в этом случае имел чувство более всех практическое, когда он в одно время хотел газеты и предпочитал сборник журналу. Польза, принесенная „Беседою", несомненна, но продолжение ее мне просто кажется невозможностью. Опять скажу: при газете, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, она и была бы возможною (хотя и то сомнительно); без газеты никаких средств к ее существованию не вижу. ⟨...⟩ Существование „Беседы" я считаю поконченным. В этом еще не было бы совершенной беды, если бы только позволена была газета; но если не будет газеты, то дело очень плохо, а, кажется, и газеты ожидать нельзя» (*Хомяков*. Т. VIII. С. 363).

[6] *Далее зачеркнуто*: Статья серьезно крит⟨ическая⟩.

[7] *Далее зачеркнуто*: отзыв.

[8] *Далее зачеркнуто*: не

[9] *Далее зачеркнуто недописанное*: Но прев.

[10] *Далее зачеркнуто*: чем будет.

[11] «Русский вестник» был основан одновременно с «Русской беседой» — в 1856 г., но имена Д. В. Григоровича и И. С. Тургенева (как, впрочем, и отца и сыновей Аксаковых) были включены в список будущих участников этого журнала уже при публикации его программы в конце 1855 г. (*МВед*. 1855. 5 дек. № 145. Лит. отд. С. 596).

[12] Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) принимал друзей и знакомых в своем доме на Новой Басманной улице (не сохранился), как правило, по средам.

[13] Салон супругов Елагиных — Авдотьи Петровны (урожд. Юшкова; в первом браке Киреевская; 1789–1877) и Алексея Андреевича (1790–1846) — в их доме у Красных ворот (Хоромный тупик, д. 4) в Москве (1825 — кон. 1840-х) имел важное значение для объединения славянофилов, постоянными посетителями были и западники, в частности Чаадаев.

[14] Журнал «Отечественные записки» (в 1839–1867 гг. издавался А. А. Краевским) с начала 1840-х гг. пропагандировал идеи западничества.

[15] *Далее зачеркнуто*: Впрочем.

[16] *Далее зачеркнуто*: главных сотрудников.

[17] Имеются в виду славянофильские издания: «Московский литературный и ученый сборник» (1846–1847) и «Московский сборник» (1852); однако в «Русской беседе» имена издателя и редакторов указывались.

[18] *Далее зачеркнуто*: сущест⟨вовать⟩.

[19] *Далее зачеркнуто*: наша цель.

[20] Последующий текст написан Кошелевым на обороте последнего листа.

[21] *Далее зачеркнуто*: бы.

[22] *Далее зачеркнуто*: редакторов.

[23] *Далее зачеркнуто*: имею право.

[24] *Далее зачеркнуто*: безучастием.

[25] *Далее зачеркнуто*: участия.

II. РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

Объявление к № 27-му «Московских ведомостей» 1856 года. Об издании нового журнала в 1856 году под названием «Русская беседа»[1]

Публикация и комментарии А. П. Дмитриева

Предпринимая новое повременное издание, мы считаем необходимым указать цель, к которой оно будет стремиться, и главное начало, на котором оно будет основано.

Единственная почва для самобытного и полного развития всякого народа есть, конечно, его народность, т. е. та совокупность его умственных, нравственных и жизненных сил, которая составляет его нравственную личность. Как человеку, без утраты самостоятельности, нельзя отказаться от своей личности, так и народу, без ущерба силы и самобытности, невозможно покинуть свою народность. К великому счастию нашему, народность русская сильна и тверда. Изучать русскую жизнь в Истории и народном быту, разработывать этот едва початый рудник и посильно содействовать к развитию русского воззрения на науки и искусства, к возбуждению русской изобретательности и к поддержанию русских нравов и обычаев — вот главная цель, которую предполагает себе «Русская беседа». Она не будет иметь в виду ни воскрешать старины, которая имела значение в свое время и которая ныне невозможна и превратилась бы в бессмысленные оковы для настоящего, ни выставлять все, ныне существующее в народе, образцом для слепого подражания; но она посвятит все свои усилия на то, чтобы более и более убедить своих соотечественников в необходимости оживляться в струе русского духа, проявляемого Историею, великими событиями нашего времени и знаменательным бытом нашего народа.

Народность русская неразрывно соединена с Православною Верою. Вера — душа всей русской жизни; она же должна определять характер всякой умственной деятельности в нашей родине.

Вот коренные основания мнений, которые будут высказываться в «Русской беседе».

Считаем почти излишним оговариваться, что, посвящая себя преимущественно служению русского начала, журнал наш не будет враждебным к западной цивилизации. Всякий просвещенный русский знает, сколь много он ей обязан своим умственным развитием, и убежден, что еще весьма многому он должен у нее научиться; но вместе с тем очевидно, что западная цивилизация может быть для России полезною только по пропущении ее через критику русского духа, основанную на коренных началах нашей Веры. Заимствовать как можно более у богатого сведениями Запада, с самобытностью усвоивать себе все занятое, показывать истинные отношения Запада к России и России к Западу и содействовать к настоящей оценке у нас западной цивилизации — вот предметы, которые «Русская беседа», при соприкосновениях с Западом, постарается иметь неизменно в виду.

Мы не будем исчислять и поименовывать наших сотрудников: люди, вполне согласные с направлением «Русской беседы», уже обещали нам свое постоянное содействие. Сверх того мы надеемся, что всякий, одобряющий цель и начала сего журнала, не откажет нам в своем сотрудничестве. Наша «Беседа» не есть замкнутый кружок, но всем, искренно нам сочувствующим, мы говорим: *милости просим*.

«Русская беседа» будет выходить трехмесячно: в апреле, июле, октябре и декабре. Она будет содержать в себе пять главных отделов:

I. Изящная словесность: разные русские произведения в стихах и прозе.

II. Науки и искусства: преимущественно русские статьи о разных предметах наук и искусств; переводные же статьи будут помещаться не иначе, как с предисловиями или с примечаниями, в которых по возможности будет указываться взгляд на обсуживаемые предметы с русской точки зрения.

III. Критика замечательных произведений русской словесности. Будут помещаться также разборы иностранных сочинений, имеющих особенное значение в общей истории просвещения.

IV. Обозрения исторические важных современных политических событий, достопримечательных явлений в науках, искусствах, законодательстве, торговой, промышленной и общественной жизни как в России и Славянских землях, так и в Западной Европе.

V. Смесь: статьи разного рода; журнальная переписка; известия по части словесности, наук, искусств, промышленности, сельского хозяйства и пр.

VI. Жизнеописания замечательнейших людей русских и иностранных.

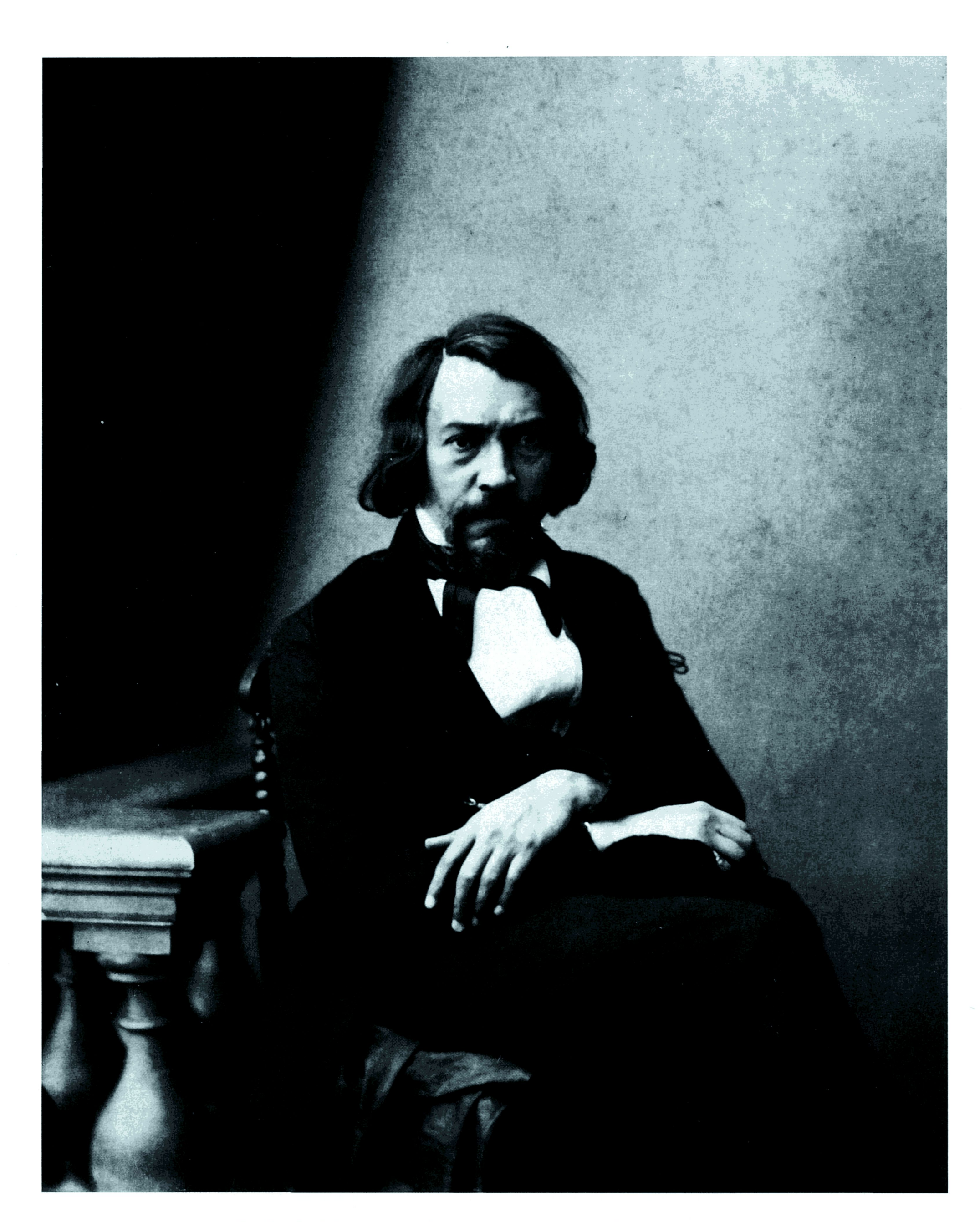
1–4. Титульный лист (фрагмент),
оглавление первой книги «Русской беседы» за 1856 г.,
«Предисловие» А. С. Хомякова к «Русской беседе».
Разрезной нож И. С. Аксакова

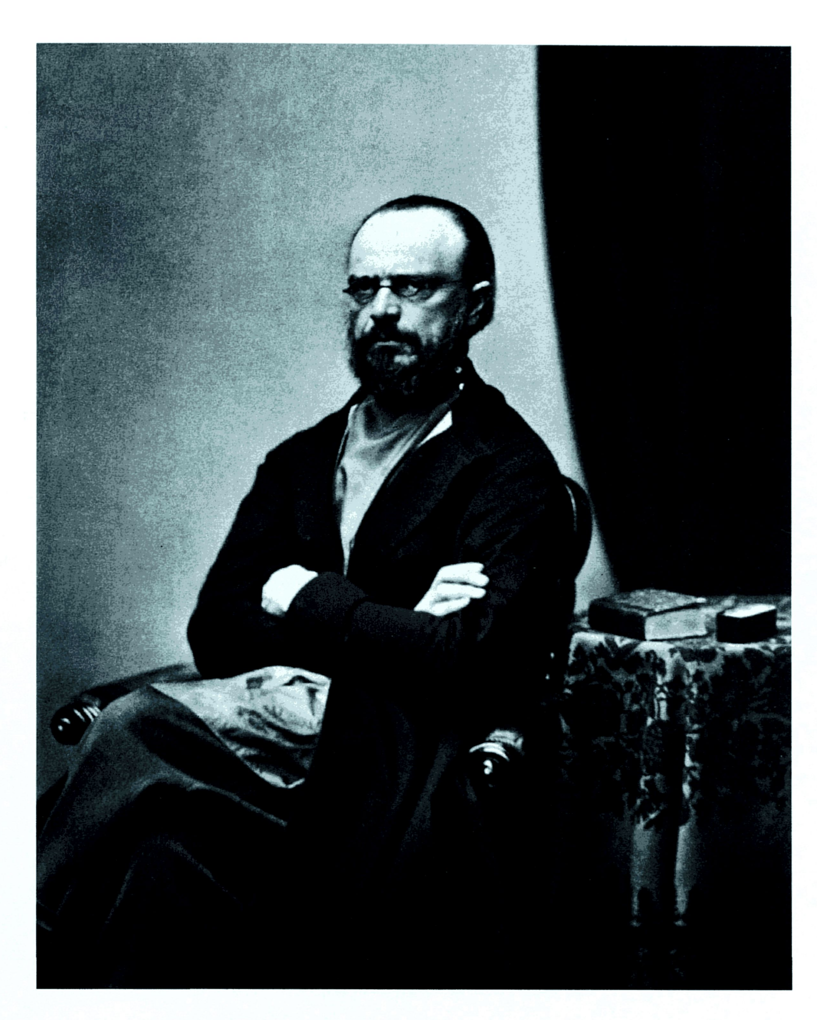
ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

« Русская Бесѣда » проситъ твоего благосклоннаго вниманія.
Всякій журналъ имѣетъ свой характеръ, сво
образъ дѣйствія. « Бесѣда » опредѣляетъ свое
именемъ своимъ. Простая, искренняя, непритя
Бесѣда обо всемъ, что касается просвѣщ
жизни людей. Кажется, тутъ и объяснять н
ное узнается изъ дальнѣйшаго хода журнал
все же пріятно, прежде вступленія въ ка
бесѣду, узнать, хоть сколько нибудь, нап
собесѣдниковъ. Русская Бесѣда понимае
желаніе съ твоей стороны, любезный чит
удовлетворить ему, сколько возможно.
Въ Русской Бесѣдѣ ты встрѣтишь люд
просвѣщеніе, отъ которыхъ услышишь д
во, но которые болѣе или менѣе разно
мнѣніяхъ касательно важныхъ и отч
совъ ; при всемъ томъ « Бесѣда » п
ство характера и направленія. Какія
мнѣніяхъ почтенныхъ и радушно пр
кружекъ связанъ единствомъ корен
ній. Полное изложеніе ихъ и прил
мысли и знанія — впереди : бѣглы
въ слѣдующихъ строкахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

5. А. С. Хомяков. Фотография К. А. Бергнера. 1859

6. А. И. Кошелёв. Фотография К. А. Бергнера

7. Дом А. И. Кошелёва на Поварской улице. Фотография. 2010

IV.

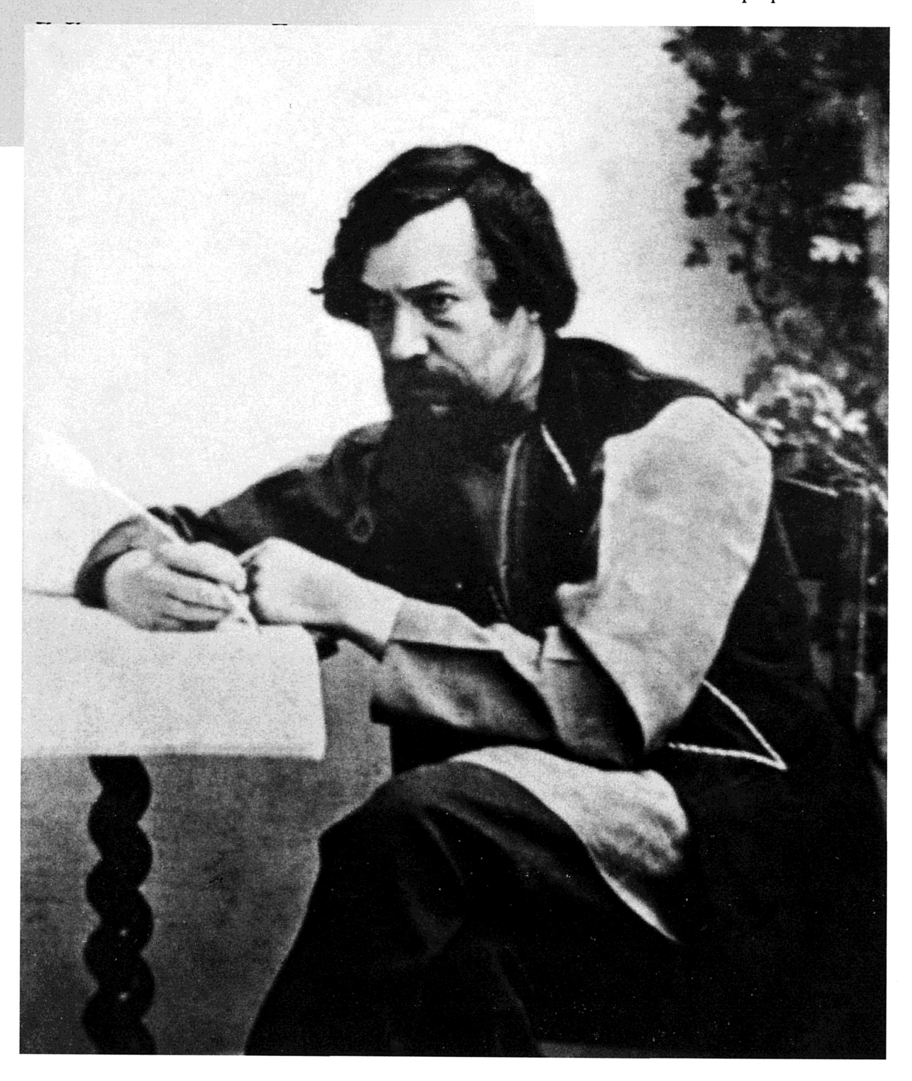
Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

И мнилось, лечу я... орелъ сизокрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, поднимаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

8. А. С. Хомяков.
«Беззвездная полночь дышала прохладой...»

9. А. С. Хомяков.
Фотография. 1850-е

10. А. С. Хомяков.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова.
Кон. 1840-х — 1850-е

11. А. С. Хомяков.
Разговор в подмосковной.
Автограф. 1856

12. С. Т. Аксаков.
Фотография К. А. Бергнера

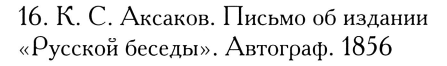
13. Подсвечники
С. Т. Аксакова

14. С. Т. Аксаков. Фототипия

15. С. Т. Аксаков.
Рис. неизвестного художника

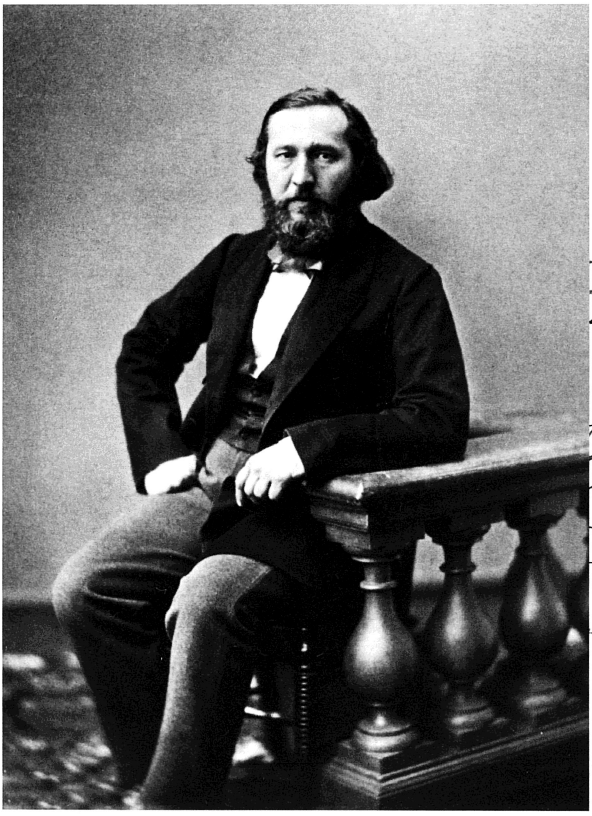

16. К. С. Аксаков. Письмо об издании «Русской беседы». Автограф. 1856

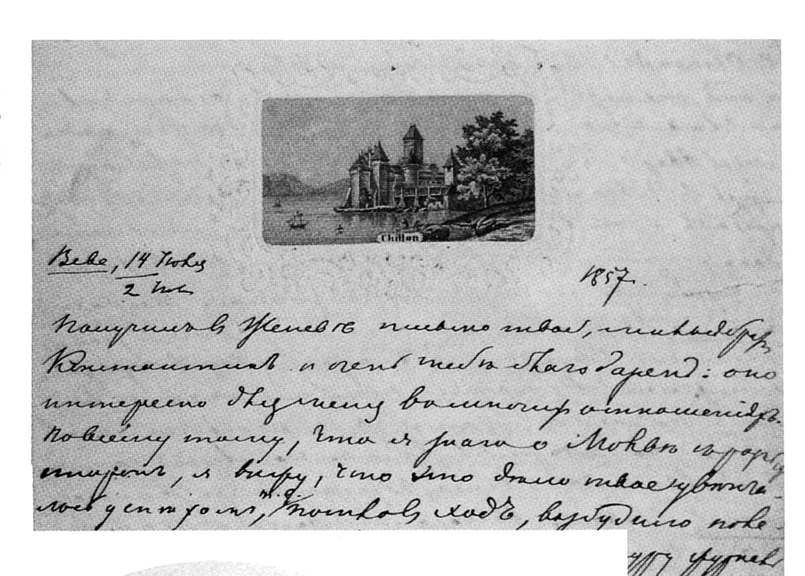

17. К. С. Аксаков. Фотография К. А. Бергнера. 1850-е

18. К. С. Аксаков. Фотография К. А. Бергнера. 1859

19. А. И. Кошелев. Приписка к письму К. С. Аксакова. Автограф. 1856

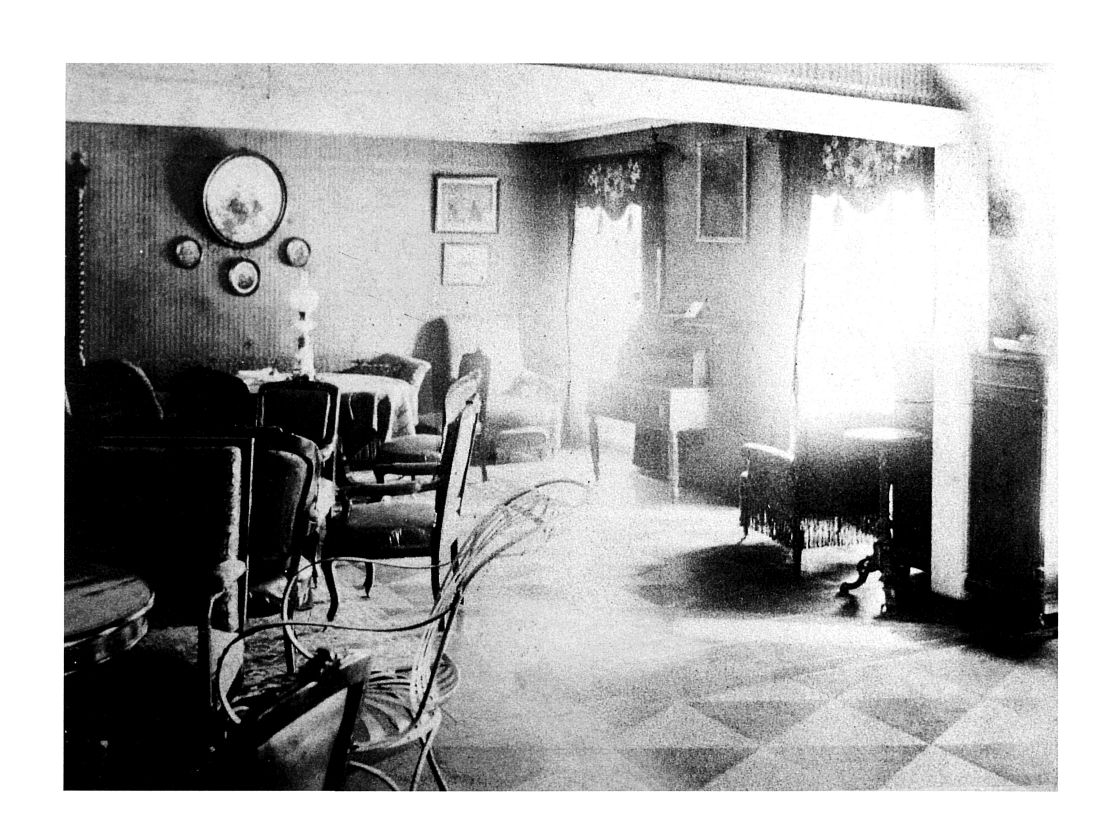
Веве, 14 Нояб.
2 Дек.
1857.

Получил в Женеве письмо твое, милый друг Константин, и очень тебя благодарю: оно интересно для меня во многих отношениях. По всему тому, что ты пишешь о Москве, я предполагаю, я вижу, что это было твое увлечение успехом, т. е. толковым ходом, возбудило пове-

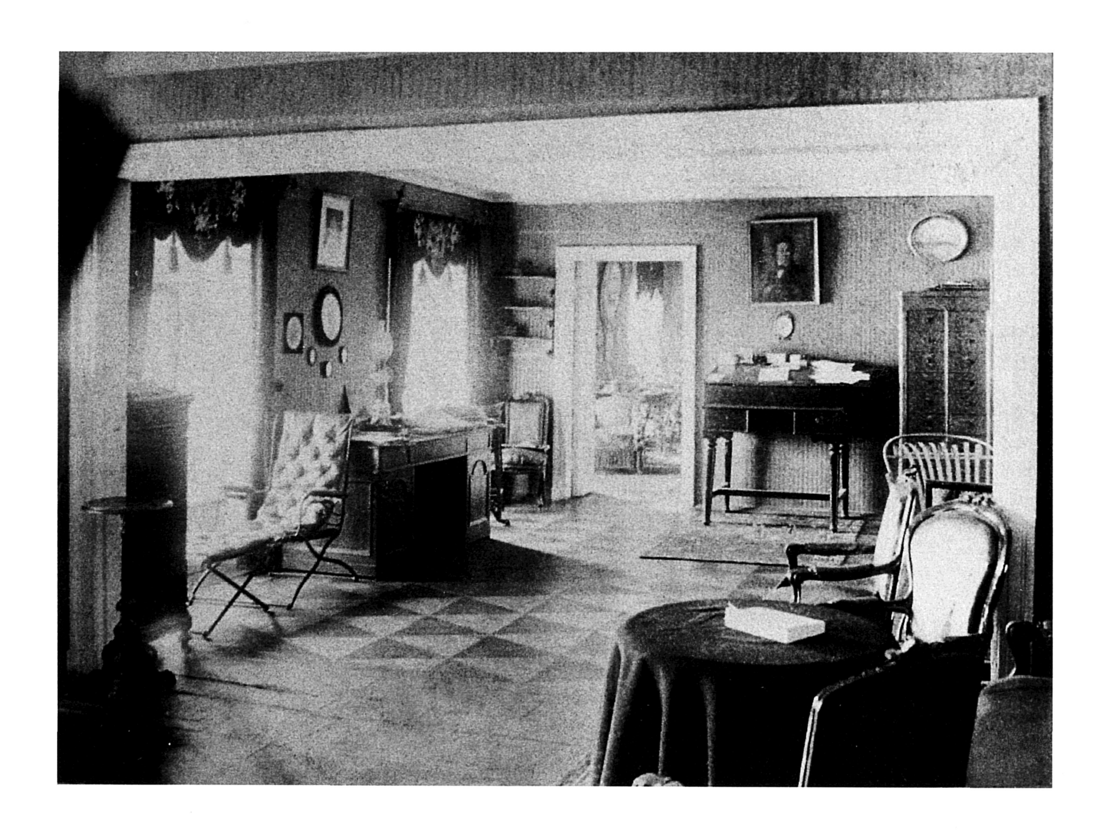
20. И. С. Аксаков. Письмо к К. С. Аксакову. Автограф. 1857

21. И. С. Аксаков. Гравюра с фотографии 1860-х гг.

22—23. Кабинет И. С. Аксакова в Москве. Фотографии

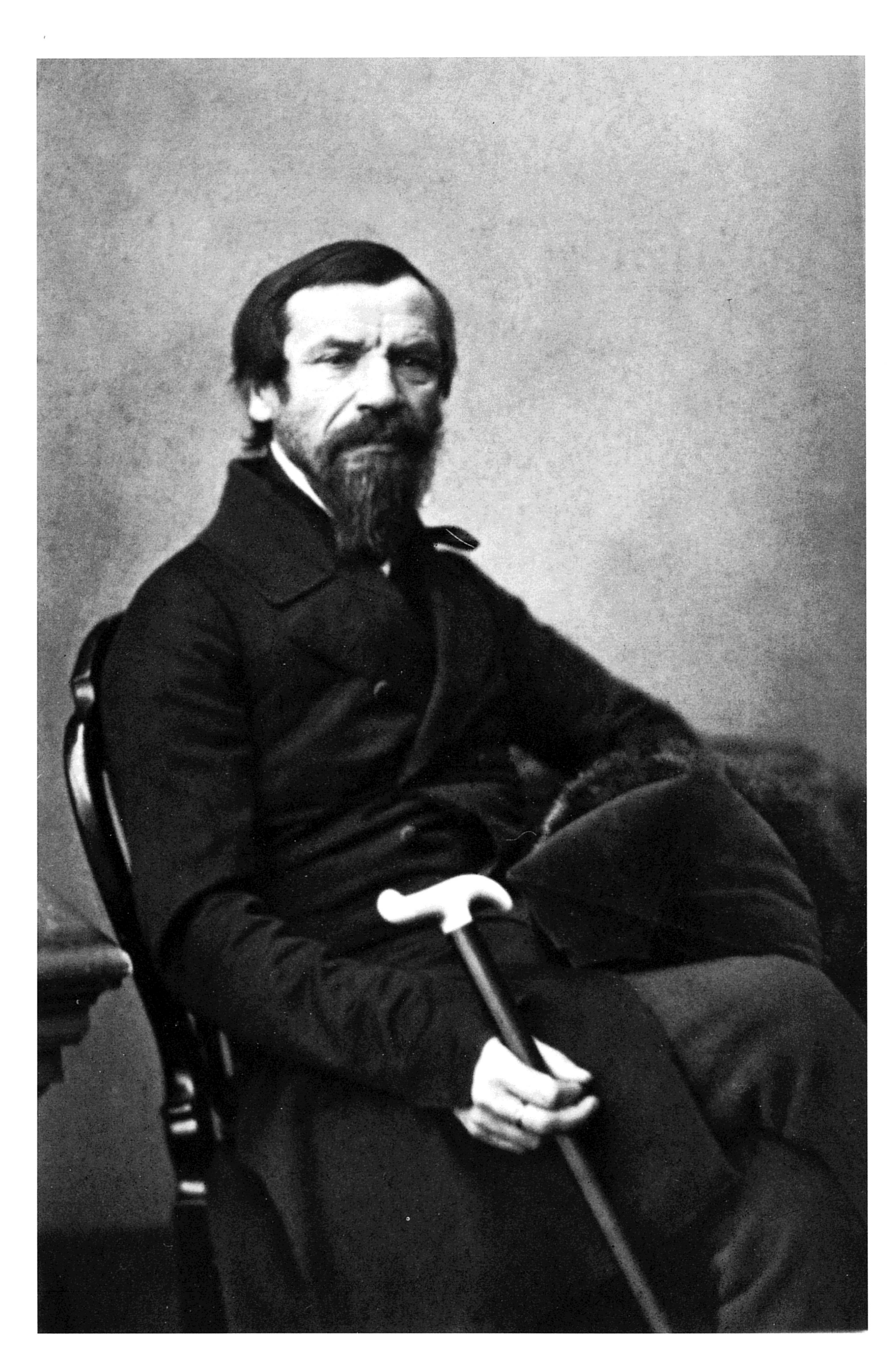

24. Н. П. Гиляров-Платонов.
Фотография. 1860-е

25. Синодальная типография, управляющим которой в 1863—1868 гг. был Н. П. Гиляров-Платонов. Гравюра. 1840-е

26. М. П. Погодин. Фотография К. А. Бергнера. 1850-е

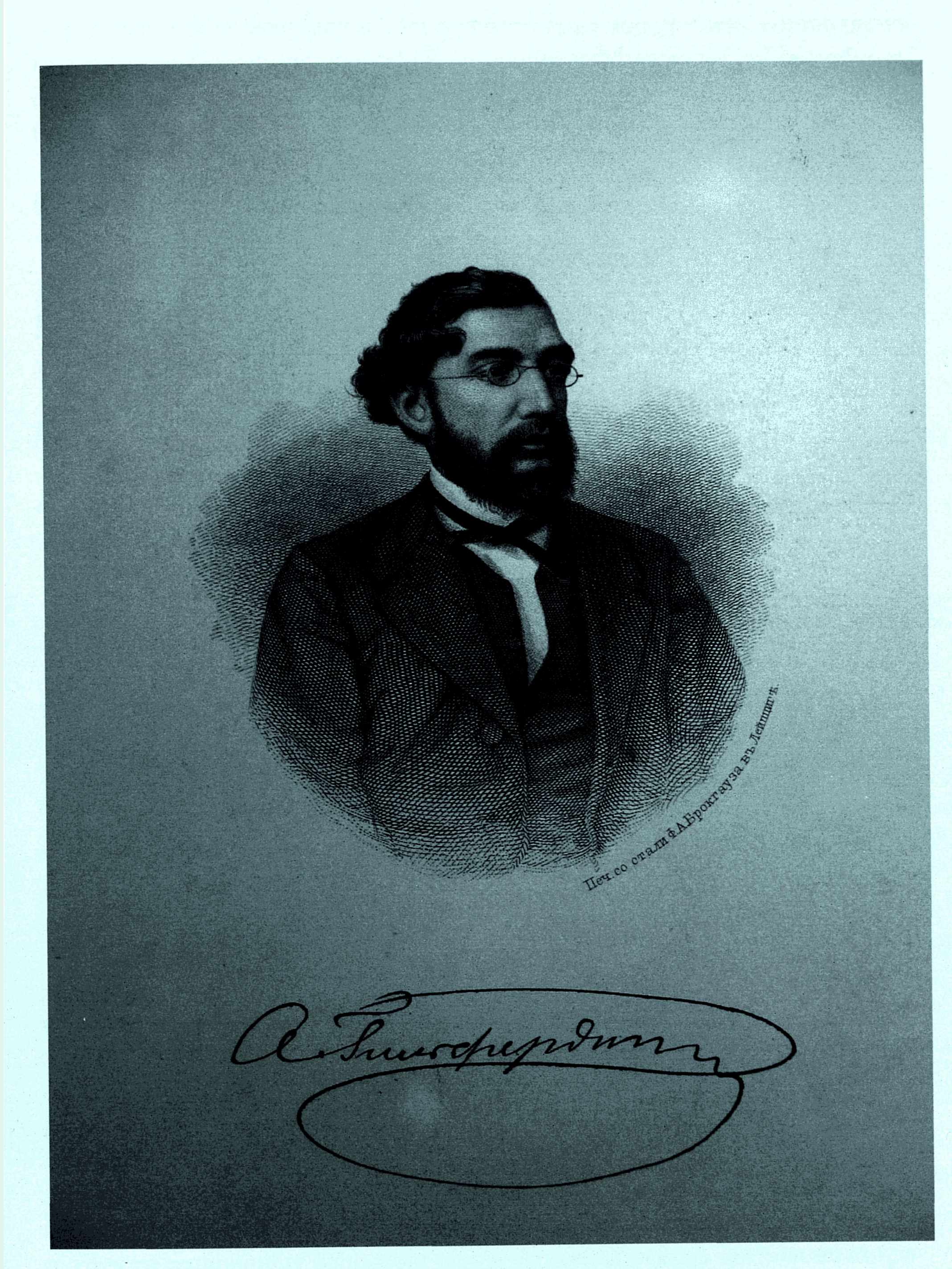
27. Т. И. Филиппов. Фотография. 1870-е

28. Н. С. Кохановская. Фотография. 1850-е

29. В. С. Аксакова. Закладка

30. А. Ф. Гильфердинг. Гравюра на стали

31. Ю. Ф. Самарин. Портрет работы В. О. Шервуда. 1872

Статьи для помещения в «Русской беседе» могут быть доставляемы как в самую Редакцию, так и в Конторы ее в Москве и С.-Петербурге, откуда будут также возвращаться сочинителям те из рукописей, которые, по каким-либо причинам, не будут помещены в «Беседе».

Цена по подписке за годовое издание «Русской беседы» в Москве, в С.-Петербурге и для иногородных — *восемь рублей серебром.*

Подписка принимается:

В *Москве*: в Конторе «Русской беседы» при книжной лавке И. В. Базунова,[2] на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара, в доме Загряжского.[3]

В *С.-Петербурге*: в Конторе «Русской беседы», при книжной лавке Ф. В. Базунова,[4] на Невском проспекте, в доме Энгельгардт.[5]

Иногородные благоволят адресовать свои требования и пакеты: *В Редакцию «Русской беседы» в Москве.*

⟨А. С. Хомяков⟩

⟨Предисловие⟩[6]

Любезный читатель!

«Русская беседа» просит твоего благосклонного внимания. Всякий журнал имеет свой характер, свое значение, свой образ действия. «Беседа» определяет свое значение самым именем своим. Простая, искренняя, непритязательная Русская Беседа обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей. Кажется, тут и объяснять нечего: все остальное узнается из дальнейшего хода журнала. Оно и так: но все же приятно, прежде вступления в какую бы то ни было беседу, узнать, хоть сколько-нибудь, направление и характер собеседников. «Русская беседа» понимает это естественное желание с твоей стороны, любезный читатель, и постарается удовлетворить ему, сколько возможно.

В «Русской беседе» ты встретишь людей, искренно любящих просвещение, от которых услышишь дельное или приятное слово, но которые более или менее разногласят между собою в мнениях касательно важных и отчасти жизненных вопросов; при всем том «Беседа» постоянно сохранит единство характера и направления. Какие бы ни были различия в мнениях почтенных и радушно принятых гостей, домашний кружок связан

единством коренных, неизменных убеждений. Полное изложение их и приложение ко всем предметам мысли и знания — впереди: беглый очерк их встретишь ты в следующих строках.

Когда народ получает от другого первые начала письменности, просветитель передает ученику собственную свою азбуку, или возникает новая, более сообразная с звуковыми потребностями новопросвещаемого народа. В первом случае являются нелепые сочетания согласных, как у славян, принявших латинские буквы, или *эс*, *це*, *га* немцев, или множество изофонетических знаков, как у французов (напр⟨имер⟩, 24 манера писать звук *in* и 28 манеров писать звук *an*), или, наконец, та уродливая письменность английская, в которой буквы ставятся, кажется, не для того, чтобы показать, какие звуки следует произносить, а для того, чтобы читатель знал, каких звуков он произносить не должен. Во втором случае является азбука разумная, как, например: наша кириллица. В первом случае народ принимает грамоту, во втором — грамотность. Точно то же является и при всякой передаче просвещения от народа к народу. Новопросвещаемая земля может получить в деле просвещения данные и выводы уже готовые и, так сказать, вытвердить их на память, или получить ту искру просвещенной мысли, которая должна впоследствии разгореться светлым и чистым огнем, питаемым родными материалами. Но последний случай составляет весьма редкое исключение. Обыкновенно народ-просветитель (хотя бы он был действительно просветителем только в отношении к положительному знанию) поражает таким блеском глаза своих учеников, что все явления умственной и нравственной жизни, все даже внешние особенности его вещественного быта делаются предметом суеверного поклонения или безрассудного подражания. Таково было отчасти влияние народов романских на племена германские. Самолюбивая Англия обезьянничала перед Италиею, а в Германии еще Фридрих II презирал немецкий язык. То же явление повторилось и у нас, только в размерах гораздо больших, потому что Запад уже развил все свои умственные силы, а мы были в совершенном младенчестве в отношении к знаниям, которые мы получили от своих европейских братий. Соблазн был неизбежен. Но время течет; но мысль, ознакомившаяся с просвещением, избавляется от суеверного поклонения чужому авторитету по мере того, как получает большее уважение к своей собственной деятельности. Наступает период критики. Прошедшее со всею его невольною ложью отстраняется не с негодующим упреком, а с добродушною, иногда и горькою улыбкою. Дальнейшее самоуничижение перед мыслию иноземною делается уже невозможным для всего народа и смешным в тех лицах, которые еще не хотят или не могут понять требований современных. Безграничное

доверие к учителю и его мудрости очень любезно в ребенке и часто свидетельствует о богатом запасе любознания; оно сносно в отроке; оно нестерпимо в человеке взрослом, ибо служит признаком слабоумия или по крайней мере пошлости.

Когда русское общество стало лицом к лицу с западною наукою, изумленное, ослепленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось к ним со всею страстию, к которой только была способна его несколько ленивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мере ничего такого не делала, что бы стоило памяти в роде человеческом. Но действительно было совсем не то. Русский дух создал самую Русскую землю в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности в тесных пределах; русский дух понял святость семьи и поставил ее как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания: он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом Православия. Теперь, когда мысль окрепла в знании, когда самый ход Истории, раскрывающей тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь западного мира и когда наше сознание оценило (хотя, может быть, еще не вполне) силу и красоту наших исконных начал; нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные западною наукою, которым мы верили так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать ему несокрушимую прочность. В то же время на нас лежит обязанность разумно усвоивать себе всякий новый плод мысли западной, еще столько богатой и достойной изучения, дабы не оказаться отсталыми в то время, когда богатство наших данных возлагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещающегося человечества.

Таковы, любезный читатель, убеждения, которые «Русская беседа» должна выражать; содержанием же для нее может служить всякий предмет, относящийся к умственной жизни человека в ее личных или общественных проявлениях. В кругу общих интересов человечества и оставаясь верными правилу: «Homo sum, nihil humani a me alienum puto»,[7] издатели будут всегда давать первое место тому, что будет прямее относиться до нашей отчизны и ее умственной жизни. Это разумеется само по себе: но происшествия нынешнего времени, оправдывая наши давнишние

и не раз высказанные сочувствия, послужили, вероятно, уроком для всякого русского человека. В те дни, когда вся Европа оглашалась криками неистовой вражды против нас,[8] когда все дышало злобою, голос сочувствия услышали мы только от своих братий по крови — славян, и братьев по вере — греков: но не голос только слышали мы, а видели дело, видели подвиг любви, бестрепетно встречающей смерть за братьев.[9] Рядом с интересом отечества, «Русская беседа» посвятит особое внимание всему тому, что будет иметь отношение к жизни народов славянских и народа греческого. Она считает долгом, хоть словом, благодарить их за любовь, которую они запечатлели своею кровию.

Форма «Беседы»... Но как исчислить формы человеческой беседы? Критика, рассуждение, исторический рассказ, повесть, стихи — все входит в ее состав. Разумеется, будут в издании отделы: но тебе, конечно, случалось не раз, любезный читатель, проводить с друзьями вечера, на которых не было рассказано ни одного анекдота, не пропето ни одной песенки, и все-таки вечера оставляли в тебе приятные и добрые впечатления, и ты не роптал, а был доволен. Приложи же это правило к нашей «Беседе», и если какого отдела не найдешь, скажи себе, что, видно, не было на этот раз анекдотического или стихотворного вдохновения, и поставь: *не имеется*, как ставят в грамматиках, когда какой-нибудь формы недостает в глаголе. Слово: *не имеется*, право, лучше пошлой повести и плохого стиха.

Предметом «Беседы» будут, как уже сказано, служить все разнообразные проявления умственной жизни человека; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получает все свое достоинство от жизни нравственной. Ее современная слабость отзывается в том, что можно назвать пустодушием европейского просвещения. Вопросы нравственные должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов. Поэтому не удивляйся и не гневайся, если иногда услышишь слово несколько строгое, даже, может быть, несколько оскорбительное для уха, избалованного крайнею нежностию нашей печатной словесности. «Беседа» не считает себя вправе обходить требования нравственной правды. Без сомнения, стараясь разрешать, сколько возможно, старые или новые вопросы, беспрестанно представляемые жизнию и мыслию человеческою, она нисколько не льстит себя надеждою на безошибочность решения. Она даже позволит себе, может быть и нередко, ставить новые, еще неразрешенные вопросы, в полной уверенности, что вопросы неразрешенные далеко не бесполезны; они будят деятельность ума и готовят его к будущему разрешению. «Беседа» не обещает ни безошибочности, ни

всезнания, но обещает искренность и добросовестность; от тебя же просит внимания и беспристрастия, дабы общий труд мог совершаться успешно: ибо все, как пишущие, так и читающие, одинаково сотрудники в деле знания, в деле просвещения, в деле жизни.

А. И. Кошелев, Т. И. Филиппов

Об издании «Русской беседы» на 1857 год[10]

«Русская беседа» будет издаваться в 1857 году. Она останется вполне верною началам, положенным ей в основание: на них она стоит, ими она живет, их она будет иметь постоянно в виду. Не ей судить о том, насколько дело соответствовало ее надеждам и усилиям: эта оценка принадлежит ее читателям. Сознавая за собою добросовестное стремление к цели, указанной в первой ее программе,[11] она чувствует глубоко и живо всю важность и огромность предлежащей ей задачи и постарается, по крайней мере искренностью и трудами, доказать, что она не совсем недостойна принятой ею на себя обязанности.

За сим мы повторим нашу прежнюю программу:

«Единственная почва для самобытного и полного развития всякого народа ⟨...⟩[12] всем, искренно нам сочувствующим, мы говорим: *милости просим*».

Считаем долгом изъявить искреннюю нашу признательность лицам, откликнувшимся на наш призыв: содействие их значительно облегчит наш труд, а их сочувствие укрепит и умножит наши силы.

«Русская беседа» будет выходить трехмесячно: в марте, июне, сентябре и декабре. Она будет содержать в себе шесть главных отделов:

I. Изящная словесность: разные русские произведения в стихах и прозе.

II. Науки и искусства: преимущественно русские статьи о разных предметах наук и искусств; переводные же статьи будут помещаться не иначе, как с предисловиями или с примечаниями, в которых по возможности будет указываться взгляд на обсуживаемые предметы с русской точки зрения.

III. Критика замечательных произведений русской словесности. Будут помещаться также разборы иностранных сочинений, имеющих особенное значение в общей истории просвещения.

IV. Обозрения исторические важных современных политических событий, достопримечательных явлений в науках, искусствах, законодательстве, торговой, промышленной и общественной жизни как в России и Славянских землях, так и в Западной Европе.

V. Смесь: статьи разного рода; журнальная переписка; известия по части словесности, наук, искусств, промышленности, сельского хозяйства и пр.

VI. Жизнеописания замечательнейших людей русских и иностранных.

Статьи для помещения в «Русской беседе» могут быть доставляемы как в самую Редакцию, так и в конторы ее в Москве и С.-Петербурге, откуда будут также возвращаться сочинителям те из рукописей, которые, по каким-либо причинам, не будут помещены в «Русской беседе».

Подписка на «Русскую беседу» принимается в Москве:

В конторе «Русской беседы», при книжном магазине комиссионера Московского университета Федора Осиповича Свешникова,[13] на Страстном бульваре, в доме Университетской типографии, и у книгопродавцев: Базунова, на Страстном бульваре, в доме Загряжского, у Глазунова,[14] на Кузнецком мосту, Лоскутова[15] и Салаева[16] — на Никольской.

В С.-Петербурге: в конторе «Русской беседы» при книжной лавке А. И. Давыдова,[17] на Невском проспекте, против Арсенала Аничкина дворца, в доме Заветного,[18] и у книгопродавцев: Базунова,[19] Ратькова,[20] Лоскутова,[21] Смирдина,[22] Исакова,[23] Юнгмейстера,[24] Крашенинникова,[25] Свешникова[26] и Глазунова.[27]

Гг. иногородные благоволят относиться для подписки *исключительно* в Редакцию «Русской беседы» в Москве и в Газетную экспедицию Московского почтамта.

При соблюдении сего условия Редакция отвечает за исправность доставления книг гг. подписчикам. Книги будут отсылаться им в наглухо заклеенных обертках с печатными надписями.

Подписка на текущий год продолжается в тех же вышеозначенных местах.

Цена годовому изданию за 1856 год с доставкою — 8 руб. сер⟨ебром⟩; а на будущий 1857 год в Москве и С.-Петербурге — 7 р. 50 к., а для иногородных и с доставкою на дом в Москве и С.-Петербурге — 8 р. 50 к. серебр⟨ом⟩.

А. И. Кошелев

Об издании «Русской беседы» на 1858 год[28]

«Русская беседа» будет издаваться в следующем 1858 году на основании прежней своей программы, также трехмесячно и в том же виде, в каком она доселе выходила. Издатель думал было участить ее выпуски, имея в своих руках богатый запас замечательных статей, но он предпочел удержать нынешний вид издания, конечно, невыгодный в полемическом отношении, но более соответственный характеру «Беседы».

Оканчивая второй год существования, «Беседа» считает нужным окинуть беглым взглядом пройденное ею поприще, с тем чтобы яснее показать, чего читатели могут и должны ожидать от дальнейшей ее деятельности.

При самом появлении программы «Русской беседы» вспыхнул спор о значении народности в области науки.[29] В течение двух лет, в разных статьях, преимущественно критических, «Беседа» старалась объяснить участие народности в общечеловеческом деле просвещения.[30] Эта плодотворная мысль возбудила живое сочувствие в умах непредубежденных; сами противники «Беседы» нечувствительно поддаются могуществу истины, ею высказанной.[31]

Другой вопрос, уяснению которого «Беседа» преимущественно посвящала свои усилия, — вопрос об общинном начале — был в истекающем году едва ли не главным, самым живым делом в нашей литературе. В продолжение двух лет «Беседа» разработывала этот вопрос преимущественно в историческом отношении[32] и представила достаточные, кажется, доказательства исконности существования общины на Руси. Не покидая этого пути, «Беседа» предполагает теперь заняться изучением общинного начала преимущественно в этнографическом, статистическом и сельскохозяйственном отношениях; с этою целью она пригласила[33] и сим приглашает людей, знающих наш общинный быт на деле (так, как он существует в нравах и обычаях крестьянства), сообщать сведения и рассказы об этом коренном проявлении русской жизни. Имея в виду уже несколько обещанных статей по сему предмету, «Беседа» надеется, что и прочие ее сотрудники, а равно и посторонние лица, не откажут ей в своем содействии по сему, крайне важному, делу.

За особенное счастие «Беседа» считает то, что удалось ей представить читателям опыты философского мышления, истекающего из начал Православной Веры.[34] Несмотря на горестную утрату главного своего деятеля по этой части,[35] «Беседа» убеждена, что брошенные им семена при-

несут плоды обильные и что другие мыслители не покинут стези, вполне соответственной духовному настроению русского народа.

«Беседа» не оставляла, кажется, без внимания ни одного важного современного вопроса и по каждому из них старалась высказывать мнения, согласные с действительными, по ее воззрению, потребностями нашего отечества. При начале своей деятельности, приходилось «Беседе» много толковать об общих отношениях своих убеждений, и потому она иногда не имела возможности представлять их в частных, более осязательных, применениях. В истекающем году «Беседа» действовала в этом отношении уже свободнее, чем прежде: и теперь, когда ее направление в главных чертах определилось для читателей, она вменит себе в обязанность еще более заниматься современными вопросами, имеющими ныне особенно важное значение не только для настоящего времени, но и для всего будущего.

В своей программе «Русская беседа» обещала сообщать сведения об умственной деятельности в Славянских землях,[36] считая необходимым долгом, по возможности, усиливать и распространять живое духовное общение с одноплеменными нам народами. В течение первых двух лет она уже напечатала разные о них известия и несколько статей, собственно для нее написанных в Славянских странах.[37] Поездка издателя в нынешнем году в Германию и Австрию[38] способствовала к скреплению связей «Беседы» с некоторыми из главных деятелей славянского просвещения;[39] и теперь мы можем обещать еще положительнее, чем прежде, как сообщение известий о Славянских землях, так и постоянное участие в трудах «Беседы» многих замечательных славянских ученых и литераторов.

Хотя «Беседа» почерпает главное побуждение к труду в преданности своим убеждениям, но в то же время она находит великое для себя поощрение в распространяющемся более и более сочувствии к мнениям, которые положены ею в основу своего существования. Из такого, постепенно возрастающего, сочувствия «Русская беседа» извлекает для своей деятельности новые силы в настоящем и еще более твердые упования на будущее.

«Русская беседа» будет выходить четыре раза в год: в январе, апреле, июле и октябре. Содержание ее будет следующее:

I. Изящная словесность: разные русские произведения в стихах и прозе.

II. Науки и искусства: преимущественно русские статьи о разных предметах наук и искусств; переведенные же статьи будут помещаться не иначе, как с предисловиями или с примечаниями, в которых по возможности будет указываться русское воззрение на обсуживаемые предметы.

III. К р и т и к а замечательных произведений русской словесности. Будут помещаться также разборы иностранных сочинений, имеющих особенное значение в общей истории просвещения.

IV. О б о з р е н и я исторические важных современных политических событий, достопримечательных явлений в науках, искусствах, законодательстве, торговой, промышленной и общественной жизни как в России и Славянских землях, так и в Западной Европе.

V. С м е с ь: статьи разного рода; журнальная переписка; известия по части словесности, наук, искусств, промышленности, сельского хозяйства и пр.

VI. Ж и з н е о п и с а н и я замечательных людей русских и иностранных.

Статьи для помещения в «Русской беседе» могут быть доставляемы, как в самую Редакцию, так и в Конторы ее в Москве и С.-Петербурге, откуда будут также возвращаться сочинителям те из рукописей, которые, по каким-либо причинам, не могут быть помещены в «Беседе».

П о д п и с к а п р и н и м а е т с я:

В Москве: В Конторе «Русской беседы» при книжном магазине комиссионера Императорского Московского Университета, *Ф. О. Свешникова*, и у книгопродавца *И. В. Базунова*, на Страстном бульваре.

В С.-Петербурге: В Конторе «Русской беседы», при книжной лавке А. И. Давыдова, на Невском проспекте, против Арсенала Аничкина Дворца, в доме Заветного.

В Лейпциге у книгопродавца *Франца Вагнера.*

У прочих книгопродавцев подписка на «Беседу» также принимается, но Редакция, в этом случае, не берет на себя ответственности за исправное доставление книг.

Гг. иногородные благоволят относиться для подписки исключительно *в Редакцию «Русской беседы» в Москве.* При соблюдении сего условия, Редакция отвечает за исправное доставление книг гг. подписчикам. Книги будут рассылаться в наглухо заклеенных обертках с печатными надписями.

Цена годовому изданию за 1858 год в Москве и С.-Петербурге — 7 руб. 50 коп., а для иногородных и с доставкою на дом в Москве и С.-Петербурге — 8 руб. 50 коп.

Цена годовому изданию за прошлый 1856 год в Москве и С.-Петербурге — 6 р. 50 к., а для иногородных — 8 руб.; цена за текущий год та же, которая назначена и за будущий 1858 год.

Подписчики «Русской беседы» на 1858 год, желающие приобрести полные ее годовые издания с приложениями за 1856 и 1857 годы, могут оные получать в Москве и С.-Петербурге за 13 руб., а иногородные благоволят выписывать оные из Редакции с приложением ⟨за⟩ 15 руб. 50 коп.

⟨И. С. Аксаков⟩

Об издании «Русской беседы» в 1859 году[40]

Двенадцать томов «Русской беседы», изданных в течение 3-хлетнего ее существования, предстоят суду русского общества. Какие бы ни были недостатки нашего издания, эти 12-ть томов — смеем думать — достаточно свидетельствуют о неизменной верности «Русской беседы» основным началам ее программы и, с тем вместе, надеемся мы, представляют некоторое ручательство, что «Беседа» не ослабеет в своем деятельном служении им и на будущее время.

«Беседа» станет продолжать свое дело и в наступающем 1859 году с тою же твердостью, с тою же преданностью своим убеждениям, в том же духе независимости, с тем же строгим отношением к своей задаче, как и в предшествовавшие годы.

Мы переживаем теперь такую историческую минуту, которая служит пробным камнем для многих искусственных теорий. Пришла пора дать жизненный ответ на вопросы, предложенные жизнью; наступило время деятельности положительной; отвлеченное начало, мысль, наука встречаются лицом к лицу с действительностью, с явлением. И что же мы видим? Мы видим, что многие горячие и упорные противники направления, которое выражает себя в «Беседе», сами невольно чувствуют шаткость своих заключений, напрягают усилия, чтобы отыскать какую-либо твердую жизненную точку опоры, наконец, мало-помалу видоизменяют прежние теории и, в своем стремлении укрепить их на прочной основе народного духа, постепенно усвоивают себе положения, так давно, так часто провозглашенные и «Московскими сборниками» и «Русской беседой».[41] Приветствуя с искреннею радостью наших бывших противников на пути сближения с нами, конечно еще далеко не полного, мы в то же время черпаем новые силы в сознании, что направлению, которому «Беседа» служит органом, не было надобности отступать от своих начал для приискания жизненного разрешения современным общественным вопро-

сам, — что «Беседа» могла остаться вполне верною своим основаниям, не противореча ни новым требованиям жизни, ни воззрениям народным.

«Беседе» не раз ставили в вину, что она мало касается вопросов текущей действительности и потому мало удовлетворяет насущным потребностям современного русского общества. Мы нисколько не отрицаем огромной заслуги тех журналов, которые взяли на себя задачу такого удовлетворения, и наравне с публикой вполне признаем необходимость и пользу таких изданий. Но цель нашего журнала иная. Задача «Беседы» (разумеется, главная ее задача) — уяснение основных начал русской народности путем преимущественно положительным, а не отрицательным, начал, способных руководить нас, русских, в путанице современных явлений и случайностей. — «Беседа» считает полезным, чтобы вопросы, которых решение еще отдаленно, вызревали предварительно в области живого, цельного мышления, разработывались и поверялись критикою науки и разума, руководимого вечными истинами учения Христова. Но когда наступает время их жизненного решения, когда, как теперь, явилась пора *настоящего* дела, «Беседа» приняла и примет в них самое близкое участие. Великому крестьянскому вопросу посвящен ею целый особый отдел,[42] и сотрудники «Беседы» явились самыми ревностными сотрудниками «Сельского благоустройства».

Объяснение наше о цели и задаче «Беседы» может служить ответом и на другое требование, не раз выраженное нашими читателями, именно, чтобы «Беседа» издавалась не менее 12-ти раз в год, наравне с прочими журналами. Очевидно, что такой порядок издания не соответствует характеру нашего журнала и что срочность и необходимая в таких случаях поспешность много бы повредили самостоятельности и вообще достоинству ученых работ наших сотрудников. Да и надобности в этом, при задаче, принятой на себя «Русскою беседою», никакой не оказывается. Во сколько теряем мы в полемическом и в некоторых других отношениях от такого способа издания, во столько выигрываем мы — так нам кажется — на внутреннем достоинстве статей, помещаемых в «Беседе».

Тем не менее, уступая единственно обилию материалов и желанию — не разбивать некоторых драгоценных рукописей, нами приобретенных, на два года, что было бы неминуемо при 3-хмесячном порядке издания, мы решаемся издавать «Беседу» в следующем, 1859 году не в 4-х, а в 6-ти томах, *не менее* 35-ти листов в каждом томе. Впрочем, мы и в нынешнем году выдали, собственно говоря, не 4, а 7 книг, разделив для удобства последние три тома на две части. Так станем мы поступать и в 1859 году, когда том будет превышать количество 35 листов.

Нам остается сказать еще несколько слов о некоторых статьях нашего журнала. «Беседа», по примеру «Московских сборников» 1846, 1847 и 1852 годов, неутомимо знакомила русских читателей с историей, географией, бытом, литературой, вообще с умственной и нравственной деятельностью славянских племен. Сочувствие «Беседы» и «Сборников» к делу славянской народности началось издавна, с трудом преодолевало противопоставляемые ему препятствия всякого рода и почти до последнего времени не переступало пределов известного литературного направления. Теперь, к счастию для славян, круг сочувствия расширился, Славянский вопрос стал на череде современных политических вопросов, славяне делаются предметом толков иностранных газет и журналов, а за ними и наших русских. Мы радуемся этому явлению, потому что сочувствие к славянам может быть только тогда для славян действительным и плодотворным, когда вопрос славянский приобретет у нас и общественность и народность. Имея в виду, что интересы славянские уже возбуждают внимание русских читателей, мы предполагаем в будущем 1859 году:

а) Издать, собственно для подписчиков «Русской беседы», подробную географическую карту славянских племен в Европе, которую все подписчики на 1859 год получат безвозмездно.[43]

б) Также в виде безвозмездного приложения к «Русской беседе» издать для сообщения читателям общих основных сведений о славянах, географический и статистический очерк славянских племен, с кратким обозрением их истории и литературы и с образцами их наречий.

В то же время мы обратились с просьбою, как и в прежние годы, к некоторым литераторам польским, чешским, сербским, хорватским, словенским, болгарским, русинским и т. д. принять участие в нашем издании и уже получили от них обещание быть нашими деятельными сотрудниками.

Независимо от сего, по соглашению с издателем газеты «Парус», учреждается при конторах «Беседы» и «Паруса» Славянская контора, с целью облегчить учено-литературные сношения русских с славянами, о которой, впрочем, будет объявлено особо.[44]

Таким образом, «Русская беседа», оставаясь верною главным основаниям своей первоначальной программы, будет выходить шесть раз в год, в январе, марте, мае, июле, сентябре и ноябре.

⟨*И. С. Аксаков (?)*⟩

Заключительное слово[45]

Мы приостанавливаем издание «Русской беседы». Несомненно убежденные в жизненности тех начал и воззрений, которых посильным выражением была «Русская беседа», — мы знаем, что ничто, конечно, не удержит их хода; но, тем не менее, с тяжелым чувством расстаемся, хотя и на время, с нашею журнальною деятельностью. Нам дорого было это периодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служение нашей народности; мы свято чтим наше литературное знамя, знамя народного самосознания во всех областях жизни и духа; нам жаль нашего прерванного труда.

Многие из наших главных сотрудников должны были оставить свою литературную деятельность для деятельности иной, неотложной, животрепещущей.[46] Сам издатель в течение всего истекающего года не имел никакой возможности заняться своим журналом.[47] Только благодаря трудам и заботам одного из сотрудников (Ивана Сергеевича Аксакова), принявшего на себя не официальную, а нравственную ответственность издания, — могла «Русская беседа» появиться во все положенные шесть сроков, и появилась книгами, богатыми, как нам кажется, не по одному числу листов, но и по внутреннему содержанию. Будучи лишен возможности и в наступающем 1860 году посвятить себя делу редакции, издатель ходатайствовал о передаче «Беседы» упомянутому сотруднику; но *по причинам, совершенно не зависящим от них обоих*, такая передача *не могла* состояться: продолжать же издание журнала: одному под именем другого — не удобно, не столько в официальном, сколько в литературном и нравственном отношении.

Сходя с журнального поприща, мы невольно окидываем взглядом пройденное нами пространство и невольно требуем от себя отчета — полезно ли, плодотворно ли было наше литературное дело. Пусть решит это окончательно сам беспристрастный читатель, но кажется нам, что труды наши были не напрасны, что журнал наш был и полезен, и нужен.

Не так сходим мы теперь с журнального поля, как вступали на него в первый раз, в 1856 году. Оставляя в стороне вопрос о личном успехе нашего издания, мы с истинною радостью видим, что многие мысли, за которые так горячо ратовала «Беседа», сделались ныне уже общим достоянием. В этом свидетельстве едва ли могут отказать нам не только добросовестные, но и недобросовестные из наших противников. Но если бы и не захотели некоторые из них, ради мелочного самолюбия, отдать

справедливость убеждениям, неизменно твердым, с которыми «Беседа» начала и окончила свое поприще, — для нас, во всяком случае, важно не столько признание личных заслуг «Беседы», сколько прочный успех и всеобщее водворение ее заветных убеждений. Встреченные насмешками, колкостями и бранью, мы не сделали никаких уступок, — и постепенно умолкли насмешки и улеглись нападения. Кажется, мы не ошибемся, если скажем, что ныне оставляем за собою след уважения и даже сочувствия, если не лично к нашему журналу, то к нашему литературному знамени.

Что же именно сделали мы в эти четыре года? Где же доказательства успеха самой Идеи? Мы, конечно, не станем рассказывать здесь содержание всех толстых 18 томов «Русской беседы» и с лишком 4 томов «Сельского благоустройства»,[48] но да позволено будет нам указать в немногих словах на те собственно вопросы, решение по которым, кажется нам, уже перешло в общественное сознание.

Читатели помнят, какую бурю против нас возбудило в 1856 г. мнение «Р⟨усской⟩ беседы» о народности в науке.[49] Этот вопрос является теперь совершенно решенным, и решенным положительно. Мы даже недавно прочли статью одного нашего почтенного ученого, всегда принадлежавшего к числу наших оппонентов, статью, в которой требование народности доведено до крайних ее пределов.*[50] Тем более чести тем, которые умеют открыто отказаться от своих прежних, так долго отстаиваемых, воззрений, как скоро сознали их ошибочность. Вопрос о народности в науке вовсе не так маловажен, как хотят думать некоторые: он возвращает нас из духовного плена к независимости мысли, он избавляет нас от подобострастного поклонения авторитетам науки западной, дает нам право оценить их высокие заслуги в качестве самостоятельных и свободных ценителей, делает из нас не подражателей, но народно-самостоятельных деятелей общечеловеческой науки, делает из нас — иногда противников, иногда друзей Запада, но уже никогда — рабов.

Вопрос об общинном устройстве, основанном на общинном землевладении и охраняемом извне круговым ручательством, вызвал против нас грозные выходки со стороны безусловных поклонников западной экономической науки, долго отрицавших самый исторический факт существования в народе этого коренного начала его жизни. Но и признавши исто-

---

* «Юридические записки», т. III, статья г. Редькина «Обозрение юридической литературы». Г. Редькин доказывает необходимость разработки истории римского права, с самостоятельной русской точки воззрения, *русской науки римского права*.

рическое существование, в чем не винили провозглашенное нами «варварское начало народного быта»![51] — «Беседа» и «Сельское благоустройство» неутомимо трудились над разъяснением сущности этого явления, из русской и всеславянской истории и жизни; явления, — имеющего громадную будущность, не только не противоречащего требованиям здраво-понятой науки, но предназначенного внести новое воззрение и произвести совершенный переворот в политической экономии, как она сложилась доселе на Западе. Положение это теперь, более или менее, уже принято некоторыми из главных наших периодических изданий. По крайней мере, недавно одно из них, наиболее распространенное в России, свидетельствовало гласно, что вопрос об общинном землевладении уже положительно разрешен в литературе.*[52] Конечно, еще есть много разногласий в частностях, но подождем терпеливо, и заявленное «Беседою», но принадлежащее народу начало возрастет, окрепнет и осенит собою всю Русскую землю. Уже и теперь многие, а со временем и все сознáют, что только общинное устройство может дать народу самостоятельность жизни, что только оно одно в состоянии доставить *всему* крестьянству благо землевладения и наибольшее, по возможности, общее благосостояние и что, кроме круговой поруки, ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней.

Мысль об освобождении крестьян с землею, необходимо истекающая из изучения народного русского быта, печатно впервые заявлена была в «Беседе» (№ IV 1857). Разработке и распространению этой великой истины был посвящен особый отдел «Беседы»: «Сельское благоустройство». Глубоко сожалеем, что обстоятельства, *от Редакции не зависящие*, заставили прекратить издание в то самое время, когда вопрос вступал в период самого полного своего развития,[53] — но утешаемся мыслью, что деятельность наша имела исторически-практическую важность и была оценена всеми, кому дорог успех крестьянского дела.

Давно ли Славянский вопрос считался вопросом мертвым и теоретической бредней? Давно ли один из журналов насмешливо уступал г. Гильфердингу сочувствие всех славян от Балтики до Адриатического моря?[54] Но обстоятельства изменились, и — к счастию наших угнетенных братий — они могут встретить теперь выражения сочувствия и не в одном только нашем журнале. Конечно, не «Русской беседе» первой принадлежит честь установления умственного и литературного общения с славянскими племенами, — честь эта бесспорно принадлежит М. П. Пого-

* Русский вестник. № 20. Совр⟨еменная⟩ лет⟨опись⟩. Стр. 418.

дину, — но думаем, никто не станет отрицать то важное общественное значение, которое имело для славян существование собственно «Р⟨усской⟩ беседы» и о котором громко свидетельствуют и Белград, и Загреб, и Тернов, и Прага? Нам удалось возвести Славянский вопрос из области археологического интереса в область живого, деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных славянских собратий. Обстоятельства, *от нас не зависящие*, помешали нам расширить круг наших сношений и устроить при «Русской беседе» столько нужную для русских и для славян Славянскую контору;[55] но и за то малое, что сделано нами, заплатили нам горячим сочувствием наши страждущие единоплеменники. Мы знаем, что прекращение «Беседы» отзовется особенно прискорбно во всех Славянских землях Австрии и Турции, — но мы просим наших братьев славян не смущаться, во-1-х, потому, что теперь многие, даже из наших петербургских газет и журналов, допускают на своих страницах статьи по Славянскому вопросу и выражают сочувствие к славянской народности (дай Бог, чтоб это сочувствие привело их наконец и к полному сочувствию народности русской); а во-2-х, потому, что мы только на время приостанавливаем нашу деятельность и надеемся, в этот промежуток, запастись бо́льшими средствами для нового служения славянскому интересу. Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме, и убедили наших братий, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие: признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства.

Смеем думать, что и в области философии, истории и филологии — «Русская беседа» представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли.

Считаем обязанностью изъявить нашу глубокую признательность как подписчикам, большею частью не изменявшимся из года в год и поддерживавшим нас своим сочувствием во все время четырехлетней нашей деятельности; так и сотрудникам, мужественно разделявшим с нами все наши невзгоды и смело подставлявшим свои труды под удары — большею частью неблагосклонной и предубежденной критики.

Мы, во всяком случае, надеемся, что в наступающем же 1860 году, от имени ли издателя «Русской беседы» или кого-либо из наших сотрудников, будут изданы отдельные сборники.

Да, наша деятельность, кажется нам, была не совсем бесполезна. Мы уверены, что остающиеся на журнальной арене деятели будут продолжать разработку тех мыслей и положений, которые внесены «Беседою»

в умственную жизнь русского общества, и что, возвратившись на журнальное поприще, мы найдем уже не столько, как прежде, противников — в общем деле нашего народного самосознания.

А. И. Кошелев

Об издании «Русской беседы» в 1860 году[56]

Приостанавливая на время издание «Русской беседы» как срочно-выходящего журнала, мы обещали выпускать от времени до времени Сборники. По причинам, которые считаем излишним здесь излагать, мы решились выпускать не Сборники, а *самую* «Беседу», только не в сроки, положительно и заранее определенные. Надеемся осенью издать другую книгу за сей 1860 год.[57]

Цель «Беседы», ее убеждения, сотрудники и состав книг остаются совершенно те же.

[1] Впервые: *МВед*. 1855. 3 марта. № 27. С. 1–2 (особ. паг.).

[2] Иван Васильевич Базунов — московский купец 3-й гильдии, проживавший в Козицком пер., в доме Глебова, и имевший книжную лавку на Страстном бульваре.

[3] Речь идет о доме коллежского асессора Петра Алексеевича Загряжского.

[4] Федор Васильевич Базунов — крупный книгопродавец 1840-х — первой половины 1850-х гг.; открыл магазин в Петербурге в 1835 г., до этого работал приказчиком у А. Ф. Смирдина (см. примеч. 22).

[5] Дом Софьи Михайловны Энгельгардт (урожд. Кусовниковой; 1796–1853) на углу Невского проспекта и Екатерининского канала (д. 30/16) был продан хозяйкой в 1846 г., а в 1856 г. сгорел. Практически заново отстроенный, он по традиции и посейчас называется «домом Энгельгардта», т. е. супруга С. М. Энгельгардт, Василия Васильевича, приятеля Пушкина.

[6] Впервые: *РБ*. 1856. Кн. I. С. I–VI (паг. 2-я), подпись: *Русская Беседа*.

[7] «Я человек: ничто человеческое мне не чуждо» (*лат.*). Выражение из комедии Теренция (ок. 185–159 до н. э.) «Самоистязатель» (акт I, сцена 1, стих 25).

[8] Имеется в виду период Крымской (Восточной) войны (1853–1856).

[9] Подразумевается участие в Крымской войне греческих и болгарских добровольцев.

[10] Впервые: *РБ*. 1856. Кн. III. С. I–V (паг. 8-я), подпись: *Издатели «Русской беседы» А. Кошелев, Т. Филиппов*; повторено: Там же. 1856. Кн. IV. С. I–IV (паг. 11-я).

[11] Опубликована под назв. «Объявление к № 27-му „Московских ведомостей“ 1856 года. Об издании нового журнала в 1856 году под названием „Русская беседа“». См. наст. изд. С. 255–257.

[12] Текст программы републикован точно (см.: Там же), единственное разночтение — в изменении написания предлога *через* на его неполногласный вариант *чрез*.

[13] Федор Осипович Свешников (1824–1885).

[14] Глазунов — представитель знаменитой книгоиздательской фирмы, основанной Матвеем Петровичем Глазуновым (1757–1830).

[15] В тот период в Москве торговали два купца 3-й гильдии Лоскутовых: Иван Андреевич, имевший дом в Гагаринском пер., и Илья Тимофеевич, собственник дома в 1-м Монетном пер.

[16] Речь идет о книгопродавце Иване Григорьевиче Салаеве (?–1858), по смерти передавшем семейное дело сыну Федору Ивановичу (1820–1879).

[17] Алексей Иванович Давыдов, петербургский книгопродавец, купец 2-й гильдии, имел собственный магазин на Невском пр., д. 62 (старой нумерации).

[18] Купец Михаил Прохорович Заветнов (1821–1859) имел на Невском дом против Александринского театра (не сохранился; ныне на его месте участок дома 58).

[19] Издатель и книгопродавец Александр Федорович Базунов (1825–1899), наследовавший в 1850 г. фирму (основана в 1810 г.) своих деда и отца (см. примеч. 4), обанкротился в 1876 г.; принадлежавшие ему литературные права перешли к М. О. Вольфу. Книжный магазин Базунова располагался по адресу: Невский пр., 30 (дом Ольхиной).

[20] Книгопродавец Петр Алексеевич Ратьков владел магазином в начале Невского пр. (д. 8 старой нумерации).

[21] Степан Петрович Лоскутов, комиссионер, личный почетный гражданин, занимался книжной торговлей на Большой Садовой ул., д. 11.

[22] Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) имел книжный магазин и при нем библиотеку для чтения (с 1832 г.) в доме Лютеранской церкви Св. Петра (Невский пр., д. 22); в октябре 1856 г., однако, он был объявлен несостоятельным должником.

[23] Книжный магазин Якова Алексеевича Исакова (1811–1881) находился на Невском пр., д. 35, в Большом Гостином дворе (Суконная линия, лавка № 13, позже — № 22).

[24] Юлий Андреевич Юнгмейстер, комиссионер газеты «Русский инвалид», в 1841–1866 гг. владел книжным магазином и библиотекой для чтения на Невском пр., в доме купца К. Б. Котомина (ныне № 8), у Полицейского (ныне Зеленый) моста.

[25] Книгопродавец Петр Иванович Крашенинников (1820–1863) имел магазин на Невском пр., в доме Католической церкви Св. Екатерины (ныне д. 32).

[26] Магазин книгопродавца Николая Леонтьевича Свешникова находился также на Невском, в доме Католической церкви Св. Екатерины; кроме того, он и его братья Александр и Михаил имели две лавки в Гостином дворе.

[27] Московские книгопродавцы Глазуновы в Петербурге торговали на Невском пр., д. 35, в Большом Гостином дворе (лавки № 9, 15, 21, 22).

[28] Впервые: *РБ*. 1857. Кн. IV. С. I–IV (паг. 10-я), подпись: *Издатель А. Кошелев*.

[29] Полемику «о значении науки» инициировал в марте 1856 г. М. Н. Катков, который в своих «Московских ведомостях» язвительно откликнулся на публикацию про-

граммы «Русской беседы». Он тогда удивлялся, что славянофильское издание будет стремиться содействовать «развитию русского воззрения на науку и искусство», поскольку, по его убеждению, «науки и искусства допускают лишь одно воззрение — просвещенное, следовательно, общечеловеческое» (〈*Катков М. Н.*〉. Литературные и другие новости // *МВед.* 1856. 3 марта. № 27. Лит. отд. С. 106).

[30] Имеются в виду прежде всего публикации в «Русской беседе» А. С. Хомякова (см. № 1, 51, 97, 100, 155 в *ПР*), К. С. Аксакова (№ 21, 46, 154), Ю. Ф. Самарина (№ 8, 105, 153), Н. И. Крылова (№ 104, 127), полемизировавших с М. Н. Катковым, Б. Н. Чичериным, С. М. Соловьевым и др. Последней в продолжение двухлетней дискуссии репликой на эту тему стала статья Н. П. Гилярова-Платонова «Новые объяснения по старому спору» (№ 183 в *ПР*), написанная по поводу статьи С. Яхонтова «Исследование вопроса о народности в науке и государственной жизни» (Северная пчела. 1857. 31 окт. № 259. С. 1132–1134) и опубликованная в той же книге «Русской беседы», что и настоящая редакционная статья Кошелева.

[31] Возможно, здесь имеется в виду положительная рецензия В. П. Безобразова на книгу В. Г. Риля «Естественная история народа» (Штутгарт, 1856), опубликованная под названием «Материялы для физиологии общества» (*РВ.* 1857. Т. XI, окт., кн. 2. Отд. I. С. 657–720; Т. XII, дек., кн. 1. С. 493–538).

[32] Речь идет о статьях И. Д. Беляева (№ 12, 36, 82 в *ПР*), Н. Д. Иванишева (№ 144), самого Кошелева (№ 175) и др.

[33] Вероятно, имеются в виду такие авторы «Русской беседы», как М. Миличевич (см. его статьи № 254 и 412 в *ПР*), К. Д. Петкович (№ 342), Ф. Ф. Кокошкин (№ 360), В. А. Мацеевский (№ 413). Их очерки об общине были опубликованы уже в 1858–1859 гг.

[34] Речь идет о программной статье И. В. Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (*РБ.* 1856. Кн. II. Отд. II. С. 1–48).

[35] Подразумевается И. В. Киреевский, скончавшийся 11 июня 1856 г.

[36] Имеется в виду анонс в программе журнального отдела IV: «О б о з р е н и я исторические важных современных политических событий, достопримечательных явлений в науках, искусствах, законодательстве, торговой, промышленной и общественной жизни как в России и Славянских землях, так и в Западной Европе» (наст. изд. С. 256).

[37] Имеются в виду статьи 1856–1857 гг.: поляка И. И. Паплонского (см. № 64, 131 в *ПР*), чехов Л. Риттерсберга (№ 107) и К. Я. Эрбена (№ 171), словенца В. Ф. Клуна (№ 147, 292, 309).

[38] Кошелев совершил эту заграничную поездку в мае-августе 1857 г., побывав в Пруссии, Богемии, Австрии, Италии, Швейцарии, Франции, Бельгии. См.: *Кошелев. Записки.* С. 74–81.

[39] В частности, в Праге Кошелев сблизился с такими выдающимися общественными деятелями, писателями и учеными, как прот. М. Ф. Раевский, чехи В. В. Ганка, П. Й. Шафарик, К. Я. Эрбен, Й. Ф. Шумавский, Я. С. Томичек, К. В. Зап и В. В. Томек, словаки К. Кузмани, Й. М. Гурбан и В. Ф. Клун, словенец Ф. Миклошич, серб В. С. Караджич.

[40] Впервые: *РБ.* 1858. Кн. IV. С. I–IV (паг. 2-я), без подписи.

[41] См., например, примеч. 30.

[42] Имеется в виду журнал «Сельское благоустройство», который мог быть зарегистрирован только как отдел «Русской беседы», так как одному лицу (Кошелеву) не позволялось в тот период издавать два журнала одновременно.

[43] Это намерение, так же как и заявленное в следующем пункте, осуществить не удалось.

[44] См. 4-страничное подписанное Кошелевым и И. Аксаковым «Объявление об учреждении Славянской конторы при конторах „Русской беседы" и „Паруса" в Москве» (ц. р.: 7 сентября 1858 г.), в котором, в частности, прозвучал призыв к славянским литераторам активнее сотрудничать с названными московскими изданиями, при этом предлагался внушительный по тем временам размер гонорара: 40 руб. серебром за печатный лист (с. 4).

[45] Впервые: *РБ*. 1859. Кн. VI. С. I–VIII, с подписью: *Русская Беседа*.

[46] Подразумеваются Ю. Ф. Самарин и кн. В. А. Черкасский, которые в 1859–1860 гг. состояли членами-экспертами Редакционных комиссий по крестьянскому вопросу.

[47] В августе-ноябре 1859 г. Кошелев принимал активное участие в работе Редакционных комиссий как член, вызванный из Рязанского губернского комитета (в числе так называемых «депутатов 1-го созыва»), после этого занимался хозяйством в своем поместье.

[48] «4 тома» (точнее, «книги») «Сельского благоустройства», по три месячных выпуска в каждой, увидели свет в 1858 г.; в следующем, 1859 г. вышли только два выпуска: январский и февральский, причем последний — с опозданием, в апреле.

[49] См. примеч. 29–30.

[50] Ср.: «...нам предстоит задача — из готовых уже материалов создать нечто новое, начертать историю римского права собственно для употребления русских юристов» (Юридические записки. М., 1859. Т. III, изд. П. Редкиным и К. Яневичем-Яневским. С. 334). Точное название статьи знаменитого либерального правоведа и педагога Петра Григорьевича Редкина (у Аксакова: Редькин) (1808–1891) — «Обозрение юридической литературы. По римскому праву» (опубликована на с. 250–402 указанного издания).

[51] Подобными эпитетами награждали русскую общину авторы «Русского вестника».

[52] Аксаков ссылается на редакционную статью М. Н. Каткова «Ответ одному из подписчиков газеты „Journal de St.-Petersbourg"», посвященную проблемам русской журналистики и цензурной политики. Имеются в виду следующие слова: «...кто будет отрицать, что тем не менее литература сделала довольно много по крестьянскому вопросу? Можно сказать, что она вынесла на плечах своих вопросы об общинном владении...» (*РВ*. 1859. Т. XXIII, № 20 (Окт., кн. 2). Отд. II: Соврем. летопись. С. 418). См. о раздраженной реакции Каткова на эту фразу «Заключительного слова» на с. 433–434 наст. изд.

[53] Одной из главнейших причин закрытия «Русской беседы» стал отказ Главного управления цензуры официально объявить И. Аксакова соредактором Кошелева. См. также статью Б. Ф. Егорова в наст. изд.

[54] Не исключено, что речь идет о следующем пассаже из опубликованной без подписи в «Отечественных записках», неприязненной рецензии на 1-й том «Истории бал-

тийских славян» Гильфердинга: спор «ни к чему не поведет, кроме наполнения некоторых славянских журналов, которым мы и уступаем все широкое поле от устьев Лабы до Моравы и, пожалуй, даже до дальней Савы, где так широко разыгралась фантазия г. Гильфердинга» (*ОЗ*. 1856. Т. CVI, июнь. С. 54).

[55] Об основной причине запрета Министерством народного просвещения Славянской конторы (о ней см. примеч. 44) и Славянского отдела при газете «Парус», И. Аксаков так писал 6 апреля 1859 г. в Вену прот. М. Ф. Раевскому: «...правительство хочет, чтобы славянский орган находился в С.-Петербурге, под его контролем, т. е. поставить его в зависимость от колебаний правительственной политики и разъединить интерес славянской народности с интересом русской народности» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 195).

[56] Впервые: *РБ*. 1860. Кн. I (XIX). 2-я с. обл., с подписью: *Издатель А. Кошелев*.

[57] Эта книга (20-я по общему счету) вышла в свет в начале января 1861 г. (ц. р.: 31 декабря 1860 г.).

III. «РУССКАЯ БЕСЕДА» В ГЕРМАНИИ

История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом

Предисловие, публикация и комментарии А. П. Дмитриева

Когда один за другим ушли из жизни братья Киреевские и С. Аксаков, а вслед за ними — Хомяков и К. Аксаков, окончилось и существование любимого детища славянофилов — «Русской беседы». За год до выхода в свет последней книжки, в декабре 1859 г., негласный редактор журнала И. Аксаков сдал дела издателю Кошелеву и поехал за границу. Планируя в будущем продолжить дело отца и брата, посвятив себя славянофильской журналистике (сейчас же, в преддверии 1860 г., он, как известно, столкнулся с решительным воспрещением ему не только издавать собственный журнал или газету, но и продолжать редактирование «Русской беседы» и «Сельского благоустройства»), И. Аксаков собирался в Славянских землях Австрии познакомиться поближе с общественно-политической, религиозно-культурной и бытовой жизнью братских народов, угнетаемых инославной властью, и пополнить свои знания в их языках.

Другой важной целью поездки был замысел опубликовать в немецкой печати подборку лучших славянофильских статей по истории, философии, социологии и эстетике, вышедших в свет в 1850-е гг. Об этом он писал 27 (15) января 1860 г. из Лейпцига своему единомышленнику — настоятелю русской посольской церкви в Вене прот. М. Ф. Раевскому: «У меня есть намерение издать здесь книгу под названием „Russische Ideen“ — т. е. сборник или выборку замечательнейших статей из „Русской беседы“, „Сельского благоустройства“ и пр., таких, в которых бы ученый мир европейский ознакомился с оригинальной русскою мыслью, разрабатываемою, конечно, только славянофилами».[1]

---

[1] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 206.

Безусловно, буквально «Russische Ideen» следовало бы перевести как «Русские идеи», — так в одном из писем к родным (из Лейпцига, от 28 (16) января 1860 г.), называет будущий сборник сам И. Аксаков: «Очень бы хотелось перевести скорее на немецкий язык „Русские идеи"...»[2] Однако, учитывая нынешнее наше восприятие этого концепта, *собирательный* вариант «Русская идея»,[3] конечно, отличается большей точностью и смысловой насыщенностью. Так, пожалуй, впервые, и именно в том смысле, какой мы и посейчас вкладываем в эту идеологему, — как новое и властное слово, открывающее Западному миру принципиально иной путь общественно-нравственного преуспеяния (точнее, призывающее его вернуться к основам общежития, заповеданным Евангелием), — обобщающе емко прозвучало: «Русская идея».[4] Полемических задач Аксаков и не думал скрывать. Он продолжал письмо о. Михаилу: «Немцы говорят, что русские не выработали никакой идеи; вот и следует им показать, что наша идея далеко их опередила и что все, смутно сознаваемое Рилем,[5] Фребелем[6] и другими достойными немцами, давно высказано и ясно сознано славянофилами и воплощено в жизни русского народа».[7]

Мысль о такой антологии русской мысли вызревала в славянофильском кружке давно и вполне оформилась, когда стало очевидно, что по многим причинам, в том числе и финансового порядка (издание «Русской беседы» приносило одни убытки), придется журнал закрыть. В письме к писательнице Н. С. Кохановской (Соханской) от 8 октября (26 сентября) 1860 г. Аксаков, тем не менее, утверждал: «Впрочем, нельзя отрицать огромного влияния „Беседы", если не на публику непосредственно, то на журналистику, на литерату-

---

[2] Там же. С. 37.

[3] Такой же перевод предпочел и публикатор переиздания аксаковской переписки Т. Ф. Прокопов (см.: Там же).

[4] Ср., однако, возражение О. А. Меерсон, прочитавшей нашу статью в рукописи: «Мне совсем не очевидно, такую ли уж хорошую службу сослужил перевод „русских идей" как „русской идеи". „Русские идеи" — свидетельство о том, что в России и по поводу русскости существуют важные, самостоятельные и многообразные идеи. Понятие же „русская идея" все это превращает в некоторую псевдо-(на мой взгляд)-мессианскую партийность, которая и породила ненужный антагонизм по отношению к русской религиозной мысли славянофилов. Попросту „русские идеи" предполагают, что истина выдерживает проверку плюрализмом, а „русская идея" предполагает, что не выдерживают. От этого до сих пор происходит много недоразумений...» (письмо от 30 марта 2009 г.).

[5] Вильгельм Генрих Риль (Riehl; 1823–1897) — немецкий публицист, издатель и писатель; профессор Мюнхенского университета.

[6] Фридрих Вильгельм Август Фребель (Fröbel; 1782–1852) — немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания.

[7] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 206.

ру. История русской мысли, если таковая когда-нибудь явится, должна будет отдать нам справедливость».[8]

На первых порах проект немецкой антологии, или, как несколько раз называет ее в своих письмах И. Аксаков, — «немецкой „Русской беседы"»,[9] не встречал на пути к своей успешной реализации никаких препятствий. Название было предложено К. Аксаковым и впервые зафиксировано в самом раннем из сохранившихся писем Ивана к родным из-за границы — вышеупомянутом, от 28 (16) января 1860 г. Приехав в Лейпциг, он тут же встретился с комиссионером «Русской беседы» книгопродавцем Францем Вагнером и предложил ему опубликовать на немецком произведения своего отца и славянофильскую антологию. О результатах переговоров Иван сообщал, не скрывая радости: «Вагнер согласился быть издателем сочинений Отесинькиных в переводе, а также и Сборника славянофильских статей („Russische Ideen", как предложил назвать Константин), на выгодных для меня условиях: т. е. он печатает на свой счет; в случае прибыли я беру 4-ую часть барыша: в случае убытка (который поверяется наличным числом книг) — я плачу ему не свыше 50 талеров. Переводы вообще в здешней книжной торговле идут плохо».[10] Вместе с тем Аксаков, спешивший познакомить немецкую интеллектуальную элиту со славянофильскими воззрениями, сокрушался, что систематического их изложения не существует и на русском языке. Родным он писал: «...но жаль, что бо́льшая часть идей не изложена на бумаге».[11]

К тому времени план антологии вполне еще, видимо, не сложился, поскольку Аксаков в том же письме сообщал: «Я пришлю потом оглавление статей, мною выбранных» — и сожалел о том, что у него нет возможности представить достижения русской историософии хомяковским трудом: «Жаль, нет кусочка из „Семирамиды", чтобы показать немцам, как русские трактуют die Weltgeschichte».[12]

Подсознательно волновала так и не изжитая память о преследованиях на родине, которым он подвергался со стороны жандармского ведомства. Родным писал: «Думаю, что правительство в издании мною русских процензурованных статей в нем⟨ецком⟩ переводе не найдет ничего предосудительного. Вовсе не думая о Тимашеве и Якушкине, я два раза видел самые живые сны о задержа-

---

[8] Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской): (Сообщила О. Г. Аксакова) // *РО*. 1897. Т. 44, март. С. 174.

[9] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 95, 100, 101, 108.

[10] Там же. С. 37. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 3.

[11] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 37.

[12] Там же. Weltgeschichte — всемирную историю (*нем.*).

нии меня; один — уже в Бреславле, и читал во сне отношение на немецк⟨ом⟩ языке из 3 Отд⟨еления⟩ в Бреславскую полицию!»[13]

Необходимо было найти надежного переводчика. Аксаков в уже упоминавшемся письме к прот. М. Ф. Раевскому от 15 (27) января 1860 г. писал о том, что намерен с этой целью съездить в Дрезден: «В Дрездене живет Павлова, известная писательница, мне хорошо знакомая. Хочу ее уговорить заняться переводом, хоть за деньги».[14] И о том же через день ставил в известность родных: «Итак, теперь должно приискать переводчика. Для этого я завтра еду в Дрезден, к Каролине Павловой (отсюда три часа езды)».[15] Однако после трех дней, проведенных в Дрездене, Аксаков понял, что не хочет доверить перевод Павловой, во-первых, по ее личностным качествам (родным 4 февраля (23 января) он писал: «В этой преисполненной талантов женщине все вздор, нет ничего серьезного, задушевного, глубокого, истинного и искреннего, — там, на дне, какое-то страшное бессердечие, какая-то тупость, неразвитость душевная ⟨...⟩ вся она ушла в поэзию, в стихи, вместо чувства — какая-то внешняя экзальтация»[16]), во вторых — по самой существенной для него причине: «В Каролине К⟨арловне⟩ никогда не было ни одной черты русской, она совершенная немка (даже немецкая кухарка) ⟨...⟩. Ни тоски по родине, ни даже интереса знать о ней, что и как делается в России...»[17]

Аксаков тем не менее на всякий случай прощупал почву, предложив Павловой переводить, о чем сообщал в Москву: «Но от переводов она отказалась, по

---

[13] Там же. С. 38. Исправлено и дополнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 3 об.—4. Бреславль (*нем.* Breslau) — ныне Вроцлав в Польше, историческая столица Силезии. Аксаков провел в Бреславле ночь с 24 (12) на 25 (13) января (см.: *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 35). Александр Егорович Тимашев (1818—1883) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1856—1862 гг. — начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Павел Иванович Якушкин (1820—1872) — этнограф, фольклорист, более 20 лет собиравший по деревням песни и сказки. Подразумевается нашумевшая история ареста последнего в 1859 г., во время странствования по Псковской губернии, местным полицеймейстером В. Э. Гемпелем с заключением на несколько дней в «кутузку». Эта история была подробно описана Якушкиным в его письме к редактору «Русской беседы», озаглавленном «Проницательность и усердие псковской полиции» (см. № 387 в *ПР*), которое вызвало полемику Якушкина с Гемпелем, журнальные отклики и официальные разъяснения, перепечатанные Аксаковым в «Русской беседе» (см. № 417 и 418 в *ПР*).

[14] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 206.

[15] Там же. С. 37.

[16] Там же. С. 39.

[17] Там же. С. 40. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 6. А. Ф. Аксакова не решилась в свое время опубликовать такое резкое суждение своего тогда уже покойного супруга о Павловой: «Впечатление, ею во мне оставленное, таково, что Дрезден теперь для меня совершенно погиб, т. е. я в него уже не загляну или объеду» (Там же. Л. 5).

крайней мере в настоящее время, потому что ей это невыгодно, — что и справедливо. Ей выгоднее сочинять, — тут она может получать рублей 80 за лист, а за перевод — дороже 10 талер⟨ов⟩ дать я не могу. Впрочем, она вызвалась, если я найду переводчика, просмотреть и поправить перевод».[18]

Узнав, что Аксаков «затрудняется в отыскании переводчиков», Н. П. Гиляров-Платонов в письме к нему от 28 января передавал совет их общего друга, историка Ильи Беляева (опубликовавшего в «Русской беседе» три своих очерка): «И. В. Беляев говорил о некотором Фуксе, живущем в Дрездене, дающем там уроки русского языка, хорошо знающем по-русски и хорошо переводящем».[19] Этот вариант Аксаков позже отмел, в письме от 25 (13) февраля он делился с родными: «Гиляров пишет мне про какого-то Фукса в Дрездене; но Дрезден, по милости Карол⟨ины⟩ Карл⟨овны⟩, для меня почти погиб».[20]

В том же Дрездене Аксаков познакомился еще с одним переводчиком — исследователем русской литературы, одесситом по рождению Вильгельмом Вольфсоном, о котором писал в Москву: «Мысли издать „Russische Ideen" он вполне сочувствует и готов заняться переводом, только не раньше апреля м⟨еся⟩ца».[21] Смущала Аксакова не только эта задержка, но и еще более — другое: «...он жид, и некрещеный. ⟨...⟩ Как это жиды, отметающие Христианство, являются представителями цивилизации, возникшей на Христианской почве?»[22] Позднее он сознавался, что не по нраву ему и амбиции Вольфсона — его намерение писать вступительную статью и по своему вкусу выстраивать материалы антологии. 25 (13) февраля он писал в Москву: «Некрещеный Вольфзон (он себя жидом не называет, а говорит только: ich bin nicht getauft[23]) охотно берется за дело, но не раньше апреля м⟨еся⟩ца, и, кажется, ему хочется сделать из этого свое самостоятельное издание, со своим предисловием».[24]

Еще одна кандидатура была подсказана уже Вольфсоном — жившая в Лейпциге супруга профессора-ориенталиста госпожа Ценкер (урожденная Ребиндер), «воспитавшаяся в доме Барятинских»; она держала корректуру лейпцигского издания комедии К. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд

---

[18] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 6. Этот фрагмент отсутствовал в публикации.

[19] Цит. по: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 538.

[20] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 53. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 15 об.–16.

[21] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 41. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 7. О В. Вольфсоне (Вольфзоне) см. также примеч. 36 на с. 308 наст. изд.

[22] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 41.

[23] я не крещен (*нем.*)

[24] Там же. С. 53. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 16.

в деревню», от которой была «в восторге».[25] Познакомившись с нею, Аксаков сразу же в ней засомневался, родным он 4 февраля (23 января) написал: «Я также дам ей переводить (она перевела и издала здесь роман Григоровича), но дам ей в виде пробы. Не думаю, чтоб она сумела перевести серьезные вещи».[26] И позднее, в письме от 25 (13) февраля, — те же сомнения: «...пересмотревши статьи, я убедился, что ей невозможно этим заняться, — т. е. она не сумеет. Впрочем, пошлю ей что-нибудь. Поправлять чужой перевод ужасно трудно».[27]

Вместе с тем, судя по тому же письму, Аксаков со временем только больше и больше утверждался в том, что проект славянофильской антологии — дело насущное и чрезвычайно важное, и находил все новые мотивы для его осуществления: «Мысли издать в Германии „Сборник" на нем⟨ецком⟩ языке я продолжаю держаться. Во-1-х, мне самому будет очень приятно и очень полезно заняться таким сводом, таким систематизированием славяноф⟨ильских⟩ идей; во-2-х, потому, что в Германии найдутся серьезные головы, способные задуматься над ними и пустить их в обращение, внести в общечеловеческий капитал мысли и знания. Но недостаток переводчиков меня затрудняет».[28]

Для будущего своего детища он хотел и куда более серьезной сопроводительной статьи, нежели та, какую, по его убеждению, мог предложить драматург и поэт Вольфсон. Аксаков намечал для этого самого авторитетного в среде московских славянофилов немецкого историка — Вильгельма Генриха Риля, исследовательские установки которого казались им во многом родственными. Аксаков в том же письме рассуждал: «Если б желать какого-нибудь предисловия, так от Риля, который, как человек положительно верующий, способнее оценить самое направление. Я непременно предложу Рилю прочесть брошюры Хомякова».[29]

---

[25] Имеется в виду отдельное издание комедии, отпечатанное в типографии Густава Бера в 1857 г. Именно с этой лейпцигской типографией обычно и сотрудничал Франц Вагнер, издавая славянофилов. См., например: ⟨*Кошелев А. И.*⟩. Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу. Лейпциг: У Франца Вагнера; В тип. Густава Бера, 1860.

[26] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 42. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 7 об.

[27] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 53.

[28] Там же. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 15 об.

[29] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 53. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 16. Имеются в виду изданные в Париже (1853, 1855) и Лейпциге (1858) на французском языке три знаменитые полемические богословские брошюры А. С. Хомякова под общим основным названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (третья под измененным заголовком: «Еще несколько слов...»).

В письме от 25 (13) февраля впервые встречаем имя поэта, прозаика, драматурга и историка литературы Фридриха фон Боденштедта, на котором в конце концов и остановится выбор Аксакова: «У меня есть в виду переводчик в Мюнхене, Боденштедт, прекрасно знающий русский язык и прекрасно переведший немецкими стихами стихотворения Лермонтова».[30] Спустя 20 дней, 16 (4) марта, Аксаков сообщал родным: «Да, познакомился я наконец с Боденштедтом. Он был некогда учителем у Голицыных, жил в Москве и потом довольно много на Кавказе, знает по-русски хорошо и знаком с литературой, но по-русски почти не говорит. Теперь он здесь профессором в университете, — и один из современных немецких поэтов».[31]

Действительно, получив образование в Геттингенском, Берлинском и Мюнхенском университетах, Боденштедт в декабре 1840 г. поехал в Москву воспитателем к младшим сыновьям кн. М. В. Голицына (двоюродного брата бывшего московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына) — Дмитрию и Михаилу — и здесь в течение трех лет с усердием изучал русский язык и славянские литературы. В самом конце 1843 г. по приглашению кавказского наместника генерала А. И. Нейтгардта он принял должность директора Учительского института в Тифлисе, но уже на другой год отказался от нее, объездил значительную часть Кавказа, Крым, Малую Азию и через Европейскую Турцию и Ионические острова вернулся в Германию. Боденштедт был знаком с Герценом, Лермонтовым, состоял в переписке с Некрасовым, Тютчевым, гр. А. К. Толстым, Тургеневым.

Аксаков продолжал: «Человек он умный, хотя и высокого о себе мнения и не без претензий. Как и Вольфзон, любит Россию, т. е. собственно народ, и понимает его».[32] Это последнее, видимо, и решило дело, а кроме того — и инициативность самого Боденштедта, его желание творчески вернуться в годы своей московской молодости, дабы во Введении к антологии на правах очевидца во всеуслышание сказать: «Мне самому довелось жить в атмосфере зарождения нынешней московитской школы» (наст. изд., с. 333). Аксаков писал: «Я дал ему читать „Беседу“ и отметил все статьи, высказывающие учение московское. Переводить он, разумеется, не будет, он для этого слишком большой господин и сам автор и поэт, но он хотел сделать выбор изо всего и написать

---

[30] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 53. Аксаков имеет в виду осуществленное Боденштедтом двухтомное издание переводов Лермонтова, ставшее первым зарубежным собранием сочинений поэта: Michail Lermontoff's poetischer Nachlass / Übersetzt von Fr. von Bodenstedt. Berlin, 1852.

[31] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 62–63.

[32] Там же. С. 63.

книгу».[33] Через неделю, 31 (11) марта, в очередном письме к родным Аксаков короткой строкой сообщал: «Боденштедт собирается писать статью о „Беседе“ и о славянофильстве».[34]

Сам Боденштедт в позднем мемуарном очерке «Иван и Константин Аксаковы» (датирован 7 июня 1887 г.) отмечает: «К посещению Ивана Сергеевича Аксакова я был подготовлен одним молодым человеком, по фамилии Рачинский, русским...»[35] Именно С. А. Рачинский,[36] переведший «весьма хорошим немецким слогом „Семейную хронику“ и „Воспоминания С. Аксакова“», заинтересовал Боденштедта идеями, высказывавшимися славянофилами в 1850-х гг. тот вспоминал, что книга С. Аксакова, подаренная ему Рачинским в конце 1858 г.,[37] послужила для него «исходным пунктом к обстоятельному изучению русского общества в новейший период его развития, наступивший с кончиною императора Николая».[38] В беседах с Рачинским Боденштедт уже уяснил для себя в общих чертах картину идейной борьбы в русском обществе того времени и роль в ней московского славянофильства, которое его особенно и привлекало. Впоследствии эти свои «априорные» оценки он и положит в основу концепции «немецкой „Русской беседы“». В 1887 г. он напишет: «Указать народу и его руководителям, в эпоху преобразований, их истинный путь — сделалось задачею братьев Аксаковых и избранной кучки их московских друзей, и они ревностно стали трудиться над решением этой задачи. Они задались целью изменить в корне весь строй русской жизни, чего, по их мнению, можно было достигнуть без труда, так как для этого не пришлось бы прибегать ни к оружию, ни к насильственному перевороту; стоило только возвратиться миролюбивым путем к прежним, национальным, формам правления, которые были попраны и искажены со времени насильственных реформ Петра Великого и должны были уступить место иноземному образу правления, которому народ

---

[33] Там же. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 22.

[34] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 67.

[35] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта / Пер. В. В. Тимощук с нем. рукописи автора // *РСт*. 1887. Т. 55, сент. С. 571.

[36] Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — ботаник, математик, педагог-просветитель, деятель народного образования. В 1856–1858 гг. изучал естественные науки в Берлинском и Йенском университетах. В 1859 г. возглавил кафедру физиологии растений в Московском университете (профессор с 1866 г.). С 1868 г. в отставке, переехал в родовое имение Татево, работал сельским учителем. Составил проект всеобщего народного образования, попытался создать тип русской национальной школы. Перевод произведений С. Аксакова был им издан в Лейпциге в 1858 г.

[37] Исправлено. У Боденштедта ошибка памяти: «в конце 1859 года» (Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 571) — Рачинский, однако, уже в конце 1858 г. вернулся в Москву.

[38] Там же.

подчинился лишь поневоле и с внутреннею борьбою и которому теперь, после отмены крепостного права, долго подчиняться не будет».[39]

И далее: «О братьях Константине и Иване *Аксаковых* Рачинский отзывался с большою любовью и уважением, но при этом заметил, что в России их еще плохо понимают, так как общество, признавая их патриотические стремления благонамеренными, считает их в то же время несбыточными и неудобоисполнительными, а их самих называют оригиналами. Только в Москве, в этом центре России, они имеют несколько сторонников, правда не особенно многочисленных, но состоящих из людей влиятельных, тогда как в Петербурге над ними смеются и смотрят на их стремления как на возврат к древнему варварству. Более обстоятельные разъяснения этого вопроса должен был сообщить мне сам Иван Сергеевич, который вез с собою все наиболее выдающиеся сочинения, изданные людьми его партии, так как ему очень хотелось знать мое мнение по этому поводу. Действительно, Иван Сергеевич прибыл в скором времени в Мюнхен с намерением остановиться в этом городе на более продолжительное время и изучить немецкую жизнь во всех ее проявлениях, „в самом ее источнике“, как он выражался».[40] О своих переговорах с Аксаковым по поводу немецкой антологии «Русской беседы» Боденштедт сообщает лишь вскользь (об этом скажем далее).

Дело в том, что для самого И. Аксакова по-прежнему сохранял все свое обаяние Риль, с которым он поначалу и надеялся сговориться о предисловии к антологии. Польщенный высокой оценкой славянофильских воззрений со стороны такого знаменитого правоведа, как Блюнчли,[41] увидевшего в русской общине «новые основы человеческого общества»,[42] Аксаков все же писал род-

---

[39] Воспоминания Фридриха фон Бонштедта. С. 572.

[40] Там же.

[41] Иоганн Каспар Блюнчли (1808–1881) — видный швейцарский правовед и государственный деятель, автор исследования «Общее государственное право» (Abtl. I–II, 1851–1852; рус. пер. с 3-го изд. Н. П. Ляпидевского под ред. Ф. М. Дмитриева: М., 1865–1866. Т. I, вып. I–II). С 1861 г. он занимал кафедру конституционного права в Гейдельбергском университете; свое мировоззрение именовал «либеральным консерватизмом». В России работы Блюнчли были особенно популярны в пореформенный период: с 1865 по 1877 г. переведены пять его главных книг. Заложенные в них принципы внутренней жизнедеятельности так называемого «современного государства», а также нормы военного и международного права основаны на идеях органической школы в юриспруденции, переносившей законы естествознания на процессы, происходящие в обществе.

[42] См. подробнее: *Дмитриев А. П.* Жизнь есть подвиг или наслаждение?: Православная социология и «русская идея» в оценке «либерального консерватора»: Н. П. Гиляров-Платонов versus И. К. Блюнчли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 104–116. Полемика Аксакова с Блюнчли, происходившая не заочно, как в случае с Гиляровым, а на виду у заинтересованных ею немецких ученых и литераторов, изложена Бо-

ным: «Но, по моему мнению, замечательней всех теперешних ученых немцев — это *Риль*, который не только славянофил немецкий (хотя он славян и не очень любит), но немецкий Констан⟨тин⟩ Сергеевич. А что очень замечательно, так это то, что Риль стоит[43] к ученому немецкому миру в тех же почти отношениях, как и славянофил к русским цеховым ученым».[44] И поясняет свою мысль: «...сочинения Риля не носят на себе пыли педантической ⟨...⟩ в его логическое понимание входит еще понимание художественное...»[45] Однако после кратковременного сближения с Рилем пришло разочарование. 25 (13) апреля Иван Аксаков с сожалением писал брату Константину из Мюнхена: «Личность Риля гораздо менее интереснее его книг».[46] В теориях немецкого историка он теперь прежде всего видит отвлеченное, сродни естественно-научному, любование «органическим началом», сбереженным в глубине германского народа и противостоящим ложной и искусственной современной жизни. Аксаков теперь убежден: «Риль не понимает, что идеи *семьи* и *дома*, вне быта непосредственного, требуют высшей, сознательной, нравственной основы, почвы религиозной ⟨...⟩ которая, если и существует еще в германском обществе, то только как явление непосредственное, как непоследовательность благородной человеческой природы».[47] На поверку оказалось, что рилевское миропонимание, слишком однобокое и самонадеянное, куда как далеко от прозрений русских славянофилов.

Основной переводчик все еще не был найден. Поэтому поневоле возлагались некоторые надежды и на то, что справится лейпцигская профессорша, в которой Иван, казалось бы, уже совершенно разочаровался. 30 (18) марта он писал: «Ожидаю на днях от г-жи Ценкер перевод статьи Константина о Земских Соборах, которую я отдал ей переводить для пробы. Если переведет удачно, так задам ей и другие переводы».[48] Однако 25 (13) апреля был вынужден констатировать: «Я получил также от Frau Zenker, geboren Baronin von Rehbinder,[49] — перевод твоей рукописи — о Земских Соборах. Перевод никуда не годится. Я это и ожидал, но послал ей на пробу, по ее настоятель-

---

денштедтом в виде, условно говоря, сжатой стенограммы в его мемуарном очерке 1887 г. (см.: Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 575–577).

[43] *Далее в автографе зачеркнуто*: зде⟨сь⟩.

[44] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 63–64. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 22 об.

[45] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 64.

[46] Там же. С. 91.

[47] Там же. С. 93.

[48] Там же. С. 69.

[49] госпожи Ценкер, урожденной баронессы Ребиндер (*нем.*)

ной просьбе. Я отметил все неверности перевода и передал рукопись Боденштедту».[50]

Одновременно Аксаков заботился и о том, чтобы все, так сказать, самые репрезентативные славянофильские тексты были собраны под одной обложкой. Так, в самом конце 1859 г. в малоизвестном умеренно-либеральном «Журнале землевладельцев», предназначенном для общественного обсуждения поставленного тогда на повестку дня вопроса об отмене крепостного права, была опубликована статья Гилярова-Платонова «Личное и общественное», в которой разрабатывались проблемы православной социологии. В середине января 1860 г. И. Аксаков, находившийся тогда в Гейдельберге, написал Гилярову, попросив выслать ему «Личное и общественное» для публикации в задуманном сборнике: возможно, об этой статье он узнал от брата Константина, который перед ее отправкой в Германию предлагал Гилярову внести в двух местах слова, поясняющие смысл текста.[51]

Тот охотно согласился послать статью и, откликнувшись сразу же, 28 января, в сопроводительном письме отмечал: «Драгоценнейший Иван Сергеевич, по требованию Вашему шлю Вам немедленно статью свою „Личное и общественное". Чтобы уменьшить вес, я обрезал края, но читать будет легко; счет страниц остался».[52] Сообщив о вышеупомянутых поправках К. Аксакова, с которыми не вполне соглашался, Гиляров продолжал: «Впрочем, недостаток в этих местах ясности и вообще не вполне философская глубина моей статьи, о чем тоже говорит Константин Сергеевич, может быть, все это и действительно есть. Писав статью, я постоянно сдерживался, постоянно старался оставлять за собою многое для более подробного раскрытия того же вопроса в особой статье, которую задумывал для „Русской беседы"».[53]

Большие надежды И. Аксаков возлагал на лингвистические труды своего брата, с которыми первым делом хотел ознакомить немецких читателей. Еще 25 (13) февраля он писал родным: «По части филологии я хочу отдать перевесть брошюру Конст⟨антина⟩ о глаголах».[54] Ознакомившись с присланной из Москвы новой работой Константина — «Опыт русской грамматики» (М., 1860. Ч. I. ⟨4⟩, XII, 176 с.), — в письме от 27 (15) марта Иван восхитился: «Я

---

[50] *Аксаков в его письмах*. С. 91.

[51] См.: *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете, 1859-й год // *РО*. 1898. Т. 50, апр. С. 537–538.

[52] Цит. по: Там же. С. 537.

[53] Там же. С. 538.

[54] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 53. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 16. Речь идет об изд.: *Аксаков К.* О русских глаголах. М., 1855. ⟨2⟩, 47 с.

прочел все четыре листа твоей грамматики. Истинно превосходная вещь!»[55] И далее: «Я убежден, что в России еще долго, очень долго не оценят, и потому уже подговорил одного господина Шмидта, баварского офицера, который, между прочим, так, из чисто немецкой любви к искусству, выучился по-русски и перевел[56] все 3 части Милютина „Истории Суворовского похода".[57] Покуда переговоры идут у меня заочно, на днях обещали меня с ним свести. Перевод будет производиться под надзором Боденштедта».[58] Этот офицер Христиан Шмидт (правильнее — Шмитт) и взял на себя впоследствии перевод всех статей антологии.

Сам Боденштедт в 1887 г. вспоминал об этом так: «Перед своим отъездом из Мюнхена Аксаков сделал необходимые распоряжения для издания на немецком языке сборника наиболее замечательных, по его выбору, сочинений московских писателей. Я познакомил его с переводчиком сочинения Милютина о походах Суворова, в то время шт⟨абс⟩-капитаном, а ныне генер⟨ал⟩-майором баварского войска г. Христианом *Шмидтом*, владевшим несколькими языками, который всегда приносил мне свои переводы для прочтения и работал усердно. Из этих сочинений наиболее интересным показалось мне, да, вероятно, и прочим читателям немцам, то сочинение, в котором не проводилось никаких новых государственных теорий, а именно: „Народная жизнь и ярмарки в Украйне (картина современной жизни)" Ивана Аксакова. Это поистине образцовое произведение, которое никогда не утратит своего значения».[59]

Поздравляя Константина с Пасхой (в 1860 г. она приходилась на 4 апреля), Иван 15 (3) апреля, наконец, выслал ему «План издания» будущей антологии.[60] Здесь, по подсказке практичного Боденштедта, намечены шесть разделов, или будущих томиков («ливрезонов»): «История», «Национальная экономика, этнография», «К социальным вопросам. Смесь», «К истории литературы», «Фи-

---

[55] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 77.

[56] *В автографе далее зачеркнуто*: книгу (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 34).

[57] Труд военных историков Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912) и Александра Ивановича Данилевского-Михайловского (1790—1848) «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» (СПб., 1852—1853. Т. I—V; 2-е изд.: 1857. Т. I—III) был издан по-немецки в Мюнхене в 1856—1858 гг. в 5 томах на средства книгопродавца Й. Линдауэра: Geschichte des Krieges Rußlands mit Frankreich unter der Regierung Kaiser Paul's I. im Jahre 1799: Verfaßt auf Allerhöchsten Befehl Seiner Majestät des Kaisers Nikolaus I / Nach dem russischen Originale in's Deutsche übertragen von Chr⟨istian⟩ Schmitt. Acht Teile in 5 Bänden.

[58] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 78. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 33 об.—34.

[59] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 577.

[60] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 53. Л. 1—2 об. Публикуется ниже, на с. 304—305.

лология» и «Философия» (их названия, кроме слова «Смесь», приведены в письме по-немецки), в состав которых должны были войти в общей сложности 25 статей, причем принадлежавших перу только основных представителей славянофильского кружка (И. Киреевского, Хомякова, Самарина, Кошелева, братьев Аксаковых и Гилярова-Платонова) и опубликованных главным образом в «Русской беседе» и «Сельском благоустройстве», а также в «Московских сборниках» и «Журнале землевладельцев»; некоторые очерки своего брата И. Аксаков собирался представить для перевода в рукописном виде.

Конечно, столь обширный замысел потребовал бы для своего воплощения значительного времени и затраты немалых средств. Что еще существеннее — Аксакову было важно в максимально концентрированном и возможно более систематизированном виде представить собственно славянофильское мировоззрение, причем в отвлечении от тех привходящих обстоятельств идейного противостояния с оппонентами-западниками, в которых вырабатывались и откристаллизовывались эти взгляды. Поэтому Аксаков после названий большинства намеченных для перевода статей сделал пометки: «...полемика, по возможности, выкинута...», «...берется только положительная часть...», «...только в выписках, где заключается общая мысль и взгляд» и т. п.

Помимо консультации с братом по поводу отобранных статей, послание И. Аксакова имело еще одну важную цель — список требовалось показать Кошелеву, который, как предполагалось, выделит необходимые средства для оплаты труда переводчика и на само печатание.

Если сопроводительное письмо к Константину Сергеевичу в свое время (в 1892 г.) было опубликовано вдовой Ивана Сергеевича А. Ф. Аксаковой (правда, с исключением одного фрагмента в конце и, с точки зрения современной текстологии, недостаточно корректно), то приложенный к письму «План издания» хотя и сохранился в архиве Аксаковых в Пушкинском Доме, но пребывал там, так сказать, автономно, не в составе папок, включающих переписку братьев друг с другом, и напечатан до сих пор не был (архивисты предположительно датировали его 1859 г.). Поскольку упомянутое письмо представляет собой развернутый комментарий к впервые публикуемому нами «Плану издания», оно также полностью воспроизводится по автографу (см. наст. изд., с. 301–305).

В ожидании ответного письма И. Аксаков, в свою очередь, получил пасхальное поздравление от Константина Сергеевича, на которое ответил из Мюнхена 25 (13) апреля, упомянув, что следит за переводческими трудами Х. Шмитта и собирается узнать мнение авторитетных немецких филологов о лингвистических работах брата: «Первые три листа твоей Грамматики пере-

водятся под хорошим названием: „Die Philosophie des Alphabets“![61] Я выжидаю здесь этот перевод, чтобы самому его просмотреть. За этот перевод плачу я (гульденов 40, около 24 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩). ⟨...⟩ Как скоро Шмидт переведет твои три листа Грамматики, то, по исправлении перевода, он пошлется в копии Раппу,[62] при письме Боденштедта. Я потому не хочу послать от себя, что мне он отвечал бы только фразами учтивости, а Боденштедт будет от него требовать откровенной критики; ответ Раппа будет доставлен мне Боденшт⟨едтом⟩».[63] И тут же напоминал о главном — для того чтобы «немецкая „Русская беседа“» увидела свет, проект необходимо профинансировать: «Перевод же статей, которых список я тебе послал, начнется только тогда, когда Кошелев даст деньги, чтоб познакомить немцев со своим же изданием — „Русскою беседою“. Для этого понадобится, по крайней мере, тысячу ⟨так!⟩ талеров».[64] И через несколько фраз И. Аксаков снова возвращается к тому же: «С нетерпением жду ответа твоего на письмо с оглавлением статей и ответа Кошелева — согласен ли он на издание. Оценят ли их немцы — неизвестно. Я со своей стороны принял только меры, чтобы эти статьи были прочтены».[65] И добавляет абзац, который, по размышлении, сам же затем и перечеркнул крест-накрест (он потому и не вошел в публикацию 1892 г.): «Вот ты опасался, что я в чужих краях буду присвоивать себе неподобающую мне честь. Лучшим опровержением твоим словам и лучшим обличением меня самого в глазах немцев служит этот список статей и имен, в числе которых не встречается моего имени, что, конечно, мало способствует чести».[66] А в заключение приписывает: «На это письмо отвечай уже в Вену: я здесь дождусь только письма твоего и Кошелева о немецк⟨ой⟩ „Русской беседе“, чтобы уже толком устроить это дело».[67]

30 (18) апреля И. Аксаков уже сообщал родным, что правит переведенное Шмиттом, работа которого, как можно судить, его не вполне удовлетворяла:

---

[61] «Философия азбуки» (*нем.*).

[62] Карл Мориц Рапп (Rapp; 1803–1883) — немецкий филолог, профессор Тюбингенского университета, автор двухтомного исследования «Grundriss der Grammatik des Indisch-Europaischen Sprachstammes» (Stuttgart; Tübingen, 1852–1855). Буквальный перевод названия: Структура грамматики индоевропейского языкового племени.

[63] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 90–91. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 39. 20 (8) июля И. Аксаков писал в Москву: «Рапп нашел посланную ему „Философию азбуки“ чрезвычайно интересною...» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 135).

[64] Там же. С. 90. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 39.

[65] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 91.

[66] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 39 об. Тем не менее и в «План издания», и в антологию Боденштедта включена статья И. Аксакова «О ремесленном союзе в Ярославской губернии» (в *ПР* — под № 236). В «Плане», правда, действительно не указано имя автора.

[67] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 95. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 41 об.

«На этой неделе, да еще и теперь я очень был занят поправкой перевода Константиновой грамматики. По-немецки вышло 17 мелко исписанных больших листов; разумеется, переводчик вполовину не понял (и из природных-то русских немногие, т. е. настоящим образом: для перевода же требуется совершенное понимание всего внутреннего, не одного внешнего смысла). Сверх того — переводчику незнакома терминология немецкая — философская и филологическая. Поправив или отметив со своей стороны все неточности перевода, я отношу это к Боденштедту, который вновь перечитывает и сличает перевод вместе со мной. Но и ему недостает вполне нужных сведений».[68] Вместе с тем, сравнивая рассуждения брата с содержанием сходного по тематике труда Гейманна Штейнталя «Грамматика, логика и психология, их принципы и их отношение друг к другу» (Берлин, 1855), И. Аксаков писал: «...с радостною гордостью признаю, что мы, русские, переросли немцев целою головою и что Константинова грамматика, весь ход и строй его философско-филологической мысли, несравненно глубже, стройнее, строже и новее. Не знаю, хватит ли у немцев добросовестности сознаться в этом».[69] В одном из неопубликованных писем Веры Аксаковой к брату Ивану этого периода (от 18 мая 1860 г.) содержится отклик самого К. Аксакова на сообщения об этих хлопотах по переводу его грамматики на немецкий. Вера передает: «Константин велит тебе сказать, что ему очень лестно предложение немцев поместить листы его грамматики в их журнале, и потому он просит тебя, милый друг, не откладывать печатание в ожидании его; он вполне полагается на твой просмотр, этого достаточно».[70]

Не удерживается И. Аксаков и от того, чтобы поделиться с родными «очень славянофильскими» наблюдениями, за время работы над переводом отчеканившимися в уме выразительным противопоставлением: «...в русском языке слово слишком живо, т. е. жизненно, сочно, пахуче, свежо, и философское определение по-русски будто и не глядит настоящим определением, таким, каким оно является в тощем, худом, механически-логическом немецком языке...»[71]

Так и не дождавшись писем от брата и Кошелева с их отношением к плану антологии, Иван совсем было решил покинуть Германию. Заканчивая письмо

---

[68] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 98. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 32 об.

[69] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 99.

[70] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 83–83 об.

[71] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 98. Не исключено, что Аксаков, возможно бессознательно, отталкивался от гоголевского лирического отступления о национальных языках (в конце главы V первого тома «Мертвых душ»): «...затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец...» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: ⟨В 14 т.⟩. ⟨М.; Л.⟩, 1951. Т. VI. С. 109).

от 30 (18) апреля, он сообщает: «Пишите мне теперь в Вену, poste restante.[72] Я здесь жду только ответа Констант⟨ина⟩ и Кошелева об издании немецк⟨ой⟩ „Русск⟨ой⟩ беседы“, чтобы уже толком покончить дело».[73] Но и 16 (4) мая он по-прежнему в Мюнхене, откуда наметил окончательно выехать 18 (6) мая. Он объясняет матери и сестрам: «Я бы уже давно уехал: весна почти совсем проходит, но хотелось[74] устроить толком начатое предприятие, и я дожидался письма от Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Кошелева (насчет немецкой „Р⟨усской⟩ беседы“). Но письма, к удивлению моему, нет, и если и завтра не придет, то дольше дожидаться не стану. К сожалению, и из Константинова ответа, который я получил вместе с Вашим от 18 апреля, не видно, — показывал ли он, как я его просил, мое письмо (с перечнем статей) Кошелеву».[75]

В период этого вынужденного ожидания Аксаков больше сблизился с Боденштедтом. Тот ввел его в «общество ученых литераторов, называющее себя: Die Zwanglosen (Sans-gêne)»,[76] на одном из апрельских заседаний которого Аксаков получил возможность накоротке пообщаться с такими европейски известными учеными, как И. К. Блюнчли, Г. Зибель, Ю. Либих.[77] А 16 (4) мая он писал родным: «...ездил за город смотреть на крестьянское житье вместе с Боденштедтом, и очень доволен своей поездкой».[78] Эти дружеские сношения, наверняка сопровождавшиеся откровенными беседами, впоследствии позволили немецкому писателю столь проникновенно написать о московских славянофилах во вступительных статьях к антологии. На склоне лет Боденштедт признавался: «В моем воспоминании он остается таким, каким я узнал его во время нашего довольно близкого личного знакомства, как человек с чистым сердцем, восприимчивым ко всему хорошему и прекрасному, с теплою душою и умом возвышенным и богато одаренным природою, и который страдал в жизни более всего от того, что его идеалы не могли осуществиться».[79] И еще: «Его личные качества невольно внушавшие к нему доверие, как нельзя более способствовали тому, чтобы доставить ему всюду свободный доступ. Весьма простой в общении, одетый без претензии, он не имел вида салонного героя, но походил на человека, принадлежащего к высшему кругу. Он не искал знакомств в аристо-

---

[72] до востребования (*франц.*)

[73] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 100. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 33 об.

[74] *Далее зачеркнуто*: зак⟨ончить⟩.

[75] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 101. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 38.

[76] Безцеремонные (*нем., франц.*).

[77] См.: *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 85–87.

[78] Там же. С. 102.

[79] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 585.

кратических кружках Мюнхена, где преобладающим разговорным языком, подобно Петербургу и Москве, был еще в то время язык французский. Зато он чувствовал себя прекрасно в обществе ученых, поэтов и художников, с которыми я его познакомил».[80]

Первое письмо из Вены — от 22 (10) мая — начинается невесело: Аксаков опять сетует на то, что его замысел по-прежнему далек от своего осуществления: «...не могу добиться от А. И. Кошелева ответа — согласен ли он на издание, мною затеянное, и дает ли на это деньги. Это очень досадно, потому что мне хотелось пустить дело в ход при себе в Мюнхене, но дольше оставаться я не мог».[81] Спустя пять дней, 27 (15) мая, Аксаков писал в Москву: «...не дождавшись ответа от Кошелева насчет издания немецкой „Беседы" (должно быть, письмо пропало), я послезавтра или в середу уезжаю из Вены».[82]

Потом он, находясь уже в Рагузе (ныне г. Дубровник в Хорватии), узнает, что кошелевское письмо должно ждать его в Мюнхене. Аксаков ничуть не сомневается в положительном решении вопроса. 19 июня он пишет Боденштедту: «*Кошелев* давно уже ответил мне, но я до сих пор не получал его письма. Не будете ли Вы столь любезны справиться о нем на мюнхенской почте? Ответ этот благоприятный для нашего предприятия; поэтому можете дать Шмидту статьи для перевода».[83] Но Аксаков ошибался.

Наконец, только 20 (8) июля в большом письме к родным из Белграда, причем лишь в самом его конце, сухо, будто о каком-то незначительном событии (хотя именно это — на фоне по обыкновению подробного, богатого эмоционально окрашенными оценками людей и событий, письма — и выдает его огорчение и с трудом сдерживаемое волнение), он сообщает: «Получил я с почты (через Вагнера) пакет с книгами. Там нашел я письмо А. И. Кошелева, в котором он не изъявляет желания платить за перевод „Р⟨усской⟩ бес⟨еды⟩" на нем⟨ецкий⟩ язык и[84] пишет о намерении прекратить „Р⟨усскую⟩ бес⟨еду⟩"».[85] Но это сказано поистине скрепя сердце. В очередном письме из Белграда, от 1 августа (20 июля), Аксаков сокрушался ввиду непреклонности Кошелева: «А⟨лександр⟩ Ив⟨анович⟩ Кошелев пишет, что он решительно прекращает

---

[80] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 572–573.

[81] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 105. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 40.

[82] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 108. Исправлено и дополнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 42.

[83] Цит по: Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 578.

[84] *Далее зачеркнуто*: хотя.

[85] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 136. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 64 об.

„Беседу“. Я уже ему отвечал, что[86] прекратить „Беседу“ просто нравственная невозможность, невозможнее всяких физических невозможностей, но так как, с другой стороны, настаивать на новые денежные жертвы с его стороны было бы просто нечестно, то я прошу только о том, чтоб он не объявлял печатно о прекращении „Беседы“, потому что я сыщу средства».[87] Аксаков надеялся через знакомого предпринимателя В. А. Кокорева «собрать между купцами капитал, под названием „Славянского капитала“, тысяч в 20...»[88] При этом он имел в виду не одно только продолжение «Русской беседы», но и «другие ⟨...⟩ разные планы»,[89] в том числе, видимо, и издание славянофильской антологии «Русская идея».

Дальнейшая ее судьба до последнего времени оставалась неизвестной. Из упоминания в одном из писем И. Аксакова, увидевших свет в 1892 г., — из Гейдельберга от 9 сентября (29 августа) 1860 г., — только и можно было понять, что, несмотря ни на что, статьи для сборника переводились на немецкий. Встретившись за границей с братом Константином, Иван писал родным в Москву, что они намереваются заехать в Мюнхен: «Там остановимся на сутки или на две ночи: там, кстати, надо и мне, и Константину взглянуть на переводы его статей из „Р⟨усской⟩ беседы“».[90] А оказавшись в Мюнхене, смогли провести там только одну ночь, и уже на следующий день, 5 октября 1860 г., И. Аксаков писал Боденштедту из Веве: «Будьте так любезны, вышлите мне сюда 5 отпечатанных уже листов русской грамматики, *не франкируя*[91] их. Как Вы полагаете, не лучше ли было бы прислать нам сюда для просмотра некоторые статьи, коих перевод уже окончен? В таком случае посылайте их всегда нефранкированными».[92] Очевидно, Боденштедт выслал Аксаковым перевод статьи К. Аксакова «О древнерусской общине и народном вече», которая впоследствии и открывала антологию. И. Аксаков спустя месяц, 5 ноября, отвечал Боденштедту из Вены: «Через несколько дней я вышлю Вам также рукопись (статью моего брата о вече в России). Перевод просмотрен строго и аккуратно».[93]

В том же письме как о невосполнимой утрате Аксаков сообщал о кончине Хомякова: «Национальная партия, или, лучше сказать, славянофилы, лиши-

---

[86] *Первоначально было*: чтоб он.

[87] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 140. Уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 67 об.

[88] *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 140.

[89] Там же. С. 141.

[90] Там же. С. 153. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 78 об.

[91] Т. е. не оплачивая вперед пересылку и доставку.

[92] Цит по: Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 582.

[93] Там же. С. 581.

лись своего главы...»[94] Не проходит и двух месяцев, как в новом письме, из Вены от 1 января 1861 г., Аксаков пишет о смерти любимого брата. И фактически предлагает Боденштедту рассматривать работу над «немецкой „Русской беседой"» как отдание долга памяти перед почившими славянофилами: «Еще в начале 1860 г., когда мы беседовали о переводе разных статей из „Беседы", этим вопросом интересовались многие, которых уже нет на свете».[95] Ниже он уже прямо передоверяет всю работу над антологией Боденштедту, отказываясь даже от просмотра переведенных текстов, в том числе, видимо, и от авторизации переводов своих работ «Народная жизнь и украинские ярмарки (Современный взгляд)» и «О ремесленном союзе в Ярославской губернии (Письмо к издателю „Русской беседы")». И объясняет причину: «Я возвращаюсь с телом брата в Россию 〈...〉. Теперь мне немыслимо просмотреть переводы, и я предоставляю это вполне Вам. Прошу Вас, вместе с ответом на это письмо, возвратить мне рукопись Хомякова, начинающуюся словами: „Недавно Гумбольдт", не переводя ее».[96]

О последующем так писал ученик и биограф Гилярова кн. Н. В. Шаховской в 1898 г.: «Предприятие это, однако, не состоялось за неимением у Аксакова на то средств и за неполучением таковых от Кошелева».[97] Это заключение без проверки до сих пор перекочевывает из работы в работу, включая и весьма презентабельные.[98]

Однако, как удалось выяснить, славянофильская антология все же увидела свет. Правда, ее составителем и редактором выступил не Аксаков, а, видимо по договоренности с ним, Боденштедт. В 1862 г. он выпустил в Лейпциге, в издательской фирме Ф. А. Брокгауза, два томика под названием «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии»[99] (в литературе встречается и менее удачный перевод основного за-

---

[94] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. С. 580.

[95] Там же. С. 583.

[96] Там же. Упоминаемую заметку Хомякова 1848 г., присвоив ей название «По поводу Гумбольдта», Аксаков опубликовал в первом томе Полного собрания сочинений Хомякова (М., 1861. С. 141–174).

[97] *Шаховской Н., кн.* Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова... С. 539.

[98] Ср., например, замечание В. А. Фатеева о «Личном и общественном»: «Эта статья была переведена К. С. Аксаковым для неосуществленного славянофильского сборника на немецком языке...» (Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб., 2006. С. 951). Упомянем, к слову, что к переводу гиляровской статьи К. Аксаков не имел отношения: по свидетельству П. И. Бартенева, его осуществил Хр. Шмитт.

[99] В оригинале: Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwickelung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig:

головка: «Отрывки о России»[100]), предпослав своему изданию 23-страничное Предисловие (Vorwort), датированное 8 февраля этого года, и более обширное (37 с.) Введение (Eingeleitung), написанное раньше.[101] В начале февраля, вероятно, и была закончена работа над антологией.

Так вот, из 25 статей, планировавшихся Аксаковым к публикации, в «Руские фрагменты» вошло только четыре — принадлежавшие перу братьев Аксаковых, Кошелева и Гилярова. Всего же двухтомник объединил десять работ славянофилов в переводе Хр. Шмитта: помимо произведений названных авторов, в него вошли работы Хомякова, Самарина, Бессонова и Ильи Беляева. Вероятно, Боденштедт счел название «Русская идея» слишком уж широковещательным и дал сборнику свое, более скромное, переиначив при этом заглавие хомяковской публикации — «Исторические фрагменты» (Bd. II. S. 133–240), — столь же произвольно ей присвоенное (она представляла собой отрывки из «Семирамиды»).

В аналитическом Введении, открывавшем антологию (оно и публикуется в нашем переводе), Боденштедт занимает ярко выраженную двойственную позицию.

С одной стороны, он всячески пытается сделать для немецкого читателя понятной любимую страну своей молодости, возбудить интерес к драматичным страницам ее истории и к современным проблемам ее общественного развития. При этом преследует благородную сверхзадачу — развенчать все упрочивавшийся в сознании европейцев образ России как «империи зла», оплота варварства и деспотизма, чему много способствовали известные книги маркиза А. де Кюстина (на него Боденштедт ссылается во Введении) и польского историка Фр. Духинского.[102] Один из главных аргументов Боденштедта звучит вообще как парадокс — те достижения в области народоправства, которых немцы сумели в законотворческом плане добиться лишь в XIX в., в России с ее соборами были воплощены в жизнь еще в XVI и XVII вв., а то и куда ранее — во времена Великого Новгорода. Признанный деспот Николай I под пером немецкого романтика выглядит совсем не отталкивающе, ему даже дается поэтическая

F. A. Brockhaus, 1862. Bd. I. XXVII, 314, ⟨2⟩ S.; Bd. II. 389 S. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в скобках, с указанием тома и страниц (в сокращении) на латинице.

[100] Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии: В 12 т. М., 1992. Т. 2: Бейер — Вакер. С. 348.

[101] Об этом прямо говорится в Предисловии (Bd. I. S. XXVII). К тому же Введение было написано, когда не сложился еще окончательный состав антологии: так, поначалу предполагалось представить в ней гораздо больше исторических материалов, особенно славянофильских рецензий на труд С. М. Соловьева — они намечены к переводу и публикации в черновом «Плане издания» (см. наст. изд., с. 304), но в итоге в издание не вошли.

[102] См. о нем в наст. изд., на с. 446–447.

характеристика: «Он был северной звездой, которая продолжала сверкать даже тогда, когда после бурного 1848 года все остальные звезды погасли и были устранены со своего пути. ⟨...⟩ У императора не выдержало сердце...» (наст. изд., с. 312–313).

Говоря о двух русских общественных партиях — правительственной («петербургской») и оппозиционной славянофильской (Боденштедт именует ее по-разному: «московитской», «московской», «старорусской») — он всегда берет сторону последней как выражающей насущные потребности своей нации и в этом идущей наперекор космополитским притязаниям правительства. Тут он тоже опровергает расхожие представления: «У нас обычно считают, что представительницей прогресса, просвещения и европейской цивилизации являет себя первая, а регресса, заскорузлого национализма и дремучего древнерусского варварства — вторая» (наст. изд., с. 316). Боденштедт старается убедить, что славянофилы немало заимствуют у других народов, но не слепо, «без учета русского, а с сознанием, что в русских традициях есть много ценного, требующего сбережения и дальнейшего развития, и что все это составляет громадную национальную задачу» (наст. изд., с. 317). Поэтому именно они «первыми потребовали принятия конституции, закона об управлении, гласных судов, свободы печати — короче, всего того, что вызывается к жизни самим духом времени» (там же). Подкрепляются эти оценки Боденштедта живыми свидетельствами — его очень теплыми мемуарными экскурсами в Москву первой половины 1840-х гг., во времена Грановского, молодых К. Аксакова, Самарина, Хомякова. С нравственным влиянием нарождавшегося тогда славянофильства, представители которого вернули в «светские салоны родной язык» (наст. изд., с. 333), немецкий автор связывает и расцвет русской литературы в XIX в. Именно в славянофилах прежде всего видит он и проявление такой особенно присущей славянским народам добродетели, как способность к самопожертвованию ради высокой идеи.

С другой стороны, несмотря на, казалось бы, очевидную утрату былого международного положения России ввиду ее поражения в Крымской войне, Боденштедт настойчиво говорит о ее «дипломатической победе», о том, что она остается в центре мировой политики и по-прежнему представляет опасность для Запада, и в частности для Германии. И тут он выделяет два аспекта. Во-первых, Россия изживает трагедию крепостничества, и это искушение свободой, считает Боденштедт, чревато беспощадным бунтом: «Сейчас возникает важный вопрос: будет ли новая фаза жизни народа способствовать его мирному развитию или же она обернется насильственным восстанием и кровопролитием?» (наст. изд., с. 314). А грядущая русская революция «в силу изрядного количества горючего, накопленного по всей Западной Европе, потрясет ее много сильнее, нежели Великая французская» (наст. изд., с. 316). Во-вторых,

Россия выигрывает при сопоставлении с Германией, ибо немецкая нация не обрела еще единства и не смеет претендовать на руководящую роль в европейской политике, да и внутренне ослаблена в силу негодного государственного устройства: «Наша прогнившая конституция, — пишет Боденштедт, — приведет к тому, что Германия ни в одном серьезном вопросе не сможет взять инициативу в свои руки; а неспособная к этому держава всегда остается на заднем плане» (наст. изд., с. 330). А такое невыигрышное положение — еще одна веская причина, чтобы попристальнее вглядеться в своего могущественного соседа и получше его узнать.

Такое приурочивание своего издания к актуальным интересам немецкого общества еще более заметно в Предисловии к «Русским фрагментам». Боденштедт начинает его опять-таки парадоксом: с одной стороны, России, по его словам, «следует не расширяться, а углубляться», ибо она еще ничего не дала миру ни в области искусства, ни литературы и пока не знала гениев вроде Шекспира и Данте, Гете и Канта (см.: Bd. I. S. XI); с другой — мировая цивилизация еще не знала подобной империи. Поэтому не удивительно, что в Германии есть силы, стремящиеся утвердить немецкое культурно-политическое превосходство и при этом голословно заявляющие о бесперспективности и никчемности русского пути (см.: Ibid. S. XXVI). Тем не менее, Боденштедт убежден, что именно Россия достигнет в будущем мирового господства, и, несмотря на итоги Крымской кампании, выявившей слабые стороны великой империи, она быстро оправится, поскольку, как и Папская республика, больше опирается на умную дипломатию, нежели, подобно Германии, на военную силу.

В Предисловии же Боденштедт поясняет, почему привлек к участию в издании такого ученого, как И. К. Блюнчли: он, равно как и сам издатель, дает комментарии к статьям, где немецкие и русские позиции особенно разнятся, и благодаря этому ценность всего издания повышается (см.: Ibid. S. XXVII). В заключение Боденштедт делится планами на будущее: если настоящая антология хорошо разойдется, он выпустит и третий том, посвященный литературной критике и эстетическим воззрениям «московитской партии» (см.: Ibid). К сожалению, этим замыслам не суждено было осуществиться.

Отметим, что стиль боденштедтовских Введения и Предисловия, местами весьма тяжеловесный, изобилующий сложными синтаксическими конструкциями, нанизывающимися друг на друга, подчас причудливо сочетает претенциозную образность, чувствительно-восторженный пафос и сухую академичность (что мы и попытались передать в переводе Введения).

В русской печати антология Боденштедта не была обойдена молчанием. П. И. Бартенев в своем «Русском архиве» (1863. Вып. 2. Стб. 173–174) поместил рецензию под рубрикой «Новые замечательные книги», в которой от-

мечал: «Боденштедт, известный переводчик русских поэтов ⟨...⟩ принадлежит к числу немногих живших в России немцев, которые, в благодарность за русскую хлеб-соль, стараются противодействовать застарелым предрассудкам, господствующим в Западной Европе относительно всего русского, и знакомят своих соотечественников с Россиею в ее лучших проявлениях» (наст. изд., с. 341).

Но более важной для Аксакова и его единомышленников в тот период, на наш взгляд, все же была не задача ознакомления с их идеями европейских соседей, а другое, полемическое предназначение («противодействовать застарелым предрассудкам», активно воскрешаемым все новыми «клеветниками России»), о котором также упоминается в приведенной цитате.

ПЛАН ИЗДАНИЯ[1]

(Письмо И. С. Аксакова к К. С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о проекте славянофильской антологии на немецком языке)

3 апр⟨еля⟩ 1860. Мюнхен

Христос Воскресе, милый друг Константин. Посылаю тебе перечень статей, назначенных мною к переводу. Так как[2] это издание тогда только может ожидать успеха в Германии, когда будет издано немцем и от немца; и так как я сам могу только относительно судить о достоинстве нем⟨ецкого⟩ перевода, и так как это дело продолжительное, — то[3] мы с Боденштедтом уговорились так: он берет на себя весь[4] труд, т. е. будет заведовать переводами и думает издавать ливрезонами,[5] предпослав наперед Einleitung.[6] Конечно, он тут неминуемо приврет, но это нужды нет; его имя имеет авторитет, а он, если и не во всем согласен с нами, зато преисполнился величайшего уважения к «Беседе» и славянофильству. Из прилагаемого листка[7] ты увидишь, что я разделил все на 6 отделов. Каждый ливрезон сверх того будет иметь вступительную статью Боденшт⟨едта⟩, объясняющую значение помещаемых статей. Но исполнение этого дела зависит еще от многих условий, о которых, по собрании подробных сведений, я буду писать Кошелеву: нужны деньги. Я думаю, что перевести придется до 50 листов; если за перевод каждого листа заплатить 10 талеров, то вот уже 500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩; потом издержки печатания;[8] наконец — Боденштедту — не за статьи его, а за время, за труд, положенный на это дело: причем, само собою разумеется, ему оставляется полная свобода мнения и суда. Я считаю это дело очень полезным и важным — и для немцев, и для нас, и для науки вообще, и для науки в России в особенности. Нет сомнения, что если немцы добросовестно отнесутся к русской мысли, то, как истинные жрецы науки, воспользуются ею, освежат свою[9] науку. Никому так не хочется сообщить плоды русской мысли, как этим служителям мысли, столько сделавшим,

при небольших своих талантах (в сравнении со слав⟨янскими⟩ народами, несравненно талантливейшими). Следовательно, очень важно пустить в оборот общечеловеческий русскую мысль. С другой стороны — признание Германиею[10] заслуг русской мысли освободит русское общество от рабства пред авторитетом Запада, даст смелость: иметь свое суждение, быть самим собой. Я выписал сюда «Беседу» из Лейпцига и, созерцая только эти 18 томов, немцы преисполнились великого уважения. Надо вообще сказать, что немцы сейчас поняли всю законность, серьезность, а также интерес и важность для себя — славянофильства. Я на них произвел доброе впечатление: они говорят, что в первый раз видят русского, что для них открывается новый, оригинальный мир. Что же бы это было, если б ты, или Хом⟨яков⟩, или Самарин пожили таким образом с ними. Мне жаль, что я такой неблистательный представитель, но тем не менее они с большим уважением и интересом относятся к моей личности, потому что я отношусь к ним совершенно независимо и потому что мне удалось сделать некоторым литераторам и поэтам, дававшим мне читать свои сочинения, довольно верные и удачные замечания.

Из прилагаемого перечня статей ты увидишь, что всего больше твоих статей.[11] Не думай, чтоб я это делал нарочно; напротив, иначе сделать нельзя было.

Беда в том, что почти[12] все статьи в «Беседе» имеют характер полемический; это, разумеется, очень понятно и свидетельствует о борьбе, о жизненности разрабатываемых «Беседою» вопросов; но для немцев это неудобно. По-настоящему следовало бы сделать выборку, извлечение положительных выводов из всех 18 томов «Беседы»,[13] и этот труд был бы полезен не только для немцев, но и для русских, — но это труд самостоятельный,[14] для которого, может быть, не настало время и который во всяком случае должен подлежать строгой проверке всех вас. Поэтому приходится удержать полемический характер статей, но ослабив его по возможности и выкинув из статей все неинтересное, случайное, подробности частные и т. д. Я так и сделал, т. е. отметил в статьях все подлежащее изменению, сокращению и т. д.

Впрочем, самый этот полемич⟨еский⟩ характер интересует немцев, ибо делает их свидетелями и участниками внутреннего развития России. Так, напр⟨имер⟩, немцы приходят в изумление, что столько статей о русском воззрении, что возможен продолжительный спор о таком бесспорном, по их мнению, вопросе — между русскими! Что могут быть люди, восстающие против стремления к умственной Selbstständigkeit![15] (Я, разумеется, говорю про добросовестных ученых немцев.) Так и спор

с Чич⟨ериным⟩[16] об общине кажется им почти непонятным; я уже писал, что Б⟨л⟩унтшли,[17] который знал мнение Чичер⟨ина⟩ от него самого, как скоро смекнул смысл и сущность общины русской, сказал, что он и знать не хочет доказательств Чичерина, потому что мнение его à priori нелепо, что такое явление, как община, не может быть государственным, от государства созданным институтом, что это целый принцип, и т. д.[18] Во всяком случае, убедятся ли или нет немцы в истине славяноф⟨ильских⟩ доводов, но не подлежит сомнению, что они оценят вполне труды и усилия этого направления; разумеется, они будут также гордиться и утешаться тем, что во всех этих трудах видно отчасти немецк⟨ое⟩ влияние, т. е. подготовление немецкое, мысль, вышколенную строгою германскою философией, и т. д. Оно и справедливо, и признание пользы, сделанной немецк⟨ими⟩ мыслителями и поэтами, нисколько не роняет нашей независимости. Если ты переберешь все 18 томов «Беседы», то едва ли ты найдешь что-либо прибавить к моему перечню. Отдел философии, по моему мнению, должно пустить последним, во-1-х, для того, чтобы исподволь втянуть немцев в область для них совершенно новую, начав чем-нибудь более живым; во-2-х, потому, что философия в настоящую минуту вообще не на первом плане; в-3-х (главная причина), что я не доверяю уменью переводчиков: для этого они сами должны быть mächtig der philosoph⟨ischen⟩ Sprache,[19] и полагаю, что переводы филос⟨офских⟩ статей[20] должны быть просмотрены в Москве.[21] Ты покажи этот перечень Хомякову и Ал⟨ександру⟩ Ив⟨ановичу⟩ Кошелеву, если он воротился из П⟨етер⟩бурга,[22] и отвечай мне тотчас. В заключение выписываю тебе из одной нем⟨ецкой⟩ книги, что немец, посетивший Россию, напечатал лет 11 тому назад: «In Gegensatz zu der Vernachlässigung, welche die bildenden Künste in Russland fanden, und war aus denselben Ursachen, welche diese Vernachlässigung bewirkten, erreichte die Sprache hier schon sehr früh einen hohen Grad der Ausbildung. Sie wurde die alleinige Frägerin alles geistigen und sittlichen Inhalts des Volkes; in ihr konnte der Russe Monumente schatten, die ihn auf seine Wanderungen begleiteten; ihr hauchte er all sein Denken und Sinnen, und ihre biegsamen, klangreichen Formen schmiegten sich leicht allen Bedürfnissen an. Daher die e⟨r⟩staunliche Ausbildung, die überraschende Formen und Wortreichtum, welche wir in der russischen Sprache finden, und daher auch die hohe Bedeutung des Volklieds»,[23] и проч. (Tausendung[24] ein Tag in Orient, von Bodenstedt.[25] Книга имела три издания.[26])

Прощай, милый друг Константин, крепко тебя обнимаю, а также Алексея Степановича. Кланяйся всем.

Разумеется, от вас зависит изменить перечень, план издания, или хоть вовсе отменить. У меня нет теперь под рукой «Московского сборника». Может быть, там еще найдутся статьи.[27]

План издания

Предисловие и Заключительное слово «Беседы»
(1856 г., т. I, и 1859, т. VI).[28]

I. *Geschichte.*[29]

1. «Несколько слов о современных исторических трудах[30] большей части русских ученых»,[31] *Самарина* («Беседа» 1857 г., т. I), — Чичерина выкинуть. Она очень хорошо рисует отрицательное отношение русских ученых к русской истории.

2. Разбор VI тома и VII тома Соловьева, Конст⟨антина⟩ Аксакова («Беседа» 1856 г., т. IV, и 1857,[32] т. II).

Обе статьи соединены вместе; из второй взяты только последние страницы (с 31-ой); вообще, полемика, по возможности, выброшена.

3.*[33] Статья о родовом быте, в «Москов⟨ском⟩ сборнике».[34] — Из нее берется только положительная часть, об общинном быте и о вечах; опровержение мнения о родовом быте — только вскользь. Заглавие дано другое.

4. «Богатыри времен В⟨еликого⟩ кн⟨язя⟩ Владимира» («Беседа», т. IV. 1856 г.).[35] Многие песни Кирши Данилова уже известны в Германии по переводам Боденштедта и Вольфзона.[36]

5. «Взгляд на значение Земских Соборов».[37] Рукопись Конст⟨антина⟩ Аксакова.

II. Nationaloekonomie; Volkskunde.[38]

1.* «О поземельной общине»,[39] Кошелева («Бес⟨еда⟩» 1857 г., т. IV).

2.* «Общинное поземельное владение». Две статьи его же, в «Сельск⟨ом⟩ благ⟨оустройстве⟩», № 8[40] (сокращ⟨енное⟩).[41]

3. «О поземельном общинном владении», Самарина («Сельск⟨ое⟩ благ⟨оустройство⟩», № 1, 1858)[42] (сокращ⟨енное⟩).

4. «О крестьянской земле и о правах крестьян на землю», Самарина («Сельск⟨ое⟩ благ⟨оустройство⟩», 1858, № 2).[43]

NB. Только первая часть этой статьи.

5.* «О ремесленном союзе в Ярославской губернии»[44] (1858 г., т. II).

III. Zu Socialen Fragen.[45] Смесь.

1. «О юридических вопросах», Ал⟨ексея⟩ Ст⟨епановича⟩ Хомякова («Беседа». 1858, т. II).

2.* «Личное и общественное», Гилярова[46] (сокращенное).

3. «О русском воззрении», К. Аксакова («Беседа» 1856 г., т. I и т. II). Две статейки.[47] Они для немцев интересны как пример того, какие споры еще возможны в России.

4. «Два слова о народности в науке», Самарина («Бес⟨еда⟩» 1856 г., т. II[48]), — разумеется, с сокращением и ослаблением ее полемического, частного характера.

6.[49] «Разговор в Подмосковной» («Беседа» 1856 г., т. ⟨II⟩[50]), А⟨лексея⟩ Ст⟨епановича⟩ Хомякова.

IV. Zur Geschichte der Litteratur.[51]

1. Критическая статья Гилярова, по поводу «Семейной хроники»; несколько сокращенная. Она важна своею общею частью. («Б⟨еседа⟩» 1856. Т. I).

2. «Обозрение современ⟨ной⟩ русской литературы»,[52] Конст⟨антина⟩ Аксакова («Бес⟨еда⟩» 1857, т. I), — только в выписках, где заключается общая мысль и взгляд.

V. Philologie.[53]

1. «О русских глаголах» — К. Аксакова.[54]

2. «Die Philosophie des Alphabets,[55] или Первые листы рус⟨ской⟩ грамматики», К. Аксакова.[56]

VI. Philosophie.[57]

1. «О необходимости и возможности новых начал для философии» — Ив⟨ана⟩ В⟨асильевича⟩ Киреевского («Беседа», 1856 г., т. II).

2. «По поводу предыдущей статьи»,[58] Ал⟨ексея⟩ Ст⟨епановича⟩ Хомякова («Бес⟨еда⟩» 1857 г., т. I).

3. «О современных явлениях в области философии»,[59] А. С. Хомякова («Бес⟨еда⟩» 1859 г., т. I).

4. «Рационалистическое движение философии новых времен», Гилярова («Бес⟨еда⟩» 1859 г., т. 3).

Впрочем, философский отдел должен явиться последним; да и вообще переводы философских статей должны быть предварительно присланы в Россию на просмотр Хомякову и Гилярову.

Не забудьте, что полемич⟨еский⟩ характер во всех статьях значительно ослаблен.

[1] Так озаглавлен текст в автографе: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 53. Л. 1–2 об. Публикуется впервые. Основной текст письма печатается по изд.: *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 81–84. Уточнен и дополнен по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 7. Л. 37–38 об.

[2] *Далее в автографе зачеркнуто*: перев⟨од?⟩.

[3] *Далее в автографе зачеркнуто*: я предполагаю.

[4] Это слово вписано сверху между строк.

[5] томиками (от *франц.* livraison — выпуск книги частями, по мере печатания)

[6] предисловие (*нем.*)

[7] На деле «План» разросся на два листа с заполненными оборотами.

[8] В письме к родным от 28 (16) января И. Аксаков упоминал о причине дороговизны издательской подготовки книг: «Здесь в Лейпциге нет ни одного русского; наборщики в русских типографиях немцы, и даже корректоров нет, хотя это может быть и выгодно: предлагают, на наши деньги, 75 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ за корректуру листа, что, по здешним ценам, высоко» (*Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 37. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 3).

[9] Это слово вписано сверху между строк.

[10] *Далее в автографе зачеркнуто*: важно.

[11] Перу К. Аксакова принадлежали 8 из 25 намечавшихся к публикации статей, в том числе одна из них должна была слить две оригинальные рецензии (на «Историю» С. М. Соловьева), что составило бы треть антологии.

[12] Это слово вписано сверху между строк.

[13] *Далее вычеркнуто*: но.

[14] *Далее вычеркнуто*: за.

[15] самостоятельности (*нем.*)

[16] Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) — русский правовед, философ и историк. В молодости увлечение славянофильскими идеями сменилось переходом на позиции западничества. В Европу Чичерин отправился в 1858 г., получив приглашение занять кафедру государственного права на юридическом факультете Московского университета, для чего требовалось пройти стажировку за границей. Находясь там вплоть до 1861 г., он посетил Австрию, Англию, Германию, Италию, Францию; встречался не только с И. К. Блюнчли, но и другими известными иностранными и русскими учеными и политиками: Л. Штейном, Р. Молем, П. Й. Шафариком, Ф. Гизо, Л. А. Тьером, А. И. Герценом, И. М. Сеченовым, Д. И. Менделеевым и др.

[17] Об И. К. Блюнчли см. примеч. 41 на с. 286 наст. изд.

[18] Имеются в виду следующие строки из письма И. Аксакова к родным от 16 (4) марта 1860 г.: «Он ⟨Боденштедт⟩ сделал для меня маленький вечер и пригласил здешнего знаменитого ученого правоведа B⟨l⟩untschly, издателя „Staatslexicon". Был и еще какой-то швейцарец, очень неглупый. Der Rechtsgelehrte ⟨правовед (*нем.*)⟩ B⟨l⟩untschly, когда я, вооружившись „Беседой" и рукописями Константина, стал ему излагать понятие о Государстве и Земстве и проч., — назвал все это Ketzerei, т. е. *ересью*; но под конец, кажется, понял и сознался, что тут лежат новые основы [общест⟨ва⟩] человеческого общества; общину он понял, согласился, что тут нет ничего общего с немецкой Jemeinde ⟨общиной (*нем.*)⟩ признал, что это целый принцип, и сам объявил невозможным довод Чичерина, который, месяца два тому назад, был здесь у Б⟨л⟩унтшли и рассказал ему об общине с своей известной точки зрения. Почтенный народ эти немцы» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 63. Исправлено по автографу: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 14. Л. 22). Упоминаемый И. Аксаковым «Staatslexicon» — на деле: «Deutsche Staatswörterbuch», с 1857 г. издававшийся И. К. Блюнчли совместно с К. Братером. К 1870 г. вышло 11 томов.

[19] сильны в философском языке (*нем.*)

[20] Эти два слова вписаны сверху между строк.

[21] Ср. в «Плане издания»: «...переводы философских статей должны быть предварительно присланы в Россию на просмотр Хомякову и Гилярову» (наст. изд., с. 306).

[22] Из Петербурга, где работал в Редакционных комиссиях, Кошелев вернулся в ноябре 1859 г., жил попеременно то в своих деревнях, то в Москве, а снова отправился в Петербург в ноябре 1860 г. для участия в заседаниях Комиссии по замене откупов системой акцизного сбора (см.: *Кошелев. Записки*. С. 83–86).

[23] «В противоположность пренебрежению, в котором пребывали в России изобразительные искусства, — причем по тем же причинам, которые это пренебрежение и породили, — язык уже довольно рано достиг здесь высокой степени совершенства. Он стал единственным средоточием духовной и бытовой жизни народа; благодаря языку русские сумели создать памятники, сопровождавшие их на всех путях и раскрывающие все их мысли и обычаи своими гибкими, звучными средствами, годными на любой случай. Отсюда поразительное совершенство, изумительные формы и словарное богатство, какие мы находим в русском языке, и от этого же великое значение народной поэзии» ⟨...⟩ («Тысяча и один день на Востоке» Боденштедта ⟨...⟩) (*нем.*).

[24] Неточность. Правильно: Tausend.

[25] «Тысяча и один день на Востоке» (*нем.*). См. примеч. 2 к публикации рецензии П. И. Бартенева на антологию «Русские фрагменты» (наст. изд., с. 342).

[26] Первые три издания книги «Tausend und ein Tag im Orient» (в двух томах) увидели свет в Берлине в 1849–1850, 1854–1854 и 1859 гг.

[27] Из первого тома «Московского сборника» (М., 1852) в «План» и — соответственно — в антологию Боденштедта была включена одна статья (см. примеч. 34 к наст. публикации).

[28] Здесь и далее библиографические отсылки к материалам «Русской беседы» (в том числе их заголовки) будут корректироваться только в тех случаях, если могут встретиться затруднения при нахождении их в *ПР* (см. наст. изд., с. 460–531).

[29] История (*нем.*).

[30] *Далее вычеркнут предлог*: в.

[31] Оригинальное назв.: Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина (в *ПР* — под № 105).

[32] Правильно: 1858.

[33] Здесь и далее «звездочками» помечены те материалы, которые вошли в двухтомник Боденштедта «Русские фрагменты».

[34] *Аксаков К.* О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) // Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. 69–139; в более полном виде: *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. И. С. Аксакова. М., 1861. Т. I. С. 59–124.

[35] Статья К. Аксакова «Богатыри времен Великого Князя Владимира, по русским песням» (в *ПР* — под № 75).

[36] Немецкий писатель, исследователь русской литературы Вильгельм Вольфсон (Вольфзон, Wolfsohn; 1820–1865) опубликовал в своем переводе 5 песен из сборника «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова (М., 1804; 2-е изд.: 1818), сопроводив их небольшим предисловием: *Wolfsohn W.* Altrussische Dichtungen aus der Sammlung des Kirscha Danilow // Wolfsohn W. Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Leipzig, 1843. Bd. I. S. 273–304. Фр. Боденштедт (см. о нем наст. изд., с. 283–286) печатал переводы русских песен и былин в различных периодических изданиях.

[37] Имеется в виду неоконченное исследование К. Аксакова, два вступительных очерка к которому были напечатаны посмертно под назв. «Краткий исторический очерк Земских Соборов» (нач. 1850-х, 1859): *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. Т. I. С. 291–306. В 1860 г. сам К. Аксаков планировал опубликовать свою работу в «Русской беседе» (см. статью Б. Ф. Егорова в наст. изд., с. 241).

[38] Национальная экономика; Этнография (*нем.*).

[39] Оригинальное назв.: По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности (в *ПР* — под № 175).

[40] *Кошелев А.* 1) Общинное поземельное владение: Ответ Ф. Г. Тернеру (Библиотека для чтения. № 6) // Сельское благоустройство. 1858. № 8. С. 107–142; 2) Приписка к предыдущей статье // Там же. С. 143–148.

[41] Это сокращение вписано сверху между строк.

[42] *Самарин Ю.* О поземельном общинном владении: (Письмо к Издателю) // Там же. 1858. № 1. С. 19–34; с подстрочными примечаниями А. И. Кошелева (на с. 24–25, 30, 32, 33).

[43] Имеется в виду статья Ю. Ф. Самарина «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношении юридическом и хозяйственном» (Там же. 1858. № 2. С. 103–128), точнее, ее первый раздел «О крестьянской земле» (с. 103–115) с подразделом «Имеют ли крепостные крестьяне право на землю и какое именно» (с. 104–114).

[44] Очерк самого И. Аксакова (в *ПР* — под № 236).

[45] К общественным вопросам (*нем.*).

[46] *Н. П. Г—в* ⟨*Гиляров-Платонов Н. П.*⟩. Личное и общественное: (По поводу статьи г. Дубенского «Свобода и рабство». «Ж⟨урнал⟩ з⟨емлевладельцев⟩. № 22) // Журнал землевладельцев. 1859. Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411–438.

[47] Оригинальное назв. 2-й статьи: Еще несколько слов о русском воззрении (в *ПР* — № 46).

[48] Правильно: Кн. I.

[49] Так в рукописи.

[50] Здесь в рукописи обрез листа и номер тома (книги) с закрывающей скобкой отсутствует.

[51] К истории литературы (*нем.*).

[52] Оригинальное назв.: Обозрение современной литературы (в *ПР* — под № 106).

[53] Филология (*нем.*).

[54] *Аксаков К.* О русских глаголах. М., 1855. ⟨2⟩, 47 с. Первоначально у И. Аксакова, по-видимому, была мысль издать в Германии отдельно это сочинение брата (см. наст. изд., с. 288).

[55] Философия азбуки (*нем.*).

[56] Имеется в виду раздел «Введение. Буква. Слог. Слово» из исследования К. Аксакова «Опыт русской грамматики» (М., 1860. Ч. I. С. 1–18).

[57] Философия (*нем.*).

[58] Т. е. по поводу публикации: Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского (в *ПР* — № 98, 100).

[59] Точнее: О современных явлениях в области философии: (Письмо к Ю. Ф. Самарину) (в *ПР* — № 290).

СОДЕРЖАНИЕ АНТОЛОГИИ

Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии / Введение и издание Фридриха Боденштедта. Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1862.

4. **Бессонов П. А.** О рукописи времен царя Алексея Михайловича, найденной и изданной под названием «Русское государство в середине 17 века» П. Бессоновым. — S. 243–303. ⟨S. 289–303 — латинский текст.⟩
5. **Аксаков И. С.** О ремесленном союзе в Ярославской губернии: (Письмо к издателю «Русской беседы») / Иван Аксаков. — S. 305–316.
6. **Бартенев П. И.** Граф Морков: Дополнение к истории русской дипломатии: По Петру Бартеневу. — S. 317–389.

Фр. Боденштедт

ВВЕДЕНИЕ[1]

Этот новый труд из России и о России написан для читателей, которые искренне желают получить ясное представление о политическом и общественном устройстве царского государства, о том как оно на протяжении многих веков складывалось изнутри и под внешним влиянием и как в нынешнее время пребывает в глубоких разделениях и партийных спорах. Надо предупредить заранее, что любопытство тех, кто ожидает пикантных анекдотов, пошлых и поднимающих волосы историй, в изобилии встречающихся в других книгах о России, не будет удовлетворено. Напротив, надеемся и желаем обратить внимание просвещенных государственных деятелей и политиков на то, что нами будет изложено много нового материала, важного для понимания насущных проблем, — материала, которого, кроме данного труда, в Германии нигде не найти.

Уже по способу и форме изложения этого материала видно, насколько существенны и значимы поднимаемые в нем вопросы, — ведь излагают свои воззрения русские ученые и вожди целой партии, а немецкий издатель выступает главным образом как межнациональный посредник и переводчик, но, впрочем, он не станет скрывать своей роли в передаче и подготовке доселе неизвестного материала, который подбирал с мыслью о правильном понимании его оригинальности читателем.

После смерти императора Николая немецкие интересы изменили свое направление и внимание переключилось от верховного правителя к самому народу, несмотря на то что у нас симпатия к нынешнему императору в среднем значительно выше, чем к предыдущему.

Императора Николая, которого удачно характеризовали как «La façade d'un grand homme»,[2] большинство современников из дворян считало действительно великим человеком, причем не только из-за его монументальной внешности, но и потому, что он был первым из первых среди дворян, и с ним с полным правом связывали выражение: «L'état, c'est moi!»[3]

Он был северной звездой, которая продолжала сверкать даже тогда, когда после бурного 1848 года все остальные звезды погасли и были

устранены со своего пути. Он являл собой квинтэссенцию царизма и был средоточием жизненной силы и чаяний восьмидесяти миллионов человек, а его грозные речи заставляли трепетать Европу, словно в ожидании похода миллиона жаждущих победы воинов. Он стал олицетворением самой власти, для коего понятия «невозможно» не существовало и в чьих глазах всякое несогласие становилось преступлением. И власть, которую ему приписывали, была в сотни раз больше той, какой он на самом деле обладал. Казалось, будто его глаза способны охватить весь мир пламенем, а его улыбка обещала дворянству и народу мир. На него смотрели снизу вверх как на колосс былой монархической Европы, и в его власти было затоптать или вознести лежавшие у его ног народы. Для большинства старых династий он представлялся единственным мечом законности, с помощью которого можно удержаться от падения. Сказочные суммы, затрачиваемые им и, по большей части, императрицей на путешествия, проистекали из безграничных источников его государства; благоденствие же его народов было только кажущимся, ибо им приходилось радоваться тому счастью, в котором они пребывают под его властью. Короче, восхищению им не было предела, равно как и его умению править, — умению, которое победоносно выдерживало частые бури, праздновало многочисленные триумфы и, кажется, росло вместе с его успехами.

Но всему на свете — свое время, и когда минула пора аристократического блеска и парадов, западные снаряды проделали бреши в восточных застенках насилия: было удивительно, какими непрочными оказались эти строения.

У императора не выдержало сердце, и тут же восхищение им сменилось на противоположное чувство. Его похоронили и забыли. Если о нем еще вспоминают, то не ради его почитания, поскольку ни одна его мысль не обладала столь созидательной мощью, способной пережить время, никакая общественная сила не благословила его памяти и его народ вздохнул свободно только после его смерти. Но он останется в истории ее мерилом — для тех, кто считал его великим и в чьей среде он мог ощущать себя великим.

Император Александр, по характеру более похожий на своего известного тезку-дядю,[4] нежели на своего отца, принял власть в очень трудных условиях, влияние коих значительно смягчило его представления об управлении государством.

Война одним ударом подняла все накопившиеся за десятилетия изъяны как чиновничьего аппарата, так и армейской верхушки; невиданные затраты Двора уничтожили все финансы; не хватало ни денег, ни людей,

чтобы исправить положение, так как чиновники, взросшие при старой коррупционной власти, были малопригодны к глубоким обновлениям.

В столь трудных обстоятельствах царь изрек волшебные слова: «Крепостное право в России отменено» — и приступил к их осуществлению. Благодаря одной этой фразе Александр II обессмертил себя, переход от тьмы к свету был мгновенным. Однако он не сразу взял власть в свои руки: она отошла к людям, призванным на подвиг служения России, дабы, перебродив в их умах, вернуться к нему в представлениях более просвещенных и развитых.[5] Именно об этом и было сказано ранее — немецкие интересы по отношению к русским делам необходимо сейчас сосредоточить на народе. Россия, равно как и дворяне, только побеждает, освобождая крестьян, несмотря на претерпеваемый ими кратковременный ущерб. Улучшается состояние земли, повышается ее стоимость; кустарное производство, торговля и промышленность умножаются в десятки раз быстрее и появляется множество новых источников благосостояния — это все отчетливо зримо сегодня. Сейчас возникает важный вопрос: будет ли новая фаза жизни народа способствовать его мирному развитию или же она обернется насильственным восстанием и кровопролитием?

Возбужденный народ непредсказуем в своих поступках, и чем дольше его держали в темноте, тем непредвиденнее будут его действия при первых проблесках света.

Веками крестьян заставляли думать об их положении как о предустановленном Богом и необходимом для общего благосостояния. Многие общины, особенно в больших имениях, где крепостных насчитывались сотни тысяч и где устанавливались мягкие порядки, при своих патриархальных условиях действительно благоденствовали и не требовали никаких изменений. Другим — тем, кому везло меньше, поскольку они принадлежали мелким хозяевам и их всячески притесняли, добиваясь большей отдачи, — приходилось утешаться проповедями священников о небесном воздаянии за земные страдания.

Но сейчас их вера испытает потрясение, ибо им говорят: с вами неверно поступали! Крепостничество противоречит Божиим законам. Такое состояние для христианского народа невыносимо, поэтому вы должны быть освобождены: ваш Царь-отец дарит вам свободу!

Те общины, которые были довольны своим положением и на опыте видели, что их помещики действительно заботятся об их благосостоянии, идут к ним со своей новой свободой — дабы узнать, что же с нею делать, — и заключают взаимовыгодный договор.

Но с большинством крестьян тираны обращались дурно, бесчеловечно, притесняли их, о чем так выразительно свидетельствует Тургенев, говоря: «С нами обращались плохо, почему же мы должны потом благодарить зверей? Нас ограбили, так почему мы должны стоимость кражи сами еще и оплатить, а не просто вернуть себе свою собственность? Нужно ли тут пребывать в смирении, чтобы в небе стать блаженным; почему мы так долго жили в обмане, почему нам лгали?»[6]

Такими чувствами питались крестьянские волнения, о коих мы читали в газетах[7] и еще долго будем слышать, так как подавление с использованием военной силы может произвести кратковременное иллюзорное успокоение, но не изменит убеждений крестьян, и их печальный опыт не позволит им поверить ни одному слову чиновников, посылаемых к ним правительством, дабы разъяснить необходимость выкупа у помещиков.

К тому же внутри России горючего достаточно, о чем свидетельствуют такие факты: у Черного моря, среди казаков, подымается волна неповиновения;[8] Украина мечтает о былой свободе, поляки опять намерены восстать, масса мелкопоместных дворян, обедневших от крестьянского освобождения, заинтересована усиливать волну недовольства, где только можно, и готова спровоцировать революцию ради ловли рыбы в мутной воде. Наконец, следует еще сказать, что в России множество образованных деятельных людей разделяет известное мнение императора Николая: право на существование имеют только самодержавие или республика, любая промежуточная форма правления есть худшее из плохого, так как промежуток — это межеумочное ни то ни се,[9] — но неудовлетворительные опыты самодержавия толкают этих деятелей в сторону республики, и они ее пропагандируют.

Однако, хотя избежать революции решительной защитой своих позиций из пушек еще во власти императора, ибо оружие пока находится в его руках, ему уже не удается долее отрицать необходимость формирования в России либеральной государственной власти на национальной основе и, вместе с тем, создания польской конституции. Благодаря этому упрочилось бы великое дело освобождения крестьян, ставшее заслугой престола, а это означало бы начало конца нынешней неисправимой чиновничьей власти, разросшейся на теле государства раковой опухолью.

И укрепление крепостничества, и насаждение чиновничества, хищно сосредоточенного на мздоимстве, — дело рук Романовых, и потому — раз уж ныне правящий высочайший отпрыск этого Дома пожелал исполнить благородный долг и искупить вину своих предков — решение обеих проблем требует одновременного проведения основательных реформ.

Но если начинания императора, в личных добрых намерениях коего можно не сомневаться, будут тормозиться дурными советами его окружения или боязнью дворцового переворота и он прервет начатое мирным путем, оглядываясь назад, хотя должен смотреть вперед, и возобновит прежнюю практику подавления свободных проявлений духа, вместо того чтобы направить их в русло закона, — то не приведет ли это к его личному несчастью и всенародному бедствию, усугублению зла вместо его ослабления и не всколыхнет ли такую революцию, которая в силу изрядного количества горючего, накопленного по всей Западной Европе, потрясет ее много сильнее, нежели Великая французская. Нет ничего страшнее восставшего народа, никогда не знавшего основанного на законе порядка и примирения и лишь привыкшего гнуть спину в жестоком насилии, — народа, который захватил в свои руки ярмо принуждения.

В сущности, деспотизм не способен увидеть свои слабости и потому любыми средствами демонстрирует безошибочность своей политики, а причину неуспеха ищет всюду, только не там, где она есть. Этим объясняется тот факт, что он не может, сойдя с дороги ошибочной политики, прибегнуть к оздоровительным мерам, совершаемым при народных правительствах простой сменой министров.

Человеческая натура, однако, не позволяет долго механически зажимать себя в тисках; все живое существует в постоянном преображении свойственных его природе форм, которое все превходящее и отжившее способно уничтожить.

Император Александр расколол лед, сковывавший до того духовную жизнь его народа; с ним в страну ворвался весенний ветер, пробудивший к жизни семена и почки; он, дай Бог, позаботится об их росте и созревании! Мы этого желаем от всего сердца, хотя и опасаемся, что наши ожидания не исполнятся. Тем не менее, благословение питают благие надежды, а предвещание скверны и радость от ее свершения — только дурные пороки.

Потому вместо прогнозов о вероятности печального будущего мы хотим обратиться к тому, что имеет место ныне, и дать представление о партиях, сосредоточивших на себе политическую и духовную жизнь России, понятие о коих в Германии весьма распространено, но далеко от истины. Речь идет о петербургской, или правительственной, партии и партии московитской, или старорусской. У нас обычно считают, что представительницей прогресса, просвещения и европейской цивилизации являет себя первая, а регресса, заскорузлого национализма и дремучего древнерусского варварства — вторая.

Такое понимание обеих партий неверно и ошибочно, поскольку проистекает от незнания настоящих обстоятельств, причем приведенные неверные оценки умышленно распространялись известной стороной. Речь идет об адептах петербургской партии, которые изображают дело в таком свете, будто приверженцы старорусских всячески стараются затормозить движение золотого вагона прогресса. Среди немецких ученых и публицистов, ввиду их попечения об отечественном образовании и науке, легко усвояется такое понимание: эти, мол, просвещенные петербуржцы ведут войну с обскурантами-московитами, являющими собой нечто вроде немецкого юнкерства на древнерусский лад и в своей гордыне судорожно хватающимися за отжившие формы и представления, подобно и мекленбургскому юнкерству.[10]

В действительности же дело обстоит иначе. Московиты борются с петербуржцами не против немецкого образования и науки, а против той лживой, внешне наносной личины, под которой совершается беззаконие. Московиты хотят всего — как раз того же, что петербуржцы предлагают лишь частично и в искаженном виде. Они требуют честной науки, которая, ведя к входящей в плоть и кровь свободе, плодотворно развивается дальше, а не той фальшивой, которая, поддерживая деспотизм, подлаживается под любую смену монаршего настроения — в зависимости от требований политической ситуации, цензуры или тайной полиции.

На каждом написанном листе они свидетельствуют о том, что прекрасно знают: всякий народ должен учиться у других, а Россия в своем развитии отстала от остальных европейских культурных наций — отчасти из-за монгольского ига и непрекращавшихся войн, отчасти в силу долгой изоляции от Европы, отчасти по причинам, детально рассматриваемым в этой книге. Они знают это и намерены наверстать упущенное, они изучают серьезные классические труды, среди которых особо выделяются работы немецких филологов. Им следует перестроить всю систему образования, не просто копируя иностранное без учета русского, а с сознанием, что в русских традициях есть много ценного, требующего сбережения и дальнейшего развития, и что все это составляет громадную национальную задачу.

Этим они отличаются от своих противников, и потому их пытаются высмеять. А вот на каких основаниях, мы вскоре увидим.

Московиты стали нетерпимы петербуржцам, облеченным властью, поскольку первыми потребовали принятия конституции, закона об управлении, гласных судов, свободы печати — короче, всего того, что вызывается к жизни самим духом времени. Русскому правительству все же при-

дется признать, что невыносимость прежних прогнивших устоев жизни они представили в очень убедительной форме, и придется на что-то решиться.

Московиты могут гордиться тем, что именно они прежде всего потребовали освобождения крестьян и что все хорошие начинания правительства будут частичным воплощением их требований.

Хотя только из-за этих требований перемен они претерпевали гонения: труды их, и так по большей части не издаваемые, запрещались, уничтожались, попадали под нож, а сами они — под следствие и в чем только ни подозревались. Несмотря на то что судьба московитов оказалась сходной с судьбой мекленбургских юнкеров,[11] следует соблюдать осторожность при их сравнении.

Известно, что этим людям, создавшим необходимые предпосылки для оздоровительных государственных реформ, а затем и подготовившим саму возможность их воплощения, редко достается слава реформаторов, которую почти всегда связывают с именами людей из государственного центра, тех, кто — чаще всего после продолжительного жесткого отпора — наконец, соглашался на их выполнение.

Получается так, что благоразумные люди, всей душой любящие свое отечество и трудящиеся на его благо словом и пером, преследуются за свои столь возвышенные взгляды менее благоразумным правительством, пока оно, в конце концов, — часто слишком поздно! — не признает в них правильное. Честному немцу не приходится далеко ходить за сходными примерами...

Петербургская партия — партия, правящая в России. Она образует правительственную пирамиду с императором на вершине. Вознаграждения деньгами, властью, привилегиями, орденами, славой исходят от него; тому, кто ищет признания в России, должно искать расположения у петербуржцев. Таким образом, они без труда привлекают на свою сторону изрядное число образованных иностранцев, суля немалые выгоды. Ведь слава и благосостояние куда заманчивее в нашем мире, нежели честность.

Рекрутируя таким образом людей из всех народов Европы как военными, так и дипломатическими средствами своей власти, они укрепляются повсюду. Желание дышать воздухом приключений и склонность к потасовкам (нередко бурным), которая у немцев в крови, давно уже не находят у молодых людей удовлетворения в Германии. И хотя на русскую службу их гонит по преимуществу жажда славы, не будем предосу-

дительны, а всего лишь заметим, что таких героев авантюрного толка предостаточно всегда и что в их числе немало принцев немецких дворов.

В нынешнее же время, вернувшись на родину — временно или постоянно, — такие господа живописуют партию, одаривавшую их наградами и привилегиями, в наилучшем свете, а все негативные характеристики достаются бородатым московитам, которые неизменно срывают мудрые планы правительства, мотивируя их бесполезность. Сходный образ мысли свойствен состоящим на службе в России врачам, профессорам, чиновникам, а также тем банкирам и коммерсантам, кои довольствуются особыми преимуществами и получаемыми выгодами, ибо все эти люди, как правило, не питают ни малейшего интереса к народу, расценивая всякое проявление народного как грубое и заурядное.

Итак, в том, что мнения такого рода распространялись и упрочивались и что московитам, противостоявшим облеченным властью представителям господствующей партии, нечем было уравновесить свою позицию, нет ничего случайного; потому и в спорах они всегда, так сказать, вытягивали короткую спичку. Им оставалось воздействовать лишь нравственно — своими сочинениями, своей всегда образцовой личной честностью, оберегавшей их словно щит, от которого в бессилье отлетали все стрелы насмешек других партий.

Вот один из сотен примеров, который может наглядно подтвердить, какие мелочи способны были вызывать такие насмешки и что бывало с несогласными. Известно, что особую сферу императорского попечения составляет в России вопрос о том, какой мундир носить чиновникам и военным и на какой манер осуществлять бритье, и что вопрос этот высочайший ум в большинстве случаев решает ради блага «всему человечеству». Те, кто не относится к простонародью, но при этом носит бороду и, в особенности, национальный костюм, на взгляд императора, совершают преступление: ведь простолюдины — вопреки принудительным указам Петра Великого, который на сей счет был, как говорится, придирчив до мелочности, — бороды не бреют и продолжают ходить в своем платье.

Петербуржские партийцы относились к такой позиции, естественно, вполне лояльно, но московиты стойко ей сопротивлялись, считая национальный костюм, как и бороду, соответствующими русскому человеку более, чем парижский фрак и выбритое до гладкости лицо.

Но вот недавно в Париже вошла в моду борода, и петербургские императорские соглашатели радостно спешили ее отрастить пока разъезжали за рубежом, опечаливаясь при этом, что не смогут пощеголять ею

у себя в России. То, что раньше представлялось им заурядным и даже безвкусным, ибо слыло простонародным, теперь казалось элегантным, поскольку было завезено из Парижа.

Парижане, напротив, настолько полюбили русский национальный наряд, что не только облачали в такую одежду своих детей, но и укладывали себе волосы и растили бороды à la Russe. Постепенно к этому приобщились и петербуржцы, одевая своих детей и причесываясь все на тот же манер — à la Russe.

Насколько роль бороды была вообще важна в русской истории, мы еще рассмотрим. А пока начнем объяснение с самых простых примеров, в коих московитами и петербуржцами выказывались их вкусы и отношение к сути вещей, переходя, по мере возможности, к более высоким материям искусства и науки, свидетельствующим о характере различий двух партий. Мы увидим, что московиты в своих взглядах проявляют больше самостоятельности и смелости применительно к особенностям чужого образования (а именно — к иностранной историографии, за счет закрепления в ней устойчивых категорий), предпочитая при этом усматривать в этом образовании то, что скорее соответствует выражениям их национальной стихии, и критически оценивая, насколько это соответствует русскому мировосприятию; петербуржцы же, будучи сильнее подвержены зарубежному влиянию, обнаруживают больше космополитизма. В историографии их идеалом является Кант с его знаменитым методом, позволяющим выяснять, каким образом сущностные исторические явления собираются и складываются воедино, противопоставляясь и, вместе с тем, и взаимодействуя; московиты же, напротив, предпочитают Канту старика Шлоссера.[12]

Столь явные различия не проступают, однако, в философских сочинениях: тут большинство авторов, принадлежащих обеим партиям, твердо держатся гегелевских принципов, обнаруживая в своих сочинениях некоторую тяжеловесность; впрочем, в этой области оригинальности они пока еще демонстрируют мало. Но в сфере исторического знания молодые ученые развили весьма плодотворную деятельность, а поскольку при критическом исследовании источников пример ими брался с немцев, то гегелевскую философию истории они изучали не без пользы, о чем можно судить по изученному ими материалу и новым достижениям в историографии.

Немецкий ученый Шлецер был первым, кто занялся критической проработкой русских исторических источников.[13] За ним последовал Карамзин в своей «Истории государства Российского», фундаментальном

и своего рода первопроходческом труде, влияние коего на всю русскую литературу и национальное мировоззрение было и остается глубочайшим.[14] Только в последнее время несколько декоративную и претенциозную периодизацию Карамзина перестали рассматривать как незыблемый образец: наметилось критическое отношение к изложению им древнейшей истории России и проступает осознание нехватки внутренней органической взаимосвязи в самой структуре его труда. Этого недостатка попытался избежать молодой историк Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», в которой основной задачей он поставил себе исследование роста и становления государства исходя не только из масштабов его территориального развития, но и из внутренней взаимообусловленности различных факторов этого процесса, выясняя при этом, как различные племена, обладающие изначально общностью по происхождению, обособлялись, попадая под власть варяжских князей, а затем вновь объединялись. С особой скрупулезностью историк считает нужным показать постепенное преобразование старого патриархального строя в современные государственные формы. Внутренняя однородность русского народа — в противоположность германским племенам, более разнящимся по характеру своего формирования, — найдет свое объяснение в самих свойствах национальной почвы. Основное внимание автор уделяет влиянию на население внешних факторов, в связи с чем он вполне убедительно истолковывает контрасты народного быта и проявление его характерных особенностей на юге и севере страны, прослеживая при этом, каким образом постороннее воздействие на протяжении разных исторических периодов вторгалось в жизнь народа и как сказывались на нем внутренние изменения.

Методология ученого стоит на высоте современной историографии. Его труд опирается на основательное критическое изучение источников и умело выстраивается по единому продуманному плану и основной идее, что позволяет живо воспринимать все его отдельные части как единое целое; при этом внимание автора сосредоточено не только на внешней взаимосвязи событий, как это было у Карамзина.

Вместе с тем, делая новые интересные подходы к изучению исторических событий, господин Соловьев высказывает и важные предположения теоретического характера в области этнографии. Его труд, таким образом, значительно обогащает историческую литературу — как в целом, так и во многих своих частностях.

Несмотря на некоторую тяжеловесность предисловия и не слишком удачное изложение материала, особенно в первых томах,[15] господин Со-

ловьев должен быть выдвинут московитами на первое место за преломленный сквозь призму собственных представлений свой взгляд на историю. Однако у него нельзя не заметить и пристрастия к суждениям зарубежных ученых, которое — при приложении их к русской почве — противоречит реальному положению дел.

Серьезное обоснование таких предположений читатель найдет в материалах, касающихся исторического труда господина Соловьева; при этом критические замечания к нему составят основу настоящей книги.[16] В качестве примера достаточно указать на заметку ознакомительного характера, специально не относящуюся к сочинению г-на Соловьева (в настоящее время вышел в свет только 9-й том, охватывающий события до середины XVII века,[17] однако можно уже ясно видеть, как будет освещаться следующий период), но в целом наглядно демонстрирующую противоречия современной русской историографии.[18]

Для адептов петербургской школы русская история действительно начинается только с династии Романовых: однобокое приукрашивание правления ее представителей — излюбленное их занятие, ведь и нынешняя цензурная политика не располагает к тому, чтобы отличать свет от тени. Лучшие представители этой школы — люди замечательных талантов и блестящего образования, которое они, как правило, приобретали во время длительного проживания в Париже и немецких университетских городах.

По возвращении на родину они сразу получали важные места на государственной службе; однако их научная деятельность — незавидна: они учились у Канта критике источников, но, соприкоснувшись с беспорядочным скоплением сокровищ русских архивов, лишь пополняют русскую литературу безвкусными работами.

Сейчас с критикой источников в России происходит нечто своеобразное. Тамошние архивы содержат очень богатый материал (особенно по XVII и XVIII столетиям), достоверность которого, — если утверждать историографию только с опорой на эти документы, то есть с точки зрения источниковедения, — невелика: ученые, работавшие с материалами таких архивов, в них не сомневались и закладывали их в фундамент своих исторических построек, и хотя такие труды, казалось, отвечали строгим требованиям метода научности, они оказывались недостоверными. Достаточно нескольких слов, чтобы сделать очевидным такое расхождение. Петр I и Екатерина II — правители Дома Романовых эпохальной значимости — прилагали немало усилий во внешней и внутренней политике страны для реализации своих долгосрочных замыслов по направлению

России в Европу, для осуществления которых приглашали на русскую службу огромное число образованных иностранцев, что и позволило переодеть все государство на европейский лад.

Петру, однако, удалось мало: ведь русские, хотя и обрезали свои бороды, но, как только переставали следовать царским указам, их улицы вновь заполнялись бородачами; столь же неудачными оказывались и попытки его последователей насадить в России немецкое право, несмотря на то, что это было их главной целью. Глядя на хранящиеся в архивах груды убедительных письменных документов в виде текстов законов, указов, постановлений, прав городов, подготовленных превосходными немецкими юристами с научной основательностью, создается впечатление, что все они в свое время были успешно приняты и законно вступили в силу, тогда как на деле проведено в жизнь не было и сотой их доли. Екатерина Великая старательно изучала Любекское и Магдебургское право с мечтою о таковом для России, но при попытке, как всегда энергичной, свершить свои замыслы столкнулась с сопротивлением настолько жестким, что в конце концов предпочла основать шестьсот новых городов — именно такому числу деревенских поселений предоставили городские права и привилегии на определенных, однако, «организационных» условиях. В каждом новом городе должна быть «ратуша» и другие чуждые русским учреждения, основанные на казенный счет; к тому же предполагалось обусловить заинтересованность работой «бургомистра» и его чиновников. Иными словами, сторонникам петербургского толка ничего иного не оставалось, как пустить в расход выделенные на эти цели немыслимые денежные средства, действительно построив ратуши в многочисленных русских селах и деревнях, превращенных в города указом императрицы: в последнее время было установлено, что ни одно из этих сооружений так и не использовалось по назначению, но императрица скончалась убежденная, что ею созданы шестьсот образцовых городов.

Это только *один* из многих примеров малочисленности в русских архивах документов, содержание которых соответствовало бы действительности.

Тут следует усматривать и объяснение основному различию во взглядах на положение дел представителями петербургского и московского направлений. Приверженцы первого, исходя из официальных сведений, гордятся успехами внешней политики Романовых, но, будто ослепнув, не видят реального положения дел в государстве. Иной дорогой идут выразители московской позиции, суть которой — в понимании особенностей

национального развития. Их внутренняя связь с народом гораздо глубже таковой у их петербургских противников, и их влияние растет, когда они — деятельно отстаивая свойственное славянам отношение ко всему чужому — возвращают из небытия сокровища родных памятников, традиционного права, обычаев, долгое время бывших под запретом. При этом национальное самосознание укрепляется, привносимое же извне образование не отрицается, хотя в последнем их и упрекают. И поскольку правление Романовых было мало положительным для развития народа, то для продвижения своих идей московиты были вынуждены обратиться к более ранним историческим периодам, в особенности к XVI веку, который поставляет им важный материал.

Последователи петербургской партии, разумеется, не могут обойтись без изучения прошлого, однако смотрят они на него другими глазами, осмысляя так, что не идут ни в какое сравнение со своими противниками, усматривающими самую суть событий. Я постараюсь показать это на примере, выявляющем принципиальное различие, разделяющее две партии.

Положение Русской церкви и духовенства в эпоху Рюриковичей было в значительной мере более самостоятельным и независимым, нежели теперь. Глава Церкви был равноправен главе государства, а иногда обладал и большей властью, ибо образованным было только духовенство. Обладание такой властью могло приводить к множеству злоупотреблений; однако чаще она употреблялась во благо и, противодействуя грубому насилию царя, нравственно оздоравливала общество. Истории известны многие примеры самопожертвования представителей русского духовенства былых времен, способных к нравственному подвижничеству, которое преображало их обыкновенную жизнь в житие и наделяло земное существование чертами подлинного величия. Тот, кто смотрит на вещи без партийной узости, не может не преклониться и перед литературным наследием таких людей, всегда готовых пойти на смерть, спасая мир ценою собственной жизни, ибо их сочинения заслуживают большего, чем обычное уважение к памятникам письменности, и дают ценнейший материал для любой исторической эпохи.

Многие из этих древних источников, только в последнее время увидевших свет, настолько чужды какой-либо субъективности, что по ним невозможно судить о степени образования и политического самосознания их составителей. Самый, пожалуй, важный из этих памятников — созданный в XVI веке так называемый Стоглав (приблизительный перевод: Книга из ста частей), который был принят в 1551 году на Большом

Московском соборе и предназначался для духовенства и всего народа не только в качестве практического руководства в церковных, политических и житейских делах: вслед за внешним освобождением от татарского ига им была поставлена — и успешно решалась — грандиозная задача внутреннего духовного объединения и укрепления Руси.

Приверженцы петербургской школы относятся к Стоглаву — как и ко всему, что создано до Петровского правления, — пренебрежительно: устаревшие понятия и выражения Соборного документа, на который они смотрят как на диковину и не более, чем на памятник дикого и суеверного XVI века, претят их современной образованности и просвещенности. Их московские оппоненты в то же самое время придают ему большее значение, нежели любому другому своду законов, составленному в России как до, так и после правления Петра — ведь такие законы в действительности не оказывали никакого воздействия на жизнь народа в отличие от громадного влияния Стоглава.

Из сражений с монголо-татарами Русь, разделенная прежде варяжскими князьями, вышла, казалось бы, единой. Однако отдельные ее земли, хотя внешне и признали главенство Москвы, но все-таки упорно не принимали нового порядка вещей: им пришлось пожертвовать своими отдельными интересами и привилегиями, сложившимися веками; но более важным было то, что у каждого из княжеств была своя особая святыня, и оно не желало, чтобы ее принижали перед другими.

Такое внутреннее противостояние княжеств не могло быть сломлено одним лишь царским насилием. И самый молодой из русских городов приобрел непререкаемую духовную значимость, которую добровольно признали остальные, но только тогда, когда священству удалось возвысить в глазах всего народа московские святыни.

Проницательный Иоанн (Васильевич) IV понял, что успех в делах ему обещает поддержка духовенства, единственного носителя не только образованности, но и особого народного самосознания. Оттого он и стремился в осуществлении своих обширных планов сделать духовное сословие своим союзником. К преобразованию государственного и церковного устройства он приступил сразу по совершеннолетию, сформировав самостоятельное правительство и найдя себе настоящего соратника в лице тогдашнего митрополита Макария. Этот ученый архиерей распорядился собрать церковные законоположения и постановления, имевшие место на Руси, после чего начал трудоемкую работу по удалению из собранного материала всего отжившего и созданию основы для нового Номоканона.[19] В этих целях он созвал в Москве два Собора:

в 1547 и 1549 годах. Выработанное на них соборное уложение Стоглавом, кажется, назвал сам царь Иоанн. В новом своде законов, с одной стороны, было заложено, что «мощи и святые иконы исследуются», и только «после» этого, с другой стороны, закреплялось, каким образом каждая отдельная из многих земель Руси, каждый ее край и уезд могли иметь своих собственных святых.

Одновременно Иоанн готовился к новым законодательным трудам, стремясь в полной мере охватить все вопросы государственной и церковной жизни Руси. Еще на Соборе 1549 года он получил благословение митрополитов и епископов на пересмотр по улучшению Судебника (старой Книги законов). Эту работу завершили уже в 1550 году и вслед за тем для обсуждения и принятия нового документа созвали третий Собор. Царь предложил митрополитам и епископам выработать Церковный устав по образцу светского законодательства, что и стало содержанием Собора в Москве 1551 года. На нем был утвержден Судебник и составлена Книга церковного уложения, названная, как я уже упомянул ранее, Стоглавом.

Судебник и Стоглав стали своего рода фокусными точками, в которых сходился пучок лучей былой многоцветной северной русской жизни. Великой заслугой московской школы стало то, что именно ее представители первые заговорили об этих самых значимых русских документах XVI столетия и выявили их непреходящую ценность.

После моего краткого экскурса в прошлое у читателей уже наверняка не осталось сомнений в исторической роли Стоглава для русских. Однако можно еще сослаться на авторитетное мнение самого известного русского историка о формальной стороне этой знаменитой книги: Карамзин убедительно показал, что слог Стоглава заслуживает огромного восхищения своей выразительностью и ясностью.

События русской жизни, при которых свободная стихия народной жизни проступала на поверхность, Карамзин описывал с особой любовью. Так, кровавый захват Великого Новгорода благодаря его повествованию переживается нами как большая трагедия.

Стремясь в своих трудах главным образом обнаружить в прошлом следы устроения русской жизни на либеральных принципах и опираясь на эти следы, Карамзин сформировал начало и направление развития московитской школы.

Адепты петербургской школы упрекают своих противников за то, что те до сих пор не собрали и не систематизировали свои принципиальные воззрения в одной обобщающей работе. Однако легко понять, что появ-

ление подобного труда в условиях русской цензуры невозможно. Правительством было устранено даже периодическое издание «Русская беседа», поскольку оно являлось главным органом московитской школы![20]

В «Русской беседе» (издавалась И. Аксаковым) и «Сборнике»[21] увидели свет те сочинения, извлечения из которых были избраны для настоящей книги. Представители московитской школы посвящали свои работы прежде всего проблемам истории и культуры последних двух столетий, прояснив немало темных вопросов. В первую очередь мне кажутся интересными предлагаемые фрагменты о русских «Земских Парламентах».[22] В этой публикации убедительно показывается, что власть царя в конце XVII века была ограничена не только духовенством, но и народом, к мнению которого, по древнему обычаю, прислушивались и согласие которого считалось необходимым получать при утверждении всех важных государственных актов. Упомяну здесь только о паре широко известных примеров, которым, однако, ни один историк не уделял достаточного внимания: во-первых, о народном собрании,[23] состоявшемся в 1612 году для избрания нового царя (Михаила Феодоровича Романова), и, во-вторых, о народном собрании, созванном в 1682 году царем Феодором III Алексеевичем для получения согласия на уничтожение старых ранговых и сословных книг (разрядных и местнических книг).[24] На этот Собор — последний, о котором у нас имеются сведения, — прибыли свободно избранные представители Церкви, городов, сельских общин, и таким образом он стал живым голосом народного волеизъявления. Прежние цари ничего не могли предпринимать без согласия народа, в котором они всегда видели источник и опору своей власти. Даже сам Иоанн Грозный, от чьих жестокостей страдали, как правило, лишь придворные и бояре, был милосерден по отношению к народу и оказывал ему всяческое уважение. Только с правления Петра Великого началось принудительное уничтожение древних народных свобод и унификация государственной жизни. Его почти сверхчеловеческая работоспособность не останавливалась ни перед какими опасностями и трудностями, но его блестящие успехи во внешней политике во многом опирались на насильственное подавление всего и вся внутри страны. Однако сейчас совершенно отчетливо видно, что из всех его реформ жизненной силой обладали лишь те, которые учитывали традиции и мировоззрение народа; такой подход в зародыше уже содержался в деяниях его предшественников — особенно дальновидных Бориса Годунова и Иоанна IV.

О сопротивлении народа, не желавшего мириться с бездушными указами и распоряжениями Петра, несмотря на все царские репрессии, сохранилось немало необычных рассказов, о чем пойдет речь далее. Приведу здесь только один небольшой пример, связанный с бритьем бород. Из Азии в Россию пришли разные пороки: наряду с содомией и педерастией вызывало опасение самооскопление (его сторонники давно объединились в особую секту, в России найдется немало ее адептов и по сей день).[25] Подверженные таким страстям люди, как известно, ходили безбородыми. Многие места Стоглава указывают на то, что священникам предписывается следить за сохранением народом «чести и бороды». Безбородые eo ipso[26] считались нечестивцами. Теперь легко понять упорное сопротивление народа запрету носить бороду.

Глубокий взгляд на обстоятельства русской жизни допетровского периода содержится также и в сохранившей все свое значение рукописи XVII столетия, пребывавшей в полном забвении и только недавно увидевшей свет благодаря господину Бессонову: по правописанию она соответствует эпохе правления царя Алексея Михайловича, охватывает все области государственного управления и содержит перечень подробнейшим образом подготовленных предложений по его улучшению.[27]

Автор, по-видимому, много путешествовал, был знаком с политической и экономической жизнью других стран Европы и всеми силами души стремился приложить опыт своих многолетних исследований к развитию и процветанию России.

Причиной его партийного, исполненного неприятия всего чужого, исходного пункта, видимо, послужил известный путеводитель нашего Олеариуса, который дал не слишком доброжелательное описание России.[28] Однако, стараясь отразить чужие нападки, русский патриот привлекает все, что можно сказать в пользу местных гражданских учреждений, Церкви, правопорядка и обычаев, рисуя тем самым картину России того времени настолько выразительную и полную, что подобную ей трудно сыскать.

Заслуга представителей московской школы, внимательно изучающих особенности национального самосознания для закладки надежного основания развитию России, состоит в извлечении из-под спуда этой содержательной рукописи. Московиты не согласны с тем, что государство достигло блестящего положения благодаря внешней политике Романовых, считая плату за него слишком высокой, и полагают, что для России пришло время не наводить более ужас на Европу, а устремить свой взор внутрь страны и направить основные усилия на решение внутриполитиче-

ских задач — на использование богатых ресурсов и создание правовых условий для увеличения благосостояния своего народа, заплатившего за петербургский блеск своими свободами, на века отстав от других стран Европы. Принципиальное различие между петербургской и московитской партиями может быть наилучшим способом представлено немцам на примере противоположного понимания нашей отечественной истории, имеющего место среди наших ученых и разделяющего их на два лагеря: защитники одного из них любуются сказочным великолепием прежнего кайзеровского времени с его походами в Рим,[29] расхваливают его величие и призывают воссоздавать его условия жизни, тогда как их противники видят начало ослабления и раздробленности Германии именно в этом блестящем периоде.

Конечно, такое сравнение допустимо лишь в общем смысле, а именно в том, что Российская империя стремится к тому же, чем была Римская империя для немцев, — стремится к обладанию высшей властью, с помощью которой желает стать судией всем другим правительствам мира.

Независимо от того, как сегодня мы могли бы оценивать Священную Германскую империю, — восхвалять ее или же усматривать в ней источник нынешних бед, — перед ней в Европе действительно стояла громадная религиозная и историко-культурная задача, которую ей предстояло решить и о которой свидетельствует каждая страница ее прошлого. России же следует искать решение подобных задач не в Европе, а в Азии.

В этом заключается суть отношения московитских сторонников к внешней политике царского государства. Однако сказать об этом так же прямо, как сказано мною здесь, в России невозможно.

Как неуместно было бы иностранцу претендовать на какое-либо последнее слово в ученом споре такого рода, какой ведут московиты и петербуржцы! Но и играть роль беспартийного зрителя невозможно хотя бы потому, что этот идейный поединок, теснейшим образом связанный с актуальными политическими проблемами, глубоко задевает наши общественные интересы; а потому в полемике московитов с петербуржцами, с сугубо немецкой точки зрения, насколько она здесь допустима, ничего не остается, как принять сторону первых.

Из Петербурга нам никогда ничего хорошего не приходило и не придет: до тех пор, пока русская политика будет продвигаться все дальше на Запад по следу, проложенному ей Петром Великим, она всегда и везде будет противодействовать нашим отечественным интересам, одерживая над нами одну победу за другой своими обдуманными, умелыми действи-

ями без опасения, что у нас появится хоть какая-то возможность постоять за себя.

Насколько мы опередили русских в искусстве и науке, настолько отстали от них в области дипломатии, ибо их знание и понимание внешней политики неподражаемы, мы же редко имели шанс блеснуть своими способностями в этой сфере. Зачарованные словами первого из Наполеонов: «La carrière ouverte aux talents!»,[30] Франция и Россия достигли крупных успехов, тогда как в Германии не слышно даже отзвука этих слов. И изменений к лучшему в настоящее время не предвидится: нам придется довольствоваться лишь славой обогатителей мира учеными трудами, философскими системами, профессорами и гувернерами. Наша прогнившая конституция приведет к тому, что Германия ни в одном серьезном вопросе не сможет взять инициативу в свои руки. А неспособная к этому держава всегда остается на заднем плане.

Вот и получается, что петербургский кабинет довольно давно сделали настоящим центром политической истории нашей страны: нас с презрением швырнули в ноги Священному союзу,[31] который неправедно упоминал имя Господне, прикрывая свои отнюдь не христианские принципы христианскими формулами, и который обернулся для Германии позором куда бóльшим, чем французское господство.

Гете, предвидя такое нездоровое состояние отечества, сказал пророчески верные слова еще в то время, когда Германия боролась за освобождение от чуждой ей власти, — слова, которые восхищали и порождали в немецкой душе надежды на свободу и счастье и которые сохранились благодаря Лудену:[32] «Вы говорите о пробуждении, о возрождении немецкого народа, — имейте в виду, этот народ больше не позволит отнять у себя то, за что он так дорого заплатил своею кровью и своею душой! Вы забыли знаменательное слово, которое добросовестный обыватель из Йены сказал своему соседу, радовавшемуся виду своего жилища, вычищенного им для того, чтобы сразу после ухода французов в нем комфортно было принимать русских? Но сон оказался так глубок, что пробудить, казалось, не способна и сильнейшая встряска. И всякое ли тогда движение будет движением вперед? Поднимутся ли те, кто были подавляемы? Мы говорим не о тысяче образованных юношей и мужчин, мы говорим о многих, о миллионах. И чего мы тогда достигнем или что победим? Вы говорите „свобода“; но, может, мы будем просто называть ее освобождением? Я имею в виду не конкретное освобождение от угнетения чужими, а освобождение от чужого угнетения как такового. Верно, что я не вижу больше вокруг ни французов, ни итальянцев, но зато вижу казаков, баш-

кир, хорватов, мадьяр, кашубов, самландцев,[33] смуглолицых и разных прочих гусаров. С давних пор мы привыкли, ожидая всяческую опасность, устремлять свой взор лишь на Запад, но земля все больше поворачивается к Востоку».

А с Востока, откуда появляется свет, к нам пришла тьма! Россия вдохновила Священный союз, придала ему содержание и управление, тогда как Австрия и государства Фридриха Великого всего лишь подпевали ей и играли в союзе второстепенную роль.

С тех пор как были высказаны пророческие слова Гете, прошло полвека, а Германия так и стоит безмолвная: она по-прежнему не сформировала в себе внутреннего направляющего стержня, позволяя другим державам руководить ею при решении всех крупных вопросов политики. И ни единого намека на хоть какой-либо залог подлинно единой общности, кроме творений мастеров искусства и научных трудов, связанных с именами некоторых просвещенных курфюрстов!

Как может столь непрочный союз государств устоять в борьбе с такой дипломатией, как русская, которая не только обучена Романовыми, опирается на мощные единые силы и блестящие традиции, но и действует во имя великих целей таким образом, при котором ее достижения немедленно влекут за собой новые, более высокие цели, путем такой же диалектической консеквентности,[34] какой определяется понятие в гегелевской логике[35] — переходом одного в другое самодвижением.

Удивительно, какой подъем физических и душевных сил возникает у людей, когда они относятся к великой державе или ориентируются на нее. Это касается всех — от рядовых солдат до маршалов, от самых мелких чиновников до глав правительств. И такое воодушевление настолько заглушает святые патриотические чувства у подчиненных из малых государств, желающих поступить на службу в державах более сильных и крупных, что они, не задумываясь, могут обернуть свой меч против своей родины. Любому жителю небольших немецких курфюршеств известно множество примеров, когда талантливые люди ничего не могли достичь в ограниченных домашних условиях, тогда как в других государствах, и прежде всего в России, добивались большого влияния и почета.

Чего смогла бы достичь Екатерина Великая с ее гениальным государственным умом, будь она супругой князя Рейсса или Бюккебурга?[36]

Когда утверждают, что русская дипломатия сильнее немецкой, легко понять, что этим подразумевают.

Петербуржцы могли бы с полным правом гордиться успехами внешней политики своего правительства, если бы русскому народу они принесли счастье, как принесли несчастье немецкому.

Только московиты, как уже говорилось, понимают, что дипломатическая победа России оплачена слишком высокой ценой — ценой свободы русского народа. Безрассудные финансовые расходы страны, производимые до сих пор ради блистательного присутствия в Европе, польза от коего весьма сомнительна, не окупятся, по их мнению, никакой славой. Если петербуржцы стремятся распространить свою власть все дальше на Запад, что требует концентрации всех сил государства, то московиты призывают пустить эти силы на достижение более близких целей. Они знают, что прежние тесные взаимосвязи правительств России и Германии не сблизили народы этих стран, а лишь оттолкнули друг от друга, и не желают такой разобщенности. Свободный научный поиск и плодотворный идейный обмен между народами им ближе, нежели заменяющий его обмен дипломатическими нотами. Они уважают наши национальные устремления и желают сделать так, чтобы и нам равно захотелось уважать их интенции. Им известно, что наш собственный подъем в целях избавления от всего чуждого, духовное возрождение Германии исходят не из кабинетов, а берут начало только в немецкой науке, с которой при Фридрихе Великом обращались как с Золушкой, — ведь тогда ради того, чтобы отличать себя от других, надо было преклоняться перед мишурным блеском Французского государства. Теперь же, будучи повсеместно востребованной, восседает она в своем подлинном блеске на троне королевой — в окружении героев древненемецкого божественного мира, в убранстве отечественных верховных регалий, изготовленных ювелирами родных преданий и поэтических фантазий, которые извлекли из полутоpатысячелетнего забытья мастера Гримм и их подмастерья.

Сходного возвращения к родным корням, избавления от того чуждого, что является лишь отражением блеска другой страны, одушевления унылого нынешнего времени благодаря оживляющему обращению к прошлому, — словом, внутринационального подъема, подобного нашему, жаждут и московиты у себя в России, мечтая избавиться от побуждаемого извне и глубоко задевающего достоинство нации унижения.

В таких устремлениях, особенно поначалу, много неопределенного и противоречивого. Оттого у противников появляются выгодные поводы для насмешек, что нам хорошо понятно. Как тут не вспомнить почтенного

Клопштока, высмеянного прежде, чтобы затем явиться новатором в поэзии, положившим начало исследованиям в области германистики![37]

Мне самому довелось жить в атмосфере зарождения нынешней московитской школы. Несколько молодых талантливых ученых, в основном из высших сословий, решили стряхнуть пыль с национального прошлого. Уважаемый Грановский, превосходно образованный историк, автор основательных исследований по истории Древней Руси, умерший, к сожалению, слишком рано, высказывался прямо с кафедры, несмотря на цензорские меры со стороны правительства: его остерегали особо, поскольку во время читаемых им лекций зал был всегда переполнен не только теснившими друг друга студентами, но и иными представителями образованных сословий.[38] Хомяков, снискавший славу поэта-патриота, обращался к прошлому как в своих исторических трудах, так и в стихах; Юрий Самарин[39] углублялся в изучение истории Церкви; Константин Аксаков заложил основы для научного изучения грамматики русского языка — труд, который он завершил незадолго до своей кончины (1860).[40] У этих людей сразу появились помощники, соратники и сочувствующие, и, несмотря на давление сверху, в течение нескольких лет это объединение выросло в настоящую партию, которой, однако, удалось организовать официальный печатный орган только при нынешнем императоре. Припоминается, какой шум подняли московиты в начале сороковых, пытаясь вернуть в московские светские салоны родной язык, ибо считали грубой безвкусицей манеру говорить в самом сердце России на французском[41] — языке, даже в качестве воды непригодном для разбавления выдержанного вина русского языка и уступающем последнему в благозвучии и богатстве выразительных средств. Творчество Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и других писателей обрело в его выразительности свои поэтические и прозаические формы и настолько пришлось по вкусу всему «благородному сообществу», так прижилось в его салонах, что считавшийся ранее признаком высокой образованности литературный французский был низведен до уровня обывательских разговоров. Патриотическое сознание постепенно взяло верх над старыми предрассудками; московиты достигли главной своей цели, и благодаря этому русские язык и литература победили. Такие литераторы, как граф Толстой, Тургенев, Гончаров, Сергей Аксаков, чьи сочинения вполне сопоставимы с произведениями лучших писателей Англии, Германии и Франции, показали, что русский язык, как и немецкий, таит в себе огромные богатства и боится только мастеров, в руках которых достигает подлинного совершенства.

Когда лет двадцать тому назад московиты заговорили по-русски в «благородном обществе», где до тех пор к родному языку прибегали лишь при сношении с представителями низшего сословия[42] и где вдруг стало принято пользоваться им в обыденном домашнем общении, многие опасались, что коли в России перестанут изучать иностранные языки, отвернувшись тем самым от западного образования, то туда вернется прежнее варварство. Однако этот страх вскоре пропал, ибо уровень знания французского, немецкого и английского языков молодым поколением служил им не только блестящим украшением в салонных беседах, но и ключом к литературным сокровищницам этих народов. Позиции петербуржцев и московитов в этом отношении сравнялись, тогда как противостояние сместилось в сторону исторических, политических и социальных взглядов сторон, в чем читатель может убедиться, познакомившись с предлагаемой публикацией.

Я включил в размышления о русском прошлом заслуживающую особого внимания картину современной народной жизни, правдиво и ярко описанную Иваном Аксаковым.[43]

Особая ценность книги заключается в том, что все представленные в ней материалы принадлежат перу тех самых писателей, которые заслужили уважение у себя в России. Стало быть, от всех аргументов «против России», которые можно найти в публикациях иностранцев о ней, книга избавлена.

Немецкий читатель не во всем согласится с русско-националистическими представлениями о народе, государстве, истории; тем интереснее и полезнее ему будет узнать эти неведомые ему высказывания непосредственно от русских, то есть узнать в их оригинальном виде. В ряде случаев читатель будет оценивать взгляды русских иначе; однако они могут оказаться для него поучительнее уже слышанных и господствующих у нас мнений.

Сказанное здесь о русских можно с большей или меньшей осторожностью отнести и к другим славянским народам.

Пока же печальная история славянских народов все более убеждает нас, что они неспособны осознать свое особое культурно-историческое назначение. В противоположность мужественным германским народам в характере славян доминирует женское начало; по этой причине нередко делали вывод, что для достижения чего-то значимого и распоряжения им они всегда будут зависимы от германцев.

Однако пути развития разных народов чрезвычайно многообразны. А *посему* было бы опрометчивым предсказывать какому-то народу более

славное будущее, чем другому, — ведь пути, которыми нации в разные исторические эпохи приходили к признанию и величию, доселе неисповедимы.

Гете сказал, что самопожертвование есть высочайшая человеческая добродетель, ибо оно включает в себя все прочие.[44] И нет иных народов, коим эта черта была бы свойственна в той же мере, что и славянам.

Славяне не знают партийной жизни. Но когда среди них появятся выдающиеся избранники духа, которые смогут поднять народ поистине великой или даже только кажущейся таковой идеей, тогда они преодолеют все поджидающие их преграды, и любое внутреннее противостояние бесследно потонет в общем восторге. Такая способность к самопожертвованию, такая радость жертвы, прекрасные примеры которой дает русская история, заменяет славянам величественные черты, свойственные другим народам: в соединении с убеждением относительно святости семейных уз и патриархальной общинности она являет собой залог великого славянского будущего.

[1] Сердечно благодарю П. Т. Сутинена и О. В. Голову за помощь в переводе.

[2] «Личина большого человека» (*франц.*). Это выражение Боденштедт слышал из уст И. С. Тургенева, проведшего у него в Мюнхене вечер 5 мая (н. ст.) 1861 г. Присутствовавший там же друг Боденштедта поэт и философ М. Мейер записал в дневнике: «Тургенев говорит: Крымская война нам много помогла — освободила нас от царя Николая I (*личина* большого человека) и пробудила общественное сознание» (цит. по: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 666). Возможный литературный источник этой характеристики — описание внешности Николая I в книге французского путешественника и литератора маркиза А. де Кюстина «La Russie en 1839» (Paris, 1843). Ср. в рус. переводе: *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 96, 107–108, 128, 129, 151.

[3] «Государство — это я!» (*франц.*). Выражение, употребляемое, когда характеризуют сущность абсолютизма, обычно приписывается французскому королю Людовику XIV (1638–1715), иногда — английской королеве Елизавете I (1533–1603). По отношению к Николаю I (как представителю Дома Романовых) это выражение встречается, например, в Предисловии Н. П. Огарева к герценовскому изданию «Дум» К. Ф. Рылеева (Лондон, 1860): «Россия пережила военные монархизмы, которых знамя было: L'état, c'est moi, начиная с Петра I» (*Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения: ⟨В 2 т.⟩. ⟨М.⟩, 1952. Т. I. С. 349). Не исключено, что Боденштедт был знаком с этой книгой, увидевшей свет в конце 1859 г.

[4] Александра I.

[5] Вероятно, подразумевается прежде всего учреждение Александром I в марте 1859 г. Редакционных комиссий для составления проекта крестьянской реформы (работали до октября 1860 г.).

[6] Не исключено, что Боденштедт передает слова, сказанные Тургеневым на вышеупомянутой встрече 5 мая 1861 г. (см. примеч. 2), о чем можно судить по следующей записи в дневнике М. Мейера: «Тургенев рассказывает о России, о крестьянских отношениях (крепостных, первоначально земельных собственников)» (цит. по: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 4. С. 666). Боденштедт издал в своих переводах два тома рассказов писателя: «Erzählungen von Ivan Turgenjew» (München, 1864—1865). См. также: *Раппих Х.* Тургенев и Боденштедт // Литературное наследство. М., 1964. Т. 73: Из парижского архива И. С. Тургенева; кн. 2: Из неизданной переписки. С. 333—352.

[7] Как известно, за первые пять месяцев 1861 г. произошло 1340 крестьянских волнений, а в целом за год — более 1850. Свыше 900 раз против крестьян посылались войска. В подавлении крестьянских волнений участвовали 64 пехотных и 16 кавалерийских полков.

[8] Как раз об этих годах недовольства черноморских казаков правительственной политикой России (их в 1860—1861 гг. целыми станицами переселяли за Кубань), породившего резкое усиление в их среде «автономных» настроений, вспоминал современник: «В бывшем Черноморском войске, состоящем из малороссиян и хранящем предания Запорожской Сечи, эта отдельность принимает вид национальности и выражается нерасположением к иногородцам, которых казаки недружелюбно называют москалями» (*Венюков М. И.* К истории заселения Западного Кавказа, 1861—1863 гг. // *РСт.* 1878. Т. 22, июнь. С. 252—253). В 1860 г. черноморцы вошли в состав Кубанского казачьего войска. См. также: *Короленко П. П.* Черноморцы. М.; СПб., 1874; *Голобуцкий В. А.* Черноморское казачество. Киев, 1956.

[9] Боденштедт неточно передает суждение Николая I о конституционной монархии, высказанное тем в беседе с маркизом А. де Кюстином. Император заявил: «Я понимаю республику — это прямое и честное правление, или, по крайней мере, оно может быть таковым. Я понимаю абсолютную монархию, потому что сам ее возглавляю. Но представительного образа правления я постигнуть не могу. Это — правительство лжи, обмана, подкупа. ⟨...⟩ Я всегда считал представительный образ правления переходной стадией в известных государствах и в определенные эпохи. Но, как и всякие переходные, промежуточные стадии, этот образ правления не решает вопроса...» (*Кюстин А. де.* Николаевская Россия. С. 130—131).

[10] Расхожий образ немецкой публицистики, тип землевладельца, реакционного и ограниченного. Мекленбург (Mecklenburg) в середине XIX в. — отсталая аграрная область (земля) на северо-востоке Германии, у Балтийского моря (в 1952 г. здесь сформированы три округа: Шверин, Росток, Нейбранденбург).

[11] После отмены в Германии крепостного права (1807) юнкерство, благодаря тому что законы о выкупе феодальных повинностей (1821, 1850) вполне соответствовали его интересам, не сдало своих позиций в государственно-экономической жизни Пруссии, однако его попытки проводить в печать крепостническую идеологию уже резко осуждались либеральной немецкой прессой.

[12] Труды немецкого ученого Фридриха Христофора Шлоссера (Schlosser; 1776—1861) по всемирной истории, весьма популярные в России, отличались прагматичностью в изложении фактов и отчетливо выраженной нравственной оценкой историче-

ских событий и лиц. Противопоставление Шлоссера Канту вызвано тем, что, как считается, метод первого был чужд каких-либо общефилософских идей.

[13] Немецкий историк, филолог и статистик Август Людвиг фон Шлецер (Schlözer; 1735–1809) в 1761–1767 гг. состоял на российской службе; им действительно были заложены основы научной критики в отечественной историографии.

[14] Как признавался Боденштедт в своем позднем мемуарном очерке, по приезду в Россию в 1841 г. он особенно тщательно изучал труд Карамзина: «Из сочинений, написанных прозою, я прочел первым „Историю государства Российского" Карамзина и сделал из нее много выдержек, в особенности из эпохи борьбы с татарским игом и с Великим Новгородом. Описание свирепых казней и разорения, произведенного Иоанном Грозным в этом несчастном городе, после того как он овладел им, послужило мне первым толчком к моему собственному эпическому стихотворению „Марфа и Андрей"» (Воспоминания Фридриха Боденштедта о пребывании в России в 1841–1845 гг. / Пер. В. В. Тимощук с нем. рукописи автора // *РСт.* 1887. Т. 54, май. С. 424).

[15] Труд С. М. Соловьева начал выходить в свет с 1851 г.

[16] В свою антологию Боденштедт включил рецензию И. В Беляева на 7-й том соловьевского труда — «Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года», хотя первоначально планировалась перепечатка рецензий К. С. Аксакова на 6-й и 7-й тома (см. «План издания» И. Аксакова в наст. изд., с. 304).

[17] Том IX «Истории России с древнейших времен», имевший подзаголовок «Царствование Михаила Феодоровича», увидел свет в 1859 г.

[18] Подразумевается не вошедшая в антологию, но предполагавшаяся к публикации в ней статья Ю. Ф. Самарина «Несколько слов о современных исторических трудах большей части русских ученых», представлявшая собой вступительную часть к его статье «Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина» (см. № 105 в *ПР*).

[19] Имеется в виду улучшенная редакция древнерусской «Кормчей книги» (XIII в.) — основного свода церковного права на Руси, составленной в свою очередь на основе византийского «Номоканона» (*греч.* закон-правило), сборника церковных правил и императорских указов, имеющих отношение к Церкви (известен с VI в.).

[20] Тут Боденштедт прав лишь отчасти — если подразумевает цензурный гнет. О причинах прекращения «Русской беседы» самими издателями см. статью Б. Ф. Егорова в наст. изд., с. 240–241.

[21] Т. е. в «Московском сборнике».

[22] Речь идет о предполагавшейся к публикации рукописи К. С. Аксакова под названием «Взгляд на значение Земских Соборов». В 1-й том антологии вошла его статья «О древнерусской общине и народном вече». Иван Аксаков в письме к брату Константину из Мюнхена от 25 (13) апреля 1860 г. писал о трудности сколько-нибудь адекватного перевода понятия «земский» на немецкий: «Вообще слово „земский" заключает у тебя такой Begriff ⟨смысл, понятие (*нем.*)⟩, который не переводится на русский язык одним словом, а может быть только описан, Land, Landschaft ⟨страна, ландшафт (*нем.*)⟩ не исчерпывают смысла земли: ее приходится переводить иногда через — Gemeinwesen ⟨коммуна (*нем.*)⟩. Как перевести: *Земское* начало? Немцы не имеют даже слова *общественный* в нашем смысле, и приходится его пере-

водить чрез слово social, Cocial ⟨общественный (*франц.*)⟩» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 91).

[23] Боденштедт для обозначения этого словосочетания использует понятие Landesversammlung. Буквально оно означает «собрание ⟨представителей⟩ земель» и, в этом смысле, в качестве термина, равносильно может быть переведено как Парламент. Боденштедт таким образом намекает, по всей видимости, на то, что парламентская жизнь, получившая права на существование в Европе только в XIX в., уже задолго до этого была бытовым явлением в России.

[24] В скобках — транскрипция латиницей русских слов. Разрядные книги, содержавшие записи правительственных распоряжений о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу в XVI—XVII вв. и, между прочим, включавшие извлечения из местнических дел, были сожжены в приказах в 1682 г. в связи с уничтожением местничества — служебно-родовой системы феодальной иерархии на Руси. Исправлено имя царя. У Боденштедта ошибочно: Феодор II.

[25] Речь идет о скопцах. В России эта секта известна с первой четверти XVIII в.; государственное преследование скопчества как ереси началось в 1772 г.

[26] в силу этого (*лат.*)

[27] См. в антологии публикацию «О рукописи времен царя Алексея Михайловича, найденной и изданной под названием „Русское государство в середине 17 века" П. Бессоновым». Первоначально П. А. Бессонов опубликовал этот трактат (в 1859 г. шестью выпусками в качестве приложения к «Русской беседе») как анонимное произведение, но уже в отдельном издании того же года — под именем установленного профессором С. К. Смирновым автора — Юрия Крижанича, которое, судя по всему, так и осталось неизвестным Боденштедту.

[28] Речь идет о книге немецкого ученого и путешественника Адама Олеария (Olearius; 1603—1671) «Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien, sodurch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafft von Gottorff auss an Michael Fedorowitz, den Grossen Zaar in Muscow und Schach Sefi, König in Persien, geschehen» (Schleswig, 1647), впервые переведенную П. П. Барсовым под названием «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием» (М., 1870).

[29] Имеются в виду времена Священной Римской империи германской нации, уже в 1648 г. превратившейся в совокупность суверенных государств и окончательно прекратившей свое существование в 1806 г. Под «походами в Рим» подразумеваются торжественные визиты к папе римскому, так как империя претендовала на универсальное «всехристианское» значение.

[30] «Карьера открыта талантам!» (*франц.*). Эти слова сказаны Наполеоном I на Острове Св. Елены (ок. 1817 г.) в качестве основополагающего принципа, которому он оставался верен всю свою жизнь.

[31] Союз Австрии, Пруссии и России (1815—1833), заключенный для поддержания неприкосновенности границ в Европе после падения императора Наполеона I и борьбы с революционным движением; уже после образования Священного союза к нему присоединились Франция и ряд других стран.

[32] Генрих Луден (Luden; 1778–1847) — профессор истории Иенского университета (с 1806 г.), издатель ультрапатриотического журнала «Немизида», к участию в котором он безуспешно приглашал Гете. Цитируемые Боденштедтом ниже слова Гете приведены в посмертно изданных мемуарах Г. Лудена «Rückblicke in meinen Leben: Aus dem Nachlasse von H. Luden» ⟨«Взгляд на мою жизнь: Из наследия Г. Лудена» (*нем.*)⟩ (Jena, 1847). В России Г. Луден был известен прежде всего своим трудом «Всеобщая история народов и государств Средних веков» (СПб., 1838; переведена первая книга из намечавшихся семи).

[33] Народность, проживавшая в Восточной Пруссии на полуострове Самланд (*нем.* Земля саамов).

[34] Консеквентность — от *лат.* consequens, consequentis — последовательный.

[35] Подразумевается диалектическая логика, которую Гегель развивает в своем сочинении «Наука логики» («Wissenschaft der Logik»), или так называемая «Большая логика» (1812–1816), которое играло роль основания всей его системы. На русский язык работа частично была переведена уже в полукурсовой (философской) диссертации Н. П. Гилярова-Платонова «Об онтологии Гегеля рассуждение» (1846); впервые в полном объеме — Н. Г. Дебольским в 1916 г.

[36] Рейсс (Reuß) — название двух небольших княжеств, располагавшихся в центре Германии, между королевством Саксонией и саксонскими герцогствами; Буккебург (Buckeburg) — столица княжества Шаумбург-Липпе, находившегося к северо-востоку от Кельна.

[37] Немецкий поэт Фридрих Готлиб Клопшток (Klopstock; 1724–1803) прославился религиозной эпической поэмой «Мессиада» (1751–1773), которая к середине XIX в. воспринималась уже как утомительно-громоздкая; Боденштедт также имеет в виду то, что Клопшток обогатил немецкую поэзию новыми стихотворными размерами (горациева строфа, гекзаметр, элегический дистих и др.) и способствовал замене в ней греко-римских мифологических образов на древнегерманские.

[38] Ср. свидетельство современника о лекциях Т. Н. Грановского: «Блестящий талант профессора, его художественное изложение, его обаятельная личность производили глубокое впечатление на слушателей. Светские дамы толпами стекались в университет» (Русское общество 40–50-х годов XIX в.: ⟨В 2 ч.⟩. М., 1991. Ч. II: Воспоминания Б. Н. Чичерина. С. 11–12).

[39] Боденштедт вспоминал о периоде 1841—1843 гг.: «...наиболее даровитым среди молодых москвитян своего времени считался Юрий Федорович Самарин, с которым я также часто встречался в доме кн. Голицыных, но с которым я не сблизился» (Воспоминания Фридриха Боденштедта. С. 435).

[40] Неточность: в 1860 г. в Москве была опубликована лишь 1-я часть так и не завершенного К. С. Аксаковым исследования «Опыт русской грамматики»; сохранившиеся черновые рукописи увидели свет в составе 2-й части 3-го тома его Полного собрания сочинений (М., 1880. 709 с. разд. паг.).

[41] В вышеупоминавшемся мемуарном очерке 1887 г. Боденштедт писал о Москве начала 1840-х гг.: «В это же время несколько молодых людей из знатных фамилий решили составить общество, имевшее целью стараться изо всех сил о том, чтобы русский язык в каждом доме сделался преобладающим. Первую мысль к этому подал,

если не ошибаюсь, Ал. Ст. Хомяков, к которому примкнули Юрий Самарин, Константин Аксаков и другие» (Воспоминания Фридриха Боденштедта. С. 437).

[42] Боденштедт акцентировал на этом внимание, и рассказывая о годах, проведенных в доме кн. Голицыных: «...в доме общеупотребительным языком был французский, по-русски же приходилось говорить только с прислугою.

Я помню, что однажды младший мой воспитанник, кн. Михаил Михайлович, рассказывал за столом своему старшему брату что-то по-русски и получил за это следующее замечание: „Michel, ne parlez donc pas toujours russe comme les paysans" ⟨„Миша, не говори же постоянно по-русски, как мужик" (*франц.*)⟩» (Там же. С. 424).

[43] См. в антологии статью И. Аксакова «Народная жизнь и украинские ярмарки (Современный взгляд)», представляющую собой сокращенный вариант его исследования «Украинские ярмарки» (1854). Ср. № 221 в *ПР*.

[44] Источник выражения установить не удалось.

П. И. Бартенев

НОВЫЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ КНИГИ[1]

RUSSISCHE FRAGMENTE: BEITRÄGE ZUR KENNTNISS DES STAATS- UND VOLKSLEBENS IN SEINER HISTORISCHEN ENTWICKELUNG. EINGELEITET UND HERAUSGEGEBEN VON FRIEDRICH BODENSTEDT. LEIPZIG, F. A. BROCKHAUS. 1862. 8°. 2 ЧАСТИ: I, XXVII, 314 И 2 НЕН.; II, 389 СТР. ЦЕНА 3 Р. 20 К.

Боденштедт, известный переводчик русских поэтов, автор книги «Tausend und ein Tag in Orient»,[2] принадлежит к числу немногих живших в России немцев, которые, в благодарность за русскую хлеб-соль,[3] стараются противодействовать застарелым предрассудкам, господствующим в Западной Европе относительно всего русского, и знакомят своих соотечественников с Россиею в ее лучших проявлениях.[4] Эти два тома заключают в себе переводы следующих статей, преимущественно из прекратившего⟨ся⟩ периодического издания «Русской беседы»: *К. Аксакова* «О древней русской общине и соборах», «О родовом быте у древних славян и русских»; *И. Аксакова* «Очерк украинских ярмарок», «О ярославских артелях»; *Ил. Беляева* «О Московском соборе 1551 года»; *Н. Гилярова* «Общее и частное»[5] (крайне замечательная по глубине и самобытности взгляда статья, на которую у нас почти не обратили внимания, так как она затерялась в одной из книжек «Журнала для земледельцев»[6]); *А. Кошелева* «О сельской общине и поземельном владении»; *А. С. Хомякова* «Исторические отрывки»; о сочинении *Крыжанича* «Русское государство при ц⟨аре⟩ Алексее Михайловиче»; *П. Бартенева* «Биография гр. Моркова».

Эти статьи переведены весьма удовлетворительно Христианом Шмиттом[7] (переводчиком *Милютина* «Истории войны 1799 г.»[8]). Критические примечания к статьям принадлежат доктору Блюнчли[9] и самому Боденштедту;[10] последний, кроме того, предпослал им два больших

предисловия,[11] в которых старается отметить и оценить существеннейшие черты русской жизни.

[1] Впервые: *РА*. 1863. Вып. II. Стб. 173–174.

[2] «Тысяча и один день на Востоке» (*нем.*). В этот двухтомник, впервые изданный в Берлине в 1849–1850 гг., Боденштедт включил образцы восточной поэзии, записанные им со слов азербайджанского поэта Мирзы Шафи Вазеха (у которого, живя одно время в Тифлисе, Боденштедт брал уроки восточных языков) и переведенные на немецкий.

[3] О жизни Боденштедта в России и его связях с русскими литераторами и общественными деятелями см. в наст. изд., на с. 284–286.

[4] Боденштедт по праву снискал славу одного из наиболее выдающихся пропагандистов российской культуры в Германии XIX в. Еще служа домашним учителем в доме Голицыных в Москве, он издал в Лейпциге книгу «Koslow, Puschkin und Lermontow» (1843), а проживая в Тифлисе — сборник «Poetische Ukraine» (Штутгарт, 1845). Он переводил также образцы русского и украинского фольклора, сочинения Державина, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, И. Козлова, Тургенева, Фета. В его сборник «Песни Мирзы Шафи» (Берлин, 1851) вошли стихи азербайджанских и персидских поэтов (тут он не удержался от мистификации, выдавая переводы за свои стихи на восточные мотивы). На сюжетах из русской жизни и истории построен ряд оригинальных произведений Боденштедта: поэма «Лезгинка Ада» (1853), трагедии «Дмитрий» (1856) и «Император Павел» (1876).

[5] Название гиляровской статьи приведено П. И. Бартеневым в обратном переводе с немецкого. В оригинале — «Личное и общественное: По поводу статьи г. Дубенского „Свобода и рабство". „Ж⟨урнал⟩ з⟨емлевладельцев⟩". № 22».

[6] Гиляров был цензором этого журнала, редактировавшегося его приятелем А. Д. Желтухиным. Статья Гилярова была опубликована в конце 1859 г. (Т. VI, № 24. Отд. I. С. 411–438).

[7] О переводчике Хр. Шмитте из писем И. Аксакова к родным также известно, что он бывший баварский офицер, лейтенант (к середине 1880-х гг. дорос до генерала), и русский выучил «из чисто немецкой любви к искусству» (см.: *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 78, 90).

[8] Упомянутый труд написан Д. А. Милютиным в соавторстве с А. И. Данилевским-Михайловским. См. наст. изд., с. 289 (примеч. 57).

[9] Об И. К. Блюнчли см. наст. изд., с. 286 (примеч. 41). В своем «Предисловии» Боденштедт писал: «Примечания государственного советника Блюнчли посвящены только тем вопросам, где русская и немецкая точки зрения отличаются одна от другой, где немецкая наука может оспорить представления русской. И этим повышается ценность настоящего издания» (Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwickelung / Eingeleitet u. hrsg. v. Fr. Bodenstedt. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1862. Bd. I. S. XXVII). Блюнчли составил примечания к статьям

К. Аксакова и Гилярова (Ibid. Bd. I. S. 57; Bd. II. S. 42–45). См. выше «Содержание антологии».

[10] Боденштедт снабдил своими примечаниями лишь отдельные места статей И. Аксакова, И. В. Беляева и Кошелева (Ibid. Bd. I. S. 259, 315; Bd. II. S. 132).

[11] См. выше «Содержание антологии».

IV. «РУССКАЯ БЕСЕДА» В ПИСЬМАХ ЕЕ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ (1856—1866)

СЛАВЯНОФИЛЫ И «РУССКАЯ БЕСЕДА» В ПИСЬМАХ М. И. СЕМЕВСКОГО К Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВУ (1856)

Вступительная статья, публикация и комментарии О. Л. Фетисенко

В 1855 г. будущий издатель журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский (1837—1892) с чином прапорщика кончил обучение в Дворянском полку (впоследствии Константиновское училище) и получил назначение в лейб-гвардии Павловский резервный полк. В сентябре 1855 — июле 1856 гг. полк размещался в Москве. Здесь интересующийся словесностью молодой офицер был, скорее, занят не столько службой, сколько сближением с литературными кружками, причем самых разных направлений.[1] Свои впечатления и раздумья Семевский изливал в подробных и обстоятельных письмах к своему наставнику, преподавателю русской словесности, публицисту Григорию Евлампиевичу Благосветлову (1824—1880). По сути, это не письма, а дневники-отчеты, которые составлялись порой неделю, а порой и несколько месяцев.

24 декабря 1855 г. Благосветлов оценил эти послания так: «...вдвойне приятно читать ваши письма, которые принимают характер мемуаров вашей собственной жизни. Я уверен, что через пять лет эти письма будут воспроизводить вашу нравственную личность гораздо лучше формулярного списка: в них выражается ваша молодая душа, со всеми ее увлечениями, как истинными, так и ложными».[2] Через полгода, в письме от 17 июня 1856 г., оценка становится еще эмоциональнее: «Нет, действительно ваши письма, как свежая роса, падают на мою душу. В них так много задушевного, благородного, умного, что я

---

[1] См. об этом: *Порох И. В., Порох В. И.* М. И. Семевский в Москве (октябрь 1855 — июль 1856) // Россия в XIX—XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 147—159.

[2] ИРЛИ. Сигн. 9883. Л. 4 об.

читаю их всегда понемногу, как будто для того, чтоб не вдруг выпить прохладительный напиток, за которым ждет новая и продолжительная жажда. 〈...〉 ...я с каждым вашим письмом переношусь в Москву, живу с Вами, чувствую вашим чувством, говорю с квартальными, будочниками, купцами и литераторами. Эта пестрая семья проходит передо мной, со всеми особенностями своей жалкой, избитой, опозоренной и униженной физиономии, — со всеми прекрасными качествами русского первобытного человека, исковерканного и обезображенного под гнетом обстоятельств... Честь и слава вашей наблюдательности и блистательным успехам будущего даровитого и образованного литератора».[3]

Семевский искал сближения с писателями[4] и учеными, поэтому его письма-«обзоры» издавна привлекали внимание историков литературы как важный архивный источник. Однако в полном объеме они, видимо, еще не скоро будут введены в научный оборот. «Славянофильская» тема этого эпистолярия освоена менее всего.[5]

Первым представителем московской словесности, которого посетил Семевский, был литературный критик А. Д. Галахов. 17 октября 1855 г. Галахов поведал юному офицеру, что «в Москве все общество литераторов раздробилось на кружки — и вот самый темный из них это кружок Островского, вокруг него: Григорьев 1-й, который так хвалит его в критиках „Москвитянина", Алмазов, псевдоним которого Эраст Благонравов, и некоторые другие — все они отвергают пользу изучения иностранных языков, трактуют о народности — о исключительном посвящении себя всему русскому...»[6] Галахов советовал: «не втягивайтесь в этот кружок 〈...〉 он добра Вам не принесет».[7] Но, презрев этот совет «человека сороковых годов», 26 октября Семевский явился к Островскому и сам отрекомендовался ему. Вскоре он стал завсегдатаем вечеров у Островского, где познакомился и с так называемой «молодой редакцией» «Москвитянина», и с некоторыми участниками «Русской беседы».

---

[3] Там же. Л. 11. Письма Благосветлова к Семевскому с купюрами приведены в книге первого биографа Семевского: *Тимощук В. В.* Михаил Иванович Семевский — основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность. СПб., 1895. См. также: *Гражданова Т. И.* Письма Г. Е. Благосветлова к М. И. Семевскому (1855–1856 гг.) // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1986. Вып. 11: Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии. С. 98–133.

[4] Прежде всего, с А. Н. Островским, поскольку выпускное сочинение Семевского было посвящено комедии «Свои люди — сочтемся».

[5] Об отношении молодого Семевского к учению славянофилов см.: *Кох О. Б.* Михаил Иванович Семевский: Опыт аналитической биографии. СПб., 2005. С 100–115.

[6] ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 41. Л. 786 об.–787.

[7] Там же. Л. 787.

«Комплименты» в адрес кружка Островского были малоприятны Благосветлову. Ведь для него «славянофил» — это «защитник кнута, виселицы, красных рубашек, бороды и допетровского невежества». Он гораздо резче Галахова наставлял своего бывшего ученика: «Презирайте этих мерзавцев; это обскуранты, попы во фраках и невежи с ярлыками литераторов».[8]

Молодой Семевский, очевидно, смотрел на вещи шире, чем его либеральный наставник. Он восхищается статьями Аполлона Григорьева, интересуется стихами Ивана Аксакова и разговорами о новых фрагментах из «Семейной хроники» старшего Аксакова, оплакивает смерть И. В. Киреевского (даже приходит вместе с Григорьевым и Т. И. Филипповым встретить гроб, доставленный из Петербурга), с интересом вглядывается в поразившую его внешность Хомякова. Позднее Семевский даже попытался напечататься в «Русской беседе»: послал туда в 1858 г. научно-популярную статью «Цесаревич Алесей Петрович». Этот опыт был одобрен Хомяковым и Кошелевым, но не пропущен цензурой.[9]

Для публикации избраны фрагменты, в которых речь идет о журнале, о его издателе, редакторе и авторах. Часть публикуемых текстов цитировалась в современных исследованиях о Семевском, но, во-первых, это именно разрозненные цитаты, а во-вторых, зачастую точность передачи текста оставляет желать лучшего, так что можно говорить, скорее, о пересказе, нежели о цитировании.[10]

Печатается по автографу с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей (за исключением избыточных и не оправданных интонационно тире, отчасти изъятых, отчасти замененных на запятые): ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 41. Л. 906, 908–909; 940–940 об., 955 об.–960, 975–976 об., 978 об.–981 об., 1006 об.–1007 об.

---

[8] ИРЛИ. Сигн. 9883. Л. 1 (письмо от 1 ноября 1855 г.).

[9] См. об этом: *Порох В. И.* Офицер, историк, издатель: Все о М. И. Семевском. Саратов, 2000. С. 44, 111. В переработанном виде и под названием «Царевич Алексей Петрович. 1690–1718 гг.» статья была опубликована в 1859 г. в журнале «Иллюстрация» (№ 63–71).

[10] Приведу вопиющий пример, когда Семевский заговорил на просторечии с южным акцентом. Высказывание Семевского об И. Ф. Горбунове современной исследовательницей цитируется в таком виде: «молодой человек с провинции, выразительным лицом...» (*Кох О. Б.* Михаил Иванович Семевский. С. 60). В автографе же читаем: «молодой человек с правильным выразительным лицом». С грубыми неточностями и, можно сказать, фантазиями (вроде «доблестный воин, известный Хомяков» вместо «доблестный, всем известный»!) приведены в той же книге и другие фрагменты из писем к Благосветлову (Там же. С. 102–103); обратим внимание еще и на то, что И. В. Киреевский регулярно называется здесь «Кириевским»: видимо, исследовательница произносит эту фамилию с ударением на предпоследнем слоге.

М. И. Семевский — Г. Е. Благосветлову

⟨5–10 марта 1856 г.⟩

5-го марта: ночью: Только что приехал от Остр⟨овско⟩го ⟨...⟩.

Иван, младший сын Сергей Тимофеевича *Аксакова;* — пять лет находился под строжайшим присмотром полиции, — и не смел печатать своих стихов, замечательных — не по внешней отделке своей, довольно тяжелой и обыкновенной; — но по богатству светлых мыслей; причина запрещения заключалась в написанном им, в 1849-м году, стихотворении «Свободное слово».[1] Ныне оно ходит в рукописи, а после, кто знает — может быть, явится и в печати; — другие времена — другие и нравы. В ожидании же этого печатания, — я вам сообщаю его здесь:

Ты чудо — из Божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты — луч нам, на земле с небес,
Ты — нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь; —
Ты — вечною жизнию ново.
Ты к правде, — ты к благу ведешь;
        Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана;
В животной же силе — нет прока,
Для истины — гибель она; —
Спасенье — для лжи и порока!
Враждует ли с ложью — равно,
Живит ее, жизнию новой; —
Неправде — опасно одно:
        Свободное слово!
Зачем огражденье всегда,
Власть ищет лишь в рабстве народа?
Где рабство — там бунт и беда,
Защита от бунта — свобода!
Раб в бунте — ужасней зверей,
На нож он меняет оковы,
Оружье свободных людей:
        Свободное слово!
О, слово! Дар Бога святой!
Кто слово, дар Божеский свяжет,
Тот путь человеку иной,
Путь рабства кровавый укажет!
На козни, на вредную речь,

В тебе ж и целенье готово. —
О, духа единственный меч,
Свободное слово! —

Славянофил написал эти стихи, — заклятые ж славянофилы и восхищаются ими. Итак: где же эти поборники невежества, — прежних крамол, прежней апатии и старинного рабства! Гонители свободной мысли и т. д. и т. д.?

Говоря о славянофильстве, нельзя не полюбопытствовать вопросом: какое у Вас в Петербурге, дорогой Г⟨ригорий⟩ Е⟨влампович⟩[2], произвело впечатление объявление на издание «Русской беседы»?[3] «Народность», «русская» и проч. пестрит в каждой строке — это изделие г. Филиппова. ⟨...⟩ В «Русской беседе» явится, — по заранее сделанному Остр⟨овски⟩м обещанию, — пятиактная его драма: «Минин».[4]

«К святой неделе я, даст Бог, напишу его окончательно», — сказал мне Алек⟨сандр⟩ Никол⟨аевич⟩. — Скорость работы — и маленькая самоуверенность — вот недостатки его таланта. — Возникшие вследствие нашей нещастной критики, убивающей нередко молодой, только что выступающий талант злою насмешкою, — или портящей его другим, более опасным орудием: неумеренною похвалою.

⟨Из письма от 12 июня 1856 г.⟩

24 марта: Был я у А. А. *Григорьева* ⟨...⟩.

Слышно, что Кошелев с сентября будет издавать журнал: «Московский толк», в год 24 книжки; что «Русская беседа» навсегда останется в виде сборников; — но что «Московский толк» будет истинным московским журналом; Григорьеву поручат ближайший надзор и заботу о журнале. — С. Т. *Аксаков* — защитник и поборник московской литературы, главнейший виновник как основания «Беседы», так возрождения «Москвитянина», так наконец — и новых толков — о «Московском толке».

Говорят, что автор «Хроники» недавно читал продолжение ее. — В общем восторге Катков вскрикнул: «Сергей Тимофеич, ничего не пожалею — осчастливьте „Русский вестник“ этим продолжением». — «Ну — батюшка, — холодно ответил старик, — счастливить моим рассказом некого, да и нечем — а дать его вам — не дам, — ибо достаточно уже знаком *со всеми достоинствами* вашего журнала. — Но „Русская беседа“ много обяжет меня, если примет на свои страницы эти отрывки», — заключил Аксаков, обращаясь к Григорьеву и друг⟨им⟩.

Нужно ли говорить, *что ответили* эти другие? ⟨...⟩

⟨*17 апреля*[5]⟩

Вошли: А. А. *Григорьев* и Тирс ⟨так!⟩ Иванович *Филип⟨п⟩ов* — автор статей в „Москвитянине“ о Тек⟨к⟩ерее[6] и редактор — *механической* стороны — нового журнала: «Русской беседы». — Тирс Иванович — в щегольском сюртуке, черных шароварах, темном жилете — и ⟨с⟩ белой манишкой — с белейшими высоко стоячими манжетами; — кажется с виду человеком весьма еще молодым: лет 26 или 27.[7] Чистое, правильное лицо, могло бы назваться красивым — если б не было так истасканным, зато оловянные глаза далеко не имеют права быть названными красивыми. Предупрежден ли я был против Тирса Ивановича,* — только несмотря на его особенную с⟨о⟩ мной любезность, я с неудовольствием беседовал с ним, — с неудовольствием слушал его чистый, мягкий, вкрадчивый голос. «Вы изволите говорить, — беседовал со мной между прочим „управитель“ Кушелевской „Беседы“, разглаживая свои русые длинные волоса, — вы изволите говорить о Ив⟨ане⟩ Сергее⟨виче⟩ Аксакове — да-с, этот ⟨так!⟩ человек, достойный уважения. Я вам не замедлю рассказать следующий из его жизни случай: в 1849 году друг его: Самарин,[8] — молодой человек с большим литературным талантом, так и сгибшим не за что, не про что — в самовластии *покойника* (Карла Ивановича[9]), путешествуя по Остзейским Губерниям,** писал между прочим письма, и письма *довольно свободные* к Ивану Сергеевичу. — Это время было время: бессмертной, обоюдной глупости — и со стороны Петрашевского, и со стороны челяди Карла Ивановича. — Самарин — по доносу шпиона — брошен в каземат. Молодой Аксаков привезен на

* Как рассказывали мне: Филип⟨п⟩ов — принимая деятельное участие еще в начинавшемся плане «Русской беседы» — пригласил, разумеется: и А. Н. Островского, и А. А. Григорьева — насулив им насчет журнала много и много добра. Но — когда последние увидели, что по милости *Филип⟨п⟩ова* (страшного ханжи и общего друга всех монахов) в состав «*Беседы*» войдут едва ли, едва ли не проповеди и жития святых, — что журнал будет лишен всякой *журнальной* жизненной деятельности, — что это будет какая-то *Четия-Минея*, или — ратующий за Православие и наш язык какой-нибудь *Розыск* (аллюзия на название книги св. Димитрия Ростовского «Розыск о Брынской вере». — *О. Ф.*), — тогда они отступили. Т⟨олько⟩ автор «Своих людей» не освободившись от своего обещания: отдать «Беседе» драму свою «Минин» — уступил ее, — и окончат⟨ельно⟩ перешел под знамена «Современника». — Критик же «Москвитянина» (Ап. Григорьев. — *О. Ф.*), положительно восставший против утрированного до крайности направления будущего журнала, примиряется (как я слышал) с ним — после появления 1-й довольно удовлетворительной книги.

** Из сочинений его, Самарина, мне только известна критическая статья на «Тарантас» Сол⟨л⟩огуба», помещенная в «Москов⟨ском⟩ сборнике» 1846 г. с [под] *псевдонимом его: К.....З....К.......».* (Речь идет о рецензии Ю. Ф. Самарина на повесть гр. В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840–1845). — *О. Ф.*)

8-й вселенский собор, где получил приказание: изложить письменно все свои антиправительственные идеи. — Благородный Аксаков не измалодушествовался и бойко и смело налег на официальную ложь — на корыстолюбие или бездарность тех или других министров, — на исключительное занятие всех военным сословием, — на размножение — в ущерб Университетам: кадетских корпусов, — на варварскую цензуру и проч. и проч. и проч. Письмо это, говорю, написано было „сильно и смело". Рассказывают, что Карл Иванович, читая его, делал на полях замечания — они, должно быть, любопытны; — смелость же — и откровенность — Ив⟨ана⟩ Сергеевича понравилась нашему дон-Кихоту — чрезвычайно: повелел он его освободить, строго-настрого заказав ему не писать ни подобных писем, — не получать их, — не[10] вдохновляться „свободными словами" и вообще — ничего не печатать, и бросить ни к чему не ведущую литературу».*

«Не согласен я с вами, — говорил мне между прочим Филип⟨п⟩ов, — не согласен — насчет сравнения Погодина с Карамзиным. — Погодина можно сравнить — как автора писем о нынешних политических обстоятельствах,[11] с автором „Записки о Древней и Новой России" (1811 г.), но — согласитесь — в том, что Карамзин — несравненно выше, — выше уже потому, что он был почти неизвестен в это время Императору,[12] между тем как Погодин давно[13] пользуется и милостью, и Высочайшею доверенностью, на что опираясь, мог[14] свободно и безбоязненно писать свои политические записки...»... «Кто это?» — спросил я, указывая на вошедшего длинного — подобно Филиппову — безусого[15], и подобно ему же довольно хорошенького молодого человека: «Это Алмазов»,[16] — отвечал мне Тирс Иванович.

Алмазов — так вот этот известный фельетонист молодой редакции «Москвитянина» — известный враг «нового поэта» (Панаева),[17] известный своими остроумными по идее и легкому стиху пародиями** на

---

* Последнего — как видно — не исполнил И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ — все стихотворения его, появившиеся в «Русск⟨ом⟩ вестнике» и «Русск⟨ой⟩ беседе» — сочинение всех их относится к эпохе запрещения; одно из них начинается следующими словами:

«Усталых сил я долго не жалел,
Не упрекнуть бездействием позорным
Мою тоску. Как труженик умел
Работать я, с усердием упорным».

(Цитируется стихотворение, датированное 1850 г. и впервые опубликованное в «Русской беседе». См. № 3 в *ПР*. Во второй строке у Аксакова: «Не упрекнут». — *О. Ф.*)

** Наши почтенные Гг. гвардейцы, *близко-знакомые* с русской литературой по христоматии А. Д. Галахова, [те читая] читающие с удовольствием подобные пиесы, кои, напр⟨имер⟩,

разные стихотворения, насоливший многим: Эраст Благонравов!! «Здравствуйте, Эраст Благонравов», — сказал я, подходя к вошедшему. — Алмазов улыбнулся и спросил: «Да вы откуда знакомы с Эрастом Благонравовым?» Последовало шутливое объяснение. Сколько я заметил из начавшейся[18] беседы — фельетонист «Москвитянина» отличается именно теми же свойствами, кои надавал он своему двойнику: Благонравову. То есть — любовью к известности[19], страстью к литературе, восприимчивостью сердца, благородством, добротою и мяхкостью характера. (Смотр⟨ите⟩ один из первых его фельетонов, в „Москвитянине“ 1851 года, книга 10 или 11-я.[20]) Только что мы разговорились — вошел *И. Ф. Горбунов*,[21] — личность весьма и весьма замечательная; замечательная своими рассказами из русской жизни; привлекш⟨ая⟩[22] скоро всеобщее внимание. Но прежде чем перейти к *Горбунову* и его рассказам из

помещены: в «Журнале для Светских людей» Ксенофонта Полевого, — знающие на память много мест из *Гоголя*, — все эпиграммы и экспромты «ей» *Пушкина*, — все «Горе от ума» *Грибоедова*, — знают, между прочим, почти все пародии *Эраста Благонравова*. Не смея подняться выше этих Гг., и я выучил на память все, что необходимо — по их мнению — для обнаружения близкого ознакомления с русской литературой: вот вам, напр⟨имер⟩, пародия Алмазова — на стихи Пушкина:

«Пред испанкой благородной
Двое витязей стоят». —

оставшиеся в голове моей, вследствие этого заучиванья:

Перед франтиком столичным
Два извощика стоят.
Оба — в пафосе обычном,
Оба везть его хотят. —
Оба рядятся с Неглинной,
На Устретенку, — в Драчи —*
Довезти за пять-алтыный
Оба — с виду: лихачи!
Оба молоды и свежи —
Оба ростом высоки,
Оба с полостью медвежью —
У обоих — рысаки. —
Оба — только на почине,
Оба мигом долетят,
По какой же злой причине
Не садится гордый фат?

Как это, так и остальные стихотворения *Эраста Благонравова* отпечатаны в «Москвитянине» 1851 года.

* Троицкая церковь на *поляне* или на *драчах* — замечательна по тому, что близь нее в царствование Иоанна III-го, IV-го и последующих князей были *судебные поединки*.

русской жизни,* считаю долгом познакомить Вас, Григорий Евлампович, с внешнею обстановкою *Эраста Благонравова*: мужчина он, как я уже сказал: высокий ростом,[23] не пропорционально росту — тонок, — и непропорционально своей длинной фигуре — говорит дишкантом. — Весьма моложав, — с приятною физиономиею, — вина[24], как и Филип⟨п⟩ов, почти не употребляет. — Я его видел в широком, довольно грубом пальто — без всяких претензий на щегольство. — Что же касается до *И. Ф. Горбунова* — то это молодой человек с правильным выразительным лицом, черными глазами, и черными же как смоль волосами, обстриженными в кружок.** — Горбунов был провинциальным актером, затем долго жил в Москве и под руководством автора «Своих людей» в совершенстве развил свой сценический талант. — Не так давно он поступил на сцену Петербургского Театра, — и *как говорят* (за достоверность не ручаюсь), сильный талант молодого артиста вызвал зависть со стороны *Мартынова* и *Бурдина*.[25] — Будто бы они интриговали против него, — и что только протекция нескольких аристократов и собственные большие силы Горбунова позволили ему славно выступить на сцену, — в ролях довольно значительных — как напр⟨имер⟩ в роле Бородкина («Не в свои сани не садись»![26])...... Много еще говорят но — «не все то перенять, что по реке плывет, — не все то переслушать, что люди говорят».

Островский, Садовский, Васильев,[27] Григорьев, Рамазанов, Едельсон,[28] Алмазов, Филип⟨п⟩ов, Шеповалов, Турчанинов, Железнов, Дриянский,[29] все мы собрались вокруг Горбунова, который в течение двух часов заставлял хохотать *навзрыд* всю компанию, являясь мастерским автором в сочинении тут же разных комических сцен и еще более — талантливым актером в воспроизведении их. ⟨...⟩

И надо видеть — с каким чисто-великим искусством преобразовывается он: то в монаха, то в пьяницу-лакея, — или из горничной, поднявшей кверьху нос, — в больного белой горячкой — а он действительно весь преобразовывается: т. е. голос, лицо; жест, — поза всего тела — все это — без всякой утрировки — олицетворяет желаемое лицо....... ⟨...⟩

* В «заметках Нового поэта» («Современн⟨ик⟩» 1856 г. № 3 и 4-й) помещено несколько похвальных отзывов о артистическом воспроизведении самых разнородных типов г. Горбуновым.

** Бог знает почему, — полиция сильно преследует употребление русской одежды. — Как Рамазанов, так и другие, одевающиеся постоянно в национальный костюм, возят с собой постоянно галстухи... Приближение Полицмейстера или обер-полицмейстера или другого — какого ни на есть — осла в *благочинной* оболочке, заставляет проворно их застегиваться и навязывать сверх русской рубашки — немецкий галстух.

Что до меня: я был решительно без ума от восторга — и готов был кинуться к нему на шею.......... Рассказы Горбунова сменились шутками слепца-Васильева, — шутки сменились песнями, — и громкой, звучной-приятной голос Филиппова затянул «Ивушку зеленую», — хор дружно подхватил — и весело, весело было мне........

«По душе гуляет быт родной!»[30] — Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведенных мною у А. Н. Островского! Там я видел чисто-русское гостеприимство, — добродушие, откровенность, и — не чопорных — гостей, — я не видел каст[31], — не видел чванливо поднятых *ученых физиономий*, но постоянно встречал — людей *русских*, людей скоро сходящихся, поборников дружных, поборников любви к отчизне! Умная беседа, живая, огненная — как русское слово, — и песня, песня — столь же разудало-веселая, как русское веселье!

Здесь — и только здесь — я мог сказать, что тут —

Великорусское начало торжествует,
Великорусской речи склад
....
Великорусский ум, великорусский взгляд
Как Волга-матушка широкий и гульливый...*

⟨Из письма от 12 июня — 24 июля 1856 г.⟩

14 июня. Четверг

И сегодняшний день, день одного из наших собраний, А. А. Григорьев был — подобно предыдущему — героем собрания. Он более всех говорил, — его более всех слушали. ⟨...⟩

Заговорили о С. Т. Аксакове. «Я слышал чтение его 4-го и 5-го отрывков „Семейной хроники". Содержание 4-го, — продолжал Григорьев, — составляют визиты родным молодых Бобровых ⟨так!⟩; — 5-й же заключается в крестьбинах самого автора. — Как в этом, так и в другом отрывках, кроме художественной дорисовки выведенных уже автором лиц, очерчено мастерскою кистью все губернское общество. — С тою же смелостью, с какою описано у него в первых 3 отрывках деспотизм и варварство наших помещиков, — так же резко и умно выявлены и преданы осмеянию — какая-то патриархальность в взяточничестве, законность — в самой краже. — Далее: другим принсипом последних его глав взято официальность, какая иногда вносится в наши семейства».

* Стихи А. А. Григорьева: «Элегия — ода — сатира», искусство и правда.

— Скажите, — спросил Григорьева кто-то, — какое участие принимает Кошелев в «Русской беседе», мы знаем, что он пишет туда статьи; но скажите, в чем заключается его редакторство. Неужели он так? как говорят о нем, с бескорыстною целью издает журнал[32]?

«О, нет, — Кошелев сам в шутку частенько говаривает: мое первое дело — деньги и деньги, а уже второе — литература. — Видя, что каждый из вновь появлявшихся журналов приобретает ныне большое количество подписчиков, и он решился на издание журнала. — Вот имеющее быть издание „Московского толка" Алексей Степановичем Хомяковым — то будет чисто из бескорыстных целей, — из одной любви к литературе».

В последовавшем затем разговоре о славянофилах А⟨поллон⟩ А⟨лександрович⟩[33] между прочим с жаром сказал следующее: «Вот, господа, говорят, что славянофилы делали или делают доносы, — что они употребляют постыдные козни для ослабления своих противников. — Но посмотрите, напр⟨имер⟩, на один из последних фельетонов Греча, в „Сев⟨ерной⟩ пчел⟨е⟩".[34] — Он поместил в нем[35] свой разговор с одною дамою. Главная канва коего состоит в следующем: Дама, изволите видеть, — вздумала спросить у него: „что за странная любовь этой партии литераторов к красному цвету, и почему именно к красному; а не к какому другому?" Потому, отвечает Действ⟨ительный⟩ Статски⟨й⟩ Советник, что красный цвет — знамя, вывеска[36] республиканских идей. Вспомните, — продолжал он, — Англию в эпоху Карла I,[37] — Францию во времена Якобинцев, самую Америку — в борьбе с Англиею; — везде красный цвет есть эмблема направления, идея всей партии.

И этот разговор, или вернее гнусный донос — в виде разговора — напечатан! Итак — вот как пользуются русские литераторы возникшей свободой цензуры». ⟨...⟩

Говоря о нашей критике и критиках, Дриянский сделал довольно важное замечание о главнейшем из них, *Анненкове*: «Статья его, — сказал Дриян⟨ский⟩, — о „Семейной хронике" Аксакова[38] *составлена* им из общего о этой книге разговора нескольких *из нас* в последнее его посещение Москвы[39]. По выходе этой статьи — каждый из нас встретил и свои мнения, и свои даже выражения».

Украшением, перлом сегодняшней, по обыкновению живой беседы нашей было чтение статьи о Посошкове, А. А. Григорьева.[40] — Статья эта читана была мне, в первое знакомство с Аполоном Александровичем, — но теперь она еще во многом противу прежнего дополнена, улучшена. —

Надо только желать, чтобы этот дельный разбор гениальных рассуждений и проэктов крестьянина времен Петра I[41] явился поскорей в печати.

⟨16 июня, суббота⟩

Завернул ⟨...⟩ к А. Н. Островскому. У него застал — Григорьева. Как тот, так и другой были очень грустны; причина грусти — как я узнал тут же: смерть Ивана Васильевича Киреевского. — Этого талантливого русского писателя, ревностно-даровитого поборника так называемого славянофильского направления. Завтра привезут его тело из Петербурга, где он скончался; и Ап⟨оллон⟩ Ал⟨ександрович⟩ предложил мне отправиться на машину, для встречи драгоценного, каждому грамотному русскому, праха покойника!

Июня 17-го. Воскресенье.[42]

В 11 часов должен был отправиться в караул. — В 9-ть был в воксале; там встретил Григорьева и Филиппова. — Засвистел сигнальный рожок. Паровоз, пыхтя и фыркая, как усталый ретивый конь, влетел под навес; — посыпались пассажиры;[43] из среды шляп, шляпок, капоров, чепцов... выскочил молодой человек с истасканною физиономиею, с весьма светскими манерами. — Это[44] был сын Киреевского.[45] Он — с улыбкой, как о предмете самом обыкновенном, рассказал о смерти своего[46] отца. Иван Васильевич, после трехдневной болезни, умер от холеры (12 июня); оставя после себя — семейство и несколько статей, кои не замедлят явиться в печати. Труп его привезут в Москву сегодня вечером; передав все эти подробности, молодой Киреевский весьма светски-ловко[47] раскланялся и скрылся в толпе. «Не от холеры умер Иван Васильевич, — со вздохом заметил нам Филиппов, — а от этого мальчугана, сына своего. Я знаю все эти подробности. Дело в том, что этот мальчишка, лентяй первостатейный, — был в лицее, — переводили его из класса в класс, только по одним просьбам всеми уважаемого Ивана Васильевича. При окончательном же выпуске этому мальчугану не хотели даже дать 14-го класса, — в том заведении, откуда выпускают девятым классом.[48] Известие о⟨б⟩ этом, нашедшее Ивана Васильевича в Москве, — заставило его поспешить в Петербург; все дело огорчило его чрезвычайно, он захлопотался из-за сына — и выпросил ему 12-й класс. — Милость, сделанная начальством сыну, стоила отцу — многих огорчений, большого унижения — и тоски. Сюда же, к этой нравственной болезни, присоединилось физическое расстройство; перемена климата, воды породила болезнь, результатом коей[49] явилась холера и смерть».

При выходе из воксала Т. И. Филиппов указал на Графа Соллогуба.[50] — Автор «Тарантаса» — высокий, плотный — лет 42-х мужчина. — С высоким лбом, брюнет, — ⟨с⟩ большими баками, усами, большим носом и умными, выразительными глазами. — Он был в обыкновенном пальто и шляпе и о чем-то живо говорил с другим штатским по-французски.

№ XIII письмо.

18-го июня. Понедельник

А на дрогах этих, стоит гроб дубовый,
А в гробу же барин, а за гробом новый. —
Старого отпели, новый глаза вытер —
Сел тотчас в коляску, — и уехал в Питер.
Н. Некрасов (Забытая деревня)

Близь Красных ворот* — в скромной, даже бедной приходской церкви[51] — отпевали сегодняшний день тело покойного доблестного литератора-философа нашего: Ивана Васильевича *Киреевского*. Бездушный труп одного из умнейших людей нашего времени окружен был на последней панихиде небольшим кружком людей. — Несколько дам с приличными для случая физиономиями; — Т. И. *Филиппов*; старший сын покойного, двое из его слуг, — и Алексей Степанович *Хомяков* — вот все, кои пришли проводить молитвою отвозимое в Смоленскую Губернию, в родовое имение Бельского уезда,[52] тело талантливого, *мыслящего* человека. — Грустно сжалось у меня сердце от этой пустоты, от этой безлюдности — в церкви; и вспомнил я множество похорон каких-нибудь генералов — не стоющих подошвы здесь лежащего трупа, — а между тем[53] у них — пышность, торжество[54], облака[55] фимиама, в коих теряется самый гроб; — здесь — какая противоположность: полупьяный дьякон; — да не проспавшийся толстый поп, равнодушно, привычным голосом голосящие: «Упокой душу усопшего...»

Я упал на колени, — и теплей, горячей стала моя задушевная молитва, — за человека[56] не знакомого мне лично, но уважаемого мною — за его посильные, общеполезные труды.

«Позвольте узнать — как ваша фамилия?» — заговорил вдруг подле меня весьма мяхкий голос. — Я оглянулся. Подле меня стоял — сын покойного. — «Мне любопытно знать — к чему вам моя фамилия?» — ответил я, мгновенно упавши, как выражаются: с неба на землю. «Поми-

* Близ них — в доме Арсеньевой, ныне Буровой, родился в 1815 г. ⟨так!⟩ Лермонтов.

луйте, — мне весьма приятно....... я, изволите видеть, сын Ивана Васильевича,.... так мне, в некотором роде даже, можно сказать: отрадно видеть незнакомого человека, горячо молящегося за моего покойного отца». Я взглянул на[57] говорящего. — Лицо его выражало такую апатию ко всему окружающему, — на губах играла такая неуместная[58] улыбка, — наконец самые высоко-светские его манеры, и эта вежливость галантерейная были столь несвоевременны, что у меня невольно забилось ретивое, полное несдержимого негодования. — «Я пришел сюда не для знакомства, и не ради его, — был[59] мой ответ, — я пришел — с тою же молитвою и слезою, которой каждый грамотный русский встретит известие о смерти Ивана Васильевича. — Впрочем — если Вам угодно знать: Прапорщика Семевского — то он перед Вами».

«Скажите пожалу⟨й⟩ста, — заговорил молодой Киреевский, по-видимому не поняв моей иронии, — вы, если не ошибаюсь, служите во 2-й Гвардейской дивизии; — я — знаете — сам намерен поступить в нее юнкером. — Потому, сами изволите знать, какая разница — гражданская служба — и военная, здесь тебя замечают, ты делаешь себе карьеру; там — ты гниешь, даже можно сказать, прозябаешь. — Конечно — я могу[60] поступить и в 1-ю дивизию, потому в знакомых у меня, не могу пожаловаться, недостатка нет. Но — знаете, там — это: все на шик, — все этакое..... ну, а у вас — все это — более проще, более — благовоспитанно..... Но что конечно — если бы я только захотел, — то я бы поступил и в 1-ю дивизию, — князья Барятинские, Граф Ливен, Горчаков[61] — все это мои добрые знакомые.......»

Долго еще болтал недостойный сынок[62] достойного отца — и я скрепя сердце, молясь за последнего, — слушал первого. — Раза два — оглянувшись в сторону — я невольно обратил внимание на доблестного, всем известного Алексея Степановича Хомякова.

Весьма небольшого роста, — с смуглою, худощавою, но выразительною физиономиею, — косыми глазами, — реденькими черными с большою проседью волосами, — с обрывками, клочками бороды — он[63] останавливает на себе пытливый долгий взгляд всякого более или менее наблюдательного человека. — Костюм его способствует этому немало: помещик 3-х тысяч душ, — он ходит — в красной рубашке, плисовых шароварах, сапогах до колен, простой поддевке, — и — русском кафтане; — по выразительному лицу его катились слезы, — во все время службы он стоял — в немом отчаянии — понуря голову.

С другой стороны — припавши лицом к церковному помосту — молился Т. Филиппов. Грудь его судорожно волновалась[64] сдерживаемыми

рыданиями……. «Праведный Боже! — думал я под мяхкий голос молодого Киреевского, — как ты благ, как премудр ты — в своих предначертаниях. Ты лишил этого человека достойного сына, — но он еще имеет друзей, кои чтут его память, кои оплакивают невозвратимую для них потерю, — кои понимают важность этой потери……»

Панихида кончилась. — Гроб вставили в засмоленный ящик — вынесли работники на паперть церкви; у крыльца стояла тройка лошадей, впряженная в рогожную кибитку. — С утра еще набежавшие тучи заволокли небо грязно-серым пологом; — частый, мелкий, косой дождик наводил какую-то невыразимую тоску; — на улицах было пусто, — серо — скучно. — Гроб долго не мог вдвинуться. — Началась перебранка мужиков, — каждый советовевал ⟨так!⟩, — все говорили — ничего не делая, — каждый предварял: о[65] осторожности, — дело же покончили все-таки тем, что гроб далеко не осторожно толкнули в кибитку, причем верьх ее значительно крякнул — и покосился набок. — «Но — вы![66] касатики, — пошел!» — заговорил ямщик, пошевеливая вожжами. Постромки натянулись, — кибитка закачалась — и повезла Ивана Васильевича на последний уже ночлег!

⟨1 июня — 22 июля 1856 г.⟩

6-го июля. Пятница. —

Сегодняшний день, — день последнего собрания сотрудников «Грехов Молодости»[67] — удостоился посещения Апол⟨л⟩она Александровича Григорьева ⟨…⟩. — В течение четырех часов большая наша компания с удовольствием слушала чтение Григорьева: статьи его «о нравственности — по отношению к искусству» или говоря другими словами: «об искусстве — в отношении к жизни».[68] — Большая и весьма дельная статья эта написана в виде письма к Алексею Степановичу Хомякову,* — написана без всякого одностороннего увлечения, — с точки зрения общеевропейского взгляда на искусство и литературу. — Очерк — характера, духа — деятельности Байорона ⟨так!⟩, отражение его на других писателей — поразил нас своею оригинальностью, правдою — и мастерством просвещенного автора.

Беспристрастный разбор всей деятельности Жорж Занда, — отдание ей должной умной хвалы, — и в то же время — произнесение над ней же справедливо-строгих приговоров — понравился нам также, как без сомнения понравится и просвещенной русской публике. — Отношения ли-

---

* Она будет помещена в 3-й книжке «Беседы».

тературной деятельности А. Полежаева к ⟨деятельности⟩ Лермонтова,[69] Лермонтова к русскому обществу, — и русского общества к ⟨поэзии⟩ Лермонтовой — предстало нам в таком рельефном, мастерском очерке, который мы только и могли уподобить — лекциям Г. Е. Б⟨лагос⟩в⟨ет⟩лова. Так ясно, умно, — и дельно выполнена была и эта часть задачи почтенного Ап. Ал. Григорьева.

Но — общее удовольствие, производимое над нами этою статьею, — не мешало тем не менее каждому из нас — по обыкновению: делать возражения, замечания и опровержения. Завязывался спор — какого-нибудь из питомцев ваших с критиком «Москвитянина». 18—20-тилетнего юноши — с человеком, проникнутым[70] литературой, наукой, — и 10-ть лет с талантом и успехами подвизающимся[71] на этом поприще.

Честь и слава — главному виновнику подобных, чисто-отрадных явлений!

[1] Стихотворение это принадлежит не Ивану, а Константину Аксакову.

[2] Раскрывая сокращение, употребляем именно эту, разговорную, форму отчества Благосветлова, поскольку именно в таком написании она встречается далее.

[3] *Далее зачеркнуто*: где.

[4] Драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» была опубликована значительно позже — в «Современнике» (1862. № 1).

[5] Описание вечера у А. Н. Островского (16 апреля 1856 г.).

[6] Речь идет о заметке без подписи «Прием Теккерея в Оксфорде» (Москвитянин. 1852. Т. 1, № 1. Отд. VII. С. 10—11) и статье «История Артура Пенденниса, и проч., роман Теккерея» (Там же. Т. 5, № 17, кн. 1. Отд. VI. С. 1—10).

[7] Филиппову на тот момент 31 год.

[8] Речь идет о Ю. Ф. Самарине (1819—1876).

[9] Так заглазно называли Императора Николая I. Далее упомянут М. В. Буташевич-Петрашевский (1821—1866). А еще ниже — известный эпизод с составлением И. Аксаковым, по требованию императора, записки, на полях которой Николай I оставил свои пометы.

[10] *Далее зачеркнуто*: сочинять

[11] «Историко-политические письма» Михаила Петровича Погодина (1800—1875) в то время еще не были изданы. Впервые они напечатаны за границей: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Ч. I—III. Лейпциг, 1860—1861. В России их удалось издать только в 1874 г. (*Погодин М.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856 гг. М., 1874). Собеседникам, по-видимому, было известно о неосуществленном намерении Погодина в октябре 1855 г. добиться аудиенции у молодого императора с целью высказать свой взгляд о причинах поражений, которые Россия терпела в Крымской войне (см. об этом: *Барсуков*. Кн. XIV. С. 110—111). В этом смысле они и сравнивают Погодина с Н. М. Карамзиным, также обращавшимся в своей «Записке о древней и новой России» непосредственно к Государю.

[12] *Далее зачеркнуто*: в то же время.

[13] *Перед этим зачеркнуто*: от.

[14] *Было*: может.

[15] *В автографе ошибочно*: безусому.

[16] Борис Николаевич Алмазов (1827–1876) — поэт, переводчик, литературный критик, сотрудник журнала «Москвитянин» с 1851 г.

[17] Новый поэт — псевдоним Ивана Ивановича Панаева (1812–1862).

[18] *Далее зачеркнуто*: с ним.

[19] *В автографе*: известностью.

[20] Возможно, подразумевается фельетон Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) «Сон по случаю одной комедии» (Москвитянин. 1851. № 7, 9, 10).

[21] Иван Федорович Горбунов (1831–1895/1896) — драматический актер, писатель.

[22] *В автографе*: привлекшего.

[23] *Далее зачеркнуто*: весьма тонок.

[24] *Вписано над зачеркнутым*: в широком.

[25] Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860) — петербургский драматический актер; Федор Алексеевич Бурдин (1827–1887) — московский, затем петербургский драматический актер и переводчик.

[26] Пьеса Островского, впервые поставленная в Малом театре в 1853 г.

[27] Артисты Малого театра Пров Михайлович Садовский (Ермилов) (1818–1872) и Сергей Васильевич Васильев (1827–1862).

[28] Николай Александрович Рамазанов (1817–1867) — скульптор; Евгений Николаевич Эдельсон (1824–1868) — критик, член «молодой редакции» «Москвитянина».

[29] Н. И. Шаповалов — литератор, входивший в кружок Островского; Иван Егорович Турчанинов (?–1871) — артист московского Малого театра; Иоасаф Игнатьевич Железнов (1824–1863) — прозаик, публицист, фольклорист, в описываемое время — адъютант Московского сводного казачьего полка (1853–1862); Егор (Георгий) Эдуардович Дриянский (1812–1872) — прозаик, драматург.

[30] Цитата из стихотворения Ап. А. Григорьева «Искусство и правда. Элегия — ода — сатира» (1854): «Скорей в театр! Там ломятся толпами, / Там по душе теперь гуляет быт родной...»

[31] *В автографе*: казст.

[32] «Издает журнал» *вписано над зачеркнутым*: выступает.

[33] *Далее зачеркнуто*: с жа⟨ром⟩.

[34] Пересказывается фельетон Н. И. Греча (1787–1867). Следующий далее фрагмент приведен в статье: *Порох И. В., Порох В. И.* М. И. Семевский в Москве. С. 154.

[35] *Далее зачеркнуто*: следующий.

[36] *Далее зачеркнуто*: кра⟨сных⟩.

[37] Карл I Стюарт (1600–1649) — английский король (с 1625), казненный по приговору Верховного судебного трибунала, созданного парламентом.

[38] Речь идет о статье П. В. Анненкова, напечатанной в отделе «Критика» в мартовской книжке «Современника» за 1856 г. (С. 1–24).

[39] *Далее зачеркнуто*: изданием Пушкина.

[40] Иван Тихонович Посошков (1652–1726) — экономист и публицист, автор «Книги о скудости о богатстве» (1724), впервые изданной М. П. Погодиным (*Посошков И.* Сочинения. М., 1842. Ч. I). Посошкову и его книге была посвящена часть второй статьи задуманного Григорьевым цикла «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене», запрещенной цензурой. Статья опубликована в «Ежегоднике Петроградских государственных театров» (Сезон 1918–1919. Пг., 1920. С. 175–196).

[41] *Далее зачеркнуто*: Посошкова.

[42] *Далее зачеркнуто*: *Июня*.

[43] *Далее зачеркнуто*: прямо.

[44] *Перед этим зачеркнуто*: От него мы.

[45] Василий Иванович Киреевский (1835 — после 1911) — старший сын И. В. Киреевского, кончивший курс в Александровском лицее.

[46] *Вписано над зачеркнутым*: Кир⟨еевского⟩.

[47] *Вписано над зачеркнутым*: галантерейно.

[48] *Далее зачеркнуто*: Это.

[49] *Вписано над зачеркнутым*: чего.

[50] Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), граф — прозаик, мемуарист.

[51] Близ Красных ворот (триумфальные ворота на этом месте возводились еще с петровских времен; последние, снесенные в 1928 г., были выстроены в 1757 г.) на Садово-Спасской улице находился храм во имя Трех Святителей (деревянный, стоявший на этом месте, известен с 1635 г., каменный построен в 1699 г.). Это приходский храм Киреевских. Дом их находился рядом. В этой церкви в 1814 г. был крещен М. И. Лермонтов (дом Ф. Н. Толя, где он родился, не сохранился), а позднее, в 1882 г. здесь отпевали М. Д. Скобелева. Трехсвятительский храм снесен в 1928 г.

[52] Ошибка Семевского; имеется в виду Долбино — имение Киреевских в Лихвинском уезде Тульской губернии. Погребен Киреевский в Козельской Введенской Оптиной пустыни.

[53] «Здесь ~ между тем» *вписано над зачеркнутым*: покой⟨ного⟩ настоящего покойника, — вспомнил я.

[54] *Далее зачеркнуто*: их погребений.

[55] *Вписано над зачеркнутым*: тучи.

[56] *Далее зачеркнуто*: достойн⟨ого⟩.

[57] *Далее зачеркнуто*: сына.

[58] *Далее зачеркнуто*: и несвоевременная.

[59] *Перед этим зачеркнуто*: сказал.

[60] *Далее зачеркнуто*: себе не.

[61] Не ясно, кто именно из представителей названных влиятельных родов имеется в виду. С большей степенью вероятности можно утверждать, что под Барятинскими подразумеваются князья Владимир Иванович (1817–1875) и Анатолий Иванович (1820–1881) Барятинские. Не исключено, что, упоминая о Горчакове, В. И. Киреевский щеголял знакомством с недавно, в апреле 1856 г., вступившим в должность министра иностранных дел кн. А. М. Горчаковым (см. о нем примеч. 3 на с. 374).

[62] *Вписано над зачеркнутым*: плод.

[63] *Далее зачеркнуто*: обращает.

[64] *Далее зачеркнуто*: от.

[65] *Далее зачеркнуто*: том

[66] *Далее зачеркнуто*: так.

[67] Литературный кружок, основанный Семевским в Москве.

[68] Речь идет о статье Григорьева «О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса: Письмо к А. С. Х—ву» (*РБ*. 1856. Кн. III. Отд. II. С. 1–77).

[69] *Далее зачеркнуто*: и.

[70] *В автографе*: проникнутого.

[71] *В автографе*: подвизающегося.

«ИЗДАНИЕ „БЕСЕДЫ“ ТРЕВОЖИЛО МЕНЯ КАК КОШМАР...»

(Письмо Ивана Аксакова к брату Константину от 14 (2) июля 1857 г.)

Вступительная заметка, публикация и комментарии А. П. Дмитриева

Впервые полностью публикуемое письмо И. Аксакова относится ко времени первой его поездки за границу, когда он, путешествуя по Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии — с конца марта по начало сентября (?) 1857 г., — внутренне готовился к журналистскому поприщу. А. Ф. Аксакова писала: «...он выехал за границу в осуществление давно предначертанной им себе программы заключить свое „бродяжничество“, как иногда он выражался, путешествием по чужим краям, после которого намеревался уже серьезно приняться за какое-нибудь постоянное дело. К сожалению, от этой первой поездки за границу уцелело весьма немного писем, не дающих полной картины его первого впечатления» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 3). С одной стороны, Аксаков хотел оживить «Русскую беседу», превратив ее из ежеквартального сборника обстоятельных научно-публицистических и высокохудожественных материалов в более мобильный, откликающийся на вызовы времени, ежемесячный журнал и издавая параллельно с ним еженедельную газету «Молва», которую ему предполагал передать брат. С другой — Аксаков мучительно переживал идейный разлад, наметившийся в кружке славянофилов еще при выработке первоначальной программы «Русской беседы» и со временем только все более углублявшийся. Касался он прежде всего отношения к основным духовным ценностям — Русской церкви и народным верованиям — и связан был с различиями в мировоззренческих установках разных представителей славянофильского движения. См. подробнее статью В. Н. Грекова в наст. изд.

Веве,[1] 14 июля. 1857 г.
2 июля

Получил в Женеве[2] письмо твое, милый брат Константин, и очень тебе благодарен: оно интересно для меня во многих отношениях. По всему

тому, что я знаю о Москве с разных сторон, я вижу, что это дело твое[3] увенчалось успехом, т. е.[4] пошло в ход, возбудило полемику, интерес, оживило литературу журнальную.[5] Вот как пароход перед моими глазами: прозвонили в колокол, зашипела, завопила[6] труба, заклубился дым, и вот он теперь понесся, рассекая грудью[7] гладь озера, беспокоя его тишину: как зеркало был Леман,[8] а теперь пришел в движение, волнуется еще, хотя пароход уже[9] далеко умчался. Для газеты, начавшейся с апреля[10] (самое невыгодное время для годовых подписок), не прибегавшей ни к каким шарлатанским объявлениям, ни к какой лести вкусу публики, — 600 подписчиков — успех положительный (в такое короткое время). Посмотрим теперь, сколько их будет к концу года[11] или на издание 1858 г. Если не будет за тысячу, так это плохо. Недели через 2, много три я увижу и прочту «Молву», или в Бадене у Смирновой,[12] или у Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Кошелева, который в августе купается в Остенде[13] (воды ему не очень помогли, и он теперь отправился по славянам[14]); я же из Швейцарии поднимусь вверх, до Майнца, и потом по Рейну спущусь в Голландию и Белгию ⟨так!⟩.[15] Он пишет, что просьба о совместном редакторстве не была подана, потому что Вяземский[16] объявил, что ее разрешить нельзя без доклада Государю и вообще выразил сильное смущение. Значит, со стороны «Беседы» — дело остается еще в прежнем положении.

Не трудно понять мне *твои* виды на меня: хотя ты и не объясняешь какие, но говоришь притом,[17] что не намерен занимать в «Молве» то место, которое теперь занимаешь, и т. д. Словом, высказал довольно ясно, в чем дело. Итак, теперь[18] мне предстоит выбор между редакторством «Беседы» и ред⟨акторством⟩ «Молвы».

Не видавши «Молвы», не переговоривши с тобой и с Кош⟨елевым⟩, не могу дать положительного ответа. Издание «Беседы» тревожило меня как кошмар и мешало мне наслаждаться моим путешествием; чем больше я думал, тем сильнее убеждался в невозможности 12-месячного журнала при наших сотрудниках. Кроме того, быть редактором я соглашался на условии полной независимости, на правах хозяина, и хотя Кошелев и принял это условие, однако, я видел, оно было ему очень тяжело. В самом деле — издание «Р⟨усской⟩ бес⟨еды⟩» сделало его известным в мире литературном и политическом, — все сочувствующие и на Руси, и на Западе к нему обращаются как к центру, чему способствует и его общественное положение (position sociale, как говорят французы): дом, богатство, лета, независимость. Всего этого у меня нет. Вот теперь он поедет или уже едет по славянам, где имя его прославлено как редактора

«Беседы», как человека, помогающего успеху убеждения словом и делом (деньгами, напр⟨имер⟩: он дал что-то очень много Смоляру,[19] да и теперь, чай, раздает очень много на разные издания; его поездка будет для славян в тысячу раз полезнее моей)... Ну, все это его тешит, и ему жаль расстаться с этим значением. А пришлось бы расстаться: ему бы дали, напр⟨имер⟩, статью для напечатания, а я бы произнес veto и она не была бы напечатана. Он в восторге от «Беседы» теперешней, а я нет. Я не соглашаюсь подписывать старую программу «Беседы», потому что, как тебе известно, мне она не нравится.[20] Он пишет мне, напр⟨имер⟩, что гордится тем, «что „Беседа" заслужила внимание просвещеннейших лиц нашего духовенства»,[21] а я пишу, что краснею от сочувствия «Беседе» графа Ал⟨ександра⟩ П⟨етровича⟩ Толстого,[22] Отца Матвея[23] и Филарета.[24] Это все те «союзники гнилья», о которых ты когда-то писал.[25] Их сочувствие, основанное только на недоумении, просто позорно. Да и лучше, пусть «Беседа» остается Сборником. Теперь, при газете, это очень удобно. Словом сказать, я еще ничего не писал об этом Кошелеву, но мне хочется от нее отказаться. К сожалению, нет у него помощника; Бартеньевым ⟨так!⟩ он очень недоволен.[26] Что же касается до «Молвы», то — не знаю, какие ты мне предложишь условия. *Ты* ее основатель; она *твоя* мысль, твое создание, твое дело. Все это дает тебе на нее право. Мы же в некотором[27] не сходимся. У вас полемика. Я не читал ее, но боюсь, что она имеет характер личности и мелкая вообще.

Савельев против Павлова за Григорьева.[28] В провинции этот спор почти непонятен и не может возбуждать сильное участие. Впрочем, я, может быть, ошибаюсь; надо прочесть. А очень легко увлечься духом партии, чувствую это, *боюсь этого за себя*. Но противен мне и дух партии, и тот отвлеченный систематизм, который, насилуя здравый смысл и правду чувства, заставляет восхищаться безобразием византийской иконописи,[29] оправдывать гнусное[30] допетровской Руси, язычество народного верования;[31] систематизм, который добрых заставляет проповедать злое и жестокое (Жуковского — смертную казнь,[32] Гоголя — крепостное право,[33] — и даже тебя, милый брат Константин, — оправдывать анафематствование прав⟨ославной⟩ церкви[34] и многие явления[35] скверные допетровск⟨ой⟩ Руси). Ради Бога — не сердись на меня за эти слова, пожалуйста.[36] Все, все это не то, чего бы мне хотелось! Но так, как бы мне хотелось издавать журнал или газету, не позволит Ценсура. Бедная Россия! Дрянные народишки Запада, но *живут*, по крайней мере; сто талантов на каждый талант приобрели;[37] мы же — *ни одного*.

Здесь я по крайней мере свободен, не давит мне грудь свинцовая лапа правительства, здесь (в Швейцарии, в конституц⟨ионных⟩ государствах) можно быть искренним, говорить правду, не лгать, не льстить, не подличать. В путешествии, если бы даже и не знал, где находишься, мигом отличишь народ — под конституц⟨ионным⟩ управлением — от народа, управляемого неограниченно:[38] люди благороднее и честнее. Бедная Россия!

Едва ли я поеду в Англию: туда бы мне хотелось уехать м⟨еся⟩ца на два, по крайней мере;[39] а теперь Парламент, верно, до ноября не сберется. Да и страшно дорого житье в Англии. Впрочем, посмотрю. Если не издавать «Беседы», так незачем очень и спешить в Россию.

Прощай, Константин, крепко тебя обнимаю.

И. А.

Ты все же действуешь и вносишь всюду жизнь.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9 № 7. Л. 31–32 об. Небольшой фрагмент письма (о «союзниках гнилья») опубликован в изд.: 1) *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 57; 2) *Аксаков. Письма к родным (2)*. С. 618.

[1] Веве (Vevey) — город на западе Швейцарии, находится во франкоязычном кантоне Во, на берегу Женевского озера. В этом городке Иван отдыхал с Константином и в сентябре 1860 г., тут они встретились с Ф. И. Тютчевым.

[2] И. Аксаков, вероятно, заезжал в Женеву в самом конце июня или в первых числах июля 1857 г., поскольку он 22 июня писал родным из Венеции, намечая дальнейший маршрут путешествия: «Теперь еду в Милан, где осмотрю собор, и потом ⟨...⟩ в Женеву» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 32). Следующие письма — они не сохранились — были отправлены 4 июля и 11 июля — уже из Берна и Цюриха соответственно (см.: Там же. С. 33).

[3] Речь идет о негласном редактировании К. Аксаковым еженедельной литературной газеты «Молва», выходившей в Москве по субботам с апреля по декабрь 1857 г. (всего 36 номеров). Официальным редактором числился кандидат Московского университета С. М. Шпилевский. Основное содержание газеты заключалось в передовых статьях К. Аксакова, где излагались основы славянофильского учения. Ко времени написания данного письма вышел 12-й номер газеты (29 июня).

[4] Сокращение вписано сверху между строк.

[5] Об этой полемике см.: *Цимбаев Н. И.* Газета «Молва» 1857 года (из истории славянофильской периодики) // Вестник Московского университета. Сер.: История. 1984. № 6. С. 140–158.

[6] *Сверху над зачеркнутым*: засвистела.

[7] *Далее зачеркнуто*: тих⟨ую⟩.

[8] Леман (*франц.* Lac Léman, Le Léman) — другое название Женевского озера (*франц.* Lac de Genève, *нем.* Genfersee), второго по величине (вслед за Балатоном)

пресноводного озера в центральной Европе, расположенного в Швейцарии и Франции. Во времена римского господства озеро именовалось по-латыни Lacus Lemannus. Французское название Lac de Genève широко применяется с XVI в., когда упрочилась швейцарская государственность. Название Lac Léman вернулось во французский язык в XVIII в. и также стало довольно употребительно.

[9] Это слово вписано сверху между строк.

[10] Первый номер «Молвы» вышел 13 апреля.

[11] Судя по письму И. Аксакова к А. И. Герцену, датируемому первой половиной 1858 г., число подписчиков к новому году действительно возросло, что обернулось немалыми убытками из-за закрытия газеты. Он сообщал: «...„Молве" назначили цензора Бессомыкина. Хорош цензор, которого, как известного труса, приставляют к газете в качестве палача. С Бессомыкиным издавать срочную газету не было никакой возможности. В 1-м же моем номере он вычеркнул более половины, авторы не соглашались на искажение статей, Бессомыкин заявил, что он будет каждый номер газеты (заметьте — еженедельной) вносить в Цензурный комитет. Одним словом, я не мог издавать газеты и прекратил ее, не выдав ни одного номера и возвратив к немалому для меня убытку по почте все деньги подписчикам» (цит. по: *Порох И. В., Порох Вл. И.* Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 94).

[12] Александра Осиповна Смирнова (урожд. Россет; 1809—1882) — фрейлина Двора, мемуаристка; друг и собеседник Пушкина, Жуковского, Гоголя. Баден (Baden; с 1931 г. официально: Баден-Баден) — курортный город в одноименном Великом герцогстве (1806–1871), знаменитый своими горячими источниками; ныне — в германской земле Баден-Вюртемберг.

[13] Кошелев в это время находился за границей и состоял в переписке с И. Аксаковым, откуда тот и знал о его передвижениях. Остенде (*нидерл.* Oostende) — курортный город в Западной Фландрии, в Бельгии, на побережье Северного моря.

[14] Кошелев, согласно его дневниковым записям, включенным в поздние мемуарные «Записки», поехал за границу прежде всего ради знакомства со славянскими учеными и общественными деятелями — с целью привлечь их к сотрудничеству в «Русской беседе»; со многими из них он сблизился в Праге, куда прибыл 18 (6) июля, а затем в Вене, где находился с 22 (10) по 24 (12) июля (см.: *Кошелев. Записки*. С. 74–78).

[15] Путешествие по этому маршруту Аксаков завершил уже к началу августа: его письмо к родным из Остенде датировано 3-м числом (см.: *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 33). Майнц (*нем.* Mainz) — город в Германии, ныне административный центр земли Рейнланд-Пфальц.

[16] Кн. Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), поэт, критик, мемуарист, в тот период (1855–1858) исправлял должность товарища министра народного просвещения; впоследствии обершенк Двора, член Государственного совета и сенатор (с 1859).

[17] Это слово вписано сверху между строк.

[18] *Далее зачеркнуто*: для.

[19] О видном деятеле лужицкого возрождения И. Я. Смоляре см. в наст. изд., на с. 543. Кошелев, находясь в это время в Вене, сокрушался о состоянии некоторых матиц (литературно-научных обществ у австрийских славян): «Сербская — в Песте

и славянская — в Клагенфурте чуть дышат. Вообще деятельности их теперь очень слабы по недостатку материальных средств. 〈...〉 Движение славянское теперь вообще слабо» (*Кошелев. Записки*. С. 77). Пест — ныне часть Будапешта, Клагенфурт-ам-Вертерзее (Klagenfurt am Wörthersee; словенский Целовец) — город на юге Австрии. Видимо, Кошелев давал деньги Смоляру на усиление Сербской матицы. Ср. более позднее письмо И. Аксакова к прот. М. Ф. Раевскому: «...пожаловал в начале года в Москву Смоляр 〈...〉 занимать денег, тысяч 5, на какой-то дом для матицы, — нельзя было отказать: собрали» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 266).

[20] С первоначальной программой «Русской беседы» был не вполне согласен и К. Аксаков (см. в наст. изд., на с. 249–254, публикацию его письма от 4 января 1856 г. «Об издании „Русской беседы"»).

[21] Аксаков цитирует письмо Кошелева от 30 (18) июля 1857 г., который, в частности, писал ему: «...желаю, от всей души желаю передать вам „Беседу", но еще сильнее желаю одно — чтоб „Беседа" сохранила свой дух, т. е. тот дух, который Хомяков, Самарин, ваш брат и я вполне и безусловно одобряли и который уже доставил нашему изданию одобрение и сочувствие просвещенных лиц нашего духовенства» (Из переписки московских славянофилов: Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову // *ГМ*. 1918. № 7/9. С. 177).

[22] Граф Александр Петрович Толстой (1801–1874) — генерал-лейтенант, гражданский губернатор в Твери (с 1834 г.), военный — в Одессе (с 1837 г.); обер-прокурор Св. Синода (1856–1862).

[23] Упомянут ржевский священник Матвей Александрович Константиновский (1791–1857), духовный наставник Гоголя.

[24] Имеется в виду митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г., с 1821 г. архиепископ) Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов: 1782–1867). Отношение к нему И. Аксакова кардинально изменилось во второй половине 1860-х гг. См.: *Дмитриев А. П.* Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках московского «триумвирата консерваторов» (И. С. Аксаков — Н. П. Гиляров-Платонов — М. Н. Катков) // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2009. С. 114–123.

[25] Неточность: подразумевается определение «союзники гнилые» (а не «союзники гнилья») из получившего широкую известность стихотворения К. Аксакова «Союзникам» (1844): «На битвы выходя святые, / Да будем чисты меж собой! / Вы прочь, союзники гнилые, / А вы, противники, — на бой».

[26] Речь идет о Петре Ивановиче Бартеневе (см. о нем наст. изд., с. 533).

[27] *Вписано над зачеркнутым*: во многом.

[28] Речь идет о скандале, связанном с публикацией в «Русской беседе» довольно пристрастного по своим оценкам очерка В. В. Григорьева (см. о нем наст. изд., с. 535) «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (см. № 66, 84 в *ПР*). Николай Филиппович Павлов (1803–1864), прозаик, публицист и поэт, откликнулся на него язвительной статьей «Биограф-ориенталист», опубликованной в июньской книжке «Русского вестника» за 1857 г. Видный нумизмат-ориенталист и археолог Павел Степанович Савельев (1814–1859), как близкий друг Григорьева, взял его сторону.

[29] Иван, как и Константин, отказывал церковному искусству в художественности, поскольку считал, что христианство неуловимо для искусства. Ср. сходные рассуждения в статье последнего «Искусство и художественность»: «...личность необходима для изображения художественного; но личность по началам Христианства есть грех, уже потому Христианин, Русской человек, личнос⟨ть⟩ отвергающий, в искусстве неуловим» (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 186. (История эстетики в памятниках и документах)). См. также: *Маслов К. И.* К характеристике взглядов ранних славянофилов на церковную живопись // Искусство христианского мира: Сб. ст. М., 1998. Вып. 2. 125—130.

[30] *Первоначально было*: гнусности.

[31] И. Аксаков в тот период психологически тяготел к так называемому спиритуалистическому, духовному христианству, поэтому, к примеру, в почитании мощей и икон усматривал пережитки язычества. См. его отношение к мироточивой иконе в письме к Б. И. Ордынскому от 3 октября 1858 г. (наст. изд., с. 377).

[32] Эти свои взгляды наиболее определенно и последовательно, к тому же с богословским обоснованием, В. А. Жуковский высказал в своей программной статье «О смертной казни», где писал, что смертная казнь — «не иное что, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный Самим Богом» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. X. С. 140). При этом он призывал усовершенствовать сам процесс приведения приговора в исполнение: «Сделайте, чтобы казнь была не одним механическим действием общественной машины, или просто арифметическим вычитанием одной цифры из общей суммы; сделайте, чтобы казнь была не одним актом правосудия *гражданского*, но и актом любви *христианской*, чтобы она, уничтожая преступника, врага *граждан*, возбуждала сострадание к судьбе его в сердцах его *братьев*, чтобы его земная погибель была общим горем, чтобы всякий видел, что неумолимое правосудие, заботясь о сохранении порядка общественного уничтожением его возмутителя, не менее заботится о спасении души осужденного...» (Там же. С. 141).

[33] Ср. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847): «...многие в Европе ⟨...⟩ начинают гласно говорить о преимуществах нашего крестьянского быта, испытавши бессилие всех установлений и учреждений нынешних, для их улучшенья» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: ⟨В 14 т.⟩. ⟨М.; Л.⟩, 1952. Т. VIII. С. 362).

[34] Видимо, отголосок споров братьев об анафеме — отлучении христианина от таинств, являющемся высшим церковным наказанием (прежде всего за измену Православию и уклонение в ересь или раскол). В тот период, с 1801 по 1869 г., в чине анафематствования в Русской церкви перечислялись лишь сами ереси, а из имен государственных преступников упоминались только Г. Отрепьев и И. Мазепа.

[35] *Сверху над зачеркнутым*: деяния.

[36] Это предложение вписано сверху между строк.

[37] Гипербола на основе евангельского образа из притчи о талантах (денежная единица, равнозначная 5000—6000 денариям). Ср.: «Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов» (Мф. 25: 16).

[38] *Первоначально было*: ограниченно.

[39] *Далее зачеркнуто*: но.

«...МНЕ НЕОБХОДИМ... ЧЕЛОВЕК, ЗНАКОМЫЙ С СЛАВЯНСКИМИ НАРЕЧИЯМИ...»

(Переписка И. С. Аксакова с Б. И. Ордынским (1858))

Вступительная статья, публикация
и комментарии А. П. Дмитриева

С филологом-классиком и переводчиком Борисом Ивановичем Ордынским (22 августа 1823 г., Волынская губ. — 30 мая 1861 г., Москва)[1] Аксаков мог познакомиться еще на рубеже 1840-х — 1850-х гг., когда тот занимался преподавательской деятельностью в Москве и активно печатался в столичных журналах. Но не исключено, что их знакомство состоялось, только когда в «Русской беседе» — в книге III (VII) за 1857 г. — под псевдонимом «Филеллин» появилась статья Ордынского «Адамантий Корай, просветитель новых греков» (см. № 163 в *ПР*).

Ордынский — сын военного врача, тульского дворянина. Первоначальное образование получил дома, затем обучался в Ярославской и Тульской гимназиях и — с 1840 г., преодолев сопротивление отца, желавшего, чтобы сын пошел по его стопам, — на филологическом факультете Московского университета, где его товарищами были Фет, Полонский, Ушинский. Окончил курс в 1844 г. в звании действительного студента, через год был утвержден кандидатом и назначен преподавателем греческого языка в Ярославскую гимназию. В 1845 г. выступил в печати с «Первоначальным руководством к этимологии греческого языка» (М., 1845; 2-е изд.: 1853).

В июне 1847 г. ему удалось перевестись в Москву, в Третью реальную гимназию, на классическом отделении которой он состоял преподавателем, пока из-за сокращения числа уроков греческого языка в январе 1852 г. не остался за штатом. Ордынский, увлеченный творчеством древних классиков, умел передать этот интерес ученикам: о нем с большой теплотой вспоминал, например,

---

[1] Использованы главным образом данные семейного архива Ордынских, опубликованные в изд.: *Бобров Е. А.* Борис Иванович Ордынский: (Биогр. очерк на основании неизд. источников). Варшава, 1904.

ставший впоследствии академиком Н. С. Тихонравов.[2] Потеряв 1 августа место гимназического преподавателя, Ордынский начал хлопотать о службе при университете и о получении ученой степени. В этот период он уже приобрел известность многочисленными публикациями, популяризировавшими культуру античного мира: «Греческие женщины», «Внешняя обстановка домашней жизни древнего грека», «„Одиссея“ Жуковского и журнальные толки о ней», «О занятиях молодого афинянина», «Обеды древних греков», «Наемные друзья богатых римлян II века по Р. Х.», «О древнем греческом театре» и др. Оживленную журнальную полемику вызвал его перевод «прозой и простонародным языком» песней I—XII «Илиады», опубликованный в 1853 г. в «Отечественных записках» (редакция журнала из-за этого прервала публикацию, и уязвленный автор уничтожил перевод остальных песней). Особенно много сотрудничал Ордынский с «Москвитянином», где в 1851—1856 гг. напечатал 11 работ (тогда, видимо, и произошло сближение с кругом, близким к славянофилам). Большое участие в его судьбе всегда принимал редактор издания М. П. Погодин, исходатайствовавший своему сотруднику место в Казанском университете, где тот уже с декабря 1853 г. преподавал в звании исполняющего должность адъюнкта по латинской словесности. Удостоившись степени магистра за диссертацию «„О поэзии“ Аристотеля» (М., 1854), Ордынский с марта 1857 г. до конца 1860 г. читал там лекции по греческой словесности.

Ежегодно каждый летний отпуск он приезжал в любимую Москву, где с 1857 г. встречался и с Аксаковым. В том, что испытывает нравственную тягость, живя в Казани и служа в тамошнем университете, он признавался Ивану Сергеевичу в письме от 6 ноября: «...я неохотно попал сюда и не знаю, как вырваться» (письмо 4). Не исключался и вариант переезда в Москву в качестве помощника Аксакова по редакции «Русской беседы» и «Паруса». Упомянутое и еще одно сохранившееся обстоятельное письмо (от 7 ноября) особенно любопытны и в другом отношении — Ордынский, справедливо полагая, что с их содержанием наверняка познакомится окончивший Казанский университет С. Т. Аксаков, дал колоритную картину студенческих волнений, вызванных засильем немецких профессоров — «рутинистов-пошляков», как их называет Ордынский, с горечью констатирующий: «Сергею Тимофеевичу неприятно, я думаю, будет узнать, что Каз⟨анский⟩ ун⟨иверситет⟩ быстро стремится к разрушению» (письмо 4). С другой стороны, в этих письмах вполне проявляется и талантливая натура Ордынского, склонного к юмористическому взгляду на жизнь (Аксаков писал ему 28 октября: «Я знаю, в Вас есть доля сатирического

---

[2] См.: *Пыпин А. Н.* Н. С. Тихонравов и его научная деятельность // Тихонравов Н. С. Сочинения: ⟨В 3 т.⟩. М., 1898. Т. I. С. XVII.

воззрения на мир и на людей...», письмо 3), сострадательного к людям (чего стоят одни хлопоты о несколько недотепистом Барабанщикове, которого он пытался пристроить в помощники к Аксакову!), замечательно наблюдательного рассказчика.

Главный предмет переписки — помощь в поисках знатока славянских языков для «Русской беседы» и «Паруса». В результате Аксаков обрел — в лице Мемнона Петровского — толкового литературного сотрудника, надежного друга и единомышленника.

12 октября 1860 г. Ордынский оставил службу в Казанском университете, но уже весной следующего, 1861 г. был избран советом университета экстраординарным профессором на кафедру римской словесности. Получив приглашение на ту же кафедру и от Харьковского университета, Ордынский предпочел службу в последнем, но вскоре скончался в Москве 30 мая 1861 г., имея всего 38 лет от роду.

1. Аксаков

4 сентября 1858 г., Москва

Милостивый Государь
Борис Иванович.

Ваш Афанасий действует хуже Греческого патриархата,[1] а укротить его труднее, чем фанариотов.[2] Тут хоть кн. Горчаков за болгар вступится,[3] а кто вступится за бедных профессоров Академии? — Бедный Ильминский![4] Ему одно средство остается: написать статью для «Р⟨усской⟩ беседы», пожалуй,[5] хоть без имени или под псевдонимом. Статья, по своему достоинству и по новости предмета, непременно обратит на себя общее внимание, об ней заговорят; сам же граф Алекс⟨андр⟩ Петр⟨ович⟩ Толстой[6] будет меня спрашивать — откуда вы выкопали такого человека, — и тогда или возвратят ему его кафедру, или переведут в Московскую Академию.

Что же касается до молодого бакалавра, пристрастившегося к славянской филологии,[7] то вот мой совет.

У нас, при «Беседе» и «Парусе», учреждается Славянская контора, для учено-литературных сношений и проч. с славянами.[8] Об этой конторе вы прочтете в Объявлении об издании журналов на[9] 1859 год, а теперь только скажу Вам, что мне необходим при конторе человек, знакомый с славянскими наречиями, и человек живой, который бы мог переводить нам письма, получаемые от чехов и сербов (включая хорватов), русинов,[10] словенцев и проч. (для болгар — у нас есть переводчики и для поляков

также). Словом — человек, который бы мог вести эту контору (имеющую, разумеется, получить значение политическое) — под моим управлением; в то же время он бы мог вполне удовлетворять свою склонность к филологии, пользуясь пособиями (все газеты, журналы, издания славянские) и достаточным досугом. Я бы мог такому господину предложить: 1) 400 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья в год; 2) за перевод больших славянских статей[11] 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с печатного листа; 3) за составление статеек для «Паруса», т. е. извлечений из слав⟨янских⟩ газет, из писем и проч., — 20 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за лист. Одним словом, он бы легко мог получать рублей 600 в год, может быть и больше. За самостоятельное сочинение он мог бы получить наравне с прочими — 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за лист. Это жалованье, я полагаю, выше академического, да и занятия живее, приятнее; жизнь в Москве представляет более удобств для ученого,[12] чем у вас в Казани.

Вообразите, что здесь в Москве вовсе нет людей, способных занять это место. У Бодянского[13] учеников нет вовсе, и я принужден искать нужного мне человека или в П⟨етер⟩бурге, между учениками Срезневского,[14] или в Казани. Если Вы с Григоровичем[15] хороши, поговорите с ним об этом. Если этот бакалавр[16] действительно знает языки чешский и сербский (или, по крайней мере, — способен скоро узнать их *хорошо*), то уговорите его бросить Академию и немедленно ехать в Москву. Прошу Вас о том убедительно.

С нетерпением стану ждать статьи Вашей и Добротворского.[17]

Из Афин еще нет ответа,[18] еще раз писано туда.

Напишите Ив⟨ану⟩ Петр⟨овичу⟩ Розову,[19] что я буду высылать ему «Парус», вместо «Молвы».[20] Деньги эти, видно, отнесены почтальоном не ко мне, а к прежнему редактору «Молвы», г. Шпилевскому;[21] я их не получил, ну да это все равно. — Пожалуйста, отвечайте мне поскорее.

4 сент⟨ября⟩

Преданный Вам душ⟨евно⟩
Ив. Аксаков

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 33. Л. 3–4 об. На л. 3 сверху рукой И. И. Ордынского: «Писано в 1858». В верхнем правом углу рукой Б. И. Ордынского (?) пронумеровано: «1».

[1] Речь идет об архиеп. Афанасии (в миру Андрей Григорьевич Соколов; 1801–1868), возглавлявшем Казанскую и Свияжскую епархию с 3 ноября 1856 г. по 9 ноября 1866 г. Казанский профессор П. В. Знаменский так характеризовал его: «Пре-

освященный Афанасий был истинно праведный человек и замечательно начитанный ученый, но, по своему благочестию, выказывал мало уважения к науке и даже ко многим богословским научным исследованиям...», смотрел «на ученые степени вообще не совсем благоприятно, как на плод одного человеческого тщеславия...» (*Знаменский П.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы). Казань, 1891. Вып. I. С. 143; 1892. Вып. II. С. 381).

[2] Фанариоты (букв. «жители Фанара», квартала в Стамбуле с резиденцией греческого патриарха) — представители греческого духовенства и торгово-денежной аристократии, пользовавшиеся в Османской империи значительными привилегиями и проводившие политику эллинизации Болгарии и Дунайских княжеств Константинопольского патриархата.

[3] Светл. кн. Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), дипломат и государственный деятель, канцлер (1867), в 1856—1882 гг. занимал пост министра иностранных дел. Имел репутацию «защитника болгар» против турецкого засилья.

[4] Выдающийся ориенталист Николай Иванович Ильминский (1822—1891), с 1854 г. преподававший арабский и турецкий языки на Миссионерском отделении Казанской духовной академии, был обвинен в пропаганде мусульманства и, оскорбленный, в сентябре 1858 г. оставил Академию; до 1861 г. он служил драгоманом при Оренбургской пограничной комиссии, откуда поступил в Казанский университет профессором турецкого и татарского языков. Поводом к увольнению Ильминского из Академии стал его (совместно с проф. Г. С. Саблуковым) официальный доклад о состоянии христианской миссии среди татар, датированный 9 февраля 1858 г. Архиепископ Афанасий (Иванов) был им возмущен, поскольку, как писал П. В. Знаменский, «по своей глубокой твердости в православной вере» не мог себе и «представить, чтобы мухаммеданство имело такую крепкую внутреннюю силу, как это изобразил особенно Н. И. Ильминский. ⟨...⟩ ...представлялось, что Ильминский просто раздувает эту силу, на самом деле не стоящую внимания серьезного человека. ⟨...⟩ ...ради спасения студентов от пропаганды ислама ⟨...⟩ Ильминского положено перевести на кафедру математики, оставив за ним в отделении преподавание одного татарского языка» (*Знаменский П.* История Казанской духовной академии... Вып. II. С. 413, 415). Следует заметить, что за Ильминского решительно вступились Св. Синод и, особенно, митрополит Григорий (Постников), до преосвященного Афанасия (с 1848 по 1856 г.) возглавлявший Казанскую и Свияжскую епархию. Знаменский приводит запись архиепископ Афанасия «на одном журнале правления» от 16 декабря: «Ильминского постараться удержать при Академии, то немедля представлен будет в ординарные профессоры» (Там же. С. 416). Но было поздно.

[5] *Это слово написано сверху над зачеркнутым*: если.

[6] Отношение И. Аксакова к гр. А. П. Толстому (см. о нем примеч. 22 на с. 368) было неоднозначным. 14 (2) июля 1857 г. он писал брату Константину из Швейцарии: «...краснею от сочувствия „Беседе“ графа Ал. П. Толстого, отца Матвея и Филарета» (наст. изд., с. 365).

[7] Речь идет о бакалавре Казанской духовной академии Александре Ильиче Лилове (1832—1890) — этнографе, журналисте, педагоге; выпускнике Нижегородской семинарии (1852) и Казанской духовной академии (1856). За сочинение «О зловредных

действиях езуитов ⟨так!⟩ в отношении к Православной Церкви в России в конце XVI и в начале XVII века» (Казань, 1856. 283 с.) — на тему, специально интересовавшую славянофилов и позднее ставшую предметом известного исследования Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России» (М., 1866; 3-е изд.: 1870), — Лилов был удостоен степени магистра. Бакалавром при Академии он был оставлен как специалист по палеографии. Профессор П. В. Знаменский писал: «С 1855 г., когда в Академию для преподавания славянской палеографии приглашен был известный славист, профессор университета В. И. Григорович, студент Лилов сделался усерднейшим слушателем и в течение года успел приобрести такие обширные сведения не только в палеографии, но и по сравнительному изучению славянских наречий, что профессор сам рекомендовал его на кафедру палеографии как своего достойного преемника. ⟨...⟩ При распределении студентов на места (утвержденном 14 ноября 1856 г.) А. И. Лилов был оставлен при Академии бакалавром греческого языка и палеографии» (*Знаменский П.* История Казанской духовной академии... Вып II. С. 33–34). Но впоследствии он был отстранен от преподавания любимых предметов и переведен на кафедру логики и истории философии. Оскорбленный, Лилов вышел из духовного звания. Он не поехал в Москву к Аксакову, поскольку в конце 1859 г. перешел на службу в Министерство народного просвещения и переехал в Ставрополь, где занял незавидное место надзирателя местной гимназии (с 1869 г. — инспектор). С 1874 г. состоял в Тифлисе директором Второй классической гимназии. О В. И. Григоровиче см. примеч. 15.

[8] См.: *Кошелев А., Аксаков И.* Объявление об учреждении Славянской конторы при конторах «Русской беседы» и «Паруса» в Москве. М., ⟨1858⟩. 4 с. См. также примеч. 44 к публикации «Редакционных статей» (наст. изд., с. 276).

[9] *Этот предлог написан сверху над зачеркнутым*: в.

[10] Русины — восточнославянская этническая группа, по вере изначально православная (с IX в.).

[11] *Далее зачеркнуто*: превышающих.

[12] Для ученого *вписано позднее сверху между строк.*

[13] Осип Максимович Бодянский (1808–1877) — филолог и историк, один из первых славистов в России, был близок к славянофилам; профессор истории и литературы славянских наречий в Московском университете (1842–1848, 1850–1868), редактор «Чтений Московского общества истории и древностей Российских» (1846–1848, 1858–1877).

[14] Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — адъюнкт-профессор в Харьковском университете по кафедре политической экономии и статистики (1837–1839), профессор славистики там же (с 1842 г.), затем (с 1847 г.) в С.-Петербургском университете и Педагогическом институте; академик (1854). Автор трудов по палеографии, этнографии, географии, истории, славянской филологии, археологии и истории быта, письменности и литературе славян.

[15] Виктор Иванович Григорович (1815–1876) — выдающийся филолог-славист, профессор Казанского (1839–1849, 1854–1864), Московского (1849–1854) и Новороссийского (1865–1976) университетов, член-корреспондент Императорской Академии наук (1851).

[16] См. примеч. 7 к наст. письму.

[17] Имеется в виду Иван Михайлович Добротворский (1832—1883), бакалавр Противораскольничьего отделения Казанской духовной академии (1857—1865), позже, с 1867 г., — профессор университета; один из основоположников научного расколоведения. Его статей в изданиях Аксакова не появлялось. Одно из писем Добротворского к Аксакову 1859 г. см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 186.

[18] Т. е. нет ответа от сотрудника консульства в Афинах о том, какие греческие издания стоит выписывать редакции «Русской беседы» и «Паруса» (см. письмо 3).

[19] Иван Петрович Розов — видимо, надворный советник, старший чиновник особых поручений при ярославском губернаторе (см.: Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858—1859 год. СПб., ⟨1858⟩. Ч. II. С. 235).

[20] Одно время сохранялась надежда, что правительство позволит И. Аксакову наряду с «Парусом» издавать и газету «Молва», заменив фактического редактора этого издания К. Аксакова, но эти планы осуществить не удалось, поскольку официальный редактор С. М. Шпилевский (см. ниже примеч. 21) от должности отказался, а нового редактора (губернского секретаря Н. М. Павлова) Московский цензурный комитет не утвердил (см.: *Кошелев В. А.* Комментарии // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст., коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 511).

[21] Сергей Михайлович Шпилевский (1833—1907) — юрист, краевед, археолог, декан юридического факультета Казанского университета (1873—1876), заслуженный профессор и директор Демидовского юридического лицея (1885—1904). По окончании юридического факультета Московского университета (1856), был редактором газеты «Молва» (1857—1858).

2. Аксаков

3 октября 1858 г., Москва

Почтеннейший Борис Иванович.

Очень радуюсь сообщенным Вами известиям,[1] и с своей стороны вполне согласен ожидать Лилова только в конце декабря.[2] «Парус» начнется только с 1 января; получение славянских газет и журналов в полном комплекте начнется также не раньше будущего года. Но, признаюсь, я бы желал очень,[3] если это только возможно, чтоб он приехал раньше, ибо нужно по крайней мере месяц ему, чтоб оглядеться, осмотреться, ориентироваться. Хотелось бы мне также ведать, как сильны его познания в славянских наречиях: у кого он учился, какие языки знает, бегло ли понимает. Одною из главных его обязанностей будет — читать газеты и журналы, делать из них извлечения и статьи. Нужно мне[4] твердое знание, не то копотливое,[5] которое на каждой строчке прибегает к лексикону: тогда он и в сутки одного № не прочтет. Для болгарского и польского я имею переводчиков, но для чешского и сербского (со всеми его разветвлениями) еще никого в виду не имею. — У Срезневского есть — и от-

личные — ученики, как напр⟨имер⟩ Владимир Ив⟨анович⟩ Ламанский,[6] Макушев[7] и проч. Они все работают теперь на «Беседу» и на «Парус», но в Москву ехать не хотят или не могут. К тому же Ламанский собирается сам занять кафедру.[8]

Пожалуйста, любезнейший Борис Иванович, с полною искренностью известите меня: 1) может ли Лилов удовлетворить всем вышепрописанным требованиям; 2) какие именно с своей стороны он предлагает условия вознаграждения за свои труды. Надобно все это привести в совершенную ясность, чтоб потом не было недоразумений.

Что же касается до «Истории восстания греков», — то — сделайте милость, прошу Вас — составьте об этом статью для «Беседы».[9] Я уверен, что Вы сумеете придать ей значение не одних выписок, а несколько самостоятельного труда. Пишите вообще — не стесняясь цензурой, не думая об ней. Ладить с ней — это уже мое дело.

Форму статье можете дать какую угодно: критическую — как разбор сочинения, или самостоятельного исследования, по поводу только этой книги, или же, — если Вы хотите познакомить читателя с содержанием книги, не вдаваясь в особенные разыскания, — сделайте из нее статью для «Смеси».[10]

Посылаю Вам 2 экземпляра моего циркуляра к славянам.[11] Он переведен на польский, сербский, чешский и болгарский языки и печатается, отчасти уже напечатан на этих языках, — и по отпечатании посылается *туда*! На русском языке он назначается для русинов и для нашего употребления, но не для публики. Скажите мне обо всем этом откровенно Ваше мнение.

Из Афин еще нет ответа.[12] С помощью Общ⟨ест⟩ва парох⟨одства⟩ и торговли[13] у меня заводится корреспондент на Ионических островах.

Прощайте, будьте здоровы. Нельзя ли обличить ложь мироточения в образе Николая?[14] Что это за мерзость!

Весь Ваш
Ив. Аксаков.

3 окт.
1858 Москва.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 33. Л. 5–6 об. В верхнем правом углу рукой Б. И. Ордынского (?) пронумеровано: «2».

[1] Упомянутое письмо Ордынского не сохранилось.

[2] Спустя неделю после того, как Аксаков отправил Ордынскому это письмо, «11 октября 1858 г., А. И. Лилов подал прошение о выходе из духовного звания, по-

том, получив увольнение, в июле 1859 г. подал другое прошение об отставке от духовно-училищной службы» (*Знаменский П.* История Казанской духовной академии... Вып. II. С. 36). Следовательно, в начале октября он еще не определился и предполагал сотрудничать с Аксаковым.

[3] *Далее зачеркнуто*: чт⟨обы⟩.

[4] *Далее зачеркнуто*: беглое.

[5] Копотливое — требующее для выполнения много времени, усилий, терпения.

[6] Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) — историк, славист, этнограф, общественный деятель. Обучался в у Срезневского на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета в 1850–1854 гг. См. также ниже примеч. 8.

[7] Викентий Васильевич Макушев (1837–1883) — историк-славист, член-корреспондент Императорской Академии наук (1878). По окончании С.-Петербургского университета, с 1862 по 1865 г., был секретарем консульства в Дубровнике, в 1868–1871 гг. и 1880–1881 гг. работал в разных зарубежных архивах и библиотеках, опубликовал много документов по истории южных славян. Читал в Варшавском университете курс истории славянских литератур (с 1871 г.).

[8] Ламанский только в следующем, 1859 г. напечатал свою магистерскую диссертацию: а в 1862–1864 гг. совершил путешествие по славянским землям: это требовалось, между прочим, чтоб в будущем занять университетскую кафедру. По возвращении стал доцентом С.-Петербургского университета по кафедре славянской филологии, а защитив в 1871 г. докторскую диссертацию, — профессором той же кафедры. Ученик Срезневского, он сам организовал целую школу славистов, позднее занимавших кафедры в различных университетах и духовных академиях.

[9] Речь идет о книге С. Трикупа. См. примеч. 38 к письму 4.

[10] Рецензия Ордынского была опубликована в «Русской беседе» не в отделе «Смесь», а в отделе «Науки» (см. № 426 в *ПР*).

[11] Этот отпечатанный в Москве циркуляр — «Объявление об учреждении Славянской конторы при конторах „Русской беседы“ и „Паруса“ в Москве» — в переводе на чешский язык был приложен к письму И. Аксакова к В. Ганке от 24 августа 1858 г. (опубл.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Издал В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 5–7. (Материалы для истории славян. филологии)).

[12] См. примеч. 18 к письму 1.

[13] Русское общество пароходства и торговли — судоходная компания (1856–1918), занимавшаяся главным образом торговлей на Черном море; при возникновении Общества правительство предоставило ему заем на 20 лет.

[14] Мироточения от икон в XIX в. в России были крайне редкими явлениями. Об истечении мира от иконы свт. Николая Мирликийского в середине XIX в. данных нет. Наиболее известный мироточивый образ этого времени — икона Божией Матери «Споручница грешных», которая замироточила в 1848 г. в Москве, в доме подполковника Д. Н. Бонческула, и была вскоре передана им в храм Святителя Николая в Хамовниках, где продолжала мироточить. В храм стекалось множество людей, народу раздавали ватки, пропитанные миром, были засвидетельствованы случаи исцелений через помазание миром. Эти чудеса получили широкую огласку, вызвав ряд противоположных оценок; в «образованной» среде русского общества полагали, что тут под-

строенный обман. Не исключено, что Аксаков имеет в виду именно эту икону, ошибочно называя ее «образом Николая» по названию храма, где она пребывала. Можно полагать также, что чудеса от иконы в Хамовниках и разговоры о них позднее послужили для Л. Н. Толстого материалом для сцены с «божьими людьми» в романе «Война и мир», где Безухов и Болконский расценивают рассказ о мироточении Богородичной иконы как «обман народа» (см.: *Басов Д.* Чудо мироточения. СПб., 2001. С. 28–35). Благодарю А. М. Любомудрова за консультацию.

3. Аксаков

28 октября 1858 г., Москва

Почтеннейший Борис Иванович. Признаюсь, письмо Лилова[1] сильно меня огорчило и расстроило на некоторое время все мои соображения. Я очень хорошо понял, что его нерешительность — есть свойство, общее всем даровитым семинаристам. В самом деле семинарское воспитание такого рода, что человек выходит или пошлым дураком, забитым, или же с головой — отлично вышколенной, с эрудицией необыкновенной, но весь нравственно надломанный, болезненный, расколотый, нервный, мнительный, нерешительный... Таков, между прочим, у нас в Москве Никита Петрович Гиляров.[2] — Я пишу снова к Лилову и зову его, но вот что я еще слышал об нем, будто он, хотя и[3] страстный филолог, но совершенно равнодушен к вопросам политическим и общественным; человек отвлеченный, гелертер, не живой.[4] Не знаю, правда ли, так трудно все это решать мне заочно! Потом, любезный Борис Иванович, нельзя не принять в соображение, что мне придется быть с заведывающим славянщиною в отношениях не только ежедневных, но даже интимных. У меня есть лишняя комната, с особым совершенно ходом, и я хотел даже предложить[5] такому господину квартиру с отоплением. Вы понимаете сами, что для такого совместного сожительства нужна личность более или менее симпатичная, характер уживчивый и приятный.

У Вас в Казани есть еще два ученика Григоровича — и оба сотрудники «Р⟨усской⟩ беседы». Это Соколов[6] и Петровский.[7] У Соколова есть решительный талант для стихотворных переводов, но, говорят, что он человек более или менее сложившийся, имеет семью, привык к Казани и едва ли из нее поедет. Остается Петровский, которого мне очень хвалили: человек молодой, живой, способный втянуться в славянское дело[8] горячо под моим нравственным давлением. А мне по характеру моему нужно человека живого, восприимчивого... Языки чешский и сербский он, говорят, и теперь знает достаточно, а со временем выучится и больше, здесь практика порядочная. Главное, что он человек молодой и хороший.

Скажите мне Ваше откровенное мнение. Я знаю, в Вас есть доля сатирического воззрения на мир и на людей, но постарайтесь взглянуть на дело с полным беспристрастием, с той точки зрения, годится ли он для меня. Как учитель Гимназии[9] он получает 400 рублей. Я предлагаю ему 600 р⟨ублей⟩, и сверх того квартиру с отоплением, и сверх того, за всякие капитальные переводы и статьи плата особая с печатного листа. Сверх того, он всегда может найти здесь место учителя Гимназии или в Корпусе; мне даже обещали это.[10] Только ради Бога поскорее отвечайте.

Наконец откликнулся мне корреспондент афинский. Это секретарь посольства. Кажется, с Китаем сношения удобнее, чем с Грецией! Он указывает на несколько газет, и я решаюсь выписать: «Эон», «Илиос», «Эллин» и «Пандору».[11] Но Бог знает, когда их получу. Они будут приходить через П⟨етер⟩бург, через руки Дестуниса,[12] который будет делать из них краткие извлечения для «Паруса», потом от меня доставлять их к Вам. Вы же сделайте мне список книг, которые Вам нужны: можно будет их выписать из Греции, благо теперь есть к кому адресоваться.

Прощайте, почтеннейший Борис Иванович, не попутные ветры дуют «Парусу», грозы собираются... Но у меня, как говорит поэт:

Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой![13]

Ив. Аксаков

Мой адрес теперь: на Никитской, близ Никитских ворот,[14]
дом княгини Голицыной.[15]

Посылаю Вам письмо к Петровскому.[16] Если Вы какого-нибудь вопиющего препятствия не знаете, то потрудитесь мне уладить это дело.

Я вовсе не разделяю Вашего мнения о письме Лилова.[17] Оно не лукаво, а довольно прямодушно. Вижу, что он чувствует в себе призвание к трудам ученым, желает серьезного отношения к науке и «фабрикация» статеек из газет и писем ниже его талантов и дарований.[18] Он ошибается только в том, что у него времени будет мало. Много будет его, к сожалению. ¼ листа или много пол-листа в неделю издавать сведений о славянах не очень хлопотливо. Впрочем, не настаивайте на Лилове. Слав⟨янский⟩ вопрос есть вопрос на очереди политический. В будущем скором, вероятно, будет война. Нужно тут горячее отношение к делу, сочувствие живое.

Как несносна эта отдаленность Казани!

Есть у Вас облатки?[19] В таком случае, или, вернее сказать, в надежде, что у Вас таковые есть, посылаю Вам 1) письмо Лилову[20] и 2) письмо Петровскому[21] незапечатанные. Прочтите и доставьте их по принадлежности. Постарайтесь, добрейший Б⟨орис⟩ Ив⟨анович⟩, устроить мне это дело поскорее: крайне, крайне нужно. Лилов подписался мне в письме Б. А. Лилов.[22] Не знаю, так ли я его окрестил, в Бориса Александровича? Ну да все равно.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 33. Л. 7–8 об. В верхнем правом углу рукой Б. И. Ордынского (?) пронумеровано: «3)».

[1] В архивохранилищах это письмо не обнаружено.

[2] См. в наст. изд. статью «Н. П. Гиляров-Платонов — автор и цензор „Русской беседы"» (с. 158–183).

[3] Хотя и *вписано сверху между строк.*

[4] Выразительный портрет Лилова представлен в труде П. В. Знаменского: «Греческий язык он превосходно знал не только в Академии, но даже еще в семинарии. Он и наружностью походил на какого-то ученого чахоточного грека — испитой, смуглый, с подслеповатым глазами, с совершенно черными волосами на голове и огромной растительностью на бороде, от которой вся нижняя часть лица, будучи обрита, казалась совсем синею» (*Знаменский П.* История Казанской духовной академии... Вып. II. С. 34). Гелертер (*нем.* Gelehrter — ученый) — схоласт, начетчик, оторванный от жизни.

[5] *Далее зачеркнуто*: жить.

[6] Авдий Иванович Соколов (1824–1893) — филолог-славист, педагог, публицист, переводчик. Выпускник словесного факультета Казанского университета (1845). В конце 1850-х гг. преподавал в Первой гимназии Казани. Позднее Соколов был инспектором Пензенского института, гимназий в Самаре и Саратове. С декабря 1873 г. по август 1874 г. редактировал «Саратовский справочный листок», а одно время и «Саратовские губернские ведомости» (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. I. С. 165–167).

[7] О филологе-слависте М. П. Петровском см. вступительную статью к публикации его переписки с И. Аксаковым (наст. изд., с. 398–407).

[8] Это слово вписано сверху между строк.

[9] Петровский преподавал в Первой мужской гимназии Казани латинский язык (1855–1859).

[10] Обещал посодействовать в приискании такого места, судя по письму И. Аксакова к Петровскому от 28 октября 1858 г. (№ 2), историк-медиевист С. В. Ешевский.

[11] Удалось разыскать сведения только о последней из упомянутых афинских газет — «Пандоре» («Πανδώρα»), выходившей в свет в 1851–1872 гг.

[12] Об авторе «Русской беседы» петербургском эллинисте Г. С. Дестунисе см. наст. изд., с. 535.

[13] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желанье» («Отворите мне темницу...», 1832).

[14] Никитские ворота — московская площадь, сформировавшаяся в конце XVIII — начале XIX в. на месте Никитских ворот Белого города; Никитская (ныне основная часть Большой Никитской) улица пересекала северную сторону площади.

[15] Этим домом на Никитской в тот период владела кн. Александра Павловна Голицына (урожд. гр. Кутайсова; 1804–1881).

[16] Очевидно, имеется в виду письмо к М. П. Петровскому от того же, что и наст. письмо, 28 октября 1858 г. (см. наст. изд., с. 409–410).

[17] Вероятно, речь идет о не дошедшей до нас сопроводительной записке Ордынского, с которой было переслано Аксакову письмо А. И. Лилова.

[18] *Далее зачеркнуто*: Что.

[19] Облатки — зд.: мучные, клеевые или бумажные на клею кружки для запечатывания писем.

[20] Местонахождение этого письма нам неизвестно.

[21] См. примеч. 16 к наст. письму.

[22] Конечно, Аксаков ошибся: подпись «Б. А. Лилов» означала: «Бакалавр А. Лилов».

4. Ордынский

6 ноября 1858 г., Казань

Милостивый Государь
Иван Сергеевич!

После письма, отправленного мною к Вам 16 окт⟨ября⟩,[1] я почти каждую почту собирался писать к Вам и все до сих пор откладывал. Дело в том, что[2] вместо Лилова оказались другие охотники на предлагаемые Вами занятия, но рекомендовать их я уже боялся. Между кончившими курс кандидатом[3] на филол⟨огическом⟩ отд⟨елении⟩ остался один, действительно занимавшийся славянскими языками,[4] но Григорович[5] отказался написать о нем к Вам, как я его ни уговаривал: по его обычаю, это показалося ему «нахальством» и т. п. Сам-то я оного господина почти не знаю: по-гречески он занимался плохо, да и вяловат; а Вам, сколько я понимаю, нужно побойчее человека для того дела. Охотно возьмутся работать *здесь* — известные Вам Петровский и Соколов,[6] — оба люди живые и толковые. Есть еще у меня прекурьезный субъект;[7] необыкновенно даровит, образован, как *никто* из знакомых мне *казанцев*; но (теперь по крайней мере) отличается и необыкновенною даже в славянине ленью. Лет десять тому назад кончил курс на математ⟨ическом⟩ отделении; но потом математику кинул и занимается более социальными вопросами; знает языки франц⟨узский⟩, нем⟨ецкий⟩, англ⟨ийский⟩, латинский, польский, чешский,

и все, так сказать, *пряное*, что́ ни попадется ему, читает (на этих языках)[8] с жадностию; прежде кое-что и переработывал (переводил, напр⟨имер⟩, недурно стихами Гете, Байрона), но теперь только читает; был на нескольких службах, — и гувернером, и домашним секретарем, и столон⟨ачальником⟩ Палаты госуд⟨арственных⟩ им⟨у⟩щ⟨ест⟩в, и пр. и пр., и нигде, несмотря на отсутствие всякого состояния, не уживался по крайней беспечности. Но все-таки мне кажется, что он если бы нашел работу по душе, то принялся бы крепко за дело. Мимоходом я говорил ему о Вашем месте, и он крепко завлекся им. *Его здесь немало, кажется, развлекают старые товарищи, знакомые, а главное — унив⟨ерситетские⟩ волнения*. Покамест тянулся «Москвитянин»,[9] я всячески подбивал его ехать к М. П. Погодину: у него в школе он бы искусился, как и многие иные... Но это предприятие по обстоятельствам не удалося.[10] Если бы у Вас нашлося ему какое-нибудь дело, он бы в январе явился к Вам. Порок его единственный — беспечность (NB: не пьяница), но способности и образование редкие. Четвертый год наблюдаю я его и хлопочу что-нибудь для него сделать, но *здесь* не удается... Еще должен заметить Вам, что он благороднейший малый; притом кроткий и неприхотливый. На первый раз доволен будет малым. Во всем сказанном мною нет ни единого слова, в котором бы я не убедился долгим наблюдением над этим господином.[11] Выше я упомянул об унив⟨ерситетских⟩ волнениях. Сергею Тимофеевичу неприятно, я думаю, будет узнать, что Каз⟨анский⟩ ун⟨иверситет⟩ быстро стремится к разрушению.[12] В последнее время и я не на шутку начинаю побаиваться, как бы не закрыли его, что́, впрочем, для меня лично было бы счастием: я неохотно попал сюда и не знаю, как вырваться. Да и не я один: в течение последних 1 ½ года вышло *двенадцать* проф⟨ессоров⟩ и преподавателей!!..[13] *Теперь черед за ректором*,[14] хитрым поляком, иезуитом — Ковалевским.[15] Чем кончатся все эти истории, трудно и предположить. Какие остались дельные старые профессора, ни во что не мешаются; да и наукою мало занимаются; притом одичали, ведя уединенную жизнь;[16] а жалкие рутинисты, большею частию из немцев, делают невообразимые пошлости. С другой стороны, студенты, просвещаемые загран⟨ичной⟩ русской литературой, подняли голову; один из прошлогодних витязей[17] отправился в СПБ., чтобы лично передать Мельникову[18] и другим казанским студентам все здешние дрязги. Особенно в тревожном состоянии находится Казанский унив⟨ерситет⟩ в последнее время,[19] с конца сентября. Дело в том, что здешние[20] пошляки-профессора (т. е. рутинисты)[21] вздумали выжить одного из даровитейших профессоров Пахмана;[22] студенты этим возмутились. Отсюда ежедневные сходки

профессоров-пошляков с одной стороны, студентов — с другой. Студенты почти каждый день выпускают различные памфлеты, доходящие, разумеется, и до профессоров, особенно до тех, которым оные ведать подобает. На днях вышла отсюда презабавная история с здешним историком Ведровым.[23] Вы, я думаю, слышали, что сей господин глуп до идиотизма; что его докторскую диссертацию ошельмовали Куторга[24] и «Современник»;[25] что какая-то минист⟨ерская⟩ ракалья при Норове,[26] выдавши за него родственницу,[27] совала Ведрова на место Грановского в Моск⟨овский⟩ ун⟨иверситет⟩;[28] что Ведров с позором был прогнан из Москвы. Год тому назад определен он был *ордин⟨арным⟩* проф⟨ессором⟩ (!)[29] в Казань. В одном студенч⟨еском⟩[30] памфлете Ведров был назван «тупою головою»; памфлет дошел до Ведрова; Ведров оскорбился; тогда явилася *апология* (при сем прилагаемая), и В⟨едров⟩ 29 октября пригласил *всех* студентов (было около 250 человек, т. е. почти все студ⟨енты⟩), оправдывался перед студентами против стихотворения, против рецензии «Современника», сравнивая себя с Тьером,[31] Карамзиным, Грановским, нагородил, черт знает, сколько чепухи и объявил, что если студенты 1-го ноября не попросят его остаться, он подает в отставку. Студенты, конечно, не пошли к нему, и он — подал в отставку.[32] Вся эта проделка потешает до сих казанскую публику. Немало озадачены здешние профессора; да и Министерству не слишком будет приятно, что министерская креатура сама публично заявила потребность в студенч⟨еском⟩ контроле.

Не успел я кончить письмо к Вам, как получил Ваше письмо[33] и был до крайности им обрадован, особенно когда увидел, что Ваши требования от сотрудника по славянщине вполне мною угаданы. Еще повторяю, что Барабанщиков (так зовут того, о ком выше Вы прочитали) придется Вам по душе, да и сербским и чешским языками ему немного нужно будет заняться при его способностях, чтобы вполне удовлетворить Вашим требованиям. Главное, цель-то ему больно по душе, а при этом условии он, как славянин, работать будет безустально. Я ему сейчас же по получении Вашего письма прочел его, и он собирался немедленно отправиться к Соколову и Петровскому за книгами чешскими и сербскими. Тот и другой языки ему порядочно знакомы, а польский, малороссийский, также французский, немецкий и английский знает основательно. Помещение, Вами предлагаемое, совершенно по нем; условия можете назначить при личной оценке, о чем я его и предупредил и на что он вполне согласен. Мне хочется, чтобы он вырвался из Казани; в Москве у Вас ли, у другого ли кого он найдет дело. А вводить Вас в сомнительные издержки ни я, ни он не хотим; равно как и обольщать обещаниями: увидите на деле, насколько он

может быть Вам годен. Скажу Вам положительно, что для *цели* Вашей Барабанщиков пригоднее других двух лиц; по наличным уже *средствам* всех способнее Петровский, но он немного барчонок, он из числа тех людей, которых я называю иониками[34] (обыкновенно же их зовут эпикурейцами), и потому неспособен войти в Ваши интересы с полной горячностию; еще менее способен к тому Лилов.[35] Тому и другому письма Ваши переслал.[36] С Петровским заговаривал о Вашем предложении неделю тому назад, и он отвечал мне, что если бы предложение Ваше сделано было в то время, когда он окончил курс,[37] то он не призадумался бы взяться за него, но теперь... Во всяком случае на днях постараюсь повидаться с ним и склонить его на Ваше предложение. Да если бы Вы мне в Москве сказали, то я бы успел в январе приготовиться и охотно бы согласился на Ваши условия, чтобы развязаться с этим пакостным университетом. Вам «несносна эта отдаленность Казани»: каково же мне-то поневоле интересоваться каким-нибудь Ведровым и подобными господами? Кстати о Ведрове: достоинство *апологии* состоит в том, что она отлично передает бессвязную, бессмысленную речь этого идиота. Для не знающих Ведрова, может, пропадет прелесть этого стихотворения, но здесь все им восхищаются.

Что касается до меня, то теперь я занимаюсь историей Трикупа,[38] Зампелиевым очерком истории греческого *народа* в Средние века[39] и автобиографиею знаменитого Колокотрони.[40] На днях думаю приступить к беловой работе; я всегда долго занимаюсь изучением материала; потому не удивляйтесь, что по сие время Вам ничего еще не прислал. Зато беловая работа идет у меня быстро.

Наконец, позвольте Вас уверить, что «сатирическое воззрение» мое не мешает мне любить человека и делать добро; даже это воззрение из любви, много раз обманутой и оскорбленной, и проистекло... Оно спасает меня теперь от разочарований и хранит во мне еще немало юношеских сил. О. М. Бодянский[41] засвидетельствует Вам, с каким горячим участием следил я за «Р⟨усской⟩ б⟨еседой⟩» с самого начала ее издания, какие длинные письма писал я к нему по поводу разных статей. Тогда писал я к нему, потому что ни с кем из Вашего круга не был знаком; теперь же, имев (это не фраза) счастие познакомиться с Вами, буду писать Вам. На первый раз вот что. Объявления о «Парусе» и пр. безукоризненно хороши. Если можно к чему придраться, то только к одному месту объявления о «Парусе». Вы живописно изобразили тревожное состояние русского ученого, с трепетом сердца встречающего каждую заграничную почту: «Не привезет ли она нового направления в науке или в литературе? что я тогда буду делать? куда денусь с тем направлением, взглядом, усвоение

которого так дорого мне досталося? да! дорого: сколько пулек преферанса опустил из-за него?» и т. п. Все это так, но зачем ввернули Вы словечко: народное?[42] До времени, право, нужно его бросить, чтобы наши мудрецы не придирались. Дело в том, что все эти мудрецы не только «основательного народного», но и просто «основательного» образования не имеют, учатся по «новейшим» только книгам, а потому в сущности не стоят посредственного английского или немецкого школьника. Ведь у нас как делается? До 16 лет часто малый только к унив⟨ерситетскому⟩ экзамену кое-как приготовится; в унив⟨ерсите⟩те готовится тоже только к экзамену; выходит только с темным воспоминанием о тех предметах, которые должен был если не изучить, то хоть выслушать в унив⟨ерсите⟩те; но вот открывается ему потребность или возможность стать хоть бы профессором дипломатии: сейчас за каталоги: «Какие *новейшие* сочинения по дипломатии?» — и, проглотивши десятка два *новейших* брошюр, компиляций, считает себя уже ученым дипломатом. Один такой мудрец удивил меня следующим разговором: «Не знаете ли, где бы прочитать *краткое изложение Гегелевой философии?*» — «Да Вам для чего?» — «Для вступительных лекций о государств⟨енном⟩ благочинии». И ведь сказано это было не дураком и притом[43] пресерьезно, как будто так и подобает.

Впрочем, я уж слишком расписался. Пора и кончить. На днях получили здесь известие, что в цензуре оттепель;[44] желаю от души попутных ветров и Вашему «Парусу». Всею душою преданный *Б. Ордынский.*

Ноября 6.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 446. Л. 3–6 об. Год установлен по содержанию.

[1] Местонахождение этого письма нам неизвестно.

[2] *Далее зачеркнуто*: на ⟨место?⟩.

[3] *Это слово написано сверху над зачеркнутым*: в ун⟨иверсите⟩те.

[4] О ком идет речь, не ясно.

[5] О профессоре В. И. Григоровиче см. примеч. 15 к письму 1.

[6] О М. П. Петровском и А. И. Соколове, в то время преподавателях Первой мужской гимназии в Казани, см. примеч. 6 и 7 к письму 3.

[7] Далее Ордынский назовет фамилию этого своего протеже — Барабанщиков.

[8] Выражение в скобках вписано сверху между строк.

[9] «Москвитянин» — «учено-литературный журнал», издававшийся в Москве прозаиком, драматургом, публицистом и историком Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875) в 1841–1856 гг. (сначала ежемесячно, с 1849 г. два раза в месяц). Ордынский состоял в дружеских отношениях с Погодиным и неоднократно печатался в его журнале (помимо оригинальных статей — переводы из Эсхила и Демосфена).

[10] Это предложение вписано позднее между строк.

[11] Над этим господином *написано сверху над зачеркнутым:* его.

[12] С. Т. Аксаков был в числе первых студентов открывшегося в 1807 г. Казанского университета.

[13] Ордынский, между прочим, намекает на невыносимую для преподавательского состава университета нравственную атмосферу того периода: нередко неугодные по тем или иным причинам профессора получали от студентов петиции за десятками подписей с требованием оставить кафедру либо их вынуждали сделать это, например, нехождением на их лекции.

[14] Далее до конца предложения вписано позднее, сверху между строк.

[15] Уроженец Гродненской губернии, сын униатского священника Осип (Иосиф, Юзеф) Михайлович Ковалевский (имя при рождении — Jozef Szczepan Kowalewski; 1800—1878) — крупнейший монголовед и тибетолог первой половины XIX в. Репутацией «иезуита», вероятно, был обязан уже тому, что во время обучения в Виленском универстете, в 17-летнем возрасте, по предложению Адама Мицкевича был принят в только открывшееся тогда тайное общество филоматов, где стал секретарем, а затем и председателем его Отделения литературы и моральных наук. В Казань был выслан под особый надзор в 1824 г., после ареста и следствия, длившегося год. В Казанском университете изучал восточные языки, в 1833—1860 гг. занимал профессорскую кафедру; ректором был в 1855—1860 гг. В 1862 г. стал профессором Варшавской главной школы (с 1869 г. Варшавский университет). Почетный член Азиатского общества в Париже (1839). Член-корреспондент (1837), ординарный академик (1847) Императорской Академии наук. Казанский студент (впоследствии профессор геологии) Н. А. Головкинский сообщал своему близкому другу, вольнопрактикующему врачу (впоследствии видный ученый-гистолог) А. Е. Голубеву 2 марта 1858 г.: «Ковалевский получил от министра интимное приглашение выйти в отставку» (цит. по: *Орехова Л. А.* «Кастель-Приморский»: история и судьбы в архивных документах // Историческое наследие Крыма. 2004. № 5. С. 76). А 23 декабря 1858 г. писал: «В одно прекрасное утро студенты потребовали Веселаго и принесли ему энергическую жалобу на ректора, вследствие чего ректор захворал и вот уже около двух месяцев не выходит из квартиры, говорят, выйдет в отставку» (Там же. С. 78). Упомянутый Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895), историк русского флота, исправляя в 1857—1860 гг. должность помощника попечителя Казанского учебного округа, фактически в 1857—1859 гг. управлял округом при болезненном попечителе Владимире Порфирьевиче Молоствове (1794—1863); позднее служил цензором.

[16] Да и наукою мало занимаются; притом одичали, ведя уединенную жизнь *вписано сверху между строк.*

[17] Возможно, имеется в виду один из участников нашумевших «студенческих беспорядков» — выступлений казанских студентов против городского и университетского начальства осенью 1856 г., в результате чего несколько человек было исключено из университета, а один отдан в солдаты. См.: *Ашевский С.* ⟨*Столяров М. Н.*⟩. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855—1863) // Современный мир. 1907. № 9. С. 49; *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932. С. 110, 111.

[18] Речь идет о прозаике Павле Ивановиче Мельникове (псевд. Андрей Печерский; 1818—1883), в 1837 г. окончившем словесный факультет Казанского университета и впоследствии не прерывавшем с ним связей: так, в декабре 1857 г. он вошел в редакцию задуманного тогда сборника бывших студентов Казанского университета (вышел в Петербурге в конце 1859 г. под названием «Братчина», открывался очерком С. Т. Аксакова «Собирание бабочек»).

[19] В последнее время *вписано сверху над зачеркнутым*: в последнем месяце.

[20] Это слово вписано сверху между строк.

[21] Выражение в скобках вписано сверху между строк.

[22] Семен Викентьевич Пахман (1825—1910) — выдающийся русский правовед. С 1852 г. в звании адъюнкта преподавал в Казанском университете на кафедре законов государственного благоустройства (полицейское право). Защитив докторскую диссертацию, в 1853 г. стал экстраординарным профессором, через год перешел на кафедру энциклопедии законов и русских государственных законов, продолжая преподавать историю русского права и временно международное право. В 1856 г. был возведен в звание ординарного профессора и перемещен на кафедру гражданского права и судопроизводства. В самом конце 1858 г. Пахман вынужден был оставить Казанский университет (вероятно, во многом в связи с интригами, о которых говорит в своем письме Ордынский) и перейти в Харьковский; в 1866 г. ему поручили возглавить кафедру гражданского права и судопроизводства в С.-Петербургском университете. По свидетельствам современников, Пахман всегда пользовался в среде студентов любовью и уважением.

[23] Владимир Максимович Ведров (1824—1892) — историк; окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. С 1853 по 1857 г. был профессором всеобщей истории в Александровском лицее, а с 1857 по 1860 г. — в Казанском университете, с 1860 г. — цензором в Москве и Петербурге.

[24] Историк-эллинист Михаил Семенович Куторга (1809—1886) в тот период (1844—1869) состоял ординарным профессором С.-Петербургского университета. Ведров был его учеником. Докторская диссертация Ведрова издана: *Ведров Вл.* Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз (с мая 415 до сентября 413 года до Р. Х.). СПб., 1857. При ее обсуждении на факультете мнения разделились, и она не была принята.

[25] Речь идет об откровенно предвзятой, язвительной рецензии Н. А. Добролюбова на диссертацию Ведрова в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г. (Т. 65, № 9. Отд.: IV: Библиография. С. 7—12), явившейся, по сути, отголоском той неприязни, с которой либеральные круги отреагировали в 1848 г. на его магистерскую диссертацию «Жизнь афинского олигарха Критии», опровергавшую ходячие представления о тирании и демонстрировавшую ее заслуги в истории греческой государственности. Добролюбов, с издевкой намекая на научную несостоятельность работы Ведрова, сопоставлял ее со слабым сочинением гимназиста и при этом иронизировал: «Не подумайте, однако, чтобы сочинение г. Ведрова принадлежало к числу гимназических опытов; нет, г. Ведров далек от этого» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 57).

[26] Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) — государственный деятель, известный путешественник и прозаик, в 1850 г. был назначен товарищем министра народного просвещения, а с апреля 1853 г. по март 1858 г. возглавлял Министерство. Именно при нем возросло количество студентов в вузах, была расширена программа препода-

вания по древним языкам, восстановлена практика командирования молодых ученых за границу (по избранию университетов).

[27] Выдавши за него родственницу *вписано сверху между строк*.

[28] Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) — выдающийся историк-медиевист, с 1839 г. был профессором всеобщей истории Московского университета; скончался 4 октября. Преемником его стал П. Н. Кудрявцев, его ученик и друг.

[29] На деле Ведров состоял *исправляющим должность* ординарного профессора Казанского университета.

[30] Это слово вписано сверху между строк. Упоминаемая далее стихотворная «апология», сочиненная студентами от лица Ведрова, нам неизвестна.

[31] Луи Адольф Тьер (Thiers; 1797—1877) — французский политический деятель и историк, автор классических трудов по истории Великой французской революции; при Июльской монархии несколько сроков был премьер-министром Франции; стал первым президентом французской Третьей республики (временным, до принятия конституции, 1871—1873).

[32] Ср. описание этих событий в письме Н. А. Головкинского к А. Е. Голубеву от 23 декабря 1858 г.: «На Ведрова, профессора истории (всеобщей), явившегося у нас уже после вашего отъезда, написаны были весьма щепетильные стихи. ⟨...⟩ Ведров пригласил весь университет (кроме начальства) на лекцию и, после длинной речи и многих объяснений, отдал себя на суд студентов, прося объявить до определенного им часа, желают ли его оставить: „Ваше молчание, — сказал он, — я сочту за отрицательный ответ“. Но тщетно он ждал до назначенного часа (12 часов другого дня): ответа не было. Он тотчас подал просьбу об отставке и уехал в Петербург» (цит. по: *Орехова Л. А.* «Кастель-Приморский»... С. 78).

[33] Очевидно, имеется в виду письмо И. Аксакова от 28 октября (№ 3 в наст. подборке).

[34] Вероятно, это наименование («ионики») Одынский произвел от названия одного из основных древнегреческих племен — ионийцы, — они занимали территорию Аттики, часть островов Эвбей, Хиос, Самос, Накос и др., а в XI—IX вв. до н. э. колонизовали среднюю часть западного побережья Малой Азии (область Ионии), потом побережья Черного и Мраморного морей. В эпоху упадка Греции ионийцы отличались процветанием и богатством. Из Ионии был родом поэт Анакреон. Основатель эпикуреизма Эпикур (Ἐπίκουρος; 342/341—271/270 до н. э.), развивший аристиппову этику наслаждений, согласно Диогену Лаэртскому, родился и до 18 лет жил (пока не перебрался в Афины) именно на о. Самос.

[35] О бакалавре А. И. Лилове см. примеч. 7 к письму 1.

[36] Письмо к Лилову, вероятно, не сохранилось; что касается письма к Петровскому, то имеется в виду письмо от 28 октября (наст. изд., с. 409—410).

[37] Т. е. в 1855 г.

[38] Позднее в «Русской беседе» (1860. Кн. I (XIX). Отд. II: Науки. С. 131—184) была опубликована статья: *Ордынский Б.* Отпадение Греции от Турции и европейская политика того времени, относительно Греции и Турции: (Σπυρίδωνος Τρικούπη Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως. История Эллинского восстания, Спиридона Трикупа. Три тома. Лондон, 1853. Всего же вышло 4 тома (Ἐν Λονδίνῳ, 1853—1857). Спиридон Трикуп (Τρικούπης, Trikoupis; 1788—1873) — политический деятель,

историк Греческой революции 1821 г., который также был председателем кабинета (первым премьер-министром независимой Греции).

[39] Имеется в виду исследование о средневековом эллинизме греческого историка и литературоведа Спиридона Зампелия (Зампелиос, Ζαμπέλιος; 1815—1881), изданное в 1852 г.

[40] Теодорос Константантис Колокотрони (Κολοκοτρώνης; 1770—1843) — один из выдающихся греческих инсургентов. В 1823—1833 гг. был главнокомандующим всеми войсками Мореи; с 1835 г. — членом Государственного совета. Посмертно опубликованы его крайне пристрастные мемуары: Διήγησις συμβάντων της ἑλληνικῆς φυλῆς ἀπό τα 1770 ἕως τα 1836 / Ὑπαγόρευσε Θεόδωρος Κωνσταντίνου Κολοκοτρώνης. Ἀθήνησιν, 1846. (перевод назв.: «Диегезис событий из жизни греческого народа с 1770 по 1836 год»; переизд.: Афины, 1889. Т. I—II).

[41] Об О. М. Бодянском см. примеч. 13 к письму 1. Ордынский состоял в переписке с Бодянским.

[42] Ордынский имеет в виду следующий фрагмент статьи Аксакова «Об издании в 1859 году газеты „Парус“»: «Такое подчинение мысли авторитету „современности“ (как будто современное *нынче* не перестает быть современным *завтра*), такое слепое благоговение к последнему слову науки (как будто наука есть что-то завершенное и установившееся) ставит большую часть наших мыслителей в зависимость от каждой новой почты, приходящей из Западной Европы в Россию и привозящей, вместе с модными товарами, свежесовременное воззрение, новое последнее слово науки, нередко вносящее смущение и хаос в мир „начал“, только что усвоенных ее русскими поклонниками. Иначе и быть не может там, где мысль не имеет жизненной народной почвы и где мыслители, в подобострастном служении мысли, возращенной чужою жизнью, не только исполнены презрения к нашей умственной самобытности, но готовы насиловать самую жизнь, стеснять ее свободу и деспотически предписывать ей чуждые и несвойственные формы» (*Аксаков И. С.* И слово правды...: Стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986. С. 190).

[43] *Слова* не дураком *и* притом *вставлены сверху между строк.*

[44] Вероятно, речь идет об обсуждавшихся в тот период в российском правительстве планах, «по примеру Франции, учредить наблюдательно-последовательную цензуру» наряду с прежней «предупредительной» (см.: *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 2005. Т. II. С. 86; запись от 5 октября 1858 г.).

5. Ордынский

7 ноября 1858 г., Казань

1858. Ноябр⟨я⟩ 7.

Я принимаю такое живое участие в Ваших, почтеннейший Иван Сергеевич, изданиях, что, отправив вчера длинное письмо к Вам, несмотря на подробность его, до сих пор не покоен: мне все кажется, что, может, иное я не досказал, другое не точно высказал. А потому для успокоения совести пишу еще. Когда я писал вчерашнее письмо, то, право, находился в поло-

жении Гоголевой Агафьи Тихоновны: «Когда бы нос такого да брови такого-то»[1] и т. д. Если совершенство на земле вообще невозможно, то в современном русском молодом поколении и подавно: последние 30, особенно последние 10 лет жестоко изломали, исказили русского человека... Трех соискателей наших можно распределить так: 1) по способности *сочувствовать* Вашему делу — Бараб⟨анщиков⟩, Петр⟨овский⟩, Лилов; 2) по уменью в *настоящую* минуту: Петровский, Лилов, Барабанщ⟨иков⟩; 3) по *надежности*: Лилов, Петровский, Барабанщиков. Личные мои отношения к ним таковы: Барабанщикову я желаю всячески вырваться из Казани, чтобы дарования его, действительно редкие, не пропали втуне; Петровского я знаю меньше всех, но, несмотря на неблизкие к нему отношения, был недоволен два раза его, может и случайною, неаккуратностию, да и вообще — иоников, эпикурейцев я люблю, как милых людей, но дела иметь с ними опасаюсь; а потому и выразился о Петровском в прошлом письме, кажется, слишком уже жестко; Лилов исполнителен и, взявшись за дело, сделает его отчетливо, но не слишком общителен и вообще такой человек, о котором у нас говорится: пальца ему в рот не клади. Притом действительно он не слишком близко принимает к сердцу общественные интересы, хотя и не до такой степени далек от них, как Вам его описывали. Не остановиться ли на Петровском? Тем более что вчера, встретив его на улице и сообщив ему Ваше предложение (письмо Ваше[2] было ему доставлено без него на дом, и он тогда его еще не читал), я заметил, что дела его приняли в последнее время такой оборот, что он готов покинуть Казань. Сегодня он обещал писать к Вам. Увидевшись с ним, я буду всячески подбивать его. Но и для Барабанщикова мне хотелось бы что-нибудь сделать, и если возможно ему у Вас пристроиться, я был бы душевно рад.

Еще два слова о народности. Новогрекам немало вредит их ревнивая заботливость о том, чтобы скрыть по возможности недостатки свои и выставить даже в ущерб истине — достоинства, чистоту гелленской[3] крови и т. п. Жиды в последнее время у нас закопошились с такими же претензиями.[4] В этом отношении, извините, и восточники[5] похожи на новогреков и жидов; и знаете ли? мне кажется, что противники Ваши имеют долю правды; хотя, может быть, и не сознают этого, но стараются доказать, что русский человек не так еще испорчен, как новогреки и жиды, а потому и не требует слишком ревностного усердия в защите его. Нечего защищать, по их (повторяю, бессознательному) мнению. Самое сильное доказательство в пользу восточников может представить, по моему мнению, язык, даже по недавнему признанию Боппа,[6] — самый свежий, самый юный из индоевропейских.[7] Я давно пришел к этому убеждению, что

славянский язык моложе даже греческого, не говоря уже о латинском. Но, с другой стороны, славянские языки обличают и то, что славянское племя долго спало, не сознавало своих сил (оттого нет слова, соответственного латинским ferox, foedus[8]), не выработало даже того понятия, которое выражается греч⟨еским⟩ πόλις, лат⟨инским⟩ respublica (переводит их безобразным *государство*), осквернилось такими словами, как *жалованье*. Вообще язык русский (как и все слав⟨янские⟩) обличает неразвитость народа: он не имеет даже того уважения к старости, которое выражается латинскими verecundia, vereri[9] и которое мы, образованные русские, питаем к Вашему достойному отцу; питаем, но выразить одним словом, вроде vereri, не можем.

Душевно Вам преданн⟨ый⟩
Б. Ордынский

Не близки ли Вы с Уваровым?[10] Вообще, через него или через кого бы то ни было, не можете ли и Вы содействовать переселению моему в Москву.[11]

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 446. Л. 1–2 об.

[1] Имеются в виду рассуждения героини гоголевской «Женитьбы» (1833), купеческой дочери Агафьи Тихоновны, подбирающей себе жениха: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась» (д. II, явл. 1).

[2] Речь идет о письме Аксакова к Петровскому от 28 октября (№ 2, с. 377–380).

[3] Т. е. эллинский. Транскрипцию типа «гелленский» сохраняют основные европейские языки — ср.: *англ.* hellenic, *нем.* hellenisch, франц. hellène, hellénique.

[4] Подразумевается предполагавшееся в тот период значительное расширение гражданских прав еврейского населения России (славянофилы — прежде всего И. Аксаков и Гиляров-Платонов — выступали против либерализации законодательства в этом направлении).

[5] Имеются в виду славянофилы: «восточники» образовано как антоним слова «западники».

[6] Франц Бопп (Bopp; 1791–1867) — выдающийся немецкий лингвист, основатель сравнительного языкознания; был профессором восточной литературы и общего языкознания в Берлинском университете (1821–1864), членом Прусской Академии наук (с 1822 г.).

[7] Вероятно, это суждение Боппа содержится в его знаменитом труде «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков», выходившем выпусками в 1833–1849 гг. (с 1835 г. включен и старославянский язык), и Ордынский имеет в виду второе дополненное издание этого исследования (1856–1861).

[8] Дерзкий, страшный (*лат.*) — возможные переводы этих многозначных слов.

[9] Почитать, чтить (например, родителей, республику, законы).

[10] Имеется в виду гр. Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884), сын министра, снискавший широкую известность своими археологическими исследованиями на юге России (см. его труд «Исследования древностей южной России и берегов Черного моря», СПб., 1851—1856. Вып. ⟨I⟩—II). Вероятно, Ордынский-античник находился под впечатлением раскопок Уварова в Таврической губернии в 1853—1854 гг. — тот возглавлял экспедицию, работавшую в Ольвии, Неаполе Скифском, Херсонесе. В 1857 г. Уваров в честь своего отца учредил Уваровские премии при Академии наук и тогда же возглавил в ней Отдел русской и славянской археологии.

[11] Эти планы Ордынского так и не осуществились. Тем не менее, в конце 1860 г. он оставил службу в Казанском университете. Однако, как отмечалось выше, уже в марте следующего года он был избран экстраординарным профессором на кафедру римской словесности. Чуть ли не одновременно Ордынский получил приглашение на такую же кафедру и от Харьковского университета и предпочел службу в нем, но скончался в Москве в мае того же 1861 г.

6. Аксаков

18 ноября 1858 г., Москва

Благодарю вас от всей души, любезнейший Борис Иванович. Право, мне очень совестно на Ваши живые и большие письма отвечать такими торопливыми несвязными посланиями. Как живо передаете Вы Ваши хлопоты, Ваши заботы и опасения... От Петровского получил я очень милое письмо о *согласии*.[1] Слава Богу! Пожалуйста, перешлите ему мой ответ, а сами с своей стороны поддерживайте в нем решимость ехать. Вы меня более или менее знаете. Со мной можно ужиться, можно иметь дело, — только пусть будет все на прямоту и на чистоту.

Что же касается до Барабанщикова, то, признаюсь, Ваш отзыв о нем таков, что я чуть было не написал к нему приглашения ехать. Но так как во всех этих издержках главная доля не моя, да и дело еще в ход не пущено, то я решился повременить. Но я имею его в виду постоянно и, может быть, в течение года, если дела наши пойдут хорошо, обращусь к нему с просьбой о сотрудничестве.

Как бы хорошо было Вас-то самих перетащить в Москву! Вы не немец-гелертер, а живой, не абстрактный[2] ученый. Но как это сделать? Уваров теперь в дела Университета не вмешивается. Что здесь происходит, Вы и представить себе не можете. Профессора то и дело выходят в отставку, боясь студентов или испытав их неудовольствие. Все это скверно. Студенты пользуются поблажкой неумеренно и наступают с некоторым деспотизмом. Профессора заискивают в них... Ссоры страшные

между профессорами. «Вестник» с «Атенеум» в смертельной вражде, друг друга упрекают в уступке славянофилам...[3]

«Парусу» покуда ветры дуют не совсем благоприятные со стороны Высшей Цензуры, 3-го Отделения,[4] М⟨инистерст⟩ва ин⟨остранных⟩ дел (за славян) и благор⟨одного⟩ росс⟨ийского⟩ дворянства.

Вы, может быть, знаете, что кн. Черкасский, умнейший и благороднейший человек, какого только я знаю, прямо явился в 9 № «С⟨ельского⟩ благоустр⟨ойства⟩» по поводу телесн⟨ых⟩ наказаний.[5] Все дешевые либералы на него опрокинулись, и из них преимущественно те, которые сами в своих селах секут беспощадно (тогда как Черкас⟨ск⟩ий никогда сам не прибегал к телесному наказанию). Появилась подлая статья в «М⟨осковских⟩ ведом⟨остях⟩»[6] и недобросовестная ламентация в «Р⟨усском⟩ вестнике».[7] Черкасский в Туле возится с дворянами в Комитете,[8] отстаивая права крестьян, а Кошелев — в Рязани.[9] Оба они плантаторам страшно солоны.

Взбешенный нападками на Черкасского и Кошелева, я, кажется в 128 или 130 № «М⟨осковских⟩ ведом⟨остей⟩», тиснул маленькую статейку в защиту их.[10] Но в этой статье я неосторожно выразился о дворянах.[11] Вот они и сбесились. На днях в Рязани они составили журнал, которым положили: 1) требовать от правительства удаления из Комитета Кошелева за то, что он не признает себя оскорбленным статьею Аксакова и не соглашается подписать статьи, сочиненной Комитетом мне в ответ; 2) послать прошение к Государю, просить его ограничить Цензуру, не позволять оскорблять благородное сословие и Аксакова подвергнуть личной ответственности; 3) сочинить (и сочинили) статью против меня для помещения в «М⟨осковских⟩ ведом⟨остях⟩» за подписью всех членов. Словом — дворяне взбунтовались. Не знаю, чем разыграется дело. Губ⟨ернато⟩р[12] послал эстафету в П⟨етер⟩бург, куда ускакал и Кошелев. Вероятно, правительство не даст хода этому решению Комитета, не входящему в круг его занятий. Но все же неприятно.

Пожалуйста, присылайте мне статей, а также вербуйте мне сотрудников. Есть ли у Вас замечательные юристы? Мне бы хотелось в течение года разобрать критически весь Свод законов.[13] Но для этого необходимо разделение труда. Нет ли у Вас такого господина, который бы взял на себя разбор одного (любого) из 15 томов? О цензуре не заботьтесь. Это мое дело.

Прощайте покуда, любезнейший Борис Иванович, будьте здоровы.

Весь Ваш

Ив. Аксаков

18 нояб.
1858 Москва

Пусть Лилов пришлет статью. Внушите ему, что это необходимо, чтобы загладить и проч.[14]

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 33. Л. 9–10 об.

[1] О своем согласии приехать в Москву Петровский сообщил в письме к И. Аксакову от 10 ноября 1858 г. (№ 3, с. 380).

[2] *Далее зачеркнуто*: челов⟨ек⟩.

[3] Прежде всего имеются в виду возобновившиеся на страницах этих изданий споры о русской общине. См. прежде всего серию задиристых «писем к редактору» Н. Тупицына под названием «Новая русская община» (Атеней. Ч. V, № 40. С. 328–332; № 41. С. 388–397; № 42. С. 450–459), а также: *Юрьин М. Н.* Спор об общинном владении землею: Голос за общинное владение // Там же. Ч. VI, № 44. С. 17–43. Полемический отклик см.: ⟨*Катков М. Н.?*⟩. Заметки // *РВ*. 1858. Т. 17, № 20 (Окт., кн. 1). Отд.: Соврем. летопись. С. 308–334. См. и другие язвительные отклики на публикации в журнале-оппоненте, например: *М*. По поводу статьи г. Ешевского «Руководство истории, Шульгина», в 38 № «Атенея» // Там же. С. 298–304.

[4] Подразумеваются Главное управление цензуры и управляющий III Отделением А. Е. Тимашев (см. о нем примеч. 13 на с. 281). 28 ноября 1858 г. И. Аксаков писал кн. В. А. Черкасскому о своем недоброжелателе из высших сфер: «...Тимашев испугался в объявлении ⟨о выходе „Паруса“⟩ слова „Знамя“ и туда же в Главное управление цензуры с жалобой. Велено иметь строгий надзор за „Парусом“. Как тут быть? Выпустить первые номера бледными — значит утратить самую дорогую минуту первого впечатления. Ведь его ничем не поправишь потом» (цит. по: *Порох В. И.* И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1989. Вып. 13: Царизм, освободительное движение и культура России, 1825–1895 годы. С. 60).

[5] *Черкасский В., кн.* Некоторые общие черты будущего сельского управления // Сельское благоустройство. 1858. Кн. III, № 9. С. 225–270. (Цензурное разрешение подписано Н. П. Гиляровым-Платоновым 29 сентября.) Мишенью критики, в основном недобросовестной, стала не вся эта довольно пространная статья, а небольшой ее фрагмент (с. 260–261), где кн. Черкасский предлагает использовать «463 статью Эстляндского положения» о «домашнем исправительном наказании» розгами (соответствующую цитату см. ниже в примеч. 6). А. И. Кошелев вспоминал: «В одном из осенних номеров „Сельского благоустройства“ помещена была статья кн. Черкасского, в которой было сказано, что нежелательно, чтобы теперь внезапно были отменены телесные наказания в крестьянском быту, и тем более, что сами крестьяне считают их еще необходимыми. По этому поводу поднялись в журналистике ужасные крики, брани и глумления. Кн. Черкасский как автор статьи, а я как издатель журнала, в котором она была помещена, были просто-напросто привязаны журналистикою к позорному столбу. Заведующий в мое отсутствие из Москвы изданием „Русской беседы“ и печатанием „Сельского благоустройства“ И. С. Аксаков счел долгом за нас заступиться...» (*Кошелев. Записки*. С. 69).

[6] Имеется в виду «Заметка» (*МВед.* 1858. 25 окт. № 128. Лит. отд. С. 521–522), опубликованная под криптонимом «Н. Ч.». Ее автор, постоянный рецензент и литературный обозреватель газеты в тот период (следовательно, «Заметка» могла появиться по прямому указанию редактора-издателя М. Н. Каткова), привел обширную цитату из статьи кн. Черкасского (он, правда, не назван), где между прочим говорится об участковом старосте: «Можно, о крайности, даже предоставить ему право, в случае особого бесчинства крестьянина его участка, требующего немедленного взыскания, подвергать такового наказанию ⟨...⟩ не свыше как 18 ударами розог...» (с. 522), а также подстрочные примечания издателя (Кошелева), в том числе: «Что же касается до телесных наказаний, которые теперь еще отменить нельзя, они должны быть налагаемы не иначе, как по приговору приходского суда» (Там же). Н. Ч. допустил язвительный личный выпад: «Мы долго думали о том, каким путем мог дойти автор до количественного определения указываемой им меры наказания ⟨...⟩. Только продолжительная и усердная практика может помочь в этом полицейском и хозяйственном деле» (Там же). И далее напрямую обратился к издателю, приглашая «подумать о том, возможно ли действительное улучшение сельского быта ⟨...⟩ пока наша литература продолжает заниматься количественным определением известного рода наказаний, о которых никак нельзя сказать, чтобы они слишком содействовали развитию чувства собственного достоинства в низшем сословии?» (Там же).

[7] Речь идет об обстоятельной неподписанной «Заметке», опубликованной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1858 г. (Т. 17, № 19. Отд.: Соврем. летопись. С. 258–270), скорее всего принадлежащей перу самого Каткова. Автор, безусловно утрируя, пишет: «Князь Черкасский пришел к убеждению, что для управления русским человеком необходима розга» (с. 259) — эта мысль, считает он, «испортила все в этой статье и разрушила весь ее смысл» (с. 258). Далее, размышляя о розге («Она поражает дух народный, она убивает в зародыше всякое нравственное развитие, она умерщвляет в самом корне человеческое достоинство...», с. 270), автор «Заметки» то и дело восклицает подобным образом: «О Русь, где же твои коренные начала, которые так чествовались в „Русской беседе“!» (с. 260). Ламентация (*лат.* lamentatio) — жалоба, сетование.

[8] Кн. Черкасский состоял членом Тульского губернского комитета в 1858–1859 гг., где отстаивал наделение крестьян землей в борьбе со своими ретроградными противниками, поставившими даже вопрос об исключении его из числа тульских дворян.

[9] Работа Рязанского губернского комитета по крестьянскому делу, куда А. И. Кошелев был назначен членом от правительства, началась в июле 1858 г.

[10] «Заметка» за подписью «Иван Аксаков, сотрудник „Русской беседы“» увидела свет в № 130 «Московских ведомостей» от 30 октября 1858 г. (Лит. отд. С. 531). В ней Аксаков, откликаясь на заметки, опубликованные в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях», несмотря на свое принципиальное неприятие телесных наказаний, горячо вступается как за кн. Черкасского, так и за Кошелева, поскольку их «нет теперь в Москве»: «Оба они теперь членами в крестьянских комитетах, оба трудятся добрым, честным трудом на пользу русского крестьянина, оба на деле, не на словах только, доказывают свою преданность великому делу — оба в постоянной ежедневной борьбе». При этом Аксаков, утверждая, что все сотрудники «Сельского благоустройства» питают «отвращение ко всякому грубому насилию», цитирует статью кн. Чер-

касского, где прямо говорится о необходимости отмены «прав» телесных наказаний — «посильному их сглаживанию и заменению отношениями правильной гражданской свободы», и заявляет: «Мы громко протестуем против всякого подозрения, которое могло бы пасть 〈...〉 на образ мыслей князя Черкасского...» Катков был вынужден снабдить выступление Аксакова небольшим послесловием «от редактора», начинавшимся так: «Никто больше нас не сожалеет о том печальном столкновении, которое вызвано статьею князя Черкасского, затронувшею больной вопрос...» Здесь он, однако, настаивает на том, что «ответ» на вопрос о розгах не допускает «никаких сделок и ограничений». Отметим, что, подведя здесь черту под полемикой, Катков, тем не менее, в ноябре 1858 г. поместил в «Русском вестнике» (отдел «Современная летопись») еще ряд эмоциональных возражений кн. Черкасскому: 1) *Громеко С. С.* Несколько слов о статье князя В. А. Черкасского, помещенной в № 9 «Сельского благоустройства» // Т. 18, № 21. С. 69–75; 2) *Рочадов Н. П.* Несколько слов о статьях князя Черкасского и г. Рачинского, напечатанных в № 9-м «Сельского благоустройства»: (Из письма к редактору) // № 22. С. 204–207; 3) *Готовцев К. В.* Из письма к редактору // Там же. С. 207–209. Ю. Ф. Самарин и кн. В. А. Черкасский сочли, что Аксаков оказал им медвежью услугу, осложнив их положение в комитетах. Самарин 22 ноября 1858 г. писал Кошелеву: «Лютейший враг наш не мог бы выдумать ничего лучшего» (цит. по: *Пирожкова Т. Ф.* А. И. Кошелев и его мемуары // *Кошелев. Записки*. С. 395). «Публикация статьи Черкасского не украсила страницы журнала, нанесла ущерб доброму имени Кошелева: письма, полученные в это время редакцией „Сельского благоустройства", были настолько резки, что Аксаков, ведший конторские дела журнала, не решался пересылать их редактору в Рязань. А однажды по почте был получен большой ящик с двумя связанными пучками розог — для издателя „Сельского благоустройства" и лично для князя Черкасского» (Там же. С. 396).

[11] Имеется в виду прочувствованное, хотя и несколько высокопарное описание в «Заметке» Аксакова «трудной и томительной» борьбы в комитетах по крестьянскому делу кн. Черкасского и Кошелева, «стоящих за правое дело», результат которой — «победа над высокомерными притязаниями закоснелого невежества и корысти» (*МВед*. 1858. 30 окт. № 130. Лит. отд. С. 531).

[12] Рязанским губернатором с февраля 1858 г. по сентябрь 1859 г. был Михаил Карлович Клингенберг (1821–1873), решительно принявший сторону Кошелева в его конфликте с членами губернского комитета. См. подробнее: *Кошелев. Записки*. С. 69–72.

[13] Свод законов Российской империи — официальное собрание действующих законодательных актов, расположенных в тематическом порядке, — трижды издавался в 15 томах: в 1832, 1842 и 1857 гг.

[14] Приписано в качестве постскриптума на первой странице сверху.

«...ВЫ ОЧЕНЬ МНЕ НУЖНЫ ЗДЕСЬ, НУЖНЫ Т. Е. „РУССКОЙ БЕСЕДЕ“»

(Переписка И. С. Аксакова с М. П. Петровским (1858–1866))

Вступительная статья, публикация и комментарии А. П. Дмитриева

Знакомство И. С. Аксакова с казанским профессором-славистом Мемноном Петровичем Петровским (29 января 1833 г., Васильсурск Нижегородской губ. — 13 апреля 1912 г., Казань) поначалу было заочным — по публикациям стихотворных переводов последнего в «Русской беседе»; потом Петровский стал помощником Аксакова в редакции «Русской беседы» и «Паруса» (в должности «переводчика-славяниста», как ее называли Аксаков и Кошелев), однако эти их непосредственные личные взаимоотношения продолжались не более полугода; сотрудничество, правда, продлилось и на последующие несколько лет, на период издания Аксаковым газеты «День». Сохранившиеся два десятка писем, охватывающих всего восемь лет, тем не менее, позволяют не только расширить наши представления о редакционных трудах и днях обоих корреспондентов, но и открыть ранее неведомые стороны личности Ивана Аксакова, а также и вовсе неизвестные — казанского слависта, будущего члена-корреспондента Императорской Академии наук (с 1895 г.), — по тому, как проявились они в их задушевной дружбе.

Мемнон Петровский — сын просвещенного дворянина, потомка обрусевшего польского рода,[1] привившего сыну любовь к культуре славянских народов, — поначалу обучался дома, затем был определен в Нижегородский дво-

---

[1] Здесь и далее частично используются биографические сведения, собранные из различных печатных и архивных источников в публикациях: *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 555–588; *Мягков В. П.*, *Макарова Н. И.* Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2006. Т. 148, кн. 4: Гуманитарные науки. С. 62–76. Правда, тут лишь случайно упоминается об участии М. П. Петровского в славянофильской журналистике.

рянский институт императора Александра I. Высшее образование он получал с 1851 г. на историко-филологическом факультете Казанского университета по разряду общей словесности. Здесь его основными наставниками, помимо специалистов в области классической филологии, были видные слависты В. И. Григорович и — по-видимому, некоторое время — А. И. Соколов.[2] Окончив курс в 1855 г. со степенью кандидата, Петровский определился преподавателем латыни в Первую мужскую гимназию Казани. С этим городом впоследствии он окончательно свяжет свою судьбу.

Узнав об основании в Москве славянофильской «Русской беседы», Петровский передал в ее редакцию некоторые свои переводы славянских поэтов, выполненные, судя по пометкам при публикации текстов, еще в 1855 г. В книге III за 1856 г., вышедшей в конце октября, увидели свет патриотическое стихотворение чешского поэта Б. Яблонского и четыре песни иллирийского поэта П. Прерадовича (см. № 56 в *ПР*). Впоследствии, еще до личного знакомства с И. Аксаковым, в книге II (VI) «Русской беседы» за 1857 г. был напечатан выполненный Петровским перевод стихотворения польского поэта В. Сырокомли (см. № 121 в *ПР*).

Известно, что некоторые материалы, присылавшиеся Петровским в редакцию «Русской беседы», не были приняты к публикации. Так, 4 марта 1857 г. он отправил на имя Т. И. Филиппова (очевидно, не зная, что тот уже оставил редактирование журнала) свои новые переводы с сопроводительным письмом:

«Милостивый Государь,
Тертий Иванович!

Честь имею препроводить в редакцию Вашего журнала семь сербских песен, переведенных из сборника Караджича,[3] и одно стихотворение Прерадовича.

С истинным почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою
М. Петровский

18 III/4 57. Казань.

P. S. У нас в Казани есть слух, что с будущего года „Русская беседа“ будет выходить ежемесячно. Дай Бог возможного успеха Вашему предприятию».[4]

---

[2] См. о них подробнее примеч. 1 и 16 к письму 2.

[3] Вероятно, имеется в виду один из четырех сборников «Сербских народных песен», изданных в 1823–1834 гг. в Вене (2-е изд.: 1841–1866) Вуком Стефановичем Караджичем (Караџић / Karadžić; 1787–1864), сербским лингвистом-самоучкой, историком, собирателем фольклора, видным деятелем сербского национального возрождения.

[4] ИРЛИ. Ф. 382. № 8. Л. 1–1 об. Впоследствии, 22 января 1858 г., это письмо с приложенными к нему переводами стихов было возвращено Петровскому — уже из редакции газеты

Когда И. Аксаков летом 1858 г. решился редактировать «Русскую беседу» вместе с предназначенной поддержать журнал новой газетой «Парус» (разрешенной уже в апреле), он сразу же столкнулся с серьезной проблемой — в редакцию приходили материалы из разных славянских земель, а основные переводчики прежних лет издания журнала, П. И. Бартенев, А. Ф. Гильфердинг и В. И. Ламанский, работавшие в основном с сербскими и чешскими, а также немецкими рукописями, в связи со своей служебной и научной деятельностью уже не могли столь же деятельно сотрудничать с «Русской беседой». Этими своими тревогами Аксаков поделился с давним автором «Русской беседы», адъюнктом Казанского университета по римской словесности Борисом Ивановичем Ордынским[5] — в письме от 4 сентября (публикуется на с. 372–373).

И вскоре Аксаков получил письмо из Казани (отправленное 15 сентября) с переводом стихотворения В. Сырокомли «О, не люби меня... в дни горя и несчастья...» и предложением сотрудничать в его будущей газете «Парус». Писал 25-летний казанский славист Мемнон Петровский, знакомый Аксакову только по поэтическим переводам, помещавшимся время от времени на страницах «Русской беседы». Он навел о Петровском справки у того же Ордынского, а также (судя по упоминанию в одном из писем Ордынского к Аксакову) у его коллеги профессора В. И. Григоровича. Те предложили не менее трех кандидатур на место переводчика при славянофильских изданиях — наряду с Петровским, еще и бакалавра Казанской духовной академии А. И. Лилова[6] (с ним Аксаков вел переговоры, даже заручился его предварительным согласием, однако Лилов в конце концов отказался приехать в Москву, — см. письмо 4) и некоего Барабанщикова, закончившего Казанский университет со степенью кандидата. Кроме того, поднимался вопрос о возможности переезда в Москву А. И. Соколова (см. письмо 2) и самого Б. И. Ордынского (об этом своем желании он сообщал Аксакову в письме от 7 ноября 1858 г., см. с. 392). Но все же Ордынский, подробно охарактеризовав в письме от 6 ноября главную свою креатуру — незадачливого, но разносторонне талантливого Барабанщикова, вдогонку на следующий день пишет Аксакову снова и называет самого подходящего, по его мнению, претендента: «Не остановиться ли на Петровском?» (наст. изд., с. 391).

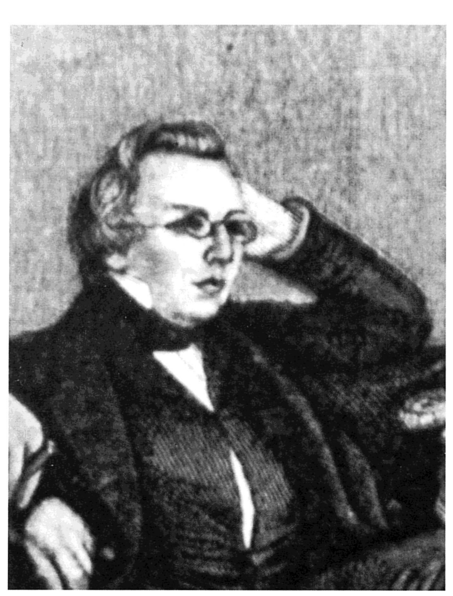
«Молва» К. Аксакова. Эти семь песен с добавлением еще трех впервые увидели свет в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина» (СПб., 1859. Т. V. С. 213–218) — под общим заголовком «Сербские народные песни», с подписью: *М. П—кий.*

[5] См. о нем подробнее примеч. 7 к письму 2.

[6] См. о нем примеч. 1 к письму 4.

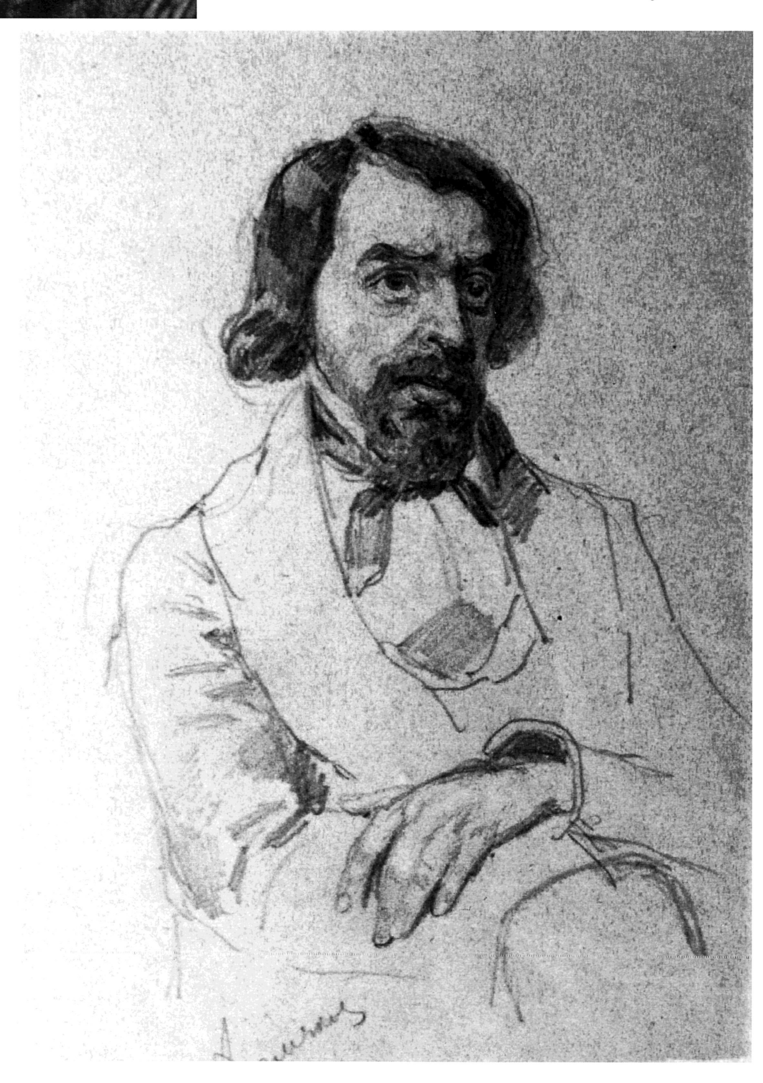

1. А. С. Хомяков. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

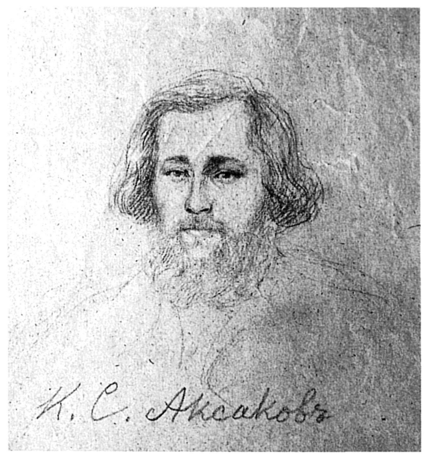

2. И. С. Аксаков.
Фрагмент гравюры
А. П. Зубчанинова
с рис. А. В. Попова

3. А. С. Хомяков.
Рис. неизвестного художника

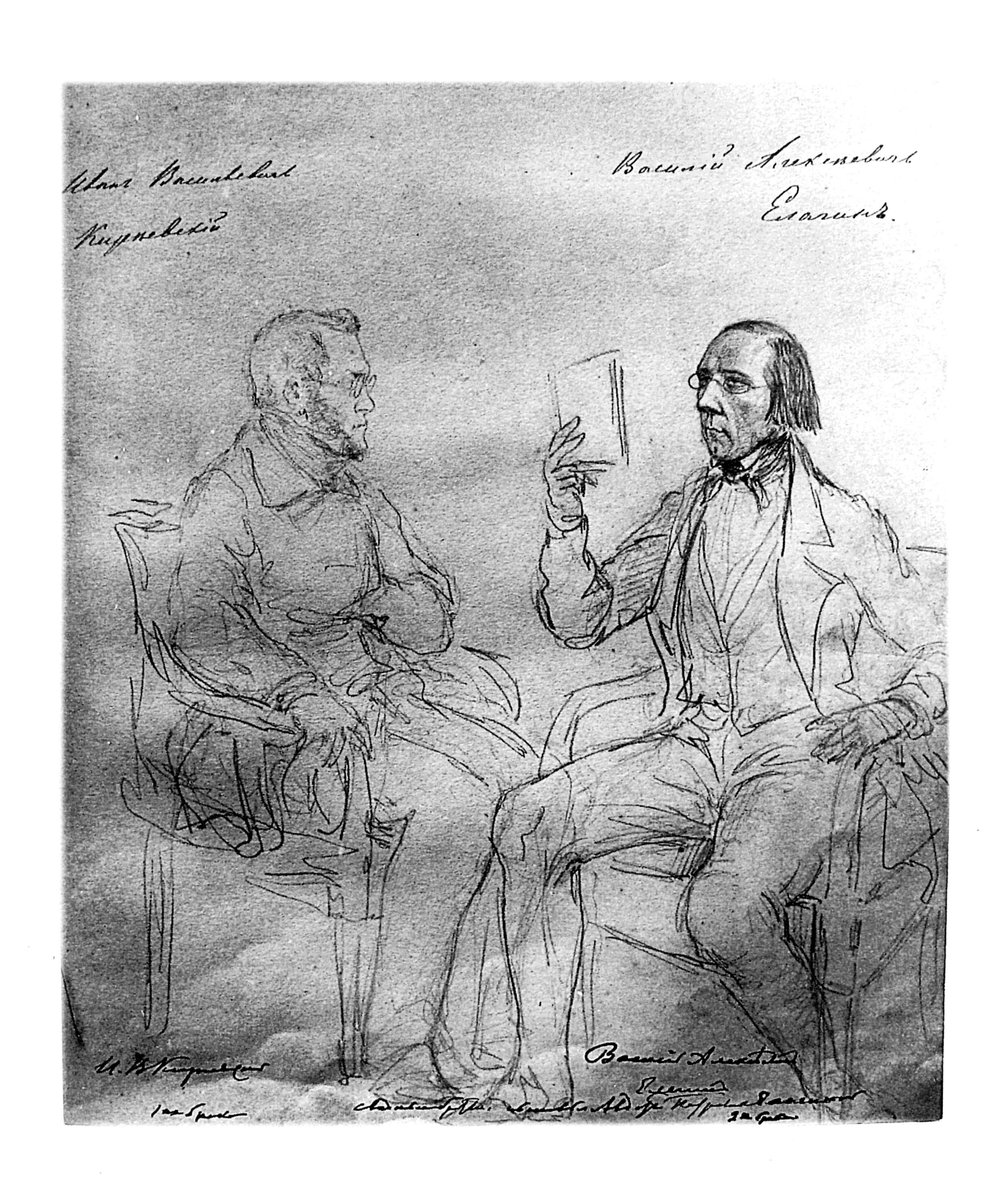

4. К. С. Аксаков. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

5. К. С. Аксаков.
Рис. неизвестного художника

6. К. С. Аксаков. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

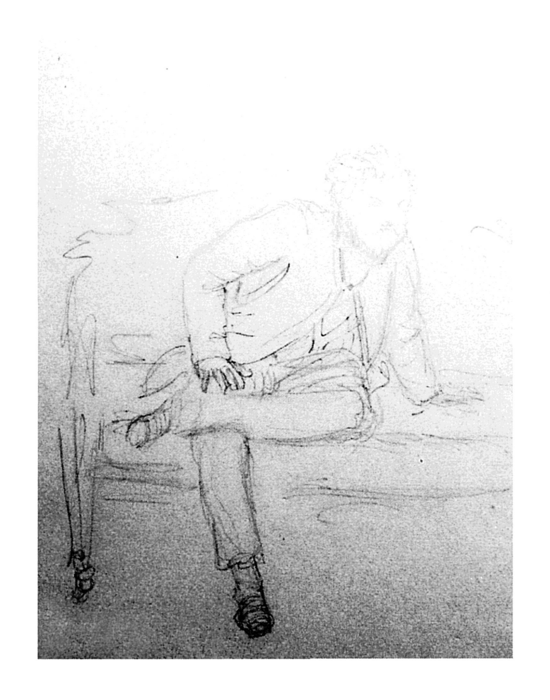

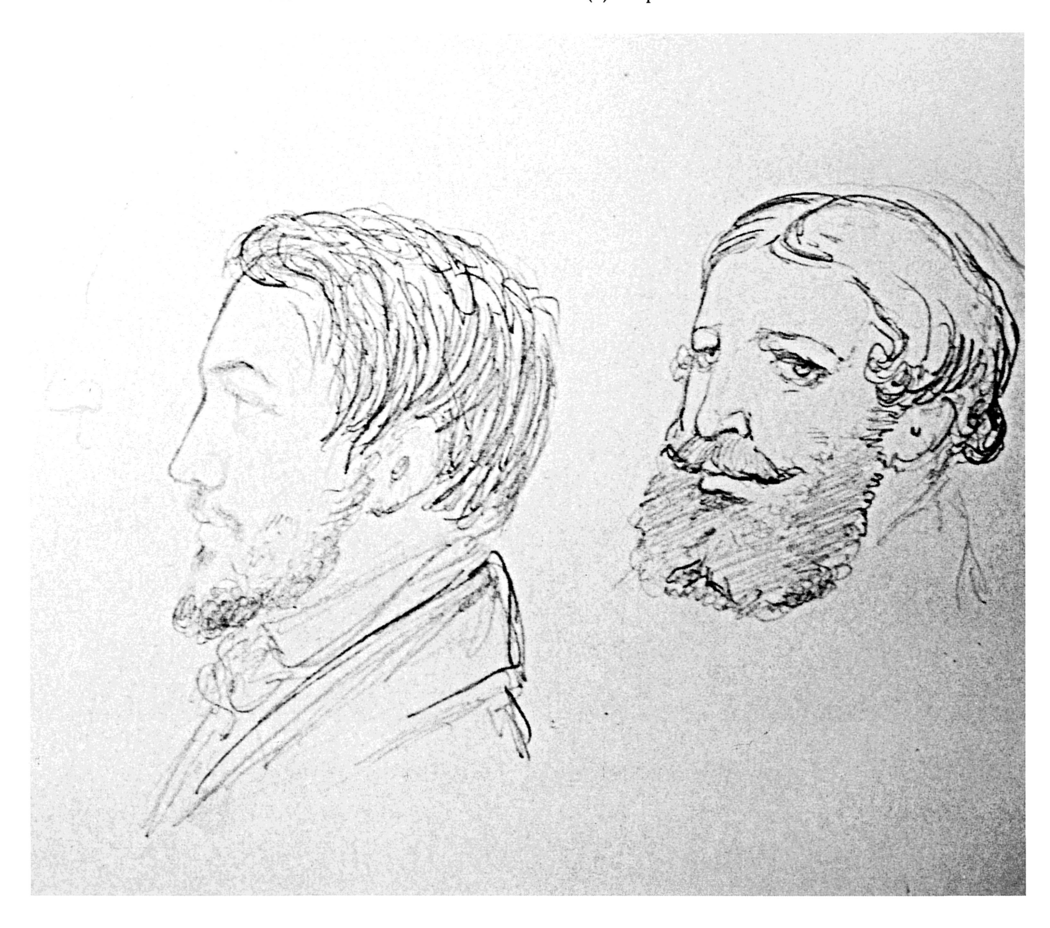
7. И. В. Киреевский и Н. В. Елагин. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

8. П. В. Киреевский. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

9—11. Н. М. Языков. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

12. А. М. Языков. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

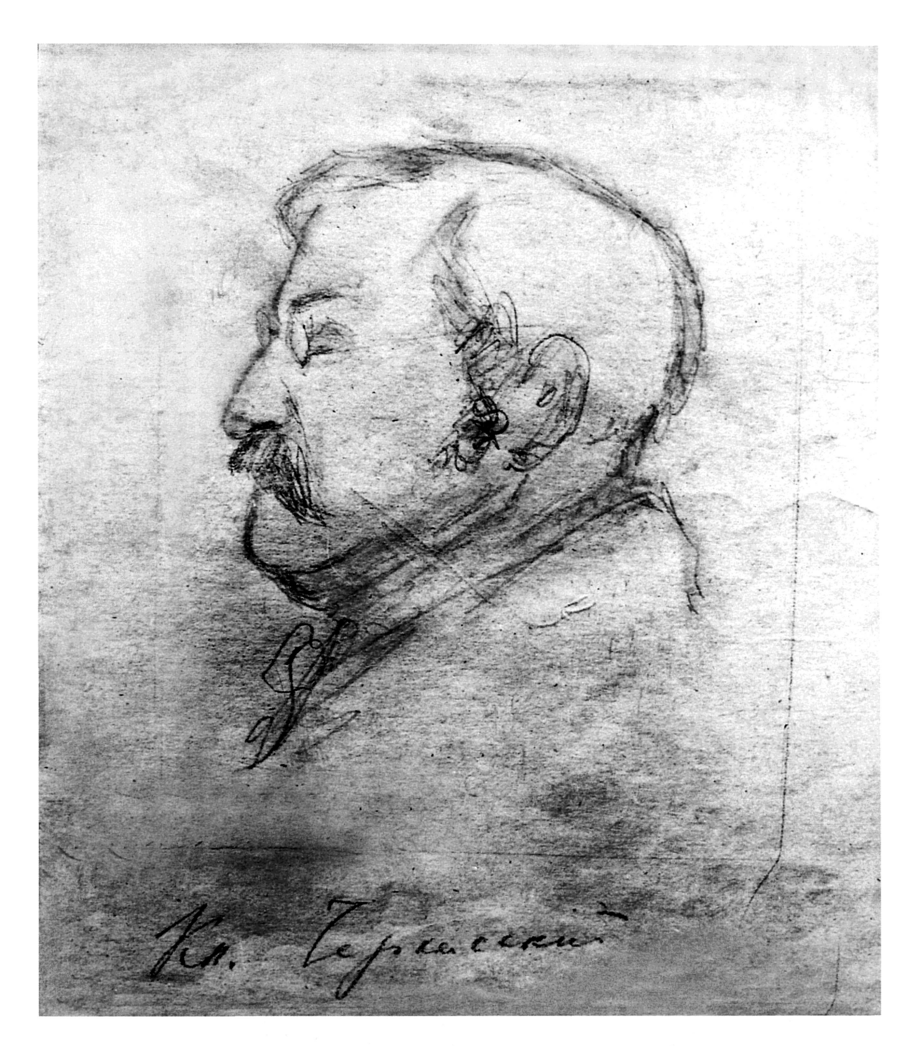
13. М. П. Погодин. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

14. И. Д. Беляев. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

15. А. Н. Попов. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

16. В. А. Черкасский. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

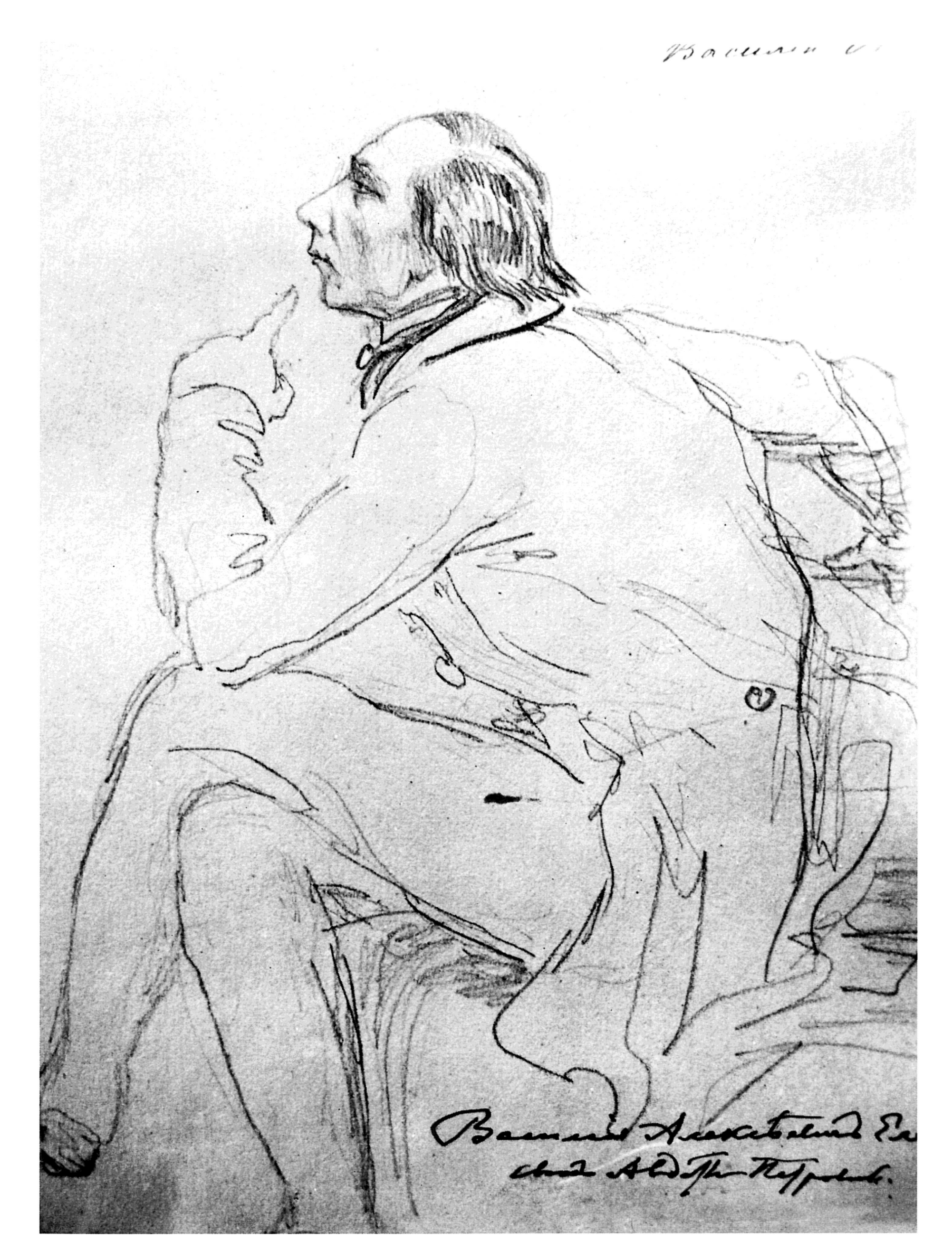
17. Ф. В. Чижов. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

18. Э. А. Дмитриев-Мамонов. Автопортрет из альбома А. П. Елагиной

19. М. Н. Лонгинов. Рис. А. Попова. 1854

20. В. А. Елагин. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

21. Д. Н. Свербеев. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова

Однако еще недели за две до того как в Москве было получено это письмо Ордынского, 28 октября, Аксаков откликнулся на предложение самого Петровского с присущей ему прямотой: «Вы — ученик Григоровича, знаете более или менее славянские наречия, любите их, сочувствуете славянской народности. Вы — сотрудник „Беседы“, в которой помещали свои переводы. Вы — человек молодой, живой, не отвлеченный гелертер, человек, сколько я слышал, не равнодушный к вопросам общественным. Вы — неленивы, восприимчивы... так мне об Вас рассказывали...» И тут же предлагал переменить всю жизнь, переехав в Москву: «...бросьте Вы Вашу гимназию и переезжайте в Москву. Я предлагаю Вам 600 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья в год от „Беседы“ и от „Паруса“ да квартиру с отоплением ⟨...⟩. Я человек уживчивый, только чтобы Вы были человек невялый и с сердцем. А Вас хвалят» (письмо 2).

Молодому провинциалу предложение оказаться в самом центре живых общественно-культурных интересов, конечно, не могло не польстить — он откликнулся незамедлительно, уже 10 ноября: «Я еду к Вам — и этим доказываю, что я *не вял*...» Но тут же смущенно и с доверчивостью под стать аксаковской добавлял: «...я бросаю Казань — и этим боюсь доказать себе, что я человек *без сердца*...» (письмо 3). И дело было не только в том, что, внезапно уезжая из Казани, Петровский оставлял своих гимназистов в разгар учебного года, — он на продолжительное время покидал и возлюбленную, свою 18-летнюю невесту Эмму Ге.

18 ноября Аксаков отвечал: «Я уверен, мы с Вами сойдемся» (письмо 4). И предчувствие его не обмануло. Петровский прибыл в Москву во второй половине декабря и поселился на Никитской (ныне Большая Никитская) в одной квартире с Аксаковым и его помощником по редакции Н. В. Луженовским.[7] Ему официально была предложена должность переводчика. Напряженная работа с рукописями, поступавшими из-за границы (к сожалению, за отсутствием надежных свидетельств можно только предположительно атрибутировать ему переводы со славянских языков ряда опубликованных в «Русской беседе» и «Парусе» материалов), сочеталась с собственной научной деятельностью и художественным творчеством. Помимо «Русской беседы», на страницах которой увидели свет его стихотворные переводы с хорватского (П. Прерадович), польского (И. И. Крашевский) и чешского (Б. Яблонский) — в книгах III (XV) и IV (XVI) за 1859 г. (см. № 330 и 353 в *ПР*), а также оригинальная статья — «Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии» в книге III (XV) за 1859 г. (см. № 340 в *ПР*), — Петровский печатался в журнале «Библиографические заметки» и еженедельнике

[7] См. о нем примеч. 14 к письму 8.

«Иллюстрация. Всемирное обозрение», а также в некоторых научных сборниках. Вместе с Аксаковым он пережил трудные январские дни 1859 г., когда был запрещен «Парус», и последующие месяцы, в течение которых неуклонно таяла надежда, что взамен разрешат другую газету («Пароход», «Славянский вестник» или «Думу»). Петровский копировал официальные документы по этим делам и разные постановления Цензурного ведомства вообще.[8]

Но личное общение, духовно и творчески сблизившее его с Аксаковым, продолжалось, как упоминалось выше, не более полугода. Мемнон Петрович уже в мае отправился на родину, в Васильсурск, а в июне женился на Эмме Ге, дочери своего коллеги по Первой гимназии, швейцарского немца Генриха Ге, преподававшего французский язык. 23 мая Аксаков пишет Петровскому (вероятно, еще не зная точно о назначенной свадьбе): «Где Вы, что Вы, как Вы? Надеюсь, что плавание по Волге и пребывание в Василе-Сурском несколько охладили Ваши порывы, мечтательные стремления ⟨...⟩ зову Вас снова в Москву. Вы крайне нужны, особенно в настоящее время. Прошу Вас, по получении сего, взмахнуть крылами и полететь к нам ⟨...⟩. Необходимость иметь славяниста при „Русской беседе“ и польза Вашего пребывания в Москве — почувствовались сильнее после Вашего отъезда» (письмо 8). Видно, что, помимо потери способного сотрудника (что было отчасти восполнимо, поскольку Аксаков впоследствии пересылал ему рукописи, которые требовалось перевести, в Казань),[9] Иван Сергеевич утратил близкого друга, который ему очень был нужен тут, в Москве, — мечтательного романтика и вместе с тем надежного единомышленника, при этом предельно искреннего и по-человечески очень обаятельного. Поэтому в конце этого же письма прорывается идущее из сердечной глубины: «Сделайте милость — приезжайте. Я без Вас теперь просто бедствую». И невольная обида: «Мой адрес (Вы, чай, уж забыли): на Никитской, дом княгини Голицыной».

Вскоре после свадьбы, 5 июля того же 1859 года, Аксаков, получив письмо Петровского (оно не сохранилось), упрекает друга: «Жаль, что Вы не пишете мне никаких подробностей: Вы знаете, какое участие я в Вас принимаю, и эта Ваша скрытность, право, признак дурного характера». И тут же: «Послушайте — Вы очень мне нужны здесь, нужны т. е. „Русской беседе“. После Вашего отъезда, как нарочно, славяне точно белены объелись, так и сыплят статьями, а переводчика нет да и нет. Газеты также беспрестанно посылаются» (письмо

---

[8] Например, Распоряжение Московского цензурного комитета № 490 от 24 февраля 1857 г. о порядке использования материалов иностранных газет и Высочайше утвержденное 21 января 1859 г. Положение о Комитете по делам книгопечатания (ИРЛИ. Ф. 382. № 6. Л. 3–4 об.). См. также примеч. 1 к письму 7.

[9] См. об этом в письме Аксакова к прот. М. Ф. Раевскому от 4 декабря 1859 г. (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 204).

9). И уговаривает его заменить оставившего редакцию Н. В. Луженовского, предлагая при этом куда более выгодные, нежели прежде, условия оплаты редакционных и переводческих трудов. Очевидно, что на отличавшегося некоторой деспотичностью Аксакова-редактора, на решения которого не мог повлиять даже никто из славянофилов и близких к ним лиц,[10] Петровский хорошо действовал своей юношеской порывистостью, мягкостью, непосредственностью. Вероятно, память о времени тесного сотрудничества с Петровским, отдававшаяся в его душе какой-то печалью, объясняет и такую вот оговорку в письме к прот. М. Ф. Раевскому от 21—22 марта 1862 г. (тогда Аксаков редактировал уже «День»): «Помощника у меня нет, отчасти потому, что по душе помощника себе не нашел...»[11]

Впрочем, Петровский фактически оставался переводчиком-славянистом «Русской беседы» вплоть до отъезда Аксакова в самом начале 1860 г. в путешествие по славянским землям. Об этом свидетельствуют сохранившиеся четыре письма Аксакова и два — Петровского за октябрь 1859 г. — январь 1860 г. (не менее четырех писем Петровского и одно аксаковское за этот период до нас не дошли — они упоминаются в публикуемых письмах).

Причем Аксаков иной раз пеняет на соблюдение другом отстраненно вежливых приличий в их переписке (объясняемых, как, конечно, понимал и сам Аксаков, некоторой провинциальной застенчивостью и особенным пиететом, с которым Петровский относился к другу-редактору): «Имеете полное право ⟨...⟩ предаваться своей мнительности, разочарованию и проч. и проч., дорогой Мемнон Петрович, который, несмотря на год сближения, до сих пор не перестает меня оскорблять „Милостивыми Государями“ и другими китайскими церемониями» (письмо 10).

Петровский во время заграничной поездки Аксакова усиленно готовился к сдаче магистерского экзамена и в мае — июне 1860 г. успешно его выдержал, а уже в 1861 г. был определен сверхштатным преподавателем Казанского университета по кафедре истории и литературы славянских наречий. Но для получения звания экстраординарного профессора ему необходимо было защитить диссертацию.

После полуторагодичного перерыва деловые отношения с Аксаковым (а с ними и переписка) возобновились, поскольку удачно совпали интересы и жизненные планы двух приятелей. 19 августа 1861 г. Петровский ради сбора материала для диссертации по славяноведению исхлопотал годичный отпуск (позднее он был

---

[10] См.: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 88.

[11] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 245.

продлен еще на полгода) для путешествия по славянским землям с целью углубить свои знания в славянских языках и литературах и приобрести необходимые издания для университетской библиотеки. «Мемнон Петрович представил проект стажировки, в которой был намечен маршрут: славянские земли в составе Австрийской империи („гнездо славянства"), германских, итальянских государств и Османской империи».[12] Поехал он вместе с молодой супругой.

Аксаков, воспользовавшись удобной оказией, передает с ним для галичан книги — через прот. М. Ф. Раевского,[13] которому 5 августа 1861 г. сообщает: «Пишу Вам нынче с оказией, с г. Петровским Мемноном Петровичем, и посылаю Вам книги».[14] На следующий день, 6 августа, решает отправить с безотказным Мемноном Петровичем дополнительно целый чемодан книг и в новом сопроводительном письме дает ему такую характеристику: «Податель сего письма Мемнон Петрович Петровский, ученик Григоровича, предназначенный заступить его кафедру в Казанском университете. Он был моим помощником по Славянскому отделу „Паруса" и „Русской беседы" и хорошо знаком с славянскими наречиями и литературами. Да и сам он человек прекрасный, хотя и смотрит каким-то французом. Посылаю с ним следующие книги для галичан. ⟨...⟩ Прошу Вас познакомить Петровского со всеми галичанами и наставить его вообще в его путях и странствованиях. ⟨...⟩ Я решился дать Петровскому свой чемодан, набив его еще книгами».[15]

15 октября 1861 г. вышел в свет первый номер еженедельника «День», и, очевидно, Аксаков загодя договорился с Петровским, что тот будет регулярно присылать ему в Москву (по словам Аксакова в письме к прот. М. Ф. Раевскому от 15 июля 1861 г.) «корреспонденции (разумеется, политического, общественного, а не чисто ученого и археологического содержания)».[16]

Однако 4 декабря 1861 г. Аксаков пишет Петровскому за границу: «Очень сердит я на Вас, любезнейший Мемнон Петрович. ⟨...⟩ ...от Вас нет ни одной статьи, ни одного письма, годного в печать, — между тем, как человек свежий, Вы могли на многое взглянуть со стороны новой или передать нам старое — обновленным живостью впечатлений свежего человека». Тут же дает нагоняй приятелю и за его беспокойство о судьбе осуществленного им перевода знаменитых «Бриксенских элегий» К. Гавличка-Боровского,[17] выговаривая: «Отдали Редактору и ждите: напечатать вовремя и кстати есть особенное искусство,

[12] *Мягков В. П., Макарова Н. И.* Отец и сын Петровские... С. 66.
[13] См. о нем примеч. 3 к письму 13.
[14] *Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 235.
[15] Там же. С. 237, 238.
[16] Там же. С. 233.
[17] См. примеч. 1 к письму 16.

и никто не дерзай проникнуть в тайну редакторских соображений!» (письмо 16). Помимо того что здесь в полушутливой форме высказано кредо редактора *личного* органа, каковыми всегда были издания Аксакова, — очевидно, что он уже на первых порах стал заметно тяготиться «Литературным отделом» своей газеты, который считал для «Дня» не совсем уместным, а потому и упразднил его уже в 1862 г. Отсюда и несколько суровое: «Пишите письма, годные для печати, а о стихах не заботьтесь». Наконец, возвращается к тому, с чего начал: «Послушайте, Мемнон Петрович. Прошу и требую, ласкаюсь и гневаюсь, умиленно и сердито пишу к Вам: пришлите статью, пишите письма и сообщите мне план Вашего путешествования» (письмо 16).

Статьи Петровского из Праги[18] порадовали взыскательного редактора. Он писал 22 марта 1862 г.: «Ваши письма все так милы и ценны, что получать их для меня истинное удовольствие, и взгляд Ваш кажется мне совершенно верен: он *трезв* и это отличает его от взгляда тех наших русских, которыми в последнее время переполнилась Прага. ⟨...⟩ Буду с нетерпением ждать Ваших писем из других славянских земель» (письмо 17). И эти письма, точнее, статьи — теперь уже из Пешта — были впоследствии подготовлены Петровским и напечатаны в «Дне».[19]

Думается, Аксакову так нравились корреспонденции Петровского прежде всего за их доверительно раскованную интонацию и откровенно славяно- и русофильский настрой. Вот например, авторская характеристика одного из материалов:[20] «...прилагаю в переводе очень любопытный рассказ либерального чеха, *друга поляков* (я это знаю положительно) о парижских поляках. Честный чех не мог смолчать: знать — невтерпеж пришлось!.. Может быть, эта статья не по вкусу придет русским либералам, но уж я в этом не виноват». И рядом — выразительные характеристики известных своей прямо-таки патологической ненавистью к русской истории и культуре польских профессоров Х. Сухецкого и Фр. Духинского:[21] «Пражская скотина не хуже парижской!» (письмо 18).

Последнее из сохранившихся писем написано Аксаковым вскоре после его женитьбы на Анне Федоровне Тютчевой, 15 февраля 1866 г., из имения Абрáмцево. Он писал другу уже в Казань, где тот с 1863 г. действительно стал преемником В. И. Григоровича в университете и читал курсы лекций по славянским древностям, языкам и литературам: «Мне очень стыдно, что я так долго не отвечал Вам на Ваши письма. Теперь я удосужился, т. е.: прекратил издание „Дня“, женился и удалился в подмосковную деревню, где и произвожу

[18] См. примеч. 3 к письму 17.
[19] См. примеч. 4 к письму 18.
[20] См. примеч. 5 к письму 18.
[21] См. примеч. 6 и 7 к письму 18.

ликвидацию денежных дел Редакции и очистку бумаг». Впрочем, окончание письма, включавшее напоминание московского адреса для корреспонденции, как будто бы предполагало продолжение и живых дружеских отношений, и переписки: «Мой досуг, конечно, только временный. Я теперь занялся приготовлением к изданию сочинений брата Конст⟨антина⟩ Сергеевича, 2 и 3-го томов, — а потом, собравшись с силами и средствами, вероятно, отыщу себе деятельность снова. Обнимаю Вас от души» (письмо 19). Однако этого, видимо не случилось: по крайней мере, публикаций Петровского ни в аксаковской «Москве», ни в «Руси» не выявлено. В 1875 г. ему — так и не защитившему даже магистерской диссертации,[22] но тогда уже ученому с мировым именем — присвоили степень доктора славянской филологии honoris causa — за заслуги; он стал ординарным профессором. А уйдя из университета в 1885 г., не оставлял своих научных исследований.

Когда несколько месяцев спустя, в январе 1886 г., скончался Иван Сергеевич, Петровский опубликовал в казанской газете «Волжский вестник» поминальную статью «Памяти И. С. Аксакова» (1886. 30 янв. № 24. С. 2; подпись: *М. П—ий*), в которой попытался определить значение деятельности почившего друга для отечественной культуры. Он писал: «В трудные для русского человека дни, когда он так нуждается в честном слове учителя, не стало писателя, стоявшего всю свою жизнь за народность в жизни, искусстве и политике, так высоко державшего знамя родной земли».[23] И далее Петровский дает Аксакову, казалось бы, парадоксальную (но это только на первый взгляд) и все же довольно убедительную характеристику, называя его «первым и последним ярким выразителем ⟨...⟩ европеизма на Руси» и так обосновывая свое суждение: «Всестороннее знакомство с европейской жизнью в прошлом и настоящем, полное усвоение учений европейских мыслителей и знание славянского мира — подсказали ему не только пути, но и возможность осуществить его социальные и политические задачи. Изучение своего, как делала Европа, уважение к родным началам, как поступала Европа, пользование и развитие собственных вещественных и невещественных сил, как единственный двигатель европейских государств, только и могли поставить Русь на ноги и проявить в ее

---

[22] Формально не защищенная, эта диссертация фактически была подготовлена — причем в первопроходческой для того времени области знания (см.: *Петровский М. П.* Материалы для славянской диалектологии // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1866. Кн. IV, V; 1867. Кн. II), однако далекий от житейского практицизма автор все откладывал защиту, бесконечно совершенствуя свой труд.

[23] Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова († 27-го января 1886 года). М., 1886. Отд. II: Характеристики, мнения и отзывы. С. 106.

лице тип самостоятельного славянского государства, полноправного по развитию с европейскими».[24] Главную заслугу Аксакова-славянофила Петровский и видит прежде всего в том, что он «смело выдвигал духовно сплоченный славянский мир — пред политически сплоченными мирами германским и романским. Словом, отстаивая тезисы так называемой славянофильской школы, Аксаков был и первым и последним ярким выразителем того европеизма на Руси, в лучшем смысле этого слова, который был не по плечу многим из его литературных и нелитературных противников».[25]

На склоне лет Петровский еще раз отдал дань памяти другу молодости. В 1904 г. в издании Русского библиологического общества «Литературный вестник» (Т. VII, кн. 3. С. 4–8) он впервые опубликовал статью Аксакова, предназначавшуюся для запрещенного третьего номера газеты «Парус» (от 17 января 1859 г.), сопроводив ее своей вводной заметкой. А в 1816 г. в журнале «Русский библиофил» (№ 5. С. 68–71) увидела свет статья «Хроника „Новый год“», которую Аксаков написал для издававшейся братом газеты «Молва» (№ 1 за 1858 г.), подготовленная к печати по корректурным листам (правда, Петровский считал, что ее автор — Константин, а не Иван), но вышедшая уже после кончины самого Мемнона Петровича.

Благодарю уфимского аксаковеда С. В. Мотина, автора-составителя ряда ценных биобиблиографических справочников, за помощь в подготовке комментариев.

1. Петровский

15 сентября 1858 г., Казань

Милостивый Государь
Иван Сергеевич!

Честь имею предложить для предпринимаемого Вами издания «Парус»[1] — мой перевод из Сырокомли,[2] если он стоит быть напечатанным и если в «Парусе» будет литературный отдел.

С истинным почтением
честь имею быть
Вашим
покорнейшим слугою

М. Петровский

Казань
15 сентября
1858

[24] Там же. С. 107.
[25] Там же. С. 107–108.

Из Сырокомли[3]

О, не люби меня... в дни горя и несчастья
Нам больше для молитв останется часов.
Что нам в любви? Я, чуждый тайной жизни,[4]
Открыто разделять судьбу твою готов.
Хочу я быть с тобой при всех, всегда открыто
И ручки жать твои, не муча и врага[5]
Сокрытой тайною, сомненьем ядовитым...
Хочу при всех сказать, — как ты мне дорога!
В минуты твоего[6] страданья[7] и бездолья
Я вслух тебя спрошу, вздохнувши глубоко:
«Что за[8] печаль? Какою новой болью
Так грудь твоя кипит, вздымаясь высоко?»
И на моем пути — и узком и[9] тернистом,
Не чуждом тягостных страданий и утрат,
В несчастьи воззову к тебе, мой ангел чистый:
«Спеши скорей ко мне: твой погибает брат!»
И верь, — в обоих нас на это сил достанет:
Опрусь я на твое лилейное плечо; —
Но дрожь не пробежит, румянец не проглянет,
И кровь не закипит, как прежде, горячо.
Зато,[10] когда наш путь земной свершится,
Не встретить нам[11] с тобой[12] чуткий, ясный[13] взор
Того,[14] чем совесть в нас могла бы тяготиться,
В чем неподкупный ум нашел бы злой укор.
Гнетущей ли любви уступлено на волю[15]
Всю прелесть дружбы в нас собою[16] заменя,
Смягчить суровую и тягостную долю?
Что нам в такой[17] любви?... О,[18] не люби меня.

Черновой автограф: ИРЛИ. Ф. 382. №. 7. Л. 1–1 об.

[1] О еженедельной газете «Парус» см. примеч. 2 к письму 6. Любопытно, что Петровский предлагает стать сотрудником «Паруса» уже в сентябре, сразу же вслед за тем как в августе появилось печатное объявление об издании Аксаковым новой еженедельной газеты (см.: *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 33).

[2] Владислав Сырокомля (Vladislovas Sirokomlė) — псевдоним польского поэта, историка литературы, переводчика Людвига Владислава Францишека Кондратовича (Kondratowicz; 1823–1862), писавшего на польском и белорусском языках. Его произведения переводились на русский по несколько раз, лучшие переводы принадлежат, наряду с Л. А. Меем и Л. Н. Трефолевым, Петровскому. Псевдоним составлен из второго имени поэта и названия его фамильного герба Сырокомля.

[3] Стихотворение не было опубликовано Аксаковым. Впервые увидело свет в петербургском еженедельнике «Иллюстрация. Всемирное обозрение» (1859. Т. 3, № 63. 26 марта. С. 203, с подписью: *М. П—вский*), затем в сборнике Петровского «Отголоски славянской поэзии» (М., 1861. С. 20–21, с подписью: *М. П—ий*). Далее укажем разночтения трех редакций (журнальной и книжной — в отличие от публикуемого здесь первоначального автографа), опуская случаи разной постановки знаков препинания.

[4] *Это слово, конечно, описка — в обеих прижизненных публикациях*: страсти.

[5] *В «Иллюстрации»*: не мучая врага. *Очевидно, это редакторская правка, так как в книге Петровский восстановил вариант автографа.*

[6] *Сверху над зачеркнутым*: тяжкие.

[7] *Первоначально*: страданий.

[8] *Вместо этих слов в «Иллюстрации»*: О чем твоя. *В книге Петровский восстановил вариант автографа.*

[9] И узком и *вписано сверху между строк.*

[10] *Вместо этих слов в обеих публикациях*: Но ведь за то.

[11] *Далее зачеркнуто*: пытливый.

[12] С тобой *вписано сверху между строк. Вместо*: Не встретить нам с тобой — *в обеих публикациях*: Не встретит за собой наш.

[13] Ясный *вписано сверху между строк.*

[14] *Далее зачеркнуто*: в.

[15] *Сверху карандашом над этой строкой*: людей терзавшей вволю. (*В обеих публикациях эти слова вместо*: уступлено на волю.)

[16] *Сверху карандашом над этим словом*: безумьем. (*В обеих публикациях эта правка принята — вместо*: собою.)

[17] Такой *вписано сверху между строк.*

[18] *Карандашом поверх*: Нет. (*В обеих публикациях это слово — вместо*: О.)

2. Аксаков

28 октября 1858 г., Москва

Милостивый Государь
Мемнон Петрович.

Вы — ученик Григоровича,[1] знаете более или менее славянские наречия, любите их, сочувствуете славянской народности. Вы — сотрудник «Беседы», в которой помещали свои переводы.[2] Вы — человек молодой, живой, не отвлеченный гелертер, человек, сколько я слышал, не равнодушный к вопросам общественным. Вы — неленивы, восприимчивы... так мне об Вас рассказывали... Меня Вы более или менее знаете заочно, через общих знакомых. Так вот в чем дело: бросьте Вы Вашу гимназию[3] и переезжайте в Москву. Я предлагаю Вам 600 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья в год от «Беседы» и от «Паруса» да квартиру с отоплением (т. е.

приличную комнату с отдельным ходом, в одном со мною помещении).[4] Ешевский[5] же поручил Вам сказать, что Вы, чрез его посредство, *легко* можете получить место учителя в Гимназии или в одном из Корпусов.[6]

Спросите у Ордынского:[7] а) мое циркулярное письмо по славянам и объявление о Славянской конторе,[8] б) мое объявление о «Парусе».[9] Я предлагаю Вам: управление Славянской конторой, сношения с славянами, чтение *всех* получаемых нами славянских газет и журналов, составление из них кратких статеек (извлечений, «новостей» и проч.) для «Паруса» и «Обозрений славянской литературы и журналистики» для «Беседы»; переводы с чешского и сербского. Для польского и болгарского у нас есть переводчики.

За большие переводы, т. е. целых статей, а не писем, за *целые*[10] статьи[11] у нас плата особая:[12] и Вы, сверх жалованья, будете получать за перевод — 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с печатного[13] листа, за оригинальные статьи — 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с печатного листа.

Мне хотелось бы внести больше системы в Слав⟨янский⟩ отдел «Беседы»: материалов у нас много, а порядка в размещении их мало, ибо помещается то, что благо уж переведено. Сам же я слав⟨янские⟩ наречия не знаю почти вовсе.

Будьте доверчивы ко мне и решайтесь. Если решаетесь, то чем скорее, тем лучше. Мне бы нужно было, чтоб к половине декабря Вы были здесь. Я человек уживчивый, только чтобы Вы были человек невялый и с сердцем. А Вас хвалят.

Отвечайте мне как можно скорее, по адресу: Ив⟨ану⟩ Сер⟨геевичу⟩ Аксакову, на Никитской, близь Никитских ворот,[14] в доме княгини Голицыной.[15]

Если Вы хороши с Соколовым,[16] то поклонитесь ему от меня и скажите, что ему я не делаю предложения потому, что он человек семейный и, как все утверждают, не расстанется с Казанью и проч.

Его замечательный перевод «Кукла»,[17] к сожалению, не пропущен Цензурой!

В ожидании немедленного ответа
Иван Аксаков.

28 окт⟨ября⟩
1858
Москва

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 1–2 об. На обороте 2-го листа указан адресат: «Его высокоблагородию Мемнону Петровичу Петровскому».

[1] О слависте В. И. Григоровиче см. примеч. 15 к письму И. Аксакова к Ордынскому от 4 сентября 1858 г. (наст. изд., с. 375). Григорович был наставником Петровского в Казанском университете. См. работы Петровского о нем (первая подписана псевдонимом «Psý», следующие две — «М. П—ий», четвертая — «М. П.»): 1) Grigorovič // Slovnik naučný. V Praze: I. L. Kober, 1863. Dil III: F — Chyzice. S. 492–493; 2) Письменные донесения В. И. Григоровича из Константинополя и его книга «Очерк путешествия о Европейской Турции Виктора Григоровича». Издание второе. Москва, 1877 г. // Вестник Европы. 1878. Т. I, февр. С. 896–906; 3) Виктор Иванович Григорович в Казани: (Библиогр. очерк) // Славянское обозрение. 1892. Т. II, июль/авг. С. 229–264; Т. III, сент. С. 57–78; отд. отт.: СПб., 1892. ⟨4⟩, 57 с.; 4) Первый ученый труд В. И. Григоровича // Русский филологический вестник. 1893. № 2. С. 208–228; отд. отт.: Варшава, 1893. ⟨2⟩, 21 с.; 5) Григорович и Прейс: К истории славяноведения на Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. II, кн. 3. С. 722–744; отд. отт.: СПб., 1897. ⟨2⟩, 23 с. Развернутую характеристику этих работ см.: *Лаптева Л. П.* История славяноведения... С. 578—583.

[2] В «Русской беседе» начиная с книги III за 1856 г. Петровский поместил, помимо трех своих оригинальных произведений, переводы стихотворений И. И. Крашевского, П. Прерадовича, В. Сырокомли (Л. Кондратовича), Б. Яблонского и очерка М. Миличевича (см. № 56, 121, 299, 330, 340, 441 в *ПР*).

[3] В 1855–1859 гг. Петровский преподавал в Казани латинский язык в Первой мужской гимназии.

[4] Адрес аксаковской квартиры см. в конце данного письма.

[5] Степан Васильевич Ешевский (1829–1865) — историк-медиевист. Очевидно, был знаком с Петровским по Казани, поскольку в 1846–1847 гг. обучался в Казанском университете, на первом отделении философского факультета, а в 1855–1857 гг. возглавлял в нем кафедру русской истории.

[6] Возможности Ешевского посодействовать Петровскому в поисках учительского места в Москве основывались, видимо, на том, что сам он в 1857 г. стал преподавателем Александринского сиротского корпуса в Москве, а в январе 1858 г. занял кафедру всеобщей истории в Московском университете.

[7] Борис Иванович Ордынский (см. о нем наст. изд., с. 370–372) в тот период (с декабря 1853 г.) был адъюнктом Казанского университета по римской словесности. Удостоившись степени магистра за диссертацию «О поэзии Аристотеля», он с марта 1857 г. до конца 1860 г. читал там лекции по греческой словесности.

[8] О циркулярном письме к славянам см. примеч. 11 к письму И. Аксакова к Ордынскому от 3 октября 1858 г. (№ 2). О Славянской конторе см. примеч. 44 к публикации «Редакционных статей» и примеч. 8 к письму И. Аксакова к Ордынскому от 4 сентября 1858 г. (№ 1) (наст. изд., с. 378, 276, 375).

[9] Об этом объявлении см. в примеч. 1 к письму 1 (с. 408).

[10] Выделенное слово вписано между строк позднее.

[11] *Далее зачеркнуто*: не толь⟨ко⟩.

[12] Далее вписано сверху между строк — до слова «получать» включительно.

[13] Это слово вписано сверху между строк.

[14] О площади Никитские ворота см. примеч. 14 к письму И. Аксакова к Ордынскому от 28 октября 1858 г. (№ 3, с. 382).

[15] О домовладелице см. примеч. 15 к тому же письму (там же).

[16] О филологе-слависте, переводчике Авдии Ивановиче Соколове см. примеч. 6 к письму И. Аксакова к Ордынскому от 28 октября 1858 г. (с. 349). В Казанском университете Соколов читал лекции по славянским наречиям (1849—1850) — как раз в год поступления в университет Петровского; у них был и общий учитель — В. И. Григорович. Одновременно с Петровским Соколов в конце 1850-х гг. преподавал в 1-й гимназии Казани.

[17] Имеется в виду перевод стихотворной баллады Владислава Сырокомли (Л. Кондратовича) «Кукла» (1851), выполненный А. И. Соколовым. Именно он (первый стих: «Не плачь, моя кукла, не будь своенравной...») и напечатан впоследствии (видимо, по цензурным условиям) под криптонимом «А. С.» в антологии: Поэзия славян: Сб. лучших поэтич. произведений славян. народов в переводах рус. писателей / Изд. под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871. С. 523. Этот перевод Соколова воспроизведен в современном издании, и тоже под криптонимом «А. С.», не раскрытым публикатором: *Кондратович Л. (Сырокомля В.)*. Избранные сочинения / Под ред. Б. А. Песиса; Вступ. ст. В. Э. Арцимовича. М., 1953. С. 86—88.

3. Петровский

10 ноября 1858 г., Казань

10 ноября 1858 г. Казань.

Милостивый Государь
Иван Сергеевич.

Благодарю очень от души за доверчивое письмо Ваше.

Вы хотите только, чтоб я — при других данных — был «человек не вялый и с сердцем»?

Я еду к Вам — и этим доказываю, что я *не вял*; я бросаю Казань — и этим боюсь доказать себе, что я человек *без сердца*...

Но alea jacta est...[1] и vocat jam «Carbasus» auras...[2]

Весь Ваш
М. Петровский

P. S. Если обстоятельства не позволят мне быть в Москве в половине декабря, то в конце его я буду у Вас непременно.

PP. S. Я показывал А. И. Соколову Ваше письмо.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 471. Л. 1—2; черновик: Там же: Ф. 382. № 7. Л. 2—2 об.

[1] Жребий брошен (*лат.*). Восклицание Юлия Цезаря при переходе им 10 января 49 г. до н. э. через реку Рубикон. По Светонию — произнесено на латинском языке;

по Плутарху — на греческом как цитата из комедии Менандра «Да будет жребий брошен».

[2] Цитата из книги четвертой (стих 417) эпической поэмы древнеримского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 до н. э.) «Энеида» (см.: Publii Virgilii Maronis Opera. Londoni, MDCCCXXIV. P. 215). В переводе С. А. Ошерова под редакцией Ф. А. Петровского: «...ветер к себе паруса призывают» (*Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. М., 1979. С. 210. (Б-ка античной лит.)). В оригинале слово *carbasus* (паруса) без кавычек и со строчной буквы. Видимо, под ними Петровский подразумевал одноименную (если игнорировать различие в грамматическом числе) аксаковскую газету, себя же шутливо ассоциировал с «ветром».

4. Аксаков

18 ноября 1858 г., Москва

Милостивый Государь
Мемнон Петрович.

Благодарю Вас за согласие приехать в Москву — делить наши труды по изданию.

Пожалуйста — не изменяйте решение, как бакалавр Лилов.[1]

С нетерпением жду Вас. Здесь Вы найдете много знакомых Ваших казанцев. Помещение у меня, может быть, будет и неудобно для Вас: в таком случае я не обязываю Вас нисколько непременно жить вместе со мною. Впрочем — что тут толковать заочно. Я уверен, мы с Вами сойдемся.

До свидания.

Весь Ваш
Иван Аксаков

1858, нояб⟨ря⟩ 18
Москва

Привозите с собой переводов своих и Соколова стихами.[2]

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 3, 4 об. Сверху рукой Петровского указана дата получения: *26 ноября*. На обороте 4-го листа указан адресат: «Его высокоблагородию Мемнону Петровичу Петровскому».

[1] Об А. И. Лилове см. наст. изд., с. 375—376.

[2] Предложение написано на левом поле поперек строк.

5. Петровский

27 ноября 1858 г., Казань

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩.

Письмо Ваше от 18 ноября имел удовольствие получить. Вы ждете меня — и я тороплюсь оправдать Ваши ожидания. Повторяю то, что писал Вам прежде: если не в средине декабря, то в конце его непременно буду иметь честь уже лично назваться

Вашим
покорнейшим слугою.
М. Петровский

27 ноября
Казань.[1]

Черновой автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 7. Л. 3–4 об. Год установлен по содержанию.

[1] Далее, на л. 3 об.–4 об., Петровским воспроизведена на польском языке народная песня «Maciek» («Мацек») («Hej! do tańca dziewuchy...»), известная в вольной обработке Теофила Ленартовича (Lenartowicz; 1822–1893), польского этнографа, скульптора, поэта-романтика, мемуариста, литературного критика. Она приобрела популярность, когда ее положил на музыку (для голоса с фортепиано) композитор, скрипач и виолончелист Игнатий Марцели Коморовский (Komorowski; 1824–1857). См.: *Прокофьева Д. С.* ⟨Теофил Ленартович⟩ // История польской литературы: ⟨В 2 т.⟩. М., 1968. Т. 1. С. 364–365. Судя по всему, листы с переписанным на них текстом «Мацека» были использованы (оборот второго листа оставался чистым) для чернового письма, к которому польская песня не имела отношения.

6. Аксаков

21 января 1859 г., Москва

Середа

Назначено экстренное заседание, любезный Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩, Главного упр⟨авления⟩ цензуры по Высоч⟨айшему⟩ повел⟨ению⟩,[1] для суда над «Парусом»[2] и для решения вопроса, быть ему или не быть. Это заседание будет завтра или послезавтра. Шансы все плохи.

Гильф⟨ердинг⟩[3] отправил вчера одну стран⟨ицу⟩ корректуры к Семену.[4] Если не поздно, то исправьте по ней.

«Беседу» выпустим 26-го в понедельник или во вторник.

Пусть все будет готово, — но никак не позже.
Кланяюсь М. Петровскому.

Весь Ва⟨ш⟩
Иван Ак⟨саков⟩

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 5–6 об. Хотя письмо формально обращено к помощнику И. Аксакова по редакции Н. В. Луженовскому, однако можно сказать, что адресовано оно и жившему с ним в одной квартире Петровскому (такое письмо, обращенное к обоим помощникам, было бы некорректно адресовать напрямую одному переводчику Петровскому в обход старшего по должности Луженовского). К тому же это письмо содержит на обороте листа пометку именно Петровского: «Получено в четверток 22 января 1859 г. (на Никитской в д⟨оме⟩ кн. Голицыной)» (л. 6 об.) — и сохранилось в его архиве. (Характерно, что в следующем подобном письме к своим помощникам — № 7, также сохранившемся в архиве Петровского, — Аксаков вообще избегает личного обращения к кому-либо из них.) Дата установлена по указаниям в письме: среда предпоследней недели января 1859 г. приходилась на 21-е число.

[1] *Далее зачеркнуто*: на.

[2] С 3 января 1859 г. И. Аксаков начал издавать еженедельную газету «Парус», в которой подверг резкой критике ряд правительственных мероприятий. В результате издание было прекращено на втором номере (от 10 января), а цензор П. И. Капнист уволен. В связи с этой историей, к слову сказать, пострадал и приятель Аксакова Н. П. Гиляров-Платонов, также служивший цензором: Определением министра народного просвещения от 31 января 1859 г. он получил строгий выговор за пропуск в подведомственной ему «Русской газете» редакционной статьи, выражавшей откровенное сочувствие «Парусу» (см.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.). СПб., 1892. С. 451). 23 января А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Говорят, Тимашев из всех сил хлопочет, чтобы издатель „Паруса“ И. С. Аксаков был спроважен в Вятку. Мысль отличная, самая современная, патриотическая и полезная правительству, напоминающая людям доверчивым, утопистам и оптимистам, что мы еще не так далеко ушли от времен Николая Павловича, как они думают. Впрочем, я не полагаю, чтобы государь на это согласился. Это была бы большая ошибка» (*Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 2005. Т. II. С. 107). Упомянут недоброжелатель Аксакова генерал-адъютант А. Е. Тимашев, в тот период (1856–1862) бывший управляющим III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. См. о нем подробнее примеч. 13 к нашей статье «„Русская беседа“ в Германии» (наст. изд., с. 281).

[3] Об А. Ф. Гильфердинге см. наст. изд., с. 534. В книге I (XIII) за 1859 г. опубликованы X–XIII главы его сочинения «Босния. Путевые заметки (Письма к А. С. Хомякову)» (см. № 298 в *ПР*). Видимо, Гильфердинг в последний момент хотел внести какие-то поправки в свой текст.

[4] Упомянут выдающийся издатель и типограф Август Иванович Рене-Семен (обычно сокращенно: Семен; 1783–1862), француз по происхождению; инспектор Московской Синодальной типографии (1818–1857). У него славянофилы печатали не только «Русскую беседу», но и многие другие свои издания.

7. Аксаков

28 февраля 1859 г., Москва

«Парус» не выходит потому, что запрещен,[1] но редакция хлопочет о дозволении издавать вместо «Паруса» — другую газету, и в случае разрешения переведет всех подписчиков «Паруса» на «Пароход»[2] (так должна называться новая газета), а в случае отказа — публикует о прекращении «Паруса» и возвратит деньги гг. подписчикам, с тем чтоб они с своей стороны возвратили оба №№ «Паруса» или же, если возвратить №№ не желают, то могут их оставить у себя, и в таком случае из[3] возвращаемой суммы удерживается по 50 к⟨опеек⟩ за №, что необходимо для покрытия расходов по Редакции, если не всех, то хоть части.

Г⟨-ну⟩ Высоцкому посланы оба №№ «Паруса» 17 января, как значится в расписке Московского почтамта.

Все прочие подписчики терпеливо ожидают, чем кончится дело Редакции относительно замены «Паруса» новой газетой.

Но, не желая такого грубого невежу, как г. Кондратьев, иметь в числе моих подписчиков, я спешу возвратить ему и г. Высоцкому, обоим господам «бугурусланцам»,[4] деньги — по 6 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ каждому. Если же гг. бугурусланцы хотят получить деньги сполна, т. е. и остальные два рубли, то благоволят возвратить в редакцию все 4 №№ «Паруса» (т. е. два № 1 и два № 2).

28 февр⟨аля⟩ *И. Аксаков.*
1859 г.
Москва.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 7–8 об.

[1] В архиве М. П. и Н. М. Петровских, находящемся в ИРЛИ, хранится копия официального документа о запрещении «Паруса», переписанного в свое время Петровским (возможно, по просьбе Аксакова), — отношение министра народного просвещения (в 1858–1861 гг.) Евграфа Петровича Ковалевского (1790–1867), в ведении которого в тот период была цензура, к управляющему Московским учебным округом (в 1859–1863 гг.) генерал-майору Николаю Васильевичу Исакову (1821–1891) — № 259 от 31 января 1859 г. (ИРЛИ. Ф. 382. № 6. Л. 1–1 об.).

[2] Номинальным редактором ежедневной газеты «Пароход» согласился стать Ф. В. Чижов (см. о нем наст. изд., с. 545). В том же архиве М. П. и Н. М. Петровских находится и скопированное Петровским отношение Е. П. Ковалевского к Н. В. Исакову (составленное, судя по указанию в тексте, после 26 февраля 1859 г.), в котором содержались некоторые, явно неприемлемые для славянофилов, требования «изменить программу по Высочайшим замечаниям», в частности — «чтобы идея

о праве самобытного развития народностей, как славянских, так и иноплеменных, не имела места в газете и все, что относится до сего предмета в программе, было из нее исключено» (ИРЛИ. Ф. 382. № 6. Л. 2–2 об.). Аксаков подробно прокомментировал эти «условия для редакции будущей газеты» в письме к прот. М. Ф. Раевскому от 13 апреля 1859 г., заключив: «Они таковы, что честному человеку согласиться на них добровольно не было никакой возможности. ⟨...⟩ Разумеется — мы отказались» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 199).

[3] *Далее зачеркнуто*: посы⟨лаемой⟩.

[4] *Далее зачеркнуто*: возвратить. Бугуруслан — уездный город (с 1851 г.) Самарской губернии (с 1934 г. — райцентр Оренбургской области), расположенный в 415 верстах к юго-востоку от Казани. Возможно, упомянутые «бугурусланцы» были знакомыми Петровского.

8. Аксаков

23 мая 1859 г., Москва

Любезнейший Мемнон Петрович.

Где Вы, что Вы, как Вы? Надеюсь, что плавание по Волге и пребывание в Василе-Сурском[1] несколько охладили Ваши порывы, мечтательные стремления и то, что немцы называют Sehnsucht.[2] Увидавши родные края, Вы, может быть, захотите от них снова уехать... без шуток — зову Вас снова в Москву. Вы крайне нужны, особенно в настоящее время. Прошу Вас, по получении сего, взмахнуть крылами и полететь к нам, покуда еще на Никитскую.[3] Необходимость иметь славяниста при «Русской беседе» и польза Вашего пребывания в Москве[4] — почувствовались сильнее после Вашего отъезда.[5] Но если бы даже моя проектированная газета не состоялась,[6] если бы даже — чего, впрочем, вовсе не предвидится — рушилась «Русская беседа», то и тогда Вас бы нарасхват расхватали. Знаете ли Вы, что открывается[7] Славянский отдел в «Моск⟨овских⟩ ведом⟨остях⟩»[8] и в «Русской газете»,[9] и затруднение состоит только в недостатке молодых людей, знакомых с славянскими наречиями. Хотят обратиться в Казань.[10] Теперь на Вашей (славянской) улице праздник, и советую Вам этим воспользоваться.

Статья Ваша напечатана.[11] «Беседа» 19 мая вышла в свет.[12] Кое-что я вставил в Вашу статью: будете ли Вы довольны? Я велел приложить оттиски к «Беседе» и послать к Вам в Василь-Сурск. Кстати, расскажите мне что-нибудь про Василь-Сурск. Что это такое? Какие там живут народы, какие правят там цари? Славянофилов, конечно, нет ни одного, а поклонников Белинского,[13] верно, и там найдется несколько экземпляров.

Н. В. Луженовский[14] сильно тоскует по Вас.

Без шуток — серьезно предлагаю и прошу Вас — возвратиться в Москву, опять ко мне, на прежних условиях. Вы крайне нужны, ибо мы хотим оживить Славянский отдел. Прошу Вас отвечать мне с первой же почтой. Сделайте милость — приезжайте. Я без Вас теперь просто бедствую. Как нарочно, статья за статьей приходят, теперь — после Вас — получил уже статьи три-четыре и целую стопу газет.

До свидания и, во всяком случае, до скорого ответа.

Весь Ваш
Иван Аксаков.

23 мая
1859 Москва.

Мой адрес (Вы, чай, уж забыли): на Никитской, дом княгини Голицыной.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 9–10.

[1] Василь-Сурск (правильно: Васильсурск), или Василь, — уездный город (с 1779 г.) Нижегородской губернии, пристань на Волге при впадении в нее реки Сура. Основан в 1523 г. вел. кн. Василием III. Отсюда Петровский был родом. (С 1927 г. рабочий поселок Воротынского района Нижегородской области.)

[2] Sehnsucht — страстное желание (чего-либо); стремление (к чему-либо); тоска (*нем.*).

[3] См. адрес в примеч. 14 и 15 к письму 2 (с. 412) и в конце данного письма.

[4] В Москве *вписано сверху между строк.*

[5] Как видно из следующего аксаковского письма (№ 9, с. 420), Петровский оставил Москву, намереваясь жениться.

[6] Речь идет о еженедельной газете «Дума», прошение об издании которой было подано Аксаковым. В августе 1859 г. он получил официальный отказ (см.: *Порох И. В., Порох Вл. И.* Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 97). Позднее, 4 декабря 1859 г., он жаловался прот. М. Ф. Раевскому: «...Главное управление цензуры не только воспретило мне издавать газету „Думу“ (что было необходимо для успеха журнала), но воспретило даже мне быть соредактором Кошелева по „Русской беседе“» (*Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 204).

[7] Тут заканчивается страница и на ее нижнем поле слева рукой Петровского написано: *A Mr. Monsiero Pietroffsky.* Т. е. «господину Петровскому». Тут можно усмотреть шутливо-макароническую смесь французского (*monsieur, Mr.*, фамилия на *-ffsky*) и итальянского (A monsignore).

[8] См. письмо 9 и примеч. 3 к нему (с. 420–422).

[9] «Русская газета» — «еженедельное политическое, экономическое и литературное издание», выходившее в Москве под редакцией капитан-лейтенанта С. А. Поля в течение непродолжительного времени — в 1858–1859 гг. Аксаков мог знать пери-

петии с организацией в этой газете Славянского отдела от Н. П. Гилярова-Платонова, который ее цензуровал.

[10] Помимо Казанского университета, согласно Университетскому уставу 1835 г., кафедры истории и литературы славянских наречий были открыты на первом (гуманитарном) отделении философских факультетов С.-Петербургского, Московского и Харьковского университетов (см.: Полн. собр. законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1836. Т. X. Отд. I. С. 842). Однако считалось, что именно В. И. Григоровичу на своей кафедре в Казани удалось создать атмосферу особого демократического сотворчества, дружеского сотрудничества со студентами. Очевидно, поэтому московские издатели ожидали появления новых талантливых журналистов со знанием славянских языков именно из Казани.

[11] Речь идет об обстоятельной, 34-страничной, статье Петровского «Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии», опубликованной в III (XV) книге «Русской беседы» за 1859 г. (см. № 340 в *ПР*).

[12] Любопытно, что только накануне, 18 мая, цензором А. Н. Драшусовым было подписано разрешение на выход журнальной книжки в свет, — следовательно, она была отпечатана заранее.

[13] К тому времени, спустя более десятка лет после смерти Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848), он продолжал, особенно в провинции, восприниматься как идейный вождь западничества, что в глазах Аксакова, иронизировавшего над этим, выглядело явным анахронизмом.

[14] Николай Васильевич Луженовский — губернский секретарь, единомышленник славянофилов. Знакомство Аксакова с Луженовским произошло не позднее начала 1856 г. — тот в марте стал преемником Аксакова в должности квартирмейстера 111-й Серпуховской дружины, когда он вышел в отставку из рядов Московского ополчения (см.: *Аксаков в его письмах*. Т. II. С. 498). Сохранились четыре письма Луженовского к Аксакову от 31 марта — 18 октября 1856 г. с подробным описанием случившегося в дружине и характеристиками бывших сослуживцев (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 343. Л. 1–10 об.). В 1859 г. Луженовский был помощником Аксакова по редакции «Русской беседы». Дружеские и деловые отношения с ним сохранялись и впоследствии. Так, 16 (4) марта 1860 г., Аксаков писал из Мюнхена родным, что намерен «напечатать отдельной книжкой: стихотворения прежнего периода и новые», поручив «это издание Луженовскому, который к осени вернется в Москву» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 62), а 6 апреля (25 марта) сообщал им же, что получил письмо, переданное ими через Луженовского, ехавшего в Италию (см.: Там же. С. 71). Сколько Луженовский служил в канцелярии московского генерал-губернатора (см. письмо 9), не ясно: его имя не упоминается в «Адрес-календаре» на 1861–1862, а также на 1865–1866 и последующие годы. А вот в «Адрес-календаре» на 1863–1864 год он указан исправляющим должность помощника управляющего Питейно-акцизным управлением Рязанской казенной палаты (Ч. II. С. 267). Видимо, Луженовский больше не служил; возможно, жил в своем имении. Он отец видного деятеля монархического движения в Тамбовской губернии Гавриила Николаевича Луженовского (1871–1906), убитого эсерами-террористами. Биограф последнего упоминал, что Н. В. Луженовский «весь отдался политическим мечтаниям своего времени, предоставив заботу о се-

мье и средствах к жизни своей жене ⟨Марье Гавриловне⟩» (*Жеденов Н. Н.* Гавриил Николаевич Луженовский: Биография. СПб., 1910. С. 6).

9. Аксаков

5 июля 1859 г., Москва

Любезнейший Мемнон Петрович!

Я нарочно не писал Вам некоторое время, чтоб дать[1] Вам отпраздновать Вашу свадьбу.[2] Жаль, что Вы не пишете мне никаких подробностей: Вы знаете, какое участие я в Вас принимаю, и эта Ваша скрытность, право, признак дурного характера. Желаю Вам от души счастья и здоровья, бодрости физической и душевной.

Послушайте — Вы очень мне нужны здесь, нужны т. е. «Русской беседе». После Вашего отъезда, как нарочно, славяне точно белены объелись, так и сыплят статьями, а переводчика нет да и нет. Газеты также беспрестанно посылаются. В «Москов⟨ских⟩ ведомостях» Слав⟨янский⟩ отдел не состоялся за недостатком слависта, несмотря на предложение, сделанное Редакции М⟨инистерст⟩вом ин⟨остранных⟩ дел.[3] К тому еще присоединяется следующее.

Н. В. Луженовский определился к графу Строганову[4] чиновником особ⟨ых⟩ поруч⟨ений⟩.[5] Сначала казалось возможным соединить с этою должностью должность моего помощника, но служба у Строг⟨анова⟩ оказалась серьезнее, чем он предполагал. Одним словом, он на днях объявил мне, что должен будет вскоре меня оставить, тем более что и гр⟨аф⟩ Строг⟨анов⟩ выразил ему такое желание. По мнению Строган⟨ова⟩, я вольнодумец,[6] который может через Луженовского заразить всю его канцелярию.

Между тем издатели «Беседы» находят нужным сократить несколько ее расходы. Искать двух помощников и платить им 1320 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья, сверх квартиры, слишком дорого. Всего удобнее и выгоднее соединить все должности, т. е. должность помощника и должность слависта. Теперь «С⟨ельское⟩ благоустр⟨ойство⟩» прекратилось,[7] и за «Беседой» дела немного.

Я предлагаю Вам принять на себя звание помощника ред⟨актора⟩ «Р⟨усской⟩ беседы» на следующих условиях.

1) Жалованья полагается 60 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в м⟨еся⟩ц, или 720 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в год.

2) За переводные статьи полагается по 15 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ за печатный лист, — особо.

3) Насчет квартиры не ручаюсь. Может быть — удастся и квартиру Вам выхлопотать, ибо почти необходимо, чтоб помощник жил в самой Редакции.

4) Обязанность Ваша будет:

а) держать корректуры «Беседы»,

б) вести список статьям — вообще заведовать печатаньем,

в) читать все слав⟨янские⟩ газеты и статьи, вести с славянами переписку и приготовлять к каждой книжке «Беседы» обозрение слав⟨янских⟩ новостей, длинное или короткое, смотря по обстоятельствам.

Пожалуйста, отвечайте мне скорее на этот вопрос. В случае, если мне разрешат издание газеты, Вы не откажетесь, я надеюсь, содействовать мне по Слав⟨янскому⟩ отделу, также за особое вознаграждение.

Письмо Вашего приятеля о «Парусе» очень курьезно. Должен быть великий самодур![8]

Прощайте. Обнимаю Вас, будьте здоровы и отвечайте немедленно. А что Борис Ив⟨анович⟩[9] обещал статьи и не шлет?

Весь Ваш
Ив. Аксаков.

5 июля
1859 Москва

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 11–12 об.

[1] *Далее зачеркнуто*: пройти.

[2] О невесте Петровского Эмме Генриховне Ге (1840–1928) см. во вступительной статье, на с. 401, 402. Впоследствии она стала известна своими переводами со славянских языков, в частности перевела почти все наиболее значительные произведения Божены Немцовой, в том числе знаменитую повесть «Бабушка» (*РВ*. 1866. Т. 62, март, апр.; Т. 63, май, июнь; отд. изд.: Прага: Ф. О. Моурек, 1871; 2-е изд.: 1902), — по этому переводу «чехи учились русскому языку» (*Ровда К. И.* Петровская Эмма Генриховна // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь. М., 1979. С. 267). См. о ней также: *Ровда К. И.* Чешская литература в русских переводах (50–60-е годы XIX столетия) // Славянские страны и русская литература / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1973. С. 155–168.

[3] После запрета «Паруса» (что оказалось весьма недальновидно в условиях обострения отношений с Австро-Венгрией, власти которой тоже незадолго до этого запретили «Парус») Министерство иностранных дел стало предпринимать меры, чтобы ослабить неприятное впечатление, произведенное прекращением аксаковской газеты как на славянский мир, так и на русское общество. В конце марта 1859 г. «С.-Петербургским ведомостям» (а позднее и «Московским») было официально предложено открыть у себя «Славянский отдел», Аксакова при этом просили поделиться «какими-нибудь статьями», заготовленными для «Паруса», и выписываемыми

им славянским газетами. Он отказал (см. его письмо к прот. М. Ф. Раевскому от 13 апреля 1859 г.: *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 200). Приступив к изданию газеты «День», Аксаков по личному указанию Александра II стал получать материалы (в основном извлечения из официальных консульских донесений), которые до осени 1861 г. Министерство иностранных дел предоставляло в Славянский отдел «С.-Петербургских ведомостей», не имевших влияния среди славян (см. подробнее: *Никитин С. А.* Южнославянские связи русской периодической печати 50-х годов XIX века // Учен. зап. Института славяноведения. М., 1952. Т. VI. С. 98–103).

[4] Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) — генерал-адъютант; археолог, издатель, нумизмат; рижский и минский военный губернатор (1831–1835), попечитель Московского учебного округа (1835–1847), номинальный председатель Общества любителей российской словесности (1836–1848) — в тот период (1859–1860) был московским генерал-губернатором. В письме к прот. М. Ф. Раевскому от 5 мая 1861 г. Аксаков так характеризовал его: «...граф Строганов (этот лжелиберал и лжепросвещенный человек)...» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 228).

[5] Н. В. Луженовский был знаком с гр. С. Г. Строгановым по совместной службе в Московском ополчении (см. примеч. 6 к наст. письму).

[6] Столкновения Аксакова с гр. Строгановым начались еще в апреле 1855 г.: он в феврале того года записался добровольцем (штабс-капитаном) в 111-ю Серпуховскую дружину Московского ополчения, начальником которого вплоть до конца октября 1856 г. был гр. Строганов. Гиляров-Платонов в 1886 г. в поминальной статье об Аксакове приводит любопытное свидетельство: «Но вот и отъезд в ополчение, и напутствие друзей, и благословение А. С. Хомякова, отвечавшего на возражение некоторых о бесполезности Ивана Сергеевича в этой новой деятельности. „Нет, *должно*, чтобы из нас, людей слова и мысли, *делом* засвидетельствовали свое слово и мнение". И началась ополченская служба, сопровождаемая полемикою литератора-ополченца с командовавшим Московскою дружиною графом Строгановым. Оригинальная полемика, философская и политическая, ведшаяся под видом официальных приказов и официальных рапортов, где Аксаков-ополченец был тот же непреклонный боец за меньшую братью, как Аксаков — редактор „Дня", „Москвы" и „Руси". „Это аксаковское влияние!" — воскликнул Строганов, когда при роспуске ополчения, собрав дружину, обратился к рядам с предложением, не хочет ли кто из ратников перейти в военную службу. „Кто хочет, ребята? — воскликнул граф, — поднимайте руку, кто хочет!" И услышал в ответ невольный каламбур: „Кто ж, ваше сиятельство, на себя руку поднимет?"» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиогр. воспоминания: В 2 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 218. (Лит. памятники)).

[7] Ежемесячный журнал «Сельское благоустройство», формально издававшийся как отдел «Русской беседы», прекратил свое существование на 14-й книжке (февральской за 1859 г.).

[8] Не исключено, что речь идет об одном из двух «бугурусланцев», которые упоминаются в письме 7, с. 416.

[9] Б. И. Ордынский (см. примеч. 7 к письму 2, с. 379). Очевидно, Аксаков имеет в виду прежде всего его рецензию на трехтомный труд Спиридона Трикупа «История Эллинского восстания» (Лондон, 1853), опубликованную позднее уже А. И. Кошеле-

вым в I (XIX) книге «Русской беседы» за 1860 г. под названием «Отпадение Греции от Турции и европейская политика того времени, относительно Греции и Турции» (см. № 426 в *ПР*).

10. Аксаков

9 октября 1859 г., Москва

Имеете полное право меня ругать, полное право предаваться своей мнительности, разочарованию и проч. и проч., дорогой Мемнон Петрович, который, несмотря на год сближения, до сих пор не перестает меня оскорблять «Милостивыми Государями» и другими китайскими церемониями. Я очень виноват перед Вами: я не отвечал на 3 или 4 Ваши письма, или, лучше сказать, «исписанные лики Наполеона III-го»[1] (отчего это Вы так расходились по его физиономии?); я не уведомил Вас о получении мной Медаковича,[2] Веревкина,[3] Кукулевича-Сакцинского.[4] Кроме вечной редакторской суеты, тут была и другая причина. Мне хотелось иметь возможность отвечать Вам на Ваши вопросы о «Беседе» чем-нибудь положительным... То дело принимало такой оборот, что я готовился писать Вам: «М⟨емнон⟩ П⟨етрович⟩! Вот Вам 900 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья, сверх платы за статьи, приезжайте ради Бога быть мне помощником; то казалось, что не только Вы, но и я сам уеду из Москвы, и предоставлю «Беседу» и Слав⟨янское⟩ дело на произвол судьбы. И вообразите — вопрос о «Беседе» не решен до сих пор! Несмотря на общий отзыв, что «Беседа» в нынешнем году несравненно занимательнее, несмотря на то что издается она в 6, а не в 4 книгах, — подписчиков у нас меньше, чем когда-либо! Прошу Вас серьезно, чтоб это осталось между нами; Вам говорю это так откровенно потому, что Вы как бы принадлежите к Редакции.

Теперь есть предположение: издавать «Беседу» в 4 книгах, а при ней ежедневное прибавление в виде газеты. Если этот план состоится, то получите от меня не только приглашение, но настоятельный зов: приезжать в Москву. Как Вы думаете — лучше ли пойдет «Беседа» в таком виде? Стянет ли газета на буксире такую почтенную тягость, как «Беседа»? Конечно, было бы несравненно выгоднее для «Беседы», если б могла издаваться газета как отдельный, самостоятельный орган, да и для меня лично веселее и выгоднее издавать *свою* газету, но Главное управление цензуры в Петербурге единогласно отвергло мою просьбу о дозволении мне издавать под моим именем газету: «Думу».[5]

Прошу Вас, мой дорогой Мемнон Петрович, уведомьте меня о себе подробнее: что́ Вы намерены делать? Ищете ли Вы кафедры Григорови-

ча? Ведь он выходит.[6] Кто же займет его место? Согласны ли Вы будете приехать в Москву и на каких условиях? Говорите откровенно, на каких именно? — Ваша статья о Веревкине преинтересна. Повесть Кукулевича появится, может быть, и в VI книге «Беседы».[7] Что скажете про V-ую?

Досадно, что некогда писать больше. Ведь я теперь совершенно один. Прощайте, крепко обнимаю Вас.

Я в том же доме кн. Голицыной, только на дворе, во флигеле, в бельэтаже.[8]

Вас от души уважающий и любящий
Ив. Аксаков

9 окт⟨ября⟩
1859
Москва

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 13–14.

[1] Наполеон III Бонапарт (Napoléon III Bonaparte, полное имя Шарль Луи Наполеон; 1808–1873) — президент Французской республики (1848–1852), император Второй империи (1852–1870), в начале правления которого был установлен авторитарный полицейский режим. Можно предположить, что в качестве бумаги для некоторых писем (они не сохранились) Петровский использовал репродукции с изображением Наполеона III. Не исключено, что это были получившие большую популярность литографированные фотографические портреты последнего французского монарха, сделанные как раз в 1859 г. модным парижским фотографом Андре Адольфом Эженом Дисдери (Disdéri; 1819–1889).

[2] Вероятно, речь идет о Данииле Медаковиче (Медаковић; 1819–1882) — сербском историке и публицисте, редакторе газет «Напредак» (1848–1849) и «Српски дневник» (1851–1864) с беллетристическим приложением «Седмица». В 1862 г., во время своего пребывания в городе Нови Сад, Петровский пользовался предоставленной ему Медаковичем возможностью работать в его библиотеке с трудами белградских ученых, которые не допускались австрийскими властями к продаже в местных книжных лавках (см.: *Петровский М.* Отчет о путешествии по славянским землям // Ученые записки Имп. Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук. Казань, 1862. Кн. II. С. 100). Какое именно сочинение Медаковича перевел Петровский, установить не удалось. Однако не исключено, что имеется в виду не Даниил, а Милорад Медакович (Медаковић; 1824–1897) — сербский политический деятель, историк и журналист; в течение несколько лет он был чиновником русской дипломатической службы в Белграде. См.: *Медакович М.* Отрывок из истории Черногорья / Пер. с серб. К. Петковича. СПб., 1854.

[3] Имеется в виду рукопись статьи Петровского, опубликованной в книге I (XIX) за 1860 г. под названием «Михаил Иванович Веревкин. Очерк из истории русского образования в половине XVIII века» (подпись: *М. П—ий*; см. № 441 в *ПР*). М. И. Веревкин (1732–1795) — переводчик, драматург, поэт, прозаик; педагог.

В 1758—1763 гг. проживал в Казани, где был директором первой гимназии и товарищем губернатора.

[4] Иван Кукулевич-Сакцинский (Kukuljević-Sakcinski; 1816—1889) — хорватский политический деятель, великий жупан загребский (1861—1867); историк, библиограф, драматург, прозаик. Из содержания писем 11—13 устанавливается, что Петровский прислал Аксакову свой перевод повести Кукулевича-Сакцинского «Два славянина». Выходные данные: Dva slavenina: Pripovjest iz novijega vremena od I. K⟨ukuljevića-⟩ S⟨akcinskoga⟩ // Leptir: Zabavnik za godinu 1859 / Izd. L. Vukotinović. U Zagrebu, 1859. S. 81—207. См. обоснование в примеч. 16 к письму 13, с. 429.

[5] См. примеч. 6 к письму 8, с. 418.

[6] Хотя отличавшийся особой мнительностью В. И. Григорович (см. о нем примеч. 1 к письму 2, с. 411), постоянно недовольный собой ввиду остро ощущавшейся им своей якобы недостаточной филологической квалификации (ср.: *Бернштейн С. Б.* Григорович Виктор Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. С. 133—134), и порывался оставить Казанский университет, он, однако, оставался там профессором вплоть до 1864 г., когда вышел в отставку и уехал в Херсон. В том же 1864 г. здесь открылся университет, получивший название Новороссийского, и Григорович был приглашен возглавить кафедру славяноведения. Но еще в 1859 г. Петровский писал Григоровичу как его будущий преемник: «...Ваше беспримерное в летописях Казанского университета внимание поддержало и подстегивало меня... Постараюсь, насколько станет силы, фактами доказать, что не даром Вы делились со мной Вашими взглядами и научными открытиями. Думаю, что только этим я в состоянии буду хоть отчасти достойно отблагодарить Вас» (цит. по: *Мягков В. П., Макарова Н. И.* Отец и сын Петровские... С. 64—65).

[7] См. примеч. 4 к наст. письму. О том же Аксаков писал и прот. М. Ф. Раевскому 15 октября 1859 г.: «В VI книге „Беседы“ напечатаю повесть Кукулевича-Сакцинского» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 203), однако этот замысел осуществлен не был.

[8] От франц. bel étage — «прекрасный этаж»: лучший (второй снизу) этаж здания.

11. Аксаков

9 октября 1859 г., Москва

Любезнейший Мемнон Петрович. Посылаю Вам три слав⟨янские⟩ статьи. Если есть у Вас время — переведите их, особенно две сербские[1] — премного обяжете. Мы здесь, относительно славянства, сиротствуем без Вас.

Еще посылаю Вам песнь, присланную мне Ганкой.[2] Не можете ли перевести ее стихами? Уведомьте, прошу Вас.

Весь Ваш
Ив. Аксаков

9 окт⟨ября⟩
1859 Москва.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 15.

[1] В последней (VI) книге «Русской беседы» за 1859 г. была напечатана статья М. Миличевича «Сербская община», предположительно переведенная с сербского Петровским; в 1860 г. в журнале не публиковались статьи сербских авторов. Возможно, однако, имеются в виду статьи «О сербском судопроизводстве» и «О быте словацкого крестьянина», упоминаемые в письме Петровского от 24 октября 1859 г. (№ 13).

[2] Вацлав Ганка (Hanka; 1791—1861) — видный деятель чешского национального возрождения, филолог и поэт, сочинитель подложных Краледворской (переведена Авдием Соколовым в 1844 г.) и Зеленогорской рукописей. О сатирической песне «Поход в Италию», присланной Аксакову Ганкой, см. в письме 13, с. 427—428. Видимо, Петровский отказался ее переводить: по крайней мере, все известные его стихотворные переводы с чешского увидели свет еще до этого письма. Опубликованы три письма Аксакова к Ганке — от 24 августа 1858 г., 27 января и 12 февраля 1860 г. (см.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 3—9). В пушкинодомском архиве Аксаковых хранятся два письма Ганки к И. Аксакову: от 14 (2) ноября 1858 г. и 30 (18) января 1860 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 133. Л. 1—4 об.).

12. Аксаков

17 октября 1859 г., Москва

Любезнейший Мемнон Петрович. На два слова:

У Вас оригинал повести Кукулевича?[1] Я хочу печатать Ваш перевод, но мне необходим оригинал: есть некоторые места в Вашем переводе, для меня сумнительные! Местами Вы слишком точно придерживаетесь подлинника, так что по-русски выходит неясно; местами Вы обращаетесь с подлинником слишком бесцеремонно, и это также чувствуется. Вообще же перевод очень жив и хорош, но едва ли был перечтен — во 2⟨-й⟩ раз.

Если оригинал у Вас, то прошу Вас немедленно мне его выслать.

Плохи дела наши. В Цензуре реакция и страшные строгости, стесняющие гласность.[2] Еще не знаю, что будет за V книгу «Беседы».[3] Напишите Ваш адрес на будущее время.

Прощайте, дорогой Мемнон Петрович, крепко Вас обнимаю. Пишите почаще.

Весь Ваш
Ив. Аксаков.

17 окт⟨ября⟩
1859 г. Москва.

Пишу в Василь-Сурск, но боюсь, что мое письмо Вас там не застанет.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 17—18. Небольшой фрагмент: «Местами Вы слишком ⟨...⟩ жив и хорош...» — был опубликован: *Ровда К. И.* Чешская литература в русских переводах... С. 162.

[1] «Два славянина: Повествование нового времени» (1859). См. примеч. 4 к письму 10, с. 424–425.

[2] Возможно, Аксаков подразумевает последствия введенного в действие 3 октября 1859 г. «запретительного циркуляра» Негласного комитета по делам книгопечатания (получившего в литературе название Bureau de la presse), который был посвящен исключительно «вредному» направлению печати и, в частности, обращал внимание на то, что «в последнее время в нашей журналистике, сверх сатирических произведений беллетристики, изображающих *вообще* слабости и недостатки людей ⟨...⟩ стали появляться статьи, чуждые литературного вымысла, но посвященные преимущественно указанию на злоупотребления *лиц существующих* и рассказам *действительных будто бы происшествий* с означением иногда даже подлинных имен лиц и мест, а большей частью с такой обстановкою и прозрачным замаскированием их, что очень нетрудно догадаться, о ком и о чем идет дело ⟨...⟩. Распространение такого направления журналистики может повести к весьма вредным последствиям злоупотребления печати» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 447–449).

[3] Скорее всего Аксаков волновался, предчувствуя негативную реакцию властей на публикацию в V (XVII) книге «Русской беседы» статьи П. И. Якушкина «Проницательность и усердие псковской полиции», сопровождаемой довольно эмоциональным редакционным предисловием (см. № 386 и 387 в *ПР*).

13. Петровский

24 октября 1859 г., Василь-Сурск

Василь Сурск
24-го октября

Многоуважаемый Иван Сергеевич! Рассмотрел присланные Вами рукописи и нашел, что бесполезно *начать* переводить «Краткую историю мадьярской литературы», потому что[1] автор ее, Dr Никола Крстич, профессор права в Белградском лицее,[2] — прислал Вам только начало (1-й период) своего обозрения, которое, во всяком случае, интересно, как вопрос, совершенно не затронутый в нашей литературе. Он в письме своем спрашивает Вас: «Угодно ли Вам поместить начало — и тогда он пришлет продолжение?» Получили ли Вы это продолжение статьи? И послали ли ответ на письмо его от *24-го апреля*? Ведь без этого он едва ли вышлет final, предполагая, что Вам не нужна статья о венгерской письменности, которую он — по словам его письма — начал по предложению М. Ф. Раевского.[3]

Стихотворение, воспевающее à la Котляревский[4] — с меньшим только тактом и юмором — «Поход в Италию»,[5] я мог бы перевести, но — если нет каких-либо особенных на то причин — оно не стоит перевода.

Этот «некто» (edenъ), кажется, бедный Гиулай![6] За что же не остро[7] издеваться над тем, кого послали? Вот если бы зацепили Франца Иосифа[8] — это было бы иное дело. Шутка напоминает наши севастопольские куплетцы, направленные против русских героев.[9] Впрочем, русские куплетцы, несмотря на свою туповатость, все-таки остроумнее чешской песни, которая едва ли не переведена с какого-нибудь диалекта.

Рукопись[10] «О сербском судопроизводстве» еще не читал, а «О быте словацкого крестьянина»[11] прочитал и нашел интересной, и начал переводить. Что-то подобное я видел в последних №№ «Чешского музея»,[12] кажется Божены Немцовой.[13] К сожалению, у меня нет теперь ни одного № «Музея».

Вероятно, Вы уж давно получили «Лептирь»?[14] Я знал, что он Вам будет нужен для сличения и потому предупредил высылкою[15] Ваше письменное требование. — *Если повесть Сакцинского*[16] *будет напечатана, то прошу снабдить меня несколькими оттисками.*[17]

Не получили ли Вы следующих выпусков «Словацких сказок»?[18] Я просто влюбился в них. Так много чего-то родного, не онемеченного, славянского!

О всем этим счел долгом довести до Вашего сведения и ждать дальнейших распоряжений, которые будут по мере возможности выполняемы неукоснительно всегда Вашим *М. Петр⟨овским⟩.*

P. S. «Русской беседы» (№ 5) я и до сих пор не получил.

PP. S. Прошу Вас при случае известить меня: сколько книжек тихонравовского журнала вышло в свет? Не умер ли он? (журнал?)[19]

Черновой автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 7. Л. 5—6 об. Год указан карандашом в верхнем левом углу, видимо, самим Петровским, но позднее.

[1] *Далее зачеркнуто*: он.

[2] Известно издание: *Крстић Никола*. Историја србског народа. Београд, 1863. Св. 1. 80 с.

[3] Протоиерей Михаил Феодорович Раевский (1811—1884), настоятель русской посольской церкви в Вене, общественный деятель, был деятельным помощником Кошелева и братьев Аксаковых по привлечению к сотрудничеству в славянофильской печати славянских ученых и литераторов.

[4] Речь идет о травестийно-бурлескной поэме «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная» (1794—1820; частично опубл.: СПб., 1809; полностью: Харьков, 1842) украинского поэта и драматурга Ивана Петровича Котляревского (1769—1838). В поэме, имевшей большой успех, воссоздана жизнь малороссийского общества во второй половине XVIII в.

[5] Вероятнее всего, сатирическое стихотворение, о котором идет речь (это, конечно, и есть та присланная Аксакову В. Ганкой «песнь», что упоминается в письме 11, с. 425), было откликом на войну Австрии с Францией и Сардинским королевством, начавшуюся 29 апреля 1859 г. и закончившуюся 11 июля того же года заключением Виллафранкского мирного договора, по которому Австрия лишилась принадлежавшей ей до того итальянской области Ломбардии. События этой бесславной для Австрии войны вызывали в то время жгучий интерес: известна, например, на ту же тему язвительная «Ода на поход в Италию» Н. А. Добролюбова из его цикла «Опыты австрийских стихотворений».

[6] Граф Франц Гиулай (Gyulai, произносится: Дьюлай; 1798—1868) — австрийский фельдмаршал-лейтенант; с 1849 г. военный министр, с января 1858 г. главнокомандующий австрийскою армией в Италии; но после поражения, которое он потерпел 4 июня 1859 г. от французов при селении Маджента к западу от Милана, вынужден был сложить с себя это звание.

[7] Не остро *вписано сверху между строк.*

[8] Это слово вписано сверху между строк.

[9] Такого рода вирши, ходившие в списках, частично рассмотрены в кандидатской диссертации: *Федянова Г. В.* Крымская война в русской поэзии 1850-х годов. Тверь, 2008. См. также изд.: Заморские гости: Собр. песен, воен. куплетов, сказок, басен и стихов про турок, англичан и французов, выражающие чувства русских за веру, царя и отечество в войну наст. времени. М., 1854. 52 с.

[10] Это слово вписано сверху между строк.

[11] Публикации переводных статей «О сербском судопроизводстве» и «О быте словацкого крестьянина» выявить не удалось.

[12] В 1818 г. в Праге был основан Чешский музей, вокруг которого сплотились представители либеральной интеллигенции. «Журнал Чешского музея» («Časopis Českého musea»), издававшийся на чешском и немецком языках в 1827—1951 гг., стал первым периодическим органом Чехии, предназначенным для публикации исторических исследований и фольклорных памятников. В своем «Отчете о путешествии по славянским землям» Петровский писал: «Из всех периодических изданий только и представляет в настоящую пору небольшой интерес для филолога „Журнал музея Чешского королевства"...» (Ученые записки Имп. Казанского университета... Казань, 1862. Кн. II. С. 94).

[13] Божена Немцова (Němcova, урожд. Панклова (Panklova); 1820—1862) — чешская писательница, основоположник национальной «деревенской» прозы.

[14] «Лептирь» («Leptir»; *хорв.* «Бабочка») — альманах («забавник»), издававшийся ежегодно в 1859—1862 гг. в Загребе видным деятелем иллирийского и хорватского освободительного движения Людевитом Фаркашем (Farkaš; 1813—1893), более известным под псевдонимом Вукотинович (Vukotinović) или под сложною фамилией Фаркаш-Вукотинович, нотариусом, судьей; поэтом, прозаиком, драматургом, минералогом и ботаником-любителем. В письме имеется в виду «Leptir: Zabavnik za godinu 1859» (см. примеч. 16 к наст. письму).

[15] Это слово вписано сверху между строк.

[16] В альманахе «Leptir: Zabavnik za godinu 1859» (U Zagrebu, 1859) помещены три произведения И. Кукулевича-Сакцинского: под инициалами «I. K. S.» — «Pjesme iz

putnoga dnevnika» («Стихи из путевого дневника») и «Два славянина: Повествование нового времени» (см. примеч. 4 к письму 10, с. 424—425) и под полным именем — очерк «Grad veliki Kalnik» («Град великий Калник»). (Городище Калник находится у нынешнего города Крижевцы в Северной Хорватии.) Следовательно, Петровский перевел именно повесть «Два славянина»; публикация этого перевода нам неизвестна.

[17] Все это предложение вписано сверху между строк.

[18] Не исключено, что речь идет об одном из томов «Словацких сказок и повестей» («Slovenské pohadky a povesti»), изданных в 1857—1858 гг. в Праге Б. Немцовой. Однако более вероятно, что имеется в виду какой-либо из шести выпусков «Словацких повестей» («Slovenské povesti»), увидевших свет в 1858—1861 гг. в словацких городах Рожняве и Банской Штиавнице. Их издатели — священник-евангелист Павол Добжинский (Dobšinský; 1828—1888), поэт-романтик, собиратель фольклора, этнограф, и Аугуст Хорислав Шкултети (Škultéty; 1819—1892), поэт, фольклорист, — включили в свое издание 64 волшебные сказки.

[19] Этот второй постскриптум вписан поперек строк на левом поле страницы. Подразумеваются «Летописи русской литературы и древности», издававшиеся историком литературы Николаем Саввичем Тихонравовым (1832—1893): всего вышло пять томов (М., 1859—1863).

14. Аксаков

29 декабря 1859 г., Москва

Что это значит, любезнейший Мемнон Петрович, что об Вас ни слуху ни духу? Вы даже не отозвались на «Заключительное слово» «Беседы».[1] Здоровы ли Вы? Или известие о прекращении «Беседы» так Вас сразило, что Вы упали духом и руки у Вас опустились? Спешу успокоить Вас, что «Беседа» не совсем погибла. Она и в 1860 г. будет издаваться, но без предварительной подписки и бессрочно, Сборниками. Этим будет заведовать сам Алекс⟨андр⟩ Иван⟨ович⟩ Кошелев, которому я и передал все статьи и все дела «Беседы» и Слав⟨янской⟩ конторы, следовательно, — и Ваши статьи и Ваши переводы.

Вы ничего не должны Редакции, напротив — она должна Вам, но расплатиться едва ли может до напечатания какой-либо из статей.

Продолжайте переводить имеющиеся у Вас славянские рукописи и присылайте их Александру Ивановичу, к которому и обращайтесь по всем вопросам и требованиям, как бы ко мне.[2] Адрес его: на Поварской, в собственном доме.[3]

Не знаю, дошли ли до Вас «Отеч⟨ественные⟩ зап⟨иски⟩» и «Современник» за дек⟨абрь⟩ м⟨еся⟩ц. Вы увидите там такие отзывы сожаления и сочувствия к «Беседе», такое признание ее значения в литературе, такое сознание в том, что убеждения западников изменились под влиянием

неизменных убеждений славянофилов, что это делает им великую честь.[4] Правда, что в 54 № одной иностранной русской газеты издатель торжественно объявляет, что «не имея претензии быть Симеоном Столпником, бесполезно и упорно стоявшим десятки лет на одном месте, он сознается, что убеждения его во многом изменились и что он теперь гораздо ближе к московским славянофилам, чем к западным староверам».[5] Только «Р⟨усский⟩ вестник», с чувством мелочного раздраженного самолюбия, лягнул нас на прощанье![6]

Через неделю я уезжаю за границу, где пробуду месяцев восемь.[7] Посещу славянские земли и познакомлюсь со всеми моими корреспондентами. Теперь мой адрес Вам: Deutschland, Heidelberg, Herr Johann Aksakoff, poste restante.[8]

Прощайте, мой добрый и милый Мемнон Петрович. Обнимаю Вас крепко и крепко. Бог даст — свидимся. Через год в Москве. Будьте бодры и здоровы.

Весь Ваш душою
Ив. Аксаков.

29 дек⟨абря⟩
1959. Москва.

Перевод «Куклы» очень хорош и лучше соколовского,[9] но пусть он войдет в собрание Ваших стихов и переводов.[10] Теперь нам печатать его негде.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 19–20. Фрагменты письма о газете «Колокол» и планах поездки за границу впервые опубликованы в составе статьи: *Порох И. В.*, *Порох Вл. И.* Герцен и И. Аксаков... С. 97.

[1] Имеется в виду статья «Заключительное слово», опубликованная в Приложении к книге VI (XVIII) «Русской беседы» (С. I–VIII, с редакционной подписью: *Русская Беседа*; см. № 419 в *ПР*).

[2] 16 января 1860 г. Петровский послал Кошелеву письмо и статью о сборниках «Словацких народных сказок» (см. примеч. 18 к письму 13, с. 430), ответ получил только в апреле. Публикуем его полностью по автографу (оно только подписано Кошелевым, текст же написан под его диктовку либо по его черновому наброску неизвестным лицом, возможно — его помощником по редакции):

«Милостивый Государь
Мемнон Петрович!

К. С. Аксаков сообщил мне, что Вы не получили ответа моего на Ваше письмо от 16-го января. Спешу повторить прежде сказанное и пополнить оное новыми известиями.

Ваша статья „Веревкин" помещена в 1-й книге „Беседы" за 1860 год. Эта книга выходит завтра и вскоре к Вам доставится, а равно и отдельные оттиски.

Ваша статья о словацких народных сказках найдена сотрудниками „Беседы" по славянской части недостаточно обработанною и нуждающеюся в пополнениях. Почему я ее к Вам возвращаю.

На вопрос Ваш: переводить ли некоторые статьи славянские, у Вас находящиеся, — уведомляю Вас, что 2-я книга выйдет в ноябре. Если статьи интересны (по заглавиям они обещают быть таковыми), то я с радостью их помещу; а потому прошу Вас заняться их переводом. Желательно получить статьи для 2-й книги „Беседы" до 1-го сентября. Благоволите писать и отправлять на имя Редакции „Русской беседы", на Поварской, в доме г. Кошелева.

С истинным почтением и преданностию остаюсь

Вашим покорным слугою
Александр Кошелев.

Апреля 23 дня,
1860 г.
Москва» (ИРЛИ. Ф. 382. № 14. Л. 1–1 об.).

[3] Нынешний адрес: Поварская ул., д. 31, стр. 1 (см. вклейку 1). В этом барском двухэтажном доме, возведенном в XVIII в. как главный корпус городской усадьбы, А. И. Кошелев жил с 1851 г. до самой кончины; здесь находился и известный общественно-литературный салон Кошелевых.

[4] Особенно сочувственным был отзыв о «Русской беседе», помещенный в «Отечественных записках» и принадлежащий, вероятно, перу самого редактора А. А. Краевского. В неподписанной статье «По поводу заключительного слова „Русской беседы" (№ 6, 1859)», опубликованной под рубрикой «Журнальные заметки», он так откликнулся на сообщение о прекращении славянофильского издания: «Это известие поразило нас весьма неприятно. Читатели знают, что мы никогда не принадлежали к сторонникам „Русской беседы", не принадлежим *вполне* и теперь, но это не мешает нам жалеть прежде всего об утрате честного оппонента мнениям и нашим, и очень многих. Если наша литература страдает однообразием мотива, то преимущественно оттого, что петь песню с чужого голоса легче, а также и от ложной боязни идти наперекор убеждениям большинства. Достоинством своеобразности вполне обладала „Русская беседа", и это заставляет нас жалеть об утрате одного из немногих свободных наших голосов. 〈...〉

Что за дело, если из сражения вышли все ранеными, и западники и славянофилы! Зато сражение имело результатом много полезных открытий. 〈...〉

Жаль, что „Русская беседа" покинула дело, которое она так усердно защищала! Ведь берег еще далеко; и если то, что некогда называлось славянофильством, отжило свое время, то вопросы, выдвинутые на сцену спорами западников и славянофилов, далеко не решены. Историческая почва, которой они держались, требует более тщательного изучения, только не под тем углом зрения, что все старинное хорошо, а под иным, более беспристрастным» (*ОЗ*. 1859. Т. 127, дек. Отд. III. С. 120, 124).

В «Современнике» о «Русской беседе» высказался прозаик, поэт и литературный критик Иван Иванович Панаев (1812–1862) в своем ежемесячном фельетонном обозрении «Петербургская жизнь: Заметки *Нового поэта*» (в оглавлении этот фрагмент

обозрения имеет название «Прекращение „Русской беседы“ и ее заключительное слово»). Воспроизведя почти полностью «Заключительное слово» («потому что оно очень замечательно во многих отношениях»), Панаев так его прокомментировал: «Хотя мы не разделяли основных начал „Русской беседы“, за исключением общинного начала, и хотя мы находим в этом заключительном слове редакции „Р⟨усской⟩ б⟨еседы⟩“ некоторое... как бы выразиться деликатнее... самообольщение, касательно торжества ее убеждений, но мы, несмотря на все это, искренно сожалеем, что журнал, представивший столько замечательных статей в течение своего существования, так неожиданно прекращается. Продолжение этого издания, конечно, во всяком случае было бы полезно. Надо вспомнить с благодарностию, что некоторые из основных сотрудников „Р⟨усской⟩ б⟨еседы⟩“ действительно способствовали если не к разрешению, то по крайней мере к уяснению очень важных наших общественных вопросов.

Редакция со временем, по словам заключительного слова, надеется возобновить свое издание. Мы искренно желаем, чтобы это возобновление последовало как можно скорее» (С. 1859. Т. 78, дек. Отд. II: Соврем. обозрение. С. 394).

[5] Аксаков передает слова А. И. Герцена из его памфлета «Русские немцы и немецкие русские», цитируемая часть которого была опубликована в номере «Колокола» от 15 октября 1859 г. (Л. 54. С. 441; с подписью: *И—р*): «Славянофилы поняли, что их истина плохо выражается западной номенклатурой, они попытались науку сделать русской, православной, остриженной в скобку так, как пытались архитектуру и живопись свести на византизм, а в сущности они достигают совсем другого — высвобождения мысли и истины от обязательных колодок немецкой работы, набитых на наш ум западным воззрением.

Вот почему мы, не хвастающиеся достоинством Симеона Столпника, стоявшего упорно шесть, десять лет на одном и том же месте, оставаясь совершенно верными нравственным убеждениям нашим... *живые*, т. е. изменяющиеся

Течением времени,

стали гораздо ближе к московским славянам, чем к западным старообрядцам и к русским немцам, во всех родах различных» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. XIV. С. 160). Любопытно, что Аксаков, возможно бессознательно, поправляет Герцена, говоря, что преподобный Симеон Столпник стоял «десятки лет на одном месте», поскольку тот, согласно его Житию, действительно подвизался на камне около сорока лет, а никак ни «шесть, десять». Герцен цитирует державинскую оду «Бог» (1784) (точно: «Теченьем времени превечный...»).

[6] Имеется в виду неподписанная «Заметка», автором которой был, несомненно, сам редактор журнала М. Н. Катков (*РВ*. 1859. Т. XXIV, № 23 (Дек., кн. 1). Отд. II: Соврем. летопись. С. 271—273). Он возмутился следующей фразой в «Заключительном слове», где шла речь о русских периодических изданиях: «...недавно одно из них, наиболее распространенное в России, свидетельствовало гласно, что вопрос об общинном землевладении уже положительно разрешен в литературе» (наст. изд., с. 271). Катков отозвался весьма язвительной отповедью (приведем обширную цитату): «В конце статьи „Ответ одному из подписчиков газеты *Journal de St. Pétersbourg*“, помещенной в № 20 „Русского вестника“ ⟨Окт., кн. 2⟩, одно место, по причине излишней, может быть, краткости выражения, могло быть истолковано не

в том смысле, в каком следует понимать его. Мы сказали: могло быть истолковано, хотя в сущности для всякого добросовестного читателя не могло быть никакой неясности в наших словах. Но иногда случается и то, чего бы никак не следовало ожидать. Кому из наших читателей не известен взгляд „Русского вестника" на так называемое общинное землевладение? В целом ряде замечательных статей, писанных нашими сотрудниками, был рассмотрен этот вопрос и показана вся несостоятельность тех наивных верований и детских теорий, которые приютились под кровом этой формы, отжившей и мешающей свободному течению жизни. ⟨...⟩

Говоря о причинах, которые препятствовали нашей литературе сделать все, что она могла бы сделать по крестьянскому вопросу, мы указали на те пункты этого многотрудного вопроса, которые обязаны ей своим разъяснением. На стр. 418 мы сказали, что наша литература „вынесла на плечах своих вопросы об общинном владении, о полноправности, о телесных наказаниях, о выкупе, о круговой поруке". Выражаясь таким образом, мы были далеки от всякой мысли, чтобы кому-нибудь вздумалось счесть нас, на основании этих слов, партизанами общинного землевладения, или телесных наказаний, или круговой поруки, которая тоже постоянно и решительно отвергалась нами ⟨...⟩. Почему бы нам вдруг, ни с того ни с сего, без всякого объяснения, сделаться приверженцами тех детских и наивных теорий, о которых упомянули мы выше? И однако ж скромная редакция „Русской беседы", вздумав, после славной и скоротечной кампании, прокатиться перед изумленным народом в триумфальной колеснице, заставила и нас бежать за собою в числе своих пленников. Она провозгласила нас покоренным народом за эти две строчки, выписанные нами выше. Эти пять-шесть слов были нашей капитуляцией, они превратились в торжественный клик победителей; для них-то жила и билась „Русская беседа". О, великий плод славного существования! Как приятно умирать, совершив так много великого! Мы рады, что „Русская беседа" скончалась в таком приятном расположении духа; нам было бы грустно смутить ее последние минуты, но теперь, когда она переселилась в царство теней, мы должны восстановить дело в его истинном смысле. Говоря вышеприведенные слова, мы не сомневались, что добросовестные читатели поймут, какое в каком смысле было сказано. Полноправность и выкуп, за которые мы всегда стояли и которые, слава Богу, отстаиваются теперь общественным мнением всей России, разумелись в положительном смысле. Общинное землевладение, телесные наказания, круговая порука, за которые стояла „Русская беседа" и против которых мы по силам ратовали, могли быть сказаны только в отрицательном смысле». Не исключено, что об этой статье Каткова Аксаков узнал еще до выхода книжки «Русского вестника» в свет: цензором журнала был аксаковский приятель Н. П. Гиляров-Платонов (вместе с Д. И. Наумовым).

[7] И. Аксаков выехал из Москвы 4 января 1860 г., а вернулся в самом конце декабря. Путешествие затянулось, между прочим, в связи с болезнью и смертью К. Аксакова, гроб с телом которого Иван с родными привезли с собой в Россию.

[8] Германия, Гейдельберг, Господину Ивану Аксакову, до востребования (*нем.*, *франц.*).

[9] В отличие от А. И. Соколова (см. примеч. 16 и 17 к письму 2, с. 412), переведшего «Куклу» В. Сырокомли четырехстопным амфибрахием, чередующимся с трехстопным через каждые три стиха, — Петровский перемежал четырех- и трехстопный амфибрахий через каждый стих.

[10] Так и получилось: в 1861 г. Петровский опубликовал в Москве анонимно (только в конце предисловия, на с. III, подпись: *М. П—ий*) сборник стихотворных переводов «Отголоски славянской поэзии», в котором на с. 43—45 поместил свой перевод «Куклы» (первая строка: «Когда б моя куколка плакать не стала»).

15. Петровский

14 января 1860 г., Василь-Сурск

Василь-Сурск

4-е января 1860 г.

Нет, многоуважаемый Иван Сергеевич, нет! Я не падал духом настолько, чтобы не быть в состоянии отвечать Вам на полученное мною «Заключительное слово»; но молчал в ожидании обещанных Вами подробностей о прекращении (т. е. приостановлении) «Беседы».[1] К душевному прискорбию, еще здесь не получены двенадцатые книжки «Отечественных записок» и «Современника», давно вышедшие в свет:[2] ведь петербуржские снобы не считают нас, провинциалов, за людей; и вследствие этого книжки «Современника» являются в провинции целыми месяцами позже после выхода. Во всяком случае — «Р⟨усский⟩ вестник», — лягнувший на прощанье «Беседу», поступил — по моему умозаключению — последовательнее своих собратий: ругал[3] при жизни, козырнул и по смерти; а другие-то господа — что же так упорно играли в молчанку в то время, как «Беседа» жила полною жизнью зрелого организма? Попробуйте, воротитесь с «Беседою» на свет Божий — они опять также замолчат (если только не станут ругаться), как молчали во все продолжение прошедшего года, или примутся за штуки вроде придирок к чиновническим замашкам Державина[4] или к цветастой речи Бессонова.[5]

Впрочем, к чему напоминать Вам о всех подобных дрязгах: отечественный дым (вопреки Гавриилу Романовичу и Чацкому)[6] не менее заграничного ест глаза; да к тому же у Вас, вероятно, такая кипит теперь деятельность, что Вам и некогда останавливать внимание на прошлом. Конечно, Ваше настоящее странствование принесет и крупные, и свежие, и зрелые плоды для предстоящего редактирования имеющего когда-нибудь появиться — уж не славянофильского (в смысле «Беседы»), а чисто славянского органа: так, по крайней мере, я объясняю себе Вашу поездку. Представляю себе Вашу встречу с славянами, не чуждыми «Беседе». Завидую тем, кто будет свидетелем таких встреч. Позвольте надеяться, что в продолжение осьми месяцев, хоть однажды, Вы дадите о себе и о славянах весть, которой более нежели чему-нибудь в мире письменности

суждено обрадовать Вашего маловерного, но не закосневшего в неверии, сотрудника. Да! я готов верить, что Славянский вопрос не так уже чужд русской науке (но не обществу), как прежде, года за два перед сим.[7] Быть может, Бог даст, современные европейские кулисы и передвинуты искусными усилиями друзей народности или некоторые из них, подгнившие в основании, сами падут — и тогда-то пробудится участие к нашим братиям. Как ни трудно было «Беседе» разгонять мглу, скрывающую от русского читающего общества славянский мир, — она сделала то, что не обинуясь можно теперь сказать: «Прежде славянского духу слыхом не слыхали, видом не видали, а ныне славянский дух в очью проявляется!»[8]

Прощайте, добрейший Иван Сергеевич! Верьте искренней преданности всегда Вашего *М. Петровского.*

P. S. Прочитав в письме Вашем адрес — «в Гейдельберг», я невольно вспомнил о Гейневском гробе, который

muß sein noch größer
Wie's Heidelberger Faß;[9]

Дай же Бог, чтоб[10] дневник Вашего путешествия был также велик или даже больше, нежели Гейдельбергская Бочка; т. е.

Das Tagbuch[11] muß noch größer sein
Wie's Heidelberger Faß...

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 471. Л. 3—4 об.

[1] Местонахождение письма Аксакова с упомянутыми обещаниями неизвестно.

[2] Последний номер «Современника» за 1859 г. вышел в свет 19 декабря (см.: *Боград В.* Журнал «Современник», 1847—1866: Указ. содержания. М.; Л., 1959. С. 369); «Отечественных записок» — к 15 декабря (см. соответствующее объявление с росписью содержания журнальной книжки: С.-Петербургские ведомости. 1859. 15 дек. № 273. С. 1219).

[3] *Первоначально вместо этого слова было*: ругн⟨ул⟩.

[4] Имеются в виду газетно-журнальные отклики на публикацию мемуаров Г. Р. Державина в «Русской беседе» (Кн. I—V).

[5] Вероятнее всего, подразумевается разгромная рецензия библиографа А. Е. Викторова на один из очерков П. А. Бессонова: *Викторов А.* Библиотека и историческая деятельность Московской Синодальной типографии: (По поводу статьи г. Бессонова: Типографская библиотека в Москве, ист. очерк. «Русская беседа» 1859 г. Кн. V) // *МВед.* 1859. 1, 4, 8 дек. № 285, 288, 291. Викторов употреблял эпитеты: «красноречивый автор» (№ 285. С. 2021), «высокопарное разглагольствование» (Там же. С. 2023). Ср. отклик Н. И. Греча на предисловие Бессонова к опубликованному им сочинению Юрия Крижанича (см. № 468 в *ПР*): «Издатель говорит, что он *опу-*

стил предисловие к рукописи, находя его лишним. Вместо того присовокупил он *свое* предисловие прекурьезное. Любопытно было бы предузнать комментарии, с какими эта *галиматья* (по-русски *ахинея*) будет издана в XX веке» (*Эрмион* ⟨*Греч Н. И.*⟩. Критические заметки // Северная пчела. 1859. 16 марта. № 58. С. 2).

[6] Имеется в виду восходящая к гомеровской «Одиссее» (песнь I, ст. 56—57) и овидиевским «Письмам с Понта» (кн. I, элегия 3, ст. 33) заключительная строка стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1898): «Отечества и дым нам сладок и приятен» (*Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 276. (Б-ка поэта. Большая сер.)), процитированная в монологе Чацкого (д. I, явл. 7): «И дым отечества нам сладок и приятен» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. I. С. 28) — по первой публикации в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (М., 1798—1799. Кн. III. С. 14). Державинское стихотворение было особенно актуально для Петровского, поскольку в нем идет речь о Казани, где поэт вырос и учился в гимназии, и, кстати сказать, Петровский посвятил ему несколько публикаций, а также разыскал для Я. К. Грота ряд уникальных неизвестных ранее автографов поэта (см. его письма к Гроту от 23 мая 1860 г. и 1 февраля 1863 г.: ИРЛИ. Сигн. 12 273. Л. 1—3).

[7] Позднее, в «Отчете о путешествии по славянским землям», Петровский развивал эти мысли: «На настоящую эпоху жизни славян большинство смотрит как на момент перерождения или, лучше сказать, возрождения их к новой государственной жизни, со всеми атрибутами ее благосостояния и развития на почве свободы и самосознания. ⟨...⟩ Даже можно сказать, что среди критиков желанной свободы и мнимого торжества над чуждым гнетом — реже слышится здоровый, единственно спасительный голос науки, долженствовавшей в так называемых интеллигентных классах направлять движение народных идей. ⟨...⟩ Теперь же на первом плане политика, и эта политическая эпидемия у славян в настоящее время занимает все умы и силы» (Ученые записки Имп. Казанского университета... Казань, 1862. Кн. II. С. 93).

[8] Шутливый перепев традиционной сказочной формулы. Ср. слова Бабы-Яги в волшебной сказке «Царь-девица»: «Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2. С. 184. (Лит. памятники)).

[9] ...должен быть больше, чем Гейдельбергская бочка (*нем.*). Цитата (7—8 строки) из стихотворения Г. Гейне «Die alten, bösen Lieder» («Вы старые, злые песни»; 1822—1823), вошедшего в его «Книгу песен» (в цикл «Лирическое интермеццо», под № LXVI). Впервые: *Heine H.* Buch der Lieder: Lyrisches Intermezzo. Hamburg, 1827. S. 170—171. В классическом переводе П. И. Вейнберга: «Гейдельбергской бочки больше / Должен быть тот гроб, друзья» (*Гейне Г.* Полн. собр. соч.: ⟨В 6 т.⟩. 2-е изд. СПб., 1904. Т. V. С. 73). Стихотворение стало особенно популярным, после того как Р. Шуман включил его в свой, получивший наибольшую известность, вокальный цикл для голоса с фортепиано «Любовь поэта» (1840) в качестве заключительной (16-й) песни. Имеется в виду знаменитая Большая гейдельбергская бочка, сооруженная в 1751 г. и заполненная рейнвейном — ординарным рейнским вином (ныне хранится в Гейдельбергском замке).

[10] *Далее вычеркнуто*: Вам.

[11] Дневник (*нем.*). У Гейне вместо этого слова — Der Sarg (*нем.* гроб).

16. Аксаков

4 декабря 1861 г., Москва

Очень сердит я на Вас, любезнейший Мемнон Петрович. Во-1-х, от Вас нет ни одной статьи, ни одного письма, годного в печать, — между тем, как человек свежий, Вы могли на многое взглянуть со стороны новой или передать нам старое — обновленным живостью впечатлений свежего человека. Во-2-х, что за беспокойство такое об элегиях.[1] Сейчас получил от Щепкина[2] письмо, в котором он сообщает мне, что Вы уполномочили его передать элегии в другую газету, если они не будут напечатаны в «Дне», а потому Щепкин спрашивает, когда будут напечатаны они, и т. д.

Отдали Редактору и ждите: напечатать вовремя и кстати есть особенное искусство, и никто не дерзай проникнуть в тайну редакторских соображений! Перевод Ваш стихотворения Антония Совы напечатан.[3] Я не выставил Вашего имени, потому что перевод показался мне весьма шероховатым: кое-что я исправил.[4]

Пишите письма, годные для печати, а о стихах не заботьтесь.

Газета моя имеет успех положительный, — по свидетельству других журналов — необыкновенный,[5] и читается нарасхват: читается даже Славянский отдел! Необходимы живые статьи из Праги: Троянским[6] я не вполне доволен: не ядрено, смазано, слизано, бледно, неопределенно.[7] Публика неохотно читает его статьи. Читали ли Вы превосходную статью Гильфердинга в 7 №?[8] Заставьте чехов прочесть ее.[9] Ригера[10] ругните за его политическую ересь относительно России и объясните ему, что славянину не к роже дипломатничать, что когда славянин veut faire de la politique,[11] то выходит очень глупо.

Несмотря на все цензурные препятствия,[12] газета «День» выдвинула вперед много вопросов и завоевала для литературы вопрос Польский.[13] Она отстаивает бытовое воззрение народа в крестьянском вопросе;[14] теперь она проповедует дворянству самоуничтожение его как сословия[15] и проч.

Послушайте, Мемнон Петрович. Прошу и требую, ласкаюсь и гневаюсь, умиленно и сердито пишу к Вам: пришлите статью, пишите письма и сообщите мне план Вашего путешествования.[16]

Весь Ваш

Ив. Аксаков.

Декабря 4-го

1861. Москва.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 21–22 об. Небольшой фрагмент: «...не ядрено, смазано ⟨...⟩ читает его статьи» — был опубликован: *Ровда К. И.* Чешская литература в русских переводах... С. 139.

[1] Речь идет о публикации, состоявшейся спустя 19 дней после этого письма: *П—ий М.* «Бриксенские элегии» Гавличка, в разговорах с луною (перевод с чешского) // День. 1861. 23 дек. № 11. С. 3–5. Текст элегии сопровождался краткой биографической справкой об ее авторе, составленной, по-видимому, Петровским. Из нее становится ясной причина беспокойства переводчика: пока Аксаков медлил с публикацией, русские версии этого нашумевшего произведения (написанного еще в 1852 г., в ссылке в г. Бриксене (ныне Брессаноне в автономной провинции Больцано в Северной Италии), но напечатанного только в 1860 г.) появились уже в трех русских журналах. Карел Гавличек-Боровский (Havlíček Borovský; наст. имя и фам. Карел Гавличек, псевд. Гавел Боровский; 1821–1856) — чешский политический деятель, поэт, публицист, литературный критик.

[2] Николай Михайлович Щепкин (1820–1886) — издатель и общественный деятель, сын знаменитого актера. Друг Петровского, который публиковался в издаваемом Щепкиным журнале «Библиографические записки» (начиная с № 16 за 1859 г.).

[3] Перевод напечатан без указания имен автора и переводчика: Славянам: С польского («Собратия мои по духу и по крови...») // День. 1861. 25 нояб. № 7. С. 5. Антоний Сова (Antony Sowa) — псевдоним польского поэта и журналиста Эдуарда Желиговского (Żeligowski; 1820–1864). Стихотворение опубликовано в оригинале под названием «Do przyjaciól Słowian» в изд.: Poezye Antoniego Sowy. SPb., 1858. S. 38–40

[4] Аксаков сопроводил публикацию подстрочным примечанием: «Мы охотно помещаем у себя этот, хоть и не совсем гладкий, присланный нам перевод стихов польского поэта (которого имени — мы, к сожалению, не знаем) и желали б, чтобы побольше раздавалось таких примирительных голосов в польской литературе. *Ред.*». Однако в письме к Петровскому, отправленном через 10 дней, Аксаков уверенно называет имя польского поэта — Антоний Сова. В том же году, видимо согласившись с критикой друга, Петровский значительно отредактировал этот свой перевод, перепечатывая его в сборнике «Отголоски славянской поэзии» (М., 1861. С. 121–123), а в 1875 г. в сборнике «Поэзия славян», изданном Н. В. Гербелем, дал еще более усовершенствованный вариант перевода под названием «Друзьям-славянам» (с. 521–522; первый стих: «О, братья, хоть у нас от самого рожденья»).

[5] 23 октября 1861 г. Аксаков сообщал Ю. Ф. Самарину, что его газета «имеет успех, сразу заняла место в периодической литературе и получила силу и значение органа» (цит. по: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 120). Ряд изданий, например журнал братьев Достоевских «Время» (№ 7. С. 107), приветствовал газету «День» еще до начала ее выхода, давая высокую оценку ее программе, опубликованной в составе объявления о подписке.

[6] Александр Степанович Троянский (1835–1905) — дипломат, очеркист, журналист; выпускник семинарии (1854) и духовной академии (1858) в Казани, преподавал в родной семинарии. С 1860 г. путешествовал по славянским землям, был корреспондентом в изданиях М. Н. Каткова. С 1864 г. чиновник Министерства иностранных дел; был консулом в Янине, Палермо, Веве и Женеве, Пирее. Взаимоотношения Тро-

янского с Аксаковым хронологически укладываются в промежуток времени между двумя нижецитируемыми письмами последнего к прот. М. Ф. Раевскому. 15 июля 1861 г. Аксаков писал в Вену: «Был у меня Троянский. Малый добрый; он через месяц или два едет назад в Прагу. С ним пошлю к Вам еще книги. Я делаю его своим корреспондентом...» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 233). 17 апреля 1864 г. сообщал, уже вполне разочарованный в недобросовестном сотруднике: «Кстати: у Вас там опять г. Троянский. Странный человек. Был у меня в Москве с повинной головой. Объявил сам мне, что он остается мне должен и на днях уплатит этот долг статьею. Прекрасно. Но дни прошли за днями, Троянский не явился и вдруг оказывается в Вене корреспондентом „Московских ведомостей". Если Вы его видаете, напомните ему об этом» (Там же. С. 255).

[7] В тот же день, 4 декабря 1861 г., Аксаков сходно писал и прот. М. Ф. Раевскому: «Из Праги письма Троянского мне не совсем по душе: вялы, бесцветны, язык какой-то волокнистый, не ядреный (Kernhaft) или не зернистый, если это вам лучше нравится. Я, впрочем, ему об этом писал» (Там же. С. 242), 21—22 марта 1862 г. — тому же адресату снова: «Троянскому ничего платить не приходится. Я ему дал вперед 75 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, которые он даже и не заработал. Он добрый малый, но мне его письма не нравились: вялы, жидки, поверхностны, взгляд не славянофильский, что я ему и выразил» (Там же. С. 245).

[8] Эта статья, датированная 31 октября 1861 г., опубликована в том же номере, где был помещен и выполненный Петровским перевод из Антония Совы (ею открываются материалы «Славянского отдела»): *Гильфердинг А.* Славянские народности и политическая партия в Австрии // День. 1861. 25 нояб. № 7. С. 14—18.

[9] Аксаков сделал следующее подстрочное примечание от редакции к статье Гильфердинга: «Обращаем особенное внимание на эту статью наших братьев-чехов. Мы надеемся, что они примут с благодарностью и любовью — слово, внушенное любовью же и участием, и поймут, что речи, сказанные некоторыми чешскими депутатами на Венском сейме, — не могли не вселить в нас серьезных опасений за их верность славянским началам. *Ред.*» (с. 14). На Венском имперском сейме (рейхсрате) 1861 г. чешские депутаты примкнули к полякам и выступили против конституционной централизации.

[10] Франтишек Ладислав Ригер (Rieger; 1818—1903) — чешский политический и общественный деятель, доктор права (1847), барон (с 1897 г.), активный участник национального движения. Аксаков имеет в виду его деятельность во главе Чешской национальной партии (с 1860 г.), прежде всего стремление объединить буржуазию с дворянством под лозунгом автономии Чехии в составе империи Габсбургов.

[11] *Буквально*: желает творить политику (*франц.*), т. е. хочет активно участвовать в политическом процессе.

[12] Без малого за полгода до выхода первого номера «Дня» в Московском цензурном комитете было получено официальное отношение от 25 мая 1861 г., в котором сообщалось: «Главное управление цензуры разрешило дозволить г. Аксакову издавать означенную газету, без политического отдела, с тем чтобы Московскому цензурному комитету иметь *особенное, в цензурном отношении*, наблюдение за этим изданием» (цит. по: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 71). Современный исследователь констатирует: «Обращение к материалам Московского цензурного коми-

тета позволяет твердо установить, что, за незначительным исключением (первые номера 1861 г., отдельные номера за 1864, 1865 гг.), все передовые статьи Аксакова, напечатанные в „Дне", были подвергнуты цензурным искажениям. Обычная формулировка цензурных разрешений статей Аксакова гласила: „Дозволить к печати, за исключением мест, отмеченных красным карандашом"» (Там же. С. 8). Аксаковское издание казалось властям чересчур радикальным в своем либерализме. Цензор П. И. Капнист отмечал, что «газета „День" постоянно говорит то же самое, что можно всегда читать в самых крайних статьях „Голоса", „Современника" и „Русского слова"» (цит. по: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1903. С. 471).

[13] Поначалу Аксаков держался примирительного тона в Польском вопросе (впрочем, только до Польского восстания). В передовице № 6 от 18 ноября 1861 г. («Наши нравственные отношения к Польше»; здесь и далее указываем заголовки, присвоенные передовым статьям Аксакова в первом посмертном издании его сочинений в 7 томах: М., 1886–1887) он выражал уверенность, что «рано или поздно последует теснейшее и полнейшее, искреннее соединение славянской Польши с славянской же Россией», а потому, «в виду такого неизбежного исторического решения», полякам и русским следует «предупредить все», что грозит им «бедой, враждой и раздором, и добровольно, сознательно, *покаясь взаимно в исторических грехах своих*, соединиться вместе братским, тесным союзом против общих врагов — наших и всего славянства» (*Аксаков И. С.* Сочинения: ⟨В 7 т.⟩ М., 1886. Т. III. С. 12). При этом Аксаков решительно высказывался против «теории государственного эгоизма, доктрины практической необходимости», против «учения о какой-то особенной политической нравственности», утверждая, что политика России в своей основе всегда была подчинена нравственным, христианским началам и «всякое уклонение нашей политики от начал нравственных нам удается плохо и возбуждает сильный протест нашей собственной, общественной исторической совести» (Там же. С. 3, 6). См. глубокий анализ этих аксаковских суждений в исследовании: *Гачева А. Г.* Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев и издания И. С. Аксакова // Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»: Достоевский и Тютчев. М., 2004. С. 489–490.

[14] Имеются в виду публикации «Дня», в которых крестьянская реформа оценивалась с точки зрения славянофильских взглядов, получивших в свое время отражение прежде всего в журнале «Сельское благоустройство» (1858–1859). В передовице «Дня» № 7 от 25 ноября 1861 г. («О трудности согласить юридическое и бытовое право в вопросе об освобождении крестьян») Аксаков солидаризовался с Д. Ф. Самариным, выступившим в его газете (в том же номере, на с. 3–5) с идеей перевода барщинной и оброчной повинности за пользование наделом в государственную подать и возвращения последней помещикам в виде ежегодной ренты. Встав между помещиком и крестьянином, правительство, полагали Самарин и Аксаков, поддержало бы иллюзию крестьянства о его безусловном праве на землю. Впоследствии против такого посредничества правительства, подменяющего прямые отношения между помещиками и крестьянами, в «Дне» выступал Ю. Ф. Самарин. См. подробнее: *Китаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И. С. Аксаков в обществ. движении начала 60-х годов XIX в.). Горький, 1974. С. 15–16.

[15] В декабре 1861 г. — январе 1862 г. Аксаков выступил в «Дне» с серией статьей, в которых развивал идею «самоупразднения» дворянства как господствующего сословия, его слияния с «земством» (крестьянством) и создания на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции («общества», включающего лучших представителей всех сословий), которая, считал Аксаков, будет способна разрушить главное противоречие русской жизни — между «землей» и «государством». В № 8 от 2 декабря («Исторический ход дворянского учреждения в России») Аксаков подчеркивал, что служилое сословие никогда не носило в себе аристократического начала. Табель же о рангах «сделала всякую аристократию в России невозможною». Теряя с отменой крепостного права свою главную привилегию, дворянство должно было вернуться «домой, в земство» (см.: *Китаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России... С. 18). Аксаковский проект предполагал такое будущее социальной организации в России: «В земстве мы видим, или скоро увидим, два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения, *общинников-крестьян* и *личных землевладельцев*, большинство которых едва ли не исключительно составляют дворяне. *Других* делений нам не предвидится. Взаимный союз этих стихий, чуждых замкнутости, исключающий взаимную односторонность; их искреннее сближение и дружное действие, сближение, не внешнее только, но и нравственное, в области исторических и духовных общенародных начал, могли бы служить, кажется нам, залогами богатого будущего развития» (цит. по: Там же. С. 19). Впоследствии Аксаков развивал эту свою концепцию ликвидации сословных перегородок — прежде всего в передовицах «Дня» № 9 от 9 декабря («Дворянам необходимо определить себе — что они такое и чем могут быть») и № 12 от 6 января («О самоуничтожении дворянства как сословия»). Эти идеи Аксакова вызвали бурную журнальную полемику: против него выступили как западники (К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин), так и друзья-славянофилы (А. И. Кошелев, Н. А. Ригельман). См. об этом: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 83–88; *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 97–101.

[16] Петровский выехал в путешествие по славянским землям 19 августа 1861 г. и в течение года посетил Познань, Вену, Прагу, Брно, Прешпорок (с 1919 г. Братислава), Пешт и Будин; в Праге и Пеште с Будином жил по несколько месяцев (см.: *Петровский М.* Отчет о путешествии по славянским землям. С. 93, 94, 98). О дальнейшем маршруте см. примеч. 9 к письму 18, с. 447, о первоначальном плане — вступительную статью, с. 404.

17. Аксаков

22 марта 1862 г., Москва

Четвертый час ночи, ранехонько завтра утром Островский[1] пришлет за письмом; я не писал к Вам до сих пор, дорогой Мемнон Петрович, потому что *некогда*. *Некогда* — это такой страшный черт, которого всей губительной силы Вы еще не знаете. Ваши письма все так милы и ценны, что[2] получать их для меня истинное удовольствие, и взгляд Ваш кажется

мне совершенно верен: он *трезв*, и это отличает его от взгляда тех наших русских, которыми в последнее время переполнилась Прага.

Ваши последние письма о чешской журналистике я получил, разбил их на четыре письма и печатаю уже третье.[3] Они крайне интересны, только слишком пространны выписки из газет.

Успех «Дня» много способствует успеху слав⟨янского⟩ интереса в России. Подписчиков у меня за 3000,[4] — для такой серьезной газеты это очень много, и главное, это покрывает расходы.

Буду с нетерпением ждать Ваших писем из других славянских земель.

В «Современнике» Вас, как и следует «Современнику», разругали.[5] Там совершаются просто вакханалии в литературе.

Я пишу Раевскому, чтоб он выдал Вам 150 гульденов, впредь до расчета.[6] Посылаю Вам том сочинений брата и Хомякова.[7] Обнимаю Вас крепко.

Ваш *Ив. Аксаков*

22 марта 1862
Москва.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 23–23 об.

[1] Имеется в виду знаменитый драматург. А. Н. Островский вместе с друзьями М. Ф. Шишко и И. Ф. Горбуновым отправился за границу 2 апреля 1862 г. (вернулся 28 мая). План поездки предполагал, между прочим, посещение Праги и Вены. С ним же Аксаков передал и письмо к прот. М Ф. Раевскому от 21–22 марта, в котором сообщал: «Это письмо везет Вам наш знаменитый писатель, Островский: он горячо сочувствует славянам, и Вы, конечно, не упустите случая еще сильнее развить в нем это чувство» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 244). В Вене Островский находился 19–21 апреля (см.: *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. ⟨М.⟩, 1953. С. 117), Петровский заезжал туда дважды: в сентябре 1861 г. и в апреле 1862 г.

[2] *Далее зачеркнуто*: чита⟨ть⟩.

[3] Речь идет о цикле из пяти (а не четырех, как первоначально планировал Аксаков) статей, объединенных общим названием «Письма о Чехии» (подписи: *-й*, ...*й*) и опубликованных в «Дне» 1862 г.: Письмо 1-е: О чешском католицизме // 10 марта. № 22. С. 14–16; Письмо 2-е: О чешском католицизме и о переселении чехов в Россию // 17 марта. № 23. С. 14–16; Письмо 3-е: О переселении чехов в Россию, с точки зрения чешской журналистики // 24 марта. № 24. С. 14–15; IV // 5 апр. № 26. С. 14–15; V // 17 апр. № 27. С. 14–15 (4-е и 5-е письма не озаглавлены особо). Петровский так писал о Праге в своем официальном Отчете 1862 г.: «Прага, эти славянские Афины за несколько лет пред сим, не удовлетворяет в настоящую пору тому научному интересу, которого вправе был бы ожидать каждый со времени цветущей ученой деятельности Шафарика, Ганки, Палацкого. ⟨...⟩ Кроме памятников старой

чешской письменности (преимущественно историографии) и народной литературы, я старался ознакомиться и со всеми новыми явлениями науки и литературы. ⟨...⟩ ...написал для газеты „День“ несколько писем о чешской журналистике, преимущественно по поводу вопроса о переселении чехов в пределы Российской империи и о стремлениях клерикальной партии, к сожалению еще существующей в отечестве Гуса» (*Петровский М.* Отчет о путешествии по славянским землям. С. 94, 97, 98). Помимо В. Ганки (см. о нем примеч. 2 к письму 11, с. 426), упомянуты выдающиеся деятели чешского национального возрождения: Павел Йозеф Шафарик (*словац.* Šafárik, *чеш.* Šafařík, произносится: Шафаржик; 1795—1861), словацкий и чешский славист, и Франтишек Палацкий (Palacký; 1798—1876), политический деятель, историк, философ.

[4] О том же Аксаков писал и прот. М Ф. Раевскому: «„День“ продолжает иметь огромный успех. Петербургские газеты и журналы не перестают им заниматься, хотя и ругают. Но сочувствие в публике большое. Подписчиков до 3000; надеюсь, что на следующий год будет больше» (*Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 245).

[5] Подразумевается неподписанная рецензия М. А. Антоновича на сборник Петровского «Отголоски славянской поэзии» (М., 1861), опубликованная под рубрикой «Новые книги» (С. 1862. Т. 91, янв. Отд. II: Соврем. обозрение. С. 38—45). С самого начала недоброжелательность к идейному смыслу стихов («Вот даже поэзию обращают в орудие панславизма; отголосками песней славянской музы хотят растрогать наши каменные сердца...», с. 38) переходит в обличения по адресу московского славянофильства, якобы «по-австрийски» стремящегося закабалить славянские народы, присоединив их к России, вместо того чтобы желать им самостоятельности. В таком же развязном тоне давалась и общая оценка сборнику: «Если в славянской поэзии нет произведений лучше тех, какие переведены в „Отголосках“, и если переведенные так же хороши и в оригинале, как в переводе, то действительно славянская поэзия достойна жалости и „отголоски“ ее способны возбудить сострадание к ней, а не то что сочувствие» (с. 43). Особенно же возмутило рецензента обилие любовных мотивов: «Почти все ⟨...⟩ стихотворения имеют такой сюжет: *он*, милый, обращается к *ней*, милой, и всегда фамильярно на *ты*, и всегда обращается затем, чтобы сказать ей какие-нибудь пустяки, — и говорит, говорит как...» (с. 43). Отметим, что Л. П. Лаптева со ссылкой на неназванные «материалы библиографии М. Петровского» приписывает эту рецензию А. Н. Пыпину (см.: *Лаптева Л. П.* История славяноведения... С. 566) — причем вопреки установленному факту (см.: *Боград В.* Журнал «Современник»... С. 409).

[6] Имеется в виду следующее распоряжение Аксакова в его вышеупоминавшемся письме к прот. М Ф. Раевскому от 21—22 марта: «Взамен Троянского дайте гульденов 150 Петровскому» (*Аксаков в его письмах.* Т. III. С. 245). Однако в письме от 19 (7) апреля (№ 18) Петровский сообщает, что о. Михаил выдал ему только 100 гульденов. Об А. С. Троянском см. примеч. 6 к письму 16, с. 407—408. Вероятно, Петровский особенно нуждался в средствах, поскольку путешествовал семьей, вместе с супругой.

[7] Речь идет об изданиях: 1) *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч.: ⟨В 3 т.⟩. М., 1861. Т. I: Сочинения исторические / Изд. под ред. И. С. Аксакова. VIII, 632, II с.; 2) *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: ⟨В 4 т.⟩. М., 1861. Т. I: Собрание отдельных статей и заметок разнородного содержания / Изд. под ред. И. С. Аксакова. VIII, 725, III с.

18. Петровский

7 (19) апреля 1862 г.,[1] Будин

7/19 апреля
Будин (Ofen)[2]

Давно уже, многоуважаемый Иван Сергеевич, послал к Вам (страховым образом) статью из Праги и о Праге...[3] Получили ли Вы ее и напечатана ли она — не знаю. Теперь же живя в Пешт-Будине, знакомлюсь с угорскими делами и тоже надеюсь со временем нечто Вам сообщить,[4] а пока прилагаю в переводе очень любопытный рассказ либерального чеха, *друга поляков* (я это знаю положительно) о парижских поляках.[5] Честный чех не мог смолчать: знать — невтерпеж пришлось!..

Может быть, эта статья не по вкусу придет русским либералам, но уж я в этом не виноват. В конце Предисловия я заметил (почему и не могу выставить своих фамильных букв), что чехи тоже имеют своего Духинского[6] — здесь подразумевается Сухецкий, читающий историю польской литературы в Пражском университете...[7] Пражская скотина не хуже парижской!

———

В бытность свою в Вене я остановился взять у М. Ф. Раевского 100 гульденов Ваших денег в счет моего будущего сотрудничества,[8] не вполне уверенный, что моя пражская корреспонденция будет напечатана. Во всяком случае надеюсь не остаться в долгу.

Теперь я подвигаюсь к Новому Саду и Белграду.[9] Оттуда, равно как и *из Пешта*, надеюсь еще писать.

Весь Ваш
М. П—ий

Если Вам угодно будет нечто мне писать, то адресуйте в Прагу — Патере,[10] Zeughausgasse, 449/111.[11]

Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 471. Л. 6–7 об.

[1] Год установлен по содержанию.

[2] Петровский приводит название города Буды (*венг.* Buda) на правом берегу Дуная — в словенской (Budín) и немецкой (Ofen) транскрипции. Ныне это западная часть Будапешта, образовавшегося в 1873 г. в результате объединения городов Пешт, Буда и Обуда.

[3] См. примеч. 3 к письму 17, с. 443–444. Вскоре получив письмо И. Аксакова от 22 марта 1862 г. (№ 17), Петровский писал А. Патере (см. на с. 448 примеч. 10): «В „Дне“ (пишут мне из России) напечатаны три (?) мои письма из Праги! Это меня

крайне удивило уже потому, что я посылал единственную статейку — о переселении чехов в Россию (и о Штульцовском патриотизме) — с точки зрения чешской журналистики. Из этого пока заключаю, что редактор там нечто переделал» (цит. по: *Лаптева Л. П.* История славяноведения... С. 572). Упомянут национально ориентированный вышеградский каноник, пробст Вацлав Святоплук Штульц (Шульц, Schulz; 1814—1886), издатель газеты «Pozor» (1850—1864), переводчик.

[4] Публикация Петровского об «угорских делах» появилась в «Дне» спустя восемь месяцев (в том же 1862 г.) под криптонимом «...ский»: Письма из Пешта: Мадьяризм и словаки // 1 дек. № 48. С. 10—14; 8 дек. № 49. С. 12—16. Этим материалом он отчитывался перед университетским начальством: «...я, изучив, насколько мог, этот вопрос ⟨о венгерской нации. — *А. Д.*⟩, с исторической и политической точки зрения, вкратце изложил результаты своих занятий в статье „Мадьяризм и словаки“, написанной также для газеты „День“» (*Петровский М.* Отчет о путешествии по славянским землям. С. 99).

[5] Речь идет о публикации в «Славянском отделе» «Дня» (1862. 5 мая. № 30. С. 12—14) под подписью «М. П.» статьи «Лекции Духинского в Париже: Письмо из Праги», представляющей собой корреспонденцию из Парижа от 9 апреля 1862 г., увидевшую свет в одной из пражских газет (эта публикация пропущена в изд.: ⟨*Петровский Н. М.*?⟩. Список всего (?), напечатанного М. П. Петровским // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1912 год, составленный академиком Н. А. Котляревским. СПб., 1912. Прил. С. 33—49). Приведем начало текста, предпосланного Петровским его переводу, поскольку он как нельзя лучше свидетельствует об удивительном сходстве публицистического темперамента Петровского и Аксакова: «Лучшая политическая чешская газета „Hlas“ поместила в 102 и 103 №№ текущего года нижепредлагаемое в буквальном переводе письмо своего парижского корреспондента чеха, которое я считаю небесполезным сообщить читателям газеты „День“. При всеобщих криках за границей и в России о свободе, науке, народности, о превосходстве западной культуры пред славянскою патриархальностью, о высоте *цивилизирующего* католицизма и упадке и отсталости восточного обряда (зри многочисленные немецкие и французские книги), при европейских панегириках свободомыслию поляков и мадьяр (зри многочисленные французские брошюры об этом), русские путешественники, даже не читая, а только слушая все это из десятых уст, повторяют с чужого голоса чужие фразы и с подобострастным смирением заискивают благоволения сих аристократов человечества. Предлагаем им посетить лекции пана Духинского в Париже, лекции, привлекающие немало слушателей. Они вполне проникнуты — не понятым нами, варварами, — польско-европейским цивилизирующим началом. Комментарии не нужны: дело говорит само за себя» (с. 12). Имя чешского корреспондента, вероятно известное Петровскому, в публикации «Дня» не названо. Франтишек Хенрик Духинский (Duchiński; 1816—1893) — польский историк и публицист, создатель националистической «теории» о неславянском (монгольском) происхождении великороссов («москалей»), призывающей к воссозданию Великой Польши, с включением в ее состав территорий так называемых «восточных поляков» (т. е., по его терминологии, Малороссии и Белоруссии). В 1846 г. Духинский эмигрировал во Францию; с фанатизмом пропагандируя свои русофобские идеи, которыми увлек многих европейских интеллектуалов, жил

в Италии, Турции, Англии (в период Крымской войны — агитатор в лагере союзнических войск); в 1860—1864 гг. был профессором польской школы в Париже, в 1871 г. поселился в Швейцарии, где через год стал хранителем Польского национального музея в Рапперсвиле, близ Цюриха. Полную научную несостоятельность взглядов Духинского убедительно показали в своих работах Н. И. Костомаров (1861), И. А. Бодуэн де Куртенэ (1886), А. Н. Пыпин (1887) и др. Интересна реакция Аксакова на корреспонденцию Петровского — он снабдил публикацию его перевода своим подстрочным примечанием (с пометкой «Ред.»), добавляющим новые штрихи в разработку «Днем» Польского вопроса: «Наши соседи поляки горячо обижаются, когда поступки отдельных личностей приписываются целой польской нации, когда мы, русские, обращаемся к последней с упреками, поляками как нациею не заслуженными. Они совершенно правы, но пусть войдут и в наше положение. Трудно не признать произведений г. Духинского и ему подобных (которых множество) за мнение польской нации, когда во всей *свободной* заграничной польской литературе не встречаем мы никакого *опровержения* расточаемым клеветам, никакого *обличения* клеветников, никакого отречения от солидарности с ними остальной Польши. — Пусть же благомыслящие поляки, понимающие, что для блага Польши не только нет надобности прибегать к исторической лжи, но необходимо как можно строже держаться истины и путей правых, — пусть произнесут они свое осуждение таким самозваным представителям польской науки и польской общественной мысли, каков господин Духинский и К°, тогда и будет для нас возможно различать людей, заслуживающих уважения, — хотя бы и неприязненных, но *честно неприязненных* нам, — от таких вралей, которые только позорят, — в глазах не одних нас, но и *всех* славян, — доблестную польскую нацию!..» (День. 1862. 5 мая. № 30. С. 14).

[6] Имеется в виду окончание предуведомления Петровского: «Разве только выскажем сожаление о том, что Прага, по словам одного из наших русских знакомых, слушавших лекции поляка, профессора польского языка и литературы в Пражском университете, имеет своих Духинских... Замечательно, как смотрит *сам корреспондент* чешской газеты, тоже *чех*, на проповеди Духинского» (Там же).

[7] Хенрик Игнаций Сухецкий (Suchecki; 1811—1872) — польский лингвист, педагог, профессор польской литературы и языка Пражского университета, потом славянской филологии Ягеллонского университета в Кракове.

[8] В Вене Петровский пробыл 10 дней, и уже из нее отправился в Прагу (см.: *Петровский М.* Отчет о путешествии по славянским землям. С. 94).

[9] В том же официальном «Отчете», датированном 19 июня 1862 г. и составленном уже в Новом Саде (*серб.* Нови Сад), придунайском городе на севере Сербии, Петровский сообщал: «Из Северной Угрии я спустился в Новый Сад, центр литературно-ученого движения австрийских сербов» (Там же. С. 100). Здесь выяснилось, что в Белграде начались волнения и туда не попасть. Петровский вынужден был изменить план путешествия и отправиться в Хорватию, «земли словинцев» и «польские земли Пруссии», а потому просил университетское начальство продлить его годичный отпуск еще на полгода — до 19 февраля 1863 г. (см.: Там же. С. 101—102). Маршрут можно уточнить благодаря письмам Петровского к А. Патере: после Нового Сада он «посетил монастыри Фрушкой горы, город Карловцы, работал в Загребе, Фиуме, Задаре, Рагузе, Сплите, Цетинье, осматривал материалы по литературе в Дубровнике, неко-

торое время провел в Триесте, на несколько недель задержался в Любляне, затем вновь вернулся в Вену, съездил в Лемберг (Львов) и вернулся в Россию — через Варшаву, Петербург, Москву, а 17 апреля 1863 г. прибыл в Казань» (*Лаптева Л. П.* История славяноведения... С. 562–563).

[10] Адольф Патера (Patera; 1836–1912) — чешский филолог, член-корреспондент Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (с 1877 г.). Супруги Петровские состояли с Патерой в переписке в течение более 40 лет. «Основным содержанием писем являются заказы на приобретение книг по славяноведению, которые Петровский получал через Патеру практически из всех славянских стран» (Там же. С. 584).

[11] Любопытно, что в письме Аксакова к прот. М. Ф. Раевскому от 20 сентября 1861 г. этот же адрес написан по-чешски: «Prag. P. Panu Adolfu Paterovi. Zbrojnickà ulice, d. c. 449/111» (*Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 239). Zeughausgasse — Арсенальный переулок (*нем.*).

19. Аксаков

15 февраля 1866 г., с. Абрамцево Московской губ.

Любезнейший Мемнон Петрович.

Лучше поздно, чем никогда. Хоть это очень пошло, и совестно даже повторять такую премудрость, но ведь нужно же какое-нибудь вступление, да к тому же и по правде оно так. Мне очень стыдно, что я так долго не отвечал Вам на Ваши письма. Теперь я удосужился, т. е.: прекратил издание «Дня»,[1] женился[2] и удалился в подмосковную деревню,[3] где и произвожу ликвидацию денежных дел Редакции и очистку бумаг.

К сожалению, не могу добраться по документам — никакого толку насчет наших денежных счетов.[4] И потому мне остается Вас убедительно просить:[5] привести их в ясность самому. Сообразите, сделайте расчет, соблюдая выгоды свои и мои, и напишите мне, сколько именно я Вам должен. По получении от Вас уведомления я Вам немедленно вышлю.

Мой досуг, конечно, только временный. Я теперь занялся приготовлением к изданию сочинений брата Конст⟨антина⟩ Сергеевича, 2 и 3-го томов,[6] — а потом, собравшись с силами и средствами, вероятно, отыщу себе деятельность снова. Обнимаю Вас от души.

Ваш *Иван Аксаков.*

Февраля 15
1866 г.
С. Абрамцево, по Троицкой жел⟨езной⟩ дороге.[7]

Мой адрес, впрочем, старый, т. е.: в Москву, в Старый Газетный переулок, в дом Игнатьева.[8]

Автограф: ИРЛИ. Ф. 382. № 10. Л. 24–24 об.

[1] В передовице («Отчего так нелегко живется в России?») последнего номера «Дня» (№ 52 от 18 декабря 1865 г.) Аксаков прощался со своими читателями: «Нынешним номером мы заканчиваем наше издание. Двести восемь раз выступали мы на журнальную арену перед лицом русского общества; двести восемь раз обращали мы речь к нему по всем вопросам, сколько-нибудь важным. 〈...〉 Заступничеством за права русского народа и народности, так, как мы их понимаем, мы и начали, и окончили свой тягостный четырехлетний редакторский труд» (*Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 321). Издание «Дня» было прекращено из-за многочисленных предостережений и приостановлений, а также недостатка сотрудников и средств: в 1865 г. Аксаков обнаружил, что издательская деятельность принесла ему 10 тысяч «чистого убытка» и что сам он, человек небогатый, оказался накануне финансового краха (см.: *Кошелев В. А.* Век семьи Аксаковых: Повествование // Север. 1996. № 4. С. 88).

[2] Аксаков женился на фрейлине Анне Федоровне Тютчевой (1829–1889), старшей дочери поэта, 12 января 1866 г. Свадьбу сыграли в доме барона М. Л. Боде-Колычева (Поварская, 52; соврем. адрес: Большая Никитская, 55; разница адресов объясняется тем, что архитектурный комплекс расположен в квартале, ограниченном этими улицами), где и венчались — в домовой церкви Святителя Филиппа, митрополита Московского. Женитьба стала непосредственным поводом к прекращению «Дня», и слухи о предстоящем событии уже осенью ходили по Москве. 4 ноября 1865 г. П. С. Казанский сообщал брату, епископу (с 1868 г. архиепископ) Платону (Фивейскому): «Кажется, писал я Вам, что Аксаков женится на Тютчевой и хочет жить в деревне — Абрамцево» (*Беляев А. А., прот.* Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном: 〈В 2 вып.〉. Сергиев Посад, 1916. Вып. II. С. 34).

[3] Тульский помещик С. М. Сухотин, приятель Аксаковых, посетил их вскоре после свадьбы и записал в дневнике: «В прошлую середу, 23 февраля, я был в Абрамцове 〈так!〉 у Аксаковых, которые своим по-видимому спокойным, радостным настроением и всей обстановкой произвели на меня самое отрадное впечатление. По поводу моих рассказов дома о хозяйственных хлопотах Анны Федоровны были большие споры» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // *РА*. 1894. Кн. I, вып. 3. С. 420).

[4] Петровский сотрудничал в «Дне» вплоть до прекращения издания. Известна одна из последних публикаций — напечатанный анонимно реферат «Идея Австрийского государства: статьи Фр. Палацкого („Národ“, 1865, №№ 96, 99, 103, 106, 112, 119, 126, 132)» (День. 1865. № 26–30). Однако не исключено, что немало материалов Петровского пока не атрибутировано ему. См., например, переводную заметку «Как чехи судят о самих себе» (День. 1862. 13 окт. № 41. С. 15–16), опубликованную в то время, когда Петровский еще был в Праге, и стилистически близкую другим его статьям.

[5] *Далее зачеркнуто*: Вас.

[6] И. Аксакову удалось воплотить этот замысел только частично, и то спустя годы: *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч.: 〈В 3 т.〉. М., 1875. Т. II, ч. I: Сочинения филологические / Изд. под ред. И. С. Аксакова. XII, 661 с.; М., 1880. Т. III, ч. II: Опыт русской грамматики / Изд. под ред. И. С. Аксакова и П. И. Бартенева. 709 с. разд. паг. Пер-

воначально же планировалось издать томов восемь. Аксаков писал об этом Фр. фон Боденштедту 28 января 1861 г.: «Я занят теперь изданием полного собрания сочинений моего брата (около 8 томов)...» (цит. по: Воспоминания Фридриха фон Боденштедта / Пер. В. В. Тимощук с нем. рукописи автора // *РСт.* 1887. Т. 55, сент. С. 585).

[7] Движение по Троицкой, точнее Московско-Троицкой, железной дороге, организатором строительства которой стал приятель Аксакова Ф. В. Чижов, было открыто в 1862 г. (длина магистрали составляла 66 верст). Поместье Аксаковых Абрамцево, расположенное в 12 верстах от Троице-Сергиевой лавры, находилось близ станции III класса Хотьково.

[8] Этот дом — № 5 по Старому Газетному (ныне Газетный) переулку — сохранился, но в значительно перестроенном виде. После венчания именно сюда, в снимаемую Аксаковыми квартиру, где жила мать новобрачного Ольга Семеновна с дочерьми, отправились новобрачные Аксаков и Анна Федоровна со свидетелями и гостями (см.: *Чагин Г. В.* Москва И. С. Аксакова (путеводитель) // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 491). Дом принадлежал действительному статскому советнику Николаю Дмитриевичу Игнатьеву (1809—1873), члену Судебной палаты, почетному мировому судье, гласному потомственных дворян в Городской общей думе (см.: Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы, на 1869 год. М., 1869. Ч. I. С. 47, 59, 109, 432; Ч. II. С. 241).

«В ПРЕКРАЩЕНИИ „БЕСЕДЫ“ НИКАКОГО ПАДЕНИЯ ДЕЛА ВИДЕТЬ НЕ СЛЕДУЕТ...»

(Письмо К. С. Аксакова к П. А. Бессонову ⟨1859⟩)

Вступительная заметка, публикация и примечания Т. Ф. Пирожковой

Публикуемое ниже письмо Константина Аксакова обращено к Петру Алексеевичу Бессонову (1827—1898), сотруднику «Русской беседы», входившему в ближайший к славянофилам круг. Он присутствовал на «сходках» при организации журнала, о чем свидетельствуют письма и записки А. И. Кошелева М. П. Погодину, где среди приглашенных упоминается его имя (записка от 29 марта 1856 г.; РГБ. Ф. 231. Раздел II. Карт. 16. № 88. Лист не указан; письмо от 2 декабря 1856 г. — Там же. Л. 22 об.). Это Бессонов в числе других «закипел неподдельным жаром посвятить свои труды русскому делу», когда в кабинете С. Т. Аксакова была прочитана программа журнала (письмо С. Т. Аксакова сыну Ивану от 22 декабря 1855 г.; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 2. Л. 27—27 об.).

Бессонов был связан со славянофилами и перепиской (с ним переписывались и Аксаковы, и Кошелевы, Т. И. Филиппов, Н. А. Елагин и др.), и семейно (жена С. Т. Аксакова Ольга Семеновна была крестной матерью сына Бессонова, в письмах обращается к нему: «любезнейший дорогой кум»).

В годы издания «Русской беседы» Бессонов, окончивший Московскую духовную семинарию и Московский университет, служил в московском архиве Министерства иностранных дел (1855—1857), затем в московской Синодальной типографии (с 1858 г.).

Письмо К. Аксакова к нему написано после известия о закрытии «Русской беседы», и он настойчиво заверял своего адресата, что это не доказывает падения славянофильства. Письмо Бессонова, на которое отвечает Аксаков, к сожалению, обнаружить не удалось (есть более позднее письмо К. Аксакову от 7 августа 1860 г.; РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. 1. № 56), но о его содержании можно догадаться из публикуемого нами письма.

Печатается по автографу: ОПИ ГИМ. Ф. 56. № 463. Л. 26—27 об.

К. С. Аксаков — П. А. Бессонову

3 декабря ⟨1859 г.⟩

Любезнейший Петр Алексеевич!

Только теперь отвечаю я на письмо Ваше. — Впрочем, оно не требует ответа немедленного. В письме Вашем очень много справедливого: хотя самое отношение к делу не совсем, может быть, верно. Скажу Вам, как я отношусь к делу и какое отношение, по моему мнению, истинно.

«Русская беседа» — еще не славянофильство. «Русская беседа» была одним из прекрасных и сильных его проявлений. Она возникла после ряда сборников.[1] Теперь, прекращением своим, делу самому порухи она не сделает. Тем не менее, прекращение «Беседы» — явление, само по себе, весьма грустное и даже (временно), если не положительно вредное, но могущее произвести уныние, конечно, не навсегда, в добрых людях: а уныние нехорошо. — Ущерб же прямой заключается в том, что просто не будут появляться прекрасные книжки с славянофильским, следовательно, истинным направлением. Но вот и все. Повторяю, дело самое не потерпит. Напрасно думаете Вы видеть здесь падение. Вы уже придаете слишком много значения «Беседе» самой и чуть не смешиваете ее с славянофильством. В прекращении «Беседы» никакого падения дела видеть не следует — мне даже было странно прочесть эти строки. Если б прекращение «Беседы» и точно было падение, то опять только «Беседы», а не славянофильства. Но прекращение «Беседы» как «Беседы» тоже не есть падение.

Прекратилась «Беседа» не без причины. — Если б просто не хватило средств — что делать: на нет и суда нет. — Тогда прекращение точно так же не было бы падением; но было бы делом общим. — Между тем, этой причины нет. Кошелев готов был издавать «Беседу» и, следовательно, давать средства, — но при своих личных условиях.[2] Прекращение «Беседы» — не без причины. Дело «Беседы» не было свободно от личного элемента, не было делом вполне общим;[3] понятно, что личный элемент, заявляющий себя как личный, мог не выдержать общего дела, мог отпасть от дела общего. Так и случилось. Кошелев прекратил «Русскую беседу» почти произвольно и показал, что это было для него не только общее, но и личное его дело. — При всем том упрекать его грешно; ибо 4 года издавал он «Беседу», не жалея трудов и капитала, и с большим самоотвержением. Bene meruit de re⟨s⟩publica.[4] Дело самое ему много обязано. И поэтому только благодарность, но, конечно, не личную, должны мы все питать к нему.

Мне самому крайне жаль «Беседы», но я ни на одну минуту не поставил в зависимость от ее судеб славянофильства. Напротив, я вижу оставленное выражение, брошенную форму, оконченную статью, и только. Как могли Вы хотя на одну минуту, хотя и с сомнением, допустить мысль о падении славянофильства? — Ни великие беды и всякие гонения, ни внутренние ошибки и личные недостатки не коснутся самого духа истины народной. Бывали разные испытания; но дух народный все перебыл и перебудет.

О том, *как* прекратилась «Беседа», пишете Вы очень много верного и справедливого. Удивление Ваше справедливо о том, что не позваны были на совет все другие: хотя не должно забывать, что Вы и сами признаете, что славянофильство не есть общество, не есть кружок. — Жаль, что не были позваны на совет все другие; но в то же время это имеет в себе и утешительную сторону, ибо показывает, что это не есть дело славянофильства (или славянофильского кружка), а некоторых славянофилов. Я тоже не был призван на совет.[5] Дело решалось между двумя вкладчиками[6] и настоящим редактором, то есть моим братом, *который не отказывался продолжать свое редакторство*, следовательно, на него нисколько не падает вина прекращения «Беседы».

Не беспокойтесь. Что жаль «Беседы» — так жаль. Это так. Но нимало не сомневайтесь в деле самом. Оно не пало и не падет. —

Искренно Вас уважающий
Константин Аксаков.

Впрочем, я сделаю попытки последним, чтоб сколько-нибудь поправить ошибку. —

3 декабря.

Если порядок имен славянофилов Вами составлен не случайно, то Вы весьма ошибаетесь в преемстве[7].

[1] Имеются в виду «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» Д. А. Валуева 1845 г., «Московский сборник» 1846 г. и «Московский сборник» 1847 г. В. А. Панова, «Московский сборник» 1852 г. А. И. Кошелева.

[2] Неизвестно, какие условия выдвинул Кошелев.

[3] Это мнение К. Аксакова несправедливо и ничем не подтверждено.

[4] Оказал важные услуги республике (*лат.*)

[5] К. Аксаков «не был призван на совет», так как и при создании журнала отстранился от всех хлопот, не очень веря, что славянофилы добьются разрешения на издание.

[6] То есть между Кошелевым и Хомяковым. В. А. Черкасский, один из вкладчиков журнала, как Кошелев и Хомяков, предвидел его закрытие (письмо Черкасского И. Аксакову от 29 ноября 1859 г. // *Трубецкая О., кн.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1904. Т. I, кн. 2. С. 125).

[7] В письме П. А. Бессонова, очевидно, имелся список членов славянофильского кружка.

ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ

ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ БЕСЕДА»

Вступительная заметка и составление А. П. Дмитриева

В настоящей хронологической росписи статей журнала «Русская беседа», имеющей мемориальный характер, представлен возможно более полный перечень всех опубликованных в нем материалов, в том числе рисунков, карт-схем, чертежей, рекламных объявлений, а также редакционных примечаний и вспомогательных указателей.

Исключение сделано только для идентично оформленных титульных листов: в Росписи указываются лишь номера журнальных книжек внутри одного года и — в скобках — по общему счету, а также дата цензорского разрешения и имя цензора. Отметим, что на титуле под названием журнала помещен эпиграф: «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет, к чему прилепиться? Окруж. грам. Москвы (Акты Арх. Экс. Т. II, с. 298)»[1] — из «Воззвания московских людей» на «Отписку нижегородцев к вологжанам о походе Прокопия Ляпунова к Москве, о всеобщем вооружении нижегородцев и о немедленной присылке ратных людей на помощь столице» (февраль 1611 г.).

Роспись составлена в результате постраничного просмотра de visu трех комплектов журнала из петербургских книгохранилищ: РНБ, БАН и Библиотеки ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; однако в единичных случаях листы объявлений оказались утраченными. Каждой публикации, кроме «Оглавлений» и неподписанных редакционных объявлений о подписке и продаже книг, кратких анонсов, списков поправок и исправленных опечаток, присвоен порядковый номер, к которому отсылает вспомогательный указатель «Авторы „Русской беседы“», представляющий собой Приложение к Росписи (цифры, выделенные курсивом, показывают, что в соответствующем материале идет речь о данном авторе).

---

[1] Процитировано по изданию: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук: В 4 т. М., 1836.

Знак «звездочки» (*) после номера статьи означает, что имеется ее отдельный оттиск, выпущенный той же типографией Александра Семена, где печаталась и сама «Русская беседа». Все выявленные нами оттиски, за единичными исключениями, имеют отдельную обложку с указанием выходных данных. В том случае, если оттиску присвоено название, отличающееся от журнального, оно приводится в подстрочных примечаниях.

Библиографическое описание содержит имя автора публикации, ее название (по возможности точно воссоздающее правописание оригинала) и указание на соответствующие страницы.

Заголовки статей (в том числе и библиографических заметок, повторяющих названия рецензируемых изданий) воспроизводятся без унификации с сохранением имеющихся в них сокращений (расшифровываемых как конъектуры только в случае необходимости) и всех особенностей слововыражения, несмотря на некоторый разнобой в оформлении записей, обычный для того времени. Ради соблюдения последовательности в ряде случаев нами в угловых скобках добавлены недостающие выходные данные описываемых изданий. Не копируется произвольная подача в заголовках статей названий книг и периодических изданий (нередко без кавычек, иногда курсивом, с написанием каждого слова с прописной буквы).

Разночтения в заглавии той или иной публикации на первой странице текста и в Оглавлении журнальной книжки указываются в подстрочных примечаниях. Описание материалов с формальными, повторяющимися названиями («По поводу предыдущей статьи», «Предисловие», «Заметка» и т. п.), а также стихотворений сопровождается цитированием начальных слов публикации (первого стиха).

В угловых скобках после названия — всей статьи и ее части, если материал печатается не полностью, а «с продолжением», — воспроизводятся авторские отметки о месте и времени окончания работы над статьей, с небольшой унификацией: например, вместо записи под публикацией В. М. Ундольского: «Москва. Июля 21 дня, 1856 года» — в Росписи указывается: «21 июля 1856, Москва».

В сведениях об ответственности — после разделительной косой черты (/) — дается авторская подпись, причем в том виде, в каком она завершает публикацию. По возможности были раскрыты псевдонимы авторов и переводчиков, а также указано авторство анонимных статей.

Источник атрибуции, как правило, не называется, если им послужило одно из следующих трех изданий:

1. *Бартенев П.* Полный азбучный указатель к «Русской беседе» 1856–1860 годов и к «Московским сборникам» 1846, 1847 и 1852 годов // *РА*. 1863. Вып. 10/11. Стб. 1041–1066.

2. *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы», с указанием сочинений, 1856–1860 // ⟨Колюпанов Н. П.⟩. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. Прил. 12. С. 141–149.

3. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.

Бóльшая часть мелких редакционных примечаний содержит авторские пометки *Изд.* либо *Ред.*, которые расшифровываются, как правило,[2] однозначно: *издатель* А. И. Кошелев (в 1856 г. вместе с Т. И. Филипповым), *редакторы*: П. И. Бартенев (апрель — ноябрь 1857 г.), М. А. Максимович (декабрь 1857 г. — май 1858 г.), И. С. Аксаков (июнь 1858 г. — декабрь 1859 г.). Кроме того, последний подготовил к печати некоторые материалы, включенные Кошелевым в две книжки «Русской беседы», которые вышли в 1860 г.

Знак вопроса в ломаных скобках после имени автора означает, что свидетельств, подтверждающих принадлежность данной публикации именно данному лицу, не удалось обнаружить в печатных и рукописных источниках и либо оно предложено нами, либо соответствующее мнение высказано в источнике атрибуции только предположительно (например, в случае с Я. Малым как автором очерка «Чешская литература с 1774-го до 1848-го года»).

К сожалению, только для немногих публикаций славянских литераторов удалось установить имя переводчика. Например, из оговорки И. Аксакова в письме к кн. В. А. Черкасскому от 17 июля 1858 г.: «...переводчиков у нас нет, кроме Бессонова...»[3] — можно понять, что последний активно занимался переводами для «Русской беседы». Тем не менее, более конкретных сведений об этой его деятельности у нас не имеется. Кроме того, видимо, немало переводил и М. П. Петровский, о котором Аксаков сообщал в письме к прот. М. Ф. Раевскому от 4 декабря 1859 г.: «...мне приходилось письма и статьи посылать в Казань для перевода, ибо туда уехал бывший мой помощник Пéтровский».[4] Однако в настоящее время достоверно известно только об одной статье, переведенной им (см. № 299 в *ПР*), остальные указываются нами предположительно, но с большой долей вероятности, поскольку с конца дека-

---

[2] В отдельных случаях, отмеченных в литературе, сокращением *Ред.* подписаны также примечания А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина.

[3] Цит. по: *Трубецкая*. С. 124.

[4] *Аксаков И. С.* Письма к М. Ф. Раевскому, 1858–1877 гг. // *Аксаков в его письмах*. Т. III. С. 204.

бря 1858-го по май 1859 г. Петровский жил в Москве и исполнял обязанности «славяниста» «Русской беседы».[5]

Непоследовательность, встречающаяся при рубрикации материалов «Русской беседы», а также при нумерации частей внутри разделов (главным образом в отделе «Изящная словесность») и в составе некоторых статей (в частности, «Несколько русских песен» и «Остатки боярских песен» Н. С. Кохановской), восполняется нами вставками с применением ломаных скобок.

Материалы аннотируются кратко и только в тех необходимых случаях, когда требуется пояснить их название, например указанием на жанр (критический отзыв, некролог и др.) или на рецензируемые источники.

Сокращения в записях даются по общепринятым библиографическим нормам.

1856 год

Книга I ⟨ц. р. 25.04.1856; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Оглавление. — С. I–II.

1. **Хомяков А. С.** ⟨Предисловие[6] («Любезный читатель! „Русская беседа“ просит твоего благосклонного внимания...») / В конце текста:⟩ Русская Беседа. — С. I–VI.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

2. **Хомяков А. С.** ⟨Четыре стихотворения:⟩
   I. Звезды («В час полночный, близ потока...»). — С. 1–2.
   II. Вечерняя песнь («Солнце сокрылось: дымятся долины...»). — С. 2–3.
   III. Ночь («Спáла ночь с померкшей вышины...») ⟨март 1854⟩. — С. 3.
   IV. «Беззвездная полночь дышала прохладой...» ⟨1847⟩ / А. Хомяков. — С. 4.
3. **Аксаков И. С.** ⟨Три стихотворения:⟩
   I. «Не дай душе твоей забыть...» ⟨1848, Москва⟩. — С. 5.
   II. «Усталых сил я долго не жалел...» ⟨23 нояб. 1850, Ярославль⟩. — С. 5–7.

---

[5] См. переписку И. Аксакова с Петровским в наст. изд., с. 398–450.

[6] Такое назв. статья имеет в оглавлении.

III. «Добро б мечты, добро бы страсти...» ⟨апр. 1853⟩ / И. Аксаков. — С. 7–9.

4. **Стахович М. А.** ⟨Три стихотворения:⟩
   I. Песни («Звук заветный, незабвенный...»). — С. 9.
   II. Песнь юности («О юные лета...»). — С. 10.
   III. Вечерняя песня («Не угасай, заката луч...») / Михаил Стахович. — С. 11.
5. **Жуковский В. А.** Из неизданных сочинений В. А. Жуковского:
   ⟨I.⟩ Розы («Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно...) ⟨март 1852⟩. — С. 12. ⟨Примеч. публикатора [А. И. Кошелева?]⟩.
   ⟨II.⟩ О меланхолии в жизни и поэзии. — С. 13–27. ⟨Примеч. *Изд. К.* [А. И. Кошелева] на с. 13⟩.
   ⟨III.⟩ Нечто о привидениях. — С. 28–43.
6. **Русские народные песни:** (Из приготовляемого к изданию собрания песен П. В. Киреевского):
   1. Песня про Добрыню Никитича («Не бела береза к земле клонится...») ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 44–49.
   2. Песня про Данилу Лóвчанина («Не красное солнце числовалося...») ⟨с. Станишное Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ А. М. Языков. — С. 50–53.
   3. Песня про Данилу Игнатьевича и Ивана Даниловича («Во городе во Киеве») ⟨с. Станишное Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ А. М. Языков. — С. 54–56.
   4. «На батюшке было, на Окиян-море...» ⟨Симбирская губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ г. Языков. — С. 56–57.
   5. «На синем было на море...» ⟨г. Шенкурск Архангельской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ г. Борисов. — С. 57–58.
   6. «Растужится, расплачется млад ясен сокóл...» ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 59.
   7. «Ты дуброва моя, дубровушка...» ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 59–60.
   8. «Из-за лесу, лесу темного...» ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 60–61.
   9. «Родимый мой брáтелко!..» ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 61.
   10. «Далече, далече в чистóм поле...» ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 62.

11. «Из Крыму было, из Нагаю...») ⟨с. Головино Симбирской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ П. М. Языков. — С. 62–63.
12. «Хотите ли, братцы, старину скажу...» ⟨г. Шенкурск Архангельской губ.⟩ / Дост⟨авил⟩ г. Борисов. — С. 63–64.

Отд. II: Науки

7.* **Гильфердинг А. Ф.** Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром / А. Гильфердинг. — С. 1–34. ⟨С публ. на латыни с парал. переводом «Послания Бруна к Генриху II» на с. 8–33⟩.

8.* **Самарин Ю. Ф.** Два слова о народности в науке / Ю. Самарин. — С. 35–47. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] с. 38, 47⟩.

9.* **Попов А. Н.** Русское посольство во Францию в 1668 году: ⟨Рец. на кн.:⟩ La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale, etc. par le Prince Emmanuel Galitzine. Paris. 1855 / А. Попов. — С. 48–79. ⟨О публ. кн. Е. М. Голицыным в пер. на франц. яз. двух статейных списков стольника П. И. Потемкина, посланника царя Алексея Михайловича⟩.

Отд. III: Критика

10.* **Гиляров-Платонов Н. П.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Семейная хроника и Воспоминания. С. Аксакова. Москва. 1856 ⟨27 февр. 1856, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 1–69.

11.* **Филиппов Т. И.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Не так живи, как хочется: Народная драма в трех действиях. Сочинение А. Н. Островского. Москва. 1855 / Тертий Филиппов. — С. 70–100.

12.* **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Чичерина («Русск. вестник», кн. 3 и 4) / И. Беляев. — С. 101–146.

13. **Кошелев А. И.** ⟨Послесловие («Мы весьма благодарны г. Чичерину...»)⟩ / Изд. К. — С. 146–147.

14.* **Кошелев А. И.** ⟨Две статьи о железных дорогах:⟩[7]

⟨I. Рец. на:⟩ Соображения касательно устройства железных дорог в России («Современ⟨ник⟩». 1856 года. № 2-й) / А. Кошелев. — С. 148–157. ⟨Отклик на одноименную статью Д. П. Журавского;

[7] Такое — обобщенное — назв. имеет публикация в оглавлении, а также ее отд. отт.: М., 1856. ⟨2⟩, 15 с.

вых. дан.: С. 1856. № 2. Отд. II: Науки и художества. С. 105—114⟩.

⟨II. Рец. на:⟩ Соображения о пользе устройства железной дороги от Динабурга в Курскую губернию («Журнал Г⟨лавного⟩ у⟨правления⟩ пут⟨ей⟩ сообщ⟨ения⟩ и пуб⟨личных⟩ здан⟨ий⟩. 1856. № 1-й) / А. Кошелев. — С. 158—160. ⟨Отклик на одноименную статью инженер-подполковника Марченко; вых. дан.: Журн. Гл. упр. путей сообщения и публич. зданий. 1856. Т. 23, № 1. Отд. IV: Смесь. С. 97—112⟩.

Отд. IV: Обозрение

15.* **Черкасский В. А., кн**. Обозрение политических событий в Европе за 1855-й год / Кн. В. Черкасский. — С. 1—32.

Отд. V: Смесь

16.* **Гильфердинг А. Ф**. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии: (Письмо к А. И. Кошелеву) ⟨февр. 1856⟩ / А. Гильфердинг. — С. 1—35. ⟨Примеч. *Изд. К*. [А. И. Кошелева] на с. 30; с публ. верхнелужицких нар. песен на языке оригинала с парал. переводом:
1. «Ну, скажи мне, девица...» — С. 31—33;
2. «А я там ходила на горах...» — С. 33—35⟩.

17.* **Гильфердинг А. Ф**. О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 году: (Письмо к А. И. Кошелеву) ⟨март 1856⟩ / А. Гильфердинг. — С. 36—41.

18. **Чихачев П. А**. Байдарская ночь, или Прогулка с пластунами ⟨окт. 1855, «Бакчи-Сарай»⟩ / Платон Чихачев. — С. 42—53.

19.* **Дмитриев-Мамонов Э. А**. О фламан⟨д⟩ской живописи: (Письмо к К. С. А.....ву ⟨Аксакову⟩) / М. Д.-М. — С. 54—60.

20.* **Максимович М. А**. Дни и месяцы украинского селянина (Михаила Максимовича) ⟨I. Март; II. Апрель⟩ ⟨1858, Михайлова Гора⟩ / М. Максимович. — С. 61—83.

21. **Аксаков К. С**. О русском воззрении / К. А. — С. 84—86.

Отд. VI: Жизнеописания

22.* **Чижов Ф. В.**[8] Михаил Павлович Миклашевский / ⟨Авт. не указан; в конце текста:⟩ Сообщено из Малороссии. — С. 1–50.
⟨Краткий анонс материалов «второй книги „Беседы"». — С. I⟩.
⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.
⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга II ⟨ц. р. 8.06.1856; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

23. **Аксаков С. Т.** Семейная хроника: Отрывок четвертый. Молодые в Багрове ⟨6 мая 1856, Москва⟩ / С. Аксаков. — С. 1–51.

Стихотворения:

24. **Хомяков А. С.** ⟨Два стихотворения:⟩
I. «Как часто во мне пробуждалась...» — С. 52–53.
II. «Не гордись перед Белградом...» / А. Хомяков. — С. 53.
25. **Вяземский П. А., кн.** «На церковное строение» («Одною встречей я всегда в прогулке счастлив...») ⟨май 1856, С.-Петербург⟩ / Кн. Вяземский. — С. 54–56.
26. **Стахович М. А.** Степи («Рассветное утро зарей золотою...») ⟨1838–1839, Москва⟩ / М. Стахович. — С. 56–57.
27. **Аксаков К. С.** Литераторы-натуралисты («Не уходи, о ближний мой!..») / К. Аксаков. — С. 58–60.
28. **Бибиков М. П.** Два отрывка из семейных записок:
I. Старый дворецкий. — С. 61–69. ⟨Редакц. примеч. на с. 61⟩.
II. Няня ⟨30 марта 1856, с. Баловнево⟩ / М. Бибиков. — С. 69–76.

Отд. II: Науки

29.* **Киреевский И. В.** О необходимости и возможности новых начал для философии. Статья I / Ив. Киреевский. — С. 1–48.
30. **Кулиш П. А.** Отрывок из «Записок о Южной Руси» / П. Кулиш. — С. 49–62. ⟨Редакц. примеч. на с. 49⟩.

---

[8] Ист. атриб.: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелева: (Источники для истории правительственной политики 1859–1860-х гг.) // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М.: Книга, 1974. Вып. 35. С. 16. Отд. отт. без указания авт. под изменен. назв.: Биография М. П. Миклашевского. М., 1856. ⟨2⟩, 50 с.

31. **Ершов А. С.** Железные дороги: ⟨Рец. на кн.:⟩ Traité élémentaire des chemins de fer par Aug. Perdonnet. Tome I / А. Ершов. — С. 63–89. ⟨Примеч. *Изд. К.* [А. И. Кошелева] на с. 63–65, 69–70, 72; неподписанные рис. [«Вагонные колеса на оси»] на с. 71 и черт. [«Груженая тележка на „самодействующей наклонной плоскости" (вид сбоку и сверху)»] на с. 76⟩.

32.* **Ундольский В. М.** Новая редакция (XIII века) слова Даниила Заточника ⟨21 июля 1856, Москва⟩ / В. Ундольский. — С. 90–100.

33.* **Даниил Заточник.** Данила Заточника моление к своему князю Ярославу Всеволодовичю / ⟨Публ. В. М. Ундольского⟩. — С. 101–122.

Отд. III: Критика

34. **Бессонов П. А.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. Москва. В Синод. типогр. 1855 года. Стр. 1–339; введ. I–XIV ⟨19 апреля 1856⟩ / П. Бессонов. — С. 1–90. ⟨Отзыв на труд А. В. Горского и А. И. Невоструева⟩.

35. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ О влиянии общественного состояния частных лиц на право поземельной собственности, по началам древнего российского законодательства. Рассуждение кандидата Гладкова. ⟨М., 1855. VIII, 155 с.⟩ / И. Беляев. — С. 91–113.

36. **Беляев И. Д.** Еще о сельской общине (на Ответ г. Чичерина, помещ. в «Русск. вест.», № 12) / Иван Беляев. — С. 114–141. ⟨Примеч. *А. К.* [А. И. Кошелева] на с. 137⟩.

37. **Кошелев А. И.** ⟨Рец. на кн.: 1.⟩ Практическое руководство к усовершенствованию сельского хозяйства в нечерноземной полосе России». Соч. Н. Абашева, с рис., черт. и таблицами. С.-Петербург. 1855; ⟨2.⟩ Опыт практических замечаний Кинешемского земледельца о сельском хозяйстве Костромской губернии. Соч. С. Дмитриева, 4 части в одном томе. Москва. 1855 / А. Кошелев. — С. 142–163.

Отд. IV: Обозрение

38. **Черкасский В. А., кн.** Политическое обозрение. Протоколы Парижского конгресса ⟨3 июня 1856⟩ / Кн. В. Черкасский. — С. 1–26.

39. **Самарин Ю. Ф.**[9] О Кургессенской церкви / ⟨Без подписи⟩. — С. 27–29.

Отд. V: Смесь

40.* **Селиванов В. В.** Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии. I. Весна / В. Селиванов. — С. 1–28. ⟨Примеч. *Издателей* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 1–2; неподписанный черт. [«Способ измерения „участка земли в виде неправильного треугольника"»] на с. 11; рис.: № 1 «Севалка» на с. 14, № 2 «Соха» на с. 15, № 3 «Рассоха, сошники, палица» на с. 16, № 4 «Борона» на с. 17⟩.

41. **Гильфердинг А. Ф.** Юго-славянские рассказы / А. Гильфердинг. — С. 29–33, 55–56.
   I. **Памучина И., свящ.** Суд над христианскою девушкою в Мостаре в 1841 г. ⟨1851⟩ / И. Памучина; ⟨пер. с серб. А. Ф. Гильфердинга⟩. — С. 34–46.
   II. **Юкич Й. (монах Франьо).** Рассказ францисканца о введении танзимата в Боснии (1850–1851) / ⟨Имя авт. указано А. Ф. Гильфердингом в предисл. к публ., на с. 47–48; пер. с серб. А. Ф. Гильфердинга⟩. — 47–55.

42. **Беляев И. В.** Борцы в Древней Руси / Ил. Б—в. — С. 57–71.

43. **Попов А. Н.** Сокола и кречета царя Алексея Михайловича: (Из письма к А. С. Хомякову) / А. Попов. — С. 72–84.

44. **Самарин Ю. Ф.** О народном образовании / Ю. Самарин. — С. 85–106.

45. **Хомяков А. С.** Разговор в Подмосковной / ⟨Без подписи⟩. — С. 107–138.

46. **Аксаков К. С.** Еще несколько слов о русском воззрении / Константин Аксаков. — С. 139–147.

47. **Аксаков К. С.** ⟨?⟩ Заметка на одно замечание в статье г. Буслаева / ⟨Без подписи⟩. — С. 148. ⟨*Буслаев Ф. И.* Древняя русская словесность: Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение // *РВ*. 1856. Т. IV, июль, кн. 1. С. 1–52⟩.

[9] Ист. атриб.: *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.: Изд. Д. Ф. Самарина, 1887. Т. VI: «Иезуиты» и статьи богословско-философского содержания. С. 536–539.

Отд. VI: Жизнеописания

48. **Хомяков А. С.** ⟨Предисловие («Недавно еще Англия была в открытой борьбе с Россиею...») / Без подписи⟩. — С. 51–52.
49. **Лорд Меткальф. Английский государственный муж в Индии** / ⟨Без указания англ. автора и переводчика; перевод отредактирован А. С. Хомяковым[10]⟩. — С. 53–79. ⟨«Выписка из статьи „Эдинбургского обозрения“ (Edinburgh Review. July 1855) об его недавно изданной биографии»⟩.
50. **Хомяков А. С.** ⟨Послесловие («„Русская беседа“ уверена, что помещенное здесь жизнеописание знаменитого английского сановника...») / Без подписи⟩. — С. 79–84.
51. **Хомяков А. С.** Иван Васильевич Киреевский / Русская Беседа. — С. 1–8.
52. **Сидонский Ф. Ф., прот.** Речь при отпевании Ивана Васильевича Киреевского / ⟨В конце текста авт.:⟩ Казанского собора ключарь Феодор Сидонский. — С. 1–4. ⟨Внизу с. 4 помечено: ц. р. 23 июля 1856; цензор архим. Порфирий (Попов)⟩.

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.
⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга III ⟨ц. р. 26.10.1856; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

53. **Хомяков А. С.** 26 августа («Народом полон Кремль великий...») / А. Хомяков. — С. 1–2.
54. **Кулиш П. А.** Феклуша: Повесть из воспоминаний детства: (Посвящается П. Е. Чуйкевичу) / П. Кулиш. — С. 3–102.

Стихотворения:

55. **Полонский Я. П.** Ивану Сергеевичу Аксакову («Когда мне в сердце бьет, звеня, как меч тяжелый...») ⟨июнь 1856, С.-Петербург⟩ / Я. Полонский. — С. 103–104.
56. **Петровский М. П.** ⟨Переводы:⟩

---

[10] Ист. атриб.: *Хомяков*. Т. III. С. 231.

⟨1.⟩ **Яблонский Б.**[11] Tři doby («Была пора — и имя чеха слыло...») ⟨1855, Казань⟩ / ⟨Авт. не назван; в конце текста указание на переводчика:⟩ С чешского М. П. — С. 104–105.

⟨2.⟩ **Прерадович П.**[12] Primorske piesmice / ⟨Авт. не указан⟩:

I. «Пела пташечка на ветке...» — С. 106.

II. «Брат далеко в море синее пускался...» — С. 106–107.

III. «В море девушка смотрелась...» — С. 107–108.

IV. «В небе солнышко сияло...» ⟨1855, Казань⟩ / ⟨В конце текста указание на переводчика:⟩ С иллирского М. П. — С. 108.

Отд. II: Науки

57. **Григорьев Ап. А.** О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса: Письмо к А. С. Х—ву ⟨Хомякову⟩ ⟨июль 1856⟩ / Аполлон Григорьев. — С. 1–77.

58. **Максимович М. А.** Филологические письма к М. П. Погодину. ⟨Письма первое — одиннадцатое⟩ ⟨11 июля — 25 авг. 1856, Михайлова Гора⟩ / М. Максимович. — С. 78–139. ⟨О древнерусском языке. Примеч. *Издателей* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 78⟩.

Отд. III: Критика

59. **Гиляров-Платонов Н. П.** Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. В четырех частях. Москва. 1855 ⟨15 окт. 1856, Москва⟩ / Н. Г. — С. 1–45. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 41⟩.

60. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Областные учреждения России в XVII веке. Сочин. Б. Чичерина / И. Кр.... ев. — С. 46–87. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 87⟩.

61. **Кошелев А. И.** Еще соображения касательно устройства железных дорог в России. («Современник». Сентябрь 1856. Ответ «Русской беседе», № 1) ⟨8 окт. 1856, с. Песочня⟩ / А. Кошелев. — С. 88–112. ⟨Отклик на одноименную статью Д. П. Журавского; вых. дан.: С. 1856. № 9. Отд. II: Науки и художества. С. 1–22⟩.

---

[11] Ист. атриб.: *М. П—ий* ⟨*Петровский М. П.*⟩. Отголоски славянской поэзии. С. 51–53.

[12] Ист. атриб.: Там же. С. 83–88.

Отд. IV: Обозрение

62. **Черкасский В. А., кн.** Обозрение внутреннего законодательства / ⟨Без подписи; авт. указан в оглавлении⟩. — С. 1–19.
63. **Маслов С. А.**[13] ⟨?⟩ Обозрение свеклосахарного производства в России / ⟨Без подписи⟩. — С. 20–35. ⟨Примеч. *Издателей* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 35, сожалеющих, что авт. «скрыл свое имя»⟩.
64. **Паплонский И. И.** Письма из Варшавы. I. ⟨1/13 июня 1856, Варшава⟩ / И. Паплонский. — С. 36–55. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 36; с публ. на с. 39–51 «драматической поэмы» И. Корженевского «Gentile Bellini»⟩.

Отд. V: Смесь

65. **Даль В. И.** Письмо к издателю А. И. Кошелеву / В. Даль. — С. 1–16. ⟨Примеч. *Изд. К.* [А. И. Кошелева] на с. 15⟩.
66.* **Григорьев В. В.** Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. I. Петербургская жизнь / ⟨Без подписи; авт. указан в оглавлении⟩. — С. 17–46. ⟨С публ. на с. 26–31 стихотворений Грановского «Москва» и «Вопрос и ответ» и его «драматического отрывка» «Сцена из жизни Калиостро» (1834)⟩.
67. **Журавский Д. П.** Год на южном берегу Крыма (1852–1853). ⟨I–II⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 47–72. ⟨Примеч. *Издателей* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 47⟩.
68. **Максимович М. А.** Дни и месяцы украинского селянина (Михаила Максимовича). III. Май ⟨7 авг. 1856, Михайлова Гора⟩ / М. Максимович. — С. 73–108.
69. **Дмитриев-Мамонов Э. А., гр.** О фламан⟨д⟩ской живописи, по поводу возражения г. фон Крузе на статью мою о том же предмете, напечатанную в первой книжке «Русской беседы» / М. Д.-Мамонов. — С. 109–118. ⟨Полемика с заметкой: *Крузе Н. фон.* Несколько слов о фламандской живописи: (По поводу статьи, помещенной в 1-й книжке «Русской беседы») // *РВ.* 1856. Т. III, июнь, кн. 2. Отд.: Соврем. летопись. С. 290–297⟩.

---

[13] Атрибутируется нами на основании идейно-тематического и стилистического сходства с работами С. А. Маслова: 1) О свеклосахарной промышленности в России. ⟨М., 1854⟩. 8 с.; 2) Статистические материалы для истории свеклосахарной промышленности в России: Примечание редактора // Журнал сельского хозяйства. 1856. № 1. Отд. II. С. 47–52.

Отд. VI: Жизнеописания

70. **Бессонов П. А.** Максим Иванович Невзоров ⟨1854⟩ / П. Бессонов. — С. 85–128.
71. **Хомяков А. С.** ⟨?⟩ ⟨Послесловие («Такова жизнь, судьба и деятельность Невзорова. Лишенный даров гения...»)⟩ / Р. Б. ⟨т. е. «Русская беседа»⟩. — С. 128–129.
72. **Кошелев А. И., Филиппов Т. И.** Об издании «Русской беседы» на 1857 год / ⟨В конце текста авт.:⟩ Издатели «Русской беседы»: А. Кошелев, Т. Филиппов. — С. I–V.

⟨Краткий анонс материалов следующей книги «Русской беседы». — С. VI⟩.

⟨Объявление о продаже новых книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга IV ⟨ц. р. 20.12.1856; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

73. **Аксаков С. Т.** Литературные и театральные воспоминания / С. Аксаков. — С. 1–52. ⟨О событиях 1812–1816, 1820–1821 гг.⟩.
74. **Даль В. И.** Картины из русского быта:
    I. Осколок льду. — С. 53–62.
    II. Рассказ Верхолонцова о Пугачеве. — С. 62–70.
    III. Цыган: (Пустобайка). — С. 70–78.
    IV. Подтоп / В. Даль. — С. 79–82.

Отд. II: Науки

75. **Аксаков К. С.** Богатыри времен Великого Князя Владимира, по русским песням / Константин Аксаков. — С. 1–67.
76. **Кулиш П. А.** Несколько слов от издателя «Записок о Южной Руси» / П. Кулиш. — С. 68–71.
77. **Закревский С.** Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак: (Статья второго тома «Записок о Южной Руси») / ⟨Авт. указан в предисл. П. А. Кулиша, на с. 70⟩. — С. 71–100. ⟨Примеч. *П. К.* [П. А. Кулиша] на с. 72–75, 77, 86–87, 99, 100⟩.
78. **Кулиш П. А.** Эпилог издателя «Записок о Южной Руси» / П. Кулиш. — С. 100–101.

79. **Бельский С**. О влиянии развития фабричной промышленности на земледелие. — С. 102–128. ⟨Примеч. *Изд. К.* [А. И. Кошелева] на с. 117, 122⟩.

Отд. III: Критика

80. **Аксаков К. С**. ⟨Рец. на кн.:⟩ История России с древних времен. Соч. Сергея Соловьева. Т. VI / К. Аксаков. — С. 1–53.
81. **Беляев И. Д**. ⟨Рец. на кн.:⟩. Областные учреждения России в XVII веке. Сочин. Б. Чичерина: (Продолжение) / И. Кр..в. — С. 54–114.
82. **Беляев И. Д**. ⟨Рец. на:⟩ Спор о сельской общине. С. Соловьева («Русский вестник», № 22) / И. Беляев. — С. 115–123. ⟨Выходные данные статьи: *РВ*. 1856. Т. VI, нояб., кн. 2. Отд. I. С. 335–354 (в журнале ошибочно помечены: 285–304)⟩.
83. **Погодин М. П**. Ответ на филологические письма М. А. Максимовича ⟨8 дек. 1856, Девичье Поле⟩ / М. Погодин. — С. 124–141.

Отд. V: Смесь

84.* **Григорьев В. В**. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. II. Жизнь за границею ⟨авг. 1856, Оренбург⟩ / В. Григорьев. — С. 1–57.
85.* **Селиванов В. В**. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии. II. Лето / В. Селиванов. — С. 58–91. ⟨Примеч. *Изд⟨ателей⟩* [А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова] на с. 61, 90; *Изд. Ф.* [Т. И. Филиппова] на с. 67; *Изд. К.* [А. И. Кошелева] на с. 81, 82; рис.: № 1 «Колышка» на с. 60, № 2 «Навозные вилы» на с. 62, № 3 «Коса с брусницей» на с. 64, № 4 «Грабли» на с. 65, № 5 «Коса с крюком» и № 6 «Серп» на с. 68, № 7 «Падинный столбик» на с. 72, № 8 «Вилы» на с. 79, № 9 «Цеп» на с. 83, № 10 «Мялка» на с. 85, № 11 «Трепалка» на с. 86, № 12 «Ступа с толкачом» на с. 87⟩.
86. **Хомяков А. С**. Письмо к издателю Т. И. Филиппову ⟨Тула⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 92–107. ⟨О разборе Филипповым комедии А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», в частности, в связи со статьей: *Ф. Д.* [*Дмитриев Ф. М.*]. Несколько слов по поводу статьи г. Филиппова в «Русской беседе» // *РВ*. 1856. Т. III, май, кн. 2. Отд.: Соврем. летопись. С. 149–154⟩.
87. **Соловьев С. М**. Братчины / С. Соловьев. — С. 108–117.

88. **Себинов А.** Почему большей частью миниатюрны фламандские картины?: (Посвящено кн. Е. А. Черкасской) / А. Себинов. — С. 118–126. ⟨По поводу полемики Э. А. Дмитриева-Мамонова и Н. Ф. фон Крузе о фламандской живописи⟩.
89. **Гильфердинг А. Ф.** Известие из Нижних Лужиц ⟨сент. 1856, Париж⟩ / А. Г. — С. 127–128. ⟨С публ. фрагмента письма Я. А. Смолера к автору⟩.
90. **Кошелев А. И.** ⟨?⟩ М. П. Бибиков: ⟨Некролог⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 129–130.

Отд. VI: Жизнеописания

91. **Чижов Ф. В.** Джованни Анжелико Фиезолийский[14] (Fra Giovanni Angelico da Fiesole). 1387–1455 / Ф. Чижов. — С. 131–218.
92. **Хомяков А. С.** ⟨?⟩ Петр Васильевич Киреевский: ⟨Некролог⟩ / Русская Беседа. — С. 1–2.

⟨Исправление опечаток в книгах I—IV⟩. — С. I–II.

Оглавление статьям, помещенных в «Русской беседе» за 1856 год. — С. I–IV.

93. **Кошелев А. И., Филиппов Т. И.** Об издании «Русской беседы» на 1857 год / ⟨В конце текста авт.:⟩ Издатели «Русской беседы»: А. Кошелев, Т. Филиппов. — С. I–IV.

⟨Краткий анонс материалов следующей книги «Русской беседы». — С. V⟩.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

1857 год

Книга I (V) ⟨ц. р. 2.03.1857; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

⟨Объявление о выходе в свет книги «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» (М., 1857)⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

94. **Хомяков А. С.** По прочтении псалма («Земля трепещет: по эфиру...») / А. Хомяков. — С. 1–2.

---

[14] В оглавлении статья имеет назв.: Джованни Анжелико Фиезолийский и об отношении его произведений к нашей иконописи.

95. **Аксаков И. С.** Ответ («Я знаю в час тоски тревожной...») ⟨1857, Москва⟩ / И. Аксаков. — С. 2–4.
96.* **Островский А. Н.** Доходное место: Комедия в V действиях А. Н. Островского. — С. 5–116.

Отд. II: Науки

97. **Хомяков А. С.**[15] ⟨Предисловие («Во 2-м № «Русской беседы» истекшего года...»)⟩ / Русская Беседа. — С. 1–2. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 2⟩.
98. **Киреевский И. В.** Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского («Древнерусская, православно-христианская образованность...»). — С. 2–24. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 14⟩.
99. **Хомяков А. С.**[16] ⟨Послесловие («В бумагах И. В. Киреевского найдены еще разные отрывки...»)⟩ / Русская Беседа. — С. 24.
100. **Хомяков А. С.** По поводу предыдущей статьи («Входить в подробный разбор напечатанных здесь отрывков было бы бесполезно...») / А. Хомяков. — С. 25–46.
101.* **Попов А. Н.** История возмущения Стеньки Разина. ⟨Главы I–III⟩ / А. Попов. — С. 47–104.
102. **Ригельман Н. А.** Об устройстве земледельческого сословия в Австрии / Н. Р—н. — С. 105–136.

Отд. III: Критика

103. **Самарин Ю. Ф.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Очерк трехнедельного похода Наполеона против Пруссии в 1806 году. Сочинение флигель-адъютанта графа Николая Орлова. С.-Петербург. 1856 года / Ю. Самарин. — С. 1–24.
104.* **Крылов Н. И.** Критические замечания, высказанные профессором Крыловым на публичном диспуте в Московском университете 21 дек. 1856 г. на сочинение г. Чичерина: Областные учреждения России в XVII веке. Статья первая ⟨21 янв. 1857⟩ / Н. Крылов. — С. 25–102. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 25⟩.

[15] Ист. атриб.: Из переписки московских славянофилов: (Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову) / ⟨Предисл. и публ. А. А. Кизеветтера⟩ // *ГМ*. 1918. № 7/9. С. 172 (письмо от 30 июля 1856 г.).

[16] Ист. атриб.: Там же.

105. **Самарин Ю. Ф.** Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина / Ю. Самарин. — С. 103–118. ⟨Примеч. *Изд*. [А. И. Кошелева] на с. 103⟩.

Отд. IV: Обозрение

106. **Аксаков К. С.** Обозрение современной литературы / К. Аксаков. — С. 1–39.
107. **Риттерсберг Л.** Новейшая деятельность в чешской литературе: Статья г. Риттесберга (писана в Праге, в августе 1856) / ⟨Без подписи авт.; пер. с нем. А. Ф. Гильфердинга⟩. — С. 40–48. ⟨Примеч. *Изд*. [А. И. Кошелева] на с. 40⟩.

Отд. V: Смесь

108. **Чижов Ф. В.** Заметки путешественника по славянским землям / Ф. Чижов. — С. 1–37.
109.* **Максимович М. А.** Украинские письма к П. А. Кулишу от М. А. Максимовича ⟨14 нояб. 1856, Михайлова Гора⟩:
Письмо первое. О сотнике Харьке и запорожце Чуприне. — С. 38–49;
Письмо второе. Объяснение некоторых украинских песен. — С. 49–64.
110. **Максимович М. А.** Воспоминание о Богдане Хмельницком ⟨8 янв. 1857, Михайлова Гора⟩ / Михаил Максимович. — С. 65–80. ⟨С публ. на с. 70–72 «народной думы украинских слепцов-бандуристов на смерть Богдана» и на с. 74–80 фрагментов стихотворной драмы «Милость Божая, Украину от неудобьносимых обид лядских, чрез Богдана Зеновия Хмелницкого, преславных войск запорозких гетмана, свободившая и дарованными ему над ляхами победами возвеличившая, на незабвенную толиких его щедрот память репрезентованная в школах Киевских, 1728 лета», атрибутируемой архиеп. Феофану (Прокоповичу)⟩.
111. **Хомяков А. С.** Письмо к издателю А. И. Кошелеву ⟨20 дек. 1856, Тула⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 81–85. ⟨По поводу «спора о железных дорогах» между А. И. Кошелевым и Д. П. Журавским⟩.
112. **Шишков Н. П.** Заметка по свеклосахарной промышленности / Н. Шишков. — С. 86–88.
113. **Гильфердинг А. Ф.** Письмо из Белграда (к Е. П. Ковалевскому) ⟨21 янв. / 2 февр. 1857, Белград ⟩ / А. Гильфердинг. — С. 89–93.

114. **Гильфердинг А. Ф.** О всеславянском словаре г. Шумавского: (Письмо к А. С. Хомякову) ⟨4 нояб. 1856, Прага⟩ / А. Гильфердинг. — С. 94–96.

Отд. VI: Биография

115.*[17] **Бартенев П. И.** И. И. Шувалов ⟨1855, Москва⟩ / Петр Бартенев. — С. 1–80.

116. **Кошелев А. И.** ⟨?⟩ От редакции: ⟨Крат. анонс материалов след. номера⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. I–II.

⟨Объявление о продаже новых книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга II (VI) ⟨ц. р. 24.05.1857; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

⟨Объявление о выходе в свет книги «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» (М., 1857)⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

117.* **Кулиш П. А.** Черная рада, хроника 1663 года. ⟨Главы первая — осьмая⟩ / ⟨Авт. указан в оглавлении⟩. — С. 1–108.

118. **Даль В. И.** Картины из русского быта:
I. Невеста на площади. — С. 109–121;
II. Мертвое тело. — С. 121–128;
III. Самовар: (Быль). — С. 128–131;
IV. Прокат / В. Даль. — С. 132–142.

Стихотворения:

119. **Тютчев Ф. И.** ⟨Три стихотворения:⟩
I. «Эти бедные селенья...» — С. 143;
II. «Вот от моря и до моря...» ⟨13 авг. 1855⟩. — С. 143–144;
III. «О вещая душа моя...» / Ф. Тютчев. — С. 144.

120. **Одоевский А. И.** С севера на юг («Куда несетесь вы, крылатые станицы?..») ⟨1838⟩ / А. Одоевский. — С. 145.

121. **Сырокомля В. (Кондратович Л.).** Бывало! («Охотно бы отдал и душу, и тело...») / ⟨В конце текста в круглых скобках:⟩ С польского,

---

[17] Известны два отд. отт. этого очерка Бартенева: 1) Биография И. И. Шувалова. М., 1857. ⟨2⟩, 80 с.; 2) И. И. Шувалов: Биография. М., 1857. 80, II с.

из Сырокомли; ⟨подпись переводчика:⟩ М. П. ⟨М. П. Петровский⟩. — С. 145–147.

122. **Варенцов В. Г.** ⟨Перевод двух народных песен:⟩
⟨I.⟩ Молодая Бреда: Хорутанская песня («Бреда встала, чуть день загорелся...») ⟨31 янв. 1857, Саратов⟩ / В. В. — С. 147–152;
⟨II.⟩ Сербская песня («Красная девица заспорила с солнцем...» ⟨дек. 1856, Саратов⟩ / В. В. — С. 152.

Отд. II: Науки

123. **Гогоцкий С. С.** Вера: (Отрывок из «Философского лексикона») ⟨Киев⟩ / N. — С. 1–18.

124.* **Попов А. Н.** История возмущения Стеньки Разина. ⟨Главы IV–VI⟩ / А. Попов. — С. 19–90.

Отд. III: Критика

125. **Срезневский И. И.** Церковнославянский словарь А. Х. Востокова, издаваемый в Материалах для словаря и грамматики при Известиях 2-го Отделения Академии наук / И. Срезневский. — С. 1–22.

126. **Черкасский В. А., кн.** ⟨О сочинениях Монталамбера и Токвиля:⟩[18] ⟨Рец. на кн.:⟩ ⟨I.⟩ De l'avenir politique de l'Angleterre par le Comte de Montalembert. Paris, 1856. (О политической будущности Англии, соч. гр. Монталамбера, Париж, 1856); ⟨II.⟩ L'ancien Régime et la Révolution par Alexis de Tocqueville. Paris, 1856. (Старый быт Франции и Революция, соч. Токвиля. Париж, 1856) ⟨20 февр. 1856⟩ / Кн. В. Черкасский. — С. 23–88.

127.* **Крылов Н. И.** Критические замечания, высказанные профессором Крыловым на публичном диспуте в Московском университете 21 дек. 1856 г. на сочинение г. Чичерина: Областные учреждения России в XVII веке. Статья вторая ⟨21 апр. 1857, Москва⟩ / Н. Крылов. — С. 89–166.

Отд. IV: Обозрение

128. **Черкасский В. А., кн.** Тройственный союз, 15 апреля 1856 года ⟨18 мая 1857, Москва⟩ / Кн. В. Черкасский. — С. 1–29.

---

[18] Так публикация названа в оглавлении.

129.*[19] **Ершов А. С.** Обозрение высшего технического образования в Западной Европе / Александр Ершов. — С. 30—60.

130. **Кошелев А. И.** ⟨Послесловие («Искренно благодарим автора за указание на одну из великих нужд нашего времени...»)⟩ / Изд. К. — С. 60—61.

131. **Паплонский И. И.** Письмо из Варшавы: (О польской литературе): Периоды процветания польской литературы. Газеты и журналы. «Слово о полку Игореве» в новом переводе ксендза Красинского. Народные песни ⟨4/16 марта 1857, Варшава⟩ / И. Паплонский. — С. 62—74.

Отд. V: Смесь

132. **Чижов Ф. В.** Заметки путешественника по славянским землям: (Окончание) / Ф. Чижов. — С. 1—37. ⟨Рис.: «План амфитеатра в городе Пола» на с. 10; «Профиль театра» на с. 11; «Архитектурные подробности театра в г. Пола» на с. 12⟩.

133. **Бессонов П. А.** Лазарица, народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства ⟨22 нояб. 1856⟩ / П. Бессонов. — С. 38—79.

134.* **Максимович М. А.** Ответные письма М. П. Погодину. ⟨Письма первое-второе⟩ ⟨5 февр. 1857, Михайлова Гора⟩ / М. Максимович. — С. 80—104. ⟨Редакц. примеч. на с. 80⟩.

135.* **Кошелев А. И.** Еще несколько слов о способах заготовления провианта и фуража для армии и флота ⟨3 мая 1857⟩ / А. Кошелев. — С. 105—116.

Отд. VI: Биография

136. **Самарин Ю. Ф.** Воспоминание о Дмитрии Петровиче Журавском: (Письмо к редактору «Русской беседы») / Ю. Самарин. — С. 1—16.

137. **Маркович А. В.** Воспоминание о Петре Васильевиче Киреевском ⟨1 дек. 1856, «местечко Немиров»⟩ / Афанасий Маркович. — С. 17—23.

138. **Хомяков А. С.** ⟨?⟩ ⟨Предисловие к публикации песен («Одно из прав покойного Петра Васильевича Киреевского на признательность общественную...»)⟩ / Русская Беседа. — С. 24—25.

---

[19] Отд. изд.: *Ершов А.* О высшем техническом образовании в Западной Европе. М.: Тип. Т. Т. Волкова и К°, 1857. ⟨2⟩, 31 с.

139. **Две песни из Сборника П. В. Киреевского** ⟨с подроб. примеч. П. В. Киреевского:⟩
* «Что при вечере вечерничке...»: (Поется, если жених приехал издалеча). — С. 26–28;
** «Не кулик по болотам куликает...» — С. 28–31.

140. **Кошелев А. И.** От издателя («Отъезжая, по болезни, на короткое время за границу...») / ⟨Без подписи⟩. — С. ⟨I⟩. ⟨С кратким анонсом материалов след. книги журнала⟩.

Поправка. — С. ⟨I⟩.

141. **Кошелев А. И.**[20] Литературное объяснение («От души радуемся появлению у нас, в Москве, еженедельной газеты „Молва"...») / Русская Беседа. — С. ⟨II⟩.

Амфитеатр в городе Пола: ⟨Рис. к статье Ф. В. Чижова⟩. — С. ⟨III⟩. ⟨С пометкой:⟩ «Рус. бес.», 1857 г., кн. 2, «Смесь», к стр. 13.

⟨Объявление о продаже новых книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга III (VII) ⟨ц. р. 4.09.1857; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

⟨Объявление о продаже новых книг⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

142. **Кулиш П. А.** Черная рада, хроника 1663 года: (Окончание): ⟨Главы десятая — девятнадцатая⟩. — С. 1–122;

Об отношении малороссийской словесности к общерусской: Эпилог к «Черной Раде» / П. Кулиш. — С. 123–145. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 132⟩.

143. **Толстой А. К., гр.** Стихотворения:
I. «Лишь только один я останусь с собою...» — С. 146;
II. Станция («Что за грустная обитель...»). — С. 146–147;
III. «У приказных ворот собирался народ...» — С. 147–148;
IV. «Не Божиим громом горе ударило...» — С. 149;
V. «О честь ли то молодцу лен прясти...» — С. 149;
VI. «Ты неведомое, незнаемое...» / Гр. Алексей Толстой. — С. 150.

---

[20] Ист. атриб.: *Колюпанов*. Т. II. С. 432.

Отд. II: Науки

144. **Иванишев Н. Д.** О древних сельских общинах в Юго-Западной России / Н. Иванишев. — С. 1–25.

Приложения ⟨на языке оригинала с параллельным переводом⟩:

I. Жалоба королевского повара Васька Степановича о том, что Сенько Турович и Демьян Федцевич, в присутствии копы, собранной на вече в дубраве, замучили пыткою отца его Степана. Показание урядового вижа. 1564-го, апреля 18. — С. 26–29;

II. Копный суд о покраже вола. 1570, генваря 15. — С. 30–34;

III. Копный суд о поджоге. Копа ведет след. Решение копного суда. 1583, генваря 2. — С. 34–43;

IV. Следствие и распрос громады о найденном в городе Дубне трупе неизвестного убитого человека. Донесение возного. 1596, августа 5. — С. 43–48;

V. Копный суд о покраже меду из борти и о сожжении бортного дерева. 1608, мая 15. — С. 48–53;

VI. Суд сельской громады о воровстве; пытка и смертная казнь. 1622, декабря 9. С. 53–57.

145–146. **Беляев И. Д., Хомяков А. С.** По поводу предыдущей статьи:

⟨I.⟩ **Беляев И. Д.** «Предыдущая статья, построенная на совершенно новых и доселе неизвестных памятниках...» / Б. — С. 58–63;

⟨II.⟩ **Хомяков А. С.**[21] «Читатели „Русской беседы", без сомнения, порадовались дельною и прекрасною статьею г. Иванишева...» / Русская Беседа. — С. 63–64.

147. **Клун В. Ф.** Словенцы: ⟨Этнографический очерк⟩.[22] ⟨I–VI⟩ ⟨1856–1857, Лихтенштейг в Швейцарии⟩ / Клун. — С. 65–122. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 65⟩.

Отд. III: Критика

148.*[23] **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на:⟩ Очерк церковной администрации в древней России: (Статья А. В. Лохвицкого)[24] / И. Беляев. — С. 1–44.

---

[21] Ист. атриб.: *Хомяков*. Т. III. С. 264–265.

[22] Подзаголовок указан в оглавлении.

[23] Отд. отт. под изменен. назв.: *Беляев И. Д.* Разбор статьи г. Лохвицкого: Очерк церковной администрации в древней России. М., 1857. ⟨2⟩, 44 с.

[24] В подстрочном примеч. указано: «„Русский вестник" 1857 года, № 2».

149. **Максимович М. А.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Известие о южнорусских летописях, издан. Николаем Белозерским в Киеве, 1856 г., т. I, в 12, 184 стр. ⟨10 дек., 1856, Михайлова Гора⟩ / М. Максимович. — С. 45–59. ⟨С публ. «Краткого списка гетманов козацких, бывших до Богдана Хмельницкого» на с. 54–56⟩.

150. **Мизко Н. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Проповеди на малороссийском языке протоиерея Василия Гречулевича. Издание 2-е, исправленное. Спб. 1856 ⟨с. Карабиновка⟩ / Н. М. — С. 60–70. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 68⟩.

151. **Хомяков А. С.** ⟨Послесловие («Без сомнения, всякий русский читатель порадуется появлению проповедей на одном из наречий русского народа...»)⟩ / Русская Беседа. — С. 70–72.

152–155. **Бессонов П. А., Самарин Ю. Ф., Аксаков К. С., Хомяков А. С.** Замечания на статью г. Соловьева: Шлецер и антиисторическое направление («Русский вестник» 1857 г. Апрель, кн. 2):

I. **Бессонов П. А.** «С. М. Соловьев в любопытной статье „Шлецер и антиисторическое направление“...» ⟨11 мая 1857⟩ / П. Бессонов. — С. 73–90;

II. **Самарин Ю. Ф.** «Автор статьи о Шлецере возвещает публике об открытой им антиисторической школе...» / Ю. Самарин. — С. 90–103;

III. **Аксаков К. С.** «В статье своей под названием „Шлецер и антиисторическое направление“...» / Константин Аксаков. — С. 104–141;

IV. **Хомяков А. С.** «Наше время представляет странное явление в словесности. Всякий частный вопрос превращается в общий...» / А. Хомяков. — С. 141–158.

Отд. V: Смесь

156. **Надеждин Н. И.** О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской ⟨1851⟩ / Н. Надеждин. — С. 1–20. ⟨Примеч. на с. 1: *Изд.* [А. И. Кошелева] и *П. С.* [П. С. Савельева]⟩; первонач. назв.: Взгляд на баснословный период народной русской географии⟩.

157.* **Селиванов В. В.** Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии. III. Осень / В. Селиванов. — С. 21–62. ⟨Редакц. примеч. на с. 21; рис.: «Передний фасад [избы]» на с. 24, «Боковой фасад» на с. 26, «План [избы]» на с. 27, «Рисунок обутой ноги» на с. 59⟩.

158. **Кривошапкин М. Ф.** Голос из Енисейска по поводу толков о народности в науке ⟨Енисейск⟩ / Михаил Кривошапкин. — С. 63—80. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 63⟩.
159. **Лорер Н. И.** Из воспоминаний русского офицера: (Посвящается княгине Е. А. Черкасской) ⟨февр. 1857, Москва⟩ / Н. Л. — С. 81–89.
160. **Беляев И. Д.** Приход / Б. — С. 90–96.
161. **Погодин М. П.** Ответ на два последних письма М. А. Максимовича[25] / М. Погодин. — С. 97–107.
162. **Письмо к издателю** ⟨15 июля 1857⟩ / ⟨В конце текста авт.:⟩ Ваш покорный слуга Тамбовский Помещик. — С. 108–109 ⟨в журн. с. 109 ошибочно помечена: 509⟩.

Отд. VI: Биография

163.* **Ордынский Б. И.** Адамантий Корай, просветитель новых греков / Филеллин.[26] — С. 1–64. ⟨Примеч. *Ред.* [П. И. Бартенева] на с. 19, 28, 35, 38⟩.

⟨Краткий анонс материалов следующего номера⟩. — С. ⟨I⟩.

Поправки в отделе Критики. — С. ⟨I⟩.

Книга IV (VIII) ⟨ц. р. 27.11.1857; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

164. **Аксаков С. Т.** Детские годы молодого Багрова: (Отрывок): ⟨[Предисловие] (июль 1857, Абрамцево); Уфа. Возвращение к городской жизни⟩ ⟨март 1857, Москва⟩ / С. Аксаков. — С. 1–33.
165. **Даль В. И.** Картины из русского быта:
   I. Варнак. — С. 34–49.
   II. Кликуша. — С. 49–59.
   III. Бред. — С. 60–66.
   IV. Рогатина / В. Даль. — С. 66–78.

Стихотворения:

166. **Хомяков А. С.** ⟨Два стихотворения:⟩

---

[25] В подстрочном примеч. — продолжение назв.: напечатанные во II книге «Русской беседы» сего года.

[26] В журн. и в отд. отт. с опечаткой: *Филлеллен*; исправлено по авторскому примеч.: *РБ*. 1860. Кн. I (XIX). Отд. II: Науки. С. 131.

I. Сербская песня («Гаснет месяц на Стамбуле...»). — С. 78.

II. «Жаль мне вас, людей бессонных...» ⟨1853, Тула⟩ / А. Хомяков. — С. 79.

167. **Никитин И. С.** ⟨Два стихотворения:⟩

III. Пахарь («Солнце за день нагуляется...»). — С. 79–81.

IV. Нищий («И вечерней, и ранней порою..») ⟨Воронеж⟩ / И. Никитин. — С. 81–82.

168. V. **Берг Н. В.** Легенда Верхних Лужичан: (Из сборника верхнелужицких песен Гаупта и Смоляра) («Пускай узнает целый свет...») / ⟨В конце текста переводчик:⟩ Н. Берг. — С. 82–85.

169. VI. **Киреевский П. В.** «Полетела птица-сокол сизый...»: ⟨Пер. сербской песни⟩[27] / ⟨Без подписи; авт. указан в примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 86⟩. — С. 86–88.

Отд. II: Науки

170.* **Новиков Е. П.** Гус и Лютер. ⟨[Вступление]; Глава I. Начатки Гуса. — Жизнь его до смерти архиепископа Сбинка. 1373–1411; Глава II. Вероисповедные события Чехии в 1412, 1413 и 1414 годах. — Жизнь Гуса от возвращения в Прагу до начала Констанцкого собора⟩ / Е. Новиков. — С. 1–70. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 89⟩.

171. **Эрбен К. Я.** О славянской мифологии: Письма К. Я. Ербена к А. Ф. Гильфердингу ⟨май 1857, Прага⟩ / Карл Яромир Ербен; ⟨пер. с чешского П. И. Бартенева⟩. — С. 71–128. ⟨Примеч. *А. Г.* [А. Ф. Гильфердинга] на с. 71–72, 78⟩.

Отд. III: Критика

172. **Ригельман Н. А.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Записки о Южной Руси, издание П. А. Кулиша. Том первый. 322 стр. Том втор. 354 стр. / Н. Р—н. — С. 1–21. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 10⟩.

173. **Максимович М. А.** Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии:

I. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом: (Письмо к М. П. Погодину) ⟨22 сент. 1857, Москва⟩. — С. 22–35;

---

[27] Подзаголовок указан в качестве назв. в оглавлении.

II. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке: (Письмо к М. А. Грабовскому) ⟨1 нояб. 1857, Москва⟩. — С. 35–61;

III. О Григорье Николаевиче Теплове и его записке «О непорядках Малороссии»: (Письмо к П. А. Кулишу) ⟨8 окт. 1857, Москва⟩ / М. Максимович. — С. 61–78.

174. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на:⟩ О народности в древней русской литературе и искусстве: (Статья г. Буслаева. «Рус. вест.», № 15, 1857 года) / Кр...нев.[28] — С. 79–108.

175. **Кошелев А. И.** По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности: ⟨Рец. на: I.⟩ Труды Имп. Вол. экон. общества. Май 1857 года: Мысли русского земледельца, по поводу статей гг. Ладыженского, Бланка и некоторых других. Стр. 92–104; ⟨II.⟩ Журнал Мин. внутр. дел. Июнь 1857 года: По поводу вопроса о замене обязанной работы наемною, Ф. Г. Тернера. Стр. 643—674; ⟨III.⟩ Современник. Май, июль и сентябрь 1857 года: 1) Заметки о журналах, ⟨статья Н. Г. Чернышевского⟩, № V-й, ⟨отд. V: Смесь⟩, стр. 113–138; 2) Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности о сельских учреждениях России, соч. бар. Гакстгаузена, ⟨статья Н. Г. Чернышевского⟩, № VII, ⟨отд. III: Критика⟩, стр. 1–58; 3) О поземельной собственности, ответ «Экономическому указателю». Статья Н. Г. Чернышевского, № IX, ⟨отд. III: Критика⟩, стр. 1–76; ⟨IV.⟩ Экономический указатель, 1857 года: ⟨1)⟩ Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, статья Д. М. Струкова, №№ 5, 7, 9 и 10-й; ⟨2)⟩ О поземельной собственности, ответ критику «Современника». Соч. И. В—ского ⟨И. В. Вернадского⟩, №№ 22, 25, 27 и 29 ⟨окт. 1857⟩ / А. Кошелев. — С. 109–171.

Отд. V: Смесь

176. **Кошелев А. И.** Шесть недель в Австрийских славянских землях: Письмо к А. С. Хомякову ⟨авг. 1857, Остенде⟩ / А. Кошелев. — С. 1–18. ⟨С публ. «Списка журналов, выходящих в Австрийских славянских землях» на с. 10–13⟩.

177. **Надеждин Н. И.** О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской. II ⟨1852⟩ / Н. На-

[28] В оглавлении авт.: *И. Кр....в.*

деждин. — С. 19–63. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 19, 39 и *П. Сав.* [П. С. Савельева] на с. 33–34, 46⟩.

178.* **Аппельрот Г. Я.** Основное народное образование. I. Обыкновенная грамотность / Г. Аппельрот. — С. 64–99. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 64, 80, 90–91⟩.

179.* **Селиванов В. В.** Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии. IV. Зима / В. Селиванов. — С. 100–134. ⟨Редакц. примеч. на с. 100; неподписанные рис.: [«Светец с зажженной лучиной»] на с. 112 и [«Рукомойник»] на с. 113⟩.

180.* **Кривошапкин М. Ф.** Отрывки из описания Енисейского округа: ⟨А. Одежда и приборы зверовщика-крестьянина; Б. Время промысла: разные виды его соответственно времени и охотничьи снаряды⟩ ⟨1857, Енисейск⟩ / М. Кривошапкин. — С. 135–147.

181. **Беляев И. Д.** Квартал / Б. — С. 148–160. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 148⟩.

182. **Рачинский А. В.** Несколько слов о просвещении болгарского народа: (Письмо к П. И. Бартеневу) ⟨20 сент. 1857⟩ / А. Р. — С. 161–170.

183. **Гиляров-Платонов Н. П.** Новые объяснения по старому спору: (Письмо к издателю) ⟨18 нояб. 1857, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 171–194. ⟨По поводу статьи: *Яхонтов С.* Исследование вопроса о народности в науке и государственной жизни // Северная пчела. 1857. 31 окт. № 259. С. 1132–1134⟩.

184. **Кошелев А. И.** ⟨?⟩ Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета (выпуск 1-й, Спб. 1857) / Русская Беседа. — С. 195–196.

185. **Кошелев А. И.** ⟨?⟩ О программе «Медицинской газеты» / Русская Беседа. — С. 197–198.

Отд. VI: Биография

186.*[29] **Бартенев П. И.** Граф Аркадий Иванович Морков ⟨апр. 1857, Москва⟩ / Петр Бартенев. — С. 1–56.

Приложения:

№ 1. **Бибиков А. И.** Письмо А. И. Бибикова к графу И. И. Панину ⟨17 (28) дек. 1771, Варшава⟩ / Александр Бибиков. — С. 57–62. ⟨Примеч. *Б.* [П. И. Бартенева] на с. 57, 58, 61⟩.

[29] Отд. отт. под изменен. назв.: *Бартенев П.* Биография графа Аркадия Ивановича Моркова. М., 1857. 77 с.

№ 2. **Морков А. И.** Два письма А. И. Моркова к А. А. Безбородке ⟨5 (16) февр. 1782, Берлин; 6 (17) апр. 1784, Рим⟩ / А. Морков. — С. 62–65.

№ 3. **Морков А. И.** Донесение Моркова императрице Екатерине II ⟨le 5 (16) avril 1784, Roma⟩ / Morcoff. — С. 65–77. ⟨На франц. языке; примеч. *П. Б.* [П. И. Бартенева] на с. 66⟩.

⟨Краткий анонс материалов следующих номеров⟩. — С. ⟨I⟩.

Некоторые важные опечатки в отделе Критики. — С. ⟨II⟩.

Оглавление статьям, помещенным в «Русской беседе» за 1857 год. — С. I—IV.

187. **Кошелев А. И.** Об издании «Русской беседы» на 1858 год / Издатель А. Кошелев. — С. I–VI. ⟨Внизу с. VI пометка: ц. р.: 23 нояб. 1857; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩.

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

1858 год

Книга I (IX) ⟨ц. р. 26.02.1858; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

⟨Объявление о выходе в свет 1-го тома «Философского лексикона» С. С. Гогоцкого (Киев, 1857)⟩. — 2-я с. обл.

188. **Кошелев А. И.** От издателя / ⟨В конце текста авт.:⟩ Издатель А. Кошелев. — С. I–IV. ⟨О «Сельском благоустройстве»⟩.

Оглавление. — С. I–II.

Важнейшие опечатки. — С. II.

Отд. I: Изящная словесность

⟨Стихотворения:⟩[30]

189. **Аксаков И. С.** На 1858 год («День встает, багрян и пышен...») ⟨31 дек. 1857⟩ / И. Аксаков. — С. 1–2.

190. **Хомяков А. С.** ⟨Два стихотворения:⟩

I. «Широка, необозрима...» — С. 2–3.

II. К И. В. Киреевскому («Ты сказал нам: „За волною..."») ⟨1848⟩ / А. Хомяков. — С. 4.

191. **Аксаков С. Т.** Литературные и театральные воспоминания (1825 и 1826 год) ⟨10 янв. 1858, Москва⟩ / С. Аксаков. — С. 5–37.

---

[30] Назв. подотдела указано только в оглавлении.

192.* **Селиванов В. В.** День помещика: (Физиологический очерк) / В. Селиванов; ⟨Примеч. *Издат.* [А. И. Кошелева] на с. 38⟩. — С. 38–82.

193. **Толстой А. К., гр.** Пять стихотворений:[31]

I. Грешница («Народ кипит, веселье, хохот...»). — С. 83–88.

II. «Ты почто, злая кручинушка...» — С. 88–89.

III. «Звонче жаворонка пенье...» — С. 89–90.

IV. «Рассевается, расступается...» — С. 90.

V. «Что ни день, как полымя со влагой...» / Гр. Ал. Толстой. — С. 90. ⟨В журн. опечатка: «... поломя...»⟩.

Отд. II: Науки

194.* **Новиков Е. П.** Гус и Лютер. Глава III: Констанцкий Собор. — Путешествие Гуса. — Три темницы и три аудиенции Гуса. — Последние минуты Гуса / Е. Новиков. — С. 1–107. ⟨Редакц. примеч. на с. 91⟩.

195. **Гильфердинг А. Ф.** Предисловие св. Кирилла, просветителя Славянского, к переводу Евангелия ⟨8 окт. 1857, Сараево⟩ / А. Гильфердинг. — С. 108–116. ⟨С публ. на с. 111–115: «Блаженнааго Учителя нашаго Константина Философа слово» по серб. рукописи XIII в.⟩.

196. **Елагин В. А.** Место венгров среди народов Европы ⟨19 окт. 1857⟩ / Василий Елагин. — С. 117–168.

Отд. III: Критика

197. **Беляев И. В.** ⟨Рец. на кн.:⟩ О православных церковных братствах, противоборствовавших Унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. Соч. свящ. Иоанна Флерова. Спб. 1857 г. ⟨5 янв. 1858⟩ / Ил. Б—в. — С. 1–12.

198. **Максимович М. А.** Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии. IV. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г.: (Письмо к Г. П. Галагану) ⟨12 янв. 1858, Москва⟩ / М. Максимович. — С. 13–27.

199. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Исследования, замечания и лекции о русской истории. М. Погодина. Том V. М. 1857 / И. Беляев. — С. 28–45.

200. **Беляев И. Д.** Заметки на письмо г. Лохвицкого к редактору «Русского вестника» / И. Беляев. — С. 46–53. ⟨Отклик на статью: *Лох-*

---

[31] В оглавлении подборка озаглавлена: «Пять стихотворений графа А. К. Толстого».

вицкий А. Письмо к редактору // *РВ*. 1857. Т. XII, дек., кн. 1. Отд.: Соврем. летопись. С. 153–165⟩.

201. **Лешков В. Н.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Книга 25-я. Москва, 1857 / В. Лешков. — С. 54–65.

202. **Гиляров-Платонов Н. П.** Несколько слов о механических способах в исследовании истории ⟨9 янв. 1858, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 66–87.

203. **Кошелев А. И.** ⟨Рец. на:⟩ Взгляд на задачи современной критики («Атеней» 1858 г., № 1) ⟨янв. 1858⟩ / — е — е — . — С. 88—104. ⟨Отклик на статью Е. Ф. Корша[32]⟩.

204. **Шишков Н. П.** О сохранении свекловичного сока при сахароварении: (См. «Промышленный Листок» № 3, 4 и 10) / Русский сахаровар. — С. 105–112. ⟨Редакц. примеч. на с. 105⟩. ⟨Полемика по поводу статей: 1) *Семенов А.* Способ сохранения свекловичного сока при свеклосахарном производстве // Промышл. листок. 1858. 8 янв. № 3. С. 10–11; 11 янв. № 4. С. 14–15; 2) *Ред.* [*Киттары М. Я.*]. По поводу статьи г. Семенова «О сохранении свекловичного сока при сахарном производстве» // Там же. 1858. 1 февр. № 10. С. 38–39⟩.

Отд. V: Смесь

205. **Ковалевский Е. П.** Путевые записки о славянских землях. ⟨Главы I–VI⟩ / Е. Ковалевский. — С. 1–53.

206.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨I–II⟩ ⟨2 окт. 1857, Сараево⟩ / А. Гильфердинг. — С. 54–76.

207.* **Кокорев В. А.** Путь севастопольцев. Посвящается С. А. Хрулеву / Василий Кокорев. — С. 77–137.

208.* **Аппельрот Г. А.** Основное народное образование. II. Грамотность в применении к действительной жизни / Г. Аппельрот. — С. 138–181. ⟨Примеч. *Изд.*, *Издат.* [А. И. Кошелева] на с. 138, 163–164, 166–167⟩.

209. **Головин П. Н.** Письмо петербургского жителя к московскому приятелю / П. Г. — С. 182–196. ⟨Примеч. *Издат.* [А. И. Кошелева]

[32] Ист. атриб.: *Бутина К. И.* К истории журнала «Атеней» // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М.: Книга, 1974. Вып. 35. С. 72.

на с. 182; о лекциях К. Д. Кавелина по гражданскому праву; впервые: Морской сборник. 1858. Т. 33, № 1. Ч. неоф. С. 217–233*[33]⟩.

210. **Беляев И. Д.** Город / Б. — С. 197–212.

211. **Кошелев А. И.** Нечто о грамотности: (Письмо к В. И. Далю) ⟨дек. 1857⟩ / А. Кошелев. — С. 213–219. ⟨Отклик на ст.: *Даль В.* Заметка о грамотности: (Письмо в редакцию «Санктпетербургских ведомостей») // С.-Петерб. ведомости. 1857. 10 нояб. № 245. С. 1269⟩.

212. **Самарин Ю. Ф.** Заметка («Развитие мнений литературных...) /........ъ. — С. 220–223. ⟨О журнальной полемике между «Русской беседой» и «Русским вестником»⟩.

213. **Кошелев А. И.** Объявление («Открытие Публичных библиотек...») / Издатель. — С. 224. ⟨Об открытии Публичной библиотеки в Рязани в янв. 1858⟩.

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга II (X) ⟨ц. р. 17.05.1858; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Часть первая

Содержание последних двух книжек «Сельского благоустройства»: ⟨№ 3. Март; № 4. Апрель⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

Опечатки. — С. II.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

214. **Хомяков А. С.** Труженик («По жестким глыбам сорной нивы...) ⟨26 марта 1858⟩ / А. Хомяков. — С. 1–2.

215. **Тютчев Ф. И.** Шесть стихотворений:
I. «Она сидела на полу...» — С. 2.
II. 1857 («Над этой темною толпой...»). — С. 3.
III. «Есть в осени первоначальной...» — С. 3.
IV. «В часы, когда бывает...» — С. 4.
V. «Смотри, как роща зеленеет...» — С. 5.
VI. «Живым сочувствием привета...» / Ф. Тютчев. — С. 5–6.

---

[33] Отд. отт. из журн. «Морской сборник»: *П. Г.* Письмо петербургского жителя к московскому приятелю. ⟨СПб.:⟩ Тип. Морского мин-ва, ⟨1858⟩. 17 с.

216. **Никитин И. С.** Песня («Медленно движется время...) ⟨1857⟩ / Никитин. — С. 6.
217. **Мицкевич А.** Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» («Идет зараза на Литву...») / ⟨В конце текста переводчик:⟩ Н. Берг. — С. 7–10.
218. **Киреевский И. В.** Остров: (Недоконченная повесть И. В. Киреевского). — С. 11–51.
219. **Аксаков С. Т.** Литературные и театральные воспоминания: (Продолжение) / С. Аксаков. — С. 52–84. ⟨О событиях 1826–1827 гг.⟩.

Отд. II: Науки

220.* **Сакович П. М.** Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год ⟨Вступление; Глава I⟩ ⟨1857, Полтава⟩ / П. Сакович. — С. 1–86.
221. **Аксаков И. С.** Украинские ярмарки ⟨1854⟩ / Ив. Аксаков. — С. 87–158. ⟨Примеч. *Редак.*, *Ред.* [М. А. Максимовича] на с. 87, 158⟩.

Отд. III: Критика

222. **Аксаков К. С.** ⟨Рец. на кн.:⟩ История России с древнейших времен. Соч. Сергея Соловьева. Т. VII / Константин Аксаков. — С. 1–33.
223.* **Щуровский Г. Е.** Силурские и девонские рыбы в России: ⟨Рец. на кн.:⟩ Monographie der fossilen Fische der silurischen Systems der Russisch-Baltischen Gouvernements. Von Dr. Ch. H. Pander. St. Petersburg. 1857; Über die Placodermen des devonischen Systems. Von Dr. Ch. H. Pander. St. Petersburg. 1857 ⟨30 марта 1858⟩ / Г. Щуровский. — С. 34–62.
224. **Шевырев С. П.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Детские годы Багрова внука, служащие продолжением «Семейной хроники», С. Аксакова. Москва, 1858 / С. Шевырев. — С. 63–92.
225. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на:⟩ Исторический взгляд на крепостное состояние России и рассказ о том же предмете в газете «Le Nord». Статья А. Вельтмана в № 1 «Журнала землевладельцев» ⟨1858. Отд. II. С. 1–32⟩ / Б. — 93–98. ⟨О статье А. Ф. Вельтмана, полемизировавшего с авт. статьи «De l'abolition du servage en Russie», опубл. в бельгийской газ. «Le Nord» (1853. 4 Mars. № 63)⟩.

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Часть вторая

⟨Объявление о выходе в свет издания Н. В. Елагина «Белевская вивлиофика» (М., 1858. Кн. I)⟩. — 2-я с. обл.

Отд. IV: Обозрение

226. **Грабовский М. А.** Граф Генрих Ржевуский. ⟨I—II⟩ / М. Грабовский. — С. 1—32. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 1⟩.

Отд. V: Смесь

227.*[34] **Даскалов Х. С.** Возрождение болгар, или Реакция в Европейской Турции. Статья первая[35] / ⟨В конце текста авт.:⟩ Хр. Даскалов, уроженец Болгарии. — С. 1—64.
Приложения:
I. Болгарская народная песня («Мама си й рожба родила...»). — С. 58—61. ⟨Фольклоризованная мистификация; на языке оригинала⟩;[36]
II. ⟨Доктор Стефан Канеллос о противодействии духовенства просвещению греческого народа⟩. — С. 61—64. ⟨На новогреческом языке с переводом⟩.

228.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨III—IV⟩ / А. Гильфердинг. — С. 65—92. ⟨Редакц. примеч. на с. 65⟩.

229. **Прокопий (Чокорило), иером.** Летопись Герцеговины. 1831—1857: (Переведено с сербского ⟨А. Ф. Гильфердингом⟩[37]) / ⟨В конце

---

[34] Отд. отт.: М., 1858. ⟨2⟩, 64 с. — без указания автора.

[35] «Статью вторую» Даскалов опубликовал под назв. «Турецкие дела» в «Русском вестнике» (1858. Т. XIII, февр., кн. 2. Отд.: Соврем. летопись. С. 245—265; Т. XIV, март, кн. 1. С. 35—53; Т. XV, апр., кн. 1. С. 33—51; подпись: *Д.*).

[36] Знаменитая историческая песня «Стоян и Патрика» (см.: Българско народно творчество: В 12 т. Варна, 2006. Т. III: Исторически песни / Съст. Хр. Вакарелски; Под ред. на Т. Моллов. № 155), записанная братьями Д. и К. Миладиновыми, через А. В. Рачинского присланная в редакцию «Русской беседы» и одобренная для публикации О. М. Бодянским (см.: *Стоянов В. Д.* Спомен за братия Д. и К. Миладиновы // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец. 1887. Кн. 21/22. С. 578—602; *Бодянский О. М.* Дневник, 1852—1857. М., 2006. С. 246).

[37] Н. П. Колюпанов неправомерно называет переводчиком Х. С. Даскалова (см.: *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы»... С. 144), в то время как

текста авт.:⟩ Иеромонах Прокопий Чокорило, ефимер Мостарской церкви. — С. 93–121. ⟨Примеч. *Перевод*. [А. Ф. Гильфердинга] на с. 115, 117⟩.

230. **Старков Н. В., свящ.** Лужницкий приход / Н. Старков. — С. 122–126. ⟨О московской Троицкой церкви, что в Больших Лужниках⟩.

231. **Хомяков А. С.** Предисловие ⟨к публикации статьи У. Уэвела⟩ («Давно уже Англия занимает одно из первых мест...») / А. Х. — С. 127–129;

232. **Уэвел У.** О началах английского университетского воспитания. ⟨Предварительные замечания; Глава I. О предметах университетского ученья⟩ / ⟨Авт. указан в примеч.: William Whewell; В оглавлении указано: «Перевод с английского Е. И. П.[38] [свящ. Е. И. Попова]»⟩. — С. 129–164. ⟨Прим. *Перев.* [свящ. Е. И. Попова] на с. 129, 130, 139, 163⟩.

233. **Тулов М. А.** Что может способствовать успеху наук в России? / М. Т. — С. 165–174. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 165⟩.

234. **Хомяков А. С.** О юридических вопросах: (Письмо к издателю) ⟨нояб. 1857, Богучарово⟩ / А. Хомяков. — С. 175–188.

235. **Беляев И. Д.** Деревня / Б. — С. 189–208.

236. **Аксаков И. С.** О ремесленном союзе в Ярославской губернии: (Письмо к издателю) / Ив. Аксаков. — С. 209–215.

237. **Хомяков А. С.** Заметка («В числе занимательных и серьезных статей, нередко появляющихся в „Русском вестнике“...») / Т...к ⟨т. е. «Туляк»⟩. — С. 216–221. ⟨Об опубликованных в «Русском вестнике» рецензиях на книгу В. Г. Риля «Естественная история народа» (Штутгарт, 1856): статей В. П. Безобразова «Материялы для физиологии общества» (1857. Т. XI, окт., кн. 2. Отд. I. С. 657–720; Т. XII, дек., кн. 1. С. 493–538), «Материялы для науки об обществе в Германии» (1858. Т. XIV, март, кн. 1. Отд. I. С. 218–271) и С. М. Соловьева «Исторические письма» (1858. Т. XIV, март, кн. 1. Отд. I. С. 1–28)⟩.

238. **Кошелев А. И.** От издателя («В последних числах февраля сего дня...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 222. ⟨О журнале «Сельское благоустройство»⟩.

Гильфердинг поместил этот материал в Собрание своих сочинений (М., 1873. Т. III. С. 499–521).

[38] В журнале очевидная опечатка: *Е. И. Ц.*

Приложения

239.* **Рачинский А. В.** Походные письма ополченца из Южной Бессарабии в 1855—1856 году ⟨16 окт. 1855, Сселемет — 24 июня 1856, Измаил⟩ / Александр Рачинский. — С. 1—76. ⟨Примеч. *Н. Г.* [Н. П. Гилярова-Платонова] на с. 29—30⟩.

Прием пожертвований на улучшение быта православных поклонников в Палестине. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга III (XI) ⟨ц. р. 16.08.1858; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Книга первая

Оглавление. — С. I—II.

Ошибки, вкравшиеся при печатании 3-й книги «Русской беседы». — С. II.

240. **Аксаков И. С.** ⟨?⟩ ⟨Предисловие к статье А. С. Хомякова («„Русская беседа“ еще не успела, да и не могла...») / Без подписи⟩. — С. I.

241. **Хомяков А. С.** Картина Иванова: Письмо к редактору / А. Хомяков. — С. 1—22. ⟨«Явление Христа народу»⟩.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

242. **Вяземский П. А., кн.** ⟨Два стихотворения:⟩
⟨I.⟩ Прага («Поклон любви с желаньем блага...») ⟨1853⟩. — С. 1—2.
⟨II.⟩ Зонненштейн («Прекрасный здесь вид Эльбы величавой...») ⟨июль 1853, «на пароходе»⟩ / Князь Вяземский. — С. 2—3.

243. **Толстой А. К., гр.** ⟨Семь стихотворений:⟩[39]
I. «Ты клонишь лик, о нем упоминая...» — С. 3.
II. «Вырастает дума, словно дерево...» — С. 4.
III. «Тебя так любят все! Один твой тихий вид...» — С. 4.
IV. «Хорошо, братцы, тому на свете жить...» — С. 5.
V. «Кабы знала я, кабы ведала...» — С. 6.
VI. «Ах ты гой еси, правда-матушка!..» — С. 6—8.
VII. «Когда был обвинен Старицкий воевода...» / Гр. Ал. Толстой. — С. 8.

[39] В оглавлении подборка озаглавлена: «Семь стихотворений гр. А. К. Толстого».

244. **Аксаков С. Т.** Литературные и театральные воспоминания: (Окончание) ⟨апр. 1858, Москва⟩ / С. Аксаков. — С. 9–43. ⟨О событиях 1827–1828 гг.⟩.

245. **Тулов М. А.** Модный чиновник / М. Т. — С. 44–52. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 44⟩.

Отд. II: Науки

246.* **Иванишев Н. Д.** Сведения о начале Унии, извлеченные из Актов Киевского центрального архива / Н. Иванишев. — С. 1–61.

247.* **Сакович П. М.** Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год. ⟨Главы II–III⟩ / П. Сакович. — С. 62–151. ⟨Вклейка между с. 150 и 151: Черт. I. План Артиярской гавани; Черт. II. Объяснение эволюции 2-й бригады (везде подписи: «Генерал-поручик Александр Суворов, секунд-майор Василий Буйносов»); Карта Украинских линий и Кубанской, устроенной Г. П. Суворовым, а также и полуострова Крыма с показанием его разделения на участки и размещения войск для противудействия турецкому десанту в 1778 и 1779-м годах⟩.

248.* **Новиков Е. П.** Гус и Лютер. ⟨Глава IV. Происхождение Лютера и его детские и юношеские годы. — Вступление в монашество. — Воздействие на него Ступица. 1483–1508; Глава V. Переход в новооснованный Виттембергский университет и начало личной богословской деятельности на кафедре академической и церковной. — Спор об отпусках и его последствия. 1508–1518⟩ / Е. Новиков. — С. 152–304.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга вторая

Отд. III: Критика

249–250. **Беляев И. Д., Аксаков К. С.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Белевская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным. Собрание древних памятников об истории г. Белева и Белевского уезда, книги 1-я и 2-я:

I. «Собрание древних памятников о Белеве и Белевском уезде...» / И. Беляев. — С. 1–13;

II. «В первых двух томах этого издания помещена Писцовая книга 1632 года...» / Константин Аксаков. — С. 14–46.

Отд. IV: Обозрение

251.* **Грабовский М. А.** Граф Генрих Ржевуский: (Продолжение). ⟨III–IV⟩ / М. Грабовский. — С. 1–26. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 3, 15⟩.

Отд. V: Смесь

252. **Уэвел У.** О началах английского университетского воспитания: (Продолжение). ⟨Глава II. О прямом и непрямом ученье; Глава III. О дисциплине / Без указания авт. и переводчика с англ. свящ. Е. И. Попова⟩. — С. 1–63. ⟨Примеч. *Перев.*, *Пер.* [Е. И. Попова] на с. 14, 25, 49⟩.

253.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨V–VI⟩ / А. Гильфердинг. — С. 64–97. ⟨С публ. на с. 79–82 перечня сербских государей и архиепископов из Помянника Сопочанского монастыря (кон. XV — нач. XVI в.) и на с. 84–87 сербской нар. песни «Вино пие србски цар Стефане» на языке оригинала с параллельным прозаическим переводом⟩.

254. **Миличевич М.** Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги (задруга) / М. Миличевич; ⟨пер. с серб. П. И. Бартенева⟩. — С. 98–112. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 98–101, 103–107, 112, *Перев.* [П. И. Бартенева] на с. 101, 103, 109, 110 и *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 102⟩.

255. **Мстиславский В. В.** О поклепной вире, или Понятие об обвинительном процессе по Русской правде: (По поводу вопроса об адвокатуре, об устности и гласности уголовного судопроизводства) / В. Мстиславский. — С. 113–128. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 113⟩.

256. **Лобко Л. Л.** О переводах Св. Писания: Несколько слов по поводу статьи г-на Бессонова о книге: «Описание рукописей Синодальной библиотеки»: (Письмо к редактору) / Л. Лобкó. — С. 129–136. ⟨Примеч. *Ред.* [М. А. Максимовича] на с. 135⟩.

257. **Погодин М. П.** Николай Васильевич Шеншин: ⟨Некролог⟩ ⟨27 июля 1858⟩ / М. Погодин. — С. 137–138.

Приложения

258.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния в начале 1858 года: (Из «Вестника Императорского Русского географического общества») ⟨25 марта 1858, Мостар⟩ / А. Ф. Гильфердинг. — С. 1–58. ⟨Вых. дан. перво-

публикации: Вестник Имп. РГО. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126⟩.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга IV (XII) ⟨ц. р. 10.11.1858; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩

Часть первая

Оглавление. — С. I—II.

259. **Аксаков И. С.**[40] Об издании «Русской беседы» в 1859 году / ⟨Без подписи⟩. — С. I–IV.

260. **Кошелев А. И.** Об издании «Сельского благоустройства», отдела «Русской беседы», в 1859 году; Условия подписки на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство» / Издатель А. Кошелев. — С. V–VIII. ⟨Внизу с. VI пометка: ц. р.: 28 окт. 1858; цензор Н. Ф. фон Крузе⟩.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

261. **Тютчев Ф. И.** В альбом В. В. Ганке («Вековать ли нам в разлуке?..») ⟨Прага⟩ / Ф. Тютчев. — С. 1–2.

262. **Никитин И. С.** ⟨Шесть стихотворений:⟩
   I. «Опять знакомые виденья!..» — С. 3–4.
   II. Разговоры («Новой жизни заря...»). — С. 4–5.
   III. Ночлег в деревне («Душный воздух, дым лучины...»). — С. 5.
   IV. Ночь («Звезды сыплются. Ткань облаков...»). — С. 6.
   V. «В чистом поле тень шагает...» — С. 6–7.
   VI. «Помнишь? с алыми краями...» / И. Никитин. — С. 7.

263. **Мицкевич А.** Фарис: (С польского: Мицкевича) («Как весело лодка, с земли убегая...») / ⟨В конце текста переводчик:⟩ А. Соколов. — С. 8–14.

264. **Бобренев А.** Заметки русского офицера на пути из Варшавы в главную квартиру армии в 1849 году / Александр Бобренев. — С. 15–34. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 29⟩.

265. **Симонов М. Т.** Отрывки из автобиографии Василия Петровича Белокопытенка / М. Номис. — С. 35–64. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 35⟩.

---

[40] Ист. атриб.: *Пирожкова*. С. 153.

Отд. II: Науки

266.* **Новиков Е. П.** Гус и Лютер: (Окончание). Глава VI. Характеристика Гуса и Лютера, взаимное отношение одного к другому и к своему племени. Участие последнего в их духовном развитии, и насколько каждый был представителем оного / Е. Новиков. — С. 1–116.

267.*[41] **Погодин М. П.** Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? ⟨2 окт. 1858⟩ / М. Погодин. — С. 117–160. Приложения: Постановления о крестьянах ⟨(1550–1607)⟩. — С. 161–172.

268.* **Сакович П. М.** Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год: (Окончание). ⟨Глава IV⟩ / Сакович. — С. 173–215.
⟨Вклейка между с. 260 и 3-й с. обл.:
Черт. III. Объяснение эволюции 2-й бригады;
Черт. IV. Объяснение эволюции 3-й бригады;
Черт. V. Объяснение эволюции 4-й бригады (везде подписи: «Генерал-поручик Александр Суворов, секунд-майор Василий Буйносов»);
Черт. VI. [Проект генерал-поручика Ржевского, 6 нояб. 1777]⟩.
Приложения:
I. **Екатерина II**. Рескрипт графу Румянцеву-Задунайскому 11-го февраля 1778-го года / ⟨В конце текста:⟩ На подлинном написано: «Екатерина». — С. 216–220.
II. **Суворов А. В.** Приказ, отданный генерал-поручиком Суворовым по войскам Кубанского корпуса 16-го мая 1778 года и повторенный в Крыму, из лагеря на р. Каче, в июне того же года. — С. 220–229.
III. **Суворов А. В.** Инструкция генерал-поручика Суворова, данная в Крыму 16-го мая 1778-го года. С. 229–236.
IV. **Сакович П. М.** О границах наших на Украйне, Украинских линиях и поселениях до 1774 года / Сакович. — С. 236–258.
V. **Табель государственных расходов на 1768 год** / ⟨С пометкой на с. 259: «По требованию Комиссии о сочинении проекта нового уложения о непременных и главных государственных расходах сообщается из Сената следующее известие⟩. — С. 259–260.

---

[41] Отд. отт. под назв.: Ответ г. Костомарову: (По поводу статьи: «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?»). М., 1858. ⟨2⟩, 56 с.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Часть вторая

Отд. III: Критика

269. **Беляев И. В.** Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года: (По поводу 92—122 страниц VII-го тома «Истории России» г. Соловьева) ⟨10 окт. 1858⟩ / Ил. Б—в. — С. 1–34.

270. **Беляев И. Д.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. Сочин. В. Лешкова. Моск⟨ва⟩, в Университетской типографии, 1858 года / Ив. Беляев. — С. 35–72.

Отд. IV: Обозрение

271. **Гильфердинг А. Ф.**[42] Западные славяне / ***. — С. 1–64. ⟨Редакц. предуведомление на с. 1, примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 5, 8, 12, 39, 50, 55, 59; впервые издано брошюрой на франц. языке: Les slaves occidentaux. Paris, 1857; то же впоследствии переизд. под назв. «Развитие народности у западных славян»; с. 64 ошибочно помечена: 28⟩.

272. **Черкасский В. А., кн.** Два слова о Восточном вопросе / Кн. В. Черкасский. — С. 65–92.

Отд. V: Смесь

273.* **Попов А. Н.** О построении корабля «Орла» в государствование Алексея Михайловича / А. Попов. — С. 1–18.

274. **Надеждин Н. И.** Георгий Черный, по рассказам очевидцев ⟨1847⟩ / Н. Надеждин. — С. 19–50. ⟨Редакц. примеч. на с. 19⟩.

275.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨VII–IX⟩ ⟨2 окт. 1857⟩ / А. Гильфердинг. — С. 51–80.

276. **Смоляр И. Е.** Голос заграничного книгопродавца об устройстве русской книжной торговли: (Письмо г. А. И. Кошелеву) ⟨нач. июня 1858, «Бауцен (Будышин) в Саксонском королевстве»⟩ / ⟨В конце текста авт.:⟩ И. Е. Смоляр, серб лужицкий, книгопродавец; ⟨Пер.

[42] Ист. атриб.: *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч.: ⟨В 4 т.⟩. М., 1868. Т. II: Статьи по современным вопросам славянским. С. 53.

с нем.⟩. — С. 81–102. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 82, 94, 99, 102⟩.

277. **Ламанский В. И.** Несколько слов об отношениях русских к грекам / В. Ламанский. — С. 103–140. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 137⟩.

278. **Аксаков К. С.** О повести г-жи Кохановской «После обеда в гостях» в 16 № «Русского вестника»[43] / К. Аксаков. — С. 141–144.

279. **Антонин (Капустин), архим.** Письмо из Афин по поводу статьи Любителя римской письменности о переводе римских классиков: (Во 2 № «Атенея» 1858 г.) ⟨19 авг. 1858, «Афины (а не Атены)»⟩ / ⟨В конце текста авт.:⟩ Любитель римской письменности № 2. — С. 145–154. ⟨Об издании А. С. Клеванова «Библиотека римских писателей в русском переводе» (М., 1857–1858. Вып. I–VI); полемика с «Любителем римской письменности», авт. рецензии «Новый перевод римских классиков», опубл. в журн. «Атеней» (1858. № 2. С. 109–118)⟩.

280. **Аксаков И. С.** ⟨?⟩ Примечание редакции[44] («Мы получили это письмо из Афин...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 152–154. ⟨С публ. заметки К. С. Аксакова «по поводу перевода Летописи Тацита, недавно изданного»⟩.

Оглавление статьям, помещенным в «Русской беседе» за 1858 год. — С. I–IV.

281. **Иноземцев Ф. И, Смирнов С. А.** Об издании в 1859 году «Московской медицинской газеты» / ⟨В конце текста авт.:⟩ Редакторы: профессор Ф. Иноземцев, доктор С. Смирнов. — С. ⟨V⟩.

⟨Краткий анонс материалов следующих книг «Русской беседы». — С. [VI]⟩

282. **Аксаков И. С.** Об издании в 1859 году газеты «Парус» / Редактор И. Аксаков. — С. ⟨VII⟩.[45]

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 3-я с. обл.

---

[43] В оглавлении назв. имеет продолжение: «...1858 года».

[44] Назв. в оглавлении: *Аксаков К. С.* Заметка по поводу перевода г. Кронебергом Летописи Кая Тацита.

[45] Данное объявление учтено по оглавлению, его не удалось просмотреть de vizu.

1859 год

Книга I (XIII) ⟨ц. р. 26.01.1859; цензор Н. П. Гиляров-Платонов⟩

Оглавление. — С. I–II.
Опечатки. — С. II.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

283. I. **Хомяков А. С.** Суд Божий («Глас Божий: „Сбирайтесь на праведный суд...“») ⟨март 1854⟩ / А. Хомяков. — С. 1–2;
284. II. **Тютчев Ф. И.** «Осенней позднею порою...» ⟨22 окт. 1858, Царское Село⟩ / Ф. Тютчев. — С. 2–3.
285. III. **Одоевский А. И.** На смерть П. П. Ко.... 1831 («На грозном приступе, в пылу кровавой битвы...») ⟨1832⟩ / А. И. Одоевский. — С. 3–4. ⟨Посвящено декабристу Петру Петровичу Коновницыну (1802–1830)⟩.
286.* IV. **Толстой А. К., гр.** Иоанн Дамаскин («Любим калифом Иоанн...») / Гр. А. Толстой. — С. 5–30.
287. **Аксаков С. Т.** Встреча с мартинистами: (Воспоминание из петербургской жизни) ⟨дек. 1858, Москва⟩ / С. Аксаков. — С. 31–76.
288. **Бартенев П. И.** ⟨Предисловие («В 1808 году, в предисловии к собранию своих сочинений, Державин обещал публике написать примечания к ним...») / Без подписи⟩. — С. 3–4.
289.* **Державин Г. Р.** Записки Державина: Записка из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающая в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. — С. 1, 5–48. ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 5–12, 14, 15, 17–21, 26, 27, 31–35, 43–44, 47⟩.

Отд. II: Науки

290. **Хомяков А. С.** О современных явлениях в области философии: (Письмо к Ю. Ф. Самарину) / А. Хомяков. — С. 1–32.
291. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси: (Первое время) / И. Беляев. — С. 33–86.
292.* **Клун В. Ф.** Словенцы: Очерк истории их словесности: ⟨[Предисловие]; А. Язык и грамматика; В. XVI век⟩ ⟨«Лихтенштейг, в Швейцарии»⟩ / Д-р Клун. — С. 87–120. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 91, 94, 96⟩.

Отд. III: Критика

293. **Иванцов-Платонов А. М., свящ.** О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. Статья первая / А. И.-П.[46] — С. 1–46. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 42—43⟩.

294. **Гиляров-Платонов Н. П.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Современные идеи православны ли? С.-Петербург, 1858 г., ст. 1-я и 2-я ⟨28 дек. 1859, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 47–56. ⟨Отрицат. отзыв о брошюрах И. Г. Кульжинского «О преобразованиях и улучшениях в духе святого Православия» и Н. Баркова «Горе от безумия», объединенных серийным назв. «Современные идеи православны ли?»⟩.

Отд. V: Смесь

295. **Ненадович М. А, прот.** Записки протоиерея Матвея Ненадовича / ⟨Без указания публикатора и переводчика Х. С. Даскалова⟩.[47] — С. 1–52. ⟨Примеч. *Перев.* [Х. С. Даскалова] на с. 1–4, 16, 17, 23, 24, 27, 31, 32, 34–38, 40, 45–47, 49, 51⟩.

296. **Погодин М. П.** Отрывки из писем, о положении славян в Европе, М. П. Погодина к министру народного просвещения по возвращении из путешествия в 1839 и 1842 гг. ⟨Письма первое — второе⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 53–88. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 53, 58, 59, 61, 62, 74, 81, 83, 84, 86⟩.

297. **Тулов М. А.** Что может способствовать успеху наук в России. II / М. Т. — С. 89–98.

298.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨X–XIII⟩ / А. Гильфердинг. — С. 99–138. ⟨С публ. на с. 125–132 прозаич. пересказа двух нар. сказаний о Косовской битве⟩.

299. **Миличевич М.** Рассказ очевидца о Скупштине: (Письмо в редакцию «Русской беседы») ⟨28 дек. 1858, Белград⟩ / М. Миличевич; ⟨пер. с серб. М. П. Петровского⟩.[48] — С. 139–156. ⟨Примеч. *Пер.* [М. П. Петровского] на с. 151⟩.

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 3-я с. обл.

---

[46] В обозначении криптонима допущена очевидная опечатка: А. И.-Ц. В рукописи Иванцов-Платонов подписался, конечно же, своими инициалами — *А. И.-П.* (сходная опечатка — в оглавлении к кн. II (X) за 1858 г. при указании на свящ. Е. Н. Попова: *Е. Н. Ц.*).

[47] Ист. атриб.: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелева. С. 22.

[48] Ист. атриб.: Список всего (?) ⟨так!⟩, напечатанного М. П. Петровским // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1912 год, составленный академиком Н. А. Котляревским. СПб., 1912. Прил. С. 34.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга II (XIV) ⟨ц. р. 20.03.1859; цензор А. Н. Драшусов⟩

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 2-я с. обл.
Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

300. I. **Баратынский Е. А.** «Спасибо злобе хлопотливой...» / Е. Баратынский. — С. 1. ⟨Редакц. примеч. на с. 1⟩.
301. II. **Хомяков А. С.** «Подвиг есть и в сраженьи...» ⟨1859⟩ / А. Хомяков. — С. 2.
302. **Одоевский А. И.** ⟨Два стихотворения:⟩
   III. Два образа («Мне в ранней юности два образа предстали...») ⟨1832⟩ / А. И. Одоевский. — С. 2–4.
   IV. Далекой путь («По дороге столбовой...») ⟨1831⟩ / А. И. Одоевский. — С. 4–5.
303. **Толстой А. К., гр.** ⟨Три стихотворения:⟩
   V. «Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!..» / Гр. А. Толстой. — С. 5.
   VI. «Сижу да гляжу я все, братцы, вон в эту сторонку...» / Гр. А. Толстой. — С. 5.
   VII. И. С. Аксакову («Судя меня довольно строго...») / Гр. А. Толстой. — С. 6–7.
304. VIII. **Саллет Ф. фон.** Старые листья (из Саллета) / ⟨В конце текста переводчик:⟩ К. П. ⟨К. П. Победоносцев⟩. — С. 7–8.
305. **Бицын (Павлов) Н. М.** Годы в школе (184... года). ⟨Глава I. Поступление; Глава II. Первое время⟩ / Н. Бицын. — С. 9–48.
306.* **Державин Г. Р.** Записки Державина. — С. 49–120. ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 49–51, 53—55, 57–61, 63–64, 67, 68, 70–71, 74, 78, 80–82, 84–87, 89, 93, 95, 96, 98, 103–105, 107–109, 111–113, 116–119⟩.

Отд. II: Науки

307. **Певницкий В. Ф.** Недостаток и потребность современного естествознания ⟨Киев⟩ / В. Певницкий. — С. 1–38. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 20⟩.

308. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси: (Первое время) / И. Беляев. — С. 39–94.
309.* **Клун В. Ф.** Словенцы: Очерк истории их словесности. С. XVII-й и XVIII-й век ⟨«Лихтенштейг в Швейцарии»⟩ / Д-р Клун. — С. 95–126.
310. **Гильфердинг А. Ф.** Греческая служба Св. Первоучителям Славянским и Житие Св. Наума Болгарского / А. Гильфердинг. — С. 127–144. ⟨С публ. на с. 129–134 и 136–144 названных произведений на языке оригинала с парал. переводом⟩.

Отд. III: Критика

311. **Де-Пуле М. Ф.** Тысяча душ: Роман в четырех частях А. Писемского. Издание Д. Е. Кожанчикова. С.-Петербург. 1858 ⟨8 февр. 1859, Воронеж⟩ / М. Де-Пуле. — С. 1–16.
312. **Аксаков К. С.** Примечание от редакции / ⟨Без подписи⟩. — С. 17–20.

Отд. IV: Обозрение

313.* **Дестунис Г. С.** Обозрение деятельности независимых греков в 1858 году ⟨нояб. и дек. 1858, янв. 1859, С.-Петербург⟩ / Гавриил Дестунис. — С. 1–36.

Отд. V: Смесь

314. **Ненадович М. А., прот.** Записки протоиерея Матвея Ненадовича: (Продолжение) / ⟨Без указания публикатора и переводчика Х. С. Даскалова⟩. — С. 1–56. ⟨Примеч. *Переводчика* [Х. С. Даскалова] на с. 4, 5, 8, 10, 12–14, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 31, 34, 39, 47, 50, 54⟩.
315.* **Гильфердинг А. Ф.** Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову). ⟨XIV–XVI⟩ / А. Гильфердинг. — С. 57–104.
316. **Черкасский В. А., кн.** Несколько слов по поводу книги «История печати в Англии и Соединенных Штатах» Кюшеваль-Клариньи. Париж, 1857 года. (Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats Unis, par Cucheval-Clarigny) ⟨10 янв. 1859, Тула⟩ / Кн. Вл. Черкасский. — С. 105–114.
317. **Попович В.** О «Болгарских книжицах» / В. По́пович. — С. 115–139. ⟨С публ. на с. 122–124 перечня статей, помещ. в № 1–9 «Български книжиц» за 1859 г., и стихотворения неназванного авт. «И днеска слънце игрява...» («Опять блеснуло солнце...») на болгар. яз. с парал. переводом⟩.

318. **Миличевич М.** Письмо из Белграда ⟨1 февр. 1859, Белград⟩ / М. Миличевич; ⟨пер. с серб. М. П. Петровского (?)⟩. — С. 140–145.
319. **Аксаков И. С.** Примечание от редакции («Мы не согласны с г. Миличевичем...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 146–150.
320. **Дестунис Ю. С.** Голос грека в защиту Византии / Юрий Дестунис. — С. 151–158.
321. **Хомяков А. С.** От редакции. По поводу предыдущей статьи («„Русской беседе“ дорога всякая народность...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 158–164.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу» и «Сельское благоустройство»⟩. — 4-я с. обл.

Книга III (XV) ⟨ц. р. 18.05.1859; цензор А. Н. Драшусов⟩

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 2-я с. обл.
Оглавление. — С. I–II.
322. **Аксаков И. С.** ⟨?⟩ ⟨О кончине С. Т. Аксакова[49] («В ночь с 29 на 30 апреля 1859 года скончался...») / Без подписи⟩. — С. I.
323. **Хомяков А. С.** Сергей Тимофеевич Аксаков / А. Хомяков. — С. I–VIII.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

324. I. **Пушкин А. С.** Неизданное стихотворение А. С. Пушкина («Страдалец произвольной муки...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 1. ⟨Редакц. примеч. на с. 1⟩.
325. II. **Языков Н. М.** Неизданное стихотворение Н. М. Языкова: К..... («Сияет яркая, полночная луна...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 2–3. ⟨Обращено к Александре Андреевне Воейковой (урожд. Протасова; 1797–1829)⟩.
326. III. **Одоевский А. И.** Я—у, разделившему со мною ветку с могилы Лауры («В странах, где сочны лозы виноградные...») ⟨1827⟩ / А. И. Одоевский. — С. 3. ⟨Обращено к Адольфу Михайловичу Янушкевичу (1803–1857)⟩.
327. IV. **Хомяков А. С.** «Поле мертвыми костями...» ⟨апр. 1859⟩ / А. Хомяков. — С. 4.

---

[49] Такое название дано заметке в общем оглавлении за 1859 г., в кн. VI (XVIII).

328. **Шевченко Т. Г.** Два малороссийских стихотворения:
V. Вечір: (А. И. Лазаревской) («Садо́к вишне́вый коло ха́ти...»). — С. 4–5.
VI. Сон: (Марку Вовчку) («На па́нщині пшеницю жа́ла...») / Т. Ш. — С. 5–6.
329. VII. **Батеньков Г. С.** Одичалый («Я прежде говорил „прости!"...») ⟨«18... года. Крепость в Финляндии»[50]⟩ / —о—е—а. — С. 6—12.
330. **Петровский М. П.** ⟨Переводы и оригинальное (?) стихотворение:⟩
VIII. **Прерадович П.**[51] Заря («Полночь минула — что будит...») / ⟨Авт. не назван; в конце текста указание на переводчика:⟩ С хорватского М. П. — С. 12–13.
IX. **Крашевский И. И.**[52] Славянский поэт русскому («Пой, молодой певец! твой не напрасен труд...») / ⟨Авт. не назван; в конце текста указание на переводчика:⟩ С польского неизданного подлинника (1850 г.) *М. П.* — С. 13–14.
X. **Петровский М. П.** ⟨?⟩ «Безумец! для чего нам знать твои страданья...» / М. П. — С. 14–16.
331. **Жуковский В. А.** Письмо В. А. Жуковского о браке его с девицею фон Рейтерн, писанное в Дюссельдорфе, с 10 августа по 5 сентября 1840 года и посланное в Муратово к Е⟨к⟩. Аф. Протасовой и ко всем родным / ⟨Без подписи⟩. — С. 17–42.
332. **Марко Вовчок.** Маша: (Посвящается С. Т. Аксакову) / Марко Вовчок. — С. 43–56.
333. **Бицын (Павлов) Н. М.** Годы в школе (184.... года). Глава III. Больница / Н. Бицын. — С. 57–74.
334.* **Державин Г. Р.** Записки Державина. — С. 121–188. (С. 136–159 и 161–188 ошибочно помечены соответственно: 236–259 и 261–288, а 160–360.) ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 121–126, 130–137, 140, 142–144, 146–150, 154–155, 159, 160, 163–168, 170, 173, 183, 187⟩.

[50] В рукописи вместо этой редакц. пометки было: «1827 года май. Сварет Гольм, крепость в Финляндии». См.: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелева. С. 25.

[51] Ист. атриб.: *М. П—ий ⟨Петровский М. П.⟩.* Отголоски славянской поэзии. С. 83–84.

[52] Ист. атриб.: Поэзия славян: Сб. лучших поэтич. произведений славян. народов в переводах рус. писателей / Изд. под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871. С. 518.

Отд. II: Науки

335. **Гиляров-Платонов Н. П.** Рационалистическое движение философии новых времен: Очерк ⟨1846, 4 мая 1859, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 1–64.
336. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси: (Последующее время): Крестьяне, прикрепленные к земле / И. Беляев. — С. 65–104.
337.* **Гильфердинг А. Ф.** Письма об истории сербов и болгар. Период второй[53] (976—1019). ⟨I–III⟩ / А. Гильфердинг. — С. 105–160.

Отд. III: Критика

338. **Гиляров-Платонов Н. П.** ⟨Рец. на кн.:⟩ История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Том I, II и III. Спб., 1857 г., в 12 ⟨5 янв. 1858, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 1–36.

Отд. IV: Обозрение

339. **Веселовский В. И.** Очерки современной польской литературы и журналистики ⟨20 февр. 1859, Вильно⟩ / В. Веселовский. — С. 1–66. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 38–40, 64⟩.
340. **Петровский М. П.** Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии / М. П—ий. — С. 67–100.
341. **Погодин М. П.** Итальянский вопрос: (Писано до войны) ⟨18 февр. 1859⟩ / М. Погодин. — С. 101–126. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 117, 124–125⟩.

Отд. V: Смесь

342. **Euro Петкович К. Д.** Исторический очерк Сербской Православной общины в Рагузе / К. Петкович. — С. 1–20.
   Приложения:
   (1) Из рукописи, хранящейся в библиотеке францисканского монастыря в Рагузе: ⟨О борьбе православия и католичества в крае с XIV в.⟩. — С. 14. ⟨На итальянском языке⟩.
   (2) **Бенедикт XIII.** Грамота папы Бенедикта XIII к рагузинцам, от 24 декабря 1742 года. — С. 14–15. ⟨На латыни⟩.
   (3) **Дионисий Ремеделли.** Pro memoria presentato dal P. Dionisio Remedelli a S. M. J. R. A. ai 3 Maggio 1775. — С. 15–17. ⟨На итальянском языке⟩.

---

[53] Воспроизводим примечание автора: «Первая часть этих Писем была помещена в „Московских ведомостях" 1854–55 гг. и отпечатана из них отдельными оттисками» (с. 105).

(4) **Заборовский И. А.** Письмо генерал-губернатора Забровского к ректорам и сенаторам Рагузской республики, от 20 марта 1788. — С. 17–18. ⟨На итальянском языке⟩.

(5) **Воронцов А. Р.** Депеша государственного канцлера, графа Воронцова к генеральному консулу в Рагузе, от 30 ноября 1803 года. — С. 18–19. ⟨На французском языке⟩.

(6) **Воронцов А. Р.** Письмо государственного канцлера, графа Воронцова ректору и советникам Рагузской республики, от 23 июля 1803 года. — С. 19–20. ⟨На французском языке⟩.

343. **Дестунис Н. А.** Чему мы, женщины, учились? ⟨нояб. 1858⟩ / Надежда Д. — С. 21–50. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 47⟩.

344–345. **Павлович С., Родолюбец ⟨Родониевич?⟩.**[54] Сербская церковная музыка и сербский композитор Корнелий Станкович: (Два письма в редакцию из Вены):

I. **Павлович С.** «Недавно здесь вышла в свет следующая книга...» ⟨1 февр. 1859⟩ / С. Павлович; ⟨пер. с серб. М. П. Петровского (?)⟩. — С. 51–57 ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 52, 53, 56⟩;

II. **Родолюбец ⟨Родониевич?⟩.** «От берегов Дуная до Бояны, от прибрежья Далматинского до пределов Болгарии...» ⟨7 февр. 1859⟩ / Родолюбец; ⟨пер. с серб. М. П. Петровского (?)⟩. — С. 57–64.

346. **Гиляров-Платонов Н. П.** О повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов» («Рус. вест.». 1859 г. Март, книга 1) ⟨13 мая 1859, Москва⟩ / Н. Г—в. — С. 65–86.

⟨Объявление о продаже 14 книг «прекратившегося издания» «Сельское благоустройство»⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга IV (XVI) ⟨ц. р. 3.07.1859; цензор А. Н. Драшусов⟩

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–IV.

---

[54] Некто Родониевич указывается в числе привлеченных «к участию в журнале ⟨...⟩ ученых и литераторов из славянских стран» в изд.: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепаховой. М., 1959. С. 340.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

347. I. **Жуковский В. А.** Неизданное стихотворение Жуковского («Друзья, „прости“ — словцо святое...» / ⟨Без подписи⟩. — С. 1–2.
348. II. **Аксаков К. С.** Советы («На время удались от бесполезных споров...») ⟨1847⟩ / К. Аксаков. — С. 2–4.
349. **Толстой А. К., гр.** ⟨Пять стихотворений:⟩
 III. «Есть много звуков в сердца глубине...» / Гр. А. Толстой. — С. 4.
 IV. «К страданиям чужим ты жалости полна...» / Гр. А. Толстой. — С. 5.
 V. «О, если б ты могла хоть на единый миг...» / Гр. А. Толстой. — С. 5.
 VI. Из крымских очерков («Туман встает на дне стремнин...») / Гр. А. Толстой. — С. 5–6.
 VII. Из крымских очерков («Обычной полная печали...») / Гр. А. Толстой. — С. 7.
350. VIII. **Языков Н. М.** Неизданное стихотворение Н. М. Языкова: А. Н. Вульфу (Не называй меня поэтом!..») / ⟨Без подписи⟩. — С. 7–10.
351. IX. **Одоевский А. И.** Славянские девы («Нежны и быстры ваши напевы!..») / А. И. Одоевский. — С. 10–11.
352. X. **Павлова К. К.** А. Д. Б—ой («Писали под мою диктовку...») ⟨сент. 1858, С.-Петербург⟩ / К. Павлова. — С. 11. ⟨Послание обращено к фрейлине Анне Давыдовне Баратынской (урожд. Абамелек; 1816–1889)⟩.
353. XI. **Яблонский Б.**[55] «Много, сын мой, разных книг...» / ⟨Авт. не назван; в конце текста указание на переводчика:⟩ С чешского М. П. ⟨М. П. Петровский⟩. — С. 12.
354. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Из «Книги об умирающих». I. Госпожа Падейкова / Н. Щедрин. — С. 13–32.
355. **Бицын (Павлов) Н. М.** Годы в школе. ⟨Глава IV. Классы и репетиции; Глава V. Надзиратели и товарищи; Глава VI. Нравы и обычаи⟩ / Н. Бицын. — С. 33–96.
356.* **Державин Г. Р.** Записки Державина. — С. 289–388. ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 289, 292, 293, 295–302, 305–307,

---

[55] Ист. атриб.: *М. П—ий ⟨Петровский М. П.⟩.* Отголоски славянской поэзии. С. 50, 60.

309, 312, 314–316, 318, 319, 322, 327, 329, 331, 333, 338, 340, 341, 350, 353, 358, 360–362, 367, 369, 370, 378–382, 384, 386⟩.

Отд. II: Науки

357. **Войтковский В. М., свящ.** Об унии венгерских русинов ⟨16 февр. 1859⟩ / О. В. ⟨т. е. «О[тец] В[ойтковский]»; в конце текста также указано в круглых скобках:⟩ Прислано в редакцию из Венгрии. — С. 1–50.

358. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси: Крестьяне в царствование царя Алексея Михайловича / И. Беляев. — С. 51–112.

359.* **Гильфердинг А. Ф.** Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976—1019). ⟨IV–VI⟩ / А. Гильфердинг. — С. 113–186. Приложение:

Гильфердинг А. Ф. Старинные поселения славян на греческой земле / ⟨Без подписи⟩. — С. 187–210.

Отд. III: Критика

360. **Кокошкин Ф. Ф.**[56] Семейная община южных славян: Соч. Г. Утешеновича: (Die Hauscommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker — und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes, von Og. M. Utiešenovič. Wien, 1859 г.) ⟨11 мая 1859⟩ / К. — С. 1–32.

Отд. IV: Обозрение

361. **Победоносцев К. П.** Обозрение современного русского законодательства: XXXI том Полного собрания законов Российской империи / ⟨Без подписи⟩. — С. 1–12.

362.* **Погодин М. П.** Два слова по поводу современных обстоятельств ⟨18 июня, 4 июля 1859⟩ / М. Погодин. — С. 13–20.

Отд. V: Смесь

363. **Аксаков И. С.** Путевые письма из Новгородской губернии: От редакции / ⟨Без подписи⟩. — С. 1–4.

---

[56] Ист. атриб.: *Бартенев П.* Полный азбучный указатель к «Русской беседе»... Стб. 1052. Однако Н. П. Колюпанов автором рецензии называет некоего Коколекина: *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы»... С. 145. Но, вполне возможно, что это неверно прочитанная по рукописи фамилия «Кокошкин».

364. **Якушкин П. И.** Путевые письма из Новгородской губернии ⟨29 нояб. 1858, Тверь — 16 янв. 1859, Новгород⟩ / П. Якушкин. — С. 4–76. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 24–26⟩.
365. **Дмитриев-Мамонов Э. А.** Значение византийской живописи в истории искусства / Э. Д.-М. — С. 77–97.
366. **Хомяков А. С.**[57] От редакции («Помещая эту статью, замечательную...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 97–98.
367. **Фатеев А. М.** День сдачи венгров: (Из воспоминаний о походе в Венгрию, в 1849 г.) / А. Фатеев. — С. 99–106. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 100⟩.
368. **Погодин М. П.** Австрия: (Писано в августе 1854 года): ⟨Отрывки из писем к министру народного просвещения⟩[58] / М. Погодин. — С. 107–114. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 107, 110⟩.

⟨Объявление о продаже 14 книг «прекратившегося издания» «Сельское благоустройство»⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга V (XVII) ⟨ц. р. 26.09.1859; цензор А. Н. Драшусов⟩

Отд. I: Изящная словесность

Оглавление. — С. I–II.

Стихотворения:

369. I. **Хомяков А. С.** Спи! («Днем наигравшись, натешившись, к ночи забылся ты сном...») / А. Хомяков. — С. 1.
370. II. **Языков Н. М.** Два неизданные стихотворения Н. М. Языкова:
   ⟨1.⟩ «Я помню: был весел и шумен мой день...» — С. 1–3;
   2. К баронессе Е. Н. В. («Я помню вас! Вы неизменно...») ⟨11 нояб. 1845⟩ / ⟨Без подписи⟩. — С. 3–4. ⟨Послание адресовано бар. Евпраксии Николаевне Вревской (урожд. Вульф; 1810–1883)⟩.
371. III. **Победоносцев К. П.** Вечная память: (Посвящается памяти Н. В. Шеншина):
   1. «Вчера я беседовал с вами, друзья...» — С. 5;
   2. «Не говори мне слов мирского утешенья...» — С. 6;
   3. «Житейское море...» / К. П. — С. 7.

---

[57] Ист. атриб.: *Хомяков*. Т. III. С. 376.

[58] В качестве подзаголовка приведено название, данное заметке в общем оглавлении за 1859 г., в кн. VI (XVIII).

372. IV. **Аксаков И. С.** Из стихотворений прежнего периода:[59]
⟨1.⟩ «Зачем душа твоя смирна?..» ⟨1848⟩. — С. 8–9.
⟨2.⟩ Отдых «В жизни путь предназначив себе...» ⟨1848⟩. — С. 9–11;
⟨3.⟩ Моим друзьям: (Честным людям, состоящим в государственной службе) («В среде бездушной, где закон...») ⟨1851, Ярославль⟩. — С. 11–12;
⟨4.⟩ «Опять тоска! опять раздор!..» ⟨1853⟩ / И. Аксаков. — С. 12–14.
373. **Бицын (Павлов) Н. М.** Годы в школе. Глава VII. Экзамены и вакансия / Н. Бицын. — С. 15–48.
374.* **Державин Г. Р.** Записки Державина. — С. 389–502. ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 391, 393–396, 398–400, 405, 406, 411, 422, 427, 429, 438, 439, 452, 468, 494 (*Ред.*), 502; вклейка между с. 502 и 503: [«Фототипическое изображение л. 318 из рукописи Державина»]⟩.

Отд. II: Науки

375. **Хомяков А. С.** Несколько слов о глаголице: (Письмо к К. С. Аксакову) / А. Хомяков. — С. 1–12.
376. **Беляев И. Д.** Крестьяне на Руси / И. Беляев. — С. 13–78.
377. **Кулиш П. А.** Климентий, украинский стихотворец времен гетмана Мазепы ⟨19 янв. 1859, С.-Петербург⟩ / П. Кулиш. — С. 79–140. ⟨С публ. стихотворений Климентия на языке оригинала; примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 80⟩.

Отд. III: Критика

378. **Гильфердинг А. Ф.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Дух народа србскогъ от Іована Хаџића. У Карловцы, 1858 / А. Гильфердинг. — С. 1–10. ⟨В оглавлении название книги дано в переводе: Дух народа сербского, от Иована Хаджича⟩.
379. **Аксаков И. С.** ⟨От редакции («Статья г-жи Кохановской, написанная в 1857 году...») / Без подписи⟩. — С. 11.
380.* **Кохановская (Соханская) Н. С.** Степной цветок на могилу Пушкина ⟨1857, «Малороссия. Хуторок Макаровка»⟩ / Кохановская. — С. 11–64.

---

[59] Воспроизводим подстрочное примеч.: «Это значит — до 1855 года» (с. 8).

381. **Аксаков К. С.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Опыт исторической грамматики русского языка Ф. Буслаева. Москва, 1859 года. 2 части / К. Аксаков. — С. 65–154.

Отд. IV: Смесь

382. **Ковалевский Е. П.** Путевые записки о славянских землях. ⟨Главы VII–XII⟩ / Е. Ковалевский. — С. 1–38.
383.* **Бессонов П. А.** Типографская библиотека в Москве: Исторический очерк / П. Бессонов. — С. 39–103.
384. **Аксаков И. С.** От редакции: ⟨Примечание к статье г. Бессонова о Типографской библиотеке⟩[60] / ⟨Без подписи⟩. — С. 104–105.
385. **Погодин М. П.**[61] Историческое замечание ⟨15 сент. 1859⟩ / М. Погодин. — С. 106. ⟨Гипотеза о славянском прошлом Датских островов⟩.
386. **Аксаков И. С.** Проницательность и усердие псковской полиции. От редакции / ⟨Без подписи⟩. — С. 107–108.
387. **Якушкин П. И.** Проницательность и усердие псковской полиции: (Письмо к редактору «Р⟨усской⟩ беседы») / Павел Якушкин. — С. 109–122.
388. **Селезнев И. Я.**[62] ⟨?⟩ Литературное приглашение / ⟨Без подписи⟩. — С. 123. ⟨Призыв присылать воспоминания для составления истории Александровского лицея⟩.

⟨Объявление о продаже 14 книг «прекратившегося издания» «Сельское благоустройство»⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

Книга VI (XVIII) ⟨ц. р. 24.11.1859; цензор А. Н. Драшусов⟩

⟨Рекламное объявление о продаже книг⟩. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

---

[60] В качестве подзаголовка приводим название данной заметки из оглавления.

[61] Н. П. Колюпанов, вопреки имеющейся авторской подписи Погодина, атрибутирует эту заметку М. П. Петровскому (см.: *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы»... С. 147).

[62] Атрибутируется нами предположительно бывшему библиотекарю Александровского лицея, автору вышедших в тот период обстоятельных книг: 1) Материалы для истории лицея. ⟨СПб.⟩, 1856; 2) Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского, лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год / Составлено по предложению Совета лицея. СПб., 1861.

Отд. I: Изящная словесность

Стихотворения:

389. I. **Хомяков А. С.** «Помнишь, по стезе нагорной...» / А. Хомяков. — С. 1–2.
390. II. **Аксаков И. С.** Из стихотворений прежнего периода: «Пусть сгибнет все, к чему сурово...» ⟨1849⟩ / Ив. Аксаков. — С. 2–3.
391. **Толстой А. К., гр.** ⟨Три стихотворения:⟩
   III. **Байрон Дж. Г.** Из Байрона («Ассирияне шли, как на стадо волки...») / ⟨В конце текста переводчик:⟩ Гр. А. Толстой. — С. 3–4. ⟨В оригинале: The destruction of Sennacherib⟩.
   IV. **Толстой А. К., гр.** «Исполать тебе жизнь — баба старая...» / Гр. А. Толстой. — С. 4–5.
   V. **Толстой А. К., гр.** «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» / Гр. А. Толстой. — С. 5–6.
392. VI. **Грот Я. К.** Царское Село («Как чуден ты, приют царей...») ⟨1858, Царское Село⟩ / Я. Грот. — С. 6–8.
393. VII. **Рунеберг Й. Л.** Скальд: (Из Рунеберга) («В тиши полей он утро жизни вел...») ⟨1839, С.-Петербург⟩ / ⟨В конце текста переводчик:⟩ Я. Грот. — С. 9–10.
394. VIII. **О Горе и Веселье и о Царе разуме:** (Стих, найденный в рукописи) («Горе горемычное на гору идет...») / ⟨Публ. П. А. Бессонова⟩. — С. 11–18.
395. **Бессонов П. А.** Заметка к Стиху о Горе ⟨2 нояб. 1859⟩ / П. Бессонов. — С. 18–24.
396. **Бессонов П. А.** Вторая дополнительная заметка к Стиху «О Горе» ⟨19 нояб. 1859⟩ / П. Б. — С. 25–26.
397. **Бицын (Павлов) Н. М.** Годы в школе. ⟨Глава VIII. Следующие годы; Глава IX. Выход⟩ / Н. Бицын. — С. 1–38.
398. **Фатеев А. М.** Рассказы отставного солдата / А. Фатеев. — С. 39–58.
399. **Аксаков И. С.** ⟨?⟩ От редакции («Нам случайным образом попалась в руки записка под заглавием „Судьба принцессы Таракановой“, составленная в России одним трудолюбивым изыскателем, в 20-х годах нынешнего столетия...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 59–60.
400. **Принцесса Тараканова:** (Несколько данных для ее истории):
   I. **Роккотани Фр., аббат.** Известие о пребывании в Риме в 1774 и 1775 годах неизвестной принцессы, именовавшей себя дочерью

российской императрицы Елисаветы Петровны: (Извлечено из писем аббата Рокотани). — С. 61–69;

II. **Орлов-Чесменский А. Г., гр.** ⟨Донесения императрице Екатерине II / Без подписи:⟩

⟨1.⟩ Донесение графа Алексея Григорьевича Орлова императрице Екатерине из Пизы от 5/16 января 1774. — С. 69–70;

⟨2.⟩ Донесение его же от 27 сентября. — С. 70–71;

⟨3.⟩ Донесение его же из Пизы от 24 декабря. — С. 71–73;

⟨4.⟩ Донесение его же из Ливорно от 14/25 февраля 1775. — С. 73–76.

III. **Екатерина II**. Рескрипт императрицы Екатерины II контр-адмиралу Грейгу собственноручный ⟨16 мая 1775, «из села Коломенского в семи верстах от Москвы»⟩ / Екатерина. — С. 76.

401. **Попович В**. Отрывок из рассказов моей матери: Поездка в виноградник: (Болгарская повесть): Посв. А. В. Рачинскому ⟨1859, Москва⟩ / ⟨В конце текста авт.:⟩ В. По́ппович, болгарин, студент Московского университета. — С. 77–102.

Отд. II: Науки

402. **Грот Я. К**. Мысли Якова Гримма о национальном словаре / Я. Грот. — С. 1–52.

403. **Арсений (Иващенко А. И.), иером**. Судьба православной Греко-Италийской Церкви: Исторический очерк: От начала проповеди евангельской в пределах Великой Греции, до конца XVII столетия ⟨25 июня 1859⟩ / Иер. Арс. — С. 53–94.

404. **Беляев И. Д**. Крестьяне на Руси: (Позднейшее время): Крестьяне крепостные / И. Беляев. — С. 95–180.

405. **Повесть о бражнике** / ⟨Публ. Н. Я. Аристова⟩. — С. 181–183. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 181, сообщающего, что рукопись представлена Н. Я. Аристовым⟩.

406. **Аксаков К. С**. Примечание[63] («Предлагаемая читателям „Повесть о бражнике“ в высшей степени замечательна...» / К. А. — С. 184–188.

---

[63] В суммарном оглавлении за год замечание называется: Примечание к народной повести о бражнике.

Отд. III: Критика

407. **Аксаков К. С.** ⟨Рец. на кн.:⟩ Опыт исторической грамматики русского языка, Ф. Буслаева. Москва, 1859 года. 2 части: (Окончание) / К. Аксаков. — С. 1–114.
408. **Аксаков К. С.** Примечания (к первой половине критики, см. «Р⟨усскую⟩ б⟨еседу⟩», т. V) / К. А. — С. 115–122.
409. **Аксаков И. С.** От редакции («Благодарим нашу даровитую писательницу за выяснение нам ее собственной мысли и задачи...») / Ред. — С. 123–124.
410. **Кохановская (Соханская) Н. С.** Ответ г. Г—ву на критический отзыв о повести «Из провинциальной галереи портретов» («Русская беседа», 1859 г. Книга III) / Кохановская. — С. 124–152. ⟨О рецензии Н. П. Гилярова-Платонова; примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 129–131⟩.

Отд. V: Смесь

411. **Якушкин П. И.** Путевые записки из Псковской губернии ⟨15–22 авг. 1859⟩ / Павел Якушкин. — С. 1–48.
412. **Миличевич М.** Сербская община / М. Миличевич; ⟨пер. с серб. М. П. Петровского (?)⟩. — С. 49–64. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 52, 54, 58⟩.
413. **Мацеевский В. А.** Голос из Польши по случаю спора современных русских писателей о начале и развитии общины, как старославянской вообще, так и русской в особенности ⟨окт. 1859, Варшава⟩ / В. А. Мацеевский; ⟨пер. с пол. П. А. Кулиша[64]⟩. — С. 65–80. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 65, 66, 69, 70, 72, 75–78 и *Пер.* на с. 80⟩.
414. **Казначич И. А.**[65] ⟨?⟩ Протест галицких русинов против австрийского министерства, в защиту народного образования и языка: (Заимствовано из памятной записки одного из членов комиссии, наряженной Министерством просвещения в м⟨есяце⟩ мае 1859 г. в Лемберге, для введения между галицкими русинами латинского письма) ⟨3 июня 1859, Лемберг⟩ / ⟨Без подписи⟩; ⟨пер. М. П. Петровского (?)⟩. — С. 81–92. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова] на с. 81–82 и *Пер.*, *Перев.* на с. 91–92⟩.

---

[64] Ист. атриб.: Из переписки В. А. Мацеёвского с русским учеными / Сообщ. В. А. Францев. М., 1901. С. 44

[65] Атрибутируется предположительно — по сообщению И. Аксакова в письме от 4 декабря 1859 г.: «Казначич, живущий в Дубровнике, автор одной статьи, помещенной нами в „Беседе"...» (*Аксаков И. С.* Письма к М. Ф. Раевскому. С. 205).

415.* **Максимович М. А.** О приезде Богдана Хмельницкого в Киев из Замостья: (Пятое письмо к М. П. Погодину) ⟨9 нояб. 1859⟩ / М. Максимович. — С. 93–100.

416. **Аксаков И. С.** ⟨Предисловие («Статья, помещенная в V книге нашего журнала...») / Без подписи⟩. — С. 101–103.

417. **Последняя страница в деле г. Якушкина с псковскою полицией:**

I. **Гемпель В. Э.** Ответ на статью: «Проницательность и усердие губернской полиции» / ⟨В конце текста авт.:⟩ Псковский полицеймейстер Валериан Гемпель. — С. 103—107. ⟨Перепеч. из: С.-Петерб. ведомости. 1859. 4 нояб. № 239. С. 1059⟩;

II. **Якушкин П. И.** Ответ г. псковскому полицеймейстеру ⟨6 нояб. 1859, Москва⟩ / Павел Якушкин. — С. 107—110. ⟨Перепеч. из: *МВед*. 1859. 8 нояб. № 266. С. 1898–1899⟩;

III. **Лебедев П. С.** Г⟨-н⟩. Якушкин и псковская губернская полиция: (Из «Русского инвалида») / П. Лебедев 3-й. — С. 111–112. ⟨Перепеч. из: Русский инвалид. 1859. 6 нояб. № 239. С. 973⟩.

⟨IV⟩. Вариант к статье г. Якушкина «Проницательность и усердие губернской полиции» / ⟨Написано от имени «псковичей»⟩. — С. 112–116. ⟨Перепеч. из: Там же. С. 973–974⟩.

⟨V⟩. **Гемпель В. Э.** Записка об арестовании г. Якушкина при псковской полиции / ⟨В конце текста в круглых скобках:⟩ Подписал майор Гемпель. — С. 116–119. ⟨Перепеч. из: Там же. С. 974–975⟩.

Приложения ⟨Перепеч. из: Там же. С. 975⟩:

⟨1.⟩ Псковская городская полиция, августа 29-го дня, в Харьковское уездное училище. — С. 119.

⟨2.⟩ Псковская городская полиция, августа 29-го дня, в Малоархангельский земский суд. — С. 119.

⟨3.⟩ Копия с расписки / ⟨В конце текста в круглых скобках авт.:⟩ губернский секретарь Павел Иванов Якушкин. — С. 120.

⟨4.⟩ Псковское губернское правление псковской городской полиции. — С. 120.

⟨5.⟩ Вопросные пункты, данные в присутствии псковской городской полиции отставному губернскому секретарю Павлу Иванову Якушкину, по делу о представлении им в полицию, для записания в явочную книгу, копии с объявления, выданного ему о потере отпускного вида. Августа 27-го дня 1859 года. — С. 120–122.

418. **Аксаков И. С.** ⟨Послесловие («Вот все данные. Рассмотрим и сравним их между собою...») / Без подписи⟩. — С. 123–136.

Оглавление статьям, помещенным в «Русской беседе» за 1859 год. — С. I–VI.

Опечатки в IV книге «Беседы», в статье г. Якушкина «Путевые письма из Новгородской губернии». — С. VI.

419. **Аксаков И. С.**[66] ⟨?⟩ Заключительное слово («Мы приостанавливаем издание „Русской беседы"...») / Русская Беседа. — С. I–VIII.

⟨Объявление о продаже 14 книг «прекратившегося издания» «Сельское благоустройство»⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о подписке на «Русскую беседу»⟩. — 4-я с. обл.

1860 год

Книга I (XIX) ⟨ц. р. 24 апр. 1860; цензоры А. Н. Драшусов, Н. П. Гиляров-Платонов⟩

420. **Кошелев А. С.** Об издании «Русской беседы» в 1860 году / Издатель А. Кошелев. — 2-я с. обл.

Оглавление. — С. I–II.

Отд. I: Изящная словесность

421. **Хомяков А. С.** Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности:

I. Ответ председателя, сказанный д⟨ействительному⟩ ч⟨лену⟩ И. В. Селиванову на его вступительное слово, в заседании 4 февраля 1859 г. — С. 1–5;

II. Ответ председателя, сказанный д⟨ействительному⟩ ч⟨лену⟩ гр. Л. Н. Толстому на его вступительное слово, в заседании 4 февраля 1859 г. — С. 6–8;

---

[66] Эта статья атрибутируется И. С. Аксакову в ряде серьезных работ; см., например: *Пирожкова*. С. 155; текст републ.: *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст. В. Н. Грекова. М., 2002. С. 107–110. И о Кошелеве, и об И. Аксакове в «Заключительном слове» говорится в 3-м лице. Косвенно об авторстве Аксакова могут свидетельствовать его письма 1859 г.: к Н. С. Кохановской (от 21 ноября) и к прот. М. Ф. Раевскому (от 4 декабря), которым он высылал оттиски «Заключительного слова», не упоминая об авторстве Кошелева (см.: Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской): (Сообщ. О. Г. Аксакова) // *РО*. 1897. Т. 43, февр. С. 604–608; *Аксаков И. С.* Письма к М. Ф. Раевскому. С. 204), а также письмо Хомякова с оценкой «Заключительного слова», адресованное именно И. Аксакову (*Хомяков*. Т. VIII. С. 371). Об авторстве Кошелева см.: *Колюпанов*. Т. II. С. 276; см. также, со ссылкой на автограф: *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелева. С. 8. Не исключено, что у заметки два автора: Аксаков и Кошелев.

III. Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества, читанная председателем в публичном заседании марта 26, 1859 г. — С. 8–19;

IV. Речь о причинах учреждения Общества любителей словесности в Москве, читанная в публичном заседании 26 апреля 1859 г. — С. 20–29;

V. Речь председателя, в публичном заседании 2-го февраля 1860 г. — С. 30–38 ⟨Обзор русской литературы за 1859 г.; О гласности⟩;

VI. Речь председателя, в публичном заседании 6 марта 1860 г. — С. 38–40 / А. Хомяков ⟨Обзор русской литературы за 1859 г.; о гласности⟩.

422. **Кохановская (Соханская) Н. С.** Несколько русских песен / Кохановская. — С. 41–132. ⟨Примеч. *Ред.* [А. С. Хомякова][67] на с. 41, 43, 45–46 и *А. Х.* [А. С. Хомякова] на с. 99–100⟩.

⟨I.⟩ Молодецкие песни:

⟨1.⟩ «На улице широко́й, широко́й...» — С. 51;
⟨2.⟩ «Березничек кустоватый...» — С. 51–52;
⟨3.⟩ «За мостом, мостом...» — С. 52;
⟨4.⟩ «Что ходил молодец дорогою...» — С. 52–53;
⟨5.⟩ «Не туман в поле расстилается...» — С. 53;
⟨6.⟩ «Ой и Петр Степанович!..» — С. 53–54;
⟨7.⟩ «Ой, кто у нас по улице пошел?..» — С. 55;
⟨8.⟩ «Да на тихом было Дунае...» — С. 55;
⟨9.⟩ «Не летай-летай, голубчик...» — С. 56–57;
⟨10.⟩ «Охоч был молодец по пирам ходить...» — С. 57;

⟨II.⟩ Девичьи песни:

⟨1.⟩ «У ворот, у ворот разлив разливается...» — С. 57–58;
⟨2.⟩ «Ка́лина ты ма́лина...» — С. 58;
⟨3.⟩ «Посвищи, посвищи, соловушка у саду...» — С. 59;
⟨4.⟩ «В нас на улице на широкой...» — С. 59;
⟨5.⟩ «Во лугах, во лужочках...» — С. 59–60;
⟨6.⟩ «По лугам вода разливалася...» — С. 60;
⟨7.⟩ «А в нас во Николе во приходе...» — С. 61–62;
⟨8.⟩ «Травушка-муравушка...» — С. 62–63;
⟨9.⟩ «Цвели, цвели цветики...» — С. 63;
⟨10.⟩ «Ой, во каменных во палатах...» — С. 64;
⟨11.⟩ «Веселая голова...» — С. 64–65;

---

[67] Ист. атриб.: *Хомяков*. Т. III. С. 173–177.

〈12.〉 «Ой ты, зимушка-зима...» — С. 65;
〈13.〉 «Под окном девка стояла...» — С. 65;
〈14.〉 «Ой, не пыль в поле запылилася...» — С. 65–66;
〈15.〉 «Ой, ночка, ты, ночка...» — С. 66–67;
〈16.〉 «По горам было, по горам...» — С. 67–68;
〈17.〉 «Во саду ли, в огороде девица гуляла...» — С. 68;
〈18.〉 «Ой ты, девка, девка красная...» — С. 68–69;
〈19.〉 «На бережку на крутеньком...» — С. 69–70;
〈20.〉 «Против красна солнышка...» — С. 70;
〈21.〉 «Ой, сени, мои сени...» — С. 71;
〈22.〉 «По улице, по улице...» — С. 71–72;
〈23.〉 «Ох, девка ты, девка красная!..» — С. 73;
〈24.〉 «На горе, горе, на крутой горе...» — С. 73–74;
〈III.〉 Песни жениха:
〈1.〉 «А травушка трухмена...» — С. 75;
〈2.〉 «Ой, улица моя, да ты широка́я!..» — С. 75–76;
〈3.〉 «Бел заюшка, бел заюшка...» — С. 76–77;
〈4.〉 «По грузды ходила, в гаю заблудила...» — С. 77;
〈5.〉 «Ой по́д лесом, лесом...» — С. 77;
〈6.〉 «Шелкова ниточка к стене льнет...» — С. 78;
〈7.〉 «Как-то тебе, бел заюшка...» — С. 78;
〈IV.〉 Песни невесты:
〈1.〉 «Ой, рябая перепелушка...» — С. 79;
〈2.〉 «Зиму-лето сосенушка зелена...» — С. 79;
〈3.〉 «Шунули ветры по чистому полю...» — С. 79–80;
〈4.〉 «Ишли девки по улице гурьбою...» — С. 80;
〈5.〉 «На синем, синем на́ море...» — С. 80–81;
〈6.〉 «В нас по морю, морю...» — С. 81–82;
〈7.〉 «По речушке по быстренькой рой плывет...» — С. 82–83;
〈8.〉 «Белый лен при дороге...» — С. 83;
〈9.〉 «При дороге лен, лен...» — С. 84;
〈10.〉 «Ехала да Марья-свет со двора...» — С. 84–85;
〈11.〉 «А кумушки пьют...» — С. 87–88;
〈12.〉 «В моем саду чернило...» — С. 88–89;
〈13.〉 «У ворот, ворот трава мурава...» — С. 89–90;
〈14.〉 «Вы беличкн-румянички мои...» — С. 90;
〈15.〉 «Ой, улица моя, улица...» — С. 91;
〈16.〉 «Ой, и кто у нас на коне сидит...» — С. 91–92;
〈17.〉 «Вниз по речушке гоголушка плывет...» — С. 92;

⟨18.⟩ «Вы раздайтесь, расступитесь...» — С. 93–94;
⟨19.⟩ «Ой, во лузях зеленых, во лузях...» — С. 94;
⟨20.⟩ «На́ море, мо́ре, да на синем на море...» — С. 94–95;

⟨V. Песни замужней женщины:⟩
⟨1.⟩ «По улице добрый молодец идет...» — С. 95;
⟨2.⟩ «По погребу бочоночек катается...» — С. 96;
⟨3.⟩ «Ой, на горе дуб, дуб...» — С. 96;
⟨4.⟩ «Ой, в нас на улице...» — С. 96–97;
⟨5.⟩ «Я по улице ходила...» — С. 97;
⟨6.⟩ «У меня ль, у красной девушки...» — С. 98–99;
⟨7.⟩ «Я из рук, из ног кровать смощу...» — С. 99;
⟨8.⟩ «В лугах, лугах, зеленых лугах...» — С. 102;
⟨9.⟩ «За горами, горами...» — С. 102–103;
⟨10.⟩ «Не спится мне, красной девушке, не спится...» — С. 103;
⟨11.⟩ «Ой, ты де́вица, красавица моя...» — С. 103;
⟨12.⟩ «Ходил мо́лодец кружочком...» — С. 104;
⟨13.⟩ «Белолица, круглолица...» — С. 104–105;

⟨VI. Песни монахини:⟩
⟨1.⟩ «Кудрявому деревцу...» — С. 105–106;
⟨2.⟩ «За вратами, воротами...» — С. 106–107;

⟨VII. Песни вдовы:⟩
⟨1.⟩ «Ой, и всплакнула вдовушка...» — С. 107–108;
⟨2.⟩ «Высоко я сижу...» — С. 108–109;
⟨3.⟩ «Ой, по улице туман расстилался...» — С. 109;
⟨4.⟩ «У батюшкиных ворот...» — С. 109–110;

⟨VIII. Песни о матери:⟩
⟨1.⟩ «Ой, спасибо зеленому кувшину...» — С. 110;
⟨2.⟩ «На желтеньком, на сыпученьком...» — С. 110–111;

⟨IX. Песни удалого молодца:⟩
⟨1.⟩ «Ой, не белая береза зашаталася...» — С. 111–112;
⟨2.⟩ «Мимо лесу, мимо темного...» — С. 112;
⟨3.⟩ «Что во горенке, под окошечком...» — С. 113;

⟨X. Шуточные песни:⟩
⟨1.⟩ «А на горке избушка травчатая...» — С. 114;
⟨2.⟩ «Гулюшка, голубок...» — С. 115;
⟨3.⟩ «Ой, я палася-перепалася...» — С. 115–116;

⟨XI. Песни о брате и сестре:⟩
⟨1.⟩ «Ой, на дворе дождь, дождь...» — С. 117;

⟨2.⟩ «А ходила я по сыром бору...» — С. 117–118;
⟨3.⟩ «Ой, за речкою хмель, за быстрою хмель!..» — С. 118;
⟨XII. Песни о супружестве:⟩
⟨1.⟩ «Батюшке я говорила...» — С. 119;
⟨2.⟩ «Зеленейся, зеленейся...» — С. 119;
⟨3.⟩ «Сосенка, сосенушка зелененькая...» — С. 120;
⟨4.⟩ «А чужие мужья добры...» — С. 120–121;
⟨5.⟩ «Поехал мой муж пахати...» — С. 121;
⟨6.⟩ «Поехал муж в поле...» — С. 121–123;
⟨7.⟩ «А мой мужичишка с кулачишко...»: ⟨Фрагмент, так как, «к сожалению, матушка не могла припомнить начала»⟩. — С. 123–118;
⟨8.⟩ «По заре да по зорюшке...» — С. 123–124;
⟨9.⟩ «Да калина-малина весной сажена...» — С. 124;
⟨10.⟩ «Лебедь мой, лебедек...» — С. 125–126;
⟨11.⟩ «Сосенка, сосенушка...» — С. 126;
⟨12.⟩ «Не сон мою головушку клонит...» — С. 127;
⟨13.⟩ «По улице, улице...» — С. 127–128;
⟨14.⟩ «Ой, не ноет мое сердце...» — С. 128;
⟨15.⟩ «Оженился молодец...» — С. 128–129;
⟨X. Песни о любовной «страсти»:⟩
⟨1.⟩ «То-то тошно, то-то грустно...» — С. 130;
⟨2.⟩ «Милая, хорошая сударушка моя!..» — С. 130;
⟨3.⟩ «Вылетала голубина на долину...» — С. 130–131;
⟨4.⟩ «Ой, под сóсною, под зеленою...». — С. 131.

Стихотворение

423. **Аксаков И. С.** «На встречу вещего пророка...» ⟨24 февр. 1860, Мюнхен⟩ / И. Аксаков. — С. 133–136.

Отд. II: Науки

424.* **Погодин М. П.** Суд над царевичем Алексеем Петровичем: Эпизод из жизни Петра Великого ⟨29 дек. 1859⟩ / М. Погодин. — С. 1–86.

Приложения ⟨с примеч. М. П. Погодина на с. 90–92, 94, 96, 97, 101, 102, 108⟩:

I. **Голиков И. И.** О занятиях Петровых, в продолжение Московского розыска, по Голикову. — С. 87–103;

II. **Алексей Петрович**. Письма царевича Алексея Петровича к отцу: Из собрания, изданного г. Мурзакевичем в Одессе в 1849 году. — С. 103–108;

III. **Сорокин А. Е.** Нынешнее положение Преображенского в Москве: (Исследовано, по моему поручению, А. Е. Сорокиным, старожилом преображенским). — С. 108–110. ⟨На вклейке между с. 110 и 111 — план Преображенского сер. XIX в. с обозначением местонахождения исторических объектов⟩.

425. **Даль В. И.** О русском словаре: Речь, читанная в Обществе любителей российской словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 г. / В. Даль. — С. 111–130.

426. **Ордынский Б. И.** Отпадение Греции от Турции и европейская политика того времени, относительно Греции и Турции: (Σπυρίδωνος Τρικούπη ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως. История Эллинского восстания, Спиридона Трикупа. Три тома. Лондон, 1853): Характеристика Эллинского восстания. — Причины и поводы к нему. — Как приняли европейские державы и Турция известие о нем. — Неистовства турок. — Европейская политика относительно Греции и Турции. — Морские силы эллинов в начале восстания / Б. Ордынский. — С. 131–184.

Отд. III: Критика

427. **Аксаков К. С.** ⟨Рец. на кн.:⟩ История России с древнейших времен, соч. Сергия Соловьева. Т. VIII / Константин Аксаков. — С. 1–34.

428. **Бессонов П. А.** Несколько данных по поводу статьи г. Викторова: Библиотека и историческая деятельность Московской Синодальной типографии («Моск. ведом.», 1859 г., №№ 285, 288 и 291) / П. Бессонов. — С. 35–62.

429. **Хомяков А. С.** ⟨Рец. на:⟩ Собирание бабочек, статья С. Т. Аксакова («Братчина», ч. I, 1859 г.) / Р. Б. — С. 63–64.

Отд. IV: Смесь

430.* **Гильфердинг А. Ф.** Историческое право хорватского народа: ⟨Рец. на кн.:⟩ La Croatie et le confédération Italienne; avec une introduction par L. Léouzon le Duc. Paris, 1859 / А. Гильфердинг. — С. 1–14.

431. **Мордовцев Д. Л.** Самозванец Степан Малый / Д. Мордовцев. — С. 15–50. ⟨Примеч. *Ред.* [И. С. Аксакова?] на с. 15⟩.

432. Людвиг Штур: ⟨Некролог / Авт. не указан; в конце текста в круглых скобках:⟩ Перевод с немецкого подлинника, доставленного из Праги. — С. 51–60.
433. **Кононов А. А.** Федор Иванович Линденер: (Отрывок из Записок А. А. Кононова) / А. Кононов. — С. 61–76.
434. **Кононов А. А.** На ординарцах у Суворова, в Праге: (Из Записок А. А. Кононова) / А. Кононов. — С. 77–80.
435. **Лорер Н. И.** Из воспоминаний русского офицера: Париж 1814 года / Н. Л. — С. 81–118. ⟨Редакц. примеч. на с. 81⟩.
436. **Коколекин.**[68] О землевладении в Сибири: (Письмо из Иркутска) ⟨22 нояб. 1859⟩ / Переселенец. — С. 119–132.
437. **Аксаков К. С.** О драме г. Писемского: Горькая судьбина / К. А. — С. 133–134.
438. **Ламанский В. И.** Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете, 31 января 1860 г., при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» / В. Ламанский. — С. 135–148. ⟨Примеч. *Редакции* [И. С. Аксакова?][69] на с. 135⟩.
439. **Погодин М. П.** О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета, касательно происхождения Руси: ⟨I. Отчет московским друзьям; II. Отложенное до печати дополнение к диспуту: (Второе письмо к г. Костомарову)⟩ ⟨17 апр. 1860⟩ / М. Погодин. — С. 149–170.
440. **Хомяков А. С.** ⟨?⟩ Отметка о современной благотворительности / Р. Б. — С. 171–172.

Отд. V: Биография

441.* **Петровский М. П.** Михаил Иванович Веревкин: Очерк из истории русского образования в половине XVIII века / М. П—ий. — С. 1–24.
⟨Объявление о книгах и журналах, которые можно выписать из редакции «Русской беседы»⟩. — 3-я с. обл.
⟨Объявление о продаже вышедших в свет книг «Русской беседы»⟩. — 4-я с. обл.

---

[68] Не исключено, что на деле автор статьи — Ф. Ф. Кокошкин. См. примеч. 56 к наст. публикации.

[69] Основания для атриб. см.: Переписка двух славянофилов: (Сообщ. О. В. Покровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 1–32 (паг. 2-я).

Книга II (XX) ⟨ц. р. 31 дек. 1860;
цензоры Н. П. Гиляров-Платонов и А. Г. Петров⟩

Оглавление. — С. ⟨I–II⟩.

442. **Кошелев А. И.** ⟨?⟩ Предисловие («Не станем пояснять все печальное значение настоящей статьи...») / Русская Беседа. — С. 2.

443. **Хомяков А. С.** Предсмертное неоконченное сочинение А. С. Хомякова («Любезный Юрий Феодорович! Я не побоялся писать вам о философии...»). — С. 1, 3–30. ⟨Известно также под назв. «Второе философское письмо к Ю. Ф. Самарину»⟩.

Отд. I: Изящная словесность

444. **Аксаков С. Т.** Отрывок из повести «Наташа»: (Читан в публичном заседании Общества любителей российской словесности, 29 марта 1859) ⟨1858⟩ / С. Аксаков. — С. 1–20.

445. **Фатеев А. М.** Рассказ отставного солдата о Венгерском походе / А. Фатеев. — С. 21–70. ⟨Редакц. примеч. на с. 21⟩.

446. **Кохановская (Соханская) Н. С.** Остатки боярских песен / Кохановская. — С. 71–142.

⟨I. Хороводные песни:⟩

⟨1.⟩ «Я по сенюшкам хожу, млада, хожу...» — С. 72;

⟨2.⟩ «Через мой высок терем...» — С. 73;

⟨3.⟩ «Улица, улица ты широкая...» — С. 73–74;

⟨4.⟩ «Улица, улица...» — С. 74;

⟨II. Древние свадебные песни:⟩

⟨1.⟩ «Вы, луга мои зеленые!..» — С. 75;

⟨2.⟩ «Ой из поля, по́ля из чистого...» — С. 76;

⟨3.⟩ «Ой, сторожи, ой, сторожи-то Аннины братцы...» — С. 76–77;

⟨III. Героические песни:⟩

⟨1.⟩ «Ой, по́д лесом, ле́сом...» — С. 77–78;

⟨2.⟩ «Верная служаночка...» — С. 78–79;

⟨IV. «Сказочная» песня:⟩

«Не разливайся, мой тихий Дунай...» — С. 79;

⟨V. «Сговорные» девичьи песни:⟩

⟨1.⟩ «Середи было двора...» — С. 80;

⟨2.⟩ «За речкою за быстрою зелен сад растет...»: ⟨Фрагмент⟩. — С. 80;

⟨3.⟩ «Я не знала, не ведала...» — С. 80–81;

⟨4.⟩ «Ой, вечор-то мне матушка...» — С. 81–82;

⟨5.⟩ «Вжоль ты, Наталья-свет, вжоль ты Ивановна...»: ⟨Фрагмент⟩. — С. 134;
⟨XIII. «Стародавняя» песня невесты:⟩
«Уж и свет, мои высокие хоромы...» — С. 135;
⟨XIV. Величальные свадебные песни:⟩
⟨1.⟩ «Заря-зорюшка, Наталья...» — С. 135–136;
⟨2.⟩ «Ой, и кто у нас ягодка?..»: ⟨Фрагмент⟩. — С. 137;
⟨3.⟩ «Обошла город зарею...»: ⟨Фрагмент⟩. — С. 140;
⟨4.⟩ «Ой, ты умная, Настасья-свет...»: ⟨Фрагмент⟩. — С. 141–142.

Отд. II: Науки

447. **Беляев И. Д.** О круговой поруке на Руси / И. Беляев. — С. 1–100.
448. **Самарин Ю. Ф.**[70] От редакции («Помещая в нашем журнале первый отрывок из рукописи...») / ⟨Без подписи⟩. — С. 101–106.
449. **Хомяков А. С.** Отрывок из Записок А. С. Хомякова о всемирной истории: Распадение Римской империи. — Движение германских и славянских народов. — Религиозные споры на Востоке / ⟨В конце текста авт. не указан; подгот. текста Ю. Ф. Самарина и А. Ф. Гильфердинга[71]⟩. — С. 107–178. ⟨Примеч. *Ред.* [Ю. Ф. Самарина] на с. 159⟩.
450. **Исторические бумаги XVIII века** / ⟨Публ. и примеч. П. И. Бартенева на с. 179, 180, 183, 185–188, 191–197, 206, 210, 228, 230–232, 237, 239, 246, 254⟩:
А. Времен Анны Ивановны:
1. Отрывок, писанный рукою Анны Иоанновны. — С. 179 ⟨«Вопросные пункты» для допроса некоего заговорщика⟩;
2. Реестр, кто были в комедии. — С. 180;
3. Письма к императрице Анне Ивановне:
а) от графа С. А. Салтыкова ⟨2 мая 1732, Москва⟩. — С. 181–183;
б) от графа Г. П. Чернышева ⟨26 дек. 1734⟩. — С. 183–185;
4. Письмо к графу С. А. Салтыкову ⟨от П. Аршеневского и кн. А. Мустофина; 2 дек. 1732, Зарайск⟩. — 185–186;
5. Письма к жене Бирона:

---

[70] Ист. атриб.: *Самарин Ю. Ф.* Сочинения: ⟨В 12 т.⟩. М., 1900. Т. I. С. 247–252.
[71] Ист. атриб.: Там же. С. 247.

11) ⟨Письмо гр. И. И. Шувалова к кн. А. А. Безбородко о покупке «живописца князя Черкасского»; 29 июля 1779⟩. — С. 254;
12) ⟨Письмо еп. Антония (Герасимова-Зыбелина) к императрице Екатерине II с изъявлением благодарности; 12 окт. 1779, Нижний Новгород⟩. — С. 254–255;
13) ⟨Письмо еп. Антония (Герасимова-Зыбелина) к императрице Екатерине II о Казанском наместничестве; 3 нояб. 1781, Нижний Новгород⟩. — С. 255–256;
14) ⟨Письмо еп. Антония (Герасимова-Зыбелина) к императрице Екатерине II с изъявлением благодарности; б. г. и м.⟩. — С. 256;
15) ⟨Письмо еп. Антония (Герасимова-Зыбелина) к императрице Екатерине II с изъявлением благодарности за новое назначение; 20 мая 1782, Нижний Новгород⟩. — С. 257–258;
16) Заметка императрицы Екатерины II по поводу какой-то статьи в одной из иностранных газет 1791 г. ⟨на французском языке⟩. — С. 258.

Отд. III: Критика

451.* **Гильфердинг А. Ф.** Венгрия и славяне: ⟨Рец. на кн.:⟩ Jean de Hunyad, récit du XV-e siècle, précédé de, la Hongrie son génie et sa mission: Etude historique par Charles-Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859 ⟨нояб. 1860⟩ / А. Гильфердинг. — С. 1–42.

Отд. IV: Смесь

452.* **Гильфердинг А. Ф.** Чем поддерживается православная вера у южных славян? ⟨май 1860⟩ / А. Гильфердинг. — С. 1–28.
453. **Малый Я.**[72] ⟨?⟩ Чешская литература с 1774-го до 1848-го года / ⟨Без подписи⟩. — С. 29–46. ⟨Примеч. *Изд.* [А. И. Кошелева] на с. 29, сообщавшего, что статья «написана одним весьма известным чешским литератором»[73]⟩.

---

[72] Основания атриб.: *Бернштейн И. А.* Чешская литература в русской критике второй половины XIX в. // Из истории связей славянских литератур: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 38.

[73] Поэтому ошибочной следует признать атрибуцию этой статьи М. П. Погодину: *Колюпанов Н. П.* Перечень лиц, участвовавших в издании «Русской беседы»... С. 147. Но не исключено, что тот выступил ее переводчиком.

454. **Вышеславский А. В.** Севастополь в последние месяцы осады: (Из записок медика) / А. Вышеславской. — С. 47–96.

Отд. V: Биография

455.* **Бессонов П. А.** Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк ⟨1852, 1860⟩ / П. Бессонов. — С. 1–50.

В память об Алексее Степановиче Хомякове:*

456. **Погодин М. П.** Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове: Речь, произнесенная в публичном собрании Общества любителей российской словесности, при Московском университете, ноября 6, 1860 года / М. Погодин. — С. 2–28.

457. **Бартенев П. И.** Биографические воспоминания об А. С. Хомякове: (Читано в заседании Общества л⟨юбителей⟩ р⟨оссийской⟩ с⟨ловесности⟩, ноября 6, 1860 года) / П. Бартенев. — С. 29–38.

458. **Лонгинов М. Н.** А. С. Хомяков как председатель Общества любителей российской словесности: Речь, читанная секретарем Общества в заседании 6-го ноября 1860 года ⟨3 нояб. 1860⟩ / М. Лонгинов. — С. 39–46.

459. **Гильфердинг А. Ф.** О филологической деятельности покойного А. С. Хомякова: (Статья, читанная 6 ноября 1860, в заседании Общества любителей российской словесности) / А. Гильфердинг. — С. 47–54.

460. **Самарин Ю. Ф.** Хомяков и крестьянский вопрос: (Письмо к М. П. Погодину, читанное 6 ноября 1860, в заседании Общества любителей российской словесности) / Ю. Самарин. — С. 55–60.

461. **Гиляров-Платонов Н. П.** О судьбе убеждений: По поводу смерти А. С. Хомякова: (Речь, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности, 6 ноября 1860 г.) / Н. Г—в. — С. 61–88.

462. **Коссович К. А.** Несколько слов в память А. С. Хомякова: (Читано 7 октября 1860, в С.-Петербургском университете) / К. Коссович. — С. 89–98.

463. **Погодин М. П.** Константин Сергеевич Аксаков: ⟨Некролог⟩ ⟨28 дек. 1860⟩ / М. Погодин. — С. I–II.

Погрешности в биографическом очерке. — С. I–II.

⟨Объявление о книгах и журналах, которые можно выписать из редакции «Русской беседы»⟩. — 3-я с. обл.

⟨Объявление о продаже вышедших в свет книг «Русской беседы»⟩. — 4-я с. обл.

Особые приложения

464. **Аксаков К. С.** Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в двух действиях, с прологом: (Писано в 1851 г.) / Константин Аксаков. М.: В тип. Л. Степановой, 1856. 88 с. ⟨(Прил. к журн. «Русская беседа» на 1856 г., № 1)⟩.
465. Библиография за 1855 год. М.: Тип. Александра Семена, 1856. 104 с. (Прил. к журн. «Русская беседа» на 1856 г., № 3).
466. Имена сочинителей, переводчиков и издателей в азбучном порядке. М.: Тип. Александра Семена, 1855. VIII с. ⟨(Прил. к журн. «Русская беседа» на 1856 г., № 4)⟩.
467. **Межов В. И.**[74] Библиография за 1856 и 1857 гг., или Указатель книг, составленный на основании источников, доставленных из Императорской Публичной библиотеки / В. И. М. М.: «Русская беседа», 1859. ⟨2⟩, IV, 444 с.
468. **Крижанич Ю.**[75] Русское государство в половине XVII века: Рукопись времен царя Алексея Михайловича: ⟨Сокр. изд. в 6 вып.⟩ / Открыл и издал П. А. Бессонов; ⟨имя авт. не указано⟩. М., 1859. ⟨Часть текста парал. на рус. и лат. яз.; в рукописи назв.: «Разговоры об владетельству»; известно также под назв. «Политика»⟩.
   ⟨Вып. I⟩. ⟨6⟩, XXVIII, 64 с. (Прил. к 1 № «Русской беседы» за 1859 г.);
   ⟨Вып. II⟩. ⟨6⟩, 98 с. (Прил. ко 2 № «Русской беседы» за 1859 г.);
   ⟨Вып. III⟩. ⟨6⟩, 116 с. (Прил. к 3 № «Русской беседы» за 1859 г.);
   ⟨Вып. IV⟩. ⟨2⟩, VIII, 106 с. (Прил. к 4 № «Русской беседы» за 1859 г.);
   ⟨Вып. V⟩. ⟨2⟩, IV, 107–198 с. (Прил. к 5 № «Русской беседы» за 1859 г.);
   ⟨Вып. VI⟩. ⟨2⟩, X, 199–282 с. (Прил. к 6 № «Русской беседы» за 1859 г.).

---

[74] Ист. атриб.: *Фрадкина З. Л.* В. И. Межов (1830–1894) / Под ред. А. Д. Эйхенгольца. М., 1949. С. 60.

[75] Автор установлен по неподписанной статье профессора Московской духовной академии С. К. Смирнова «О сочинителе рукописи, открытой г. Бессоновым» (*МВед.* 1859. 7 апр. № 83. С. 623).

Приложение

Авторы «Русской беседы»*

* Арабские цифры отсылают к порядковым номерам в *ПР*; цифры, выделенные курсивом, — к текстам о данном авторе; если публикации не подписаны (б. п.) или вместо имени автора указан его псевдоним, это отмечается в круглых скобках при соответствующей позиции (цифре). При датах опускаются «г.» и «гг.».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейка 1

Вклейка 2

За помощь в подборе иллюстраций составители сборника благодарят сотрудников Литературного музея ИРЛИ Е. Ю. Герасимову, В. С. Логинову, Л. Е. Мисайлиди и Е. Н. Монахову.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГАРФ —	Государственный архив Российской Федерации (Москва).
ГЛМ —	Государственный литературный музей (отдел рукописей) (Москва).
ИРЛИ —	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (рукописный отдел) (Санкт-Петербург).
ОПИ ГИМ —	Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
РГАЛИ —	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ —	Российская государственная библиотека (Научно-исследовательский отдел рукописей) (Москва).
РГИА —	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ —	Российская национальная библиотека (отдел рукописей) (Санкт-Петербург).

Печатные источники

Аксаков в его письмах —	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистоляр. дневник 1838–1886 гг. / С предисл., коммент. и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. М., 2003–2004.
Аксаков. Письма к родным (1) —	Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. (Лит. памятники).
Аксаков. Письма к родным (2) —	Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. (Лит. памятники).
Барсуков —	Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. М., 1888–1910.
ГМ —	«Голос минувшего» (журнал).
ИВ —	«Исторический вестник» (журнал).

Колюпанов — <Колюпанов Н. П.>. Биография Александра Ивановича Кошелева: В 2 т. М., 1892.

Кошелев. Записки — Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. М., 2002. (Лит. памятники).

МВед — «Московские ведомости» (газета).

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Пирожкова — Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

РА — «Русский архив» (журнал).

РБ — «Русская беседа» (журнал).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РО — «Русское обозрение» (журнал).

РСт — «Русская старина» (журнал).

С — «Современник» (журнал).

Трубецкая — Трубецкая О., кн. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. I, кн. 1: Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса.

Хомяков — Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900–1904.

Хомяковский сборник — Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. I.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТАТЕЙНАЯ РОСПИСЬ

Научное издание

«Русская беседа»: История славянофильского журнала
Исследования. Материалы. Постатейная роспись

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
и Редакционной коллегией
серии «Славянофильский архив»

Директор издательства Е. И. Гончарова
Научный редактор О. Л. Фетисенко
Корректор Е. В. Бобрецова
Дизайн Е. П. Фокиной
Оригинал-макет И. И. Фокина

Подписано в печать 04.12.2010 г.
Формат 70×100 1/16.
Гарнитура Академия. Усл. печ. л. 35,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1001

Издательство «Пушкинский Дом»
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел. (812) 715 49 11
Факс (812) 343 09 38
www.pushkindom.ru
e-mail: pushkindom2008@yandex.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Реализация книг издательства за пределами Российской Федерации:
KUBON & SAGNER Buchexport-Import GmbH
Heßstrasse 39/41. D-80798. München (Germany)
www.kubon-sagner.de

В оформлении обложки использована картина П. П. Верещагина
«Вид Московского кремля со стороны Английской набережной» (1879)